

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

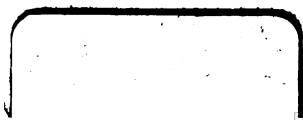
О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 07920052 7

Vreinya appeared 1861 - 1863

In 1863 only these 4 Nos. Jan - April
were issued.

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И. ДОСТОЕВСКАГО

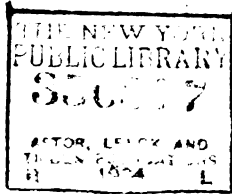
№ 1. ЯНВАРЬ

NEW YORK
PUBLIC
LIBRARY

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВДУРАА ПРАЦА

1863

ВЪ
1863
ГЛАВНІ

Одобрено ценсурю. С. Петербургъ, 11 января 1863 года.

ИЗЪ ЗАПСОКЪ СЛѢДОВАТЕЛЯ

ВЪ АРЕСТАНТСКОЙ РОТѢ

IV

КОСУШКА ВОДКИ

Въ послѣднихъ числахъ октября 18... года я получилъ такого рода извѣщеніе:

— Сего 22 октября, проживающая въ Козьей улицѣ солдатка Дарья Яковлева была ранена въ грудь ножомъ. Для излеченія отъ таковой раны она Яковлева отправлена въ городскую больницу; подозрѣваемый же въ нанесеніи ей раны рядовой Степанъ Прокофьевъ содержится на главной гауптвахтѣ. О чемъ городская полиція и имѣетъ честь увѣдомить васъ для производства слѣдствія.

Къ фактическому увѣдомленію полиціи былъ приложенъ складень-ножикъ, четверти въ полторы длиной; на остромъ концѣ ножа осталось нѣсколько засохшихъ кровавыхъ пятенъ.

Чтобы дополнить и пояснить законическое увѣдомленіе полиціи, я отправился въ больницу. Дежурный лекаръ сказалъ мнѣ, что раны Яковлевой хоть и очень серьезны, но что она въ настоящее время находится въ полномъ сознаніи и разговоръ не можетъ особенно болѣзненно дѣйствовать на нее.

Я освидѣтельствовалъ Яковлеву: на ней было три раны, одна на груди, и двѣ на рукахъ, выше локтя; особенно была глубока грудная рана. Кромѣ того у Яковлевой были изрѣзаны пальцы, которыми хваталась она за ножъ, чтобы предохранить грудь отъ ударовъ. Дарья было лѣтъ двадцать-шесть, лицо ея было некрасиво.

— Ну, что Дарья, какъ ты себя чувствуешь? спросилъ я больную, когда фельдшеръ окончилъ перевязку.

— Ничего, батюшка, только ужъ очень больно.

— Кто это тебя Дарья?

Дарья открыла глаза и посмотрѣла на меня.

— Да вотъ онъ, злодѣй-то мой... Кому больше.

— Кто? Степанъ Прокофьевъ, чтоли?

— Онъ, онъ сгубилъ мою душеньку.

— Да за чтоже онъ тебя?

— Ну, поди ты съ нимъ, и сама не знаю за что; такъ вотъ взошло въ голову, смутилъ окаянный, — онъ меня и прысть.

— Да чтоже ты жила чтоли съ нимъ?

— Какъ же, батюшка, не жить. Вотъ ужъ четвертый годъ таскаюсь я съ нимъ. И допрежь съ свѣту бѣлаго согналъ совсѣмъ, а ужъ это, подиткось и не знай што.

— Стало онъ и прежде съ тобой дурно поступалъ?

— Извѣстное дѣло, человѣкъ взбалмошный: вступитъ что въ голову, вынь да положи ему, — убью говорить, какъ собаку убью.

— Отчего же ты не бросила его?

— Глупость-то наша женская. Ну вотъ такъ, словно обошолъ онъ меня чѣмъ.

— Да вѣдь была же какая причина, что рѣшился онъ на такое дѣло. За него спасибо не скажутъ, Степанъ зналъ это.

— Какая причина. Да просто безо всякой причины. Мы, знаете ли, живемъ теперь въ банѣ: хозяйка изъ горницы насъ выгнала, постояльцевъ на ярманку пустила. Вотъ сижу я на полкѣ, да вяжу чулокъ, а онъ, Прокофьевъ-то, и приходитъ ко мнѣ. Ну, перва сталъ разговаривать такъ хорошоохонько, чистый понедѣльникъ шолъ, въ ротной банѣ былъ. А тамъ и говоритъ мнѣ: дай ему на полштофъ, опохмѣлиться дескать послѣ прощенного дня хочу. Я ему и молвлю, гдѣ я тебѣ возьму на полштофъ: чернаго-то хлѣба нѣтъ, не токма што водки. Пристаеть: заложить ему что съ себя. Да чѣго, говорю, заложить, одна у меня гуня-то, да за нее и шкалика напросишься. Ну, я замолчала, и онъ ничего. Потомъ опять разговоры повели; сталъ онъ межъ прочимъ говорить: пойдемъ съ нимъ въ кабакъ, деньги у него есть на косушкѣ; я не въ часъ и молви: какое нынѣче въ кабакъ, онѣ добрые люди въ ротъ ничего не берутъ, а ты въ кабакъ зовешь. Нѣтъ, все злодѣй не унимается: пойдемъ да пойдемъ; я нейду, онъ меня за рукавъ схватилъ, тащить сталъ

съ полка, рукавъ у платья оторвалъ, потомъ за руки сталъ тащить; я знаешь упираюсь. А на ту пору на столѣ около полка ножикъ лежалъ, онъ схватилъ его, да какъ прыснетъ меня въ грудь: «такъ на же говорить тебѣ стерва, чертовка проклятая!» — я было схватилась за ножикъ, а онъ вырветъ его у меня изъ рукъ, да вдругорядъ прыснулъ. Я такъ не вспомнилась. И не знаю что было ужъ.

Дарья, приподнявшись при послѣднихъ словахъ, опять упала на подушки и стала тяжело дышать. Я отошелъ отъ нея. Во все время рассказа, даже и тогда, когда вырывались бранныя слова, я незамѣтилъ чтобы Дарья была возмущена поступкомъ Прокофьева.

Черезъ нѣсколько минутъ Дарья начала опять ровно дышать, я подошелъ къ ней.

— Неужели тебя Прокофьевъ только за это ударилъ? Ты быть можетъ скрываешься передо мной, сама въ чемъ виновата предъ Степаномъ?

— Что мнѣ, батюшка, передъ тобой таиться, можетъ и жить-то мнѣ часъ какой остался, у Бога нескроешься; я и священнику на духу вчерась тоже сказала что и тебѣ, — не вѣришь мнѣ, у него спроси, онъ все повѣдаетъ тебѣ.

— Ты быть-можетъ невѣрна была Прокофьеву, другихъ любовниковъ имѣла, онъ узналъ, да и осердился на тебя.

— Чай не первый день живу съ нимъ? Четвертый годъ таскалась. У публичныхъ, — кто деньги даетъ тотъ и любовникъ. Только что Степанъ не изъ такихъ былъ у меня, — одинъ и былъ не въ урядѣ съ другими. Тѣ што: придуть да и уйдуть, а этотъ сердешный былъ даромъ.

— Развѣ ты публичная?

— Публичная.

— И Прокофьевъ зналъ объ этомъ?

— Кому же и знать-то какъ не ему, — съ перваго дня знакомства зналъ. Вѣдь онъ на дню-то почесъ разъ десять придетъ ко мнѣ. Вмѣстѣ съ гостями компанію водить, пьянствуеть.

Послѣ сиросовъ Дарья Яковлевой я немедленно отпривилъ требованіе, чтобы ко мнѣ привели Степана Прокофьева.

Прокофьевъ былъ молодой солдатъ съ умильно подвижнымъ лицомъ, непрерывное подергиванье мускуловъ на которомъ указывало его вспыльчивый, холерическій темпераментъ. Такъ какъ дѣло о нанесеніи ранъ Яковлевой было совершенно ясно (показаніе Дарья

подтвердила слово въ слово другая, проживающая съ ней женщина), то я полагалъ, что Прокофьевъ по первому же слову сознается.

— Что это ты надѣлалъ Прокофьевъ? спросилъ я его.

— Что такое, ваше благородіе?

— Да Дарью—то какъ ты всю исполосовалъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе.

— Какъ никакъ нѣтъ? развѣ не ты нанесъ ей раны.

— Не я, ваше благородіе.

— Она прямо указала на тебя, рассказала причину твоего проступка.

— Вретъ она, ваше благородіе. Развѣ у гуляющихъ дѣвокъ есть какая совѣсть, — онѣ ее всю по кабакамъ растранили. — Я перемѣнилъ тотчасъ же тактику.

— Впрочемъ дѣйствительно, мало ли что онѣ болтають: имъ на слово—то вѣрить нельзя.

— Всеконечно ваше благородіе. Она любовницей моей была, да непотребностямъ занималась; я ей выговаривалъ, чтобы она эф-дакую жизнь бросила вести, работой тамъ какой занялась; она вотъ единственно изъ—за того такой поклепъ на меня и возвела.

— Да ты былъ ли у ней, какъ она себя ножомъхватила? спросилъ я Прокофьева.

Прокофьевъ видимо окуражился, когда замѣтилъ, что я придаю вѣроятіе его словамъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, я въ понедѣльникъ—то и не былъ у Дарьи.

— Какъ же ты узналъ, что она надъ собой такое дѣло совершила?

Прокофьевъ призадумался.

— Въ ротъ узналъ, — какъ взяли—то меня. Я знашь спрашиваю за что это, братцы, меня берутъ.

— Кого же ты спросилъ—то?

— Непомню, ваше благородіе. Ужь оченно напугался я, отродясь не видалъ такого дѣла.

— Какого дѣла.

— Да вотъ, что взяли—то меня. Спрашиваю я, какъ взяли—то меня, они мнѣ и говорятъ. Дашку такъ-и-такъ ты порѣзалъ, душу христіанскую сгубилъ.

— Такъ ты и не былъ въ понедѣльникъ—то у Дарьи.

— Не былъ, ваше благородіе. Понапрасну она на меня такую бѣду взваливаетъ.

Надо вамъ замѣтить, что Прокофьевъ, ударивши въ послѣдній разъ Дарью, кинулъ ножъ и бросился бѣжать, неразбирая дороги, по огородамъ, по сугробамъ снѣгу домой. На полдорогѣ его видѣли два солдатика его же роты, испуганнаго, блѣднаго и тотчасъ же догадались, что съ нимъ случилось что-то неладное.

— А скажи пожалуста, Прокофьевъ, откуда ты бѣжалъ въ понедѣльникъ, часа въ четыре послѣ обѣда.

— Ни откуда ваше благородіе, я дома былъ въ эту пору.

— Какъ же тебя видѣли Стволонъ и Портуняенко.

Прокофьевъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ. Прошло нѣсколько секундъ молчанья.

— Виноватъ, ваше благородіе, задыхающимся голосомъ, едва слышно проговорилъ Прокофьевъ: — былъ у Дарьи.

— И ударилъ ее ножомъ?

Видно было, что въ Прокофьевѣ происходила страшная борьба, сознаться или нѣтъ въ своемъ поступкѣ: на подвижномъ лицѣ Прокофьева можно было читать всѣ симптомы этой борьбы. Наконецъ страхъ наказанія превозмогъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, скороговоркой почти закричалъ Прокофьевъ.

Я сталъ уговаривать Прокофьева сознаться, говорилъ, что полное сознание на многое уменьшитъ наказаніе, что при произнесеніи приговора должны принять во вниманіе вспылчивость, вслѣдствіе которой совершено преступленіе, а еще болѣе раскаяніе. Но Прокофьевъ не сознавался.

Во время моего разговора я замѣтилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шинели Прокофьева едва-едва видныя темныя, неопредѣленныя пятна: только на самомъ концѣ полы осталось совершенно явственное маленькое кровавое пятно.

— Ктоже такъ постарался надъ Дарьей?

— Сама, ваше благородіе.

Я не ожидалъ подобнаго оборота: по положенію ранъ на тѣлѣ Дарьи ясно было видно, что показаніе Прокофьева нелѣпость.

— При тебѣ.

— При мнѣ.

— Ну расскажи, какъ же это было.

— Я, ваше благородіе, пришолъ къ Дарьѣ-то, началъ съ замѣ-

шательствомъ и остановками Прокофьевъ : — а она сидитъ на полкѣ. Я съ ней разговаривать сталъ, ты что молъ не дѣлаешь ничего, гуляла масляницу, али гостей и нонѣ ждешь. А она, Дарья-то, ругать меня стала, что не въ свои дѣла мѣшаюсь.

— Ну чтоже?

— Ничего, только-что сильно ругалась, материнничала.

— Когда-жъ она ударила себя ножомъ-то?

— Ножомъ-то. Я сталъ ей выговаривать, а она пристала ко мнѣ, — дай ей денегъ на вино, голова слышь съ похмѣлья болитъ. А я ей: — какое нынче вино, день эдакой. А она надо полагать съ досады и хватила себя ножомъ.

— Гдѣже она сидѣла въ эту пору?

— На полкѣ.

— Чтоже она слѣзла чтоли съ полка?

— Нѣту, такъ на полкѣ и осталась; я какъ увидѣлъ эдакую бѣду, такъ съ испугу чтобъ въ отвѣтъ не попасть и бѣжалъ.

— Стало-быть ты такъ и недотрогивался до Дарьи?

— И не дотрогивался.

— Какъ же кровь-то на шинель къ тебѣ попалась?

Прокофьевъ взглянулъ на шинель и замѣтилъ на полѣ ея маленькое пятнышко.

— Непомню, ваше благородіе, можетъ и дотрогивался.

— Какъ же это ты не помнишь?

— Съ испугу, а наипаче съ вина.

— Развѣ ты пьянъ былъ на ту пору.

— Не вовсе пьянъ, а вышивши.

— Гдѣжъ ты пилъ вино?

— Въ кабацѣ, известное дѣло.

— Въ какомъ же кабацѣ?

— Мало ли ихъ, развѣ упомнишь, въ какомъ кабацѣ былъ.

— Ну, а какъ же у Дарьи вмѣсто одной раны очутилось три и пальцы все разрѣзаны?

— Не могу знать, ваше благородіе, развѣ я за все въ отвѣтъ долженъ идти? и то вотъ безвинный въ тюрьмѣ сижу.

Несмотря на всю видимую несостоятельность показаній Прокофьева, несмотря на замѣшательство, которое обнаруживалось въ немъ послѣ cadaго вопроса, на противорѣчіе съ прежде сказаннымъ, Прокофьевъ не отступалъ отъ того, что Дарья сама изранила себя, а

что показываетъ на него, Прокофьева, только потому, что онъ бранился за развратную жизнь.

Прокофьеву съ Дарьей нужно было дать очныя ставки. Я послалъ спросить Дарью, можетъ ли она видѣть Прокофьева; спросилъ медиковъ, не будетъ ли предполагаемое свиданіе имѣть вліяніе на дальнѣйшее выздоровленіе Дарьи, оказалось: что препятствій ни съ той ни съ другой стороны не было.

Безъ малѣйшаго признака злобы, безъ гнѣва встрѣтила Дарья Прокофьева. Мнѣ показалось, что она обрадовалась увидавши своего любовника. Зато черныя брови Прокофьева нахмурились, онъ крѣпко сжалъ губы.

— Вотъ Дарья, обратился я къ израненной: — Прокофьевъ не признаетъ, что изранилъ тебя: онъ говоритъ, что ты сама себя ударила ножомъ.

И безъ того большіе глаза Дарьи сдѣлались еще больше, когда она услышала послѣднія слова.

— Какъ, я сама ударила себя? Что ты, Степанъ, въ умѣ ли?

— Я—то въ умѣ, а ты вотъ видно его пропила, какъ на меня такую околесину несешь.

— Ахъ Степанъ, Степанъ, грѣхъ тебѣ эдакія слова про меня говорить; переносила отъ тебя я много, сколько разъ бивалъ ты меня, все молчала, а теперь душегубства мово захотѣлъ. Что я тебѣ сдѣлала, на што послѣднее съ себя снимала, да тебѣ отдавала. За это видно смерти моей ты пожелалъ.

— А ты полно казанской сиротой притворяться, да небылицы рассказывать. Сама на себя руку подняла, да...

— Гдѣ у тебя совѣсть—то, зѣнки твои безстыжіе.

— У меня совѣсть—то при мнѣ, а у тебя ея нѣтъ, — извѣстно, что публичная.

— Что публичная!.. Нетаскался бы съ публичной. Али ты думаешь, что коль публичная, такъ и Бога забыла, клевету нести буду. Коли—бъ знала я за тобой такія качества, глаза бы свои вырвала, чтобъ не смотрѣли на тебя.

— Ну и вырвала бы.

— Окаянный ты эдакой, пуще свѣту божьяго любила я тебя.

— То—то у тебя на дню по десятку нашего брата и бывало.

— Пошто же ты тиранствовалъ надо мной, коли денегъ тебѣ не давала. Поштожъ ты кровь мою день деньской пилъ.

Укоризны Дарьи язвили Прокофьева сильно. Видя, что очная

ставка ни к чему не ведетъ и боясь чтобы волненія не подѣйствовали вредно на здоровье Дарьи, я поспѣшилъ покончить сцену.

— Такъ, Дарья, онъ тебя ударилъ ножомъ?

— Онъ, — завтра Богу отвѣтъ быть—можетъ придется давать, такъ и скажу, онъ батюшка пусть разсудить.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, изъ злости баба городить.

— Богъ тебя проститъ Степанъ, не носила я жалобы никому, сама застрадалася вспоминаячи тебя. Тошнехонько мнѣ за тебя.

Это были послѣднія слова Дарьи Степану. Несмотря на предсказанія медиковъ, что рана не опасна, Дарья умерла не выходя изъ госпиталя. За день до смерти судорожно металась она на постели да звала Степана.

V

ПОСЛѢДНЯЯ СТРАНИЦА

По дѣлу Прокофьева мнѣ нужно было спросить, въ качествѣ свидѣтеля, дѣвушку, жившую съ Дарьей и видѣвшую весь ходъ происшествій. Надежда Чоботова (такъ звали свидѣтельницу) была зачислена тоже въ число публичныхъ. Я послалъ къ Чоботовой повѣстку, но мнѣ сказали, что она больна и никакъ не можетъ явиться къ слѣдствію; я къ ней отправился самъ.

Я много видѣлъ страшныхъ, поражающихъ картинъ бѣдности, одинокаго, глухого страданія; видѣлъ какъ умирали арестанты въ острогахъ, солдаты въ госпиталяхъ, но все это не оставляло по себѣ такого подавляющаго впечатлѣнія, какое вынесъ я изъ жилища Чоботовой. Вездѣ смерть встрѣчали какъ врага, съ нимъ завязывали страшную борьбу, отъ жизни все чего-то ждали, надѣялись; одна Чоботова все порѣшила съ жизнью: въ прошедшемъ для нея не существовало воспоминаній, — нищета, да развратъ, развратъ голодный, изъ-за куска черстваго хлѣба, изъ-за гроша денегъ давили ее. Въ настоящемъ... но настоящее Чоботовой вы узнаете изъ расказа.

На дворѣ мартъ мѣсяць, съ крышъ началась капель, въ воздухѣ пахнуло приближеніемъ весны. Въ одномъ изъ самыхъ глухихъ, отдаленныхъ городскихъ угловъ я нашолъ жилище Чоботовой.

— Здѣсь, чтоли, жила Дарья Яковлева? спросилъ я какую-то поповшуюся мнѣ старушонку.

— Это зарѣзана-то?

— Да.

— А тебѣ на што ее, родимый?

— Мнѣ не ее надобно, а другую, что съ ней проживала, Чоботову.

— Чоботову? Нѣтъ, такой здѣсь нѣтъ.

Въ это время подошла къ намъ еще растрепанная старушонка.

— Федулиха! слышь какую-то Чоботову спрашиваютъ, у насъ такихъ нѣтути?

— Чоботову? Да твоей милости не Надьку ли разноглазу надо?

— Она чтоли, съ Дарьей жила?

— Она.

— Ну, вотъ къ ней-то меня и ведите.

Черезъ нечистый, навозный дворъ мы подошли къ землянкѣ.

По городамъ небогатые люди, а въ деревняхъ всѣ — вмѣсто бань строятъ землянки. Только самый неприхотливый вкусъ, да самый твердый организмъ можетъ выдержать подобную ванну. Я невдаюсь въ описаніе землянки, потому что надѣюсь, что каждый видѣлъ ихъ. Какъ жилище, по удобствамъ она стоитъ ниже всякой лачуги. Когда я вошелъ прямо со двора въ показанную мнѣ землянку, я сначала ничего не могъ разсмотрѣть. Въ землянкѣ было почти что темно (хоть всего и былъ второй часъ дня): она освѣщалась окошечкомъ въ четверти полторы величиной, вмѣсто стекла, на половину заткнутомъ тряпкой; дымъ и чадъ, наполнявшіе землянку, ѣли глаза, на совершенно черныхъ, закоптѣлыхъ стѣнахъ каплями собралась сырость.

Прошло нѣсколько мгновеній: я привыкъ къ темнотѣ и чаду.

О-о-хъ! раздалось въ одномъ углу. Я обернулся въ тотъ уголокъ, откуда послышался стонъ. На лавкѣ была навалена куча отвратительно грязныхъ лохмотьевъ, подъ ними что-то шевелилось.

— Кто тутъ? спросилъ меня слабый, грудной голосъ.

— Мнѣ нужно Надежду Чоботову, это ты, чтоли?

— Я, что вамъ угодно?

Изъ подъ кучи лохмотьевъ, состоявшихъ, какъ потомъ я разсмотрѣлъ, изъ юбки и въ клочья изорваннаго салопы, показалась сначала женская голова, а потомъ и туловище. На дѣвушкѣ была толстая, какого-то сѣраго отъ грязи цвѣта рубашка.

Надеждѣ Чоботовой было не больше двадцати трехъ, четырехъ лѣтъ: какъ видно когда-то она была очень недурна собой; худоба ея

лица была поразительна; болѣзненный, порой вспыхивавшій румянецъ еще болѣе усиливалъ впечатлѣніе, оставленное молодымъ, изнеможеннымъ лицомъ умирающей. Удушливый кашель прерывалъ почти каждое слово Надежды; на полу около нея замѣтны были кровавыя пятна. Я засталъ едвали не послѣднія минуты борьбы между жизнью и смертью.

Я сѣлъ на полу около Надежды; въ неплотно притворяющуюся дверь, выходящую прямо на дворъ, несло холодомъ. Я хотѣлъ прихлопнуть дверь.

— Оставьте, вѣдь она все такъ. Видите какой холодъ здѣсь. На дворѣ теплѣе. Весна вѣдь скоро, а у меня зубъ на зубъ не попадетъ, заковенѣла вся. О-о-хъ.

Дѣвушка закашлялась.

— Что съ тобой, Надежда?

— Чахотка. Ровнымъ спокойнымъ голосомъ прошептала Надежда свой смертный приговоръ, но въ этомъ наружномъ спокойствіи сказала вся ужасная драма, ею пережитая. Страдальца смотрѣла прямо въ глаза смерти: она ждала ее съ спокойствіемъ безнадежнаго отчаянія, съ спокойствіемъ до конца разбитой жизни. Ни проклятія, ни мольбы не слышалось въ приговорѣ. Надеждѣ было все равно: ей нечего и неоткуда было ждать, некому и не за что было отвѣчать.

Итакъ безнадежно-спокойно умирала двадцати-трехлѣтняя дѣвушка.

Я началъ было успокоивать Надежду, говорить, что болѣзнь ея не такъ серьезно. Надежда меня слушала спокойно, ровно, какъ слушаетъ человѣкъ противорѣчія въ дѣлѣ, имъ окончательно и навсегда порѣшонномъ.

— Нѣтъ, ужъ я знаю, что чахотка, мнѣ лекаръ намеднясь сказалъ, какъ ходила я къ нему... я скоро умру.

— Полно, Надежда, зачѣмъ же умирать?

— А жить-то зачѣмъ?

Я ненашолся что отвѣтить Надеждѣ.

— Жить-то зачѣмъ мнѣ? продолжала Надежда. — Вы думаете, что ваша жизнь, то и наша. Побыли бы вы на нашемъ мѣстѣ.

— Я знаю, что тяжело.

— Ужъ такъ-то тяжело, что и сказать вамъ не умѣю; жалѣть нечего, одинъ конецъ; покрайности знаешь, что покойно лежать будешь. Никто обижать тебя не будетъ. Всякій наровитъ теперь на-

смѣхаться надъ тобой. Вдругорядъ съ голоду мрешь, — пляши, говорять, пѣсни пой. А кто не послушается? Одно слово гуляща... Ну...

Надежда не договорила своей мысли, ее сталъ душить кашель.

— Гуляща!.. Словно сердца нѣтъ у гулящей. Словно не живой челоуѣкъ гулящая, ломоть отрѣзанный. Кабы знали, да вѣдали они, какъ сердце болитъ у гулящей. Нешто ей самой нравится эта жизнь, нестыдно въ глаза людямъ смотрѣть. Что пьемъ-то мы. Да не цить-то какъ, — хоть на минуточку горе свое забудешь, сраму не помнишь. Вѣдь пальцемъ на тебя всѣ указываютъ. Смѣяться, да безчинствовать всѣ умѣють, — а нѣту, чтобы пожалѣть. Вѣдь вотъ собака другая лучше, чѣмъ я, издыхаетъ.

— Неужели ты одна лежишь здѣсь, никто не присмотритъ за тобой?

— А неужто кому дѣло есть. Извѣстно гулящая.

— Кто же тебѣ ѣсть носить?

— Ъсть-то. Да Федулиха, коль вспомнить. Ругается все: «скорожь издохнешь, говорить, въ убытки только вводишь.» Хоть бы смерть-то скорѣе пришла.

Въ это время въ закоптѣлое, разбитое оконце пробрался солнечный лучъ и упалъ на блѣдное, изнеможонное лицо умирающей, на грязныя лохмотья, прикрывавшія ея тѣло. Злѣе насмѣшки надъ челоуѣкомъ, какъ этотъ лучъ, говорившій о жизни, напоминавшей радость, судьба не могла придумать. Она была такъ же безучастна къ Надеждѣ, какъ тѣ люди, что заставляли ее голодную пѣть и плясать въ своихъ пьяныхъ оргіяхъ, что съ ругательствомъ бросали ей умирающей кусокъ черстваго хлѣба.

— Вотъ днемъ все какъ-то легче; слышишь, что люди ходять, а ужъ ночью очень тяжело. Вѣдь одна все лежу, и сна-то нѣтъ, кашель замучилъ. И воды-то некому подать, намеднясь вотъ тутъ поставила кувшинъ, — замерзла.

— Ты хоть бы въ больницѣ шла: тамъ покрайней-мѣрѣ людей видишь, все легче! тамъ и тепло есть.

— Да вѣдь тамъ деньги спрашиваютъ съ нашего брата. Да вотъ Софья недавно лежала въ больницѣ, какъ жаловалась, все говорить ужъ такъ тамъ нехорошо, почитай-что ѣсть не даютъ.

Самъ знаю очень хорошо положеніе нашихъ больницъ, но проведя парадель между ними и землянкой Надежды, я нашолъ, что больница все же имѣетъ преимущество; а потому сталъ уговаривать На-

дежду перейти въ больницу, принимая на себя хлопоты помѣстить ее тамъ даромъ.

— Нѣту, не пойду, недолго осталось... Въдь вонъ барбоска здохнулъ же недавно на дворѣ, а мнѣ кто не велѣлъ. Не велика барыня.

— Есть, что-ли, у тебя кто родные?

— Были, и отецъ былъ и мать была, теперъ не знаю. Чай и теперъ живы, знать-то меня не хотятъ. Да мнѣ все одно, недолго...

Надежда опять закашлялась.

— И тамъ жизнь некрасна была. Рада вырваться была, да не на радость вырвалась.

Отецъ Надежды Чоботовой былъ незначительный чиновникъ; хорошенькая дочка его привлекла вниманіе одного уѣзднаго франта; тотъ соблазнилъ ее, жилъ съ ней года два, потомъ бросилъ; отъ него Надя перешла къ другому, и идя обычнымъ путемъ, дошла до страшнаго конца.

— Не насмѣшничайте надъ нами, — и безъ того намъ тошнехонько, и безъ того смерти ждешь. Въдь не больно старуха я, мнѣ двадцать-третій годъ пошолъ, а я словно вѣкъ цѣлый изжила, глазышки бы мои на свѣтъ божій не смотрѣли, опостылѣлъ онъ мнѣ. О-о-хъ какъ тошнехонько мнѣ.

Больная стала метаться, глухой кашель все сильнѣе и сильнѣе сталъ душить ее, глаза Надежды налились кровью.

— О-о-хъ, смерть моя пришла, стонала Надя.

Я только могъ черезъ недѣлю опять навѣстить Надю. Таже Федулиха встрѣтила меня.

— Что Надя? спросилъ я Федулиху.

— Кончалась-та, родимый.

— Какъ кончалась?

— Вчера еще, вечеромъ. Такъ-таки и померла. Горемычная ея головушка.

Не слушая Федулихи, я бросился въ землянку Нади. Въ томъ же углу, подъ тѣми же грязными отрешьями лежала покойница, и такъ же какъ и прежде лучъ солнца, прокравшись въ разбитое оконце, освѣщалъ ея блѣдное лицо. Никто не видалъ, какъ умерла Надя. Безъ зрителей, безъ слезъ, безъ участія, прикрытая лохмотьями, покончила свой съ жизнью расчетъ «гуляющая» страдалица.

VI

САМОУВІЙЦА

Кажется, что ни на одномъ языкѣ нѣтъ слова, соответствующаго нашему «пить до чертиковъ», да кажется, что ни у одного народа пьянство не выработалось въ такое болѣзненно-безобразное явленіе, въ какое выработалось оно у насъ: и французъ пьетъ, и англичанинъ пьетъ, и нѣмецъ пьетъ, словомъ всѣ и вездѣ пьютъ, и пьютъ немало, по количеству вина еще больше нашего, но нигдѣ не напиваются до чертиковъ. Гдѣ причина такого грустнаго явленія? Въ личности ли, напивающейся до чертиковъ, въ социальной ли атмосферѣ, подготавливающей личность напиваться до чертиковъ?

Отвѣтить не трудно, стоитъ только вспомнить, кто у насъ напивается до чертиковъ. Баловни счастья, тѣ господа, что грязью обдаютъ бѣдняка, плетущагося мимо ихъ быстро-несущейся кареты, пьянствуютъ и развратничаютъ, но не пьютъ запоемъ; крестьянинъ, и тотъ *чаще всего* спасенъ отъ чертиковъ, отъ запоя — землей: земля привязываетъ его къ себѣ, даетъ хоть и трудный, но все же постоянный кусокъ хлѣба. Обыкновенно до чертей пьютъ мѣщане, пьютъ до чертей чиновники, пьютъ до чертей люди, которыхъ судьба преслѣдовала постоянно, тиранила изо-дня въ день, люди, которые ложась спать не знаютъ что будутъ ѣсть завтра, которымъ современное социальное устройство показало все, что есть въ немъ дурного, несостоятельнаго, люди, поставленные открыто противъ всѣхъ нападеній, лишонные средствъ къ защитѣ, ни внутри ни внѣ себя не находящіе опоры. Вдвинутый силою обстоятельствъ въ среду, требующую известной степени образования, мѣщанинъ, мелкій чиновникъ, вольноотпущенный и проч. воспитывается въ *идиллическихъ картинахъ* родимаго крова и въ *неменѣе идиллическихъ картинахъ* среды, посреди которой возвышаются родные пенаты: отецъ, запивая съ горя, часто колачивалъ свою семью, вымѣщая на ней собственное униженіе; его пріятель, такой же бѣднякъ и также занимающій съ горя, былъ самъ часто колачиваемъ въ публикѣ своей супругой. «Выпьемъ съ горя!» чаще всего раздавалось въ ухахъ бѣдняка, съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ впервые понимать значеніе слова и это «выпьемъ съ горя!» какъ прищѣвъ къ зауныв-

ной, надрывающей сердце пѣснѣ, гдѣ только и было словъ, что «нужда, кусокъ хлѣба, семья, да униженье» стало постоянно звучать въ его ушахъ. «Ужь не выпить ли и мнѣ съ горя?» было первое рѣшеніе, пришедшее на мысль бѣдняка въ тяжолоую минуту испытанія, а масса печальныхъ воспоминаній, безотрадное настоящее и такое же будущее, говорили ему «выпей, выпей, все легче будетъ; хоть на минуту, да забудешься.

Мнѣ разъ привелось быть свидѣтелемъ страшной картины. Часовъ въ десять ночи, запыхавшись, прибѣжалъ ко мнѣ разсыльный.

— Пожалуйте ваше благородіе, человекъ зарѣзался!

— Кто такой?

— Чиновникъ Синицынъ.

Другихъ свѣдѣній отъ разсыльнаго добиться было нельзя; я велѣлъ закладывать лошадь и поскакалъ на мѣсто совершенія катастрофы.

Синицынъ жилъ въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ переулковъ городишка; низенькіе, перекосившіеся дома, порой для предохраненія подпертые шестью, тѣсно жались другъ къ другу; около каждаго изъ нихъ возвышалась огромная куча навоза, грязь въ переулкѣ была ужасная, лошадь едва-едва могла волочить ноги; наружность домовъ лучше всякихъ вывѣсокъ показывала, что въ нихъ пріютилось все, что было самага горемычнаго, самага бездольнаго въ городскомъ населеніи.

У воротъ одного домишка тѣснилось человекъ тридцать народу; я подѣхалъ къ толпѣ.

— Не здѣсь ли живетъ чиновникъ Синицынъ? спросилъ я у чуйки, стоявшей впереди всѣхъ и о чемъ-то съ жаромъ говорившей.

— Здѣсь, батюшка, здѣсь, подь-ка-ты съ нимъ какой грѣхъ приключился, попуталъ-знать окаанный, руки на себя наложилъ, поспѣшила перебить другихъ низенькая старушонка.

— А ты што языкъ-то свой длинный суешь куда не спрашиваютъ, вишь слѣдовальщикъ, проговорилъ кто-то въ толпѣ.

Словоохотливая старушонка призатихла.

Меня ввели въ комнату, всю облитую мѣсячнымъ свѣтомъ; на полу лежала какая-то масса, прикрытая соломой; изъ-подъ нея по

покатости пола текла кровь: огромныя лужи этой крови видѣлись на постели; приподняли солому, — подъ ней лежалъ самоубійца. Я много видалъ умершихъ, но я никогда незнакомю такого страдальческаго выраженья, какимъ отмѣчено было лицо Синицына. Всѣ физическія и нравственныя страданія, вынесенныя покойникомъ въ продолженіи долгой жизни, оставили здѣсь рѣзкіе, неудобозабываемые слѣды; полузакрытые глаза покойника странно смотрѣли изъ-подъ густыхъ бровей; стиснутыя губы казалось заглушали послѣдній вопль, готовый вырваться изъ чахлой груди; и безъ того словно скелеть, обтянутый кожей, умершій казался еще блѣднѣе, еще изнеможоннѣе отъ луннаго свѣта, падавшаго на него. Въ комнатѣ было душно, кровью пахнуло, трупъ еще не остылъ.

Надо было сдѣлать наружный осмотръ. Покойникъ нанесъ себѣ главную рану ножомъ въ животъ, ножъ валялся тутъ же на полу; недалеко отъ ножа лежала нѣсколько-погнутая вилка. Я спросилъ женщину, у которой жилъ Синицынъ, какъ попала сюда окровавленная вилка.

— Да ужъ онъ какъ мучилъ-то себя горемышный, что и сказать нельзя; мало-что ножомъ брюхо себѣ распоролъ, да потомъ все вилкой себѣ тыкалъ «Вонъ, кричить, окаянныя.» О-о-хъ страсти-то какія! Нутро даже своими руками рвалъ.

Во время осмотра трупа я поднялъ вверхъ голову и вздрогнулъ: на меня съ печки смотрѣло чье-то лицо, обросшее сѣдыми волосами, чьи-то большіе бессмысленные глаза; несмотря на то, что въ комнатѣ насъ было человѣкъ шесть, — по тѣлу моему, подъ впечатлѣніемъ этихъ неподвижно устремленныхъ глазъ, пробѣжала холодная дрожь.

— Кто это тамъ? спросилъ я тихо женщину.

— Да его же старикъ, — отецъ Ивана Федорыча; вѣдь онъ, батюшка, поврежденный.

— Какъ поврежденный?

— Ужъ который теперь годокъ пошолъ — не въ своемъ все умѣ, такъ съ печки не слѣзаетъ, все молчитъ, да лежитъ больше.

— Чтоже, онъ видѣлъ какъ сынъ рѣзался?

— Все видѣлъ; какъ теперича на печкѣ лежитъ, такъ и о ту пору, рукой даже не пошевелилъ.

Представляю воображенію читателей нарисовать сцену, происшедшую за часъ до моего прихода на квартиру Синицына.

Несмотря на всю привычку ко всевозможным сценамъ, я не могъ долго оставаться въ квартирѣ покойника : недвижно-устремленный взглядъ помѣшаннаго старика-отца давилъ меня ; понятые сжались въ уголъ и старались избѣжать встрѣчи съ этимъ взглядомъ ; тишина въ комнатѣ еще больше увеличивала ужасъ сцены ; только и слышно было, какъ порывисто, тяжело дышалъ старикъ, не замѣчавшій, не понимавшій катастрофы, пронесшейся надъ его несчастнымъ сыномъ.

Я давно зналъ Сеницына (онъ служилъ писцомъ въ одномъ изъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ), а потому, прежде чѣмъ рассказывать послѣднюю катастрофу, я передамъ кратко его предыдущую жизнь.

Сеницынъ былъ изъ самыхъ смиренныхъ, самыхъ забытыхъ и самыхъ работающихъ чиновниковъ ; одинъ только порокъ и замѣчало за нимъ начальство : зашибать иногда любить и зашибать сильно, по нѣскольку дней сряду, а иногда и по цѣлой недѣлѣ. Впрочемъ Сеницынъ зашибалъ не часто : въ годъ разъ, или много-много два. Товарищей своихъ Сеницынъ чуждался, онъ больше молчалъ угрюмо ; придетъ бывало въ присутствіе, положить шапку, помолится передъ образомъ, вынетъ огромную связку бумагъ и начнетъ копать въ нихъ, — такъ до самаго конца присутствія ни разу иногда и не сойдетъ съ жесткаго стула. Всякія приказанія Сеницынъ выслушивалъ молча и тотчасъ принимался исполнять ихъ : возражений никогда и никто отъ него не слышалъ ; однакожъ, несмотря на аккуратность и исполнительность, служба Сеницыну не везла : предъ нимъ и его же товарищи высказывали въ столоначальники, секретари, обзаводились скотами и прочими благодатями, а онъ въ сорокъ лѣтъ оставался тѣмъ же писцомъ, какимъ и поступилъ, только жалованья прибавили за двадцатилѣтнюю службу, — прежде онъ получалъ три рубля серебромъ въ мѣсяцъ, а въ послѣднее время (не предъ самымъ началомъ катастрофы : тутъ, какъ мы увидимъ впоследствии, у Сеницына жалованья сильно убавили) одиннадцать.

Сеницынъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда въ немъ нуждались, служилъ постояннымъ центромъ для потѣхи товарищей : характеристической чертой его было глубокое цѣломудріе ; никогда съ устъ его не выходило скоромное слово и на это-то цѣломудріе больше всего и направлялись стрѣлы чиновнаго остроумія. Долго бывало отмалчи-

вается Синицынъ отъ навязчивыхъ приставаній, только какъ очень не втерпежъ станетъ, такъ скажетъ :

— Вѣдь я никого изъ васъ, господа, не трогаю, чтоже вы-то ко мнѣ съ такими все пакостями лѣзете.

При словѣ «пакость» Синицынъ всегда отплеывался въ сторону.

Синицынъ былъ мистикъ и большой богомоль; въ праздники онъ не пропускалъ ни одной церковной службы или если и пропустилъ, то въ періодъ своего зашибанья, да и то грѣхъ свой старался замолить постами и обильными земными поклонами; кромѣ священныхъ книгъ, другихъ Синицынъ не читалъ и чтеніе ихъ считалъ не за малый грѣхъ; изъ священныхъ же ему преимущественно нравились тѣ, гдѣ святые мужи и жены подвергались многочисленнымъ искушеніямъ со стороны бѣсовской силы.

Судьба не благоволила къ Синицыну съ дѣтства; отецъ его, тотъ самый помѣщаннй старикъ, что лежалъ на печи, былъ дьячкомъ въ одномъ изъ самыхъ бѣднѣйшихъ деревенскихъ приходоувъ; семья у старика была огромная, какъ она пробавлялась — богъ-вѣсть; впрочемъ изъ всей семьи ко времени разказа только и остались, что герой его, да двѣ сестры, бывшія замужемъ тоже за деревенскими причетниками.

Мнѣ сказывали, что отецъ Синицына сошолъ съ ума отъ страшныхъ потерь, понесенныхъ имъ въ холерный годъ: впродолженіи нѣсколькихъ дней онъ лишился трехъ сыновей (изъ которыхъ одинъ считался лучшимъ студентомъ духовной академіи, два же другихъ были уже священниками въ богатыхъ приходахъ) и жены, отправившейся въ могилу вслѣдъ за своими дѣтьми. Но и того судьбѣ показало мало: деревня, гдѣ былъ старикъ Синицынъ дьячкомъ, выгорѣла вся до тла; пожаръ случился во время страды, крестьяне и старикъ Синицынъ были въ полѣ, на работѣ; покуда успѣли они прибѣжать — села уже не существовало: на мѣстѣ его торчали однѣ только закоптѣвшія трубы, да обгорѣвшіе столбы. Вмѣстѣ съ избой старикъ Синицынъ лишился и всего убогаго скарба. Последнее горе совсѣмъ сломило старика и безъ того потрясеннаго смертью жены и дѣтей: онъ съ ума сошолъ. Помѣшательство старика было странное: если ему давали ѣсть, такъ онъ ѣлъ, не давали — самъ онъ никогда не спрашивалъ; что бы съ нимъ ни дѣлали онъ оставался все тѣмъ же неподвижнымъ и молчаливымъ. Только во все время своего помѣшательства старикъ разъ восемь выходилъ изъ себя; и тогда становился страшенъ: бѣшенство овладѣвало имъ, онъ все кому-

то грозилъ и призывалъ муки, какія только въ состояніи былъ создать его болѣзненно раздраженный мозгъ; въ такія минуты требовался за старикомъ строгій присмотръ. Впрочемъ весь присмотръ ограничивался тѣмъ, что замѣтивши первые признаки бѣшенства, сзывали сосѣдей, тѣ кидались на помѣшаннаго общими усиліями (а требовалось много усилій, потомучто въ эти минуты старикъ получалъ громадную силу) валили его на полъ, скручивали руки и ноги и оставляли въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ пока старикъ, какъ говорили, не успокоивался. Варварское обращеніе укротителей еще болѣе разжигало бѣшенство помѣшаннаго: сѣдой старикъ, съ огромной бородой визжалъ катаясь по полу, онъ утрачивалъ послѣднюю способность человѣка и становился дикимъ звѣремъ.

Кого проклиналъ помѣшанный — неизвѣстно, только между проклятіями слышались иногда имена котораго-нибудь изъ умершихъ дѣтей, да можно было понять изъ несвязныхъ фразъ, что старику припоминался пожаръ, пустившій его нищимъ по бѣлому свѣту.

Синицынъ-сынъ, какъ только узналъ о помѣшательствѣ отца, тотчасъ же не задумываясь перевезъ его къ себѣ; ему предлагали помѣстить старика въ сумашедшій домъ, но онъ несогласился. Этотъ поступокъ въ Синицынѣ тѣмъ больше замѣчательнъ, что онъ былъ, какъ увидимъ ниже, страшный скряга.

Я говорю, никто изъ окружающихъ не слышалъ отъ Синицына жалобъ: — его видѣли только работающимъ и молчащимъ, да и самъ онъ, какъ казалось, привыкъ къ незавидной долѣ, но сквозь эту привычку капля по каплѣ въ душѣ Синицына просачивалось отчаяніе. Мѣсяцевъ шесть, семь и больше бывало работалъ молчаливо Синицынъ, да ходилъ каждый день къ заутренямъ и вечернямъ, потомъ вдругъ прорывался и запивалъ иногда по недѣлѣ и больше, изо дня въ день. Машина значитъ испортилась. Шилъ Синицынъ все больше одинъ, и случалось шилъ такъ, что его выталкивали изъ кабака въ одной рубашкѣ. И странное дѣло — всегда тихій, послушный, Синицынъ дѣлался страшнымъ буяномъ, когда приставали къ нему пьяному. Разъ онъ чуть-чуть не задушилъ одного изъ своихъ сослуживцевъ, когда тотъ вздумалъ сыграть съ нимъ одну изъ тѣхъ плоскихъ шутокъ, на которыя былъ такъ выносливъ Синицынъ трезвый. Шутникъ вымазалъ лицо Синицына сажей, въ заведеніи поднялся единодушный хохотъ. Синицынъ догадался въ чемъ дѣло и пьяное лицо его приняло почти кровожадное выраженіе.

— А ты думаешь, что я прежній! сказалъ задыхающимся голосомъ Синицынъ и бросился душить шутника; тотъ весь посинѣлъ и сталъ уже храпѣть подъ костлявыми пальцами. Присутствующіе къ счастью поняли, что подобное дѣло можетъ кончиться далеко не шуткой и бросились разнимать противниковъ. Цѣлый часъ послѣ того Синицына била лихорадка, но скандалъ имѣлъ послѣдствіемъ то, что товарищи перестали во время запоя лѣзть къ нему съ шутками.

Женщинъ Синицынъ боялся сильнѣе, чѣмъ мужчинъ; онъ былъ убѣжденъ, что дьяволъ именно черезъ женщину больше всего дѣйствуетъ на погибель рода человѣческаго; чѣмъ красивѣе была женщина, тѣмъ въ мнѣніи Синицына она была опаснѣе. Къ боязни женщинъ въ Синицынѣ присоединялась еще ненависть, и такой взглядъ, какъ и всѣ взгляды, сложился въ немъ подъ силою обстоятельствъ: мать не любила Синицына и била его, сестры не любили и били его; хозяйки, у которыхъ жилъ Синицынъ, были отъявленные мегеры. Съ молодыми, посторонними женщинами Синицынъ никогда не входилъ въ близкія столкновенія; онѣ тоже не обращали вниманія на невзрачнаго, тихаго Синицына. Разъ товарищамъ Синицына удалось уговорить его свести знакомство съ однимъ изъ вѣсѣхъ пріютовъ, гдѣ жметя голодный, оборванный развратъ, но знакомство было такъ неудачно, что Синицынъ послѣ него захворалъ отвратительной болѣзнью и три мѣсяца пролежалъ въ городской больницѣ. Это окончательно убѣдило Синицына, что женщина — чортъ переряженный въ платье, и онъ сталъ чуть ли не отплеивать и отмаливаться при встрѣчѣ съ каждой изъ женщинъ. Исключеніе изъ общаго правила Синицынъ только и дѣлалъ что для хозяйки дома, гдѣ жилъ; исключеніе же было сдѣлано потому, что старушонка не только не уступала Синицыну въ богомольѣ, но даже превосходила его и притомъ богомолье совершала она самымъ благолѣпнымъ образомъ, съ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ предписанныхъ правилъ.

Когда Синицынъ перевезъ къ себѣ помѣшаннаго старика—отца, то сталъ зашибать сначала чаще, чѣмъ въ обыкновенную пору: видъ вѣчно молчащаго, бессмысленно смотрящаго куда—то старика, новая обуза на плечахъ, прибавили еще больше сумрачнаго колорита къ общей картинѣ житія приказнаго.

Откуда проистекала заботливость Синицына объ старикѣ? Думаю, что не изъ любви; странно требовать отъ человѣка любви

тамъ, гдѣ память только и удерживаетъ что картины тяжелаго рабскаго содержанія. Сеницынъ заботился объ отцѣ, удѣляя послѣдніе гроши на его содержаніе, потому что думалъ, что поступая иначе, онъ дѣлалъ бы страшный грѣхъ, за которымъ, если не въ настоящей, то въ загробной жизни должно слѣдовать тяжелое возмездіе. Сеницынъ боялся адскихъ мукъ и вполне вѣровалъ въ нихъ.

Но человекъ не можетъ существовать безъ сердечной привязанности, какова бы и на что бы ни была обращена эта привязанность. У Сеницына съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе росла страсть къ деньгамъ: онъ полюбилъ ихъ, какъ другой любитъ женщину. Бѣднякъ, выросшій на ломтѣ черстваго хлѣба, никогда не испытывшій ни одного изъ тѣхъ чувствъ, которые почти каждому хоть разъ удастся испытать смолоду, Сеницынъ отдался своей любви къ деньгамъ со всей силой, на которую способны отверженные. Величайшій праздникъ для Сеницына былъ тотъ день, когда удавалось ему прибавить лишній цѣлковый къ своему капиталу; тогда на вѣчно нахмуренномъ, оступѣвшемъ лицѣ его было написано счастье. Послѣ заповей Сеницынъ мучился не дурной стороной заповя, не тѣмъ, что это можетъ повредить ему по службѣ, но тратой своего сокровища; послѣ заповя онъ дѣлался еще скупѣе: ему дѣлалось просиживать долгіе зимніе вечера безъ свѣчи, чтобы только сохранить лишнюю копѣйку; онъ старался ѣсть вдвое меньше, чтобы сократить расходъ на хлѣбъ. Такъ какъ изъ получаемаго жалованья при всей скупости трудно было сберечь лишнюю копѣйку, то Сеницынъ прибѣгъ къ мелкому ростовщичеству: гривениками, двугривенными, цѣлковыми отдавалъ онъ деньги своимъ сослуживцамъ, получая за одолженіе по сту и больше процентовъ. При полученіи денегъ Сеницынъ забывалъ свою скромность и ужъ настойчиво требовалъ взятаго; въ случаѣ любовной неудачи онъ рисковалъ даже на жалобы; чтобы сдѣлаться непримиримымъ врагомъ Сеницына стоило только не отдать ему долгъ, какой-нибудь гривеникъ; по своей одичалости, боязни, Сеницынъ конечно ничѣмъ не проявлялъ своей вражды, но еслибы взявшій умиралъ отъ жажды и просилъ принести ему пить, то Сеницынъ и тутъ бы не простилъ обиды и до тѣхъ поръ не помогъ бы ему, покуда тотъ не выплатилъ бы ему должное съ подобающими процентами. Самъ Сеницынъ во имя своей страсти готовъ былъ вынести и выносилъ все; какъ любовникъ, считающій каждую минуту, оставшуюся до свиданія,

такъ и Синицынъ въ тотъ день, когда удавалось ему сдѣлать приращеніе къ капиталу, ждалъ окончанія присутствія и забывъ усталость, голодь, бѣжалъ домой, вытаскивалъ свою скудную казну, дрожющими руками пересчитывалъ ее, прикладывалъ приращеніе и потомъ снова начиналъ считать и пересчитывать. Въ деньгахъ для Синицына было все: семья, любимая женщина, карьера. Во время моего разсказа Синицыну удалось скопить рублей сто серебромъ, такъ что онъ могъ производить крупныя операціи, отдавая займы рублей по двадцати; но какъ истинный, страстный любовникъ, онъ сдѣлался мученикомъ своего сокровища. День проходилъ все какъ-то незамѣтно, сокровище было съ Синицынымъ, оно висѣло у него на шеѣ на толстомъ шнуркѣ, но ночью воображеніе представляло Синицыну всевозможные ужасы; малѣйшій шумъ заставлялъ его вскакивать съ постели, осматривать всѣ уголки, всѣ запоры, замки, вездѣ онъ видѣлъ воровъ, готовыхъ похитить у него его сокровище. Изъ дому Синицынъ по вечерамъ выходилъ только вслѣдствіе крайней необходимости; обыкновенно трусь, мнѣ кажется, Синицынъ умеръ бы героемъ, еслибы ему привелось защищать свои деньги. При началѣ запоя Синицынъ снималъ съ себя свое сокровище и пряталъ его въ потайной ящикъ, сдѣланный имъ самимъ въ кровати. Скупость въ соединеніи съ прошедшимъ, привела Синицына къ страшной катастрофѣ. Синицынъ, ужъ не знаю на основаніи какихъ данныхъ, считалъ себя страшнымъ грѣшникомъ.

Во время совершившейся катастрофы Синицыну было уже лѣтъ около сорока; невысокаго роста, рябоватый, съ жидкими темнорусыми волосами, съ крупными чертами, съ обыкновеннымъ, геморoidalно-зеленымъ цвѣтомъ лица, всегда нахмуренный, молчаливый, Синицынъ никакъ не могъ остановить на себѣ вниманія.

Я старался какъ можно точнѣе узнать ближайшія причины запоя Синицына и послѣдовавшаго за нимъ самоубійства, — вотъ что удалось мнѣ развѣдать.

Синицынъ въ послѣднее время не пилъ больше года; недѣли за полторы до катастрофы онъ возвратился домой особенно не въ духѣ. Пообѣдавъ на скорую руку и снявши съ шеи кошелекъ съ драгоценностью, Синицынъ пересчиталъ количество капитала, вынулъ изъ него двѣ трехрублевыя бумажки, тщательно завернулъ опять сокровище и спряталъ его въ потайной ящикъ. Послѣ того Синицынъ ушелъ

изъ дому и пропадалъ около недѣли : запилъ значить. Съ какой стати запилъ Синицынъ ? Въ послѣдне время надъ Синицынымъ стали обрушаться бѣда за бѣдой : новаго столоначальника Синицыну дали, тоже изъ семинаристовъ, тянувшего лямку до важнаго поста лѣтъ двадцать пять , Свѣтозаровъ была ему фамилія . Прошедши огонь и воду и мѣдныя трубы , Свѣтозаровъ получилъ воеводство , счелъ своей священнѣйшей обязанностью выместить на подчиненныхъ свое собственное униженіе : « а , думалъ онъ , мной помыкали , отдыху мнѣ не давали , всякій чуть ли ногой въ рыло не совалъ , такъ постояте же , благо теперъ случай есть , я самъ докажу вамъ дружбу » и ужь подлинно что доказывалъ : заберется бывало въ палату ни свѣтъ ни заря и бѣда тому изъ подчиненныхъ , кто осмѣлится придти позже : « начальство , говоритъ , ни въ грошъ не ставишь , фанаберіи набрался , — надо , говоритъ , ее выбить » и идетъ жаловаться секретарю , а тотъ неразобравъ дѣла и отрѣжетъ у кого рубль , у кого полтинникъ изъ жалованья , такъ что къ концу мѣсяца и выходитъ , что не только приходится получить , а еще въ долгу состоишь и на слѣдующій : питайся чѣмъ хочешь , хоть объ маннѣ небесной молитвы возсылай ; или отдастъ переписывать докладъ листовъ въ тридцать , ну какъ—нибудь и испортишь , закапаешь листъ , али съ спѣху ошибешься , такъ отъ крику одного не уйдешь : « ты , говоритъ , казенный интересъ соблюдать не хочешь , — воръ тотъ же » . А ужь ругался то , ругался—то какъ , хуже всякаго извозчика , и откуда онъ выучился такимъ ругательствамъ ! Со стороны послушаешь , такъ подумаешь что онъ книгу передъ собой держитъ , да по ней вычитываетъ ; да и добро бы за дѣло , а то такъ въ голову взбредетъ , и пойдетъ пушить ; запятую не поставишь , такой содомъ въ камерѣ подыметъ , что начальство сторожа приплетъ : « чтобъ потише былъ » , такъ и тутъ неуймется , самъ пойдетъ въ присутствіе : « я , говоритъ , подчиненныхъ уму—разуму учу , чтобъ въ субординаціи были , начальство уважали » , ну и начальство ничего , милостиво изволить только улыбнуться , а Свѣтозарову это и на руку , придетъ еще хуже , — звѣръ—звѣремъ , удержки просто нѣтъ , цѣлымъ дѣломъ бывало въ лицо такъ и пустить , и утереться не смѣй : « вишь говоритъ , нѣжинка какой , а ты служить такъ служи , бабы привычки откинуть изволь » . Я говорю , ужь Синицынъ начто былъ забить и терпѣливъ , начто много вынесъ безмолвно оскорбленій , и тотъ подчасъ возмущался и выходилъ изъ себя . Незадолго до того времени , какъ запитъ , Синицынъ простудился немного , ломитъ всего ; къ утру впрочемъ , бла-

годаря домашнимъ средствамъ, болѣзнь прошла; только всталъ онъ вмѣсто семи часовъ, въ восемь. Кое-какъ одѣвшись Синицынъ побѣжалъ въ присутствіе, но послѣдствіе его была напрасна. Свѣтозаровъ уже воссѣдалъ на своемъ креслѣ, да такой сердитый, что просто страхъ.

— И ты собака въ фанаберію пустился! чѣмъ бы на старости лѣтъ примѣромъ служить, а ты тоже начальство заставляешь себя ждать. погоди же, я тебя проучу!» такъ встрѣтилъ Свѣтозаровъ Синицына.

Синицынъ напрасно отговаривался болѣзнью, напрасно увѣрялъ, что въ цѣлый годъ онъ ниразу еще не опаздывалъ, а что это первый и послѣдній: Свѣтозаровъ оставался неумолимъ. Пришло высшее начальство, Свѣтозаровъ пожаловался ему на Синицына, сказалъ, что за послѣднее время онъ сталъ замѣчать особенную лѣность и нерадѣніе къ службѣ за Синицынымъ и даже проявленіе нѣкоторой грубости и неуваженія къ начальству, вслѣдствіе чего черезъ полчаса Синицыну объявлено было, что у него убавляется изъ мѣсячнаго жалованья три рубля серебромъ.

Но этого мало. Назадъ тому мѣсяца три Синицынъ далъ взаймы одному изъ сослуживцевъ десять цѣлковыхъ, росписку взялъ; проценты сослуживецъ платилъ акуратно каждый мѣсяцъ и человекъ былъ хорошій, только несчастіе съ нимъ случилось — умеръ онъ. Синицынъ, узнавъ о смерти кредитора, справился у казначея, жалованье не осталось ли незабраннымъ, но бѣднякъ не только за все прошедшее взялъ свою ничтожную плату, а еще впредь прихватилъ: лечился дома; хоть на ромашку, да на бабъ-знахарокъ все деньги нужны; Синицынъ увидалъ, что съ этой стороны ничего не возметъ, рѣшился попытаться съ другой стороны: на счетъ оставшагося хлама. Обдумывая впередъ какимъ образомъ прямо изъ присутствія отправиться къ одному знакомому квартальному, чтобъ посоветоваться съ нимъ насчетъ взысканія, Синицынъ сталъ пить чай. Во время чая въ комнату вошла женщина, одѣтая очень бѣдно, вся въ черномъ, но такая молоденькая, блѣдная, да хорошенькая, что у Синицына въ глазахъ зарыбило, морозъ по кожѣ пробѣжалъ. Синицынъ въ первый разъ видѣлъ въ своей квартирѣ такое явленіе.

— Вы Иванъ Федорычъ? спросила пришедшая тихо.

Синицынъ перекофузился больше чѣмъ пришедшая: онъ хоть и ненавидѣлъ женщинъ, считалъ ихъ орудіемъ дьявольскихъ иску-

шеній , но на миломъ лицѣ гостя было написано столько печали, столько глубокой скорби, что трудно было не усомниться, чтобы врагъ рода человѣческаго и ее избралъ въ число помощницъ своихъ злокозней.

— Я, отвѣчалъ Синицынъ, неловко вставая со стула. Что вамъ угодно?

— Вамъ папаша долженъ, Иванъ Федорычъ?

Синицынъ понялъ, что передъ нимъ стоитъ дочь Доменскаго, и его еще сильнѣе покорило.

— А вы видно изволите быть дочкой Николая Михайлыча? жаль-съ вашего папашу, такой славный былъ человѣкъ.

— Иванъ Федорычъ! вамъ долженъ былъ папаша, онъ на смертномъ одрѣ поминалъ все долгъ, больной былъ — меня все къ вамъ посылалъ, я только оставить его боялась: вѣдь я одна за нимъ ходила, а ужъ онъ какъ мучился. Какъ мучился-то онъ... рыданья недали возможности договорить бѣдной дѣвупкѣ. — «Ты, говоритъ, сходи къ Ивану Федорычу, испроси прощенья у него за меня, я отдамъ ему какъ выздоровлю, съ благодарностью отдамъ. Да непривелось выздороветь-то, оставилъ онъ насъ, — новыя рыданья заглушили слова дѣвушки.

Ивану Федорычу крѣпко стало жаль дѣвушку, впервые быть можетъ отъ роду, да вѣдь дѣвушка была больно хорошенькая, и голосъ у ней былъ такой вѣжливый, такъ въ душу и просится.

— Вы, сударыня, успокойтесь; вотъ стульчикъ, присядьте.

Иванъ Федорычъ подалъ дѣвупкѣ стулъ, но та въ это время схватила его за руку, и начала цѣловать ее.

— Иванъ Федорычъ! нечѣмъ мнѣ отдать вамъ долгъ, ничего у насъ нѣтъ, только трое сиротъ насъ и осталось, съ голоду хотъ умирай; чужіе люди уголь дали. Все продали мы какъ папаша больной былъ, вѣдь жить надо было, лекарства покупали. Простите Иванъ Федорычъ, сполна отдамъ, въ горничныя пойду, заработаю. Дѣвушка схватила руку Синицына и стала цѣловать ее.

Съ Иванъ Федорычемъ богъ-знаетъ что дѣлалось, когда дѣвушка припала къ его рукѣ: ему стало и совѣстно, и неловко, и хорошо въ одно и тоже время; съ нимъ въ первый разъ случилась такая исторія, ему никогда не приходилось быть такъ близко къ хорошенькой женщинѣ; онъ позабылъ и дьявольскія козни и вражду къ женщинѣ: онъ только видѣлъ передъ собой обливающуюся слезами дѣвушку,

слышалъ ея нѣжный голосъ, прерываемый рыданьями, чувствовалъ только на своей рукѣ ея горячее дыханье, ея милыя губки. Иванъ Федорычъ напрасно старался освободить свою руку изъ рукъ дѣвушки: она крѣпко держала ее. Строгій аскетъ позабылъ свой долгъ.

— Что вы, сударыня, помилуйте, какъ можно въ горничныя, это не ваше-съ дѣло, вы барышня. Уже насчетъ долга не беспокойтесь, мы всѣ подъ Богомъ ходимъ, развѣ я злодѣй какой, что съ васъ платица стану тащить, во мнѣ душа есть тоже. Мы подождать можемъ, а коли не будетъ чѣмъ заплатить, такъ мы и такъ обойдемся. Я и росписку разорву.

Съ необыкновенной быстротой, такъ что дѣвушка немогла даже предупредить его, Иванъ Федорычъ досталъ росписку и изорвалъ ее

— Богъ васъ наградитъ, Иванъ Федорычъ, сказала дѣвушка. — Я знала, что вы добрый, не подымется ваша рука на сиротъ. Вы только не думайте, чтобъ я не отдала вамъ долгъ: какъ только деньги будутъ — отдамъ.

Дѣвушка просидѣла у Синицына еще минутъ пятнадцать и ушла. Иванъ Федорычъ незамѣтилъ и время: ему было такъ хорошо, что онъ забылъ свои гражданскія обязанности. А между тѣмъ времени было много, почти девять часовъ. Свѣтозаровъ свирѣпѣлъ и ждалъ съ нетерпѣніемъ появленія преступника. На этотъ разъ послѣ всѣхъ появился Синицынъ; не успѣлъ онъ носу показать, какъ на него обрушился цѣлый потокъ самыхъ энергическихъ ругательствъ.

— Такъ ты вотъ какъ считаешь начальство, съ скрежетомъ зубнымъ накинулся Свѣтозаровъ на Синицына. Вотъ какъ! тебя наказываютъ, а ты и въ усъ не дуешь, сами, дескать, съ усами, — старая ракалія! знать никого не хочу. Погоди же, я тѣ удружу, поставлю тебѣ ферта, буркулами-то не такъ захопаешь. Отчего послѣ всѣхъ явился? Говори пентюхъ китайскій.

Синицынъ на этотъ разъ не оправдывался; онъ молча забралъ изъ шкапа огромное дѣло и сталъ рыться въ немъ; его молчаніе еще болѣе вывело изъ себя Свѣтозарова — онъ счелъ его верхомъ дерзости противу начальства. Послѣдствіемъ этой непріятной исторіи была еще убавка изъ жалованья Синицына четырехъ рублей серебромъ въ мѣсяцъ.

Синицынъ не могъ опомниться отъ послѣдней исторіи; она при-

шла къ нему незамѣтно, нечаянно; онъ невѣрилъ въ дѣйствительность, онъ думалъ, что все это видѣлъ во снѣ, что и блѣдная, хорошенькая дѣвушка являлась ему во снѣ, и руку у него цѣловала тоже во снѣ, но дѣйствительность въ образѣ казначея и полученія жалованья пришли въ тотъ же день напомнить ему себя: вмѣсто одиннадцати рублей серебромъ, какъ бы слѣдовало, Синицыну выдали четыре рубля.

Понятно съ какими разнообразными чувствами возвратился домой Синицынъ; онъ долго ходилъ по комнатѣ и думалъ. Борьба въ немъ происходила, и блѣдная дѣвушка занимала не послѣднее мѣсто въ этой борьбѣ. Нищета, скупость говорили Синицыну: «это дьяволъ соблазнилъ тебя, онъ плакалъ предъ тобой, онъ вырвалъ у тебя послѣдній грошъ, а ты, старый дуракъ, и распустилъ нюни-то, дался въ обманъ, позабылъ, что онъ всегда бабу посылаетъ; поди-ка чай какъ она теперь потѣшается надъ тобой, смѣется всѣмъ. Гдѣ деньги-то? жалованье-то гдѣ? чѣмъ жить будешь? Что! Ахъ ты эхидна-притворщица!» Но вслѣдъ за угрозой эхиднѣ-притворщицѣ, являлся передъ Синицынымъ образъ блѣдной дѣвушки, плачущій, умоляющій, и Синицыну вдругъ дѣлалось и ея жалко и своихъ словъ совѣстно. «Нѣтъ, вотъ она какая блѣдная, изъ дому выгнали, въ чужихъ людяхъ съ сиротами пробивается, какъ чай нонѣ ей тяжело-то бываетъ, шутка ли, какая молоденькая, и одной-то остаться, да еще съ братишками. Какая она хорошенькая, руку-то у меня какъ цѣловала. Глазки-то какіе у ней свѣтленькіе!» А деньги-то, деньги-то гдѣ твои? жалованье-то гдѣ? спрашивалъ прежній голосъ, и вслѣдъ за этими неотвѣчливыми вопросами Синицынъ снова сталъ вѣрить, что явленіе блѣдной дѣвушки и впечатлѣніе, ею произведенное, только и можно отнести что къ дьявольскому навожденію, и снова начиналъ онъ отплеиваться и отмахиваться отъ навожденія. «Жить-то чѣмъ я буду?» спрашивалъ себя съ отчаяніемъ Синицынъ. «Вѣдь не одинъ я. Что на четыре цѣлковыхъ сдѣлаешь, — хлѣбомъ не пропитаешься. Неужто проживать надо, что десять лѣтъ копилъ, голодомъ себя морилъ? А все она, она эхидна надѣлала, обошла меня, вотъ теперь и дѣйствуй.»

Синицынъ сильнѣе зашагалъ по маленькой комнатѣ, нечаянно взглянулъ на печку, а оттуда неподвижно смотрѣли на него безсмысленные глаза.

— Вотъ какъ смотреть! словно не живой, не моргнетъ, слова не скажетъ. И безъ него тяжело, и на свѣтъ бы божій глаза не

смотрѣли, а еще онъ тутъ. Охъ, хоть бы смерть пришла скорѣе, провалиться бы куда-нибудь!

Но смерть не пришла къ Синицыну такъ скоро, только въ головѣ и сердцѣ его накапливалось все больше и больше тяжкихъ думъ, мучительныхъ чувствъ: образъ блѣдной дѣвушки совсѣмъ потемнѣлъ въ этой борьбѣ нищаго. Синицынъ сталъ ее ненавидѣть больше чѣмъ кого-нибудь.

Конецъ-концовъ этихъ размышленій былъ тотъ, что хозяйка, сидѣвшая за дощатой перегородкой, услышала, какъ Синицынъ сказалъ громко самъ себѣ: «Эхъ, выгнать-то какъ!»

Синицынъ возвратился домой черезъ недѣлю.

Мнѣ нужно было узнать подробности смерти Синицына; единственнымъ источникомъ въ этомъ случаѣ могла служить старушка-хозяйка, да отчасти еще одинъ чиновникъ, жившій напротивъ и прибѣжавшій на отчаянные крики старушки.

«Привели его ко мнѣ, — такъ рассказывала старушка, — а онъ какъ есть самъ не свой: нечистый-то во власть его взялъ; изъ лица сталъ онъ такой блѣдный, глаза помутимшись, — сѣлъ въ уголъ, жметъ все, а зубы-то такъ и стучать. Сидѣлъ онъ немалое время, да послѣ этого какъ закричитъ благимъ голосомъ: «Уйди, не тирань ты меня, не губи души!» Я тогда испужалась, выбѣжала изъ перегородки, да и говорю ему: «Что ты, Иванъ Федорычъ, опомнись, дай я перекрещу тебя!» Такъ куда ты, и не слушаетъ: «вонъ, вонъ, говорить, ихъ сколько, изъ печки лѣзутъ, черные какіе, мохнатые, она то съ ними же, ко мнѣ, ко мнѣ идетъ», да какъ закричитъ пуще прежняго, да на печку и бросится, «что, кричитъ, ушли небось, струсили. Вонъ, вонъ изъ окошка теперь лѣзутъ, опять она съ ними». Знать опять нечистая сила показала ему голубчику. Я стала его уговаривать, онъ меня старуху бывало больно слушался, ну и на этотъ разъ послушался, успокоился, въ постель легъ. Я полагаю, что Иванъ Федорычъ-то уснулъ, со двора и ушла къ сосѣдкѣ, — знаете, батюшка, Пахомовну-солдатку? молочка у ней взять, моя коровушка-то стельная; прокалякамши надо полагать съ часъ времени, говорю ей: пойдти-ка посмотрѣть, что подѣлываетъ жилецъ-то мой. Только вхожу на дворъ, слышу кричитъ покойникъ въ комнатѣ пуще прежняго; я туда, отворяю дверь, да такъ свѣту божьяго и невзвидѣла, — стоитъ онъ знаешь посрединѣ комнаты въ рубахѣ одной, въ рукѣ ножикъ перочинный, а самъ кричитъ: «смерти

моей захотѣли, душу окаянные погубить, такъ на же вамъ!» Не успѣла я опомниться, а онъ ужъ ножомъ себя по горлу какъ хватить, я такъ и взвизнула. Что ты, говорю, грѣхотворникъ проклятый дѣлаешь, а онъ выпучивши зѣнки на меня, говорить: «что я, ничего»; да какъ ничего, молвлю, а ножикъ-то зачѣмъ въ рукахъ? «Возьми его говорить себѣ, коли хочешь, мнѣ нашто онъ». Я обрадовавшись ножикъ взяла, а сама дверь на замокъ, да по сосѣдямъ; сосѣдюшки, батюшки, помогите, говорю, мой-то рѣзаться хочеть; они спасибо люди добрые: Захарычъ, сапожнымъ дѣломъ занимается, да Фома Лукичъ, сейчасъ ко мнѣ пришли. Входимъ къ Ивану Федоровичу, а онъ на кровати сидитъ, да такъ неладно смотритъ, а у самого по шеѣ кровь течеть. Фома Лукичъ и говорить ему: «что это съ вами, Иванъ Федорычъ, вы видно нездоровы, пойдите-ка со мной, я васъ полечу, въ Разувай (¹) зайдемъ.» «Чтоже, говорить, пойдите, я ничего». Ну и пошли они, только вмѣсто кабака-то, Федоръ Лукичъ его въ полицію обманомъ привелъ, да тамъ съ рукъ на руки и сдай.

— Какъ въ полицію?

— Также родимый, вѣдь онъ въ полиціи былъ, токмо что его тамъ недолго держали, выпустили скоро.

Полицейское распоряженіе меня привело въ крайнее удивленіе и я постарался хорошенько разузнать объ немъ. Оказалось, что точно отставной поручикъ Грязновъ (Фома Лукичъ) привелъ Синицына въ полицію и тамъ со словъ хозяйки рассказалъ весь ходъ происшествія, и просилъ полицію въ предупрежденіе несчастныхъ послѣдствій отправить Синицына въ больницу и удержать его тамъ, пока не кончатся припадки сумашествія; полиція на этотъ разъ послушалась Грязнова, но какими учеными соображеніями руководствовался докторъ, пашла ли на Синицына свѣтлая минута, вслѣдствіе чего онъ удовлетворительно отвѣчалъ на вопросы, или докторъ полагалъ, что рассказы свидѣтелей и рана на шеѣ ничего еще не доказываетъ, и должны иѣмѣть передъ истинами науки, только вслѣдствіе свидѣтельствванія, Синицына отпустили изъ больницы съ миромъ домой, прочитавъ ему приличное наставленіе о томъ, какъ должно вести себя благородному человѣку.

Синицынъ прямо изъ больницы возвратился къ себѣ на квартиру. Холодный ли воздухъ на него подѣйствовалъ, или что другое,

(¹) Фирма кабака.

только вплоть до сумерекъ онъ держалъ себя тихо, все больше ходилъ изъ угла въ уголъ и молчаливо размахивалъ руками. Сумерки снова привели за собой рядъ мучительныхъ видѣній.

— Натерѣлась я, батюшка, страху, такъ продолжала рассказывать хозяйка: — ужъ какъ его *черный*—то мучилъ! Сижу я въ своемъ углу, да такъ вся дрожкой и дрожу, сосѣдку зову къ себѣ, такъ куда тѣ и руками и ногами уперлась, а какъ его одного оставишь? Сталъ Иванъ Федорычъ по угламъ шарить, да себѣ все полъносъ бунчить, я его и спрашиваю: «Что ты тамъ, моля, ищешь?» а онъ мнѣ на то и говоритъ: «Молчи, воры ноньче придуть, ограбить меня хотятъ.» — «Что ты, молвлю, воры, какъ они къ намъ зайдутъ, чего съ насъ взять, богачества для нихъ что ли мы припасли?» Такъ куда ты, и меня старуху поклепалъ; ты говоритъ тоже видно жизни отъ меня хочешь; я сперваначала обидѣлась да ужъ потомъ вспомнила, что онъ въ немочи. Спроси я сдуру Ивана Федорыча кто ему сказывалъ, что ограбить его хотятъ: «Она, говоритъ, она и сама вмѣстѣ придетъ, вонъ, вонъ идетъ,» да какъ закричитъ попрежнему благимъ матомъ: «Куда, говоритъ, мнѣ дѣваться отъ васъ, замучили вы меня, жжетъ меня всего. Ужъ кричалъ онъ, кричалъ на этотъ разъ, инда осипъ, а потъ съ него и катится: «пить, говоритъ, хочу, пить мнѣ дай.» Я пошла въ сѣни за водой, и онъ за мной; увидавши ведро цѣлое, схватилъ его, да такъ къ нему словно приросъ и куда это мои батюшки помѣстилось все! Возвратившись въ комнату всталъ онъ на колѣни передъ образомъ казанской божьей матери и ужъ такъ молился, что инда меня жалость взяла: «Спаси, говоритъ, меня матушка, губить меня всѣ собираются, въ преисподнюю меня тащутъ, муки всякія приготовили тамъ для меня; это ихъ сколько пришло за моей душой,» а самъ все ближе къ образу на колѣняхъ ползеть: «Спаси, кричитъ, спаси!» И точно, родимый, послала Пресвятая Дѣва ему такую благодать, совсѣмъ призатихъ, только образъ со стѣнки снялъ, да крѣпко—накрѣпко прижалъ; ну и я старуха пошла къ себѣ, да признаюсь и согрѣшила, маленько вздремнула; проснулась — кричитъ опять мой голубчикъ хуже прежняго, я къ нему: сидитъ онъ на постели, изъ себя блѣдный, страшный, да себя по брюху колотитъ: «Вонъ, кричитъ, вонъ, доберусь до васъ.» Сперваначала—то я незамѣтила, есть ли что у него въ рукахъ, да какъ подошла ближе, ай батюшки — ножикъ, а кровь—то такъ и журчить. Такъ я и обмерла, выбѣжала на улицу да и кричу — «караулъ!»

Но помощь пришла на этотъ разъ поздно къ Синицыну : покуда собирались сосѣди , онъ успѣлъ нанести себѣ нѣсколько ранъ ; первымъ на зовъ старухи явился чиновникъ Ковригинъ , онъ засталъ еще страдальца живымъ , страшно терзавшимъ себя...

Старикъ-отецъ и въ гробѣ не узналъ сына : подведенный къ гробу , онъ молча взглянулъ въ лицо мертвеца и отошолъ прочь...

Н. СОКОЛОВСКІЙ

ГРѢХЪ ДА БѢДА НА КОГО НЕ ЖИВЕТЪ

ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

ДѢЙСТВІЕ I

СЦЕНА I

ЛИЦА

ВАЛЕНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ БАБАЕВЪ, помѣщикъ, молодой человекъ.

КАРПЪ, человекъ Бабаева.

ШИШГАЛЕВЪ, приказный.

ЗАЙЧИХА (Прокофьевна), хозяйка квартиры, занимаемой Бабаевымъ.

ЛУКЕРЬЯ ДАНИЛОВНА ЖМИГУЛИНА, дѣвица пожилыхъ лѣтъ, дочь отставного приказнаго.

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ.

Комната, оклеенная дешовыми обоями; старая мебель; одна дверь прямо, выходная, другая въ сосѣдную комнату; окна съ ситцевыми занавѣсками.

ЯВЛЕНІЕ I

КАРПЪ (развязываетъ чемоданъ). ЗАЙЧИХА (смотритъ въ окно).

ЗАЙЧИХА.

Ты погляди-ко, милый человекъ, сколько народу сошло.

КАРПЪ.

Что имъ надо? Чего они невидали?

ЗАЙЧИХА.

Всякому, милый, знать хочется кто такой приѣхалъ.

КАРПЪ.

Сказано про васъ, что провинція, такъ она провинція и есть Ну, скажи имъ, что Бабаевъ, Валентинъ Павловичъ, помѣщикъ.

ЗАЙЧИХА (въ окно).

Бабаевъ, помѣщикъ. (*Карпу*) Спрашиваютъ, зачѣмъ?

КАРПЪ.

Извѣстно, за дѣломъ. А ты думаешь гулять мы къ вамъ приѣхали. Какъ же, есть оказія!

ЗАЙЧИХА (въ окно).

За дѣломъ. (*Карпу*) На долго ли?

КАРПЪ.

Намъ здѣсь не дѣтей крестить. Само собою, дня на два, не больше.

ЗАЙЧИХА (въ окно).

На два дни. (*Отходитъ отъ окна*) Теперь всѣхъ улагодворила. Минуть черезъ пять весь городъ знать будетъ.

КАРПЪ.

А у тебя, тетенька, квартира—то ничего, чистенька.

ЗАЙЧИХА.

Чистенька, батюшко, чистенька; затѣвъ большихъ нѣтъ, а чистенька. Конечно, приѣздъ въ нашъ городъ не большой...

КАРПЪ.

Не на трахтѣ.

ЗАЙЧИХА.

Какой тутъ трахтѣ! А все—таки кто наѣдетъ получше—то, у меня останавливаются. Помѣщиковъ много знакомыхъ по окрестности привыкли ко мнѣ; въ гостиницу—то мало кто заѣзжаетъ.

КАРПЪ.

Потому беспокойно.

ЗАЙЧИХА.

Какой покой! Въ низу трактиръ: въ базарный день содомъ просто. А что я у тебя спрошу: не сынокъ ли твой баринъ—то покойной енаральшѣ Бабаевой, Софѣ Павловнѣ.

КАРПЪ.

Онъ самый и есть.

ЗАЙЧИХА.

У нихъ усадьба-то Завѣтнымъ прозывается?

КАРПЪ.

Завѣтнымъ.

ЗАЙЧИХА.

Ну, такъ, такъ! Я его давеча признала. Еще маленькаго вида-ла: съ маменькой въ городъ ѣздила и ко мнѣ заѣзжали. Въ деревнѣ что-ль живете?

КАРПЪ.

Нѣтъ, мы больше въ Петербургъ; а теперь въ деревню на лѣто для благоустройства приѣхали.

ЗАЙЧИХА.

Такъ, такъ. А что, хорошъ онъ для людей-то?

КАРПЪ.

Ничего, хорошъ.

ЗАЙЧИХА.

Ну, слава тебѣ Господи! Дай ему Богъ здоровья! Въ городъ-то вы по какому дѣлу?

КАРПЪ.

Да по этимъ по судамъ все. Дѣло-то грошовое, тамъ свидѣтельство что ли какое, а пожадуй, протомать дней пять.

ЗАЙЧИХА.

Что мудренаго! У судей-то были?

КАРПЪ.

У всѣхъ были. Теперича намъ изъ суда приказнаго прислали.

ЗАЙЧИХА.

Вамъ, не то что намъ, скоро сдѣлаютъ. Коли тебѣ понадобится что, стукни въ стѣну, — я тутъ и буду. (*Уходитъ. Изъ боковой двери выходятъ Бабаевъ и Шишгалева.*)

ЯВЛЕНИЕ II

БАБАЕВЪ, ШИШГАЛЕВЪ и КАРПЪ.

БАБАЕВЪ.

Такъ вы, милый, говорите, что рѣшительно нельзя?

ШИШГАЛЕВЪ (съ поклонами, безпрестанно сморкаясь и прикрывая ротъ рукою).

Ужь повѣрьте, сударь, что ежели бы только было возможно, мы бы ужъ для васъ...

А можетъ-быть?

БАБАЕВЪ.

ШИШГАЛЕВЪ.

Извольте, сударь, сами разсудить: теперь присутствіе кончилось, членовъ собрать теперича никакой возможности нѣтъ-съ; завтра праздникъ — табель, тутъ субота, а тамъ воскресенье

БАБАЕВЪ.

Вы подумайте только, мой милый, что вы со мной дѣлаете.

ШИШГАЛЕВЪ.

Чѣмъ же я причиненъ-съ? Я человекъ самый маленькій.

БАБАЕВЪ.

Но что же я, мой милый, здѣсь буду дѣлать четыре дня? Вѣдь это ужасно!

ШИШГАЛЕВЪ.

Извольте, сударь, полюбопытствовать, нашъ городъ посмотрѣть.

КАРШЪ.

А что его смотрѣть-то! Что за невидаль такая! Ты какъ скажешь: Петербургъ-то хуже вашего города, аль нѣтъ?

БАБАЕВЪ.

Есть у васъ какое-нибудь общество?

ШИШГАЛЕВЪ.

Что вы изволите говорить-съ?

БАБАЕВЪ.

Я говорю: нѣтъ ли общества, какого-нибудь клуба, гулянья съ музыкой, вечеровъ у кого-нибудь?

ШИШГАЛЕВЪ.

Никакъ нѣтъ-съ.

БАБАЕВЪ.

А гдѣ же ваши члены, ну и прочіе чиновники время проводятъ?

ШИШГАЛЕВЪ.

Промежду себя-съ.

БАБАЕВЪ.

Какъ же такъ, промежду себя?

ШИШГАЛЕВЪ.

Поденно-съ. Дни назначены: нынче напимѣръ у городничаго, завтра у судьи-съ, послѣ завтра у страпчачаго, потомъ у откупщика, у инвалиднаго начальника-съ, такъ вся недѣля-съ.

БАБАЕВЪ.

Съ котораго часу собираются?

ШИШГАЛЕВЪ.

Съ шести часовъ—съ.

БАБАЕВЪ.

Что же они тамъ дѣлають?

ШИШГАЛЕВЪ.

Въ преферансъ играютъ—съ.

БАБАЕВЪ.

А еще что? Неужели только въ преферансъ?

ШИШГАЛЕВЪ.

Такъ точно—съ, только въ преферансъ. Ну обыкновенно ужь тутъ вмѣстѣ со столами и водка ставится, закуска—съ, — все какъ должно. Игаютъ и закусывають, такъ время и проводятъ—съ.

БАБАЕВЪ.

Такъ съ шести часовъ всѣ и пьютъ?

ШИШГАЛЕВЪ.

Нѣтъ, какъ можно—съ! Только кто сдаетъ—съ, или съ римиу—съ другой.

БАБАЕВЪ.

Ну, такъ стало-быть, мой милый, дѣлать нечего, приходится дожидаться.

ШИШГАЛЕВЪ.

Ужь подождите, сударь. А въ понедѣльникъ въ судъ пожалуйте, мы вамъ и выдадимъ безо всякой задержки—съ.

БАБАЕВЪ.

Ну, хорошо, я въ понедѣльникъ приѣду въ судъ. Вѣдь вы будете писать, такъ я вамъ тамъ... что слѣдуетъ... Я не люблю, чтобъ для меня даромъ работали.

ШИШГАЛЕВЪ.

Семейство большое, сударь...

БАБАЕВЪ.

Что такое?

ШИШГАЛЕВЪ.

Теперь соблаговолили бы что-нибудь!...

БАБАЕВЪ.

Да я право не знаю, какъ же это? Сколько же вамъ?

КАРПЪ.

Да дайте ему, сударь, цѣлковый, вотъ и будетъ съ него.

БАБАЕВЪ (отдаетъ деньги.)

Вотъ извольте... Мнѣ право совѣстно.

ШИШГАЛЕВЪ (кладетъ въ карманъ.)

Ничего-съ. Чувствительнѣйше васъ благодарю, желаю вамъ всякаго благополучія. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ III

БАБАЕВЪ и КАРПЪ

БАБАЕВЪ.

Какъ ты грубъ, Карпъ!

КАРПЪ.

Да если съ ними, сударь, нѣжности-то разводить, такъ они и повадятся таскаться сюда, да на судьбу свою плакаться. На нихъ никакихъ денегъ не напасешься. Народъ безъ креста.

БАБАЕВЪ.

Однако что же я буду дѣлать! Погулять бы пошолъ, да еще жарко. Карпъ, что дѣлать?

КАРПЪ.

Вотъ что: сосните, сударь! Съ дороги-то хорошо.

БАБАЕВЪ.

А ночью-то что дѣлать?

КАРПЪ.

Да и ночью тоже. Отъ тоски-то, говорить, спится.

БАБАЕВЪ.

Эка глупость, книгъ мы не взяли! Хоть бы легонькая интрижка какая-нибудь на эти четыре дня-то! (*Уходитъ въ боковую дверь*.)

КАРПЪ.

Ишь ты, что выдумалъ! Интрижка! Повадился больно! Все у него интрижки на умѣ! Балованный былъ сыночекъ у маменьки! И воспитывался-то все съ барышнями, да въ дѣвичей: вотъ его теперь и тянетъ. Живу я теперича съ нимъ въ Петербургъ, — какихъ только я дѣловъ навидѣлся! Грѣхъ одинъ! Уснулъ что-ли онъ тамъ? И я бѣ отдохнулъ. (*Хочетъ ложиться, дверь отворяется*.) Кого это еще?... (*Входитъ Жмигулина*.)

ЯВЛЕНИЕ IV

КАРПЪ и ЖМИГУЛИНА.

КАРПЪ.

Вамъ чего?

ЖМИГУЛИНА.

Валентина Павлыча.

КАРПЪ.

На что онъ вамъ?

ЖМИГУЛИНА.

Коль скоро я его желаю видѣть, это означаетъ, что онъ мнѣ нуженъ.

КАРПЪ.

Вы на бѣдность, что ли?

ЖМИГУЛИНА.

Какое невѣжество! Развѣ ты не знаешь, что жмигулинскія барышни всегда при ихней мамашѣ у нихъ въ домѣ были приняты. Мы даже очень близко знакомы съ Валентиномъ Павлычемъ.

КАРПЪ.

Вы-то близко? Сумнительно мнѣ это.

ЖМИГУЛИНА.

Ты можетъ-быть принимаешь мои слова въ какомъ-нибудь глупомъ смыслѣ, который я совѣмъ непонимаю. (*Садится*) Твоя такая обязанность, что ты сейчасъ долженъ пойти и доложить обо мнѣ.

КАРПЪ.

Вотъ что я вамъ скажу: онъ теперича почиваетъ.

ЖМИГУЛИНА.

Невозможно этому быть, потому что я сейчасъ его видѣла въ окно.

КАРПЪ.

Ну ужь, видно, нечего съ вами дѣлать. Доложу пойду. (*Уходитъ.*)

ЖМИГУЛИНА.

По нынѣшнему времени, отъ этихъ новыхъ перемѣнъ, очень много люди стали портиться. Онъ долженъ прежде узнать, какого я званія, такъ со мной и обращаться. И опять же не его дѣло, — на бѣдность я пришла просить или нѣтъ! Конечно изъ нашего званія многіе этимъ занимаются, но не всѣ же. Можетъ-быть и Валентинъ Павлычъ сталъ довольно гордъ въ Петербургѣ и незахочетъ меня видѣть! А мнѣ ужасъ какъ хочется доказать въ здѣшнемъ городѣ, какое мы знакомство имѣемъ. Кажется, онъ прежде нами негнушался, особенно сестрой Таней. (*Входитъ Бабаевъ.*)

ЯВЛЕНИЕ V

БАБАЕВЪ и ЖМИГУЛИНА.

БАБАЕВЪ.

Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить ?

ЖМИГУЛИНА.

Я никакъ немогла ожидать, Валентинъ Павлычъ, что вы такъ скоро забудете своихъ старыхъ знакомыхъ.

БАБАЕВЪ.

Садитесь, сдѣлайте одолженіе. (*Садятся*) Я право что-то не-припомню.

ЖМИГУЛИНА.

Конечно, въ нынѣшнемъ свѣтѣ чувства не въ модѣ, нынче все больше политика, но мы, какъ люди не столичные, очень хорошо помнимъ прежнія знакомства и особенно благодаренія.

БАБАЕВЪ.

Я съ вами согласенъ, — благодареній никогда забывать не слѣдуетъ.

ЖМИГУЛИНА.

Мы вашей мамашѣ столь много обязаны, что этого и выразить нельзя словами. Сколько онѣ сдѣлали для семейства Жмигулиныхъ!

БАБАЕВЪ.

Жмигулиныхъ ?

ЖМИГУЛИНА.

Особенно для насъ съ сестрой Таней.

БАБАЕВЪ (*припоминая*).

Таней... Татьяна Даниловна ?

ЖМИГУЛИНА.

Теперь вспомнили ?

БАБАЕВЪ.

Такъ вы ея сестрица ?

ЖМИГУЛИНА.

Лукерья Даниловна Жмигулина.

БАБАЕВЪ.

Извините сдѣлайте одолженіе !

ЖМИГУЛИНА.

Я нисколько не могу быть въ претензій на васъ, что вы больше помните сестру, чѣмъ меня. Она такая красавица, что ее даже невозможно забыть.

БАБАЕВЪ.

Да, да! Удивительной красоты дѣвушка! Мы были съ нею большими пріятелями.

ЖМИГУЛИНА.

Мнѣ это очень хорошо извѣстно. Кому же и знать, какъ не мнѣ! Я старшая сестра, должна наблюдать за младшей.

БАБАЕВЪ.

Да, да, конечно. Скажите пожалуйста гдѣ она теперь? Что подѣлываетъ?

ЖМИГУЛИНА.

Она здѣсь въ городѣ, замужемъ.

БАБАЕВЪ.

Замужемъ? Хорошо живетъ?

ЖМИГУЛИНА.

Какая жизнь, помилуйте! Въ бѣдности, между такого народа, которъй безъ понятія. Это не то что, бывало, у вашей мамы въ Завѣтномъ! Просто былъ рай земной! Ваша мама были самая добрейшая дама и любили, чтобъ у нихъ было все въ весело. Барышень всегда было въ домѣ много, а также и кавалеровъ; съ утра до ночи разныя игры были. Даже горничныхъ, бывало, заставляли съ нами въ горѣлки и въ другія игры играть, а сами смотрятъ на насъ да радуются.

БАБАЕВЪ.

Ну да какже, какже! Вѣдь это такъ недавно было: года три не больше, какъ я уѣхалъ въ Петербургъ.

ЖМИГУЛИНА

Я очень хорошо помню: съ пестрой недѣли третій годъ пошелъ какъ вы уѣхали. Ваша мама, бывало, даже не любили, когда кто задумается или книжку читаетъ. Что, говорятъ, ты тоску-то нагоняешь! Ну и бѣсились все до упаду. А промежду этимъ весельемъ, у кого замѣчательный глазъ, могъ многое кой-что замѣтить.

БАБАЕВЪ.

Очень естественно. Мужчины, дѣвушки, молодыя дамы постоянно вмѣстѣ, — нельзя же, чтобъ обошлось безъ любви.

ЖМИГУЛИНА.

Особенно вы отличались по этой части. А послѣднее время все съ Таней, да съ Таней, такъ и не отходили отъ нея. Такъ васъ голубками и звали.

БАБАЕВЪ.

Сердце не камень, Лукерья Даниловна! А сами-то вы! Помните землемѣра?

ЖМИГУЛИНА.

Объ немъ и вспоминать не стоитъ: онъ въ послѣдствіи даже очень низкимъ оказался противъ меня. Впрочемъ судьба его наказала за всѣ невѣжества относительно благородной дѣвицы: онъ самъ теперь находится подъ судомъ за буйственные въ нетрезвомъ видѣ поступки.

БАБАЕВЪ.

Скажите мнѣ, сдѣлайте одолженіе, какимъ образомъ ваша сестрица вышла замужъ?

ЖМИГУЛИНА.

Прошлымъ лѣтомъ, когда ваша мамаша скончалась, у насъ рѣшительно не осталось никакихъ благодѣтелей. Папенька нашъ при своей старости былъ человѣкъ въ городѣ незначительный, робкій, оттого что мало чиновъ произошолъ. Папенька нашъ былъ канцеляристъ и получалъ жалованья тридцать рублей въ годъ. На эти деньги какъ мы могли жить! Мы все-таки видѣли свѣтъ. Прежде мы почти не жили дома, да и ваша мамаша намъ во всемъ помогала. Тутъ вдругъ все прекратилось, а вскорѣ и папенька умеръ. Въ это время посватался за Таню... я просто даже стыжусь вамъ сказать...

БАБАЕВЪ.

Полноте, что за стыдъ!

ЖМИГУЛИНА.

Вы такъ милостиво меня принимаете, интересуетесь моей сестрой, и вдругъ этакое невѣжество съ нашей стороны.

БАБАЕВЪ.

Чтожъ дѣлать! Такія вѣроятно были обстоятельства. Чѣмъ же вы виноваты?..

ЖМИГУЛИНА.

Но ахъ, я право всегда такъ конфужусь этого родства, что вы себя представить не можете. Ну, однимъ словомъ обстоятельства наши были такія, что она принуждена была выйти за лавочника.

БАБАЕВЪ.

За лавочника? Чѣмъ онъ торгуетъ?

ЖМИГУЛИНА.

Овощнымъ товаромъ. Вотъ и лавка видна. На вывѣскѣ написано: «Левъ Красновъ».

БАБАЕВЪ.

Да, я видѣлъ. Хорошій человекъ?

ЖМИГУЛИНА.

Онъ изъ ихняго круга очень крѣпкой человекъ и очень любитъ сестру, только все знаете закоренѣлость какая-то въ ихнемъ званіи. Какъ хотите суните, а все-таки онъ отъ мужика недалеко ушолъ. А ужъ этой черты характера, хоть семь лѣтъ въ котлѣ вари, все не вываришь. Впрочемъ, надо правду сказать, онъ для дому хозяйинъ отличный: ни дня ни ночи себѣ покою не знаетъ, все хлопочетъ да бѣгаетъ. И для сестры теперь все, что только бы ей ни пожелалось, даже послѣднюю копѣйку готовъ отдать, только бы ей угодить, такъ что сестра рѣшительно никакого дѣла не дѣлаетъ, живетъ какъ барыня; только одно, обращеніе его тяжело, да вотъ еще разговоръ его насъ очень конфузить. Совсѣмъ, совсѣмъ не такого я Танѣ счастья ожидала. Судя по красотѣ ея да по тому, какіе люди на нее заглядывались, ей бы въ каретѣ ѣздить. А теперь вотъ пришлось чуть не изъ-за куска хлѣба за мужика идти, да передъ людьми за него стыдъ терпѣть.

БАБАЕВЪ.

Такъ Татьяна Даниловна замужъ вышла... Жаль!

ЖМИГУЛИНА.

Вамъ чтоже жалѣть! Вѣдь она вамъ не пара.

БАБАЕВЪ.

Да, конечно. А все-таки, знаете, вотъ я здѣсь въ городѣ по обстоятельствамъ долженъ пробыть четыре дня, а можетъ-быть и больше, — что я буду дѣлать! Я очень радъ, что вы меня навѣстили. Не будь васъ, я бы не зналъ, куда дѣваться! Ну, а представьте, еслибы ваша сестрица была дѣвушка, мы бы такъ провели эти четыре дня, что совсѣмъ и времени-бъ не замѣтили (*беретъ ее за руку*). Не правда ли?

ЖМИГУЛИНА.

Ктоже вамъ теперь мѣшаетъ?

БАБАЕВЪ.

Ну все-таки какъ-то неловко. Она замужемъ, еще что мужъ подумаетъ. Досадно, право.

ЖМИГУЛИНА.

Скажите пожалуйста! Вы, кажется, были прежде совсѣмъ другихъ правиловъ насчетъ этого. Не очень на мужей-то смотрѣли, что имъ нравится, что нѣтъ.

БАБАЕВЪ.

Да, но вѣдь то совѣмъ въ другомъ кругѣ; тамъ обращеніе гораздо свободнѣе.

ЖМИГУЛИНА.

А вы почему же знаете, свободно сестрѣ или не свободно.

БАБАЕВЪ (беретъ ее за обѣ руки).

Но во всякомъ случаѣ я вамъ такъ радъ, такъ благодаренъ, что вы доставляете развлеченіе въ моей скукѣ. Неуждно ли вамъ чего? Сдѣлайте милость, распорядитесь какъ дома: здѣсь все къ вашимъ услугамъ! Чаю не хотите ли?

ЖМИГУЛИНА.

Много вами благодарна. Я сейчасъ только пила, и притомъ же я домой тороплюсь. Намъ нужно съ сестрой идти по одному дѣлу. Прикажете поклониться отъ васъ?

БАБАЕВЪ.

Сдѣлайте одолженіе!

ЖМИГУЛИНА (идя къ двери).

Чтоже вы насъ съ сестрой въ гости не зовете!

БАБАЕВЪ.

Я былъ бы очень счастливъ, только я право не знаю, какъ это сдѣлать! А очень бы мнѣ хотѣлось видѣть Татьяну Даниловну.

ЖМИГУЛИНА.

А коли хочется видѣть, такъ зачѣмъ же дѣло стало! Она у насъ не принцеса какая, не за десятью замками посажена. Вѣдь ужъ вы безпремѣнно куда-нибудь гулять пойдете, не будете въ комнатѣ сидѣть?

БАБАЕВЪ.

Я бы пошолъ, да не знаю куда.

ЖМИГУЛИНА.

Вамъ далеко незачѣмъ ходить! Пройдите въ заднія ворота на берегъ, сядьте на лавочку и любуйтесь на красоту природы. Это мѣсто тихое, уединенное, проходящихъ тамъ мало; для мечтательныхъ молодыхъ людей очень пріятная прогулка. Мы съ сестрой пойдѣмъ этой дорогой, тамъ вы ее и можете видѣть. До свиданія! (*Уходитъ*).

БАБАЕВЪ.

Вотъ такъ сюрпризъ! Могъ ли я ожидать такого счастія! Танечка, Танечка! Я опять ее увижу. Я съ ума сойду отъ радости. Такая она была миленькая, нѣжненькая. Другіе говорили, что она

немножко простенька. Развѣ это порокъ въ женщинахъ! И притомъ красота, красота! Нѣтъ, этакъ пожалуй здѣсь не четыре дня, а четыре недѣли пробудешь. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА II

ЛИЦА

БАБАЕВЪ.

ЖМИГУЛИНА.

ТАТЬЯНА ДАНИЛОВНА, замужняя сестра ея, по мужѣ Краснова.

АРХИПЪ, слѣпой старикъ, дѣдъ Краснова.

АФОНЯ, болѣзненный мальчикъ, лѣтъ восемнадцать, братъ Краснова.

(Берегъ; съ одной стороны ворота и заборъ, съ другой уголь сарая; за рѣкой сельскій видъ; закатъ солнца).

ЯВЛЕНИЕ I

АРХИПЪ и АФОНЯ (входятъ).

АФОНЯ.

Дѣдушко, отдохнемъ здѣсь немножко! Недужится мнѣ. Садись вотъ на скамеечку!

АРХИПЪ.

Сядемъ, Афоня, сядемъ. Плохи мы съ тобой; меня старость, а тебя хворость одолѣла.

АФОНЯ.

Я не хвораю, а я такой зародился. Я, дѣдушко, не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ.

АРХИПЪ.

Не слушай ты бабьяго разговору! Никто не знаетъ, какой ему предѣлъ положонъ.

АФОНЯ.

Что мнѣ бабы! Я самъ знаю, что я не жилецъ. Меня на ѣду не тянетъ. Другой поработавши сколько съѣстъ! Много, много съѣстъ, и все ему хочется. Вонъ братъ Левъ, когда устанетъ, ему только подавай. А по мнѣ хоть и вовсе не ѣсть; ничего душа не принимаетъ. Корочку поглочу и сытъ.

АРХИПЪ.

Это къ росту бываетъ.

АФОНЯ.

Нѣтъ, не къ росту. Куда мнѣ еще расти, съ чего! Я и такъ великъ по годамъ. А это значить мнѣ не жить. Ты, дѣдушко, возьми то: живой человѣкъ о живомъ и думаетъ, а у меня ни къ чему охоты нѣтъ. Другой одежу любитъ хорошую, а мнѣ все одно, какой ни попадись зинунишко, было бы только тепло. Вотъ ребята теперь, такъ у всякаго своя охота есть: кто рыбу ловить, кто что; въ разныя игры играютъ, пѣсни поютъ, а меня ничто не манить. Въ тѣ поры, когда людямъ весело, мнѣ тошнѣй бываетъ, меня тоска пуще за сердце сосетъ.

АРХИПЪ.

Такъ въ тебя Богъ вложилъ. Отъ младости ты не возлюбилъ міра сего суетнаго. У другихъ малодушество-то съ лѣтами проходить, когда бѣды да напасти, Афоня, изомнуть да въ муку изотрутъ человѣка; а ты вотъ не живя, еще ни горя ни радости не видавши, какъ старикъ разсуждаешь. Ну и благодари Бога, что онъ такъ умудрилъ тебя. Міръ тебя не прельщаетъ, соблазну ты не знаешь и грѣха, значить, на тебѣ меньше. Вотъ тебѣ какое счастье! А ты вотъ меня послушай! Я, Афоня, соблазнъ зналъ, да и не всегда отъ него отворачивался, а чаще того случалось, что своей охотой шолъ на соблазнъ. Тебѣ вотъ все равно, ты говоришь; для тебя никакой утѣхи на свѣтѣ нѣтъ, а мнѣ божій міръ хорошъ и красивъ былъ: все тебя манило, все тебя прельщало. Несытое око да вольная воля велятъ тебѣ всю сладость мірскую извѣдать. А въ міру-то, Афоня, добро со зломъ рядомъ живетъ, объ руку ходитъ. Ну и нагрѣшишь грѣховъ—то больше песка морского. Хорошо вотъ Богъ привелъ до покаянія дожить, не во грѣхахъ засталъ. Каешься, сокрушаешься, на милосердіе надѣешься, а тебѣ не въ чемъ будетъ каяться: ты у насъ, Афоня, божій человѣкъ.

АФОНЯ.

Нѣтъ, дѣдушко, нѣтъ, не говори ты этого! Какой я божій человѣкъ! Я видалъ божіихъ людей, они добрые, зла не помнятъ; ихъ бранятъ, дразнятъ, а они смѣются. А я, дѣдушко, сердцемъ крутъ. Вотъ какъ братъ же, только братъ отходчивъ, а я нѣтъ; я, дѣдушко, злой!

АРХИПЪ.

Да на кого тебѣ, дитяtko, сердце имѣтъ! Кто тебя обижаетъ?

АФОНЯ.

Меня-то не обижаютъ, а у меня за всѣхъ сердце болитъ: за тебя, за брата, за всѣхъ.

АРХИПЪ.

Чтожь тебѣ объ насъ болѣзновать! Мы, кажись, живемъ безобидно.

АФОНЯ.

Мы и жили безобидно, пока братъ холостой былъ. Дѣдушко, за что братъ такъ очень жену любить?

АРХИПЪ.

Какже ему не любить ее! Зачѣмъ же онъ и женился! Ты бы радоваться долженъ, что братъ жену любить. Экой ты глупый человекъ!

АФОНЯ.

Нѣтъ, я дѣло говорю. Прежде меня братъ больше любилъ и тебя больше любилъ.

АРХИПЪ.

Ты стало-быть ненавистникъ! Стало-быть ты завидуешь.

АФОНЯ.

Нѣтъ, не завидую. Братъ нешто слѣпъ? Такъ ли она его любить, какъ онъ ее? Стоитъ ли она его? Зачѣмъ же онъ передъ ними рабствуетъ? Мнѣ обидно, что онъ рабствуетъ. Хуже чтоли онъ ихъ съ сестрой? Жену-то въ домъ приводятъ работницу, а она сидитъ сложа руки. Братъ одинъ работаетъ да ухаживаетъ за ними. Мнѣ его жаль.

АРХИПЪ.

Тебѣ что за дѣло! Его охота. Онъ работаетъ, тебя не заставляетъ. Мы съ тобой сыты по его жъ милости.

АФОНЯ.

Нешто я не знаю. Ты мнѣ, дѣдушко, вотъ что скажи: лучше онъ брата или нѣтъ?

АРХИПЪ.

Лучше не лучше, а онъ другого роду.

АФОНЯ.

Такъ чтожь, что другого роду! Стало-быть братъ долженъ работать на нихъ, кормить ихъ, одѣвать; а онъ будутъ важничать. Лучше брата на свѣтѣ человекъ нѣтъ, а его сдѣлали работникомъ.

АРХИПЪ.

Почемъ ты знаешь; можетъ братъ самъ не хотеть, чтобъ она работала.

АФОНЯ.

А коль не работаетъ, такъ и не величайся! Вышла замужъ за мѣщанина, такая же мѣщанка стала, какъ и мы. Чтожъ мы проклятые чтоли какіе, прости Господи! У насъ тоже и общество есть и подати платимъ и повинности всякія несемъ. Братъ по́томъ да горбомъ деньги—то достааетъ, да въ общество несетъ. Сидѣла бы дома въ дѣвкахъ да и барствовала, а вышла замужъ, такъ знай, что одинъ въ домѣ большой — хозяинъ. Я вѣдь, дѣдушко, все вижу, все слышу; меня онѣ, безстыжія, не берегутся. Братъ ей платки да платья шолковыя дарить, а онѣ съ сестрой промежъ себя смѣются, дуракомъ его называютъ. Я все слышу, все горько мнѣ, дѣдушко, горько! Сталъ я брату говорить, онѣ меня же изругалъ. (*Молчаніе.*) Вотъ я, дѣдушко, никакъ уснуть не могу; что я днемъ-то вижу, все это мнѣ и лѣзетъ въ глаза, засосетъ у меня сердце и всю—то ночь я плачу. Какой я жилецъ! Мнѣ теперь съ здоровьемъ-то и поправиться нельзя. Ужъ очень у меня сердце горячо! Скорѣй бы меня Богъ прибралъ, чтобы мнѣ меньше мучиться.

АРХИПЪ.

Полно грѣшнить—то! Тебѣ жить, да жить! Мнѣ вотъ, Афоня, ужъ вовсе жить незачѣмъ, а я все живу. Богъ—то знаетъ что дѣлаетъ. Что я за человекъ сталъ! Краснаго солнышка, яснаго мѣсяца я не вижу, зеленыхъ луговъ тоже, студеной водицы и всей твари божьей тоже не увижу никогда. А больнѣй мнѣ всего, что не вижу я свѣтлаго лица человѣческаго.

АФОНЯ.

Тебѣ, дѣдушко, жаль, что ты не видишь ничего; а мнѣ такъ надоѣло это все; немило мнѣ ничто.

АРХИПЪ.

Оттого тебѣ и немило, что ты сердцемъ непокоенъ. А ты гляди чаще да больше на божій міръ, а на людей—то меньше смотри; вотъ тебѣ на сердцѣ и легче станетъ. И ночи будешь спать и сны тебѣ хорошіе будутъ сниться. Гдѣ мы теперь сидимъ, Афоня?

АФОНЯ.

На берегу, дѣдушко, подлѣ Зайчихи.

АРХИПЪ.

А мостъ у насъ направо?

АФОНЯ.

Направо, дѣдушко.

АРХИПЪ.

А солнышко теперъ налѣво?

АФОНЯ.

Налѣво, дѣдушко; совсѣмъ садится.

АРХИПЪ.

Въ тучку?

АФОНЯ.

Нѣтъ, чисто. Заря таково ярко горитъ, должно къ вѣдру.

АРХИПЪ.

То-то, то-то, я самъ чую, воздухъ такой легкой, вѣтерокъ свѣженькой; такъ бы и не ушолъ. Красенъ, Афоня, красенъ божій міръ! Вотъ теперъ роса будетъ падать, отъ всякаго цвѣгу духъ пойдетъ; а тамъ и звѣздочки зажгутся; а надъ звѣздами, Афоня, нашъ творецъ милосердный. Кабы мы получше помнили, что онъ милосердъ, сами были бы милосердиѣ!

АФОНЯ.

Я, дѣдушко, буду стараться укротить свое сердце. (*Входитъ Бабаевъ.*) Пойдемъ, дѣдушко! Какой-то чужой баринъ тутъ ходитъ; еще пожалуй станеть смѣяться надъ нашими рѣчами.

АРХИПЪ (встаетъ и идетъ за Афоней).

Величить душа моя Господа. (*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II

БАБАЕВЪ (одинъ).

Когда ждешь чего-нибудь пріятнаго, какъ время долго тянется! Нарочно сдѣлалъ большой обходъ, чтобы не рано придти сюда, а все-таки пришолъ прежде нихъ. Ужасно нелюблю дожидаться! Что за глупое положеніе! А женщины вообще любятъ помучить, это въ ихъ характерѣ; имъ очень нравится, когда ихъ ждуть. Конечно это къ Танѣ не относится: она я думаю рада-радехонька, что я притѣхалъ; я говорю про женщинъ намъ равныхъ. Я думаю, онѣ мучатъ для того... какъ бы это сказать... а мысль совершенно оригинальная... для того, чтобы впередъ вознаградить себя за тѣ права, которыя онѣ потомъ теряютъ. Вотъ что значить быть среди хорошаго ландшафта, такъ-сказать, наединѣ съ природой! Какія прекрасныя мысли приходятъ въ голову! Если эту мысль развить, конечно на-

досугъ, въ деревнѣ, можетъ выйти миленькая повѣсть или даже комедія вроде Альфредъ Мюссе. Только въѣд у насъ не съиграютъ. Такия вещи нужно играть тонко, очень тонко; тутъ главное — букетъ. Кажется кто-то идетъ. Не онъ ли? Какъ-то мы встрѣтимся? Два года разлуки много значать. (*Входятъ: Краснова и Жмигулина.*)

ЯВЛЕНИЕ III

БАБАЕВЪ, КРАСНОВА и ЖМИГУЛИНА.

КРАСНОВА (подавая руку Бабаеву).

Здравствуйте, Валентинъ Павлычъ! Я такъ обрадовалась, когда сестра мнѣ сказала, что вы приѣхали.

БАБАЕВЪ.

Значить вы меня еще не забыли.

КРАСНОВА.

Еще бы! Мы очень часто, даже очень часто съ сестрой вспоминаемъ про васъ. А вы такъ насъ забыли, она мнѣ сказывала.

БАБАЕВЪ.

Ну, нѣтъ, я васъ не забылъ. Есть отношенія, душенька Татьяна Даниловна, которыя нескоро забываются. Наше знакомство съ вами было въ этомъ родѣ. Неправда ли?

КРАСНОВА (потупясь).

Да-съ.

БАБАЕВЪ.

Увѣряю васъ, что, какъ только вырвался изъ Петербурга въ деревню, я постоянно искалъ случая побывать въ городѣ и непременно найти васъ.

ЖМИГУЛИНА.

И до-сихъ-поръ не находили такого случая? Скажите пожалуйста!

БАБАЕВЪ.

Увѣряю васъ.

ЖМИГУЛИНА.

Такъ вамъ и повѣрили! Ты, Таня, не вѣрь кавалерамъ, они всегда обманываютъ.

БАБАЕВЪ.

Вы-то за что на меня?

ЖМИГУЛИНА.

Это не къ однимъ вамъ, а и ко всѣмъ прочимъ кавалерамъ относится.

КРАСНОВА.

Вы долго здѣсь пробудете?

БАБАЕВЪ.

Долго ли пробуду-то? Я сначала думалъ, что это будетъ зависѣть отъ приказныхъ, у которыхъ мое дѣло; а теперь вижу, что это зависить отъ васъ, душа моя, Татьяна Даниловна.

КРАСНОВА.

Ужь это слишкомъ много чести для меня. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, денька три-четыре пробудете?

БАБАЕВЪ.

Дѣло мое обѣщали кончить черезъ три дня; но я пожалуй остался бы и еще дня на три или четыре, если вы этого хотите.

КРАСНОВА.

Разумѣется хочу.

БАБАЕВЪ.

Только вотъ что, душенька Татьяна Даниловна! У васъ въ городѣ тоска страшная. Я останусь, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы видѣться съ вами какъ можно чаще.

КРАСНОВА.

Чтожъ, это очень просто. Приходите къ намъ. Вотъ завтра чай кушать милости просимъ!

БАБАЕВЪ.

Да, но вѣдь къ вамъ часто нельзя же, пойдутъ сплетни да разговоры, и притомъ же вашъ мужъ...

КРАСНОВА.

Какое же ему дѣло! Вы мой знакомый, вы ко мнѣ придете, а не къ нему.

ЖМИГУЛИНА.

Потомъ мы съ своей стороны тоже учтивость соблюдаемъ, отплатимъ вамъ визитъ. И между прочимъ мы часто бываемъ у хозяйки вашей; слѣдовательно, если наше свиданіе для васъ интересно, вы можете туда приходите.

БАБАЕВЪ (отходить съ Красновой въ сторону).

Вы не скучаете замужемъ?

КРАСНОВА (помолчавъ).

Не знаю какъ вамъ сказать.

БАБАЕВЪ.

Вы, душенька Татьяна Даниловна, будьте откровенны! Вы знаете, какъ мы были всегда расположены къ вамъ.

КРАСНОВА.

Для чего же мнѣ быть съ вами откровенной? Какая можетъ быть изъ этого польза? Вѣдь ужъ теперь поправить нельзя.

БАБАЕВЪ.

Если нельзя совсѣмъ поправить, такъ можно, душенька Татьяна Даниловна, хоть навремя усладить свое существованіе, чтобы не совсѣмъ заглохнуть въ этой пошлой жизни.

КРАСНОВА.

Навремя! А потомъ еще тяжеле будетъ.

БАБАЕВЪ.

Знаете что! Я хочу совсѣмъ переѣхать въ деревню; тогда мы будемъ жить недалеко другъ отъ друга. Я готовъ даже въ городъ переѣхать, только бы вы...

КРАСНОВА (отворачиваясь).

Не говорите мнѣ пожалуста такихъ словъ! Я даже, Валентинъ Павлычъ, никакъ не ожидала этого слышать отъ васъ.

ЖМИГУЛИНА (Бабаеву).

Вы тамъ что-то ужъ очень? Я вѣдь все слышу.

БАБАЕВЪ.

Лукерья Даниловна, кажется кто-то идетъ. Сдѣлайте одолженіе, посмотрите тамъ на берегу: мнѣ нехотѣлось бы, чтобы насъ здѣсь видѣли вмѣстѣ.

ЖМИГУЛИНА.

Охъ вы! Тонкій кавалеръ! (*Отходитъ.*)

КРАСНОВА.

Такъ вы, Валентинъ Павлычъ, придете къ намъ завтра чай кушать?

БАБАЕВЪ.

Право не знаю, можетъ-быть.

КРАСНОВА.

Итътъ, непременно приходите! (*Молчаніе.*) Ну, какъ же мнѣ васъ просить? (*Беретъ Бабаева за руку.*) Ну, голубчикъ! Ну, ангельчикъ!

БАБАЕВЪ.

Однако вы, Татьяна Даниловна, перемѣнились.

КРАСНОВА.

Я перемѣнилась? Ей-богу, нѣтъ. Нисколько. Что вы меня обижаете!

БАБАЕВЪ.

Помните, въ Завѣтномъ, Татьяна Даниловна?

КРАСНОВА.

Чтоже такое? Я все помню.

БАБАЕВЪ.

Помните садъ? Помните липовую алею? Помните, какъ мы послѣ ужина, когда маменька уснетъ, на терасѣ сидивали? А помните тоненькую ленточку?

КРАСНОВА (тихо).

Какую?

БАБАЕВЪ.

Которой вы мнѣ руки связывали.

КРАСНОВА (конфузясь).

Ну, чтожъ изъ этого? Ну, я все помню, все.

БАБАЕВЪ.

А тоже, что вы, душа моя, теперь совсѣмъ не то, что прежде: вы такъ холодно меня встрѣтили.

КРАСНОВА.

Ахъ, Валентинъ Павлычъ! Я тогда была дѣвушка, могла любить кого хочу, а теперь я замужемъ. Вы только подумайте.

БАБАЕВЪ.

Ну да, конечно. Но все-таки я не могу никакъ представить себѣ, чтобы ты принадлежала другому. Я, ну вотъ что хочешь со мной дѣлай, едва удерживаюсь, чтобъ не назвать тебя попрежнему Таней.

КРАСНОВА.

Зачѣмъ же удерживаться! Называйте!

БАБАЕВЪ.

Да чтожъ толку, душа моя! Вѣдь ужъ вы меня не любите.

КРАСНОВА.

Да кто это вамъ сказалъ! Я васъ люблю точно такъ же, да еще и больше прежняго.

БАБАЕВЪ (нагибаясь къ ней).

Неужели, Танечка, это правда?

КРАСНОВА (цѣлуетъ его).

Ну вотъ вамъ въ доказательство! Теперь вы мнѣ вѣрите? Только, голубчикъ, Валентинъ Павлычъ, если вы не хотите моего не-

счастія на всю мою жизнь, чтобъ намъ такъ и любить другъ друга, какъ мы теперь любимъ, чтобъ вы ничего больше и не думали. А то лучше Богъ съ вами, отъ грѣха подальше!

БАБАЕВЪ.

Да ужь будь покойна, душенька, будь покойна!

КРАСНОВА.

Нѣтъ, вы побожитесь! Да хорошенько побожитесь, чтобъ ужь я васъ не боялась.

БАБАЕВЪ.

Какая ты глупенькая!

КРАСНОВА.

Ну да, глупенькая, какъ бы не такъ! Если послушать что старье—то люди говорятъ, такъ я и то грѣхъ большой дѣлаю. По старому-то закону, я кромѣ мужа не должна никого любить. Только что, такъ какъ я его любить не могу, а васъ и допрежде того любила, и сердца мнѣ своего не преодолѣть, такъ ужь я... Только сохрани васъ Господи!.. и ужь я ни подь какимъ видомъ... потому что я хочу въ законѣ жить.

БАБАЕВЪ.

Да успокойся!

КРАСНОВА.

Такъ-то, милый Валентинъ Павлычъ. Значитъ между нами будетъ теперь самая пріятная любовь: ни отъ Бога не грѣхъ, ни отъ людей не стыдно.

БАБАЕВЪ.

Да, да, ужь чего-жъ лучше!

КРАСНОВА.

Вотъ я васъ поцѣлую за это, что вы такой умный (*цѣлуетъ его.*) Ну, такъ вы придете къ намъ завтра, этакъ въ вечерни?

БАБАЕВЪ.

А потомъ ты ко мнѣ?

КРАСНОВА.

Непремѣнно приходите! А потомъ мы къ вамъ; ужь я теперь васъ не боюсь.

БАБАЕВЪ.

Какая ты красавица! Ты еще лучше стала, чѣмъ прежде.

КРАСНОВА.

Ну, это пуцай такъ при мнѣ и останется! Прощайте! Луша, пойдѣмъ!

ЖМИГУЛИНА (подходя).

До свиданія! Покойной ночи, пріятнаго сна! Розы рвать, жа-

смины поливать! (*Уходя.*) Только какой вы! Ой, ой, ой! Ну ужь молодець, нечего сказать! Я только смотрѣла, да удивлялась. (*Уходятъ.*)

БАБАЕВЪ.

Ну, романъ начинается, какова-то будетъ развязка!

(*Занавѣсъ.*)

ДѢЙСТВІЕ II

СЦЕНА I

ЛИЦА

ЛЕВЪ РОДИОНЫЧЪ КРАСНОВЪ, лавочникъ, лѣтъ тридцати.

КРАСНОВА, ЖМИГУЛИНА, АРХИПЪ, АФОНЯ, БАБАЕВЪ.

МАНУЙЛО КАЛИНЫЧЪ КУРИЦЫНЪ, мучникъ, лѣтъ сорока-пяти.

УЛЬЯНА РОДИОНОВНА КУРИЦЫНА, жена его, сестра Краснова.

Комната въ домѣ Краснова: прямо дверь въ сѣни; направо кровать съ ситцевымъ пологомъ и окно, налѣво лежанка и дверь въ кухню; на авансценѣ простой досчатый столъ и нѣсколько стульевъ; у задней стѣны и у окна скамьи, у лѣвой стѣны шкафъ съ чашками, маленькое зеркало и стѣнные часы.

ЯВЛЕНІЕ I

КРАСНОВА (передъ зеркаломъ надѣваетъ платокъ), АФОНЯ (лежитъ на лежанкѣ), ЖМИГУЛИНА (входитъ съ цвѣтной салфеткой).

ЖМИГУЛИНА.

Вотъ, Таня, я у сосѣдей салфетку достала столъ-то покрыть, а то наша-то ужь больно плоха. (*Ставитъ салфетку на столъ.*)

КРАСНОВА.

Самоваръ-то поставленъ?

ЖМИГУЛИНА.

Ужь давно поставленъ, скоро закипитъ. Ну вотъ видишь, какъ я говорила, такъ и выходитъ: этотъ платокъ къ тебѣ гораздо лучше идетъ. Только зачѣмъ ты его заколола булавкой. (*Поправляетъ*) Вотъ такъ будетъ вантажище.

АФОНЯ.

Куда рядишься? Что передъ зеркаломъ—то паялилась?

КРАСНОВА.

Никуда, мы дома будемъ.

ЖМИГУЛИНА.

Да тебѣ что за печаль! Чтожъ, потвоему, чумичкой ходить какъ ты?

АФОНЯ.

Да для кого рядиться—то? Для мужа что—ль? Такъ онъ и безъ нарядовъ твоихъ любить тебя больше того, чѣмъ ты стоишь. Аль для кого другого?

ЖМИГУЛИНА.

Ишь ты! Дуракъ-дуракъ, а понялъ, что для кого-нибудь родятся.

КРАСНОВА.

Что мнѣ для мужа рядиться! Онъ меня и такъ знаетъ. Коли я ряжусь, такъ значить для чужого.

АФОНЯ.

Передъ кѣмъ дьяволить хочешь? Кого прельщать? Аль въ тебѣ совѣсти нѣтъ?

ЖМИГУЛИНА.

Ну, да что съ дуракомъ толковать! Ему только и дѣла что молоть. Лежить на печкѣ, да придумываетъ.

КРАСНОВА.

Что ты въ самомъ дѣлѣ за указчикъ! Мужъ мнѣ ничего не говорить, а ты разсуждать смѣешь!

АФОНЯ.

Да онъ ослѣпъ отъ васъ, ослѣпъ. Испортили вы его зельемъ какимъ—нибудь.

ЖМИГУЛИНА.

Молчи ужъ, коли Богъ убилъ! Знай свое дѣло: кашлай вѣкъ, грѣха въ томъ нѣтъ.

АФОНЯ.

Дуракъ братъ, дуракъ! загубилъ онъ свою голову.

ЖМИГУЛИНА.

Таня, не внести ли самоваръ—то?

КРАСНОВА.

Неси! А я чашки разставляю. (*Ставитъ чашки. Жмигулина уходитъ*) Шолъ бы ты въ кухню.

АФОНЯ.

Мнѣ и здѣсь хорошо.

КРАСНОВА.

Чужіе люди придуть, а ты тутъ тоску наводишь.

АФОНЯ.

Не пойду я.

КРАСНОВА.

Вотъ правда пословица—то: «съ дуракомъ пива не сварить». Вѣдь къ намъ не вашъ братъ лавочникъ какой-нибудь придетъ! Баринъ придетъ, слышишь ты! Что ты ломаешься—то!

АФОНЯ.

Какой баринъ? зачѣмъ?

КРАСНОВА.

Такой же баринъ, какъ и всѣ господа бываютъ. Нашъ знакомый, помѣщикъ богатый; ну и стулай вонъ!

АФОНЯ.

Онъ тамъ у себя баринъ, а я здѣсь у себя баринъ. Не я къ нему иду, онъ ко мнѣ идетъ. Я у себя дома, я больной человѣкъ, никого не уважаю. Ты для него что ли разрядилась—то?

КРАСНОВА.

Мое дѣло, не твое. (*Жмигулина вноситъ самоваръ*).

ЖМИГУЛИНА (*ставитъ самоваръ на столъ*).

Лѣвъ Радіонычъ идетъ съ кѣмъ—то.

КРАСНОВА.

Ну какъ изъ родныхъ кто, вотъ наказаніе—то!

АФОНЯ.

Наказанье! А вы зачѣмъ въ нашу родню влѣзли. (*Входятъ: Красновъ, Курицынъ и Курицына*).

ЯВЛЕНИЕ II

КРАСНОВЪ, КРАСНОВА, ЖМИГУЛИНА, АФОНЯ, КУРИЦЫНЪ,
КУРИЦЫНА.

КРАСНОВЪ (*женѣ*).

Здравствуйте—съ! (*Цѣлуются*).

Вотъ нѣжности!

КРАСНОВА.

КРАСНОВЪ.

Ничего-съ. Дѣло законное-съ! Извольте гостинцу-съ! Винныхъ ягдоекъ, свѣжихъ получили-съ? (*Подаетъ свертокъ*). Вотъ я вамъ гостей привелъ. Самоваръ-то ужь готовъ у васъ, вотъ и кстати-съ.

КУРИЦЫНА.

Здравствуйте, сестрица! Вы такая гордая, никогда къ намъ не зайдете! А мы по простотѣ живемъ, взяли да и пришли съ Мануйломъ Калинычемъ непрошенные.

КУРИЦЫНЪ.

Здравствуй, сестра! Что взаправду родней-то гнушаешься! Забѣжала бы когда, чай ноги-то не отсохли!

КРАСНОВЪ.

Ну когда имъ по гостямъ ходить! имъ только бы дома-то управиться! Къ хозяйству начинаютъ привыкать.

КУРИЦЫНА.

Надо, сестрица, привыкать, надо. Такая наша женская обязанность! Не за миллионщикомъ вы замужемъ-то, нечего барствовать!

КУРИЦЫНЪ.

А ты приучай, да хорошенько!

КУРИЦЫНА (подходя къ Афонѣ).

А ты, Афоня, все хвораешь? Ты бы чѣмъ полечился!

КУРИЦЫНЪ (тоже подходя къ Афонѣ).

А ты ѣшь больше, вотъ и хворь пройдетъ. Нехочется, такъ насильно ѣшь! Да, я тебѣ говорю! (*Разговариваетъ съ Афоней тихо*).

КРАСНОВА (мужу).

Что вы надѣлали! какихъ вы гостей навели!

ЖМИГУЛИНА.

Ну ужь, признаться, зарѣзали вы насъ. Такой конфузъ, такой конфузъ!

КРАСНОВЪ.

Какой конфузъ, что баринъ-то придетъ-съ? Такъ чтожъ за бѣда! Невелика важность! Пуцай посмотреть какая родня у васъ.

ЖМИГУЛИНА.

Очень ему интересно!

КРАСНОВЪ.

Не гнать же мнѣ сестру для него! Стало-быть и разговору нѣтъ. Я его еще и въ глаза не видалъ, какой онъ такой; а это покрайней-

мѣрѣ родня. А впрочемъ наши недолго засидятся. (*Женѣ*) Садитесь, наливайте чай! Братецъ, сестрица, пожалуйста! По чашечкѣ-съ! (*Всѣ, исключая Афони, садятся у стола*).

КУРИЦЫНЪ.

Дѣло, братъ, праздничное, такъ оно передъ чайкомъ-то бы того... по малости. Аль самъ-то не пьешь?

КРАСНОВЪ.

Женившись на Татьянѣ Даниловнѣ, я съ самаго того дня все это въ пренебреженіи оставилъ-съ. Татьяна Даниловна, попотчуйте братца съ сестрицей водкой!

КРАСНОВА (*достаетъ изъ шкафа и ставитъ на столъ графинъ, рюмку и закуску*).

Пожалуйте, сестрица! (*Курицына пьетъ*) Пожалуйте, братецъ!

КУРИЦЫНЪ.

Не такъ просишь, порядку не знаешь.

КРАСНОВЪ.

Вы, братецъ, не ломайтесь! Моя супруга вашихъ обнокнове-ніевъ не знаютъ, да и знать имъ не для чего. Пожалуйте, безъ церемоніи.

КУРИЦЫНЪ (*выпивъ*).

Балуешь ты свою жену, вотъ что я тебѣ скажу! Да, воля и добрую жену портить. А ты бы съ меня примѣръ бралъ, училъ бы ты ее уму-разуму, такъ лучше бы дѣло-то, прочнѣй было. Спроси вотъ, какъ я твою сестру школилъ, небу жарко было.

КУРИЦЫНА.

Да ужъ вы, Мануйло Калинычъ, извѣстный варваръ, кровопи-вецъ! Вамъ только бы надъ женой ломаться да власть показывать, въ томъ вся ваша жизнь проходитъ.

КУРИЦЫНЪ.

Какія это такія слова? Кто это ихъ здѣсь говорить? Гдѣ это го-ворять? (*оглядываясь*) Нѣтъ ли тутъ кого чужого, посторонняго? Словно какъ свои-то у меня не смѣютъ такъ разговаривать!

КУРИЦЫНА (*спохватясь*).

Это я такъ къ слову только, Мануйло Калинычъ! А что конечно, сестрица, съ нашей сестрой безъ острастки нельзя. Не даромъ го-ворится: жену бей, такъ щи вкуснѣй.

КРАСНОВА.

Какъ кому нравится, кто что любить! Вамъ, сестрица, пра-вится такое обращеніе, а я считаю за невѣжество.

ЖМИГУЛИНА.

Нынче ужъ мужицкое—то обращеніе вездѣ бросаютъ, выходить стало изъ моды.

КУРИЦЫНЪ.

Ну ужъ это ты врешь! Никогда эта самая наука, которая надъ бабами, изъ моды не выдетъ, потому безъ нея нельзя. Братъ, слушай, я до чего Ульяну доводилъ, до какой точки. Бывало у насъ промежъ себя, промежъ знакомыхъ или сродственникововъ за споромъ дѣло станеть, чья жена обходительнѣе. Я всѣхъ къ себѣ на домъ веду, сяду на лавку, вотъ такъ—то ногу выставлю и сейчасъ говорю женѣ: «чего моя нога хочеть?» А она понимаетъ, потому обучена этому, ну и значить сейчасъ въ ноги мнѣ.

КУРИЦЫНА.

Чтожъ, это точно, это бывало. Я при всѣхъ безъ стыда скажу.

КРАСНОВЪ.

Ничего въ этомъ нѣтъ хорошаго, одинъ куражъ.

КУРИЦЫНЪ.

Эхъ, братъ! бей шубу, будетъ теплѣе; а жену, будетъ умнѣе.

КРАСНОВА.

Не всякая жена позволить себя бить, а которая позволяетъ, такъ она значить больше того и не стоитъ.

КУРИЦЫНА.

Чтожъ это вы, сестрица, вдругъ такъ заважничали! хуже что ли я васъ? Ты, матушка, погоди больно возноситься—то! Можно тебѣ крылья—то и ошибить.

КРАСНОВЪ.

Можно да осторожно.

КУРИЦЫНА.

Да ты—то что! Взялъ голя да и важничаетъ. Али ты воображаешь, что на значительной помѣщицѣ женился!

КРАСНОВЪ.

Что я воображаю — это мое дѣло, и не съ твоимъ разумомъ его понимать. Значить падо тебѣ молчать.

ЖМИГУЛИНА.

Вотъ такъ занятный разговоръ, есть что послушать!

КУРИЦЫНА.

Кажется не изъ барскаго роду взята, а изъ приказнаго. Не велика дворянка. Козель да приказный — бѣсова родня.

КРАСНОВЪ.

Я тебѣ сказалъ: молчи! Не десять разъ говорить, сразу должна понимать!

КУРИЦЫНЪ.

Не трожь, пушай ихъ! Я люблю когда бабы браниться свяжутся.

КРАСНОВЪ.

Да я-то не люблю.

КУРИЦЫНА.

Мало-ль ты чего не любишь, такъ по тебѣ и угождать! Ишь ты какой грозный! Ты на жену кричи, а на меня нечего: я тебѣ не подначальная. У меня свой муженекъ хорошъ, есть кому командовать-то и безъ тебя. Не я виновата, что твоя жена по пустырямъ да по заулкамъ шляется, да съ молодыми господами по цѣлымъ часамъ балясы точить.

КРАСНОВЪ (вскочивъ).

Что-съ!

КРАСНОВА.

Никакихъ я пустырей, никакихъ переулковъ не знаю; а что встрѣтилась я съ Валентиномъ Павлычемъ на берегу, такъ это я вамъ, Лёвъ Родионычъ, сказывала, и даже все, что мы говорили.

ЖМИГУЛИНА.

Да вѣдь и я тутъ сопутствовала.

КУРИЦЫНА.

Да ты такая же.

КРАСНОВЪ.

Ну не эмѣ ли ты теперича подколодная! а еще сестра называешься. Чего тебѣ хочется? меня съ женой разстроить? Ненавистно тебѣ, что я ее люблю? Такъ знай ты завсегда, что я ее ни на кого не промѣняю. Я тридцать лѣтъ для семьи бобылемъ жилъ, до кроваваго поту работалъ, да тогда только жениться-то задумалъ, когда весь домъ устроилъ. Я тридцать лѣтъ себѣ никакой радости не зналъ. Слѣдственно я долженъ быть имъ, супругъ моей, благодаренъ, что онъ, при всей своей красотѣ и образованіи, полюбили меня, мужика. Допрежь того я на васъ былъ работникъ, а теперь на нихъ вѣчный работникъ. Околѣю на работъ, а для нихъ всякое удовольствіе сдѣлаю. Я долженъ у нихъ ножки цѣловать, потому что я очень хорошо понимаю, что я и со всѣмъ-то домомъ противъ одного ихняго мизинца негожусь. Такъ послѣ этого нешто я дамъ ихъ въ обиду! Я уважаю и всѣ уважай!

ЖМИГУЛИНА.

Сестра и сама понимаетъ, что она всякаго уваженія стоитъ.

КРАСНОВЪ.

Ты какое слово сказала-то! коли повѣрить тебѣ, чтожъ тогда дѣ-
лать! Ну, скажи! Одна у меня радость, одно утѣшеніе, и я его
долженъ рѣшиться. Легко это, а? легко? Я не каменный какой,
чтобъ на такія женины дѣла сквозь пальцы смотрѣть! Меня слово-
то твое дурацкое только за ухо задѣло, и то во мнѣ все сердце пе-
ревернулось. А повѣрь я тебѣ, такъ вѣдь, чего Боже сохрани, долго
ли до грѣха-то! За себя поручиться нельзя: каковъ часть выдетъ.
Пожалуй дьяволъ подъ руку-то толкнетъ. Господи оборони насъ!
Нешто этимъ шутятъ! Ужь коли ты хотѣла обидѣть меня, взяла бы
ты ножикъ да пнула мнѣ въ бокъ, легче бы мнѣ было. Послѣ та-
кихъ словъ мнѣ лучше тебя, разлучницу, весь вѣкъ не видать; я
лучше отъ всей родни откажусь, чѣмъ ваше ехидство переносить.

КУРИЦЫНА.

Не я разлучница-то, она родню-то разлучаетъ.

КУРИЦЫНЪ.

Что братъ! Видно жонина родня — такъ отворяй ворота; а
мужнина родня — такъ запирай ворота! Приходи къ намъ, и мы
такъ-то угостить сумѣемъ. Пойдемъ жена, дома лучше!

КУРИЦЫНА.

Ну, прощай, сестрица, да помни! И ты, братецъ, подожди,
какъ-нибудь сочтемся. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ III

КРАСНОВЪ, КРАСНОВА, ЖМИГУЛИНА, АФОНЯ.

КРАСНОВЪ (подходя къ женѣ).

Татьяна Даниловна, вы не возьмите себѣ этого въ обиду, потому
необломанный народъ.

КРАСНОВА.

Вотъ она ваша родня-то! я не въ примѣръ лучше въ дѣвушкахъ
жила; покрайности я знала, что никто меня обидѣть не смѣетъ.

ЖМИГУЛИНА (прибирая со стола).

Мы съ простонародіемъ никогда не знались.

КРАСНОВЪ.

Да и я васъ въ обиду не дамъ-съ. При вашихъ глазахъ родной

сестры не пожалѣлъ, изъ дому прогналъ; а доведись кого чужого, такъ онъ бы и ногъ не уволокъ. Вы еще не знаете моего характера, я подчасъ самъ себѣ не радъ.

КРАСНОВА.

Чтожъ вы, сердиты чтоли очень?

КРАСНОВЪ.

Не то что сердить, а горячь: себя не помню, людей не вижу въ этомъ разѣ.

КРАСНОВА.

Какія вы страсти говорите! Отчего же вы мнѣ прежде не сказали о своемъ характерѣ, я бы за васъ и не пошла.

КРАСНОВЪ.

Коли горячій человекъ, такъ въ этомъ ничего худого нѣтъ-съ. Стало-быть онъ до всякаго дѣла горячь, и до работы, и любить можетъ лучше, потому больше другихъ чувства имѣеть.

КРАСНОВА.

Я теперь буду васъ бояться.

КРАСНОВЪ.

Страху-то мнѣ отъ васъ не больно нужно-съ. А желательно бы узнать, когда вы меня любить-то будете?

КРАСНОВА.

Какой же вамъ еще любви отъ меня надо?

КРАСНОВЪ.

Вы чай сами знаете какой-съ; только можетъ-быть нечувствуете. Что дѣлать! Будемъ ждать, авось послѣ придетъ. Чего на свѣтѣ не бываетъ! Были и такіе случаи, что любовь-то на пятый, или на шестой годъ послѣ сватъбы приходитъ. Да еще какая! Лучше чѣмъ смолоду.

КРАСНОВА.

Ну и ждите!

ЖМИГУЛИНА.

Это вы очень горячи къ любви-то, а мы совѣмъ другого воспитанія.

КРАСНОВЪ.

Вы насчетъ воспитанія говорите? Я вамъ вотъ что на ваши слова скажу-съ: будь я помоложе, я бы для Татьяны Даниловны во всякую науку пошолъ. Я и самъ вижу, чего мнѣ нехватаетъ-съ, да ужъ теперь года ушли. Душа есть-съ, а воспитанія нѣтъ-съ. А будь я воспитанъ-съ...

ЖМИГУЛИНА (взглянувъ въ окно.)

Идетъ, Таня, идетъ. (*Бѣгутъ обѣ изъ комнаты.*)

КРАСНОВЪ.

Куда же вы такъ вдругъ-съ? Бѣжать-то зачѣмъ?

ЖМИГУЛИНА.

Что вы! Опомнитесь! Надо же встрѣтить, учтивость соблюсти. (*Уходятъ.*)

АФОНЯ.

Братъ! Ты сестру прогналъ; за дѣло ли, не за дѣло ли, Богъ тебя суди! А ты на барина-то поглядывай! Поглядывай, я тебѣ говорю.

КРАСНОВЪ.

Что на тебя пропасти нѣтъ! Шипишь ты, какъ змѣя. Ужалить тебѣ меня хотѣлось. Убирайся вонъ отсюда! Поди, говорятъ тебѣ, а то до смерти убью.

АФОНЯ.

Чтожъ, убей! Мнѣ жизнь-то небольшо сладка, да и жить-то недолго осталось. Только не будь ты слѣпъ! Не будь ты слѣпъ! (*Уходитъ.*)

КРАСНОВЪ.

Что они съ моей головой дѣлаютъ! Аль въ самомъ дѣлѣ смѣть надо, аль смущаютъ только? Гдѣ-жъ тогда, значить, любовь! Да неужто-жъ, Господи, я себѣ не утѣху, а муку взялъ! Встряхнись, Левъ Радіоновъ, встряхнись! Не слушай лукаваго! Одна у тебя радость, — онъ отниметъ, сердце высушитъ. Всю свою жизнь загубишь! Ни за грошъ пропадешь! Все это наносныя слова, вотъ что! Ненавистно стало, что жена хороша, да живемъ ладно, — и давай мутить. Видимое дѣло. Въ каждой семьѣ такъ. Бросить, да не думать, вотъ и конецъ. А барина надо будетъ выжить, да чтобъ и впередъ не заглядывалъ. Ходите, молъ, почаще, безъ васъ веселѣй. Такъ оно и разговору меньше, да и на сердцѣ покойнѣе. (*Входятъ: Бабаевъ, Краснова и Жмигулина.*)

ЯВЛЕНИЕ IV

БАБАЕВЪ, КРАСНОВЪ, КРАСНОВА, ЖМИГУЛИНА.

БАБАЕВЪ.

Такъ вотъ вы гдѣ живете! Это у васъ свой домикъ?

КРАСНОВА.

Свой-съ. А вотъ это мой мужъ-съ.

БАБАЕВЪ.

А, очень пріятно. Я съ вашей женой давно знакомъ.

КРАСНОВЪ.

Это ваше дѣло-съ.

БАБАЕВЪ.

Вы торгуете?

КРАСНОВЪ.

А это вотъ наше дѣло-съ.

КРАСНОВА.

Чтожъ вы не сядете! (*Бабаевъ и Красновъ садятся.*) Неудобно ли вамъ чаю?

БАБАЕВЪ.

Нѣтъ, благодарю; я теперь не пью чаю.

ЖМИГУЛИНА.

Ахъ, Таня, мы и забыли, что въ Петербургѣ совсѣмъ другой вкусъ. (*Бабаеву.*) Можно сію минуту кофей сдѣлать.

БАБАЕВЪ.

Нѣтъ, вы пожалуста не беспокойтесь: я ужъ пилъ. Мы лучше такъ посидимъ, потолкуемъ о чемъ-нибудь. Веселитесь ли вы здѣсь? Есть ли у васъ развлечения?

КРАСНОВА.

Нѣтъ-съ. Какія же здѣсь могутъ-быть развлечения!

БАБАЕВЪ.

Какъ же вы время проводите? Неужели все дома сидите?

КРАСНОВА.

Большею частью.

КРАСНОВЪ.

Да оно такъ и слѣдуетъ въ нашемъ званіи. По нашему, по руски: мужикъ да собака на дворѣ, а баба да кошка дома.

ЖМИГУЛИНА (тихо Краснову.)

Учтивѣй-то вы не можете?

КРАСНОВЪ.

Я свое дѣло знаю.

БАБАЕВЪ.

Такъ вы хозяйствомъ занимаетесь. Вамъ, я думаю, трудно было привыкать къ новымъ обязанностямъ.

КРАСНОВА (взглянувъ на мужа.)

Да-съ. А впрочемъ нельзя сказать... конечно... сначала...

БАБАЕВЪ (Жмигулиной.)

Я спрашиваю, а и самъ хорошенько не знаю въ чемъ заключаются эти обязанности.

ЖМИГУЛИНА.

Да вамъ, по благородству вашему, и знать-то это низко.

КРАСНОВЪ.

Никакой низкости нѣтъ.

БАБАЕВЪ.

А въ самомъ дѣлѣ, чтоже тутъ низкаго?

ЖМИГУЛИНА.

Слова низкія и даже довольно грязныя, которыхъ при людяхъ воспитанныхъ никогда не говорятъ.

БАБАЕВЪ.

Ну, предположите, что я человѣкъ невоспитанный. Какія же слова, скажите!

ЖМИГУЛИНА.

Вы просто насъ съ Таней конфузите. Вамъ интересно слышать эти слова, такъ извольте! Къ хозяйству относится кухня и всякія простонародныя вещи: сковрода, сковородникъ, ухватъ. Развѣ это не низко?

КРАСНОВЪ.

Да ужь низко ли ухватъ, высоко ли, а коли щи въ печку сажать, такъ доставать его надо.

КРАСНОВА.

Вы хоть бы при гостяхъ-то не обижали жену!

КРАСНОВЪ.

Да я васъ ни при гостяхъ, ни безъ гостей никогда на волосъ не обидѣлъ-съ. А васъ спрашиваютъ, какая вы мужу хозяйка, да еще при мужѣ-съ; такъ, я полагаю, вамъ бы надо отвѣчать, что вы мужу своему хозяйка хорошая, своей должностію негнушаетесь; потому что въ нашемъ званіи это первое дѣло-съ.

ЖМИГУЛИНА (тихо Краснову.)

Вы намъ мѣшаете съ нашимъ гостемъ разговаривать.

БАБАЕВЪ (тихо Красновой.)

Что, онъ у васъ всегда такой?

КРАСНОВА (тихо.)

Я незнаю, что съ нимъ сдѣлалось.

БАБАЕВЪ (тихо.)

Вы сами видите, что мнѣ здѣсь дѣлать нечего. Вы лучше при-

ходите ко мнѣ сегодня, а я теперь пойду домой. (*Громко.*) Ну, прощайте! Надѣюсь, что мы видимся съ вами не въ послѣдній разъ.

ЖМИГУЛИНА.

Конечно, конечно.

КРАСНОВА.

Покорно благодаримъ за посѣщеніе!

КРАСНОВЪ (*кланяясь.*)

Прощенья просимъ! Вы скоро отсюда уѣдете?

БАБАЕВЪ.

Не знаю. Какъ дѣло кончится.

КРАСНОВЪ.

Однако какъ полагаете?

БАБАЕВЪ.

Въ судѣ говорятъ, что послѣзавтра.

КРАСНОВЪ.

И значить какъ кончится, такъ вы въ тотъ же часъ и уѣдете?

БАБАЕВЪ.

Я думаю. Чтожъ мнѣ здѣсь дѣлать!

КРАСНОВЪ.

Да-съ! Оно точно, что нечего. Наше вамъ почтеніе! (*Бабаевъ, Краснова, Жмигулина уходятъ.*) Непрошенный гость хуже татарина. На что онъ намъ! Какая отъ него польза? Помощи его я не приму, потому мы сами не нищіе. Ну, значить и проваливай! Поѣзжай себѣ въ Петербургъ, и любезное дѣло! (*Входятъ: Краснова и Жмигулина.*)

ЯВЛЕНІЕ V

КРАСНОВЪ, КРАСНОВА, ЖМИГУЛИНА.

КРАСНОВА.

Чтоже это вы дѣлаете! Съ чего же вы взяли такъ обижать меня!

КРАСНОВЪ.

Никакой обиды-съ! А вы вотъ что-съ! Мы съ вами еще послѣ сватъбы ниразу не ссорились, такъ желательно, чтобы и впредь этого не было, а жить въ любви-съ.

ЖМИГУЛИНА.

Хороша любовь! Нечего сказать! (*Красновъ строго взглядываетъ на нее.*)

КРАСНОВА.

Гдѣже она, ваша любовь—то? Вотъ мы теперь ее хорошо видимъ. Вашимъ роднымъ да знакомымъ я прислуживай, какъ кухарка; а пришолъ нашъ знакомый, человекъ благородный, такъ вы его чуть не выгнали.

ЖМИГУЛИНА.

Да и выгнали, только что политически.

КРАСНОВА.

Ужь вы бы и не говорили лучше, что любите. Нужна мнѣ очень ваша любовь, когда вы будете меня срамить на каждомъ шагу.

КРАСНОВЪ.

Да я не понимаю, къ чему этотъ и разговоръ промежь насъ! Все и дѣло—то разговору не стоитъ. Можетъ мы его больше и не увидимъ никогда, да намъ и надобности въ немъ нѣтъ; съ чѣмъ пришолъ, съ тѣмъ и ушолъ. А намъ съ вами всю жизнь жить; такъ стоитъ ли онъ того, чтобы намъ съ вами изъ-за него неудобство имѣть.

КРАСНОВА.

Ахъ, Луша, какой срамъ—то! Что онъ теперь объ насъ подумаетъ!

ЖМИГУЛИНА.

Да. Онъ теперь скоро въ Петербургъ поѣдетъ; хорошее мнѣнїе онъ объ насъ туда повезетъ!

КРАСНОВЪ.

Я вамъ опять—таки скажу—съ, что его и всякія его мнѣнія надо бросить. Все дѣло—то гроша не стоитъ. Я такъ понимаю: есть ли онъ на свѣтѣ, нѣтъ ли его, это для насъ съ вами все одно—съ.

КРАСНОВА.

Для васъ его на свѣтѣ нѣтъ, но не для насъ. Мы съ сестрой—объщали бывать у него и даже сегодня хотимъ идти.

КРАСНОВЪ.

Некчему—съ.

КРАСНОВА.

Какъ некчему? Я вамъ говорю, что я хочу его видѣть.

КРАСНОВЪ.

Вы хотите, да мнѣ не желательно. Должны вы меня уважить, или нѣтъ?

КРАСНОВА.

Что это вы какую власть вдругъ забрали. Да вы и не воображайте, чтобъ мы васъ послушались, — этому не бывать!

КРАСНОВЪ (ударяя по столу.)

Чего-съ! Какъ-такъ не бывать! Нѣтъ-съ, ужь коли что я говорю, такъ это такъ точно и будетъ. Я говорю дѣло и вамъ на пользу-съ, потому самому я вамъ строго и приказываю. (*Опять ударяетъ по столу.*)

КРАСНОВА (плачетъ.)

Чтожь это за тиранство! Что за мученіе!

ЖМИГУЛИНА (со смѣхомъ.)

Ахъ, какой грозный! Ахъ, какой страшный! Ха, ха, ха!

КРАСНОВЪ.

Вы-то что квакаете! Васъ-то я такъ турну, что у васъ обь ка-литку подолъ завизжить.

КРАСНОВА.

Ну ужь вы что хотите дѣлайте, хоть убейте насъ, а мы все-таки пойдѣмъ. Мы не хотимъ доказать ему, что мы невѣжи противъ него. Должны же мы поблагодарить его за неоставленіе насъ и пожелать счастливаго пути.

КРАСНОВЪ.

Вы, Татьяна Даниловна, извольте понимать, когда вамъ словами говорятъ.

КРАСНОВА.

Ужь вы не драться ли хотите? Чтожь, отъ васъ это станется. Только того и жди.

КРАСНОВЪ.

Ошиблись. Никогда вы отъ меня не дождетесь! Я васъ столько люблю, что на нынѣшній разъ даже вашъ капризъ уважу. Извольте идти, и ужь больше туда ни ногой. Только вотъ что еще, Татьяна Даниловна! Вотъ видите часы-съ! (*Показываетъ на стѣнные часы.*) Такъ, когда вы пойдете, взгляните, и чтобъ черезъ полчаса здѣсь-съ! (*Показывая на полъ.*) На этомъ самомъ мѣстѣ-съ. Поняли?

КРАСНОВА.

Пойдемъ, Луша, одѣваться. (*Уходятъ.*)

КРАСНОВЪ.

Кажется, у насъ дѣло-то на ладъ пойдеть! Онѣ были маленько избалованы; въ такомъ случаѣ для нихъ строгость не мѣшаетъ. Стерпится, — слюбится. А тамъ, какъ баринъ уѣдетъ, можно и опять лаской; такъ наша размолвка и забудется. Оно точно, что я за эти полчаса, когда онѣ у барина будутъ, кажется ничего бы на свѣтѣ не взялъ; да чтожь дѣлать, сразу круто нельзя, — вовсе отъ себя оттолкнешь. Само собою, что будетъ думаться, и то и другое въ

голову-то полззеть. Ну, да вѣдь не разбойникъ же онъ какой, въ самомъ дѣлѣ! Да и супруга моя какъ собственно недавно... То-есть врагъ я самъ себѣ, да и только! Вѣдь ничего не можетъ быть дурного; а я думаю, да всякіе вздоры прибираю!.. Пойти съ пріятелями въ трактиръ посидѣть покудова!.. Объ чемъ это онъ ей давеча шепталъ?.. Ну да чтожъ, вѣдь давно знакомы; можетъ такъ что! (*Беретъ картузь.*) Татьяна Даниловна! Сохнулъ я по тебѣ, пока не взялъ за себя; вотъ и взялъ, да все сердце не на мѣстѣ. Не загубы ты парня! Грѣхъ тебѣ будетъ! (*Уходитъ.*)

СЦЕНА II

ЛИЦА

БАБАЕВЪ. КРАСНОВА. ЖМИГУЛИНА. ЗАЙЧИХА. КАРПЪ.

Комната перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНИЕ I

КАРПЪ и ЗАЙЧИХА (*Входятъ*).

ЗАЙЧИХА.

Что самъ-то спитъ что ли?

КАРПЪ.

Не знаю. Да нѣтъ, онъ этой привычки не имѣеть. Опять же и время не то. Ты какъ думаешь? Вѣдь еще теперь въ Петербургѣ не обѣдали, еще утро.

ЗАЙЧИХА.

Ишь ты! Ахъ батюшки!

КАРПЪ.

Вотъ иногда зимой, ужъ и смеркнется давно, и огонь вездѣ зажгли, а все еще утро считается.

ЗАЙЧИХА.

Ну да что мудренаго! Городъ большой, столичный, не то что у насъ. А я было такъ взошла: молъ, ненужно-ль что. (*Взглянувъ въ окно.*) Вѣдь это къ намъ кто-то. Пойти встрѣтить. (*Уходитъ.*)

КАРПЪ.

Взвоешь здѣсь отъ тоски. Спервоначалу бы этимъ судейскимъ, которые у нихъ поглавиѣ, дать барашка въ бумажкѣ, такъ они бы мигомъ. По крайности мы были бы теперь дома, у дѣла. Какъ ему самому-то не скучно! Ужъ несослѣдилъ ли онъ тутъ добычку себѣ! Не даромъ онъ по городу-то ходить! У него манера-то извѣстная: ходить, ходить мимо оконъ-то, да и призреть глазомъ на какую-нибудь брунетку. (*Зайчиха входитъ.*)

ЗАЙЧИХА.

Поди-ко, мой милый, доложь самому-то, что его спрашиваютъ.

КАРПЪ.

Зачѣмъ спрашиваютъ?

ЗАЙЧИХА.

Ужъ ты доложь, онъ тамъ самъ знаетъ.

КАРПЪ (въ дверь.)

Пожалуйте, сударь, къ вамъ пришли.

БАБАЕВЪ (изъ двери.)

Кто?

ЗАЙЧИХА.

Видь-ко сюда, батюшко, на минуточку! Нужно. (*Бабаевъ входитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ II

КАРПЪ, ЗАЙЧИХА, БАБАЕВЪ.

ЗАЙЧИХА.

Слушай-ко. Къ тебѣ пришла Краснова, лавочница, съ сестрой, такъ спрашиваютъ, можно ли молъ взойти.

БАБАЕВЪ.

Просите ихъ сюда! Да вотъ что! Послушайте, хозяйюшка! Пожалуста, чтобы разговору не было! Можетъ-быть она и еще ко мнѣ придетъ, такъ ужъ вы скажите лучше, что она къ вамъ ходитъ. Можетъ-быть спрашивать будутъ; знаете, въдъ городъ маленькій, всѣ другъ друга знаютъ, другъ за другомъ смотрятъ, куда кто пошолъ, гдѣ что дѣлалъ.

ЗАЙЧИХА.

И, батюшко! Да мнѣ что! Я и видѣла да не видала. Ты проѣзжай, не здѣшний.

БАБАЕВЪ.

Попросите ихъ сюда! Мы вѣдь съ вами, милая хозяйюшка, старые пріятели. (*Треплетъ ее по плечу.*)

ЗАЙЧИХА.

Пріятели, батюшко, пріятели! (*Уходитъ.*)

КАРПЪ (*махнувъ рукой.*)

Грѣхи! (*Уходитъ. Краснова и Жмигулина входятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III

БАБАЕВЪ, КРАСНОВА, ЖМИГУЛИНА.

ЖМИГУЛИНА.

Еще здравствуйте! Ждали ли насъ?

БАБАЕВЪ.

Признаться, такъ скоро не ждалъ. Садитесь, что же вы стоите! (*Садятся.*)

ЖМИГУЛИНА.

Бѣгомъ бѣжали къ вамъ. Изъ дому-то насилу вырвались.

КРАСНОВА.

Полно, Луша, перестань!

ЖМИГУЛИНА.

Ужь нечего скрывать-то! Не скроешь. Валентинъ Павлычъ давеча сами видѣли нашу аристократію. А ужь какая послѣ васъ пальба была!

КРАСНОВА.

Ахъ, Луша, мало ли что въ семьѣ бываетъ; неужели всѣмъ рассказывать! Никому до того дѣла нѣтъ, какъ мы живемъ.

ЖМИГУЛИНА.

Поняли вы теперь, Валентинъ Павлычъ, что такое значить мужикъ, когда онъ важность на себя напустить.

КРАСНОВА.

Хорошо тебѣ разговаривать-то, ты посторонняя. Ты бы меня-то пожалѣла! Онъ мнѣ мужъ, мнѣ съ нимъ жить до гробовой доски.

БАБАЕВЪ.

Неосторожно вы поступили, Татьяна Даниловна, неосторожно.

КРАСНОВА.

Какой вы чудной! За что вы меня упрекаете! Гдѣ жъ вы были

когда намъ было ѣсть нечего! А теперь ужь не воротишь. Остается только плакать всю жизнь. (*Плачетъ.*)

БАБАЕВЪ.

Ну, объ чемъ же вы теперь-то плачете?

КРАСНОВА.

Чему жъ мнѣ радоваться-то? Вамъ что ли? Можетъ-быть я и радовалась бы, кабы была свободна. Вы то поймите: изъ-за васъ я съ мужемъ поссорилась; вы-то уѣдете не нынче-завтра, а мнѣ съ нимъ оставаться. Вы только хуже сдѣлали, что приѣхали: до васъ-то онъ мнѣ не такъ дуренъ казался. Да и онъ вдругъ совсѣмъ перемѣнился. Пока васъ не видалъ, такъ всякую мою прихоть исполнялъ, какъ собака руки лизалъ; а теперь началъ косо поглядывать, да и покрикивать. Каково же мнѣ будетъ всю жизнь съ постылымъ горе мыкать! (*Плачетъ.*)

БАБАЕВЪ.

Ну, перестаньте! Что это вы! (*Жмугулиной.*) Послушайте, Лукерья Даниловна! Вы подите къ хозяйкѣ, я одинъ ее лучше уговорю.

ЖМИГУЛИНА.

Пожалуста, не хитрите! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ IV

БАБАЕВЪ и КРАСНОВА.

БАБАЕВЪ (подвигается и обнимаетъ Краснову одной рукой.)

Душенька, Танечка, ну перестань! Что ты такъ расплакалась! Ну, давай подумаемъ вдвоемъ, какъ помочь твоему горю.

КРАСНОВА.

И думать нечего! Никакъ нельзя.

БАБАЕВЪ.

Ужь будто? А что если я увезу тебя въ деревню?

КРАСНОВА.

Въ какую? Куда?

БАБАЕВЪ.

Туда, въ свою. Тамъ все такъ же, какъ было при маменькѣ: тѣ же алей, пруды, бесѣдки; все тебѣ знакомое, все будетъ напоминать прошлое. Ты бы у меня хозяйничала.

КРАСНОВА (освобождаясь изъ подъ его руки.)

Что вы только придумываете, какъ погляжу я на васъ! Да возможное ли дѣло, чтобъ такой вздоръ въ голову пришолъ! Чтожъ, мужъ-то такъ вамъ и позволить! Да онъ меня на днѣ моря сыщеть.

БАБАЕВЪ.

На время тебя можно будетъ спрятать, такъ что онъ и ненай-детъ; а между-тѣмъ съ нимъ поторговаться.

КРАСНОВА.

Что вы! Что вы! Вотъ еще новости! Ну, да будетъ вамъ пусты-ки-то говорить! Вотъ вы лучше посовѣтуйте, какъ мнѣ всю жизнь съ мужемъ-то жить.

БАБАЕВЪ.

Ну да какъ же! Нужно мнѣ очень!

КРАСНОВА.

Значить, вы меня вотъ-таки ни крошечки не любите! Только притворяетесь. Вотъ что, да-съ!

БАБАЕВЪ.

И не грѣхъ это тебѣ, Таня? А? Нѣтъ, скажи ты мнѣ, не грѣхъ?

КРАСНОВА.

Что?

БАБАЕВЪ.

Подозрѣвать-то меня? Не грѣхъ?

КРАСНОВА.

Да ну васъ! Васъ вѣдь не разберешь, притворяетесь вы, или нѣтъ.

БАБАЕВЪ.

Да и на что тебѣ разбирать, мой ангелъ! Ты обо мнѣ-то не за-большься! Ты спроси у своего сердца что оно говоритъ тебѣ! (*Обни-маетъ ее.*)

КРАСНОВА.

А ваше, что вамъ говоритъ?

БАБАЕВЪ.

Да вѣдь ты мнѣ, Таня, не вѣришь; ты говоришь, что я при-творяюсь, а сама теперь спрашиваешь. А ну какъ я тебя обману?

КРАСНОВА.

Да ужъ это не ваше дѣло! Вы только говорите!

БАБАЕВЪ.

Да и не обману, не бойся! Изъ чего мнѣ тебя обманывать. (*На-гибается къ ней, она слушаетъ, потупя глаза.*) Вотъ что Таня!

Сердце мнѣ говоритъ , что никого еще я не любилъ такъ , какъ тебя люблю. Мнѣ все-равно , будешь ли ты вѣрить моимъ словамъ , или нѣтъ. Да я сейчасъ и докажу тебѣ , что это правда , и ты сама со мной согласишься. Я вѣдь не говорю тебѣ , что я никогда не видалъ женщинъ красивѣе тебя , умнѣе. Вотъ тогда ты мнѣ могла бы прямо въ глаза сказать , что я лгу. Нѣтъ , я видѣлъ и лучше тебя и умнѣе , только не видалъ я никогда такой миленькой , добренькой , такой простенькой женщины , какъ ты.

КРАСНОВА (вздыхнувъ.)

Простенькой... Ахъ , правду вы говорите.

БАБАЕВЪ.

Ну , вотъ я тебѣ сказалъ , что я чувствую. Что же ты мнѣ не скажешь ?

КРАСНОВА.

Да что мнѣ говорить-то ! Не умѣю я. Я бы можетъ-быть больше вашего насказала. Да и зачѣмъ говорить , — вы сами знаете.

БАБАЕВЪ.

То-есть я , можетъ-быть , и догадываюсь , да только...

КРАСНОВА.

Ну что : «да только» ? Вотъ и нечего сказать-то !

БАБАЕВЪ.

Нѣтъ , есть что. Я догадываюсь , да только проку-то изъ этого мнѣ мало. (Молчаніе.) Ты мнѣ сама скажи , что ты меня любишь ! Ну , что же , Таня ?

КРАСНОВА.

Что вамъ ?

БАБАЕВЪ.

Любишь ты меня ? (Молчаніе.) Любишь ? А ?

КРАСНОВА (потупившись.)

Ну , да.

БАБАЕВЪ.

Очень ? (Молчаніе.) Что же ты молчишь ? Очень любишь ?

КРАСНОВА.

Да.

БАБАЕВЪ.

А въ деревню поѣдешь со мной ?

КРАСНОВА.

Ахъ , отстаньте вы отъ меня !

БАБАЕВЪ.

Ну , не надо въ деревню. Мы вотъ что сдѣлаемъ : я найму здѣсь

въ городѣ квартиру и черезъ недѣлю буду приѣзжать сюда. Ты на это согласна?

Согласна.

КРАСНОВА.

БАБАЕВЪ.

Ну, вотъ видишь, душенька, Танечка, я на все для тебя готовъ.

КРАСНОВА.

Вижу.

БАБАЕВЪ,

А ты? (*Молчаніе.*) Что же молчишь?

КРАСНОВА.

А уговоръ.

БАБАЕВЪ.

Какой уговоръ?

КРАСНОВА.

Вчерашній. Помните, тамъ на берегу.

БАБАЕВЪ.

Нужно очень помнить! Да и не было никакого уговора.

КРАСНОВА.

Безстыдникъ вы, безстыдникъ! Нешто можно забывать такъ скоро!

БАБАЕВЪ.

Не хочу я знать никакихъ уговоровъ. (*Обнимаетъ ее и цѣлуетъ.*)

КРАСНОВА (*встаетъ.*)

Ахъ оставьте пожалуйста!

БАБАЕВЪ.

Какъ «оставьте»? Что значить «оставьте»?

КРАСНОВА.

Тоже и значить, что оставьте.

БАБАЕВЪ.

Что за капризы?

КРАСНОВА.

Никакихъ капризовъ, только вы пожалуйста, подальше.

БАБАЕВЪ.

Если ты станешь такъ капризничать, я вѣдь уѣду. Брошу и дѣло, за которымъ приѣхалъ, да сейчасъ и уѣду.

КРАСНОВА.

Пожалуй, уѣзжайте.

БАБАЕВЪ.

Я вѣдь не шучу. Карпъ! (*Входитъ Карпъ.*) Собирайся ѣхать и потомъ за лошадьми сходи!

КАРПЪ.

Слушаю-съ.

КРАСНОВА.

Такъ вы вотъ какъ? Ну такъ Богъ съ вами! Прощайте! (*Убѣждаетъ.*)

КАРПЪ.

Что же, сударь, собираться прикажете?

БАБАЕВЪ.

Куда собираться! Надоѣлъ, братецъ! (*Подходить къ окну.*) Ужь не домой ли онѣ ушли?

КАРПЪ.

Не уйдутъ-съ.

БАБАЕВЪ.

Не твое дѣло! Пошогъ вонъ! (*Карпъ уходитъ, входитъ Жмигулина.*)

ЯВЛЕНИЕ V

БАБАЕВЪ и ЖМИГУЛИНА.

ЖМИГУЛИНА.

Сестра просила вамъ сказать, чтобъ вы погодили уѣзжать. Теперь у хозяйки сидитъ одна знакомая женщина; такъ вы сами понимаете, что пройти къ вамъ неловко. А когда она уйдетъ, сестра зайдетъ къ вамъ. Ей нужно объ чемъ-то съ вами поговорить.

БАБАЕВЪ.

Вы милы, Лукерья Даниловна!

ЖМИГУЛИНА.

Что-то ушамъ не вѣрится! Ужь отъ васъ ли я слышу такіе комплименты! (*Присѣдаетъ.*)

(Занавѣсъ.)

ДѢЙСТВІЕ III

ЛИЦА

КРАСНОВЪ. КРАСНОВА. ЖМИГУЛИНА. АРХИПЪ. АФОНЯ.

Комната первой сцены второго дѣйствія.

ЯВЛЕНИЕ I

КРАСНОВА (на кровати), ЖМИГУЛИНА (входитъ).

Таня, спишь ты?

ЖМИГУЛИНА.

Нѣтъ.

КРАСНОВА.

ЖМИГУЛИНА.

Ну такъ вставай! Что валнешься цѣлый день! Все утро лежала и теперь лежишь.

КРАСНОВА.

Зачѣмъ вставать-то! Что дѣлать-то!

ЖМИГУЛИНА.

Диви бы спала, а то лежишь да плачешь, только сердце надрываешь. Лучше встань, да потолкуемъ!

КРАСНОВА (встаетъ.)

Ишь ты день-то сегодня какой невеселый, пасмурный! (Садится.) Безталанная моя головушка! Что только я надъ собой сдѣлала! Зачѣмъ я замужъ пошла! Утопила я себя, просто утопила.

ЖМИГУЛИНА.

Кто жъ его зналъ! Женихомъ-то онъ былъ тише воды, ниже травы; а теперь точно что нашло на него. Я вѣдь вчера думала, онъ шутить, что на полчаса намъ сроку-то даль.

КРАСНОВА.

Да и я тоже думала. Кабы ты посмотрѣла, какъ онъ накинулся,

какой страшный сдѣлался. А нынче все утро косился, уполъ непростившись; вотъ и обѣдать не приходилъ.

ЖМИГУЛИНА.

Что же онъ тебѣ говорилъ, какъ вы вчера одни-то остались?

КРАСНОВА.

Ужъ онъ и ругалъ ругательски, и въ чувство-то ударялся, и самъ плакалъ; чего, чего недѣлалъ! За всю мою любовь къ тебѣ, говоритъ, одного я прошу, успокой ты меня, потому что я ревнивъ.

ЖМИГУЛИНА.

Вотъ еще наказаніе-то!

КРАСНОВА.

Ни къ кому, говоритъ, я тебя не ревную, только къ одному этому барину.

ЖМИГУЛИНА.

Еще бы онъ ко всякому ревновалъ; вотъ бы одолжилъ.

КРАСНОВА.

Когда онъ уѣдетъ, говоритъ, что хочешь дѣлай, и ходи, куда хочешь; а вотъ за то, что ты меня не послушалась, такъ не смѣй ты черезъ порогъ переступать, пока онъ совѣмъ не уѣдетъ изъ города.

ЖМИГУЛИНА.

Ну чтожъ ты ему на это?

КРАСНОВА.

Онъ кричить, а я все молчу, все молчу; только ужъ очень мнѣ обидно, что онъ надо мной такую власть взялъ. Прежде лисой прикидывался, а теперь, на-ко, вздумалъ командовать, да свои мужицкія грубости говорить. Ему вотъ ничего, что онъ меня обидѣлъ, а я нынче цѣлый день плакала. Вѣдь ужъ онъ меня хоть зарѣжь, а его любить не буду. Еще дай онъ мнѣ воду, такъ я бы хоть какое-нибудь чувство къ нему имѣла; а теперь на зло буду все напротивъ дѣлать; хотя бы я и вановата была передъ нимъ, я и за вину не сочту; надо же мнѣ ему чѣмъ-нибудь вымѣстить. Чтожъ, не драться же мнѣ съ нимъ: у меня силы не хватитъ противъ него.

ЖМИГУЛИНА.

Извѣстно. Онъ будь тѣмъ доволенъ, что ты за него замужъ-то пошла: а то еще вздумалъ надъ поведеніемъ наблюдать.

КРАСНОВА.

Да и какъ я его боятся стала со вчерашняго дня. То-есть не повѣришь ты, такъ вся и задрожу, какъ онъ на меня взглянетъ.

Кн. I. — Отд. I.

6

ЖМИГУЛИНА.

Ну, какъ же ты теперь думаешь ?

КРАСНОВА.

Да какъ думать—то ! Ужь очень у меня въ головѣ—то запутано. Какъ ни кинь , все дурно. За кусокъ хлѣба продала я свою молодость немилому человѣку , и день ото дня онъ мнѣ все противнѣй становится.

ЖМИГУЛИНА.

Какъ не опротивѣть послѣ такихъ пассажей съ его стороны. Особенно какъ посравнить кой съ кѣмъ. Тотъ кавалеръ , какъ быть слѣдуетъ , во всей формѣ.

КРАСНОВА.

Ну , вотъ чтожъ мнѣ теперь дѣлать—то ! Кабы я могла равнодушно отстать отъ Валентина Павлыча , я была бы этому очень рада. Да видно объ этомъ надо было прежде подумать , да пораньше хватиться ; а теперь ужь поздно. Силъ моихъ не хватить.

ЖМИГУЛИНА.

Вѣдь и онъ тебя чрезвычайно какъ любитъ , Таня.

КРАСНОВА.

Ну такъ чтожъ ! Богъ бы съ нимъ. То—то вотъ ума—то у насъ нехватаетъ , а послѣ и плачешься. Мнѣ еще маменька—покойница говорила : смотри , дѣвка , погубить тебя простота твоя.

ЖМИГУЛИНА.

Вѣдь тебѣ чай съ нимъ повидаться надо ? Онъ я думаю ждетъ.

КРАСНОВА.

Ну да , само собою. Кабы моя была воля , такъ и полетѣла бы къ нему.

ЖМИГУЛИНА.

Такъ надо умомъ раскинуть , какъ бы намъ эту статью обработать.

КРАСНОВА.

Сколько я ни ломала голову , ничего не придумала.

ЖМИГУЛИНА.

Вотъ что , Таня ! Тебѣ надо мужа обмануть.

КРАСНОВА.

Какимъ манеромъ ?

ЖМИГУЛИНА.

Нашей сестрѣ безъ хитрости никакъ жить нельзя , потому мы слабый полъ , со всѣхъ сторонъ обиженный.

КРАСНОВА.

Какія же хитрости? Ты меня научи!

ЖМИГУЛИНА.

Теперь ты съ мужемъ, какъ кошка съ собакой, такъ поневолю въ его башку—то придетъ, что значить ты его не любишь, а любишь другого.

КРАСНОВА.

Ну какъ же съ этимъ быть?

ЖМИГУЛИНА.

А ты переломи себя. Принеси ему покорность, мужики это любятъ. Притворись передъ нимъ, что ты влюблена въ него, нагороди ему турусы на колесахъ, онъ уши—то и развѣситъ. Приласкайся къ нему хорошенько разными ласками, — это ему вдиковинку.

КРАСНОВА.

Я должна буду противъ сердца говорить.

ЖМИГУЛИНА.

Такъ чтожъ за бѣда! Почемъ онъ знаетъ что у тебя на сердцѣ. Пешто ему понять, что притворное обращеніе, что настоящее. Ты посмотри, послѣ такихъ твоихъ деликатностей, онъ такъ въ тебя ввѣрится, что ты хоть въ глазахъ у него амурничай, онъ и то не будетъ замѣчать.

КРАСНОВА.

Вдругъ надъ собой такой перемѣны не сдѣлаешь.

ЖМИГУЛИНА.

Непремѣнно вдругъ. Чегожъ тебѣ дожидаться—то!

КРАСНОВА.

Онъ теперь на меня дуется; какъ къ нему подойдешь! Не прощенья же у него просить!

ЖМИГУЛИНА.

Зачѣмъ прощенья! (*Подумавъ.*) А ты вотъ какъ сдѣлай: поговори ты дѣду, Архипу, что хочешь съ мужемъ помириться, чтобы промежду васъ никакихъ неудовольствіевъ не было, что ты мужа любишь и для тебя очень чувствительно, что онъ тебя обижаетъ.

КРАСНОВА.

Чтожъ, я пожалуй.

ЖМИГУЛИНА.

Миѣ какъ хочешь! Я для твоей пользы говорю.

КРАСНОВА.

Поди, приведи дѣдушку, онъ въ саду сидитъ. (*Жмигулина уходитъ.*) Что значить, коли женщина съ умомъ—то! Хоть бы и по-

нравился кто, такъ она никому виду не подастъ. Мужа такъ обойдетъ, что онъ въ ней и души не чаеъ. А безъ ума-то и попадешься сейчасъ. (*Жмигулина вводитъ Архипа.*)

ЯВЛЕНИЕ II

КРАСНОВА, ЖМИГУЛИНА, АРХИПЪ

АРХИПЪ.

На что я вамъ? Какія такія у васъ дѣла до меня? Татьяна, ты здѣсь, чтоль?

КРАСНОВА.

Здѣсь, дѣдушко.

АРХИПЪ.

Вотъ Лукерья ведетъ меня да говоритъ: «дѣдушко, Архипъ, дѣло есть!» Что, думаю, за дѣла такія до меня стараго!

ЖМИГУЛИНА.

Да вотъ, дѣдушко, сестра на мужа обижается.

АРХИПЪ.

Ну такъ чтожь! Промежду мужемъ и женой кто жъ судья! Пусть какъ хотятъ, такъ и живутъ.

КРАСНОВА.

Что за радость такъ-то жить! Лучше бы жить въ согласіи.

АРХИПЪ.

Такъ зачѣмъ же дѣло стало? Ну, живите въ согласіи! Кто жъ вамъ мѣшаетъ!

ЖМИГУЛИНА.

Вотъ видишь ты: у него очень грубое обращеніе, а мы къ этому не привыкли.

АРХИПЪ.

Погоди ты, не таранти! У ней самой языкъ есть. Говори ты, Татьяна!

КРАСНОВА.

Мужъ теперь на меня сердится и не глядитъ совсѣмъ: онъ думаетъ, что я его нелюблю, такъ это онъ ошибается.

ЖМИГУЛИНА (дѣлаетъ знаки Красновой, чтобы та говорила).

Она только его характеру боится.

КРАСНОВА.

Я его люблю, какъ по закону слѣдуетъ. Если онъ про меня что

дурное думаетъ, такъ напрасно. Развѣ я могу промѣнять его на кого-нибудь. Ни въ жизнь этого не сдѣлаю.

ЖМИГУЛИНА.

Ещебы! Этакаго распрекраснаго человѣка. Развѣ она не чувствуетъ.

КРАСНОВА.

Если я была въ чемъ передъ нимъ виновата, ну побранилъ, да и будетъ. Только будь онъ со мной ласковъ, а ужъ я—то всякое уваженіе ему сдѣлаю. Такъ буду угождать, что онъ и не ожидаетъ.

ЖМИГУЛИНА.

Она и мнѣ сколько разъ говорила: я мужа очень люблю, даже очень.

АРХИПЪ.

Да что вы другъ за другомъ такъ и погоняете! Сговорились вы чтоли?

ЖМИГУЛИНА.

Да какъ же мнѣ молчать—то! Развѣ мнѣ пріятно видѣть, что сестра, которую я даже обожаю, живетъ съ мужемъ не въ согласіи. *(Дѣлаетъ знаки Красновой.)*

КРАСНОВА.

Такъ вотъ, дѣдушко Архипъ, я и хочу тебя попросить, чтобъ ты поговорилъ мужу...

АРХИПЪ.

Постойте! Постойте! Дайте срокъ, не сбейте съ ногъ! Ты говоришь, что мужъ на тебя сердится? Значить ты виновата?

КРАСНОВА.

Велика ли моя вина!

АРХИПЪ.

Ну да велика ли, мала ли, а все виновата. Самой тебѣ значить покориться нехочется, стыдно, вотъ ты и просишь меня. Такъ, чтоли?

КРАСНОВА.

Такъ, дѣдушко Архипъ.

АРХИПЪ.

Отъ сердца ты говоришь, аль такъ, только слова одни?

КРАСНОВА.

Отъ сердца, дѣдушко.

АРХИПЪ.

Ну, мнѣ чтожъ! Мое дѣло сторона. Лжешь, такъ Богу отвѣтишь! А я поговорю. Отчего не поговорить! Будетъ согласіе, такъ всѣмъ намъ будетъ любо.

ЖМИГУЛИНА.

Ты ему сегодня поговори.

АРХИПЪ.

Какъ придетъ, такъ и поговорю. (*Входитъ Афоня.*)

ЯВЛЕНИЕ III

КРАСНОВА, ЖМИГУЛИНА, АРХИПЪ, АФОНЯ.

АРХИПЪ.

Кто вошелъ?

АФОНЯ.

Я, дѣдушко Архипъ.

АРХИПЪ.

У насъ нынче праздникъ, Афоня. Вонъ Татьяна хочетъ съ мужемъ въ ладу жить, покориться ему хочетъ.

АФОНЯ.

Покориться? Покориться? Не вѣрь, дѣдушко Архипъ, обманываетъ.

АРХИПЪ.

Ну полно, что ты!

КРАСНОВА.

Что мнѣ обманывать! Какая корысть!

АФОНЯ.

Аль за умъ взялась, какъ братъ пугнуть-то хорошенько. Давно-бъ ему пора. Да ужъ коли ты взаправду, такъ гордость-то брось. Въ ноги мужу-то, въ ноги кланяйся! Да и намъ всѣмъ, всѣмъ. Всѣхъ ты насъ обидѣла.

ЖМИГУЛИНА (тихо).

Не слишкомъ ли много чести будетъ.

КРАСНОВА.

За что же я буду мужу кланяться?

АФОНЯ.

А за все, что онъ дѣлалъ для тебя. Я самъ видалъ какъ онъ передъ тобой на колѣняхъ станвалъ. Стыдъ головушкѣ. (*Закрываетъ лицо руками.*)

ЖМИГУЛИНА.

Чтожъ, коли ему это нравилось.

АФОНЯ.

Не хуже онъ васъ, да кланялся, а теперь ты поклонись. Сними

ЭТОТЪ СТЫДЪ—ТО СЪ НЕГО. Не отвалится у тебя голова—то! Да и намъ всѣмъ, и зятю поди поклонись и сестрѣ.

КРАСНОВА.

Ну еще мужу, сколько-нибудь на дѣло похоже, а вамъ—то за что?

АФОНЯ.

А за то, что братъ всѣхъ насъ обидѣлъ за тебя. Съ тебя разладъ—то пошолъ въ семьѣ. Ты ему милѣй всѣхъ стала, милѣй всей родни.

АРХИПЪ.

Угомонись ты! Дай сердцу уходитья! Мы мириться хотимъ, а ты опять ссору заводишь.

ЖМИГУЛИНА.

Вотъ и не мужъ, а какого страху задаетъ! А дайко ему волю—то, такъ и житья отъ него не будетъ.

АРХИПЪ (глядитъ по головѣ Афоню).

Ну, что съ него взыскивать! Онъ больной человекъ. (*Входитъ Красновъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VI

КРАСНОВЪ, КРАСНОВА, ЖМИГУЛИНА, АРХИПЪ, АФОНЯ.

ЖМИГУЛИНА (Архипу тихо).

Левъ Радіонычъ пришолъ.

АРХИПЪ.

Никакъ ты, Левъ, не обѣдалъ сегодня.

КРАСНОВЪ.

Некогда было.

КРАСНОВА.

Коли угодно, мы сейчасъ подадимъ.

КРАСНОВЪ (садится къ столу).

Само собою. Ужели—жъ мнѣ неѣмши быть!

КРАСНОВА.

Накрывай, сестра! (*Уходитъ въ кухню. Жмигулина накрываетъ столъ.*)

АРХИПЪ.

Ты, Левъ, въ лавку пойдешь?

КРАСНОВЪ.

Нѣтъ, ужъ я забрался.

Дома чтоль будешь?

АРХИПЪ.

КРАСНОВЪ.

Съ часокъ мѣста побуду, а то надоть за рѣку сходить, деньги получить. *(Краснова вноситъ чашку щей, ставитъ на столъ и уходитъ съ Жмигулиной. Красновъ, съвши нѣсколько ложекъ, задумывается.)*

АРХИПЪ.

Левъ! Не вижу я тебя, а словно какъ ты невесель пришолъ?

КРАСНОВЪ.

На что глядя радоваться-то!

АРХИПЪ.

А тужить-то объ чемъ? Что за горе?

КРАСНОВЪ.

Мое горе, дѣдъ, мое. Мое собственное. Мнѣ про то и знать.

АРХИПЪ.

Ну, Богъ съ тобой! Твое горе, тебѣ съ нимъ и вѣдаться. *(Помолчавъ.)* А и то сказать, вѣдъ я тебѣ не ворогъ; хоть и скажешь мнѣ, такъ бѣды не будетъ. Да и жилъ-то я не съ твое и горя-то видалъ побольше, можетъ еще что и на пользу скажу.

КРАСНОВЪ.

Не такое дѣло, дѣдъ, чтобъ совѣта просить! Ничего ты мнѣ не скажешь.

АРХИПЪ.

Глупый ты, глуный! Почемъ ты знаешь! Аль ты себя умнѣй всѣхъ ставишь!

КРАСНОВЪ.

Да отстань ты! Не до того мнѣ! Ну что присталь! *(Стучитъ съ сердцемъ ложкой по чашкѣ. Входитъ Жмигулина, ставитъ на столъ чашку съ кашей и уходитъ.)*

АРХИПЪ.

Жена-то умнѣй тебя, право умнѣй.

КРАСНОВЪ.

Кабы умна была, такъ бы слушалась мужа.

АРХИПЪ.

Мало-ль чего вѣтъ! На всякій часъ не опасешься! А ты за малость гнѣва не держи. Одна вина не вина, и двѣ вины — полвины; три вины — вина.

КРАСНОВЪ.

Какова вина! Вина винѣ рознь. За другую вино удавить мало.

АРХИПЪ.

Что больно грозно! Нонѣ за денной разбой да и то не вѣшаютъ.

КРАСНОВЪ.

И кусокъ-то въ ротъ нейдетъ.

АРХИПЪ.

Эко сердце-то у тебя ретивое! Я началъ было про жену-то, это я неспроста. Она прежде тебя за умъ взялась. (*Красновъ слушаетъ.*) Говорить: «дѣдушко Архипъ, замолви за меня мужу словечко! Я, говорить, его люблю, только его нраву боюсь. Можетъ, онъ что думаетъ на меня, такъ напрасно. Я его ни на кого не промѣняю. Я, говорить, ему всякое угожденіе сдѣлаю, только бы онъ простилъ меня, да не сердился.»

КРАСНОВЪ.

Да это точно?

АРХИПЪ.

Аль ты совсѣмъ рѣхнулся? Вратъ чтоли я стану на старости лѣтъ. Она бы и сама тебѣ сказала; ей и хочется покориться-то, да видишь ты, стыдно, ну и боится.

КРАСНОВЪ (*встаетъ*).

Дѣдушко Архипъ, пойми ты меня! Вѣдь ты знаешь какъ я ее люблю, нечего тебѣ сказывать! Жили мы съ ней до этого случая ладно, вы всѣ видѣли, души я въ ней не чаялъ. Наѣзжаетъ теперича этотъ баринъ, и вижу я, онъ съ ней разговариваетъ больно слободно, ну и взяло меня за сердце. Вѣришь ты мнѣ, не помнилъ что говорилъ, что дѣлалъ. Какъ пошла это она къ нему, жду я ее полчаса, нейдетъ, жду часъ — нейдетъ, такъ меня лихорадка проняла, зубы у меня застучали. Чего тутъ я, чего не передумалъ! Можетъ я грѣшу, обижаю ее; можетъ у ней и въ умѣ-то ничего нѣтъ; да чтожъ мнѣ дѣлать-то! Жжотъ меня всего огнемъ, вотъ такъ и жжотъ. Обидѣлъ я ее, это точно, да легко ли мнѣ самому-то? Скажи ты мнѣ, что она умерла сейчасъ, — что я надъ собой сдѣлаю, я не знаю, а легче мнѣ будетъ, ничѣмъ у меня ее кто отыметъ. (*Плачетъ.*) Другой денегъ себѣ хочеть, знати, а мнѣ ничего не надо, мнѣ только чтобъ она меня любила. Дай ты мнѣ на выборъ: вотъ молю тебѣ, Красновъ, горы золотыя, палаты царскія, только оставь жену: или вотъ молю тебѣ землянка непокрытая, работа всякая черная, только съ женой жить; я и охъ не молвлю, буду на себѣ воду возить, только бы съ ней быть завсегда. Такъ слушай ты, дѣдушко! Мудрено-ль, что я съ горяча и обидѣлъ ее! Нѣтъ любви, такъ и

сердца нѣтъ. А вотъ ты мнѣ говоришь, что она теперь сама покориться хочетъ! Въдъ такой радости мнѣ и во снѣ не увидать. Точно у меня гора съ плечъ. Какъ-будто я снова на свѣтъ родился! Ну, дѣдушко Архипъ, спасибо тебѣ! Мертвый я былъ человѣкъ, ожи-вилъ ты меня! То-есть такое мнѣ въ голову лѣзло, что кажется и не замолишь вѣбкъ. Близко онъ, окаянный, подлѣ меня ходилъ. Мало того, что въ уши-то шепчетъ, а, и сказать-то грѣхъ (*тихо*), и подъ руку толкаетъ.

АРХИПЪ.

Что ты! На кого?

КРАСНОВЪ.

Ну да ужъ что было, то прошло. Впередъ не дай Богъ этакой муки! Врагу своему не пожелаешь.

АРХИПЪ.

А ты укорачивай сердце-то!

КРАСНОВЪ.

Эхъ, дѣдушко! Радъ бы я укорачивать, да не спохватишься. Въ очахъ у тебя вдругъ смеркается, въ головѣ звенить, за сердце словно кто рукой ухватить, въ умѣ тебѣ только несчастье да грѣхъ представляются. И ходишь какъ полоумный, ничего кругомъ себя не видишь. А вотъ теперь отошло отъ сердца, такъ и ничего, полегчало, равно и не бывало ничего. (*Входитъ Жмигулина и беретъ чашку со стола.*) А гдѣ же Татьяна Даниловна?

ЖМИГУЛИНА.

Она тамъ, въ кухнѣ.

КРАСНОВЪ.

Зачѣмъ же онѣ въ кухнѣ? Что имъ тамъ дѣлать! Совсѣмъ не ихъ мѣсто въ кухнѣ сидѣть! Позовите ихъ сюда. (*Жмигулина уходитъ*).

АФОНЯ (*тихо* Архипу).

Дѣдушко, будетъ она брату въ ноги кланяться, аль нѣтъ? Коли не будетъ, я уйду.

АРХИПЪ.

Какъ хотятъ, намъ что за дѣло! (*Входитъ Краснова и Жмигулина*).

ЯВЛЕНИЕ V

КРАСНОВЪ, КРАСНОВА, ЖМИГУЛИНА, АРХИПЪ, АФОНЯ.

КРАСНОВА.

Вы меня звали?

КРАСНОВЪ.

Потому собственно. что вамъ въ кухнѣ сидѣть непристойно-сь.

АРХИПЪ.

Я, Татьяна, ему говорилъ; теперь ужъ какъ хочешь сама.

КРАСНОВА.

Левъ Радіонычъ! Если я въ чемъ виновата передъ вами, такъ извините меня. Если вамъ угодно, я вамъ пожалуй въ ноги поклонюсь.

КРАСНОВЪ.

Нѣтъ, зачѣмъ же-сь! Я и такъ могу чувствовать-сь! Нешто я могу васъ допустить до этого, чтобъ вы мнѣ кланялись! Что я тогда буду за человѣкъ!

КРАСНОВА.

Я согласна что угодно сдѣлать, только бы вы на меня не сердились.

КРАСНОВЪ.

Ничего мнѣ-отъ васъ не надобно, кромѣ вашего слова-сь. Вы сказали слово — и конецъ, я вамъ долженъ вѣрить.

КРАСНОВА.

Значить, вы на меня не сердитесь?

КРАСНОВЪ.

Никакого сердца-сь! А что я точно человѣкъ не полированный, сгоряча пошумѣлъ, такъ за это не взыщите, потому любя-сь.

ЖМИГУЛИНА.

Ахъ, полноте! Ктоже на васъ можетъ взыскивать!

КРАСНОВА.

Я ужъ и забыла. Мнѣ не столько обидны были слова ваши, сколько то, что вы сегодня не хотѣли даже и взглянуть на меня.

АРХИПЪ.

Вѣдь помирились, ну и будетъ! Что старыя-то дразги перетряхивать! Вотъ теперь какъ слѣдуетъ поцѣлуйтесь. Такъ все дѣло и пойдетъ своимъ чередомъ.

КРАСНОВА.

За этимъ, дѣдушко, дѣло не станеть. Я съ моимъ большимъ удовольствіемъ! Я ужъ давно хотѣла, да не знала какъ понравится Льву Радіонычу!

КРАСНОВЪ.

Если вы съ удовольствіемъ-сь, такъ ужъ я вдвое противъ того-сь! (Цѣлуются.)

ЖМИГУЛИНА.

Это только всегда было удивительно видѣть для меня, Левъ Радіонычъ, какъ сестра васъ любить.

КРАСНОВЪ.

Чтожъ тутъ удивительнаго-съ?

ЖМИГУЛИНА.

Я ее, Левъ Радіонычъ, лучше васъ знаю. Она тихаго характеру, она не можетъ вамъ всего высказать, а надобно знать что она чувствуетъ.

КРАСНОВЪ.

Тѣмъ для насъ пріятнѣй-съ!

ЖМИГУЛИНА.

Она бы и хотѣла вамъ свою любовь высказать, да отъ робости не можетъ.

КРАСНОВЪ (женѣ).

Чего же меня робѣть-съ! Я такой же человѣкъ, какъ и всѣ.

ЖМИГУЛИНА.

Мы ужъ такъ отъ природы.

КРАСНОВЪ (женѣ).

Нѣтъ, ужъ вы сдѣлайте такое ваше одолженіе, вы впередъ меня не бойтесь. Меня совѣсть зазреть. Что я за пугало.

КРАСНОВА.

Я васъ не буду бояться, Левъ Радіонычъ, я васъ буду любить.

ЖМИГУЛИНА.

Другія изъ нашей сестры вамъ на словахъ всего наскажутъ, чего даже у нихъ и на сердцѣ нѣтъ, а сестра напротивъ.

КРАСНОВЪ.

Такъ мы и будемъ васъ понимать. А то иной разъ не знаешь, какъ къ вамъ и подойти! Поправится ли еще вамъ!

КРАСНОВА.

Вы мнѣ всегда нравитесь.

АФОНЯ.

Пойдемъ, дѣдушко Архипъ, на улицу посидѣть!

АРХИПЪ.

Пожалуй пойдемъ. Теперь у насъ слава-Богу опять совѣтъ да любовь. Хорошо, когда въ домѣ согласіе! Хорошо, дѣтки, хорошо! (Уходя.) Окаянный сквозъ землю, Господь по землѣ! (Уходятъ.)

ЖМИГУЛИНА.

Я тутъ залепортовалась, а мнѣ тоже кой-куда сбѣгать надо.
(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VI

КРАСНОВЪ, КРАСНОВА.

КРАСНОВЪ (садится на лавку).

Ахъ, Татьяна Даниловна, кабы Богъ далъ намъ съ вами вѣкъ
прожить въ такомъ согласіи, какъ теперича!

КРАСНОВА (сидясь подлѣ него).

Да и проживемъ.

КРАСНОВЪ.

Вѣдь вотъ ежели бы вы всегда съ такой лаской, такъ изъ
меня хотъ веревки вей. Вы, Татьяна Даниловна, изъ меня все
лаской можете сдѣлать.

КРАСНОВА (кладетъ ему руку на плечо).

• Да мнѣ ничего не нужно отъ васъ, я всѣмъ довольна. Только вы
не думайте обо мнѣ съ худой стороны. Зачѣмъ вы меня приревни-
вали?

КРАСНОВЪ (обнимая ее).

Ишь ты какая, обидѣлась! (*Съ любовью смотритъ на нее.*)
Душа ты моя! Что кому дорого, тотъ то и бережотъ. Вѣдь ты мнѣ
дороже всего на свѣтѣ! Ты какая жена-то? У кого такая есть! Ты
на зависть всему городу, нешто я не вижу. Кому захочется такую
жену потерять! Первое дѣло, это все одно что клочъ изъ сердца
вырвать, а второе дѣло, мнѣ смѣшками да укорами проходу не да-
дутъ, со свѣту сживутъ. Я тебя, надо такъ говорить, больше души
своей люблю, и въ помысленіи-то не хотѣлъ бы обидѣть, а вотъ
что ты хочешь, все-таки думается.

КРАСНОВА.

А вы не думайте!

КРАСНОВЪ.

Ну, да теперь шабашъ.

КРАСНОВА (ласкаясь).

Ужъ ты не стыди меня, нѣ наблюдай за мной!

КРАСНОВЪ.

Сказано шабашъ! Цѣлуй-ко ты меня покрѣиче! (*Целуются.*)

Вотъ такъ! Сказывай ты мнѣ теперь, за что ты меня любишь? За что такое ты можешь ко мнѣ привязку имѣть?

КРАСНОВА.

Такъ, просто люблю, да и все.

КРАСНОВЪ.

Нѣтъ, ты сказывай! Мнѣ лестно это слышать отъ тебя! Хочу я знать, что есть такое во мнѣ, что меня такая красавица полюбила? Аль умомъ, аль чѣмъ тебѣ по нраву пришлось?

КРАСНОВА.

Да всѣмъ. Чтожъ, кто про тебя дурное скажетъ! Извѣстно, хорошій человекъ.

КРАСНОВЪ.

Ну, а еще что?

КРАСНОВА.

Ты очень добръ, ничего не жалѣешь для меня.

КРАСНОВЪ.

Вотъ что! (*Крѣпко обнимаетъ и цѣлуетъ.*) Ну, такъ люби меня больше, еще добрѣй буду. Что ты морщишься? Аль поизмялъ маленько?

КРАСНОВА.

Да ты очень крѣпко.

КРАСНОВЪ.

Ну, да ужъ ау братъ! Ничего не подѣлаешь! Какъ люблю, такъ и обнимаю. Значитъ отъ души, безъ фальши. Небось, не сахарная, не развалишься.

КРАСНОВА.

Да я ничего.

КРАСНОВЪ.

Вѣдь я знаю, что такъ только. А то на что тутъ жаловаться! За это на нашего брата не сердятся. Такъ, чтоли?

КРАСНОВА.

Самъ знаешь, чтожъ спрашиваешь!

КРАСНОВЪ.

Эка жизнь съ бабой-то хорошей! Малина, просто! Разлюбезное дѣло! Нѣтъ-то ничего на свѣтѣ лучше! И что такое это значить, что вы нашему брату такъ дороги?

КРАСНОВА.

Я не знаю.

КРАСНОВЪ.

Премудрость, право премудрость! Не нашему уму это пони-

мать! Мы знаемъ одно, что... прилѣпился къ женѣ своей, вотъ и все. Прилѣпился, ну и кончено дѣло. Когда я теперича съ тобой самъ другъ, такъ мнѣ хоть все огнемъ гори! (*Цѣлуетъ ее.*) Сегодня пойду, деньги получу, завтра тебѣ обновку куплю.

КРАСНОВА.

На что! Не надо!

КРАСНОВЪ.

Коли я говорю, что куплю, стало-быть это мое дѣло. Значить, по дѣлу выходить, что надо. Ты свое дѣло знай: утѣшай мужа! А я буду свое знать. (*Взглянувъ на часы.*) Э, да ужъ времени-то много! Надоть идти! А не хотѣлось бы мнѣ теперь отъ тебя уходить.

КРАСНОВА.

Не ходи!

КРАСНОВЪ.

Ой, аль и вправду нейти? Да нѣтъ, что баловаться-то! Дѣвушка гуляй, а дѣла не забывай! Не приди нынче за деньгами, такъ послѣ недѣлю даромъ проходишь. И какъ далеко идти-то! Чтобъ его!.. За рѣку вѣдь! Съ часъ проходишь, прахъ его поberi! (*Беретъ картузъ.*) Такъ ты говоришь: погоди!

КРАСНОВА.

Да разумѣется!

КРАСНОВЪ.

Ишь ты какая! (*Обнимаетъ ее.*) Знаю я вашего брата. Ну, да малоль что! А ты вотъ подожди меня часикъ, авось въ часть-то не умрешь! (*Цѣлуетъ ее.*) Ну, прощай! А то съ тобой пожалуй такъ и вправду останешься. Вѣдь вы на соблазнъ человѣческой созданы на свѣтѣ! (*Идетъ.*)

КРАСНОВА.

Приходи скорѣй!

КРАСНОВЪ.

Какъ скоро, такъ и сейчасъ. Нѣтъ, кромѣ шутокъ, раньше часу не обернешься. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VII

КРАСНОВА (*вслѣдъ мужу.*)

Ну, прощайте! Насилу-то унюль. Несчастливая я, несчастная! Говорятъ, надо любить мужа; а какъ я могу его любить! Грубый,

неотёсанный, ласки медвѣжки! Сидитъ, ломается, какъ мужикъ. А тутъ еще притворяйся передъ нимъ, потрафляй ему; противность какая! Вотъ ужъ ничего бы на свѣтъ не взяла, кабы не такое теперь дѣло вышло. Что дѣлать-то! И немилъ, да покоряйся! (*Молчаніе.*) Да куда жъ это всё разошлись? Сиди теперь одна! Такая скука! (*Садится къ окну.*) И народу-то никого нѣтъ на улицѣ, поглядѣть не на кого. Куда это сестра дѣлась? (*Запѣваетъ въ полголоса.*)

Ахъ, матушка скучно!
Сударыня грустно!
Сердечушко ноетъ,
Ноетъ завываетъ;
Милъ про то не знаетъ,
Какъ сердце страдаетъ. (*Входитъ Жмигулина.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII

КРАСНОВА и ЖМИГУЛИНА.

ЖМИГУЛИНА.
Что, ушолъ?

КРАСНОВА.

Ушолъ.
ЖМИГУЛИНА.

Далеко ли?
КРАСНОВА.

За рѣку.
ЖМИГУЛИНА.

Долго проходить?
КРАСНОВА.

Говорить: ближе часу невернусь.
ЖМИГУЛИНА.

Вотъ бы и сбѣгала. Я сейчасъ тамъ была, — онъ дожидается. Сегодня ѣдетъ.

КРАСНОВА.

Неужели сегодня? Какъ же это быть-то, Луша, голубушка! Не сказалъ вѣдь. Повидала-бъ я его.

ЖМИГУЛИНА.

Возьми мой платокъ, покройся хорошенько. Пись, на дворѣ-то совсѣмъ какъ сумерки, никто тебя не узнаетъ.

КРАСНОВА.

Не было бы бѣды?

ЖМИГУЛИНА.

Волка бояться — въ лѣсъ не ходить. Далеко ль тутъ, мигомъ до-
бѣжишь. Только не засиживайся!

КРАСНОВА.

Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно. (*Покрывается платкомъ.*)

ЖМИГУЛИНА.

То-то жъ, смотри! Сохрани Господи, Левъ Радіоничъ раньше
тебя придетъ. Что мнѣ тогда дѣлать! Развѣ сказать, что за нитка-
ми моля пошла къ знакомой. Хорошо какъ повѣрить. Ты что
тутъ съ нимъ одна-то говорила?

КРАСНОВА.

Что говорила, не знаю, что теперь дѣлаю не помню.

ЖМИГУЛИНА.

Ну, бѣги, бѣги! (*Краснова уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX

ЖМИГУЛИНА и (потомъ) АФОНЯ.

ЖМИГУЛИНА (у окна.)

Ишь пустилась! Какъ стрѣла летитъ. А гдѣ бы ей придумать,
кабы не я. Вотъ и собой хороша, да какъ ума-то нѣтъ, тоже пло-
хо. Всему-то ее научи; смотри за ней, какъ за малымъ ребенкомъ.
Не научи я съ мужемъ помириться, чтѣ бы было? Ссора да брань.
Она бы пожалуй уступить не захотѣла; ну, значить, поминутно
въ домъ страженіе, а отъ сосѣдей мараль. А теперь, что хочешь,
дѣлай: все шито да крыто будетъ. (*Входитъ Афоня.*)

АФОНЯ.

Гдѣ Татьяна? Гдѣ она, гдѣ она?

ЖМИГУЛИНА.

Зачѣмъ она тебѣ понадобилась?

АФОНЯ.

Нужно мнѣ. Говори, гдѣ? Говори, гдѣ?

ЖМИГУЛИНА.

Въ саду должно быть.

АФОНЯ.

Что ты меня дурачишь! Скажи хоть разъ въ жизни правду!
Ушла она? Говори, ушла?

ЖМИГУЛИНА.

Можетъ быть и ушла.

АФОНЯ.

Это она чтоли сейчасъ въ ворота шмыгнула?

ЖМИГУЛИНА.

Должно быть она. Не за нитками ли пошла! Она давно хотѣла къ сосѣдкѣ сбѣгать.

АФОНЯ.

За нитками?

ЖМИГУЛИНА.

Ну да, за нитками.

АФОНЯ.

Ты врешь, врешь!

ЖМИГУЛИНА.

Да отвяжись! Что ты присталъ! Ты что дѣда-то бросилъ!

АФОНЯ.

Не твое дѣло. Я знаю куда она пошла. Вы дьяволы! Вы обманули брата. Я давеча по глазамъ по вашимъ видѣлъ: у васъ огни въ глазахъ бѣгали, дьявольскіе огни.

ЖМИГУЛИНА.

Экой ты эхидный мальчишка!

АФОНЯ.

Такъ погодите жъ вы, погодите! Будетъ вамъ насъ обманывать, выведу я васъ на свѣжую воду.

ЖМИГУЛИНА.

Не пугай! Не очень тебя боятся.

АФОНЯ (со слезами.)

Господи Боже мой! Что это такое! Какого человѣка въ глаза обманываютъ! (Убѣгаетъ.)

(Зававѣсь.)

ДѢЙСТВІЕ IV

СЦЕНА I

ЛИЦА

ЗАЙЧИХА. КУРИЦЫНА. АФОНЯ. БАБАЕВЪ. КРАСНОВА.

(Улица передъ домомъ Зайчихи. Сумерки).

ЯВЛЕНІЕ I

КУРИЦЫНА и ЗАЙЧИХА (входятъ изъ калитки.)

ЗАЙЧИХА.

И, матушка, что ты! что ты! Какъ можно! Брось, не думай! Тебѣ такъ показалось. Ужъ повѣрь ты мнѣ, что показалось.

КУРИЦЫНА.

Толкуй, показалось! Я еще слава-богу не ослѣпла. Ее-ль не узнать! Да я ее сейчасъ изъ тысячи выберу по платью. У насъ вѣдь одна модница-то только и есть; мы по праздникамъ того не надѣваемъ, въ чемъ она по буднямъ ходитъ. Мы это съ тобой изъ двери, а она къ нему въ дверь.

ЗАЙЧИХА.

Говорю тебѣ, ошиблась. Оно точно, что не безъ грѣха. Есть тутъ одна, бѣгаетъ къ нему, и похожа на вашу-то, а не она. Мнѣ что! Развѣ бы я не сказала. Да коли неправда, такъ зачѣмъ пустяки говорить.

КУРИЦЫНА.

Ты вѣдь потаччица.

ЗАЙЧИХА.

Не грѣши, Уляша, не грѣши!

КУРИЦЫНА.

-Да что за грѣхъ, Прокофьевна! Отъ нея станется; я ее знаю.

Больно ей брать волю далъ. На другую бѣ я не подумала, а на нее и грѣха нѣтъ. Не нынче, такъ завтра начнетъ петли метать, что и концовъ не найдешь. Она брату-то очки на носъ надѣнетъ. А вѣдь какъ она меня разобидѣла, кабы ты знала.

ЗАЙЧИХА.

Ужли?

КУРИЦЫНА.

Съ мѣста не сойти! Брата настроила, тотъ такъ и рычитъ на меня. Знать, говорить, тебя не хочу. Вотъ она какая. Да нѣтъ, погоди милая! Со мной не съ кѣмъ дружимъ.

ЗАЙЧИХА.

И, полно ты! Что вамъ дѣлать-то! Она у себя хозяйка, ты у себя.

КУРИЦЫНА.

Да пропадай она пропадомъ: мнѣ до ней-то и дѣла нѣтъ; а то обидно, Прокофьевна, что она брата мутитъ, со всей родней его ссорить.

ЗАЙЧИХА.

Ну, ужъ это ваше дѣло; какъ-нибудь сочтетесь. Ты теперь домой, чтоли?

КУРИЦЫНА.

Домой, касатка; ужинать пора. Мой привередникъ-то теперь чай ходить да покрикиваетъ. Заходи къ намъ-то!

ЗАЙЧИХА.

Ваши гости. (*Цѣлуются. Прокофьевна уходитъ въ калитку.*)

ЯВЛЕНИЕ II

КУРИЦЫНА и (потомъ) АФОНЯ.

КУРИЦЫНА.

Кто ее знаетъ, вретъ Прокофьевна или нѣтъ. Вѣрить-то ей нельзя, баба-то плутъ. А дорого-бъ я дала, чтобъ мнѣ узнать доподлинно, она теперь у барина или нѣтъ. Нешто подождать? А какъ она тутъ долго, такъ мужъ-то мнѣ такую гонку задастъ, что до новыхъ вѣнниковъ не забудешь. Ну, счастлива ты, что мнѣ некогда, а то подстерегла бы я тебя. (*Идетъ. На встрѣчу ей Афоня.*) Афоня, ты куда?

АФОНЯ.

Поди, не трожь меня! Не трожь!

КУРИЦЫНА.

Татьяна дома?

АФОНЯ.

Нѣтъ, ушла.

КУРИЦЫНА.

Такъ она тутъ, у барина, я ее сейчасъ видѣла.

АФОНЯ.

У барина? Господи! Гдѣ же стыдъ-то въ людяхъ!

КУРИЦЫНА.

Ну, я домой побѣгу, скажусь мужу, да и къ вамъ зайду. (*Уходитъ.*) Погоди братецъ, погоди обидчикъ, я теперь тебя отчитаю. (*Уходитъ.*)

АФОНЯ.

Батюшки! Силъ моихъ нѣтъ! Какъ тутъ жить на свѣтѣ! За грѣхи это надъ нами! Ушла отъ мужа къ чужому. Безъ куска хлѣба въ углу сидѣла, мы ее призрѣли, нарядили на свои трудовыя деньги! Братъ у себя урываетъ, отъ семьи урываетъ, а ей на тряпки даетъ, а она теперь съ чужимъ человѣкомъ ругается надъ нами за нашу хлѣбъ-соль. Тошно мнѣ! Смерть моя! Не слезами я плачу, а кровью. Отогрѣли мы змѣю на своей груди. (*Прислоняется къ забору.*) Буду ждать, буду ждать Я ей все скажу, все что на сердцѣ накопѣло. (*Изъ калитки выходятъ Бабаевъ и Краснова. Афоня прячется за уголъ.*)

ЯВЛЕНИЕ III

АФОНЯ, БАБАЕВЪ, КРАСНОВА.

БАБАЕВЪ.

Чего ты боишься! на улицѣ ни души. И куда ты торопишься, получасу нѣтъ, какъ ты пришла.

КРАСНОВА.

Нѣтъ, нѣтъ! Все какъ-то сердце не на мѣстѣ.

БАБАЕВЪ.

Что у тебя за страхъ такой, я не понимаю. Ну, побранить мужъ, да тѣмъ дѣло и кончится.

КРАСНОВА.

Вотъ тогда я тоже опоздала; какой онъ страшный сдѣлался, такъ и думала, убьетъ. Страшенъ онъ мнѣ, очень страшенъ! (*Молчаніе*). Ты скоро опять приѣдешь?

БАБАЕВЪ.

Черезъ недѣлю, а ужь много дней черезъ десять.

КРАСНОВА.

Эхъ право! какъ это такъ сдѣлалось! Вѣдь вотъ кабы по душѣ-то судить: ты въ деревню — и я въ деревню, ты въ Петербургъ — и я за тобой.

БАБАЕВЪ.

Вѣдь я тебя звалъ съ собой.

КРАСНОВА.

Тебѣ хорошо, ты свободный человекъ, а я теперь все равно что въ крѣпости. Вотъ оно мое горе-то! Да и то ужь не разъ мнѣ въ голову приходило, какъ бы къ тебѣ убѣжать.

БАБАЕВЪ.

И отлично.

КРАСНОВА.

Ты только вздумай какова моя жизнь несчастная: что мужа обманешь, то и поживешь въ удовольствіе. Все обманъ да обманъ! А что хорошаго обманывать-то? да и противно; не такой у меня характеръ. А догадайся мужъ, что я его не люблю, такъ онъ бранью да попреками меня въ гробъ сведетъ. Очень я понимаю, что женой быть ему не могу, и что я въ ихъ семьѣ лишняя, ну и отпустили бы меня на всѣ четыре стороны; а кому ты это растолкуешь, кто пойметъ! Ты посмотри, какіе они всѣ грубые да строгіе, а я къ строгости не привыкла. Что за жизнь, когда воли нѣтъ.

БАБАЕВЪ.

Таня, ты вотъ что сдѣлай! скажи ему прямо, что ты съ нимъ жить не хочешь. Найми съ сестрой квартирку, я вамъ денегъ вышлю.

КРАСНОВА.

Что ты! что ты! и думать нечего. Развѣ онъ отпустить. Хоть умирай, да при немъ, у него на глазахъ; лучше ужь я уйду потихоньку.

БАБАЕВЪ.

Ну, потихоньку.

КРАСНОВА.

Охъ, ужь право не знаю. На словахъ-то всѣ мы бойки, а какъ до дѣла дойдетъ, такъ и разумъ потеряешь, особенно я. Ужь дѣлай ты, какъ знаешь. Что ты мнѣ скажешь, такъ я и буду дѣлать. Вѣдь ты меня любишь, погибели моей не захочешь.

БАБАЕВЪ.

Разумѣется.

КРАСНОВА.

Вотъ правду—то говорятъ, что всѣ мы, бабы, сумашедшія: сама вѣдь замужъ пошла, никто меня не неволилъ, ну такъ и жить бы, какъ по закону слѣдуетъ; а меня вотъ къ тебѣ тянетъ, изъ дому бѣжать хочу. А ты все виновать, Валентинъ Павлычъ: черезъ тебя теперь я отъ дому отбилась. Кабы не ты, жила—бы какъ—нибудь съ мужемъ, покрайности бы горя не знала.

БАБАЕВЪ.

Прекрасная жизнь! есть о чемъ жалѣть!

КРАСНОВА.

А теперешняя жизнь нешто хороша! Конечно я не должна тебя много винить, потому что сама кругомъ виновата. Вамъ что думать! ваше дѣло мужское, никто тебя не осудить, а намъ за все про все бѣда. Ну, да что дѣлать! Теперь поздно разбирать кто правъ, кто виновать, а видно такъ надобно было этому дѣлу случиться. Только ты не обмани меня, приѣзжай!

БАБАЕВЪ.

Ну полно, что ты! Непремѣнно приѣду.

КРАСНОВА (цѣлуетъ его).

Прощай! пора мнѣ! Что это какъ я вся трясусь, ноги такъ и подламываются.

БАБАЕВЪ.

Ты успокойся немного. Пойдемъ, я съ тобой погуляю по берегу; еще успѣешь домой вовремя придти. (*Уходятъ*).

АФОНЯ.

Вотъ братъ Лѣвъ, на кого ты насъ промѣнялъ! погляди, полюбуйся! Кто тебя любить—то душою, такъ ты на того звѣремъ смотришь; я сохну, какъ свѣчка таю все изъ любви да изъ жалости къ тебѣ, а еще ни разу отъ тебя добраго слова не слыхалъ. Въ женѣ ты души не чаялъ, а она, злодѣйка наша, вотъ что дѣлаетъ! Нѣтъ на свѣтѣ правды, нѣтъ! (*Уходитъ*).

СЦЕНА II

ЛНЦА

КРАСНОВЪ. КРАСНОВА. ЖМИГУЛИНА. АРХИПЪ. АФОНЯ. КУРИЦЫНЪ.
КУРИЦЫНА.

(Комната третьяго дѣйствія).

ЯВЛЕНІЕ I

ЖМИГУЛИНА (входитъ со свѣчей и ставитъ ее на столъ), потомъ
АФОНЯ.

ЖМИГУЛИНА.

Что это Таня неидетъ! ужь пора бы. Эка сумашедшая! рада, что вырвалась, а того не подумаетъ, что вдругъ сверхъ всякихъ ожиданій мужъ вернуться можетъ. Вотъ и вертись, какъ на иголкахъ. Только кто за дверь, такъ сердце и упадетъ. Каждая минута за годъ кажется. Афонька еще меня беспокоитъ. Куда онъ дѣлся? ужь не ее-ль стережетъ? Конечно противъ каждаго его слова можно найти десять отговорокъ, а все-таки пожалуй сумленіе наведетъ. Ахъ, кто-то идетъ, неужто самъ! сохрани Господи! Я кажется такъ тутъ и умру. (Входитъ Афоня, и охая ложится на лежанку). Ты гдѣ былъ?

АФОНЯ.

Гдѣ былъ, тамъ нѣту.

ЖМИГУЛИНА.

Да говори, авось языкъ-то не отвалится.

АФОНЯ.

Не хочу я съ тобой говорить.

ЖМИГУЛИНА (ласково).

Аль тебѣ, Афоня, нездоровится?

АФОНЯ.

О, Господи! не трогайте меня, не трогайте! Не обманешь ты меня.

ЖМИГУЛИНА.

Очень нужно тебя обманывать!

АФОНЯ.

Брата обманывайте, а меня не обманете. Нѣтъ, нѣтъ.

ЖМИГУЛИНА.

Ты что-то такое говоришь довольно-странное для меня.

АФОНЯ.

Охъ, моченьки моей нѣтъ. Отойди! не вертись ты на моихъ глазахъ, не мучь ты меня.

ЖМИГУЛИНА.

Тебѣ-жъ хуже, когда ты ласки не умѣешь понимать.

АФОНЯ.

Не надо мнѣ, ничего не надо.

ЖМИГУЛИНА.

Ну, такъ и знай свою печку. Ты думаешь мнѣ нужно? такъ вѣдь, изъ жалости (*молчаніе*). Эка безумная, эка безумная! У меня сердце не на мѣстѣ. (*Входитъ Красновъ*).

ЯВЛЕНИЕ II

ТѢЖЕ и КРАСНОВЪ.

КРАСНОВЪ.

Вотъ и я какъ-разъ. Каково обернулъ! Я надъ Татьяной Даниловой пошутилъ малость: ждите, говорю, черезъ часъ, а самъ черезъ полчаса тутъ какъ тутъ, чтобы значить неожиданно. Оставляя чай пить, да я не остался. Эка невидаль чай, говорю ему, у меня дома молодая жена дожидается. Да гдѣ-жъ онѣ-съ?

ЖМИГУЛИНА.

Да не знаю. Тутъ гдѣ-нибудь. Не въ садъ ли вышла?

КРАСНОВЪ.

Пошлите ихъ поскорѣй, я имъ хочу за нынѣшнее ихъ уваженіе подарочекъ сдѣлать.

ЖМИГУЛИНА.

Сейчасъ, сейчасъ. (*Уходитъ*).

КРАСНОВЪ (*ходитъ молча, потомъ разсуждаетъ самъ съ собою*).

Пятьдесятъ семь рублей, шесть съ костей, три на кости, девять Петру Ананьеву. (*Молчаніе*). Что же онѣ пропали? (*Ходитъ молча*). Афоня, ты не знаешь куда вышла жена?

АФОНЯ.

Не знаю. Охъ, не можется мнѣ.

КРАСНОВЪ.

Да чтоже онѣ проклажаются! (*Подходитъ къ двери*). Татьяна Даниловна! Лукерья Даниловна! И голосу не подають. Что же это такое теперича значить? Афонасій! да гдѣ-же жена?

АФОНЯ.

Аль соскучился безъ нея! придетъ, не бойся. Гдѣ ни гуляетъ, а домой придетъ.

КРАСНОВЪ (у двери).

Татьяна Даниловна! (*Входитъ Курицына*).

ДВЛЕНІЕ III

ТѢЖЕ и КУРИЦЫНА.

КРАСНОВЪ.

Кто это? это ты, Ульяна?

КУРИЦЫНА.

Я, братецъ.

КРАСНОВЪ.

Зачѣмъ?

КУРИЦЫНА.

Навѣстить васъ, братецъ, по родственному.

КРАСНОВЪ.

Небольно-то я нуждаюсь.

КУРИЦЫНА.

У васъ, братецъ, сердце, у меня другое; я такъ вотъ не могу объ роднѣ не вспомнить. Гдѣ невѣстущка-то?

КРАСНОВЪ.

Да гдѣ-то тутъ запропастилась. Кличу ихъ, да недокличусь.

КУРИЦЫНА.

Да можетъ далеко гдѣ, такъ вашего зову не слышать.

КРАСНОВЪ.

Гдѣ же далеко! Говорятъ тебѣ, что дома.

КУРИЦЫНА.

Кто говорить-то? Не сестрица ли Лукерья Даниловна?

КРАСНОВЪ.

Хоша бы и она.

КУРИЦЫНА.

А ты и повѣрилъ. Эхъ ты простота, простота.

КРАСНОВЪ.

Уйди сестра! Уйди отъ грѣха!

- КУРИЦЫНА.

Да ты опомнись, что ты кричишь-то! Я своими глазами видѣла какъ она къ барину прошла.

КРАСНОВЪ.

Эка роденька у меня! Счастье мое имъ поперегъ горла стало. Варварка ты, ненавистница. Убить тебя — мало за языкъ твой, за проклятый. *(Замахивается.)*

АФОНЯ *(встаетъ съ печки.)*

Тише ты, тише! Что буянишь!

КРАСНОВЪ.

Вмѣстѣ васъ обоихъ на одну осину.

АФОНЯ *(заслоня сестру.)*

Не трожь ее, пальцемъ не трожь! Она правду говоритъ, истинную правду.

КРАСНОВЪ.

Врете вы, ненавистники! Часу нѣтъ, говорю я вамъ, часу нѣтъ, мы съ ней тутъ сидѣли, цѣловалися, обнималися, въ глаза другъ другу глядѣли, наглядѣться не могли.

КУРИЦЫНА.

Батюшки, да онъ помѣшался! Ты ума рѣхнулся! Да поди, самъ погляди, коли намъ не вѣришь.

КРАСНОВЪ *(у двери.)*

Лукерья Даниловна!

КУРИЦЫНА.

Кличь, кличь; и она туда-жъ побѣжала. *(Входитъ Курицынъ.)*

ЯВЛЕНИЕ IV

ТѢЖЕ и КУРИЦЫНЪ.

КУРИЦЫНЪ.

Что шумишь, аль жену учишь? Хорошенько ее, чтобъ она изъ дому не бѣгала.

КРАСНОВЪ.

Да гдѣ же она? Гдѣ же она? Пожалѣйте вы меня: вѣдь вы изъ меня жилы тянете.

КУРИЦЫНЪ.

Да авось придетъ ; не ночуетъ же она тамъ.

КУРИЦЫНА.

Да вы, братецъ, успокойтесь, сядьте !

КУРИЦЫНЪ.

Да всё и подождемъ ее, сударушку.

КРАСНОВЪ.

Ласкала, миловала, крѣпко къ сердцу прижимала. (*Краснова тихо входитъ и омыдываетъ всѣхъ.*)

ЯВЛЕНИЕ V

ТѢЖЕ и КРАСНОВА.

КРАСНОВЪ.

Гдѣ была-побывала? Весело-ль погуляла? Говори, не утаивай! Чтожъ молчишь! Говори! Видишь, всё на мой срамъ глядѣть сошлись.

КУРИЦЫНА.

Чтожъ ты молчишь, безстыжіе твои глаза! Отмолчатся что-ль думаешь! Видѣли мы какъ ты и туда прошла и назадъ вышла.

КУРИЦЫНЪ.

Топни, братъ, на нее, топни хорошенько, заговорить.

КРАСНОВЪ.

Да не мучь ты меня! Скажи ты мнѣ, какъ на тебя смотрѣть-то, какими глазами? Врутъ что-ль они; такъ гнать ихъ вонъ, чѣмъ ни понада! Аль можетъ правду говорить? Освободи ты мою душу отъ грѣха. Скажи ты мнѣ, кто изъ васъ врагъ-то мой? Была ты тамъ?

КРАСНОВА.

Что-жъ мнѣ теперь лгать, когда ужъ всё видѣли. Была.

КРАСНОВЪ (потерявшись.)

Ну вотъ, добрые люди, вотъ... вотъ оно дѣло-то! Чтоже теперь? Какъ же я?.. Ну, простите меня окаяннаго, что я васъ обидѣлъ? Какъ чужія жены — я не знаю, а у насъ вотъ какъ...

КУРИЦЫНА.

Вотъ и посмотримъ теперь на твою снѣсь. Какъ теперь въ люди носъ-то покажешь, безстыдница! Осрамила брата-то у насъ, осрамила!

АФОНЯ.

Змѣя, змѣя!

КУРИЦЫНЪ.

Что на нее смотрѣть-то! Тутъ же ее сейчасъ и разказнить надо
(*Входитъ Архипъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VI

ТѢЖЕ и АРХИЩЪ.

АРХИЩЪ.

Аль наказанье какое божеское? Что за шумъ? Не пожаръ ли?
Не вижу вѣдь.

КУРИЦЫНА.

Да вотъ невѣстушка дѣлъ надѣлала! Кабы я на мѣствѣ брата,
такъ бы взяла ее да и разразила.

КРАСНОВЪ.

Прочь, прочь! Никто, никто пальцемъ не тронь! Я ей мужъ, я
ей и судья. Ну, скажи мнѣ чтожъ это ты, какъ? Съ чего ты загу-
ляла-то? Грѣхъ чтоли тебя попуталъ; сама ты не гадала этого
надъ собой, не чаяла? Или своей охотой чтоли на грѣхъ пошла?
Теперь-то ты что? Сокрушаешься объ дѣлахъ своихъ, аль нѣтъ?
Аль можетъ ты думаешь, что такъ и надо? Говори, что молчишь!
Совѣстно тебѣ людей-то теперь, аль весело? Стыдъ-то у тебя есть
въ глазахъ, аль рада ты своимъ дѣламъ? Да что ты, каменная чтоли!
Валйся у всѣхъ въ ногахъ, распинайся! Или ужъ прямо мнѣ въ
глаза говори, что ты на зло мнѣ сдѣлала! Чтобы мнѣ знать-то что
дѣлать -то съ тобой — жалѣть ли тебя, убить ли тебя? Хоть ма-
лость-то ты любила-ль меня; есть ли за что мнѣ хоть пожалѣть-то
тебя? Или все ужъ обманывала чтоли, во снѣ чтоли мнѣ снились
мои красные дни.

КРАСНОВА (со слезами).

Я виновата, Левъ Радіонычъ, я васъ обманула. Не любила я
васъ никогда и теперь не люблю. Ужъ лучше вы меня оставьте,
чѣмъ намъ обоимъ мучиться. Лучше разоидемтесь!

КРАСНОВЪ.

Какъ разойтись? Куда разойтись! Нѣтъ, врешь! А на комъ же
я свою обиду возьму? Ты говоришь, что не любишь меня и не лю-
била, а я, видишь ты, по городу ходилъ да ломался, что меня ба-
рышня любить распрекрасная. На комъ мнѣ этотъ стыдъ теперь

взять? Пошла въ кухню! Не умѣла быть женой, будешь кухаркой! Не умѣла съ мужемъ ходить объ руку, ходи по воду. Ты меня въ одинъ день состарила, и я теперь надъ твоей красотой погуляю! Что ни день, что ни взойдетъ солнце красное, кромѣ тычка на от-машъ да попрека, не дождешься ты отъ меня весь свой вѣкъ; развѣ какъ-нибудь, подъ сердитую руку, убью тебя какъ собаку. Да по-дайте мнѣ ножикъ. (*Краснова убѣгаетъ.*)

АФОНЯ.

Братецъ! Братецъ! Она уйдетъ, уйдетъ сейчасъ.

КРАСНОВЪ.

Не уйти ей отъ меня.

АФОНЯ.

Къ барину уйдетъ. Я слышалъ, какъ они сговаривались уѣхать въ деревню.

КРАСНОВЪ.

Да ктожъ у меня ее возьметъ, коли я ее не отдамъ. Гдѣ это та-кая сила есть на свѣтѣ, которая у меня ее отыметъ. Только развѣ съ руками оторвутъ.

АФОНЯ (заглядывая въ дверь).

Братецъ, собирается. Уйдетъ, братецъ!

КРАСНОВЪ (отталкивая его).

Прочь! Отъ мужа только въ гробъ, больше никуда. (*Уходитъ. Слышенъ крикъ Красновой «пустите меня!» Возвращается.*) Вяжите меня! Я ее убилъ.

АФОНЯ.

Ништо ей!

КУРИЦЫНА.

Ахъ, голубчикъ! Что теперь съ твоей головушкой будетъ?

АРХИПЪ.

Гдѣ онъ? Гдѣ онъ? Ведите меня къ нему! (*Афоня подводитъ.*) Что ты сдѣлалъ? Кто тебѣ волю далъ! Ништо она передъ тобой однимъ виновата? Она прежде всего передъ Богомъ виновата, а ты гордый, самовольный человекъ, ты самъ своимъ судомъ судить захотѣлъ. Незахотѣлъ ты подождать милосерднаго суда божьяго, такъ и самъ ступай теперь на судъ человѣческой! Вяжите его!

КУРИЦЫНЪ.

Не ждалъ, не гадалъ, а въ бѣду попалъ! Бѣда не по лѣсу ходить, а по людямъ.

А. ОСТРОВСКІЙ

БЪГЛЫЕ ВОРОТИЛИСЬ

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

ИЛЪЯ ТАНЦУРЪ ДОМА

Наступали новыя времена.

Изъ разныхъ мѣстъ юга Россіи и изъ чужихъ краевъ, повидимому безъ всякой причины, стали въ среднія и въ верхнія русскія губерніи возвращаться поодинокѣ и толпами бѣглые помѣщичьи люди, за годъ и за нѣсколько мѣсяцевъ до изданія положеній о волѣ. Однихъ помѣщиковъ это радовало; другіе въ недоумѣніи пожимали плечами, не понимая, откуда это взялось и что изъ этого будетъ.

Однажды весной, въ концѣ мая, по пути въ тотъ уголь между Довомъ и Волгой, который населенъ въ давнія времена съ одной стороны украинскими, а съ другой русскими выходцами, шла кучка людей, — два старика и шестеро молодыхъ. Доіля до каменистыхъ бугровъ, за которыми уже начинались прибрежья Волги, они сдѣлали въ глухомъ овражкѣ послѣдній привалъ, сварили еще разъ общую кашицу, закусили и готовились разойтись въ разныя стороны.

— «Пойдемъ къ своимъ господамъ; живы ли они!» сказалъ семидесяти-лѣтній сѣдой сапожникъ Гриценко, тридцать-три года бывший въ бродягахъ въ Бессарабіи и въ Крыму: — «удивятся господа, коли живы, ей-богу!»

— «Возвращаться, такъ возвращаться!» прибавилъ другой старикъ, Шумѣнко, осьмнадцать лѣтъ торговавшій въ Одессѣ у какого-то купца квасомъ по поддѣльному паспорту: — «шабашъ, молодцы! значить пришла пора!»

— «А какъ ты, Илюшка, говоришь про мужика? крикнулъ опять старый бродяга-сапожникъ молодому парню, который всю дорогу умудрился вести на поводу невзрачнаго, хотя молодого гнѣдого конька: — «какъ ты это про мужика-то говоришь? Да брось коня; увидишь еще наглядѣться на него и съ нимъ нацѣловаться!»

Черноволосый Илюшка, рослый, кудрявый, хоть нѣсколько мѣшковатый молодецъ, лѣтъ двадцати-двухъ, къ которому относились эти слова, молча opravилъ дорожную котомку на гнѣдкѣ, погладилъ его, еще разъ opravилъ, вспрыгнулъ на него и сказалъ:

— Вамъ, дѣдушка, все смѣхъ; беззаботная вы голова! А у меня въ головѣ не то... Эхъ! горе на васъ смотрѣть!

— Да ты про мужика-то скажи, про мужика, Илько!

— Отчего мужикъ-то дешевъ? спросилъ нехотя Илько.

— Да, да! — И старикъ заранѣе покотился со смѣху.

— Оттого, что глушь!

Собесѣдники громко расхохотались, потомъ замолчали, разомъ всѣ перекрестились, встали отъ ѣды и пошли одни направо, другіе налево. — «Эка мѣста-то, мѣста! Вольница тутъ жила когда-то. И теперь еще какая, глянешь, дичь и глушь!» Такъ говорили, расходясь съ послѣдняго привала по домамъ, возвращавшіеся изъ бѣговъ бродяги.

Илюшка поѣхалъ рысцой на одинъ изъ сосѣднихъ, съ дѣтства знакомыхъ ему холмовъ, поросшій мелкимъ лѣсомъ. Солнце сѣло. Онъ привязалъ лошадь въ кустахъ, взобрался на дерево, осмотрѣлъ еще разъ окрестность, какъ-будто припоминая что-то, давно видѣнное и забытое и пошелъ съ холма лощиною.

На утро и въ послѣдующіе дни нѣкоторые сосѣдніе и дальніе помѣщичьи дома и сельскія конторы были пріятно, а можетъ быть и непріятно изумлены возвратомъ нѣсколькихъ бѣглыхъ бродягъ, изъ которыхъ объ иныхъ въ родныхъ селахъ исчезла даже всякая память. Тамъ явился, какъ съ того свѣта, тридцать лѣтъ бывший въ бродягахъ Антошка Крамарь, кузнецъ; тамъ восемь лѣтъ пропадавшій безъ вѣсти поварь, Михай Пунька.

Явились бывшіе въ далекихъ прогулкахъ лакеи, плотники, столары, кучера, ключники, кондитеры и писаря. Иныхъ господа и свои братья дворовые стали съ горячимъ любопытствомъ, хоть и ласково допрашивать: гдѣ были, у кого служили, чѣмъ кормились въ это время, что дѣлали? — Но на все былъ одинъ отвѣтъ: «Гдѣ были, не помнимъ; у кого служили, не знаемъ; а жили и кормились, гдѣ день, а гдѣ ночь — и сутки прочь.» — «Что же вы такъ это вотъ, съ одного маху, взяли да и воротились?» продолжали допрашивать свободныхъ еще вчера пташекъ, отъ которыхъ такъ-сказать еще воздухомъ пахло, ручья попрежнему, домашнія птицы разныхъ клѣтокъ тихаго русскаго юго-востока. «Надо же когда-нибудь и честь знать!» лукаво отвѣчали прилетныя, добровольно воротившіяся пташки.

Новизна переставала быть новизной. Все начинало идти по старому. Молчаливая барщина одна какъ-бы замѣтно обновлялась: она насчитывала новыхъ постоянныхъ рабочихъ.

Илья Тѣнцуръ, между тѣмъ, привязавши въ лѣсу коня, выломалъ себѣ палку и, спустившись въ лощину, долго шолъ чуть видною въ сумеркахъ тропинкою. Стало еще темнѣе. Илья начиналъ спотыкаться окочки, о хворостъ, положенный въ видѣ гатей по болотнымъ перемышкамъ луговой дороги. Кое-гдѣ онъ разувался и бранился про себя за остановки, потому что стемнѣло еще болѣе, а онъ торопился. Въ воздухѣ было тихо и мягко. Точно теплымъ виномъ пахло. Отъ запаха болотныхъ травъ, березовыхъ листьевъ и фіалокъ голова хмѣлѣла. Илья остановился.

— «Волга не Волга; Богъ его вѣсть, что такое бѣлѣветъ вправо! Ахъ ты, башка моя глупая, башка! Въ двѣнадцать лѣтъ перезабуть все такъ, что оглянешься и не узнаешь!»

Впереди послышался отдаленный переливистый лай.

— Такъ и есть — наша Есауловка!

Сердце крѣпко забилося въ груди парня. Онъ удвоилъ шаги, пошолъ еще смѣлѣе и спустя нѣсколько времени почувствовалъ, что мѣстность вокругъ него измѣнилась. Впереди чернѣлъ будто лѣсъ, слѣва стоялъ точно рядъ мельницъ. Онъ съ наслажденіемъ разслушалъ въ потьмахъ людской говоръ, отозвавшійся уже недалеко. — «Нѣтъ, пережду, пока люди уснутъ! Такъ-то легче будетъ къ родителямъ явиться!»

Тѣнцуръ еще послушалъ, переждалъ, оглядѣлся и пошолъ къ деревьямъ, при мысли: «А! двѣнадцать лѣтъ дома не былъ!

Живъ ли батюшка, жива ли матушка! Много ли ребятяшекъ-сверстниковъ въ живыхъ осталось на селѣ! И чѣмъ теперь батюшка состоитъ, въ рядовыхъ ли мужикахъ, или при должности какой! Да и что самое село теперь стало, пока я по свѣту съ вѣтромъ маялся и гулялъ? Ребенкомъ убѣжалъ отъ розогъ нѣмца-пракащика; никто не защитилъ тогда; отца всѣ голпятымъ звали; онъ бѣдный самъ лямку теръ тогда пастухомъ за овцами; мать все хвораая лежала. А теперь я вонъ какой вытянулся; узнаютъ ли родители меня теперь? Ахъ ты, свѣтъ-свѣтъ! Господи!» Илья шагаль и шагаль...

На пути въ потьмахъ встрѣтилась канава. Илья повороховалъ ей глубину палкою, перелѣзъ, очутился опять въ густыхъ деревьяхъ и залегъ подъ кустомъ, потому что невдали послышались ему опять отголоски людского говора, а онъ не зналъ, куда забреть.

Тихая весенняя ночь переключалась отрывистыми шопотливыми и неясными звуками. Вскорѣ однако кругомъ будто стало виднѣе, хотя небо было еще безъ мѣсяца. Тихо лежалъ въ кустахъ Илья, боясь и кашлянуть. Вдругъ ему почудилось невдалекѣ, между деревьями, чье-то всхлипыванье, плачь и вздохи. Чей-то жалобный голосокъ то затихалъ, то опять раздавался. Танцуръ повернулся къ той сторонѣ, тихо проползъ между деревьями и кустами и подвѣлъ вверхъ голову. Ему почудилось, что вздохи и шонеть раздаются гдѣ-то въ воздухѣ, точно надъ деревьями. Странно стало Ильѣ. «Что за притча, не то птица стонеть почеловѣчьему, не то челоуѣкъ на вѣткахъ гдѣ-то сидитъ!» Онъ всталъ; тихо, какъ ночной звѣрекъ и чуть ступая, обошелъ вокругъ дерева, сверху котораго раздавались по его мнѣнію въ потемкахъ стоны; и оцупалъ, вмѣсто живого дерева, гладкій столбъ. Отошелъ въ сторону, присмотрѣлся: голубятня, въ видѣ домика на плотной высокой подпорѣ. Голосъ затихъ.

— Кто тутъ? рѣшился спросить вполголоса Илья, осматривая воздушный голубиный теремъ, съ крошечными оконцами, чуть рисовавшійся на сумеречномъ небѣ.

Отвѣта не было.

— Кто тутъ? ну, отзовись! не бѣйся!

Танцуръ прислушивался.

— Я... прошепталъ пугливый голосокъ.

— Да кто ты?

— Фрося...

— Какая?

— Барышня... горничная Фрося...

— Гдѣ же это ты сидишь?

Голосъ опять затихъ.

— Сидишь гдѣ ты? ну? да говори же!

Илья смотрѣлъ вверхъ.

— Въ голубятнѣ заперта... А вы кто, позвольте спросить?

— Я-то?

— Да...

— Я такъ... посторонній...

— Дядюшка, голубчикъ! освободите меня. А не то, разсвѣтеть, — пропала я и бѣдная моя головушка!

Изъ окошечекъ воздушной голубятни опять послышались горькіе стоны, плачь и вздохи.

— Да какъ освободить-то тебя, чѣмъ?

— Лѣстницу ищите поблизости тутъ или поодаль, лѣстницу; она здѣсь гдѣ-нибудь въ саду, ищите.

«Такъ мы въ саду! Что за диковина! Чей же это садъ? Нашъ былъ не въ этой сторонѣ», подумалъ Тамшуръ, бросился искать въ потьмахъ лѣстницу и скоро нашолъ. Онъ приставилъ ее къ столбу, влѣзъ туда, посоветовался съ необыкновенной плѣвницей, какъ поступить, сломалъ палкой задвижку небольшой двери, въ которую деревенскіе повара весной лезутъ грабить дѣтей воздушнаго домика, и снесъ оттуда на рукахъ дрожавшую отъ страха, стыда и отчаянія молоденькую горничную.

Она отбѣжала къ садовой камавѣ, быстро оправилась, хотѣла бѣжать далѣе и остановилась.

— Кто вы? спросила она: — за кого Бога молить? говорите скорѣе!

Илья подошелъ и взялъ ее за руку.

— Зачѣмъ вамъ, мое сердце? Лучше вы сами мнѣ скажите, кто вы и что за невидаль такая тутъ случилась съ вами?

Дѣвушка потузилась, стала вертѣть по землѣ ногою.

— Надо къ барынѣ-съ... Я горничная здѣсь, коли знаете нашу барыню. Насъ много у нея. Цолякъ-управляющій давно къ намъ, видите, подбивается. А мы влечать на него. Онъ и поиди дозоромъ. И тутъ въ садъ выходила иной разъ... не къ нему... а къ знакомому такому другому человѣку... онъ лѣжаго, молно ска-

зять, сердца и совѣсть не такой вовсе подлой души... Выбѣжала я и сегодня, будто въ прачешную... А полякъ и наткнулся на насъ. Этотъ—то мой душенька, значить, знакомый убѣжалъ отъ стыда, да и отъ страху; а полякъ меня, отероуѣлаю дуру, ухватилъ съ дозорными, да и заперъ тутъ до утра въ голубятню. «Утромъ, говорить, узнаемъ, кто такая тутъ изъ дѣвичей со всякою сволочью, съ музыкантами сосѣдскими дружбу водить, а теперь не хочу барыни, говорить, будить!» Такъ и сволокли меня сюда и толкнули въ будку... Ино руки всѣ изломали, косы было развизали, платье оборвали... Голубей сонныхъ вдругъ спугнули, и долго они, горемычные, кругомъ меня въ тѣмѣ-тѣмущей этой летали, крыльями мнѣ въ лицо вѣили... Стала я плакать; хотѣла уже крикъ къ двору подать, пусть бы хоть и барыня уже узнала; страшно такъ это наверху въ потьмахъ стало, какъ всѣ голуби прочь разлетѣлись... я плакать... а тутъ и вы отозвались... Скажите: кто вы?

— Какое это село, что теперь барыня у васъ, а не баринъ? Есауловка? спросилъ Илья, опять не отвѣчая на вопросъ горничной.

— Нѣтъ, не Есауловка, а Конскій Сыртъ... Наша барыня — арендаторша!

«Такъ я не туда попалъ! вотъ что!» подумалъ Танцуръ. Мѣсяцъ готовился въ это время выйти. Кругомъ стало еще свѣтлѣе. Илья разглядѣлъ миловидное личико, плотно подвизанные вокругъ головы косы, бѣлую косынку и полныя плечи освобожденной плѣнницы.

— Мой знакомый, можно сказать, благородный и не такой подлой души человекъ, какъ нашъ прикащикъ! сказала Фрося, не двигаясь съ мѣста и щипля руками концы косынки: — онъ по гробъ жизни и свѣта не забудетъ вамъ этой услуги—съ. Но можно ли узнать опять—таки ваше имя?

Фрося подняла глаза и хоть искоса старалась заглянуть въ лицо своего освободителя.

— Мнѣ благодарности вашей не надо. А васъ бы высѣкли? скажите мнѣ!

— Ну, высѣчь не высѣкли бы; теперь сѣкутъ меньше; а сраму такого набралась бы, что хоть въ воду да и утопиться. Такъ можно ли опять узнать, какъ васъ зовутъ?

— Илей... а по прозвищу — не знаю и самъ, какъ сказать;

живъ ли еще отецъ мой, про то вѣрно не знаю и не вѣдаю тоже...

— Вы изъ Есауловки?

— Оттуда; только двѣнадцать лѣтъ дома не былъ — вамъ это теперь же пожалуй открою — вы сами узнаете... Я сынъ Романа Танцура, коли знаете; онъ за овцами барскими у насъ ходилъ, помню, какъ я отъ нѣмца-управителя съ армянами убѣжалъ...

— Вамъ Романъ Антонычъ папенька-съ? быстро спросила Фрося; и въ голосѣ ея зазвучало столько отчужденнаго удовольствія и вмѣстѣ желанія чѣмъ-то особенно-радостнымъ удивить слушателя: — такъ вы ничего не знаете? Дорогою пососѣдству ничего не слышали?

— Ничего не слышалъ и не знаю; мы торопились и прятались отъ полиціи...

— Такъ, такъ; теперь помню... Про сына его... про васъ точно люди сказывали, да и онъ самъ часто жалѣлъ объ васъ, даже по людямъ васъ долго розыскивали...

— Такъ чтоже? говорите!

— Какъ же! вѣдь вашъ отецъ теперь главнымъ прикащикомъ надъ всею Есауловкою! Да, и живетъ въ самомъ барскомъ домѣ, подъ-низомъ; а баринъ вашъ все еще за границею; какъ же! мы все знаемъ! князь десять лѣтъ дома не былъ. Наѣхалъ разъ, смѣнилъ нѣмца, наставилъ вашего отца, уѣхалъ да съ тѣхъ поръ и нѣтъ его... Теперь пора мнѣ въ дѣвичью: всѣ спать; прощайте! Извините.

— Какъ же я въ наше-то село дойду? Темно; до утра бродить буду.

— Я бы васъ свела, Илья Романычъ, да надо въ домъ раньше въ дѣвичью воротиться. А впрочемъ... извольте-съ... пойдемте... Берегитесь; тутъ будетъ опять канава, а дальше мостикъ черезъ Лихой. Это у насъ рѣчка...

— Такъ это мы за Лихимъ?

— Точно-съ, эта рѣчка въ Волгу тутъ, если помните, подалѣ упала и раздѣляетъ Сыртъ отъ вашей Есауловки. Мы дружка противъ дружки сидимъ съ вами-съ...

— Теперь помню, помню: мы на горѣ, а вы на долинь.

— Такъ точно! вотъ и не ошиблись, именно-съ...

— Кто же ваша барыня?

— Охъ... барыня сердитая да строгая, Палагея Андреевна Перебоченская, если еще въ тѣ поры вы слышали! Она должно быть дончиха. Одни говорятъ, что хуторъ, гдѣ мы живемъ, ея имѣніе; а другіе, что не ея, а чужое, арендное. Только, сказать вамъ, наша барыня такъ тутъ крѣпко сидятъ, — что въ иномъ и своемъ такъ не обживешься. Охъ... скажу вамъ: всѣ ея боятся! Да! Забыла-съ еще... Съ вашимъ отцомъ они очень дружны-съ.. Романъ Антонычъ, вашъ отецъ, хорошій человекъ и съ нашею барыней, съ Палагеею Андреевной, завсегда обо всемъ говорить и намъ часто бѣды наши у нея вымалываетъ. Да позвольте еще: онъ дома теперь, или нѣтъ? Что это я забыла! Дома? или за скотомъ опять въ Черноморье поѣхалъ? Нѣтъ, дома, дома: вчера за сахаромъ къ намъ мальчишку своего конторскаго, Власика, присылалъ. Онъ прикащикъ теперь у васъ, а сперва было только за гуртами сталъ ѣздить. Наша барыня тоже гурты держать, на лугахъ нашихъ ихъ нагуливаетъ. Такъ въ поле сама и скотъ осматривать на дрожкахъ ѣздитъ, хоть и старуха. Ахъ, да! еще! Нѣтъ! послѣ скажу... Вотъ мы уже и пришли въ вашу Есауловку. Видите, будетъ всего версты двѣ съ половиною; миновали рѣчку, а тамъ въ гору — а вотъ и вашъ дворъ. Ишь, дворецъ-то какой у вашего князя-барина; садъ большущій, старинный. Я васъ отлично провела. Теперь и домой мнѣ пора. Совсѣмъ теперь уже поздно. Прощайте-съ. Воиъ свѣтитса внизу окно вашего отца! До свиданія-съ... По гробъ жизни, можно сказать, мой знакомый вамъ не забудеть этого!

Фрося еще что-то сказала издали и исчезла впотьмахъ.

Илья остановился у порога барской конторы, теперешняго отцовскаго жилища. Чего только ни переиспыталъ онъ въ эти нѣсколько мгновений! Чего только не было теперь на душѣ его!

— «Батюшка въ прикащики попалъ!» думалъ Илья, стоя у входа подъ низъ дома: — «Вотъ не думалъ! Изъ скотниковъ, изъ пастуховъ, изъ голопятыхъ, какъ его тогда звали, въ прикащики такого села! Тысяча душъ почитай будетъ; двѣ церкви было, помню. Шапку за версту снималъ онъ, какъ подходилъ бывало къ этому дому, а теперь самъ тутъ живетъ! Жива ли матушка? Я у этой щебетухи и не спросилъ. Ну, какъ-то отецъ теперь съ

людьми живеть? Вѣдь онъ, почитай, самъ тогда мнѣ посовѣтовалъ въ бѣгахъ быть, какъ я на посылахъ тутъ день-деньской у нѣмца маялся, на пивкахъ росъ, на голой землѣ спалъ, тычками да слезами сытъ ходилъ и на дпикѣ въ саду съ горя два раза даже повѣситься хотѣлъ, передъ тѣмъ, какъ потомъ армяне въ Крымъ сманили меня! Прикащикъ! Не очень же онъ обрадуется и кою, котораго я было-ему на хозяйство добылъ и привязалъ пока въ лѣсу!»

Онъ сощолъ въ коридорчикъ нижняго яруса дома и сталъ замирая отъ волненія у дверей. Долго онъ не рѣшался взяться за скобку дверей, оправилъ красный подсъ на новыхъ шароварахъ, обдернулъ синюю чуйку, потоптался на мѣстѣ высокими новыми сапогами, снялъ впотемкахъ шапку, пригладилъ черныя кудри, крикнулъ и хотѣлъ войти, но опять остановился.

— «Какъ-то отецъ теперь приметъ меня? подумалъ Илья, все еще стоя впотемкахъ: — куда повернетъ меня? А я-то коня, коня ему привелъ нажитаго на волѣ, въ рождѣ его пока на ночь привязалъ, въ яру, гдѣ когда-то двѣ ночи сряду голодный со страху пролежалъ, какъ мышь забившись въ листья и въ валежникъ, армянь по условію поджидая, — а они тутъ у церкви на ярманкѣ пока красный товаръ продавали! Думалъ, что отецъ въ бѣдности... Эхъ!»

Дверь съ шумомъ растворилась изъ конторы, и на порогъ выткнулся рослый, плотный, широколицый и смуглый человекъ, родъ мѣщанина, въ нанковомъ кафтанѣ и въ картузѣ. Онъ очевидно хотѣлъ куда-то идти, но наткнувшись на незнакомаго впотьмахъ, торопливо отшатнулся, взялъ со стола свѣчку и спросилъ:

— Кто это? Что ты тутъ за человекъ стоишь впотьмахъ?

Илья не узналъ сразу располнѣвшаго отца и тихо, молча ступилъ въ комнату, гдѣ худощавая пожилая женщина въ ситцевомъ нарядномъ платьѣ спиною къ дверямъ со стола ужинъ снимала. Найдя глазами образа, Илья съ чувствомъ перекрестился, пока прикащикъ съ удивленіемъ его разсматривалъ, держа свѣчу въ рукахъ, и упалъ въ ноги отцу:

— Батюшка, не обидьте, благословите меня! Я вашъ Илько!

— Илья, Илюша! крикнула женщина, убравшая со стола. Она быстро обернулась, и уронила на лавку подносъ съ посудой, кинулась сыну на шею.

— Илько! проговорилъ въ свой чередъ тронутый и пораженный неожиданностью прикащикъ. торопливо ставя свѣчку на столъ: — вотъ не ожидалъ дорогого гостя! А я въ обходъ шоль посмотрѣть, всё ли сторожа на мѣстахъ! Господи... вотъ гость! Романъ дрожащими руками снялъ съ гвоздя икону, благословилъ ею сына, далъ ему ее, а потомъ свою руку поцѣловать, и заключилъ: — Ну, полно, жена, выть надъ нимъ, да обнимать его; теперь пришло, такъ уже насмотришься на него, налюбуйшься имъ! А лучше давай-ка ему поѣсть; вѣрно голоденъ съ далекой дорожки. Вздуй огня въ печи, яичницу чтоли ему сготовь, пока мы о дѣлѣ потолкуемъ.

Сѣдая Ивановна, утирая радостныя слезы, встала, опять кинулась къ сыну, посмотрѣла на него, сняла съ него поясъ, чуйку, заплакала и тутъ же засмѣялась, качая головою.

— Вотъ что значить мать! сказала она: — я будто ждала тебя: рубахъ въ томъ мѣсяцѣ нашла тебѣ. Закуси, да скорѣе раздѣнься; теперь надѣвай припасенную тебѣ мною рубашку, а завтра я тебѣ голову вымою, вычешу тебя ..

Старуха, не переставая утирать слезы и поглядывать на сына, захопотала у печки. Романъ постоялъ и рѣшилъ:

— Ну, Богъ съ ними сегодня, съ сторожами; потолкуемъ лучше съ тобою! Онъ повѣсилъ шубу на гвоздь и заперъ двери на крючокъ.

Романъ сѣлъ за столъ; сынъ противъ него на лавкѣ.

— Такъ, такъ Илько; хорошо, что ты воротился. Ейбогу хорошо! А я-то уже считалъ, что ты пропалъ навѣки; пацихиды по тебѣ служить собирався, да мать твоя вонъ все останавливала; говорить: еще подожди; сердце чувствуетъ, живъ Илько. А сколько будетъ лѣтъ, какъ ты въ бѣгахъ былъ?

— Двѣнадцать!..

— Точно двѣнадцать; я тогда еще въ рядовыхъ кажется былъ. Да... десять лѣтъ я уже въ прикащикахъ состою. Всѣмъ селомъправляю. Ты вѣрно слышалъ, Илько?

— Слышалъ! отвѣтилъ Илья, разсматривая смуглыя, будто изъ мѣди вылитыя черты отцовскаго лица, его черныя, густыя брови, каріе глаза и черныя съ просѣдкою, подъ гребенку стриженныя волосы, курчавые, какъ и у Ильи.

Рослый, широкоплечій ставъ отца былъ попрежнему прямо и крѣпокъ, только сталъ сильно полнѣе съ той поры, какъ онъ

съ длинною палкою пересталъ ходить за скотомъ в овцами, въ потертой сермягѣ стоя въ полѣ и жалуясь на судьбу одному перелетному вѣтру.

— Много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ ты въ бродяги пошолъ, Илько .. Да наѣхалъ баринъ послѣ тебя, послалъ меня за скотомъ въ Черноморію; я гуртъ пригналъ, другой. Тутъ вѣмца смѣстили, меня наставили? Ну, да о томъ послѣ... Пожалѣлъ я тогда, сылку, что тебѣ самъ же совѣтъ далъ и что ты утекъ. Черезъ разныхъ бродягъ о тебѣ развѣдки дѣлалъ, въ полицію явки давалъ. Хорошо, что ты воротился. А было бы еще лучше, кабы воротился прежде. Нуженъ ты мнѣ былъ тогда, да и теперь еще болѣе пожалуй будешь нуженъ. Вѣдь ты грамотный кажется?

— Выучилъ тогда пьяный нѣмецъ... Помните, какъ билъ? Струны проволочныя въ розги вязывалъ. Укусомъ послѣ кропилъ...

— Такъ, такъ. Да давай же, жена, гостю дорогову поѣсть скорѣе! А не выпьемъ ли мы на радости, Илько, водочки? Пьешь?

— Нѣтъ, не пью.

— Ну такъ я выпью!

Романъ всталъ, открылъ шкапчикъ на стѣнѣ, досталъ графинъ съ водкой, налилъ добрый стаканчикъ и выпилъ.

— Шафранная! пять цѣлковыхъ ведро. Ты не думай, самъ я тоже не пью, а для дорогихъ гостей только держу. Однакоже все таки надо къ сторожамъ навѣдаться... постой, не могу... народецъ тутъ у насъ бѣдовый сталъ!

Романъ опять взялъ шапку и остановился передъ Ильей.

— Молодецъ молодецъ, право! Только ты у меня не балуй тутъ. Народъ нынче, я думаю слышалъ ты, буяномъ сталъ, а ты съ вольнаго-то вѣтру не очень съ ними водись. Все же ты хоть батракъ, а прикащикій сынъ... На тебя глядя и тѣ задурять...

— Глѣ мнѣ! Я ничего. Я такъ: что скажете дѣлать, то и я. Извѣстно, начальство значитъ вы теперь...

У Ильи въ головѣ мелькалъ между тѣмъ все припасенный отцу на хозяйство конекъ. Какъ ничтоженъ теперь казался ему этотъ завѣтный его подарокъ!

— Ну, а что же ты нажилъ, сынъ, на волѣ-то столько лѣтъ

маявшись вдали отъ отца и матери? спросилъ шутливо Романъ, стоя у дверей.

— Я-то?

— Да; за двѣнадцать лѣтъ люди сотни, тысячи, умѣючи наживаются!

Илья глазъ не поднималъ. Романъ самодовольно посматривалъ на забулдыгу своего, блуднаго сына, не обращая вниманія на мучительный, болѣзненно-любящій и жалобный взоръ матери, устремленный на Илью изъ-за пылающей печки.

— Что грѣхъ таить! сказалъ Илья: — какъ сталъ я подрастать у людей на волѣ, переходя съ мѣста на мѣсто, да свою неволю былую скрывая, были заработки, были и деньги хорошия. Только рубль-то вездѣ одинъ: больше цѣлковаго не ходитъ. Какъ нажилъ, такъ и прожилъ, — все одно, что и въ здѣшнихъ вашихъ мѣстахъ. Были случаи, что и полиціи надо было дарить и отъ своихъ братьевъ душегубовъ откупался. Дважды ловили меня, по этапу изъ города въ городъ пересылали. Тутъ-то мозолей поношено, тутъ-то холоду да голоду испытано, вшей да комаровъ покормлено собою! А Господь далъ; послѣ опять сталъ на волѣ жить; значить, я наживалъ, я же и проживалъ. Извѣстное дѣло чужая сторона, какъ своей-то настоящей, собственной значить норки нѣтъ, куда и звѣрекъ лишній колось на запасъ тащить...

— Такъ ты, выходитъ, теперь къ норкѣ родной и направишь путь? Дѣло! Чѣмъ же ты теперь желалъ бы тутъ быть у барина на селѣ? Отвѣчай по душѣ. Я теперь тутъ главный; что рѣшу, тому и быть. Говори...

Илья взглянулъ на мать.

— Вы точно главный тутъ! сказалъ Илья отцу: — вамъ такая и дорога. А мнѣ, когда милость ваша и вы дадите бродягѣ тутъ жить, позвольте... къ обществу стать, землю мнѣ нарѣжьте, на хозяйство къ плугу поставьте меня...

Романъ отуманился и отошелъ отъ двери.

— Не приходится тебѣ, Илько, въ мужикахъ быть. Будь правою рукою моею. Ты грамотный, ты мнѣ нуженъ... Ну, да утро вечера мудренѣе. Завтра потолкуемъ...

Отецъ вышелъ. Ивановна кинулась къ двери, заперла ее опять на крючокъ, поцѣловала нѣскольکو разъ сына, посадила

его за столъ, поставила ему остатки ужина, свѣжую яичницу, обняла его горячо и оглянулась опять по комнатѣ.

— Ты, сынку, не перечь отцу. Онъ тебѣ счастья желаетъ. Должно быть онъ тебѣ ключи сдать затѣялъ: онъ давно ищетъ вѣрнаго себѣ ключника. Ты въ дворовыхъ останешься, онъ барину напишетъ, тебѣ жалованье положить. А въ мужики тебѣ что теперь записываться! Вонъ у него какая теперь одежда, обувь! Что ѣдимъ мы теперь! Я вонъ въ ситцевыхъ платьяхъ хожу...

— Эхъ, матушка, все это такъ, да земля-то крѣпче; съ нея не сгонишь, а отъ мѣста откажутъ. Какія я мѣста имѣлъ! А все своя земля тянетъ! Срубилъ себѣ хатку, заведешься всѣмъ... Ну, да мнѣ же это и особо еще нужно...

— Зачѣмъ?

Старуха пристально посмотрѣла въ глаза сыну. Онъ оставилъ ложку, утерся, перекрестился на иконы, поклонился матери и сѣлъ опять.

— Матушка, я нашолъ себѣ сужоную.

Старуха радостно перекрестилась.

— Слава тебѣ Господи! Гдѣ же ты сыскалъ ее?

— Слыхала, матушка, про Талавѣрку?

— Про какого?

— Про Афанасія, что бѣжалъ тутъ по сосѣдству отъ какой-то барыни, уже двадцать-четыре года назадъ? Онъ въ стоярахъ у нея былъ тутъ, въ каретникахъ, и въ ея хуторкѣ проживалъ...

— Охъ, не помню что-то, сынку, не помню. Такъ что же?

— Столкнулся я съ нимъ два года назадъ, въ Ростовѣ на Дону... Онъ тамъ уже богачемъ живетъ: домъ свой, своя мастерская. Ну, и есть у него дочка... Настя... Мы полюбились съ нею, отцу сказали. А онъ и говоритъ: «Изъ рассказовъ твоихъ, Илько, вaju я, что ты изъ однихъ мѣсть со мною; барыни моей ты знать не можешь: малъ былъ, какъ бѣжалъ съ Волги сюда въ низовые края. И я, говоритъ, не знаю, жива ли моя госпожа-барыня. А только вотъ что. Хоть богатъ я, говоритъ, теперь, хоть воленъ, а помереть хотѣлось бы на родной сторонѣ. Теперь, говоритъ, готовится всѣмъ воля; скоро не скоро ли, слышно всѣмъ землю дадутъ, кто по своей волѣ воротится домой въ общества свои къ нынѣшнимъ пока господамъ. Я мастерства кинуть не могу, а

ты иди, получи на своемъ мѣстѣ землю, запишись въ мѣръ, дай знать, что пристроился, тогда приходи и бери себѣ Настю...» На этомъ зарокѣ мы и разстались. Я далъ слово землю себѣ на родномъ селѣ добыть, а онъ выдать за меня Настю; такъ какже мнѣ идти въ дворовые? Подумайте!..

Ивановна задумалась.

Поговорили еще немного. Илья раздѣлся. Мать постлала ему постель на своей кровати у печи. Ложась спать, Илья увидѣлъ подъ скамьей въ углу какой-то клубочекъ. Кто-то во весь носъ сопѣлъ, свернувшись на полу котенкомъ.

— Кто это? спросилъ Илья.

— На посылкахъ у отца, сиротка тоже тутъ одинъ, Властикъ!

Илья со вздохомъ легъ. «Вотъ и у отца теперь на посылкахъ есть такой же, какъ я былъ когда-то у нѣмца!» подумалъ онъ.

Ивановна погасила свѣчку и тоже легла вздыхая на печи. Вскорѣ пришолъ съ дозора Романъ Антоновичъ; не зажигая свѣчки и не раздѣваясь легъ на лавкѣ у стола и долго лежалъ не шелохнувшись, но видно было, что онъ не спалъ. Илѣ же всю ночь грезилась вольныя степи, таинственныя перебродки по лѣсамъ и оврагамъ, гибдко, привязанный въ лѣсу, надежды завестись своимъ домкомъ и Настя. За часъ или за два до разсвѣта Илья всталъ, тихо одѣлся, тихо отперъ двери и вышелъ. Передъутренній воздухъ былъ свѣжъ.

— «Надежда плохая! подумалъ Илья: — теперь врядъ ли получишь землю отъ отца! Или опять уйти на всѣ четыре стороны? всѣмъ вѣтрамъ въ поясъ поклониться? Нѣтъ, будь что будетъ!»

Онъ вышелъ на тропинку, по которой провела его свечера Фрося, взобрался на знакомый съ дѣтства сосѣдній бугоръ и увидѣлъ съ него сквозь начинавшіе яснѣть сумерки не въ дальнемъ разстояніи лѣсокъ, гдѣ привязалъ гибдка. Роща была оттуда не болѣе, какъ въ трехъ верстахъ. Онъ быстро пошелъ туда, вошелъ въ кусты. Оврагъ былъ не далеко.

— «Ну, гибдко, подумалъ Илья: — иди теперь со мной; придется теперь продать тебя либо жиду, либо цыгану. Отецъ держать тебя не позволить! А я-то думалъ домкомъ завестись, садъ затѣять, за Настей поѣхать на тебѣ! Чѣмъ полагалъ отца удивить!»

Илья сталъ звать гнѣдка, искать его; но слѣдъ гнѣдка про-
стыль. Конецъ ремня отъ уздечки висѣлъ привязанный къ де-
реву. Гнѣдко либо убѣжалъ, либо кто-нибудь его укралъ.

— «Послѣднее добро и то пропало! сказалъ Илья съ доса-
дою: — пропадай же и ты теперь, моя волюшка, хоть уже я
тебѣ, неволя, тоже дешево не отдамся!»

Онъ еще побродилъ по рощѣ, звалъ коня, обошелъ весь лѣ-
сокъ кругомъ, вышелъ на опушку, на другой высокій бугоръ и
сѣлъ, уткнувшись головою въ колѣни: Онъ немного такъ проси-
дѣлъ. Когда онъ очнулся, свѣтлая картина родимыхъ окрестно-
стей и подступавшаго утра тихо открылась передъ нимъ.

Кругомъ шли то зеленые пологіе, то каменистые, лѣсами
испещренные холмы. Влѣво разстилалась низменная влажная
луговая равнина, на которой изъ сумерекъ выходила усадьба
Фросиной барыни, Конскій Сыртъ. Прямо, отдѣляясь отъ этой
низменности рѣкой Лихимъ, на крутомъ косогорѣ разстилалась
Есауловка. Вправо отъ Есауловки и Конскаго Сырта, провожая
извины Лихого къ его устью, шли сперва малые, потомъ болѣе
объемистые бугры, то горбатые, то плосковерхіе, то остро-
головые и изборожденные дождевыми протоками. Въ разще-
лины ихъ въ одномъ мѣстѣ мелькнула широкая, бѣлая, туман-
ная полоса, точно дымъ... Сердце Ильи дрогнуло. То была Вол-
га... А за нею уже начала занимать заря. Одѣвались огнями
голубыя вершины. вмѣсто темныхъ пятенъ и щелей, на холмахъ
выяснились лѣса. Между ними въ отдаленіи узнавались кое-гдѣ
въ размѣтъ кинутые поселки, богъ-вѣсть откуда и когда тутъ
сѣвшія жильями, всякая набродная и переходная вольница. Св-
занная тяжолая туча, нахлобучившись на низовое заволжье, еще не
пускала на окрестности довольно свѣта. Все еще тонуло въ су-
меркахъ: нагорныя земли по сю сторону Волги и гладкая при-
вольная ширь ея луговой стороны, съ ея жирными, тучными и
лѣбородными залежами и цѣлинами. Тронулся вѣтеръ... Ото-
звались ближніе и дальніе лѣсистые овраги и горы, такъ знако-
мые Ильѣ, съ ихъ мѣстными поволжскими прозвищами. Засто-
налъ любовными призывами Иволгинъ-орѣшникъ; застучалъ на-
полненный шорохами и всякой таинственной, весеннею тревогой
развѣсистый Дятловый-липякъ; зазвенѣли серебряными тру-
бами низменные темные Соловьиные-верболѣзы; зазвучали золо-
тою дудкой песчаные Кукушкина-кучугуру; засвистѣли кудри-

вые Дроздовые-березняки, заклепками старые дуплистые громадные дубы на Орлиных-лысинах соединил горь. Солнце выбило наконец из-под тучи. Илья встал, прошел несколько шагов и опять остановился. Вдаль вдали над Волгой, обрисовался новый ряд бугровъ. А по нимъ мелькали уже будто сквозные и голубые отъ воздуха, новые бугры и курганы. То были бугры Стеньки-Разина. «На нихъ Степанъ Тимофѣичъ послѣдній свой опочивъ держалъ», говорили въ народѣ: «онъ тутъ послѣднимъ станомъ стоялъ; а какъ его въ плѣнъ взяли, любимого своего есаула съ братіей послалъ селомъ поблизости съѣсть; они съѣли и вышла изъвольной кости нынѣшняя княжеская Есауловка!» Илья Танцуръ прикрылъ глаза ладонью. Одинъ двугорбый бугоръ, полдсатый, какъ бухарская тармалама, сидѣлъ свѣсившись, будто бородатый старикъ надъ водою. Онъ прозывался Емелькиными-ушами, или ушами Пугача. На нихъ Пугачъ двухъ воеводскихъ доворщиковъ повѣсилъ. Съ той поры, точно слушаючи, торчали эти горбы Емелькины-уши. А еще далѣе шли отъснныя и дикіе Авдулины-бугры, за которыми было село Авдуловка, происходившее также отъ какихъ-то вольныхъ костей, занесенныхъ сюда первыми украинскими и русскими колонизаторами этого края. — А величавая, вѣчно-широкая Волга голубой пеленой омывала подошвы бугровъ, пугливо ласкалась къ нимъ и отражала въ себѣ цвѣта ихъ зеленыхъ, желтыхъ и багровыхъ глинъ, бѣлыхъ песковъ и разнообразныхъ хрящей и слюдъ. Роса сверкала по травамъ. Дикіе тюльпаны желтыми и алыми колокольчиками глядѣли изъ разсѣлинъ скалъ, по крутищамъ косогорамъ. Яркій синякъ и бѣлые пушистые косатики заливали веселыми сплошными полосами измененныя равнины. Звонкія вскрикиванія пробуждающихся птицъ становилась чаще и громче. Тихіе прибрежные затоны и заливы Волги и Лихого еще дремали своимивамя и камышами, окутанныя туманами. А уже по гладкой равнинѣ вода, мимо бугровъ, затоновъ, песчаныхъ розсыпей и степей, двигались, бѣля парусами, вѣчные караваны Синяго-морца, Волги, всякія расшивы, бѣляны, мокшаны, коломенки и простыя рыбацьи лодки. Надъ ними мелькали, отражаясь въ водѣ, бѣлокрылая чайки. Сонныя бакланы, бабы-птицы и лебеди взлетали изъ-подъ носовъ наплывающихъ барокъ. Отзывались завожскіе озера, окрещенныя также народными именами: журавлиными, лебяжьими, куличьи, гусиными, утинными и всякія. Заря зачалась че-

вдачная, роскошная. Закопшился людъ во всѣхъ концахъ. Двинулись стада овецъ по буграмъ, гурты рогатаго скота и табуны лошадей на лугахъ и равнинахъ, гдѣ сто лѣтъ назадъ кочевали по тихимъ сыртамъ и улусамъ одни калмыки да татары. А по голубымъ прибрежьямъ и затонамъ раздались голоса знакомой трудовой и исконной пѣсни рабочаго люда обоехъ береговъ Волги и Дона, пѣсни, построившей по этимъ рѣкамъ всѣ села и города, заводы и барскіе дома, церкви, монастыри, пристани и остроги: «Охъ, дубинушка, охни!»

Илья Тандуръ взглянулъ еще разъ назадъ къ створѣ Дона, откуда пришолъ, а потомъ на Волгу.

— Прощай, батюшка, тихій Донъ Ивановичъ! Здравствуй, матушка, Волга! Пожилъ я вволю на Дону, въ низовой степной Украинѣ; поживу теперь и на Волгѣ. Были мы когда-то казаками... Чѣмъ-то теперь опять будемъ! Наши дѣды вышли сюда изъ Запорожья, бились тутъ съ татарами, охраняли границы, селились въ перемежку съ русскими; насъ подарили русскому князю, съ нашими землями и пожитками. Подождемъ. Авось отдадутъ намъ опять наше...

Илья посмотрѣлъ на солнце, взглянулъ влѣво на Есауловку, широко и просторно раскинувшуюся по тотъ бокъ Лихого, впадавшаго въ Волгу, и быстро пошолъ къ отцу. Село давно дымилось низенькими трубами. Обѣ церкви на двухъ концахъ его привѣтливо бѣлѣли. Перейдя мостъ черезъ Лихой, Илья поднялся вновь на крутой глинистый берегъ, къ которому къ рѣкѣ сходили крестьянскіе огороды, и пошолъ къ барскому двору, окружавшему высокій и обширный каменный домъ въ два яруса, съ крыльцами, колонами, бельведеромъ, шпилемъ для флага и службами. Садъ шолъ за домомъ, почти касаясь столѣтними дубами, липами и пирамидальными испанскими тополями его островерхой, по плану Растрелли устроенной крыши.

II

ЗАБРОШЕННАЯ ДЕРЕВНЯ И МУЗЫКАНТЫ

- Равенько ты, Илько, всталъ! Гдѣ былъ? спросилъ отецъ.
- Неспалось; размяться ходилъ: на новомъ мѣстѣ, знаете...

— Я вотъ все твоей матери смѣялся, что смотри, опять Илько тягу даль. Садись, пей чай. Въ прикуску или въ накладку хочешь? У насъ настоящій полурафинадъ. Въ городѣ беремъ... Пей!

Романъ Танцуръ съ женою любили чай. Прислуга Власикъ самоваръ вздувалъ. Илья сѣлъ къ столу. Днемъ яснѣе стало видно, что онъ лицомъ былъ въ сухощавую мать, а кудрявыми черными волосами въ отца. Романъ, хотя уже слегка и обрусѣлый въ этомъ смѣшанномъ краѣ русскихъ и украинскихъ колоній, но малороссъ лицомъ какъ и жена его, заходяя изъ недалекихъ новороссійскихъ уѣзловъ степняка, напоминалъ чистаго, кровнаго потомка запорожцевъ, о чемъ говорило еще и прозвище его, Танцуръ. Вся Есауловка представляла эту дружелюбную смѣсь русскихъ выходцевъ изъ сѣверныхъ губерній и постоянно отливавшаго, въ смутныя времена всякихъ притѣсненій, недовольнаго люда днѣпровскихъ казаковъ. Но отдѣльныя народности жили тутъ, ветерая своихъ рѣзкихъ выпуклыхъ чертъ, и хоть роднились между собою, а село Есауловку разбивали на два отдѣльныхъ, хотя совершенно мирныхъ лагеря. На одномъ концѣ села были все бѣлокурыя, голубоглазыя и бойкія подвижныя личности; на другомъ напротивъ почти все черноволосыя, съ карими глазами, смуглыя, понурыя, медленныя и сдержанныя въ порывахъ особы. Это впрочемъ не новость въ тѣхъ мѣстахъ. Даже совершенно отдѣльнымъ языкомъ между собою говорили жители обѣихъ частей Есауловки, хотя обѣ понимали другъ друга.

— Нѣтъ, по-моему, Романъ Антоновичъ, тоже лучше такъ, какъ Илько нашъ говорить! начала прикащица Ивановна: — въ мужикахъ какъ-то проще жилося намъ; я по сихъ поръ вспоминаю нашу хату, нашъ огородъ и садъ на Окнинѣ, за слободой, гдѣ мы жили!

— Дуры бабы! Давай еще стаканъ! Много вы понимаете! сказалъ старикъ Танцуръ: — мы подначальными были всегда; такъ подначальными и умремъ. Не выдумаете вы ничего лучшаго. Все бредни однѣ! Твой отецъ, жена, покойный Иванъ Ласточка, что еще у стараго барина нашего занимался, у отца нынѣшняго нашего князя, любилъ на посылкахъ за покупками ѣздить и всегда говорилъ: у барина не служить, семи гривенъ

съ рубля не украсть, и жить не стоить! А, Илько? Вѣдь это твой дѣдъ говорилъ? Что скажешь? —

Илья молчалъ.

— Право, Романъ Антонычъ, ты Ильку позволилъ бы на особомъ отъ насъ хозяйствѣ сѣсть! Ты посмотри, Илько, какія у насъ чашки; вотъ какія писанки на нихъ расписаны: тутъ птицы, а тутъ цвѣты и слова... Прочитай мнѣ...

— Ты, сынъ, вчера матери говорилъ про Талавѣрку? Такъ Афанасій нашолся въ Ростовѣ? Нынѣче утромъ мать мнѣ все рассказала. Ты въ дворовые не хочешь?

Илья вспыхнулъ.

— Ну, чтоже: дѣло, коли бродяга этотъ Талавѣрка въ бѣгахъ зашибъ себѣ копѣйку. Да непрочна только жизнь его; и тебѣ съ бродягами пора перестать якшаться. Человѣкомъ стань, вотъ что; я тебя человѣкомъ сдѣлаю. У барина тебѣ мѣсто выпрошу... Хочешь?

Подъ окномъ прикащицкой комнаты на дворѣ послышались голоса. Романъ Танцуръ всталъ.

— Приказные пришли за распорядкомъ работъ. Я уйду. Ты посиди, Илья, съ матерью. Сегодня субота, такъ ты отдохни; завтра тоже воскресенье. А послѣ завтра ступай на работу, пока хоть и въ рядовые. Я, братъ, примѣръ держу; у меня не зѣвай никто!

Романъ ушолъ.

Взѣрошенный Власинъ сталъ весело чашки со стола убирать, взглянулъ на Илью и весело улыбнулся.

Ивановна предложила сыну голову вымыть въ теплой водѣ и надѣла ему вмѣсто ситцевой рубахи бѣлую.

— Матушка, зачѣмъ вы отцу про Талавѣрку сказали? спросилъ немного погодя Илья.

— Что ты! Да онъ еще передумаетъ и дастъ тебѣ землю. Проси только у него. Вѣдь онъ теперь сила и все у него въ рукахъ. Понимаешь? сила... Наша деревня почти забыта и заброшена княземъ.

Романъ воротился съ надворья.

— Ухъ, умаялся. Шутка ли, тысяча душъ; всѣмъ надо толкъ дать. Пойдемъ, Илько, я тебѣ княжескій домъ покажу. Гдѣ, жена, ключи? Ты глупъ былъ маленькимъ, а теперь поимешь, каковъ нашъ князь, — и я всему тутъ голова!

Романъ спялъ со стѣны ключи я пошолъ съ надворья къ главному крыльцу роскошнаго дома, построеннаго по плану геніальнаго итальянца. Отецъ и сынъ вошли по рѣзной дубовой, невысокой, подъ лакъ лѣстницѣ, уставленной мраморными статуями, въ свѣтлыя сѣни нижняго яруса, оттуда въ лакейскую, увѣшанную охотничьими картинами и украшенную оленьими и лосьими рогами. Ключъ въ высокой краснаго дерева рѣзной двери повернулся. Они вошли въ огромный залъ, съ штофными голубыми занавѣсами, съ амурами, музами и цвѣтами на расписномъ потолкѣ и съ старинною позолоченною мебелью. Изъ залы прошли въ столовую, гдѣ были двое хоръ для музыки и пѣвчихъ, а окна выходили въ обширный, столѣтній садъ, съ терасами, прудами, бесѣдками и мостами. Оттуда отецъ и сынъ прошли въ портретную, потомъ въ спальню князя, а тамъ особою внутреннею лѣстницею во второй ярусъ дома и на вышку бельведера. Въ портретной старикъ Танцуръ остановился и сталъ сыну рассказывать о родѣ князя. Но еще долѣе онъ стоялъ передъ портретомъ князя, нынѣшняго обладателя Есауловки.

— Село наше было когда-то вольное, сказалъ Романъ Танцуръ: — казаками наши предки зашли сюда и тутъ поселились. Илья наставилъ уши.

— Какъ же мы помѣщичьими стали? спросилъ онъ.

— Э! Мало ли что бывало! Мы за проказы тамъ всякія, видпть ли, на ряду воровскихъ долго считались. Ты вѣрно слышалъ, что насъ есаулъ разбойника Разина населилъ. Ну, такъ вотъ мы тутъ по Волгѣ основали Есауловку, перестали бродить, только долго еще сами разбоемъ жили. А послѣ и усмирились. Прадѣдъ теперешняго нашего князя за услуги свои бывшей царицѣ это село въ подарокъ получилъ и наѣхалъ сюда. Голь да воровство одно онъ тутъ засталъ. Люди, говорятъ, жили, какъ звѣри. Ужасъ кругомъ по окольнымъ про нашихъ шолъ. Князь-то сразу взялъ да и укротилъ всю эту здѣшнюю прыть. Навезъ съ собою, повимаешь ли, гынку, наемныхъ перебѣжчиковъ поляковъ, да человекъ дѣсять изъ запорожцевъ; составилъ себѣ родъ отряда и пошолъ косить, да порядки новые заводить. Кнудомъ полслободы застѣкъ; висѣлицу надъ Лихимъ поставилъ и на ней безпрестанно воры наши покачивались, да воронъ и сорокъ собою кормили. Какого-то старика, что выдавалъ себя за родича того-то разиновскаго есаула, въ бочку за-

билъ, созвалъ село : « вотъ, — говорить, — какъ я учу разбойниковъ да бунтовщиковъ ! Смотрите ! » да такъ въ Волгу его и кинулъ. Плавалъ старикъ этотъ по Волгѣ двое сутокъ, а на третьей пастухи его на той сторонѣ рѣки вынули, какъ его къ берегу водбило, и стали голодному ему ѣсть давать. Шатался, говорятъ, старикъ какъ муха осенью, не могъ все распрямиться — въ бочкѣ всего его разломало — и отказался отъ хлѣба. « Нѣтъ, скажаль, не житье мнѣ теперь : останусь живъ — вездѣ баринъ найдеть. » Легъ на берегу Волги противъ нашей же земли, да тутъ и умеръ... Въ залѣ у того перваго князя на стѣнѣ семь плетей висѣло постоянно на колочкахъ : такъ и держаль — одну для воровъ, другую для ослушниковъ, третью для потаччиковъ нашихъ — комисаровъ, четвертую для иныхъ поблажчиковъ, и такъ всякому свою. Такъ-то, сынъ, воровство наше тутъ покорилося. Вотъ его и портретъ.

Илья взглянулъ на румянаго толстаго щеголя, въ пудрѣ, въ ордевахъ, въ кружевныхъ манжетахъ и въ мушкахъ. На золотой рамѣ портрета Илья прочиталь надпись : « Князь Адамъ Бѣлоковъ-Мангушко. 1758 годъ. »

— Родъ вашего перваго князя изъ-за Кіева, сынку ; сказываютъ, что гетманскій родъ. Сынъ этого главнаго нашего князя сперва въ Москвѣ служилъ, а потомъ сюда приѣхаль хозяйничать. Онъ село наше какъ есть обстроилъ и обѣ церкви эти завелъ. А прежде люди здѣшніе на челнахъ въ Карабиновку къ обѣднѣ въ главные праздники ѣздили, за сорокъ верстъ. Это былъ дѣдъ нашего теперешняго князя. Его еще наши старики не припомнятъ ; а вотъ уже отца нашего князя такъ всѣ помнятъ очень хорошо. Онъ у насъ винокурню каменную поставилъ, этотъ домъ старый на новый ладъ отдѣлаль и жилъ въ свою волю. У него дѣвка въ церковь бывало не показывайся. Ни одной, Илько, проходу не даваль. Сынъ его, баринъ-то теперешній нашъ, съ дѣтства хилый такой вышелъ, все лечился ; послѣ хоть и поправился, женился, всѣ свои здѣшнюю и кіевскія слободы устроилъ, только рано померла жена его и онъ бездѣтный такъ и остался. Пынѣ онъ все по чужимъ краямъ живеть, въ Италію теперь я ему пишу. Такъ безъ роду и безъ племени онъ вѣкъ доживаетъ тамъ, и кому мы достанемся, не знаю. Денегъ ему отсюда вдоволь высылаемъ. Надо мною тутъ французъ главный состоитъ ; онъ при сахарномъ заводѣ въ городѣ жи-

веть и сюда повѣрять только меня наѣзжаетъ. Я же тутъ по хлѣбопашеству, гуртамъ, по винокуркѣ и по всѣмъ работамъ. Такъ-то. Вотъ его портретъ, Илько. Поцѣлуй барину ручку. Онъ нашъ благодѣтель.

Романъ ткнулъ акварельное изображеніе сѣдовласаго пастушка, въ соломенной шляпѣ и съ корзиною плодовъ въ рукѣ, къ печально-сжатымъ холоднымъ губамъ Ильи, обтеръ пыль съ портрета и опять поставилъ его на щегольскомъ рѣзномъ столикѣ портретной.

— Да! Кто-то тутъ будетъ баринномъ, какъ князь теперешній помретъ! задумчиво сказалъ прикащикъ.

— Въ казну насъ отберутъ, началъ Илья: — уже слышио... опять казаками...

Автонычъ улыбнулся.

— Найдутся, братъ, новые господа. Ужь такъ безъ господъ, повѣрь, не будемъ. Моли только Бога за теперешняго князя. Съ нимъ мы не пропадемъ... А бредни о казнѣ да о волѣ позабудь. Вѣрно много глупостей въ бѣгахъ наслушался! Не младенецъ уже ты былъ, какъ въ бродяги пошолъ; оно точно — при нѣмцѣ намъ съ тобой плохо было... Ну, а теперь Господь чудо явилъ: изъ рядовыхъ, изъ нищихъ, я самъ видишь ли прикащикомъ... Старайся и ты!

Взошли на вышку. Въ окна бельведера во всѣ стороны открывался нескончаемый видъ полей, холмовъ и каменистыхъ бугровъ, а далѣе бѣлая полоса Волги, заслопенной нѣсколько прибрежными высотами.

— Отсюда нашъ князь, какъ наѣзжаетъ, любить смотрѣть на свои владѣнія! продолжалъ Романъ Танцуръ сыну: — и все спрашиваетъ: «тѣ вонъ бугры мои?» — «Ваши, говорю, ваше сіятельство!» — «А вонъ тотъ лѣсъ, а та вонъ даль?» — «И лѣсъ вашъ, и даль ваша!» Такъ онъ часто меня на первыхъ порахъ спрашивалъ. Тутъ семь тысячь десятиинъ земли княжеской... Есть надъ чѣмъ похлопотать, хотъ князь насъ почти что забылъ.. Люди тутъ какъ чужіе всѣмъ ходятъ!.. Да намъ впрочемъ крохи перепадаютъ... О чемъ ты задумался, Илья?

— Вы теперь точно вижу, батюшка, тутъ главный хозяинъ: дайте же и мнѣ Бога за васъ молить, дайте мнѣ на землю сѣсть, къ міру, къ обществу, на хозяйство! Вы же говорите, что князь насъ забылъ и что люди наши какъ чужіе всѣмъ ходятъ!

Романъ плюнулъ.

— Опять! вижу я, что ты дурень, и больше ничего! Пойдемъ домой! Въ бѣгахъ ты ума не набрался, дуракомъ и умрешь!

Ключи опять загремѣли. Романъ съ сыномъ пошолъ обратно. Тихо они шли снова мимо штофныхъ голубыхъ занавѣсей, зеркаль и портретовъ, по паркетамъ, коврамъ и рѣзнымъ лаковымъ лѣстницамъ. Солнце ярко свѣтило въ разноцвѣтныя, голубыя, албыя и желтыя стекла фигурчатыхъ оконъ и наружныхъ стекольчатыхъ галерей. Внизу у выходнаго крыльца въ садъ Романъ остановился и, какъ будто забывши вспышку на сына, опять началъ.

— Князь забылъ насъ — такъ... Богъ вѣсть, когда и наѣзжалъ — такъ. Что же однако, посудить, изъ этого? Ты вѣдь не мальчикъ, сынку, поймешь. Я былъ голоднымъ батракомъ, правда. Даже мужики меня голопятамъ звали — тоже правда. Тебя нѣмецъ гналъ и я защитить тебя тогда не могъ. Все это такъ. Однако же теперь? Знаешь ли ты, какъ я попалъ тутъ въ прикащики? Нѣмецъ, что тебя гналъ и билъ, замотался; князю стали мало денегъ высылать. Онъ, какъ тебя уже тутъ не было, и нагрнулъ, прямо изъ нѣметчины, въ трехъ каретахъ явился. Приѣхалъ, такимъ чужестранцемъ ходить; бывало все село на него изъ-за угловъ глядитъ. Уже и тогда старъ онъ былъ, а все картины рисовалъ и село наше съ разныхъ концовъ снималъ на бумагу красками. Тотъ портретъ, что ты видѣлъ, онъ самъ съ себя тоже тутъ срисовалъ. Жилъ онъ у насъ цѣлое лѣто, скучалъ по чужимъ краямъ... А барыня Перебоченская, что за Лихимъ тутъ теперь живетъ, тогда землю на аренду сняла у сосѣда своего, приѣхала къ князю и говоритъ: «Что вы все на нѣмцевъ надѣетесь, князь? Да вашъ простой мужикъ лучше всякаго нѣмца тутъ управится. Вотъ хоть бы вашъ Романъ Танцуръ, что за овцами у васъ ходилъ и два раза уже у васъ въ Черноморье ѣздилъ за скотомъ. Посадите хоть его въ прикащики; въ годъ, въ два онъ привыкнетъ и всѣхъ этихъ, клянусь вамъ, иностранцевъ вашихъ за поясъ заткнетъ!» Засмѣялся князь: «А что же, говорить, сударыня, попробуемъ! у васъ вѣрный хозяйскій глазъ! Позвать, говорить, Романка.» Меня и позвали. Вхожу я, а они оба сидятъ: барыня чулочекъ тутъ же вяжетъ за просто, а онъ на треножникѣ по холсту красавицу какую-то рисуетъ. Стали они меня спрашивать, да тутъ же меня для

пробы на годъ , подъ надзоромъ барыни этой , и опредѣлили . Доходы князя я удвоилъ сразу ; не забываю я съ той поры за барыню , за Палагею Андреевну Перебоченскую , Бога молить . Вотъ послужи такъ-то , Илья , и ты нашему барину , и тебѣ будетъ хорошо ! Садъ знаешь ? любишь ходить за нимъ ? Учился гдѣ-нибудь по садамъ ?

— Учился въ Крыму и въ Бессарабіи...

— Вотъ тебѣ бы на первое время и дѣло ; а тамъ въ конторщики , мнѣ помогалъ бы книги вести , счеты... Бѣда мнѣ съ вашимъ братомъ бѣглымъ ; велѣно васъ принимать . А какіе бываютъ изъ васъ ? Вотъ почти весь нашъ оркестръ музыки былъ въ бѣгахъ и воротился . Буянъ на буянѣ . Ты бы ихъ остерегался . Того и гляди — всѣ въ острогъ пойдутъ ; ты хоть просишься къ плугу , на землю , а они ничего не хотятъ дѣлать !

Пошли въ садъ отецъ съ сыномъ . Запустѣлыя развѣсистыя алей пахли черемухами и тополями . Кусты жимолости и рай-дерева были въ полномъ цвѣту . За прудомъ отзывалась иволга , соловьи перекликались . Прошли мимо шпалеръ вынутыхъ изъ-подъ зимней покрывки виноградныхъ лозъ .

— Это бы дѣло поправить надо было также . Нашъ французъ требуетъ , чтобъ виноградъ мы поддерживали , а ходить за нимъ некому ! Поработай пожалуй пока со всѣми мужиками , Илько , а тамъ тебя и къ саду можно наставить . Тутъ въ садовничьей хаткѣ и жить тогда себѣ можешь , коли ищешь отъ насъ сѣсть особнякомъ . Кстати же садовникъ былъ тутъ нанятою , да отъ насъ недавно отошолъ...

На душѣ у Ильи отлегло ; онъ просвѣтлѣлъ , Романъ подозрительно вдругъ взглянулъ на него .

— А все-таки лучше бы ты мнѣ , Илько , сразу подъ руку пошолъ — въ конторщики ; счеты бы вмѣстѣ сводили . Я не грамотный , а ты грамотѣ знаешь... Я бы ужъ тебѣ тогда все бы предоставилъ ; ты какъ сыръ бы въ маслѣ катался . А то чужие все видишь ли ненадежные... Тогда и о талавѣркиной дочкѣ , чтоли , мы бы съ тобой подумали . Ну , да что я ! Обживись , а тамъ еще подумаемъ вмѣстѣ ! Ступай же себѣ , поброди по селу . Завтра тоже погуляй , отдохни , а съ понедѣльника десятскій загадастъ тебѣ на барщину ; смотри , иди безъ отказа . Примѣръ давай другимъ !

Весь день въ субботу до вечера , Илья дѣйствительно бродилъ по

селу, заговаривая съ бывлыми сверстниками и присматриваясь къ разнымъ лицамъ, но почти не узнавая никого. Отыскалъ двухъ-трехъ изъ бывшихъ деревенскихъ пріятелей своихъ, теперь уже бородатыхъ и заматерѣлыхъ мужиковъ, давно женатыхъ и надѣленныхъ кучею дѣтей. Походилъ онъ опять по саду, побродилъ возлѣ опустѣлой послѣ зимы барской винокурни въ концѣ села, откуда слышалась музыка, скрипки, кларнеты и даже барабанъ: тамъ обучался оркестръ; видѣлъ издали Илья приходъ на громадный хлѣбный токъ такъ называемой барщины, толпы работниковъ и работницъ съ очередной половины села. Подъ вечеръ онъ разыскалъ мѣсто бывшего двора и хаты отца, куда онъ во время оно забитымъ и голоднымъ ребенкомъ бѣгалъ съ господскаго двора. Онъ нашолъ это мѣсто на Окнинѣ, на окраинѣ небольшой луговины, у глухого конца села. Окниной оно называлось отъ просвѣтовъ на землѣ множества студеныхъ ключей, бившихъ сквозь траву у скатовъ того самаго косогора, по которому было раскинуто село и стоялъ особнякомъ господскій дворъ и садъ. Вода здѣсь была необыкновенно холодна, чиста, вкусна и полезна для растительности. Стаи птицъ постоянно роились надъ бархатною, густою и ярко зеленою травой надъ луговиною Окнины, — водились въ ней, и всякими стопами и криками наполняли здѣсь свѣжій воздухъ. «Эхъ, батюшка, батюшка! вотъ бы гдѣ намъ гнѣздо постоянное свить, на старомъ-то бы мѣстѣ, а не подъ домомъ жить!» подумалъ Илья, разсматривая бывшее свое пепелище, гдѣ торчала только груда кирпичей бывшей печки, валялось нѣсколько черепковъ, да росли три-четыре обломанныхъ, а нѣкогда пышныхъ и развѣсистыхъ вербы.

Окнина была сейчасъ за канавой сада, съ той стороны, гдѣ въ саду начиналась уже дичь и глушь, и гдѣ росли однѣ ольхи да лозы, вѣчно полныя стаями крикливыхъ воронъ и задорныхъ копчиковъ. На закатѣ солнца Илья Танцуръ опять пошелъ за село на другой, высокій бугоръ и долго сидѣлъ на немъ, глядя на бѣлѣющую вдаль полосу Волги. Такъ многіе простолюдины безсознательно любятъ сидѣть по цѣлымъ днямъ у береговъ этой рѣки, вся въ этомъ случаѣ сходство съ жителями морскихъ прибрежій.

Поздно пришелъ Илья въ отцовское помѣщеніе. Конторскій чай онъ пропустилъ; едва захватилъ самый ужины. Къ старику

Роману приходили опять озабоченныя лица за приказомъ даже подь праздникъ. Видно было, что прикащикъ строго велъ себя съ подчиненными. «И гдѣ отецъ этой важности набрался? Какое! Точно судья какой или засѣдатель!» думалъ Илья. Мать скоро легла спать. Романъ ушелъ въ комнату, сосѣдную съ тою, гдѣ жилъ, и долго сидѣлъ тамъ одинъ, вздыхая и тихо пощелкивая костяжками счетовъ. Власикъ, набѣгавшись за день, какъ упалъ на свой тулупчикъ у печки, такъ тамъ и заснулъ. Скоро заснулъ и Илья, думая про Власика: «Не самъ ли это я опять тутъ, въ этой же самой конторѣ? Конторщикъ другой, именно мой отецъ. Но неужели же это мой отецъ? Какъ люди мѣняются!»

На другой день Илья проснулся рано. Отецъ ушелъ въ церковь; матери тоже не было. Власикъ чистилъ какой-то тазъ, пыхтѣлъ и возился, опять весь взъерошенный, веселый и проворный какъ мышонокъ.

— Дядя Илья! васъ тамъ въ саду возлѣ мостка человекъ одинъ дожидаетъ! сказалъ Власикъ, шевели большими сквозными ушами, подмигивая и добродушно посмѣиваясь.

— Кто такой?

— Не знаю! — Власикъ смѣялся и оттого, что въ конторѣ было новое лицо, и оттого, что на дворѣ было свѣтло и его манило самого туда.

Илья умылся одѣлся и вышелъ въ садъ. Въ концѣ кленовой дороги прогуливался худощавый господинъ въ пальто и въ картузъ, держа одну руку въ карманѣ, а другую за лацканомъ. Подойдя къ нему, Илья не зналъ, снимать ли передъ нимъ шапку или нѣтъ.

— Илья Романычъ? спросилъ тотъ.

— Точно такъ-съ...

— Кирюшка-съ! Я первая флейта въ тутошнемъ оркестрѣ-съ!.. Вашу руку!.. Я Кирюшка Безуглый. Позвольте мнѣ-съ, отъ всего усердствія, взять васъ за руку и поблагодарить-съ!

— За что же? Но я не знаю вовсе васъ...

— Вы спаситель моей Фроси... Какъ же-съ! именно-съ! Изъ голубника-съ, отъ этого поляка кровопійцы-съ... Я все знаю и по гробъ моей жизни этого не забуду-съ; нѣтъ, нѣтъ-съ, я васъ обниму и того во вѣки-вѣковъ не забуду!

Кирило крѣпко обнялъ Илью. Сѣрые, лѣнивые и тусклые глаза его глядѣли добродушно, ласково.

— Вы, Илья Романычъ, можно сказать, спасли отъ сущей гибели и посрамленія меня и Фросю. Не освободи вы ее, утромъ бы ей барыня косу отрѣзала-съ, это безпремѣнно! а не то, послала бы въ станъ; насъ такъ-сказать этотъ обходъ засталъ на мѣстѣ; помня дѣвичій стыдъ ея и честь, я кинулся бѣжать — не отъ трусости, но чтобъ ее спасти! Мнѣ что! А теперь все спасено и утромъ, на переборкѣ, дѣвушки сами Фроси не выдали, хоть и хотѣли бы.

— Ахъ, братецъ, я самъ недумалъ! возразилъ Илья, польщенный такими благодарностями господина, одѣтаго въ пальто.

— Нѣтъ! Ужъ вы меня извините, а я привелъ сюда и моего друга, Саввушку-съ, тоже нашего музыканта. Мы изъ оркестра здѣшняго! Савка, а Савка! Саввушка! Выходи сюда!

Изъ кустовъ цвѣтущаго древеснаго жасмина поднялся другой, еще болѣе сухощавый и чахлый господинъ, также въ пальто и въ фуражкѣ. Этотъ былъ на видъ совершенно чахоточный. Блѣдныя впалыя щоки его и мертвенно тусклые глаза рѣзко отъѣнялись черными густыми бровями и маленькими шелковистыми усиками.

— Саввушка, благодари ихъ. Вотъ Илья Романычъ спасъ мою Фросю. Кланяйся, да ну-же, кланяйся! Этого во вѣки я не забуду!

Саввушка и Кирило снова поклонились Ильѣ.

— Ахъ, братцы! да что вы! Да я самъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! И не смѣйте вспоминать и беспокоиться. Мы ваши слуги отнынѣ. Папироски курите?

— Нѣтъ... курилъ, да бросилъ.

— Ну, мы сами покуримъ. Позволяете?

— Ахъ, помилуйте, курите. Почему-жъ?

— Мы отойдемъ сюда къ сторонкѣ, къ канавамъ-то. Понимаете? Чтобъ изъ дому не было видно — отъ вашего батюшки-съ...

Новые знакомцы отошли къ концу сада, къ вербамъ. Кирило досталъ изъ-за пазухи потертую сигарочницу. Онъ вообще велъ себя развязно, къ Саввушкѣ относился шути, а къ новому пріятелю весьма дружелюбно. На обоихъ рукахъ его были перстни. Саввушка шолъ молча, тоскливо вздыхая и грустно посматривая по сторонамъ.

— Вы съ отцомъ своимъ какъ? спросилъ Кирило, съ важностью умѣлаго закуривая сдѣланную самимъ имъ папироску.

— А что?

— Слышали мы, что вы теперь съ воли... значить свѣту-то и дѣловъ всякихъ посмотрѣлись. Какъ вы съ вашимъ отцомъ? Какого вы то—есть о немъ теперь понятія стали?

— Еще мало разглядѣлъ, братцы.

— А, мало! Слышишь, Саввушка? Савка, слышишь?

Кирило подмигнулъ съ невыразимымъ, торжествующимъ взглядомъ. Саввушка на него искоса взглянулъ, какъ бы сказавши: «что и говорить! бѣда, да и баста!»

— Мошенникъ, пресушая бестія вашъ батюшка! сказалъ Кирило, мигнувши Ильѣ: — коли еще не узнали, такъ знайте!

Илья покраснѣлъ.

— Это такая выжига, что въ цѣломъ такъ—сказать государствѣ повскать! продолжалъ Кирило Безуглый: — князь ему вѣрить, а онъ людей полагаетъ за ничто. Работы всѣ подъ его началомъ; счета онъ тоже ведетъ. Да это впрочемъ насъ не касается. А я вотъ что: за что онъ насъ голодомъ держитъ, музыку-то? Мы было всѣ разбѣжались... да опять недавно вотъ сошлись!

— Такъ и вы тоже, братцы, въ бродягахъ были?

— Какъ же! О, какъ же! Мы здѣшній, говорю тебѣ, есауловскій оркестръ. У насъ венгерець капельмейстеръ, и мы живемъ за мельницами, въ домѣ стараго винокуренного завода. Захотѣлось нашему князю музыку свою тутъ имѣть на случай приѣздовъ, какъ въ кievской главной его слободѣ. Онъ и отписалъ. Сперва итальянца прислалъ, а потомъ венгерца...

— Давно это васъ набрали въ музыку? Я какъ тутъ былъ, васъ не было еще.

— Да лѣтъ семь будетъ. Какъ приучили насъ по малости, сосѣдніе помѣщики стали разбирать насъ на балы, на вечера; даже въ городъ два раза къ губернатору насъ на выборы возили.

— И выгодное это дѣло, братцы?

Саввушка тяжело вздохнулъ и сѣлъ на канаву. Кирило досталъ изъ сапога флейту.

— Вотъ я на чемъ играю...

Онъ взялъ нѣсколько звуковъ. Тонкіе, тихіе переливы раздались подъ вѣтвями нависшихъ вербъ.

— Хорошо?

— Хорошо...очень, братъ, это хорошо...

— Ну, а первое время я повѣсился, Илья Романычъ, хотѣлъ отъ ефтой-то каторжной дудки! Ей-богу! Такъ она мнѣ была не по нутру! Взяли меня отъ огорода. Дали эту дудку въ руки. Я приложилъ косточки къ губамъ. Дую, а оно не выходитъ, только пытитъ въ продушинки. Ужь билъ же меня, билъ итальянецъ. Одначе ничево послѣ, вышло хорошо, и я самъ теперь люблю эту-то статью. Только не всё ее одолѣли, вотъ хоть бы Саввушка! Спроси его...

Илья взглянулъ на пріятеля Кирилы. Тотъ сидѣлъ блѣдный, болѣзненный. Кирило Безуглый нагнулся къ нему.

— Савка! Плохое дѣло кларнетъ? спросилъ флейтистъ.

— Плохое! глухо проговорилъ пріятель, покраснѣлъ и закашлялся.

Кирило посвистѣлъ еще на флейтѣ и спрятавъ ее опять за сапогъ.

— Теперь я хоть дѣвочкамъ-то играю на забаву. И все бы ничево. Да вотъ кормятъ-то, кормятъ насъ теперь плохо. Прежде баловъ было больше, итальянецъ, заработки имѣлъ и мы ничево экономіи не стоили. А венгерцу теперь плохо пришлось. Что заработаемъ за зиму, то лѣтомъ и проѣли. А тутъ глушь, дощина близко. Князь-то тоже насъ затѣялъ, да видно и забылъ. Вонъ хоть Саввушка — первый грудь надорвалъ. Да и не онъ одинъ. Но вы, Илья Романычъ, спросите, чѣмъ Савка до музыки, значить, былъ?

Илья спросилъ Саввушку.

— Художникомъ въ Петербургѣ былъ, живописцемъ! началъ печально Саввушка: — я по живописи шолъ; съ-измалства къ ней склонность имѣлъ! Князь самъ меня туда отвезъ еще мальчишкой. Учителемъ моимъ былъ самъ... Карлъ Павловичъ Брюловъ, коли знаете... Я у нихъ на квартирѣ жилъ, прислуживалъ, и учился.

— Нѣтъ, не знаю. Куда намъ знать.

Кирило съ ожесточеніемъ ударилъ картузомъ о землю.

— Нѣтъ, вы спросите его, какъ онъ сюда-то, въ эту музыку-то анафемскую попался? замѣтилъ онъ обращаясь къ Ильѣ.

— Какъ попался, продолжалъ, грустно покачивая головою, Саввушка: — была уже моя одна тамъ такая картинка, значить,

хорошая; ее хотѣли ставить даже на выставку... Меня поощрили. Я самому Карлу Павловичу краски растиралъ, кисти мылъ. Онъ и похвалилъ меня нашему князю, какъ тотъ собирался сюда ѣхать. А у меня грудь похварывала. Князь и говорить: «хочешь домой, Савка, родныхъ навѣстить, воздухомъ свѣжимъ подышать на вакаціи?» Я говорю: «очень радъ-съ.» Онъ и взялъ меня сюда; а отсюда-то поѣхалъ онъ въ чужіе края не на Петербургъ, а на Турцію, на Одессу, — отсюда меня не взялъ; да съ той поры, забылъ ли онъ чтоли, или такъ случилось уже на мое горе: онъ за границей остался, а я тутъ застрялъ безвыѣздно. Приставалъ я къ прикащику да къ старостамъ, а тутъ вотъ вашего отца наставили. Онъ мнѣ въ отвѣтъ одно: «я чловѣкъ неграмотный, твоихъ дѣловъ не знаю.» Глушь тутъ, вы знаете какая. Посовѣтоваться не съ кѣмъ. Жаловаться тоже некому. Поговорилъ я съ старикомъ нашимъ священникомъ — тогда еще другого молодого тутъ не было, а онъ мнѣ: «покорясь, господа твои лучше знаютъ что дѣлаютъ, а иконы и тутъ можешь расписывать, коли кто тебѣ закажетъ.» Скоро послѣ сталъ изъ мужиковъ тутъ итальянецъ музыку составлять; Антонычъ-то, вашъ отецъ, и приказалъ мнѣ, какъ уже обучоному грамотѣ, къ итальянцу на кларнетъ стать. Съ той поры я тутъ и стою. Выучился я на кларнетѣ, да грудью вовсе плохъ сталъ... Какой я музыкантъ! мнѣ бы по живописи, вотъ что!

Кирило дослушалъ пріятеля и опять ударилъ картузомъ о земь.

— Эхъ! терпи Саввушка! Такова, значить, доля наша. А что, господа, не выпить ли пивца или зелененькаго? Какъ же! Безъ этого нельзя! Вотъ васъ за Фросю надо пожаловать...

— Я не пью, ихъ угостите! сказалъ Илья, указывая на Саввушку.

Саввушка махнулъ головой и улыбнулся.

— Нѣтъ! Куда ужъ мнѣ! Вы идите! Я пойду поброжу еще. Благо день воскресный. Завтра опять за музыку. Венгерецъ контрактъ какой-то съ городомъ затѣваетъ и все насъ заставляетъ новое на отъѣздъ разучать...

— Я не пойду завтра. Я съ пріятеlemъ гуляю...

— Художникъ долженъ въ смиренности жить, такъ училъ коекого изъ нашихъ кутиль-живописцевъ поинный Карлъ Павловичъ! перебилъ Саввушка: — помню я однажды, сидѣлъ онъ

подъ куполомъ Исакія съ своими учениками, а я по-просто за стуломъ его стоялъ. «Что мнѣ, сказалъ онъ, озираясь: — что мнѣ этотъ тѣсный куполъ, господа! Дали бы мнѣ волю, я раздвинулъ бы его на все какъ-есть небо, и написалъ бы на немъ исторію всѣхъ вѣръ на землѣ, и какъ надъ всѣми вѣрами верхъ взяла христіанская... Ужь что хотѣлъ Карлъ Павловичъ нарисовать на такомъ куполѣ, не знаю; а у меня день и ночь тѣ слова его изъ головы, братцы, не выходятъ. И умру, а не забуду я ни ихъ, ни его самого! И далъ бы я полруки на отсѣченіе, чтобъ посмотрѣть теперь на Исакіи, каковъ онъ...

Саввушка замоталъ головою, повторяя: «не забуду, во вѣки не забуду.»

— Товарищъ, руку? спросилъ Кирило Безуглый Илью: идетъ?

• — Что? спросилъ Илья, подавая ему руку.

— Будемъ значить душа въ душу жить? — Илья вспомнилъ слова отца о музыкантахъ.

— Будемъ! отвѣтилъ онъ.

— Ты насъ отцу не продашь? Ты не Юда, малый?

— Не продамъ... что вы, ребята!

— Ну, пойдемъ же въ шинокъ. Водки не пьешь, меду или пива выпьемъ. А на Савку надежда плоха. Теперь ужъ онъ провоеетъ цѣлый день. Про своего Брилова вспомнилъ! Ахъ ты, художникъ! Кто васъ полюбитъ? Будь лучше всякъ прикащикомъ. Въ морду далъ — всякъ битый навѣрное полюбитъ!

Илья и Кирило перелѣзли черезъ канаву и за садомъ пошли въ деревенскій шинокъ, гдѣ флейтистъ тотчасъ представилъ новаго пріятеля всей честной компаніи, и пошла попойка.

Илья Танцуръ, какъ сказалъ, такъ и поступилъ. Онъ отпилъ только вѣсколькo изъ стакана пива, а отъ прочаго отказался. Но выпелъ онъ изъ шняка особенно веселый и довольный, даже покраснѣлся.

Весенній яркій день затеплѣлъ полѣтнему. Кучки народу бросились купаться къ Лихому.

— Какъ слобода-то наша измѣнилась съ той поры, какъ я тутъ былъ! сказалъ Илья, уходя съ Кирилой бродить далѣе за

село: — народъ совсѣмъ не тотъ сталъ! Какъ-то веселѣе глядѣть! Точно его никогда и не бивали!

— Да, новыя времена подходятъ! отвѣтилъ Кирило: — мы слышали, какъ зимой въ городѣ были. Много болтаютъ, да почитай пустое, — все еще ничего нѣтъ.

Они отошли далеко за село. Шли каменистыми буграми. Влѣво мелькали побережья Лихого.

— Не выкупаться ли и намъ? спросилъ Илья.

— Давай. Можно для друга.

Кирило былъ сильно навеселѣ. Они пошли къ рѣкѣ.

Скалистый отвѣсный берегъ Лихого здѣсь особенно былъ хорошъ, какъ у большей части рѣкъ, впадающихъ въ Волгу. Кое-гдѣ по берегу торчали дуплистыя липы и бересты, шли маленькіе лѣски. Волнуясь и медленно поднимаясь шли, и здѣсь по берегу холмы, торча то зелеными плоскими шатрами, то мѣловыми остроконечными вышками, въ расщелинахъ которыхъ мелькали верески, россыпи желтыхъ песковъ, сланцы разноцвѣтныхъ глинъ, а по гребнямъ отдаленныхъ бугровъ, будто кабанья щетина, остовы усыхающихъ, съ незапамятной старины уцѣлѣвшихъ дубовъ. Тутъ известковыя стѣны, столпясь бѣлымъ сказочнымъ стадомъ, нависли надъ поемною болотистою равниною. Тамъ тѣже бѣлые холмы убѣжали прочь, волнуясь вдали беспорядочными догами, лѣсистыми балками и темными, зіяющими оврагами. Въ недосыгаемомъ для глаза отдаленьи изъ нихъ опять выскакивали два-три новыхъ синѣющихъ горба. Холмы огибали полнеба, подковою свертывали вправо, и будто набѣгавшись, усталые, бросались вдоль другого ручья, въ упоръ къ Волгѣ, и всѣмъ отрядомъ своимъ облакачивались о ея воды, купаясь и отражаясь въ ихъ голубомъ разливѣ.

Илья и Кирило стали раздѣваться на берегу Лихого, подъ густымъ берестомъ, у плотины старой запустѣлой водяной мельницы сосѣдняго вольнаго села. Село спрятано было за косогоромъ по тотъ бокъ рѣки. Мѣсто это представляло опять порядочную глушь и личь, верстахъ въ двухъ выше Есауловки. За рѣкой паслись рыжія такъ-называемыя татарскія курдючныя овцы. Мальчишка пастухъ спалъ въ тѣни подъ камнемъ.

Новые друзья стали купаться, весело разговаривая и пересмѣиваясь.

— Ты выкупаешься, домой пойдешь, отлично наѣшься у

отца-матери! сказалъ Кирило, жадно остужая пылавшее лицо и тѣло прохладною водою.

— Да отчего же ты думаешь, Кирюша, что я спать лягу?

— Оттого, Илько, что уже про вашего брата казака сказано... вѣдь ты казакъ по крови, по дѣдамъ, а мои дѣды москалями сюда пришли; у насъ тутъ каша, мѣсиво, ты видишь... ты черномазый, а я бѣлобрысый, ты казакъ съ Двѣпра, а я казакъ съ Дону; т. е. почти не казакъ! Сказано: оттого казакъ гладокъ, что поѣлъ, да и на бокъ!

Кирило однако прежде на себѣ испыталъ эту пословицу, вышелъ изъ воды, легъ на солнышкѣ, потянулся на травѣ и сталъ дремать, пока Илья смывалъ съ себя прахъ долгихъ переходовъ и страствованій на родину. Вымывшись до-сыта, Илья опять бросился въ рѣку, нырнулъ и выплылъ, обогнавши лѣсистый островокъ у плотины. Посмотрѣлъ, а на другомъ берегу, подъ тѣнью мельницы, сидитъ молодой пасмурный и блѣдный священникъ съ удочкой. Онъ слегка покачивался и напѣвалъ какой-то гимнъ.

— Здравствуйте, батюшка! отозвался съ непривычной развязностью Илья, выставившись по поясъ изъ воды и особенно весело настроенный выпивкой пива: — извините, что я такъ... голышомъ, значить...

Священникъ кивнулъ ему головой, приподнявши широкую пуховую шляпу. Это оказался человекъ лѣтъ двадцати-пяти, сутуловатый, съ широкимъ скулистымъ лицомъ, глухимъ отрывистымъ голосомъ и сѣрыми задумчивыми глазами.

— Кто вы? спросилъ священникъ, бывшій слегка близорукимъ и невидѣвшій изъ-за мельницы, кто это.

— Угадайте.

Илья выжималъ воду изъ кудрявыхъ черныхъ волосъ. Бороды у него еще не было.

— По тѣлу моему угадайте! Что? спросилъ Илья: — трудно по тѣлу угадать? Баринъ я или мужикъ? ага! трудновато?

Въ это время по другую сторону рѣки, выдвинувшись изъ-подъ береста, сталъ одѣваться Кирило, спиною къ мельницѣ. Священникъ не узналъ флейтиста и сталъ въ тупикъ, рассуждая по замѣченному на землѣ пальто музыканта, не господа ли охотники это изъ дворянъ, попавшіе сюда случайно прогулкою вдоль Лихого.

Илья смѣлся.

— Что, батюшка? По тѣлу—то бѣлому всё значить равны? Натура—то у всѣхъ насть, значить, одна передъ Господомъ?

— Вы не изъ Карабиновки, не г. Павлова родня? продолжалъ спрашивать голаго незнакомца близорукой священникъ.

Илья такъ и покотился со смѣху.

— Рабъ, батюшка, мужичокъ, ваше преподобіе! Да еще изъ бѣглыхъ, воротился значить; становому пожива есмь въ другомъ какомъ случаѣ!

Илья весело кланялся, высунувшись изъ воды. Священникъ, увиля свой промахъ, озадачился. Тутъ подошолъ Кирило по плотинѣ, и дѣло окончательно объяснилось. Илья скоро также одѣлся и побѣжалъ на берегъ подъ мельницу.

— Это отецъ Смарагдъ, Илюша! сказалъ Кирило, — другой тотъ нашъ священникъ въ Есауловкѣ, что я тебѣ говорилъ. Мы съ тобою сегодня обѣдню прогуляли. Вы намъ простите, батюшка?

— Это Илюшка, батюшка! Романа Антоныча сынъ! прибавилъ Кирило: — другъ мой новый! полюбите—съ, какъ и меня!

Священникъ покосился на друга Кирилы и сталъ убирать удки и прочіе припасы неудачной въ тотъ разъ рыбной ловли, угрюмо прибавивши: «Заслужить, такъ полюбимъ!»

— Ничего, батюшка, не поймали? спросилъ Кирило, присѣвши на корточки.

— Ничего, запоздалъ должно быть.

— Да вы, батюшка, все на червей. Попробуйте на хлѣбъ. Караси пойдутъ: — тутъ ихъ гибель подъ плотинной. Мы венгерцуйной разъ бреднемъ ловимъ...

— Далеко домой за хлѣбомъ теперь идти.

— Я тутъ достану... сейчасъ вотъ достану... для васъ, батюшка, можно! Вонъ у мальчишки въ котомкѣ навѣрно хлѣбъ есть...

Кирило побѣжалъ къ спавшему пастуху. Священникъ, сѣвши снова подъ тѣнь мельницы, не безъ любопытства посмотрѣлъ на сына Романа Танцура, который такъ озадачилъ его вопросомъ касательно своего тѣла.

— Такъ ты тотъ самый Илья, что такъ долго въ бѣгахъ былъ? спросилъ отецъ Смарагдъ, пристально и строго осмотрѣвши съ ногъ до головы стоявшаго передъ нимъ Илью.

— Я, батюшка.

— Гдѣ же ты былъ до-сихъ-поръ?

— Гдѣ день, а гдѣ ночь, вездѣ понемножку.

— Знакомый отвѣтъ...

Священникъ задумался.

— Самъ пришолъ, или привели?

— Самъ... я вамъ уже доложилъ про то...

— Что же такъ волю-то бросаешь?

— Еще неволи захотѣлось попробовать.

— Вѣрно узналъ, что отецъ въ прикащикахъ?

— Видитъ Богъ, не зналъ, батюшка. И что мнѣ въ томъ!

— Что же, если бы узналъ?

— Можетъ быть... и не воротился бы!

— Вотъ какъ! — Кирило принесъ хлѣба. Священникъ насадилъ на крючокъ новую наживу и бросилъ удку. Кирило рассказавъ священнику, какую ему услугу сдѣлалъ Илья. Священникъ опять мрачно осматривалъ съ ногъ до головы Илью.

— Ну, теперь братъ, тебѣ отъ барыни, отъ той Перебоченской проходу не будетъ, коли она узнаетъ, что ты выпустилъ ее дѣвку изъ голубятни...

— Эва, батюшка! бабой пугать стали! Ужъ будто съ той поры, какъ я бѣгать сталъ, на нихъ и управы не выдумали!

— Что таится, Илья, не говори! перебилъ Кирило:—это такая, что ее не задирай! Не знаешь ты еще этой барыни, батюшка правду говорить!

Священникъ, какъ видно, пользовался на селѣ полною любовью прихожанъ. Парни съ нимъ совершенно не стѣснялись. Онъ умѣлъ съ ними говорить, не важничая и вмѣстѣ не теряя своего обычнаго, грустнаго и строгаго настроенія. Рыба однакоже не клевала.

— Палагея Андреевна Перебоченская на чужой землѣ живетъ, продолжалъ священникъ: — только домъ ею построенъ самою. Она землю эту на аренду сперва взяла и перевела туда своихъ людей; гдѣ-то имѣеть еще тутъ по близости хуторокъ, десятинъ въ восемьдесятъ земли, да домякъ въ городѣ. Только люди ее почти тоже всѣ разбѣжались, и Конскій-Сыртъ этотъ, какъ былъ еще до меня, и теперь глушь глушью. Устроена одна только барская усадьба, сарай для скотскихъ гуртовъ, да двѣ-три

людскихъ хатенки. Она все разыскиваетъ своихъ бѣглыхъ, по они какъ-то къ ней не идутъ по охотѣ...

Илья съ трепетомъ вспомнилъ каретника Талавѣрку въ Ростовѣ и дочь его Настю, и морозъ пробѣжалъ у него за спиною.

— Не встрѣчалъ ты, Илья, гдѣ-нибудь кого изъ ея бродягъ?

— Нѣтъ, не встрѣчалъ, батюшка...

— Твой отецъ къ ней часто ѣздитъ; она изъ сосѣдей его только и жалуется.

— Да, сказывали...

— Вы, батюшка, ни-ни! Его-то, Илью то-есть, съ отцомъ вы не мѣшайте! замѣтилъ рѣшительно Кирило: — онъ на отца не похожъ, ни-ни! Право слово! Онъ въ дворовые идти не хочетъ, а къ міру...

Священникъ молча закинулъ снова удочку.

— Какъ же ты, Илья? Чай отецъ-то не плохое теперь тебѣ мѣсто при себѣ далъ бы? Онъ такъ много дѣлаетъ добра князю, такъ хорошо ведетъ всѣ дѣла по имѣнію, что князь и тебя отличить.

— Не знаю, батюшка, что еще будетъ. А я бы отъ міра, отъ общества то-есть, не отлучался бы. Надоѣло безъ своей норы по свѣту маяться. Я бы лучше на землю, къ хлѣбу, къ овечкамъ; а не то, я садъ люблю, виноградомъ занимался...

— «О, разорительница эта Перебоченская. Въ пухъ погубила она не одного тутъ человѣка!» какъ бы про себя замѣтилъ пасмурный и блѣдный священникъ.

— Раскажите, батюшка, про генерала! подхватилъ Кирило, насаживая новую принаду на удочку священника: — вы про генерала Рубашкина ему расскажите! Какъ она завладѣла его землей и владѣетъ себѣ, ничего не слушая; какъ двумя тысячами лугу владѣетъ, всѣмъ значить Ковскимъ-Сыртомъ; какъ скотъ и табуны по немъ нагуливаетъ на продажу, а на всей-то землѣ всего одинъ домъ ея, и никакихъ бумагъ на ту землю у нея нѣту...

— Да, братцы, со вздохомъ сказалъ священникъ: — не дай Господи никому попасться въ передѣлку къ этой-то барынѣ, сосѣдкѣ нашей! Генерала Рубашкина она точно кажется по міру нищимъ пустить. Оттягала у него всю землю, чуть ли не на-

вѣки, и врядъ ли онъ ее получить обратно. А какой бы онъ со-
сѣдъ и намъ и вамъ былъ хорошій!

— Слышишь, Илюша? генерала въ порошокъ столкла! ска-
заль Кирило: — чтоже бы она съ нами-то сдѣлала, еслибы ты
Фросю-то изъ голубятни не вызволилъ... Звѣрь-баба, ехидна,
каменная душа! Видали мы скотниковъ, гуртовщиковъ изъ му-
щинъ — тѣ бываютъ ловки да бойки; а это изъ бабъ гуртов-
щикъ-барыня и всякаго мужика за поясъ заткнетъ...

Илья стоялъ въ раздумьи. Изъ ума его не выходилъ далекій
бѣглецъ, старикъ каретникъ Талавѣрка и его дочка Настя.

Въ это время на бугрѣ, въ полуверстѣ отъ мельницы, пока-
зался въ широкой соломенной шляпѣ, съ черною лентою на
тульѣ, въ пикейномъ бѣломъ сюртучкѣ, лаковыхъ полусапож-
кахъ и въ розовомъ платочкѣ на шеѣ, нето юноша русскій по-
мѣщикъ, нето залетѣвшій изъ Швейцаріи въ эту глушь счастли-
вый путешественникъ, студентъ града Гейдельберга, нето нако-
нецъ упавшій сюда съ неба интереснѣйшій виргинскій планта-
торъ. Собесѣдники замолчали. Священникъ сильно щурясь вгля-
дѣлся, бросилъ удочку, наскоро собралъ рыболовные припасы и
пошолъ навстрѣчу къ незнакомцу.

— Идите, ребята, домой! сказалъ онъ Ильѣ и Кирилѣ: —
да снесите ко мнѣ на слободу и спасти! А ты, Илья, зайди
какъ-нибудь; ты про виноградъ толковалъ: у меня лозы есть
подрѣзать. Я тоже пробую...

— Кто это? спросилъ Илья Кирилу про незнакомца.

— Этотъ-то генералъ Рубашкинъ и есть. Онъ живетъ тутъ
въ двухъ верстахъ отсюда за косогоромъ, въ вольномъ селѣ Ма-
ломъ Малаканцѣ. Водяная мельница и земля, на этой сторонѣ
рѣки, тамошнихъ поселявъ. Отъ насъ этотъ Малаканецъ въ пяти
верстахъ будетъ. Тамъ генералъ живетъ на квартирѣ у простого
мужика. Уже сколько времени тягается съ Перебоченскою, а
ничего съ нею не сдѣлаетъ. Все ждетъ рѣшенія. Генералъ и
тотъ ничего не сдѣлаетъ иной разъ! Чтоже мы-то сдѣлали бы,
коли нужда встрѣтилась бы?

Генералъ снялъ шляпу, дружески протянулъ руку священ-
нику и вмѣстѣ съ нимъ пошолъ, какъ-бы безъ цѣли разговари-
вая, по той сторонѣ рѣки. Вѣроятно священникъ что-нибудь
сказалъ ему про Илью, потомучто Рубашкинъ издали оглянулся
на него, уходя въ поле.

Илья и Кирило перешли по плотинѣ обратно по сю сторону Лихого и направились къ Есауловкѣ. Не доходя до своего села, они въ развѣсистомъ зеленомъ байракѣ присѣли отдохнуть. Кирило вынулъ опять изъ сапога Флейту и сталъ играть. Флейта такъ нѣжно и такъ игриво запѣла, что издали могло показаться, будто въ зеленомъ оврагѣ, перелѣтая съ кудряваго дерева на дерево, стала перезваниваться голосистая, желтобокая иволга. И точно, заслышавши иволгу, весь байракъ мало-помалу откликнулся голосами другихъ птицъ. Эти голоса были подхвачены сосѣдними перелѣсками и кустарными буграми. Черезъ часъ пѣла вся окрестность, опять заслонившись отъ солнца широкимъ угломъ бѣловатой, развѣистой и медленно-плывшей по небу тучки.

Съ понедѣльника дѣйствительно отецъ рано чѣмъ-свѣтъ выслалъ Илью на огульную работу съ мужиками. Поле Есауловки работало изстари съ начала недѣли три дня, а полсела три дня въ концѣ недѣли. Часть рабочихъ пошла въ поле съ плугами пахать подъ гречу, а часть на токѣ очищать вороха мякины и домолачивать оставшіяся съ зимы скирды хлѣба. Прикащикъ оставилъ сына съ лопатой на легкомъ вѣтеркѣ, приказавши ему перекидывать какіе-то хлѣбные озадки; самъ съ палкой ходилъ, какъ говорятся, помозолвѣ между молотниками, сѣлъ на каурюю кобылку и поѣхалъ рысцою въ поле къ пахарямъ.

Появленіе новаго лица на селѣ, а особенно на огульной работѣ, всегда вызываетъ замѣтное впечатлѣніе. Тутъ же явилось такое любопытное лицо, какъ сынъ стараго волкодава, бывшаго голопятаго Ромашки Танцура, сынъ прикащика, двѣнадцать лѣтъ бывшій въ бѣгахъ. Мужики изъ-подлобья смотрѣли на него, постукивая по снопамъ цѣпами. Бабы, особою пестрою толпою молотившія въ сторонѣ овесъ подъ надзоромъ десятскаго, мало-помалу, едва уѣхалъ долговязый Романъ, будто отдыхая, стали облакачиваться на цѣпы и смотрѣть во всѣ глаза на Илью, тихо перешоптываясь между собою. «Чего не видѣли, пучеглазыя!» зѣвая крикнулъ десятскій, болѣе по привычкѣ, чѣмъ изъ рвенія къ опустившей ему самому работѣ. Онъ также лишній разъ повелъ глазами на Илью, который въ щегольскихъ высокихъ сапо-

гахъ, въ нанковыхъ шароварахъ и въ синей чуйкѣ, усердно вскидывалъ лопатой сорную труху, не поднимая глазъ отъ земли.

— Такое же иродово зелье будетъ! съ холодною злобою сказала одна изъ болѣе бойкихъ бабъ.

— А одежда—то, одежда! полхватила вполголоса другая: — какъ на сватьбу псенокъ вырядился. Туда же! Съ нашего брата, бѣглаго, сейчасъ бы сняли чужую одежду, допросили бы; а его, въ чемъ пришолъ, сюда приставили! Вѣрно въ помощники себѣ готовить...

— «Душегубово племя!» — «Не сѣяно ростеть!» — «Чай прибылъ съ баткой распивать!» — «Съ господами станеть вѣдаться!» — «Въ прикашицкіе доносчики хамово отродье скоро попадетъ!» раздались кругомъ отрывистые, сперва сдержанные голоса. Десятскій громко засмѣялся, зѣвая и палкой қолота по землѣ.

— И теперъ французъ наѣзжаетъ сюда почти за—даромъ! замѣтилъ и онъ тихо: — а какъ сойдутся отецъ съ сыномъ, намъ хоть по лѣсамъ разбѣжаться.

Илья съ мучительной тоской глянулъ искоса вокругъ себя, собираясь перейти отъ одной кучи трухи къ другой. Десятки любопытныхъ, сердитыхъ и недружелюбныхъ лицъ попрежнему пристально смотрѣли на него. Илья взмахнулъ лопатую, и будто ничего не слыша, сталъ ошль работать.

— Молчать! шепнулъ кто—то изъ мужиковъ на всю толпу.

— Воли налопался! рѣзко сказала баба: — подавиться бы тебѣ, душегубово сѣмя!

— Эй, вы! работать! отозвался десятскій умышленно—строгимъ голосомъ.

Работа пошла своимъ чередомъ. Тяжело дотянулся день для Ильи. Не легко прошли первая и вторая недѣли. Стали косить первые поемные луга. Тоже повторилось съ Илей и на лугу, когда онъ въ числѣ ста или двухсотъ косарей очутился среди густой травы на прибрежьи Лихого. Работа шла опять подъ надзоромъ десятскаго. Отецъ его былъ за покупками въ городѣ. Косари прошли три ручки и стали разомъ всей оравой точить косы. Раздались опять насмѣшливые голоса: — «Прикашицкіи наслѣдникъ!» — «Иродово зелье!» — «Вскормленъ нами, да насъ же зубами за груди!» — «Не сѣяно ростеть!»

Илья не вытерпѣвъ, бросилъ косу, вышелъ изъ ряду вонъ и

сѣлъ къ сторонѣ, какъ—будто отдыхая. Но его и тамъ допекли громкія, въ упоръ кидаемыя насмѣшки. Илья всталъ противъ косарей, снялъ шапку и поклонился на всѣ четыре стороны.

— Православные! сказалъ онъ.

Толпа мигомъ смолкла.

— Сколько я ни ходилъ, православные, по свѣту, а нигдѣ не видѣлъ, чтобъ невиноному голову рубили! Я отъ міра никуда. Между васъ дитятею росъ, между васъ наша хата стояла, отъ васъ я и теперъ не пойду, коли не прогоните...

— Тебя никто и не гонить! Мы ничего...

— За что же попрекаете, православные?

— А водки выставишь, хамово отродье? отозвался голосъ посмѣлье изъ косарей.

Другіе громко захохотали.

— Съ нашимъ вамъ почтеніемъ. Много васъ, братцы, да я и послѣднее отдамъ!

Толпа весело загудѣла. Илья разстегнулъ жилетъ, изъ-подъ него вытащилъ двѣ депозитки и отдалъ косарямъ. Десятскій подошелъ, крикнулъ, погладилъ усы, протянулъ руку и вызвался самъ въ вольный шинокъ, въ Малый Малаканецъ, сѣздить за водкой. Опорожнили боченокъ съ водой. Десятскій вскочилъ на телѣгу и поскакалъ напрямикъ по полю. Черезъ часъ подоспѣла водка. Косари сѣли обѣдать. — «Ну, это не голопятый, не волкодавъ; это не старикъ Танцуръ, а человекъ, какъ человекъ! Сейчасъ видно хорошую душу, что по свѣту между добрыхъ людей уму—разуму набралася!»

Съ пѣснями воротились косари съ поля, съ перваго починка косовицы. Старый Романъ даже удивился, подѣзжая поздно вечеромъ къ барскому двору. «Что бы это такое было? Праздника нѣтъ, а вся слобода пѣсни играетъ!» Пошелъ осмотрѣть сторожей, и тѣ были на мѣстахъ. Въ слободѣ было смирно. Только пѣсни долго еще не прекращались.

Такъ былъ принятъ Илья Танцуръ въ составъ своего общества, громады.

III

ГЕНЕРАЛЪ РУБАШКИНЪ ТАКЖЕ ДОМА

Кто же былъ генералъ Рубашкинъ, съ которымъ священникъ, отецъ Смарагдъ, отъ мельницы пошелъ полемъ, и о которомъ Ильѣ сказалъ музыкантъ Кирило Безуглый, что его разорила барыня Перебоченская?

Адріанъ Сергѣичъ Рубашкинъ, сынъ мелкопомѣстнаго дворянина съ низовьевъ Волги изъ бывшихъ казаковъ, часть родныхъ котораго была на Украинѣ и въ Новороссіи, рано поступилъ въ Петербургъ на службу въ какой-то департаментъ писцомъ, да съ той поры въ продолженіи почти сорока лѣтъ не покидалъ ни Петербурга, ни этого департамента. Тамъ онъ получилъ съ тревогой въ душѣ первый канцелярскій чинъ, тамъ дослужился и до высшаго мѣста директора канцеляріи, а потомъ департамента, и съ нимъ до титула дѣйствительнаго статскаго совѣтника, то-есть небоевого генерала. Несмотря на сорокалѣтнее сидѣніе за столомъ, сперва на потертомъ и продавленномъ стулѣ, а потомъ въ раззолоченномъ директорскомъ креслѣ, онъ сохранилъ силы, здоровье, бодрость духа и румянецъ щокъ. Отъ первой казенной квартиры подъ чердакомъ, надъ министерскимъ архивомъ и рядомъ съ швейцарскимъ помощникомъ, до послѣдней предсѣдательской квартиры въ двѣнадцать просторныхъ и теплыхъ комнатъ; Адріанъ Сергѣичъ остался тѣмъ же умѣреннымъ, иногда скуповатымъ, а подчасъ и любившимъ пожить смертнымъ, который впрочемъ дѣлю женитьбы отвергалъ, какъ совершенно ему неподходящее дѣло и большею частію насчетъ женскаго пола обходился втайнѣ, какъ-то слегка, урывками, не придавая этому особаго значенія. Напрасно сперва засматривались на него дочери престарѣлыхъ писцовъ, бухгалтеровъ, журналистовъ и столоначальниковъ, а потомъ, когда уже онъ облачался въ ордена и даже въ звѣзду, дочери такихъ же директоровъ и даже министерскія племянницы и внучки. Онъ говорилъ: «Женитьба — лотерейный билетъ; заранѣе не угадаешь, какой билетъ вынется. Блаженъ, кто выиграетъ; но еще блаженнѣе тотъ, кто вообще до всякихъ азартныхъ игоръ не охотникъ.» Живя въ

просгорной сановничьей квартирѣ, съ собственнымъ швейцаромъ и холостыми назначенными вечерами, гдѣ собирался разнообразный людъ поиграть въ карты, поболтать и узнать новости правительственнаго свѣта, Рубашкинъ являлся къ гостямъ постоянно расфранченный, раздушонный, сюртукъ и бѣлье свѣжіе, съ иголки. Комнаты его были уставлены мягкою щегольской мебелью, обвѣшаны красивыми картинами. Бронзы, ковры, зеркала и штофы показывали утонченный вкусъ хозяина. Кабинетъ его былъ полонъ бездѣлушками. На столахъ кучами лежали постоянно дѣловые бумаги. Хорошо обеспеченный щедрымъ жалованьемъ, Адріянъ Сергѣичъ не моталъ денегъ попусту. Отлично служилъ и ни въ чемъ не отказывалъ себѣ въ тихой домашней жизни смирнаго и пріятнаго холостяка. Лѣтомъ жилъ онъ на дачѣ, но какъ-то скупо и торопливо пользовался благами дачной жизни и ежедневно являлся въ городъ на службу, ни разу въ сорокъ лѣтъ не взявши себѣ отпуска даже на мѣсяць. Его любили всѣ, отъ департаментскихъ сторожей до крупныхъ чиновниковъ. Во всѣхъ своихъ потребностяхъ и мелкихъ привычкахъ онъ былъ въ высшей степени умѣренъ. Одно только было предметомъ его безумной, безграничной любви — это Малороссія, мифическій и таинственный образъ которой когда-то мелькнулъ для него и скрылся на долгіе годы. Всѣ толковали вокругъ него о Малороссіи, не только уроженцы тамошніе; но и видѣвшіе ее хотя бы мелькомъ. Рубашкинъ молчалъ, слушалъ, склонивши голову и какъ-то тихо улыбаясь, и думалъ: «Я тебя давно покинулъ, моя родина; но я, какъ сквозь туманъ, помню твои уютные сады, бѣлыя, мѣломъ мазанныя чистенькія слободки; помню твои чудныя пѣсни и твои привольныя, грустно-синѣющія степи. Я доберусь къ тебѣ когда-нибудь и зато останусь среди твоихъ пустынь любоваться навѣки твоею природою. Тамъ я и умру. Дай только дослужиться до порядочной пенсін, чтобъ не умереть подъ старость съ голоду на родинѣ. Но куда ѣхать? Земли тамъ у меня нѣтъ. Живы ли родные, и про то навѣрное не знаю. Были кажется родные на Волгѣ, были въ Украинѣ, были и въ Новороссіи!»

Годы шли. Рубашкинъ, за давностью времени бросившій всякую переписку съ немногими близкими лицами на родинѣ, жилъ попрежнему степенно и отрадно. Являлся въ театрахъ, любилъ оперу, концерты, посѣщалъ нѣсколько первыхъ чопор-

нѣйшихъ домовъ изъ высшаго общества. Говорилъ и судилъ обо всемъ умно и дѣльно. Спокойно и умѣренно встрѣтилъ начало новыхъ реформъ. Какъ на отпѣтыхъ, живыхъ еще, но уже скорыхъ покойниковъ, съ улыбкой посматривалъ на откупщиковъ, посѣщая ихъ гостепріимные и попрежнему шумные обѣды и вечера, гдѣ толпилась еще вся служебная знать. Съ любопытствомъ прислушивался онъ къ поднятымъ затѣямъ крестьянскаго вопроса. Жадно пробѣгалъ въ газетахъ и въ журналахъ первые намеки такъ-называемой обличительной и гласной литературы. Гдѣ-то, по какому-то департаментскому промаху, какъ указали ему, прихлопнули и его самого. Онъ долго теръ себѣ лобъ и протиравъ глаза, прочтя о себѣ слова: «Бюрократы отжили свой вѣкъ; у канцелярскаго стола, Россіи не узнаешь; надо ѣхать изучать ее въ провинціи: туда теперь отодвигается все лучшее, тамъ должна возрождаться за-ново наша жизнь.» — «Я бюрократъ? мертвецъ?» спросилъ самъ себя Рубашкинъ, воротившись съ одного пышнаго, блистательнаго вечера, гдѣ толковалось много о разныхъ послѣднихъ регламентаціяхъ, кодификаціяхъ и прочихъ бумажныхъ реформаціяхъ, и гдѣ были въ числѣ гостей даже два министра. — «Итакъ сорокъ лѣтъ я прожилъ даромъ въ этомъ воздухѣ, въ этой душной и темной тюрьмѣ!» прибавилъ Адрианъ Сергѣичъ, наскоро сбрасывая съ себя тончайшій черный фракъ, со звѣздой на груди, брильянтовыя запонки и перчатки. Отпустивши единственнаго слугу изъ отставныхъ солдатъ-малороссіянъ, онъ взглянулъ на письменный столъ свой, заваленный кучею вновь принесенныхъ для прочтенія, соображенія и подписи пакетовъ съ текущими дѣлами, опять повертѣлъ въ рукахъ листокъ газеты съ заигрывающимъ письмомъ какого-то провинціального корреспондента о столичныхъ бюрократахъ вообще и о немъ самомъ въ особенности, и сталъ быстро ходить вдоль вереницы просторныхъ комнатъ своей директорской квартиры.

— «А они-то веселятся тамъ, важничаютъ, носъ дерутъ!» думалъ онъ о только-что оставленномъ вечерѣ, куда, гремя и сверкая фонарями, еще продолжали при его уходѣ полѣзжать кареты. Въ его умѣ мелькали бѣломраморныя плечи и величественныя улыбки дамъ, блонды, шолки, бархаты, золото и брильянты модныхъ туалетовъ. Въ его ушахъ звенѣли сабли и шпоры гвардейцевъ. Въ раздушонныхъ залахъ гремѣла музыка.

Носились, распространяя аромат духовъ и звуки французскаго діалекта, веселыя пары. У зеленыхъ столовъ играли въ карты важныя и задумчивыя лица. Чистенькія мордочки будущихъ счастливыхъ бюрократовъ, только-что испеченные чиновники изъ правовѣдовъ и лицействовъ, причесанные первѣйшими царикмахерами и обученные танцамъ и французскому разговору первѣйшими питерскими учителями, въ кадрилѣ и даже въ полькѣ, протискиваясь изъ толпы, на-ходу сообщали своимъ дамамъ новости о крѣпостномъ тогда модномъ вопросѣ, о народномъ обученіи и объ откупахъ. — «И это все блестящее, самовольное собраніе оказывается гилью!» рѣшилъ Рубашкинъ, остановившись передъ столомъ кабинета и опять повертѣвши въ рукахъ невзрачную газетку съ провинціальною корреспонденціей. Онъ вышелъ, чувствуя странный запахъ, въ переднюю, глянулъ за перегородку, гдѣ жилъ у печурки его слуга — солдатъ, и засталъ его за какою-то непомѣрно-душистою и жирною трапезою.

— Что это ты ѣшь?

Сѣдовласый гвардеецъ вскочилъ, прикрывая ладонью дымившуюся лохань, и оторопѣлъ отъ изумленія, что начальство его такъ неожиданно поймало.

-- Что это ты ѣшь, Приценко?

— Виновать, ваше превосходительство! Кишки всѣ оборвала здѣшняя прѣсная пища. Наквасилъ самъ за печуркою бураковъ, да и сварилъ нашего борщу, съ перцомъ и съ уткою...

— А варениковъ не дѣлалъ?

— И варениковъ, ваше превосходительство, настряналъ! прибавилъ Приценко, доставая изъ-подъ стола другую объемистую лохань, прикрытую тряпкой, изъ-подъ которой вырывалось еще болѣе обаятельное благоуханіе.

— Ничего братъ, Приценко! Ты, вижу, умнѣ меня! ѣшь на здоровье!

Рубашкинъ заперся въ кабинетѣ и просидѣлъ въ креслѣ до утра. Пакеты съ надписями «конфиденціально» — «весьма нужное» — «въ собственныя руки» и «къ немедленному исполненію» — въ первый разъ остались нераспечатанными. Блѣдное мертвенное утро завлялось незамѣтно надъ Петербургомъ. Рубашкинъ подошелъ къ окну. Дворники въ нескончаемый разъ сметали снѣгъ и вчерашній песокъ съ тротуаровъ, торопливо и важно производя эту работу, будто подметали улицы для послѣдняго

страшнаго суда. Бѣдные чиновники спѣшили во всѣхъ направленіяхъ въ свои канцеляріи.

— «Умъ провинцій!.. Жизнь областей!.. вотъ она новая наша заря!» сказалъ со вздохомъ Рубашкинъ, отперъ столъ, досталъ бумаги и сталъ писать докладную записку къ своему министру. И въ то время, какъ пересуды департаментскія, разбирая въ числѣ другихъ и его карьеру, рѣшали задачу чѣмъ будетъ впоследствии Рубашкинъ и скоро ли его сдѣлаютъ сенаторомъ или товарищемъ министра, — неожиданная вѣсть разнеслась между его подчиненными и знакомыми. Министръ принялъ просьбу его. Рубашкинъ выходилъ въ отставку...

— Что съ вами случилось? вы оставляете службу? спрашивали его знакомые, тоскливо и съ сожалѣніемъ заглядывая въ лицо ему.

— Наша бумажная пора кончилась! отвѣчалъ Рубашкинъ: — вы только не хотите сами этого замѣтить и въ томъ сознаться! Дадимъ мѣсто молодежи...

Онъ распродалъ мебель, зеркала, лучшія бронзы и картины, оставилъ себѣ только нѣсколько любимыхъ вещей, еще способныхъ убраться одну или двѣ небольшихъ комнаты. Эти остатки уложилъ въ ящики, сѣлъ ихъ въ контору транспортовъ, взялъ съ собою одинъ чемоданъ, сѣлъ въ вагонъ и поѣхалъ въ Москву, а оттуда въ Малороссію. Одна мысль наполняла его: пожить на свободѣ, на родинѣ и между прочимъ упиться красотами природы обѣихъ ненаглядныхъ Украинъ: западной старосвѣтской и восточной слободской. Обѣ онѣ сознаніе его предковъ казаковъ и въ обѣихъ этими предками были положены основы особенной, своеобразной жизни. Адрианъ Сергѣичъ соображалъ нѣсколько смутно, что на югѣ Россіи у него изъ родни должны оставаться два двоюродные брата: одинъ въ бѣдномъ полтавскомъ хуторѣ, гдѣ гостилъ иногда и его покойный, безземельный отецъ, и откуда его самого повезли на службу, а другой въ какой-то степной полутатарской пустынѣ, гдѣ-то близь границъ Новороссіи, между Дономъ и Волгою. Онъ съ ними лѣтъ двадцать уже не переписывался и навѣрное не зналъ, живы ли они. «Умъ провинцій, вотъ оно что! самоуправленіе областей!» шепталъ Адрианъ Сергѣичъ, проѣзжая срединныя русскія губерніи и приближаясь къ Малороссіи. Гдѣ-то на дорогѣ попался ему возъ, запряженный волами, мелькнули бѣлыя избы. Далѣе звучно раздалось нѣкогда

родное для него украинское нарѣчіе. Сердце дрогнуло у Рубашкина; онъ высунулся изъ кареты и долго не могъ сквозь слезы разглядѣть чуть памятныхъ ему съ дѣтства полей и хуторовъ, которые уже замелькали вокругъ дороги. Карета смѣнилась перекладной. Тройка своротила на проселокъ. Пошли топкіе, зеленѣющіе берега Ворсклы. Былъ апрѣль. Весна захватывала дыханіе птичьими криками, воздухомъ и солнцемъ. Вотъ большое казацкое старинное село, а вотъ одинокій бѣдный дворянскій хуторокъ... Рубашкинъ взошелъ на дрянное покосившееся крылечко, сталъ на порогъ низенькаго стараго домика и не узналъ своего двоюроднаго брата, оставленнаго здѣсь когда-то кудрявымъ и румянымъ ребенкомъ, какъ тотъ разумѣется не узналъ его самого. Братъ оказался рослымъ, оборваннымъ, сѣдымъ и совершенно испитымъ старикомъ. Послѣ первыхъ привѣтствій оказалось, что этотъ братъ, Флоръ Титычъ Рубашкинъ, совершенно прожилъ еще лѣтъ семь назадъ и короталъ вѣкъ уже не у себя, а у старой и тоже сѣдой своей сестры, которая у него вовремя успѣла купить его собственное имѣніе. Старуха сестра, Васса Титовна, была слѣпая. Флору Титычу уже не на что было пить; онъ упросился къ сестрѣ на хлѣбъ и помѣстился у нея на кухнѣ. Дни проводили братъ и сестра вмѣстѣ. Флоръ Титычъ святцы ей вслухъ читалъ, а сестра дремя вязала чулки на продажу для церкви. За обѣдомъ братъ сестрѣ кушанье разливалъ, ложку подавалъ, мясо рѣзалъ, а послѣ обѣда подбиралъ на спицы спущенныя петли ея чулка. Родичи Адріяна Сергѣича жили въ маленькомъ домикѣ, а въ большемъ помѣщалось сельское правленіе другого сосѣдняго помѣщичьяго имѣнія, гдѣ всѣ наследники вымерли и имѣніе это поступило въ казну. Владѣльцевъ того помѣстья Рубашкинъ также когда-то зналъ въ дѣтствѣ. «Наши дворянскіе роды вымираютъ!» сказалъ ему уныло Флоръ Титычъ, передавая брату, какъ они съ сестрой продали подъ то сельское правленіе свой родовой домъ. «Тамъ въ нашихъ комнатахъ теперь живутъ старшина и писарь сельскій! прибавила сестра: — у старшины, говорятъ, медаль на груди. А писарь спитъ въ той самой комнатѣ, гдѣ нашего папеньки и маменьки опочивальня была, а въ образной пашей живутъ конторскіе сторожа, а въ дѣтской сдѣлана холодная для штрафныхъ арестантовъ.» «Прихожу я разъ туда, перебилъ Флоръ Титычъ, а въ коридорѣ портретомъ покойнаго дѣдушки кадка съ водой прикрыта.»

Грустно вглядывался Адріанъ Сергѣичъ въ лица своихъ обѣднѣвшихъ родичей. Но Флоръ Титычъ не унывалъ, хоть на шеѣ его не было платка. Сквозь нанковые потертые шаравары просвѣчивали красныя голыя колѣни. Какіе-то башмаки изъ суконныхъ обрѣзковъ были надѣты на мозолистыя и избитыя босыя ноги. Лицо его небрито. Длинные сѣдые волосы въ безпорядкѣ падали на сгорбленные плечи. «Что ты думаешь, братъ, съ собою дѣлать?» спросилъ его дня черезъ три Адріанъ Сергѣичъ, оставшись погостить у нихъ. «Пошолъ бы милостыню въ городъ просить, да сестра не пускаетъ. Послѣ смерти своеѣ хочеть мнѣ этотъ флигелекъ и хуторъ отказать.» — «Не тебѣ, а твоимъ семи дочерямъ, которыя всѣ въ гувернанткахъ!» перебила его сестра. — Пошолъ генералъ бродить съ братомъ по окрестностямъ. Черезъ этотъ полтавскій хуторъ покойный отецъ генерала, мелкій чиновникъ въ приволижскомъ городишкѣ, увезъ Адріана Сергѣича въ Петербургъ на службу и вскорѣ гдѣ-то самъ умеръ. Пошли они въ садъ. «Гдѣже ваши старыя дѣдовскія липы?» спросилъ Адріанъ Сергѣичъ брата: «я помню, они тутъ были!» — Флоръ Титычъ оглянулся. — «Не говорите слѣпой сестрѣ, я ихъ срубилъ и продалъ: не на что было чаю сестрѣ купить какъ-то.» — «Чтоже ты, братъ, здѣсь хозяйствомъ самъ не займешься? Земля есть у васъ. Тогда бы и липъ не нужно было рубить!» — «Эхъ, братъ! то-есть самому къ плугу-то стать? нельзя еще нашему брату дворянину землю пахать; а людишки, какіе были у насъ, разбѣжались за эти послѣдніе годы, какъ про волю слухи пошли. Нанялся я было точно въ это вотъ сельское правленіе писаремъ; въ той самой комнатѣ сталъ засѣдать, гдѣ и ты когда-то со мной бѣгалъ и гдѣ бывало три-четыре няньки съ ноги одинъ чулокъ у меня когда-то стягивали. Да больно зазорно стало своимъ же сосѣдямъ мужикамъ, отобраннымъ въ казну, писаремъ служить, хоть и получалъ я хорошее жалованіе, семь цѣлковыхъ въ мѣсяць!» — Обошолъ Рубашкинъ съ братомъ старинныя пруды за садомъ. «Что, рыба еще ловится?» — «Какъ не ловится! Иной разъ возьму самъ, засуча штаны, бредень, да и пойду ловить, а саввинскіе ребятишки мнѣ орѣховъ принесуть за это, а не то и водочки. Когда отецъ мой покойный, а твой дядя, былъ еще живъ, да справляючи именины карасей ловилъ тутъ, такъ я помню гостей наѣзжало сюда столько, что кареты отъ дома вотъ до той хаты рядомъ стояли.»

Братъ и сестра хуторяне, обрадовавшись приѣзду такого свиданнаго родича генерала, засуетились угощать его. Шептались все о посудѣ, о какой-нибудь курицѣ, о томъ, что надо вотъ въ городъ послать за говядиной, за макаронами и еще зачѣмъ-то, да все некого... Генералъ ихъ остановилъ. Оставилъ у нихъ въ углу не развязывая свои вещи, сѣзидилъ за восемь верстъ въ городъ, самъ закупилъ разныхъ припасовъ, привезъ прислугу и объявилъ, что остается погостить у нихъ и нѣсколько подышать свѣжимъ воздухомъ. Но не было весело на душѣ у Адріяна Сергѣича. Его окружали одна бѣдность и всякіе недостатки да ослабѣвшая и ничѣмъ неоживляемая и невоскрешаемая вѣра въ лучшую долю погибшаго, нѣкогда зажиточнаго быта. Кромѣ родственнаго хутора, весь околотокъ какъ-то жалко притихъ, точно и всѣ остальные его жители обѣдибли и разорились. «Прошли наши времена!» говорили Флоръ Титычъ и Васса Титовна: «намъ уже не поправится, такъ мы и въ могилу ляжемъ! Не такъ жили наши дѣды... Все миновало на нашей Ворсклѣ!» «Гдѣже сохранилась былая лучшая жизнь?» допрашивалъ родичей генералъ: «гдѣ живутъ отраднѣ здѣсь на югѣ?»—«Въ Новороссіи, да вижу на Волгѣ не такъ жалуются! отвѣчали тѣ:—тамъ живетъ нашъ другой братъ, Климъ Титычъ. Ему тамъ досталось наслѣдство за женой и онъ живетъ богаче и не жалуется, какъ мы всѣ.» — Генералъ иногда въ то лѣто дѣлалъ небольшія прогулки на наемныхъ лошадахъ и пѣшкомъ, по привычкѣ петербургскаго ходока, къ сосѣднимъ помѣщикамъ. Но опъ не узналъ былой старосвѣтской Украйны, о которой сохранилъ впечатлѣнія съ дѣтства и о которой читалъ въ книгахъ любимыхъ украинскихъ писателей. Тогда начинались обсужденія крестьянскаго вопроса въ комитетахъ перваго совѣщательнаго призыва. Адріянь Сергѣичъ попалъ на выборы и на засѣданія комитетовъ. «Да, да! твердилъ онъ: вотъ надежды наши, вотъ откуда наше солнце взойдетъ!» — Но разѣзжая въ городъ, Адріянь Сергѣичъ видимо сталъ тиготиться хуторкомъ Вассы Титовны, хотя значительно обезпечилъ быть непроходимыхъ бѣдняковъ, брата и сестры. Опъ не очень полюбилъ въ концѣ первыхъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ и другія красоты и особенности Украйны. Крестьяне показались ему уже черезъ-чуръ лѣнны и довольны до еготства малымъ. Быть со дня на день бѣднѣющихъ окольныхъ помѣщиковъ наволитъ на него уныніе и тоску. Вездѣ толковали

объ однѣхъ кѣртахъ, охотѣ, водкѣ, да о мелкихъ сосѣдскихъ дразгахъ. Сказочное бывое гостепрїимство исчезло. Не встрѣчалось болѣе ни Шульхерїи Ивановны, ни Афанасїа Иваныча, ни Ивана Иваныча и Ивана Шкифорыча. Не могъ особенно любоваться здѣсь и сельскою природою Рубашкинъ. Такъ-называемыхъ дѣвственныхъ и пустынныхъ степей Тараса Бульбы и Віа не было уже тутъ и въ поминѣ. Все было давно застроено и перепахано. Одни крестьянскіе сосѣдніе комитеты утѣшили было Адрїана Сергѣича, питомца петербургской дѣловой неугомонной практики. Но и въ нихъ скоро пошла чепуха и завелись личности. Столкнулся было какъ-то въ городѣ Адрїанъ Сергѣичъ съ заѣзжимъ кїевскимъ студентомъ и разговорился съ нимъ объ украинскомъ дѣлѣ вообще. Юноша студентъ изъ поляковъ нагородилъ ему и такой ошеломляющей галиматїи, что генералъ даже было трухнулъ и почувствовалъ боль подъ ложечкой. По отъѣздѣ студента, Адрїанъ Сергѣичъ не угомонился и даже завелъ было рѣчь о томъ же съ нѣсколькими почтенными лицами изъ сосѣдей слѣпой сестры. Тѣ на это только посопѣли и тутъ же разговорились о томъ, какой чудный вечеръ задалъ ихъ губернаторъ предводителю и что шерсть стала подниматься въ цѣнѣ. Крошечные вишневые садики, бѣдные будто задавленные окрестные виды, общая вялость и отсутствїе какихъ-либо идеаловъ у высшихъ сословїи такъ подѣйствовали на Адрїана Сергѣича, который все собирался, все рвался любоваться степями и Малороссїей, что онъ вовсе пересталъ гулять по окрестностямъ хуторка своихъ родичей.

Тутъ судьба свела его съ другимъ его двоюроднымъ братомъ, именно съ Климомъ Титычемъ Рубашкинымъ. Климъ Титычъ, какъ сказано выше, жилъ на границахъ Новороссїи, гдѣ-то, какъ толковали о немъ, въ безлюдной полутатарской степи, между Дономъ и Волгою. Онъ отъ отца получилъ родовой клочокъ земли въ Новороссїи возлѣ Дона, гдѣ самъ было служилъ; женился тамъ на дочери одного майора изъ казаковъ, торговавшего скотомъ и имѣвшего большіе капиталы, взялъ за женой ненаселенную землю между Волгою и Дономъ, знакомый намъ Конскїи-Сырть, вышелъ въ отставку, продалъ свой собственный клочокъ земли и занялся жонинымъ хозяйствомъ. Жена его вскорѣ умерла отъ родовъ, не оставя послѣ себя дѣтей, а при жизни укрѣпила за нимъ по купчей свое наслѣдство. Климъ Титычъ усердно про-

возмѣлся нѣсколько лѣтъ надъ этимъ имѣніемъ, но не зная какъ взяться за него безъ капитала, сдалъ его на аренду своей сосѣдкѣ Перебоченской, ѣздившей къ нему иногда торговать коровъ, и переѣхалъ на спокойное житье въ одинъ изъ поволжскихъ низовыхъ городковъ, похвалявая свое житье въ письмахъ брату и сестрѣ. Сосѣдка была бой-баба; заставши на арендной землѣ домикъ и избушку, обстроила усадьбу очень хорошо, завела на этой землѣ гурты скота, вольно-наемнымъ трудомъ повела и хлѣбопашество, пустила корни въ этомъ имѣніи, да и затѣяла его безъ дальнихъ словъ оттягать у смиреннаго Клима Титыча навсегда. Сперва пошли у нея съ нимъ недоразумѣнія по арендной платѣ, потомъ явились какія-то дополнительные условія о домѣ и о прочихъ сдѣланныхъ ею постройкахъ, наконецъ было задумалась она даже надъ нѣкоторымъ подложнымъ, хотя и весьма грубоватымъ документомъ будто бы его жены. Словомъ вышла чепуха. А Клима Титычъ, искупавшись невзначай рапо весной въ рѣкѣ въ очень холодной водѣ, получилъ сперва кашель, а потомъ чахотку. Доктора послали его на послѣдніе деньжата въ Крымъ, на южный берегъ. «Что ѣхать въ Крымъ! подумалъ онъ: — лучше съѣзжу въ Кіевъ на богомолье, да кстаги навѣщу брата съ сестрой на старомъ отцовскомъ хуторѣ!» Такъ Клима Титычъ засталъ двоюроднаго братца, генерала, на старомъ родовомъ пепелищѣ, неудовлетвореннаго тихимъ бытомъ старосвѣтской Украйны, какъ онъ ошибочно, съ пѣтерской точки зрѣнія выражался, будтобы неимѣвшей впереди у себя сильныхъ идеаловъ. Онъ разговорился съ нимъ о Новороссіи и о поволжскомъ русскомъ востокѣ.

— «Вотъ гдѣ край, такъ край! сказалъ онъ братцу-генералу: вотъ гдѣ жизнь начинается. Тамъ наша Русь заново перестраивается. Какое тамъ развивается пароходство! Строится и скоро кончится желѣзная дорога по степи изъ Волги въ Донъ. Земли цѣлинныя, нетронутыя, плодородныя. Край непочатой, сущія американскія степи. Поволжье — настоящіе штаты по Миссисипи, а низовье Дона и азовскія побережья — Виргинія и Кентукки. Хотите, ваше превосходительство, побывать тамъ?

— Ещебы!

— Нѣтъ, не шутя? Вы даже доброе дѣло мнѣ можете сдѣлать...

— Какое?

— Моимъ имѣниемъ, доставшимся мнѣ по духовному завѣщанію отъ жены моей, пустопорожнею землею, по имени Конскимъ-Сыртомъ, завладѣла одна бѣдовая сосѣдка моя, госпожа Перебоченская. Она сперва держала эту землю на арендѣ; а теперь, безъ всякаго съ моей стороны акта, завладѣла этою землею окончательно, и что я ни дѣлалъ, не отдаетъ ее да и позво. Живеть себѣ тамъ, какъ англичане въ Индіи; даже арендную сумму перестала мнѣ платить уже лѣтъ шесть назадъ. Я все болѣнъ былъ; хлопотать сильно некогда было, да и ожидалъ, что она покается. Вы законы знаете лучше чѣмъ я. Возьмитесь хлопотать и взять у этой барыни обратно имѣніе мое, — я готовъ съ вами быть въ долѣ.

— Извольте; я совершенно свободенъ. И кстати, здѣсь мнѣ что-то скучновато.

Климъ Титычъ далъ Адріану Сергѣичу полную довѣренность, всѣ документы на имѣніе и уѣхалъ въ Кіевъ. Адріанъ Сергѣичъ снова уложился, взялъ почтовыхъ и скоро приѣхалъ въ окрестности Конскаго-Сырта и Есауловки. Онъ явился къ Пелагеѣ Андреевнѣ Перебоченской и предъявилъ ей свои документы; но съ перваго же приѣзда, несмотря на свой чинъ, получалъ отъ нея такой отвѣтъ и такой приемъ, что хотѣлъ было тотчасъ воротиться снова на хуторъ въ полтавскую губернію, и отказавшись разъ навсегда любоваться красотами природы и поволжскаго края, лучше созерцать тихія картины Украйны старосвѣтской, или даже снова воротиться въ Петербургъ на службу. Здѣсь вмѣшалась въ дѣло сама нежданная судьба и остановила Адріана Сергѣича надолго въ окрестностяхъ Есауловки. Въ сосѣднемъ городѣ, куда перевелъ на первыхъ порахъ свою перепяску, онъ получилъ изъ Кіева, въ концѣ того же года изъ полиціи бумагу, гдѣ прочелъ онъ такія ошеломившія его слова: «Мичманъ въ отставкѣ, Климъ Титовъ сынъ Рубашкинъ, умеръ скоропостижно въ кіевской градской больницѣ, гдѣ лечился отъ чахотки и оставилъ все свое имѣніе, состоящее изъ двухъ тысячъ десятинъ незаселенной земли, по имени Конскій-Сыртъ, близъ Волги, такой-то губерніи и уѣзда, ему, отставному дѣйствительному статскому совѣтнику, а своему двоюродному брату, Адріану Сергѣеву сыну Рубашкину, вслѣдствіе того, что по отношенію полтавской земской полиціи, уже незаставшему въ живыхъ его, мичмана Кліма Титова сына Рубашкина, оказалось,

что собственные родные братъ и сестра его, какъ ближайшіе наследники его, Флоръ Титовъ и Васса Титова Рубашкины, того же года и мѣсяца волею божіею, безъ умысла постороннихъ лишь, на своемъ хуторѣ сгорѣли ночью, безъ божескаго поканія, вмѣстѣ съ своимъ домомъ. Ихъ названный хуторъ, за долгъ приказу общественнаго призрѣнія сгорѣвшихъ владѣльцевъ его, имѣеть быть проданъ съ публичнаго торга, такъ какъ послѣ бездѣтныхъ Вассы и Флора Титовыхъ Рубашкиныхъ, никакого движимаго имущества въ наличности не нашлось, а всѣ люди ихъ оказались въ бѣгахъ. Названное же имѣніе Конскій-Сыртъ отказано ему, Адріану Сергѣеву сыну Рубашкину, по законному духовному завѣщанію, каковое въ подлинникѣ высылается на имя его превосходительства, Адріана Сергѣева сына Рубашкина, по мѣсту его жительства, въ подлежащее судебное мѣсто, для безспорнаго ввода его во владѣніе тою землею.»

— «Бѣдняки! подумалъ Адріанъ Сергѣичъ: — какъ вѣтромъ снесло ихъ всѣхъ! Правъ былъ покойникъ Флоръ Титычъ: замѣтно вымираетъ наше бывшее сильное дворянско-помѣщичье поколѣніе. Теперь я, послѣдній изъ Мошканъ, остаюсь одинъ — окончательная отрасль Рубашкиныхъ. Нашъ родъ не привился въ срединной Украинѣ. Не привьется ли дѣло рукъ его въ востокѣ? Совно гнѣздо свое здѣсь, какъ нѣкогда заводили на отдаленныхъ конечныхъ Украинахъ южныхъ степей одинокіе починки и заимки наши предки, коренные украинскіе казаки. Жениться мнѣ уже поздно; а жажды дѣятельности во мнѣ еще довольно. Мѣсто богатое; развернуться есть гдѣ. Что же? Мнѣ еще съ небольшимъ пятьдесятъ лѣтъ; шестидесяти еще нѣтъ. Генеральская пенсія моя — постоянный оборотный капиталъ, который я неподоволь стану прививать къ этой благодатной цѣлпнной, нетронутой еще аферами землѣ, гдѣ у покойнаго брата и у его арендаторши ходили одни гурты скота. Все что выработалъ Петербургъ въ идеалѣ, все что прославили тамъ господа теоретики, все это теперь придется здѣсь испытать на практикѣ. Не мало и я тамъ, на своей правительственной дорожкѣ, погрѣшилъ разными самодовольными рѣшеніями задачъ этой таинственной для насъ практики. Неголько становымъ или исправникамъ, даже и повыше я посылаю громкозвучные ордера и внушенія, которые по чаянію нашей столичной братіи должны были во всѣхъ концахъ благодатно пересоздать нашу матушку Русь.

Теперь я здѣсь самъ радовой и подначальный. Посмотримъ, какъ улыбнется жиѣ эта жизненная, областная практика? Наконецъ—то изъ переселенія, изъ бѣговъ на сѣверъ, и я воротился на югъ. Я теперь дома. Какъ—то тутъ заживется?»

И практика, повторяемъ, на первыхъ же порахъ оборвала генерала Рубашкина.

Еще въ качествѣ повѣреннаго бывшего смиреннаго владѣльца Конскаго—Сырта, онъ вѣжливо и степенно явился къ арендаторшѣ этого имѣнія, Пелагеѣ Андреевнѣ Перебоченской, переговорить о ея видахъ на скорѣйшую раздѣлку по арендной суммѣ и объ очищеніи земли отъ ея присутствія, такъ какъ срокъ аренды давно кончился. Адрианъ Сергѣичъ пришалъ къ Перебоченской по—петербургски, весь въ черномъ, въ модномъ фракѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ и въ лаковыхъ сапогахъ, съ портфелью подъ мышкой, и даже не воспользовался деревенскою льготою насчетъ фуражки, а явился съ шляпой. Голубые глаза его, здоровыя румяныя щоки и припомаженные съ умѣренною простѣдью волоса, предстали передъ Перебоченскою съ запасомъ добродушія и ободряющаго, ласковаго снисхожденія и довѣрія. А плотно застегнутый на груди фракъ, со звѣздой, при проходѣ его по залѣ въ гостиную хозяйки мимо зеркала, напомнилъ ему почему—то рѣшительный и вмѣстѣ великодушный видъ какого—то чудодѣя—адвоката, котораго онъ знавалъ въ славѣ громкихъ подвиговъ въ Петербургѣ. Направляясь изъ уѣзднаго города, куда онъ сперва завернулъ для справокъ, къ временной усадьбѣ Перебоченской, устроенной этою барыней на луговинѣ, возлѣ зеленаго ольховника на Конскомъ—Сыртѣ, Рубашкинъ на—скоро разсмотрѣлъ этотъ поселокъ. Домъ въ пять—шесть комнатъ выходилъ на обширный дворъ, заваленный подѣлочнымъ сплавнымъ поволжскимъ лѣсомъ. Кругомъ двора шли скотныя красиво—построенныя бревенчатые сараи, амбары, конюшня, кухня и людскія надворныя избы. Нѣсколько просторныхъ и чистыхъ вѣзъ, для помѣщенія наемныхъ работниковъ, поденщиковъ и пастуховъ, шли отдѣльнымъ рядомъ за дворомъ, вдоль молодого, но уже значительно загустѣвшаго и поднывагоса сада. Въ саду торчала знакомая читателю голубятня, мѣсто неудавшагоса плѣна Фроси. У новаго, чистаго колодца поили рослыхъ быковъ. Стадо телятъ паслось на лужайкѣ за садомъ. По двору шмыгали горничныя и перекликались между кошюшней и амба-

ромъ два рослыхъ работника въ красныхъ рубахахъ. За воротами къ избамъ прошло съ длинными рыжими усами какой-то человекъ небольшого роста, но горлаго и понураго вида, въроятно прикащикъ. На крыльцѣ гостя встрѣтили выбѣжавшія изъ дома разомъ двѣ служанки. Спрося его имя и званіе, онѣ опять скрылись и потомъ ввели его въ залъ и въ гостиную. Въ гостиной, на диванѣ за столомъ, Рубашкинъ увидѣлъ съ картами въ рукахъ хозяйку усадьбы. Перебоченская, на привѣтствіе гостя слегка привстала и не глядя на него опять сѣла. Рубашкинъ едва успѣлъ разглядѣть ея высокій, сухощавый, нѣсколько сутуловатый станъ, сморщенное блѣдное лицо, жалкіе будто плачущіе, дрянные глазки, бѣлый старомодный, обвязанный сверху по ушамъ чепецъ, какіе носятъ нищенки-просительницы въ городахъ, темное затасканное платьишко, сѣрый фланелевый платокъ, обвисшій на тощихъ костлявыхъ плечахъ, гарусный ридикюль на рукѣ съ изображеніемъ огромнаго яблока, и вообще нищенскій и убогій видъ хозяйки.

— Прошу садиться. Что вамъ? спросима Перебоченская, вялыми глазами замгавши по сторонамъ.

Рубашкинъ сѣлъ и объявилъ подробно свое званіе, чинъ и цѣль приѣзда.

— Вы держите на арендѣ имѣніе моего брата? спросилъ онъ, собираясь произнести ловкій спичъ.

— Такъ, генералъ.

— Вы, извините, денегъ ему не платите?

— Такъ, генералъ.

— Вы съѣхать съ этой земли не хотите?

— Такъ, генералъ.

— Зачѣмъ же вы все это дѣлаете?

Перебоченская положила карты на столъ, достала изъ ридикюля табакерку, понюхала табакъ и ничего не отвѣтила, слегка, но зорко посматривая на гостя.

— Позвольте васъ вторично, сударыня, спросить, въ качествѣ человека, уполномоченнаго формальною довѣренностью, какіе у васъ на это виды?

— А вамъ на что? спросила Перебоченская и оправила ленты чепца.

— Какъ на что? Да я законный истецъ, я представитель дѣлъ моего двоюроднаго брата...

— Палажка! тихо вскрикнула Перебоченская, повернувшись на диванѣ къ сторонѣ внутреннихъ комнатъ дома: — Палажка!

Дверь въ сосѣднюю комнату была притворена. Оттуда никто не являлся. Только слышно было какъ въ залѣ въ кѣлткѣ мѣрно прыгала съ жордочки на дно и съ дна опять на жордочку какая-то тяжеловатая птица. Да въ передней акуратно и звонко стукали заржавленнымъ маятникомъ часы.

— Палажка! крикнула опять хозяйка, не оборачиваясь къ гостю.

«Вѣрно закуску вспомнила подать, или прикажетъ скорѣе обѣдъ готовить!» рѣшилъ въ умѣ Рубашкинъ: — «оно же и кстати: я таки порядкомъ проголодался!» И онъ съ достоинствомъ сталъ глядѣть по комнатѣ.

Дверь скрипнула. На порогѣ ея показалась плотная, широкоплечая, румяная и огромнаго роста горничная съ чулкомъ въ рукахъ. Когда она вошла, полъ заскрипѣлъ подъ нею.

— Бѣги, крикни тому генеральскому кучеру, медленно и съ разстановкой сказала барыня: — чтобъ подавалъ ихъ экипажъ; они сейчасъ ѣдутъ отсюда... сейчасъ... слышишь?

— Слышу.

Горничная скрылась. Рубашкинъ обомлѣлъ. Перебоченская, какъ ни въ чемъ не бывало, обернулась къ нему и опять тихо и грустно устремила на него жалкіе, дрянные глазки. Сначала показалось Рубашкину, что она сумашедшая, и онъ только подосадовалъ на чиновниковъ, непредупредившихъ его объ этомъ. Онъ все еще молчалъ и смотрѣлъ на хозяйку. Хозяйка, вертя карты въ рукахъ, посматривала на него. На дворѣ загремѣлъ подаваемый экипажъ.

— Что это значитъ? спросилъ Рубашкинъ, въ смущеніи поднимая на хозяйку брови.

— Вы какъ думаете? спросила она, покачивая головой.

— Я не понимаю-съ. Вы меня прогоняете? Значить, мнѣ ѣхать?

— Точно такъ... нечего и сидѣть тутъ съ грубостями!

— Какъ съ грубостями!

Генералъ всыхнулъ. Перебоченская стала опять перебирать на столѣ карты.

— Вопервыхъ, сказала она тихо: — я сама знаю вашъ чинъ и понимаю, что вы уполномочены довѣренностью; но вовторыхъ

не совѣтую вамъ мѣшаться въ это дѣло: иначе... вы меня уже извините... Я спуска никому не дамъ!

— Какъ не мѣшаться?

— Просто-съ... Не я должна Климу Титычу, а онъ мнѣ. Да притомъ же я тутъ въ этой безлюдной глуши выстроилась; постройки всѣ мои. И я вамъ просто-напросто совѣтую не мѣшаться сюда и не очень важничать. Тутъ въ степяхъ, извините-съ, вы не разгуляетесь очень... Я женщина и женщина слабая, больная; но у меня... противъ всякихъ разбойниковъ найдутся защитники... и весьма хорошіе... клянусь вамъ!

«Я разбойникъ?» подумалъ про себя Рубашкинъ, вставая съ портфелемъ, потомучто въ это время встала и хозяйка.

— Вы такія вещи мнѣ говорите... вы такъ меня принимаете... что я... извините также и меня — но покрайней-мѣрѣ хотъ выслушайте наконецъ... Я вамъ прочту довѣренность, письмо брата моего...

— Знать я ничего не хочу-съ! Лучше оставьте меня въ покоѣ!

— Я ѣхалъ изъ такой дали, думалъ съ вами скоро все кончить; у меня ни квартиры теперь нѣтъ, ни души знакомыхъ...

— А вольно же вамъ было все это брать на себя! Разговаривать долѣе — баста-съ... Вотъ вамъ Богъ, а вотъ порогъ. Иначе я людей крикну и васъ выведутъ, за то что вы меня старуху беспокоите и грубите мнѣ...

Рубашкинъ стоялъ румяный и озадаченный еще съ портфелемъ подъ мышкой фрака, застегнутаго до подбородка, и въ волненіи натягивалъ перчатки. Тишина въ домѣ была попрежнему невозмутимая. Только снова прыгала въ залѣ въ клѣткѣ птица, да въ лакейской стучали часы. Солнце въ это время ярко проглянуло на дворѣ и весело освѣтило гостиную съ свѣжевскими цвѣтами на окнахъ, съ большимъ образомъ въ углу подъ потолкомъ, на стѣнахъ съ картинами синопскаго сраженія и американской охоты въ пустыняхъ пампасовъ на дикихъ лошадяхъ, и съ кучею шитыхъ гарусныхъ подушекъ на диванѣ. Огромный жирный котъ, какъ мертвый, спалъ у печки, раскинувшись на особой подушкѣ. Въ комнатѣ пахло ладаномъ.

— Такъ это вашъ послѣдній отвѣтъ мнѣ, ѣхавшему за пятьсотъ верстъ, по просьбѣ брата?

- Последній, генераль...
- Вы не заплатите денегъ?
- Нѣтъ, генераль.
- Не съядите арепды, которой давно срокъ кончился?
- Нѣтъ, генераль.
- И не выѣдете съ этой земли?
- Нѣтъ, генераль.

Въ умѣ Рубашкина мелькнула неволью его пышная директорская петербургская квартира, толпа ловко наторенныхъ подчиненныхъ, ослѣпительные вечера первыхъ сановниковъ, которые онъ запросто посѣщалъ на сѣверѣ, и тутъ же улыбка одного тамошняго администратора изъ передовыхъ, сказавшаго ему передъ отъѣздомъ по какому-то случаю: «Не пройдетъ года, двухъ-трехъ лѣтъ, мы пересоздадимъ Россію, ручаюсь вамъ въ этомъ...»

— Въ такомъ случаѣ, Пелагея Андреевна, не прогнѣвайтесь, если я прибѣгну... такъ-сказать... къ здѣшнимъ властямъ и противъ васъ употребить... силу!..

— Палажка! тихо вскрикнула опять Перебоченская, обернувшись къ дверямъ въ сосѣднюю комнату.

— Сила законовъ одна для всѣхъ на свѣтѣ... И если...

— Палажка! уже на весь домъ крикнула Перебоченская.

Рубашкинъ, въ избѣжаніе дальнѣйшаго скандала, поклонился, не дождался появленія исполина-горничной и осторожными невѣрными шагами направился черезъ залъ въ лакейскую. На крыльцѣ онъ перевелъ духъ. Во дворѣ было тихо... Почтовые усталыя лошади, опушта уши, дремали у подъѣзда. Ямщикъ тоже дремалъ на козлахъ.

— Ыдемъ назадъ! сказалъ Рубашкинъ и сѣлъ въ коляску, добытую съ трудомъ на прокатъ въ городишкѣ.

Онъ выѣхалъ. Его никто не провожалъ. Кругомъ было тихо, будто все спало или вымерло. Вдали рисовались тихіе голубые бугры прибрежій Волги. За Лихимъ бѣлѣла, раскинувшись на холмѣ, такая же молчаливая Есауловка. Телята паслись за сараемъ, за ольховникомъ. По лугамъ Конскаго-Сырта бродилъ справа одинъ скотской гуртъ, а слѣва другой. Одинокіе пастухи издали неподвижно глядѣли, опершись на длинныя палки, съ котомками за плечами, точно каменныя бабы на курганахъ въ украинскихъ степяхъ. — «Позвала бы шальная барыня намета-

ныхъ своихъ клеветовъ , что бьютъ на сало нагулянный скоть , подумалъ Рубашкинъ : — мигомъ уходила бы меня въ своемъ домѣ , и никто бы не откликнулся тутъ за меня въ этой глуши ! Вотъ тебѣ и практика въ провинціи ! Вотъ я и дома... »

Генералъ кинулся въ городъ . Утаивши главныя подробности , онъ съ достоинствомъ расказалъ чиновникамъ о странномъ поступкѣ съ нимъ Перебоченской . Чиновники съ подобающимъ почтеніемъ къ его чину и недавней служебной дѣятельности выслушали его , пожимая плечами , стали шептаться между собою , громко и съ видимымъ негодованіемъ относясь объ упорствѣ Перебоченской , и рѣшили , что дѣйствительно надо принять противъ нея болѣе сильныя мѣры . Такъ сказавъ становой , такъ сказавъ самъ исправникъ , такъ рѣшилъ весь земскій судъ . Сталъ жить въ городѣ Рубашкинъ . Его скоро узнали всѣ горожане . На улицѣ чиновники и мѣщане кланялись ему , снимали передъ нимъ шапки . Иногда онъ посѣщавъ скромные вечера у городничаго , уѣзднаго предводителя и исправника . Ящиковъ съ вещами своими Рубашкинъ не раскрывалъ и тутъ , а жилъ скромнымъ бивакомъ у одной дьяконицы и вслѣдъ за этою временною квартирою собрался разомъ спокойно помѣститься въ Конскомъ-Сыртѣ , гдѣ за долгъ у арендаторши должны были отобрать и всю ею отстроенную усадьбу . Но время шло , генеральская пенсія проживалась , а дѣло не подвигалось впередъ . Становой и исправникъ медлили , будто выжидая , не одумается ли сама Перебоченская , и откладывали выѣздъ къ ней , не желая рѣзко обидѣть и притѣснить слабую , хотя и дѣйствительно упорную женщину . « Да я-то чѣмъ виноватъ ? говорилъ улыбаясь Рубашкинъ : — и изъ-за чего я живу здѣсь въ миломъ вашемъ обществѣ ? » — « Ну , знаете , все-таки — оца дама . » Посылались однако ей понудительныя повѣстки . А тутъ , какъ съ неба упала , бумага изъ Кіева о смерти настоящаго владѣльца Конскаго-Сырты и о переходѣ имѣнія въ собственность къ Адріану Сергѣичу . Чиновный міръ было всполошился и какъ-будто собрался дѣйствовать сильнѣе . Получено и явлено въ мѣстной палатѣ духовное завѣщаніе . Палата предписала : временному отдѣленію уѣзднаго суда немедленно выѣхать въ Конскій-Сыртъ , ввести новаго наследника во владѣніе ; госпожѣ Перебоченской , не принимая отъ нея болѣе никакихъ отговорокъ , подѣ личною по всей строгости законовъ отвѣтственностью всего земскаго суда , изъ того имѣнія предложить

въ тоже время удалиться, а воздвигнутыя ею строенія, буде таковыя точно окажутся, обязать ее непрекословно снести, или сдать владѣльцу въ счетъ ея долга на основаніи окошечнаго срока аренды. Рубашкинъ съ сіяющею улыбкою, обогнавши пакетъ палаты, привезъ чиновникамъ изъ губернскаго города это предписаніе въ копію. Явился и подлинникъ. Чиновники, покупая папирасы, внимательнѣе смотрѣли въ глаза Рубашкину. Дѣло даже двинулось было впередъ. Ожидая, что все теперь кончится въ два-три дня, Адріанъ Сергѣичъ загодя рассчитался съ дяконницей, послалъ на отдѣльной подводѣ свои вещи впередъ, въ сосѣднее съ Конскимъ-Сыртомъ вольное село Малый-Малаканецъ, гдѣ велѣлъ подводчику ожидать себя въ какой-нибудь избѣ, а самъ съ временнымъ отдѣленіемъ земскаго суда въ нѣсколькихъ экипажахъ поѣхалъ въ Конскій-Сыртъ. Чиновники ѣхали почтительно, но съ какими-то сдержанными и таинственными улыбками. Исправникъ ѣхалъ въ коляскѣ съ дворянскимъ засѣдателемъ и съ стряпчимъ; становой, съ письмоводителемъ и еще съ какимъ-то господиномъ въ сѣромъ пальто, въ своемъ разгонномъ фургонѣ; а Рубашкинъ отдѣльно, взявши изъ города по пути подвезти къ Лихому ѣздившаго къ благочинному молодого священника изъ Есауловки, знакомаго читателю отца Смаграда. Подѣхавши къ границѣ земли Конскаго-Сырты, чиновники остановились. Тутъ ихъ ожидади собранные повѣсткою станового понятые изъ крестьянъ сосѣднихъ и далекихъ деревень.

Выйдя въ поле, временное отдѣленіе прочло указъ палаты, обошло по указанію законнаго плана границы Сырта, какъ имѣнія ненаселеннаго, указало ихъ владѣльцу и свидѣтелямъ, повѣрило межевыя столбы и пограничныя ямы, на спинѣ одного изъ понятыхъ подписало заранѣе составленный актъ о вводѣ Рубашкина во владѣніе, отобрало руки понятыхъ, при чемъ за нихъ подписался письмоводитель, и актъ этотъ вручило новому владѣльцу.

— Только то? спросилъ онъ: — а сама Перебоченская? Вамъ вѣдь предписано немедленно ее вывести отсюда и обязать ее всѣ строенія сдать мнѣ или непрекословно отсюда снести...

— Какъ же-съ, какъ же-съ! Это будетъ. Но по неявкѣ сюда самой госпожи Перебоченской за болѣзнію, на незаселенную вашу степь ко вводу васъ во владѣніе, въ качествѣ вашей бли-

жайшей сосѣдки, какъ того требовалъ законъ, мы должны сами къ ней поѣхать. Для этого, чтобы на случай освидѣтельствовать ея здоровье, мы взяли съ собой и доктора; вотъ онъ...

Господинъ въ сѣромъ пальто раскланялся Рубашкину изъ фургона станового.

— Поѣзжайте; а я пока останусь въ ближнемъ селѣ! сказалъ Рубашкинъ: — тутъ дожидаются и мои подводы!

Нововведенный во владѣніе помѣщикъ съ священникомъ поѣхалъ къ околицѣ Малаго-Малаканца, а чиновники покатали къ Перебоченской.

Подводы свои Рубашкинъ нашолъ въ Малаканцѣ среди улицы. Подводчикъ ругался на всѣ лады. Никто изъ жителей не хотѣлъ его пустить во дворъ къ себѣ. Всѣ поселяне были здѣсь раскольниками, и заслышавши о чиновникахъ каждый отмалчивался отъ подвозъ генерала.

— Не безпокойтесь, сказалъ генералу священникъ: — здѣсь меня знаютъ. Я дѣло улажу. Но позвольте ли вы быть мнѣ съ вами откровеннымъ, ваше превосходительство?

— Начать съ того, что бросьте эти титулы. Въ чемъ дѣло? Будьте со мною запросто. Я васъ отъ души полюбилъ.

Священникъ поклонился и отвелъ Рубашкина въ сторону. Они стояли среди обширной пустынной улицы.

— Извольте... Вы хотите наконецъ узнать всю тайную сторону дѣла вашего съ Перебоченской?

— Хочу.

— Нанимайте здѣсь скорѣе квартиру, въ этомъ Малаканцѣ. Судь сдѣлалъ все по формѣ, — вы введены во владѣніе. Тутъ хоть изъ окна будете видѣть по близости свое имѣніе. Даромъ въ городѣ не станете проживаться.

— Но чтоже это все значить?

— Жаль... у васъ изъ генеральской пенсіи за этотъ срокъ до новой получки денегъ вѣроятно мало что остается. А Перебоченская держитъ всѣ уѣздныя власти на откупѣ. Да-съ, не удивляйтесь! Вы еще нашей практики хорошо не изучили, какъ видно, а отъ петербургской она очень отличается. Дѣло просто. Исправникъ родной племянникъ Пелагеи Андреевны; онъ начальникъ уѣздной полиціи и предсѣдатель земскаго суда, по выбору-съ дворянъ; такъ-то-съ... Становой отъ нея въ годъ (всѣ это открыто знаютъ) получаетъ пятьсотъ цѣлковыхъ

жалованья, кромѣ харчей и частныхъ подарковъ ; это вдвое противъ казеннаго его жалованья. Засѣдатель отъ дворянства получилъ отъ нея, послѣ перваго вашего приѣзда къ ней, шесть паръ отборныхъ воловъ въ подарокъ ; я самъ видѣлъ какъ ихъ ея главный гуртовщикъ, выкрестокъ изъ киргизовъ, и погналъ къ нему за горы туда вонъ, въ его хуторъ. Извѣстное дѣло — близость къ намъ татарскихъ степей и улусовъ ; смотря на послѣднихъ, и эта барыня вершитъ дѣла какъ иной ногайскій мурза прямо на чистоту. Знаетъ, что сильнѣе всего на свѣтѣ деньги... А засѣдатель замѣшанъ еще въ ея же дѣлѣ и съ вашимъ покойнымъ братцомъ, какъ сюда наѣзжалъ, по его ходатайству, молоденькій чиновничекъ особыхъ порученій и Переботченская дала этому чиновнику пощечину—съ...

— Какъ? Чиновнику особыхъ порученій?

— Да—съ. Чего же вы удивляетесь ! И еще лучше я вамъ скажу : чиновникъ этотъ, такъ безвинно обиженный, съ засѣдателемъ сами умолили барыню скрыть это дѣло, уѣхали и болѣе ее не тревожатъ. Засѣдатель боится вліятельнаго губерна-торскаго чиновника, а тотъ боится, чтобъ сама барыня по губерніи на бумагахъ не ославила этого случая, такъ какъ у нея есть на это и свидѣтели. Извѣстно, молодой человекъ, едва изъ училища сюда навернулся, и боится. Какъ же—съ ! Это дѣло съ нею будетъ и вамъ нелегкое ! Ее по всему краю здѣсь знаютъ. Она очень смѣла, хоть такого жалкаго вида, и здѣсь первая богачка. Гурты ея лучшіе въ губерніи ; саломъ съ Москвой торгуетъ, а быковъ на убой посылаетъ и въ Петербургъ. Что ей стоитъ сыпнуть деньгами, когда деньги къ ней черезъ поблажку чиновниковъ сами такъ легко идутъ... Скоро вся скотская торговля тутъ въ околоткѣ и далѣе будетъ въ ея рукахъ...

Рубашкинъ вздохнулъ и грустно оглянулся вокругъ, какъ бы выискивая предметъ, за который бы можно было ему ухватиться. Деревня, опустѣвшая отъ послѣдняго передвесенняго выхода людей для подготовки и спуска судовъ на Волгу, уже поломавшую тогда ледъ, молчала. Обнаженныя отъ снѣга окрестности еще не были покрыты травой и уныло отсвѣчивались сѣрыми, мертвенными холмами и долинами. — «А въ Петербургѣ теперь гремятъ концерты, невольно мыслилъ Рубашкинъ : — щегольскія толпы прогуливаются по Невскому и сотни хожалыхъ городскихъ охраняютъ спокойствіе каждаго гуляющаго. Вотъ

тамъ бы теперь, среди бѣла дня крикнуть : караулъ ! Сколько бы народу сбѣжалось на защиту ! А тутъ крикни, такъ кромѣ вѣтру никто тебя и не услышитъ.»

— Кто она такая, эта Перебоченская? спросилъ Рубашкинъ.

— «Богъ ее знаетъ. Жила, говорятъ, здѣсь по близости, на десяти или двадцати десятинахъ; тихая была такая. Братъ вашъ тогда потерялъ жену и начиналъ тутъ обзаводиться, домишко строить; скучалъ, да и капиталу у него не было; негдѣ ему было дѣться. Она и подѣхала къ нему, сдѣлала условіе, стала разводить и нагуливать тутъ первые гурты. Домикъ свой въ городѣ отдала въ наймы; людей своихъ, кромѣ тѣхъ, кто отъ нея убѣжалъ прежде, перевела сюда. Сперва брату вашему хорошо и вѣрно платила. Онъ переѣхалъ лечиться въ городъ. Тутъ она сошлась, коли слышали, съ нашимъ Есауловскимъ бывшимъ пастухомъ и скотникомъ, Романомъ Танцуромъ, котораго нашему князю потомъ въ прикащики посоветовала взять. Предложила и князю гурты завести. Онъ согласился. Послалъ Романа за скотомъ въ Черноморье, а оттуда велѣлъ проѣхать на Азовское море къ Ростову. И она съ Танцуромъ туда въ фурговѣ съѣздила. Да съ той поры, какъ уѣхалъ князь, Богъ вѣсть откуда у нея и деньги взялись. Говорятъ, что прежде Перебоченская была богата по мужу, но потомъ все прожила на откупахъ: откупа съ мужемъ гдѣ-то возлѣ Кіева держала. Ее пощипали и чиновники, когда мужъ ея умеръ за границей; а она выпросила позволеніе тѣло его перевести въ свой хуторъ, забила его въ гробъ, да и обвертѣла тѣло мужа кружевами, блондами и матеріями, а на таможиѣ это и открыли. Словомъ, передъ арендой Сырта она жила безъ гроша денегъ, тиранила людей своихъ, многихъ разогнала; хуторъ у нея даже брали въ опеку. А тутъ вдругъ черезъ годъ разбогатѣла, съѣздивши въ Ростовъ. Повела она дѣло хозяйства широко, на тысячи; скоро обстроилась, какъ вы видите. Купцы къ ней ѣздятъ за сазомъ и за кожей. Сама бойню въ оврагѣ тутъ за садомъ воздвигла. Скотъ ея узнали даже петербургскіе мясники. Чиновничество такъ и льнетъ къ ней. Заводскаго быка подарила молодому князю изъ былыхъ татаръ, зѣшнему предводителю уѣздному, на хозяйство. И какъ вамъ сказать, не согрѣшитъ? Одни говорятъ, что ей далъ съ начала и теперь тайно даетъ на обороты деньги

изъ есауловской экономіи нашъ прикащикъ Танцуръ. А другіе... будто онъ съ нею, вѣдвши въ первое-то время вмѣстѣ за гуртами для князя и для нея, гдѣ-то, не то въ Черноморіи, не то на Азовьи или на Дону, купилъ тайкомъ большой запасъ фальшивыхъ асвгнацій, да здѣсь-то мало-помалу, лѣтъ за десять они и спустили ихъ и размѣняли. Во всякомъ же случаѣ, скажу вамъ, ясно одно, что Романъ Танцуръ въ большой дружбѣ съ этою вашею противницей и, какъ полагать надо, дѣлитъ съ ней или прежде дѣлилъ всѣ барыши пополамъ. Только и онъ обожжотся: на такой камень наскочилъ, что не одного его разобьетъ...»

Рубашкинъ медленно и молча ходилъ съ священникомъ взадъ и впередъ по улицѣ. Обопмъ было тяжело продолжать разговоръ. Они подошли къ овражку за околицей и сѣли на обрывѣ.

— Чтоже мнѣ теперь дѣлать? спросилъ Рубашкинъ.

Священникъ вынулъ кисетикъ, набилъ короткую трубочку крѣпчайшимъ турецкимъ табакомъ и закурилъ.

— Позволяете курить? Не обижаютъ это васъ, что священникъ курить?

— О, сдѣлайте милость.

— Когда у меня горе, я этимъ только и лечусь. А горя у меня довольно, бѣдность, жена все хвораетъ... Но вы другое дѣло. Попытайтесь еще обратиться лично или письменно къ губернскому предводителю дворянства, а наконецъ и къ губернатору. Всѣ похвалыбы Перебоченской вздоръ; у нея не можетъ быть никакихъ актовъ. Она хочетъ только, какъ иной дикарь-татаринъ, въ мошенничествѣ время выиграть. Особенно ей нужно для нагула скота это лѣто. На бумагѣ вы будете считаться владельцемъ земли, а на дѣлѣ будетъ она.

— Я самъ заведу скотъ, пуцу въ поле.

— А она сгонитъ его, заграбитъ, велитъ наконецъ стрѣлять по немъ изъ ружей. И это въ нашей глуши бываетъ... вы еще не знаете... татарія за рѣкой, недалеко...

— Нѣтъ, не можетъ быть. Она одумается.

— Увидите! Да вотъ вѣдутъ и господа чиновники. Прощайте. Я пойду пока въ ту вонъ избу, чтобы вы съ ними объяснились безъ меня! Пусть она не знаетъ о моемъ къ вамъ участіи...

Чиновники подѣхали, почтительно окружили генерала и подали ему актъ освидѣтельствования Перебоченской. Оказалось, что она одержима такимъ опаснымъ недугомъ, что не только не могла по слабости и безнадежности здоровья оставить своего дома и съѣхать тотчасъ съ чужой земли, но даже не могла выслушать приказанія объ этомъ, не подвергаясь опасности скоропостижно заболѣть еще болѣе и даже... умереть. Актъ былъ составленъ уѣзднымъ лекаремъ и подписанъ всѣми наличными чиновниками.

— Итакъ, поздравляемъ васъ съ имѣніемъ! двусмысленно сказалъ исправникъ, любезно раскланиваясь съ Рубашкинымъ: — а насчетъ Целагеи Андреевны надо подождать, пока выздоровѣетъ. Что же вы теперь, генералъ, куда?

— Да поселюсь здѣсь; стану хозяйничать пока на этой землѣ, хоть безъ усадьбы?

— Здѣсь? спросилъ исправникъ и оглянулся съ удивленіемъ: — въ Малаканцѣ? на квартирѣ у мужика?

— Именно здѣсь... Отчего же не нанять квартиры тутъ? Земля моя подъ бокомъ, и это будетъ какъ на дачѣ!

— Да вы, ваше превосходительство, находчивы необыкновенно! Отличная выдумка...

— Благодарю за комплиментъ!

— Желаемъ вамъ успѣха! прибавили чиновники.

— Очень благодаренъ.

Временное отдѣленіе уѣхало. За пятьдесятъ шаговъ за околицей Рубашкину нослыщался со стороны уѣхавшихъ довольно явственный хохотъ. Адрианъ Сергѣичъ, сложа вводный листъ и копию медицинскаго акта, съ донесеніемъ становаго о причинѣ новаго невыѣзда Перебоченской изъ Конскаго-Сырта, грустно побрелъ въ избу, гдѣ ожидалъ его священникъ. Новые знакомцы еще поговорили.

— Какъ бы мнѣ, отецъ Смарагдъ, нанять въ самомъ дѣлѣ здѣсь въ Маломъ-Малаканцѣ квартирку? Хоть оно и странно, да что же дѣлать... Впервыхъ вы мнѣ очень понравились и я радъ такому сосѣду, а вовторыхъ начинается весна. Здѣсь у повожья будетъ все-таки лучше жить, чѣмъ въ уѣздномъ городишкѣ, пока все болѣе объяснится. Да оно и дешевле. Я въ городѣ закуплю припасовъ; ящики мои съ вещами, неразобранные до сихъ норъ ни въ полтавскомъ хуторѣ, ни въ городѣ съ

отъѣзда изъ Петербурга, я разберу здѣсь. Кое-какъ устрою, скрашу свою конурку. Будемъ видѣться, гулять вмѣстѣ. У меня есть недурное ружье; вы любите рыбу ловить. А тѣмъ временемъ я напишу еще кое къ кому изъ высшихъ властей...

— Не соскучитесь ли вы въ этой глуши?

— О, нѣтъ. Мнѣ эти мѣстности нравятся. Я подпишусь для васъ на Пчелку или Цивалидъ, станемъ ихъ получать черезъ ближайшую пароходную пристань на Волгѣ, переписку откроемъ съ дальнимъ свѣтомъ. Я встрѣчу съ окрестныхъ горъ разливъ Волги, прилетъ дичи, разцвѣтъ лѣсовъ и травъ. Буду гулять по вашимъ буграмъ; этою угрюмою, дикою и вмѣстѣ чудною природою вашею станемъ вмѣстѣ любоваться... Я житель юга... давно стремился сюда, и вотъ наконецъ я дома, въ степяхъ, гдѣ наши казаки иѣкогда первыми зимовниками, колоніями сажались ..

— Все это такъ, генералъ, но чѣмъ вы жить здѣсь будете?

— А моя генеральская пенсія? спросилъ генералъ.

— Точно; я и забылъ...

Священникъ тутъ же разыскалъ Рубашкину квартиру у одной раскольничихи, бѣдной вдовы на краю села, возлѣ слободскихъ безконечныхъ огородовъ, рядомъ съ вѣтряными мельницами. Съ дворака этой хаты открывался красивый видъ на окрестности. Здѣсь пробылъ священникъ у Рубашкина въ тотъ день до поздняго вечера, съ нимъ отпустилъ подводы и экипажъ обратно въ городъ, втащилъ съ хозяйкой въ комнату и развязалъ ящики съ вещами.

— Сколькó такихъ рядовыхъ генераловъ обрѣтается на Руси! замѣтилъ Рубашкинъ, прощаясь съ священникомъ: — они мирно поселяются по душнымъ городамъ .. жить на хлѣбахъ у государства. Лучше же я пережду, добьюсь своего и употреблю здѣсь сохраненныя еще силы мои на возрожденіе выпавшаго мнѣ уголка на новыхъ основахъ вольноземнаго труда. Тогда весело жить, отецъ Смарагдъ! Не правда ли?

— Дай-то Богъ!

Это было въ концѣ февраля.

Недѣли черезъ двѣ поля зазеленѣли. Каменистыя тропинки по берегамъ Лихого просохли. Отецъ Смарагдъ по прежнему былъ угрюмъ, суровъ, ходилъ немудимомъ; забывшись куда-нибудь подъ берегъ Лихого, напѣвалъ про себя священные гимны,

вздыхалъ, ловилъ больной женѣ рыбу. Какъ-то онъ съ удочкой наловилъ два ведра окуней возлѣ водяной мельницы, отправилъ рыбу домой къ женѣ съ деревенскими мальчишками, сопровождавшими его гурьбой къ мельницѣ, и пошелъ провѣдать Адрияна Сергѣича. Онъ вошелъ въ навятую избу его и остолбѣлъ отъ изумленія.

Свѣтлая, просторная комната въ три окна на поле и въ два по дворъ, была устлана коврами и перегороджена красивою занавѣской. Мебель, уже купленная въ городѣ, наполняла переднюю часть комнаты и заднюю, гдѣ стояла желѣзная кровать генерала. По стѣнамъ висѣли три-четыре небольшія картины, писанныя масляными красками, въ золотыхъ рамахъ, два круглыхъ зеркала и нѣсколько кенкетовъ для свѣчей. Столъ передъ мягкимъ диванчикомъ заваленъ былъ французскими книгами, большею частью романами. Альбомы карикатуръ лежали на красивой стѣнной полочкѣ. Письменный столъ былъ уставленъ фарфоровыми, бронзовыми и деревянными бездѣлушками. Тутъ же стояла чернилица, лежали бумаги и прочіе письменные припасы. За перегородкой въ спальнѣ, на коврѣ надъ кроватью висѣло легкое, англійское двуствольное ружье съ прочими принадлежностями охоты, револьверъ и крѣпкая трость съ потайною шпагой. Въ углу за кроватью стоялъ шкафъ съ платьями, столъ съ посудой и самоваромъ. А у изголовья постели крошечный столикъ со свѣчей.

— Поздравляю съ новосельемъ. Какъ вы мило устроились!

— Да, и почту мою уладилъ получать въ семи верстахъ. На Тайницкой пароходной пристани скоро станутъ получаться на мое имя письма и для васъ петербургская газета. Я написалъ Исакову и не знаю, какую онъ вышлетъ. Это все я въ городѣ устроилъ. Что значить, какъ захогать! Почтмейстеръ отличный человѣкъ. Я у него купилъ и мебель эту.

— А, понимаю! Была значить выгода, такъ и устроилъ пріемъ почты на пристани! Дорогонько же вамъ это все обошлось?

— Не мало. Пока устроился, деньги такъ и таяли.

— Жаль однако, что у васъ здѣсь все вижу французскія книжки. Неужели вы въ Петербургѣ мало читали изъ русской литературы?

— Да чтоже у насъ читать? Только ругаютъ меня, васъ, всѣхъ!

— Э, какже вы судите! У насъ въ глуши и то лучше на литературу смотреть. Вы вотъ реалистъ, какъ я замѣтилъ. А знаете ли какъ много у насъ явилось книгъ по части реальныхъ наукъ?

— Будто? И хороши?

— Какъ не хороши! Запишите-ка, я вамъ скажу о нѣкоторыхъ, а вы выпишите ихъ и хоть мнѣ дайте прочесть. Я знаю ихъ по разборамъ. Есть и художественныя, отличныя книги.

Рубашкинъ записалъ.

— Будемъ, будемъ почитать. Но жаль, что у васъ въ семинаріяхъ пофранцузски не учатъ читать! Я самъ уже самоучкой выучился въ Петербургѣ и именно изъ-за этихъ романовъ, прелесть! Куда только не перенесешься съ ними!

Священникъ покачалъ головой.

— Какже вы кушанье свое тутъ устроили?

— Хозяйка готовить. И недурно, увѣрю...

Посидѣли, поболтали.

— Вотъ уже пять дней, какъ я устроился. И какъ легко на душѣ. Цѣлые дни брожу съ ружьемъ по окрестностямъ. Горы ваши — прелесть; видъ на Волгу съ бугровъ — уму непостижимое очарованіе. Уйдешь по холмамъ, заберешься въ глушь; лѣса расцвѣтаютъ, одѣваются листьями. Дачи гибель. И не опомнишься, какъ день кончился.

— А ваше дѣло?

— Писалъ къ губернскому предводителю и къ губернатору. Только отвѣта еще нѣтъ.

— А вы такъ хорошо устроили вашу почту! Тутъ письма въ губернской городъ идутъ не болѣе двухъ дней.

— Что дѣлать. Подождемъ!

Прошли еще три недѣли. Явились потомъ выписанныя книги. Стали пріятеля разбирать ихъ. Впервые тутъ священникъ увидѣлъ «Записки оружейнаго оренбургскаго охотника» Аксакова, его «Уженье рыбы», «Записки охотника» Тургенева и цѣлую кучу новѣйшихъ столичныхъ изданій по части естествовѣдѣнія: о міроздавіи, о лѣсахъ и степяхъ Америки, о морѣ и его жизни, объ облакахъ, объ инстинктѣ животныхъ и проч. Кое-что взялъ отецъ Смарагдъ почитать къ себѣ домой. Иное изъ этого онъ

туть же прочелъ съ своимъ сосѣдомъ. Генералъ сперва было вздремнулъ при чтеніи и сказалъ : «Нѣтъ, Дюма и Феваль лучше! Вотъ я вамъ переведу!» Но когда священникъ сталъ читать Аксакова и Тургенева, Рубашкинъ пришолъ въ такой восторгъ, что крикнулъ : «нѣтъ, я ошибался! Французамъ до насъ далеко... Такъ и подмываетъ идти на охоту! Я страстный охотникъ въ душѣ...» Схватилъ ружье и ушолъ въ сосѣдній лѣсъ, хоть страшно усталъ и не убилъ ничего.

Пришолъ еще мѣсяць. Священникъ ходилъ въ гости къ Рубашкину. Адрианъ Сергѣичъ ходилъ къ отцу Смарагду въ Есауловку. Дѣла его не измѣнялись. Обитатели Малаго Малаканца сперва, какъ на пугало какое, стали скодиться смотрѣть на новаго своего поселенца. Ребятишки и взрослые слѣдили его изъ за угловъ, когда онъ уходилъ на прогулки. Но потомъ они всѣ привыкли. Выѣзжалъ было въ жизнь генерала сосѣдній окружной начальникъ надъ этимъ селомъ. Но отецъ Смарагда при случаѣ сказалъ ему, что генералъ чуть ли не присланъ сюда инкогнито, по поводу раскола, и Рубашкина оставили окончателно всѣ въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что съ расколомъ окружной начальникъ рѣшительно не зналъ что дѣлать. — Въ концѣ этого второго мѣсяца, вмѣстѣ съ номерами Инвалида, Рубашкинъ получилъ разомъ наконецъ два пакета изъ губернскаго города. Тогда уже онъ приобрѣлъ себѣ крѣпкаго буланаго конька и самъ верхомъ за почтой ѣздилъ къ одинокой вристанѣ, гдѣ пароходъ какого-то общества грузился по пути обыкновенно разъ въ недѣлю дровами. Въ обоихъ пакетахъ былъ одинъ отвѣтъ : сдѣлано распоряженіе о подтвержденіи и ввуховѣніи кому слѣдуетъ, чтобы наконецъ просьбы его, по дѣлу о выводѣ Перебоченской изъ принадлежавшей ему земли, были немедленно уважены. И только.

Но просьбы эти не уважались оялъ ни на волосъ. Приѣхалъ поэтому впрочемъ въ усадьбу Перебоченской какой-то чиновникъ, какъ послѣ узналъ Рубашкинъ, взялъ отъ нея новую какую-то ввку и оялъ уѣхалъ. Присылалъ за ней еще коляску князекъ, уѣздивый предводитель дворянства. Перебоченская выѣхала въ ней дая на три въ городъ, гдѣ былъ у ней домикъ, а въ это время, по условію съ предводителемъ, налетѣлъ становой, составилъ новѣстку губернатору, что госпожа Перебоченская, по распоряженію мѣстнаго начальства, выбыла наконецъ такого-то числа изъ усадьбы Конскаго-Сырта, и эту новѣстку послалъ въ го-

роль. Целая же Андреевна снова явилась въ своемъ домѣ. Гурты ея постарому гуляли по лугамъ и холмамъ Комскаго-Сырта. Поляки, прикащикъ ея, въ свое время съ весны, съ батраками засеялъ безъ малаго двѣсти десятинъ пшеницы. Пришла пора косить луга. Перебоченская договорила артель прохожихъ на Черноморье косарей и стала, вислокольно не стѣсняясь, снимать сѣно съ луговъ. Все это дѣлалось явно, съ полнымъ спокойствіемъ и передъ самымъ носомъ оторопѣлаго Рубашкина, который не только не успѣлъ съ своей стороны сдѣлать распоряженіе о косовицѣ, но даже сталъ изъ квартиры изъ Малаканца ходить на охоту и ѣздить за почтой, тщательно минуя собственную свою землю, гдѣ по слухамъ мастухи Перебоченской получили разъ навсегда такого рода инструкцію: «Что же изъ того, что его ввели во владѣніе? Владѣю землею я, и чуть онъ или кто по его порученію явится на землю, говите всѣхъ взащей; ни косить, ни пахать земли, ни пасты скота я ему тутъ не позволю, пока жива и пока есть за меня добрые люди!»

Тогда уже старикъ Танцуръ былъ обрадованъ возвращеніемъ изъ бѣговъ сына и обдумывалъ, какъ бы залучить и Илью въ его общія дѣла съ Перебоченскою.

Терпѣніе Рубашкина наконецъ лопнуло. А главнее — небольшой денежный запасецъ его совершенно истощился въ переѣздахъ изъ столицы въ полтавскій хуторъ и потомъ на поволжье, въ первыхъ и въ дальнѣйшихъ хлопотахъ въ дѣлѣ съ Перебоченскою и въ обзаведеніи квартирой въ Малаканцѣ. Не имѣя генералъ въ виду получить скорѣ окончателно законнаго наслѣдства, онъ спокойно поселялся бы еще съ осени гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ и прожилъ бы безбѣдно своею пенсіей. А тутъ вдругъ карманъ опустѣлъ, въ долгъ никто ничего не давалъ, да и занять было рѣшительно не у кого.

Съ такими-то сѣтованіями однажды, какъ мы уже знаемъ, обратился Рубашкинъ къ отцу Смарагду, найдя его у мельницы за улочкой.

— «Спасайте, отецъ Смарагдъ! Я забился сюда, надѣялся, что скоро вся эта чепуха кончится. А оказывается, батюшка, что съ однимъ ружьемъ да съ петербургскими крѣпкими ногами, любуясь тутъ природою, мало добудешь себѣ средствъ къ жизни. Начать хоть съ пищи: даже дичи оказывается что-то не такъ много у васъ, какъ я ожидалъ. Спасайте! Посоветуйте что мнѣ

дѣлать! Не возвратиться же мнѣ снова на службу изъ-за того, что обѣдъ тутъ не изысканный, что капусточкой да яйцами все приходится пробавляться пока. Я ничуть и ни въ чемъ не раскаиваюсь и доволенъ, что бросаю службу и хоть поздно, да все-таки приѣхалъ въ этотъ край, гдѣ пахнетъ такою глушью и дичью, а съ ними и свободой.»

Священникъ задумался. Долго шолъ онъ взгорѣмъ по берегу Лихого. Рубашкинъ въ щегольскомъ свѣтломъ сюртучкѣ, широкой шляпѣ и въ розовомъ галстучкѣ, молча шолъ возлѣ.

— Извольте, генералъ, послѣднее средство будетъ... Поѣдемъ со мной въ губернской нашъ городъ. Тамъ есть у меня пріятель-родичъ, изъ семинаристовъ, учитель при гимназіи. Онъ знаетъ всю подноготную города. Если онъ ни въ чемъ не поможетъ, такъ ужъ я и не знаю что вамъ тогда дѣлать! А самъ я, понимаете, ничего тоже не смыслю въ этой путаницѣ...

— По рукамъ?

— По рукамъ...

— На чемъ же мы поѣдемъ?

— Вашъ буланый, да мой рыжий и довольно; запряжкомъ ихъ въ мой церковный фургончикъ и поѣдемъ. Жаль, что открытый. Ну, да ничего. Авось чего-нибудь добьемся... Жаль только, что жена моя все хвораетъ.

Рѣшено было ѣхать черезъ пять дней. Подступалъ праздникъ Троицы. Священникъ отпросился по письму у сосѣдняго благочиннаго въ недѣльный отпускъ и сталъ ладить фургоны.

Въ это время прислалъ ему черезъ поселянскаго мальчика, Рубашкинъ записочку такого содержанія: «Въ моей жизненной баркѣ открывается наконецъ еще сильнѣйшая течь; съ каждымъ днемъ я отважный пловецъ болѣе и болѣе погружаюсь въ хладныя волны всякихъ неудобствъ. Сегодня хозяйка объявила, что вышелъ весь овесъ для моего буланаго, а собственно для меня вышли весь чай и сахаръ. Я пилъ уже нынче одно молочко-съ... Вивать областная практика. Потерпимъ. Ночью мнѣ снились петербургскіе рябчики, трюфели и шатодикемъ. Утромъ рано убилъ я на буграхъ за Малаканцемъ въ верелѣскѣ пару куропа-токъ. Что дѣлать! Въ этой первобытной пустынѣ еще можно не соблюдать весеннихъ законовъ объ охотѣ. Я сытъ. Но конь мой голодаетъ. Помните сказку о трехъ путяхъ? Пойдешь налѣво, самъ будешь сытъ, конь пропадетъ съ голоду. Эти мѣста — дѣвыи

значить путь. Итакъ пришлите три цѣлковыхъ займы. Возвращу, какъ получу снова часть пенсїи. А между тѣмъ вотъ вамъ новая продѣлка Перебоченской. Племянникъ моей хозяйки, тощій мужичекъ, попросилъ у меня позволенія выгнать на одну изъ двухъ тысячъ десятинъ моей земли, покушать травки двѣ пары своихъ быковъ. Я, новый сыртинскій помѣщикъ, позволилъ. А Перебоченская, извѣщенная черезъ лазутчиковъ, выслала поляка придащика въ поле, отбила у поселянина воловъ на моей землѣ и загнала къ себѣ въ стадо. По поселянину ея пастихи даже грозились стрѣлять, прогоняя съ поля его прочь. Я написалъ къ ней вчера ѣдкое письмо; а она на словахъ отвѣтила: «скажи своему генералу, чтобъ не трогалъ опять—таки меня, а то я наѣду на него, загоню самого его къ себѣ въ сарай на хуторъ и еще высѣку, чтобъ не обижалъ женщинъ; пусть не очень тутъ храбрится.» Пампасы, пампасы дѣвственныхъ пустынь Америки! Кстати же я ихъ по совѣту вашему читаю. — Vale! Вашъ маломалаканскій Робинзонъ—Крузе, Адриянъ Рубашкинъ.»

— «Чудакъ!» сказалъ вздохнувши священникъ и обратился къ хорошенькой, но болѣзненной и постоянно—грустной женѣ своей: «Паша, есть у насъ деньги? Дай три цѣлковыхъ; я генералу на время пошлю.»

— «Какія у насъ деньги, Смѳрочка! Вонъ, ты благочинному за треть благодарность послалъ, а за что благодарить—то! И я въ порванныхъ сорочкахъ хожу, да и у тебя на зиму шубенка вонъ какая опять будетъ. У насъ двое дѣтей. Церковнаго вина надо купить въ городѣ, свѣчей — мало ли чего...»

— Э! Ему надо помочь! Человѣкъ бѣдовой доброты! Давай что есть, авось насъ послѣнезабудеть! Мы не Перебоченская; фальшивыми асигнаціями не торгуемъ; самъ знаетъ нашъ приходъ!

Вынула Пашенька послѣднія изъ комода деньги и отдала ихъ мальчику. «Въ городъ—то съ чѣмъ вы, безпутные, поѣдете? А еще по такому дѣлу ѣхать собираетесь! Страмъ, безпутные! А еще ты, Смѳрочка, священникъ, да и онъ генералъ! Точно гимназисты живутъ!»

IV

КАКЪ ВЪГЛОСЬ И ГДѢ ВЪГЛОСЬ

Въ то время, какъ въ Маломъ Малаканцѣ устраивался одинъ новый Робинзонъ Крузе — генералъ Рубашкинъ, въ есауловскомъ господскомъ саду мостилъ себѣ норку другой Робинзонъ-Крузе, Илья Танцуръ.

Прикащикъ Романъ понялъ, что сразу сына не свернешь на иную дорогу, не поставишь его такъ; какъ хотѣлъ онъ, Романъ и пошолъ на хитрости: далъ ему извѣстную долю воли, чтобы высмотрѣть все, приучить его и потомъ сломить сына разомъ. Птица долго не была въ клѣткѣ, успѣла черезчуръ порасправить себѣ крылья; даже навѣрное и перья—то у нея въ это время особья, полетныя выросли. Слишкомъ уже отъ нея волей и воздухомъ чухло. Увидѣлъ Романъ, что сынъ болѣе не думаетъ отъ него дать тягу, самъ свозилъ его въ уѣздъ, явилъ его суду, при немъ сняли съ него допросъ по формѣ, гдѣ онъ былъ въ эти двѣнадцать лѣтъ? и получили въ отвѣтъ по обычаю: «гдѣ былъ я и самъ того не знаю! а дѣлайте со мною что хотите!» Илью отпустили и велѣли отцу подать о немъ ревизскую сказку въ казенную палату, какъ о воротившемся добровольно изъ бродягъ, что Романъ и сдѣлалъ акуратно. Пустивши Илью поработать наравнѣ съ міромъ, Романъ сказалъ: «Вижу, Илько, что тебѣ со мною жить какъ будто неладно. Да и впрямъ! Ко мнѣ люди разные по должностямъ ходятъ, при тебѣ совѣстятся о мужикахъ правду говорить. Ты же къ обществу идешь... Такъ вотъ что... Любишь ты, я вижу, садовое дѣло, и матушка бопадья, Прасковья Агѣевна говоритъ, что ты отцу Смарагду хорошо виноградъ подрѣзалъ и въ ростъ пустилъ. Переходи же, когда хочешь, въ садъ жить, въ пустку бывшего тутъ садовника, что во-алѣ вербъ. Хочешь, къ намъ ѣсть ходи; а не хочешь, бери отсыпное мѣсячное продовольствіе отъ ключника заурядъ съ другими батраками. Мать тебѣ дастъ горшковъ и прочаго. Тамъ себѣ и копайся; садъ смотри и веди его какъ слѣдуетъ. И французу, въ городѣ, нашему главному управляющему, Морицу Феликсу, говорилъ о тебѣ и онъ согласился. Пилѣ и ножницы для подрѣзки сада тебѣ нужны будутъ, я знаю, равно смолка и прочее

тамъ для мази. Въ воскресенье съѣдешь въ городъ, купишь все, да кстати и у француза побываешь. Явись къ нему. Ручку у него поцѣлуй. Онъ у насъ главный тутъ...»

Илья съѣздивъ въ городъ, видѣлъ француза, получилъ отъ него инструкціи о садѣ и уѣхалъ. Французикъ, мосье Пардоннэ, былъ, какъ все французы, попадающіе нынѣ въ наши провинціи въ качествѣ техниковъ и искусниковъ всякаго рода, какъ нѣкогда попадали туда же ихъ предки въ качествѣ ученыхъ воспитателей юношества. Онъ имѣлъ красный воспаленный носикъ, былъ маленькаго роста, непомѣрнаго самолюбія, имѣлъ всегда страшный позывъ къ ѣдѣ и дурной желудокъ, носилъ рыженькій паричокъ, жилъ на ногѣ холостяка, и его комната, гдѣ онъ спалъ, встрѣчала всякаго вхожаго тѣмъ острымъ и особенно противнымъ запахомъ, какой имѣютъ таковыя комнаты на Руси обыкновенно у всѣхъ французовъ техниковъ, точно также какъ его имѣли въ старину подобныя же комнаты французовъ-гувернеровъ. Въ нихъ обыкновенно платье нашихъ заморскихъ гостей разбросано въ беспорядкѣ по протертымъ стульямъ и окнамъ, башка съ ваксой покоится на книжкѣ «Пюсель-д'Орлеанъ» Вольтера; подъ кроватью по цѣлымъ годамъ валяется всякій непостижимый соръ, старые сапоги, богъ-вѣсть для чего припасенный столярный и слесарный инструменты, объѣдки колбасы, фланелевыя подштанники, хлѣбныя корки, шпринцовка; а въ паутинѣ в пыли виситъ на стѣнѣ портретъ какой-нибудь красавицы, привезенный изъ-за моря. Морицъ Феликсычъ Пардоннэ впрочемъ встрѣтилъ Илью не въ этой комнатѣ, а въ обширной пріемной, уставленной шкапами съ дѣловыми книгами. Онъ вышелъ въ синей рабочей блузѣ, почему-то надѣвавшейся постоянно поверхъ сюртука, когда французъ выходилъ въ эту комнату встрѣчать кого-нибудь по дѣламъ ввѣреннаго ему княжескаго сахарнаго завода, подъ городомъ. Задравши красный носикъ, надѣленный постояннымъ насморкомъ, онъ сказалъ Ильѣ строго, хоть и съ улыбкой, какъ сыну прикащика: «Трудись, мой милъ, а въ саду разведи мнѣ винь... фрюи... и редисъ.» Онъ очень не понравился Ильѣ, и тотъ все удивлялся, какъ такого мозгляка могли сдѣлать главнымъ начальникомъ надъ всею Есауловкою. Его отецъ былъ покрайней-мѣрѣ великъ ростомъ и изъ себя молодецъ, а этотъ французикъ такъ какая-то противная лягушонка.

Илья устроился въ вѣтхой садовой пусткѣ, то-есть въ влетеной глиняной избушкѣ, въ концѣ дикой половины сада, разбитой паркомъ. Избушка была у оврага ее спрятали съ трехъ сторонъ старыя вербы, а съ четвертой она выходила къ луговой, болотистой подъ косогоромъ равнинѣ, носившей имя Окнины. Нечего и говорить, съ какою радостью взялся Илья за устройство новаго жилища. Отсюда видѣнъ былъ тотъ заброшенный склонъ косогора, надъ ключами и муравой Окнины, гдѣ еще оставались слѣды былой усадьбы старика Романа Танпура, дуплистый берестъ, нѣсколько обломанныхъ вѣтромъ и скотомъ вербъ, куча мусору и двѣ-три ямы съ стеблями какого-то тощаго кустарника. Илья не переставалъ помышлять о возможности самому получить земли, если удастся, даже старое мѣсто на Окнинѣ, ходилъ туда часто черезъ саловую канаву, тыкался грустно вокругъ ямъ, вербъ и береста, и съ жадностью принимался за устройство садовой лачужки.

Онъ очистилъ вокругъ этой лачужки сорныя травы, обмазалъ ея стѣны заново глиной, побѣлилъ ихъ, покрылъ избушку мхомъ и осокой, которой накопилъ тутъ же за садомъ. Выпросилъ у матери сундучекъ, спряталъ туда кое-какіе свои пожитки. Натаскалъ въ избушку старой посуды; поставилъ кадку для воды, а ведро самъ сдѣлалъ. Выпросилъ себѣ на время у священника, за подрѣзку винограда, топоръ, долото, стамеску, молотокъ и буравчикъ, обзавшись за нихъ еще прищепить ему нѣсколько дичковъ яблокъ и сливъ въ церковномъ садикѣ. Примостилъ въ хаткѣ, между печкой и угломъ, нѣсколько досокъ себѣ для постели. Выбѣлилъ внутренность лачужки и сѣни. Окнина была къ саду со стороны полдня, и потому Илья сейчасъ же на лужайкѣ, между хатой и садовой канавой, устроилъ огородъ и посѣялъ маленькій баштанъ арбузовъ, дынь, огурцовъ, пшенички, кукурузы. Жена священника снабдила его рассадой капусты, которую онъ хоть поздно, а все-таки посѣялъ и сталъ съ усердіемъ поливать. Досталъ онъ у отца въ кладовой цвѣточныхъ сѣмянъ для саду, и у себя за вербами разбилъ и засѣялъ цвѣтничекъ. Подъ заваленкой избушки откуда-то взялась вскорѣ мышастая и невзрачная, повидимому забитая собаченка, которая однакоже быстро оправилась и стала по ночамъ такъ швырять подъ деревьями вокругъ лачужки и такъ забористо лаять, что изумился самъ Илья. Она къ нему сильно привязалась и вездѣ

сопровождала его въ работахъ по саду. Илья сталъ получать мѣсячину отъ ключника; натаскалъ подъ крышу пристройки къ избушкѣ разнаго лому, стружекъ и гнилыхъ сучьевъ, и сталъ самъ себѣ стряпать. Съ той поры онъ вовсе пересталъ ходить къ отцу въ контору. Старая Ивановна было взгрустнула по сынѣ, но мужъ сказалъ ей: «Не твое дѣло! брось его — одумается!» И она стала попрежнему возиться съ собственными дѣлами въ конторской, стряпая, обшивая мужа и опиваясь по десяти разъ въ день чаемъ изъ чашекъ, расписанныхъ купидонами. «Что однако этотъ сорви-голова дѣлаетъ тамъ?» самъ себя однажды спросилъ прикащикъ, подвечеръ увидѣвши, какъ изъ гуцины вербъ въ концѣ сада поднимался дымокъ, и пошелъ туда окольными дорожками. Большая часть тропинокъ въ саду оказалась расчищенною, деревья подрѣзанными и вѣтки съ нихъ правильными кучами свалены за клумбами. Виноградъ, у обрыва за прудомъ, былъ развѣшенъ на бѣлыхъ новыхъ кольяхъ и жордочкахъ и густо зеленѣлъ, пуская длинныя широкия листья и цѣпкіе усы. Чернобровый Романъ заглянулъ подъ пристройку избушки: на бондарскомъ прилавкѣ лежало въ кучѣ стружекъ кривое долбило и начатое липовое корытцо. Онъ вошелъ тихо въ сѣни. Дверь была раскрыта, а у ярко-растопленной печи, съ засученными рукавами, возился Илья. Собаченка залаяла и бросилась изъ хаты на Романа. Къ порогу кинулся и Илья.

— Что тутъ стряпаешь, башка? а?

— Ужинъ варю.

Романъ съ улыбкой покачалъ головою.

— Ну-ну, вари... Квасу гдѣ досталъ?

— Самъ завелъ...

— Садъ однако у тебя ничего, хорошо...

Романъ ушелъ, помышляя: «Малый на всѣ кажется руки. Прокъ будетъ! Пора бы ужъ ему и одуматься. Поговорю съ Целагеей Андреевной. Очень бы теперь его намъ нужно было. Людей вѣрныхъ у насъ нѣтъ... Да и съ барыней надо счетъ вести!»

Зажилъ себѣ уютно и отраднo Илья въ лачужкѣ. Рѣдко когда онъ в садъ покидалъ. Все копается въ немъ. Развѣ сходить на рѣку, выкупается, бѣлье вымоетъ самъ, рыбы удочкой наловить для попадши. «Да я тебѣ хоть рубахи стану мыть!» говорила ему мать, старая расплѣвшая въ прикащикахъ Ивановна. Илья

молча уходилъ отъ матери. «Чайку выпей; я тебѣ, Илько, чайничекъ дамъ, сахару и чаю; самъ заваривай у себя.» — «Вотъ, когда бы мнѣ ружье да пороху — поохотился бы; и сорбѣкъ въ саду гибель; вишень пропасть цвѣло — все объѣдать.» — «Проси самъ у отца: то ужь не мое дѣло!» Илья не просилъ. Онъ отца дичился и боялся, самъ не понимая отчего. Никто не заходилъ въ садъ къ Ильѣ. Иногда только по вечерамъ и до поздней ночи звенѣла у него подъ вербами флейта. Это посѣщалъ его, въ свободные часы отъ занятій въ оркестрѣ венгерца, другъ его Кирило Безуглый, проходя въ садъ не селомъ, а отъ мельницы изъ бывшаго винокуреннаго завода, гдѣ помещался оркестръ, напрямикъ, буграми и Окивиной. Кирило садился съ пріятелемъ передъ мѣсяцемъ, подъ избушкой, курилъ папирску или нагрывалъ на флейтѣ и иногда до бѣлой зари съ нимъ говорилъ безъ умолку.

Однажды пришолъ къ Ильѣ Кирило Безуглый передъ вечеромъ и принесъ ему въ платкѣ небольшую картину, писанную масляными красками.

— «Саввушка писалъ! Маляръ-то нашъ, какъ видишь, художникъ. Въ послѣднемъ, братъ, хрипѣни чаютки обрѣтается! Взгляни. Это онъ казака изобразилъ на конѣ. Мчится по степи, аки вѣтеръ. А то курганы, бугры; а вонъ ковыль разстилается. Вольный казакъ, какъ наши дѣды, братъ, были...»

— Неужто умираетъ уже Саввушка?

— Хрипять уже; бабки шепчутся надъ нимъ. Кларнетъ заѣлъ его... Врядъ до утра проживетъ...

Илья сталъ разсматривать картину. Въ душѣ его морозомъ обдало.

— Гдѣ же краски онъ бралъ?

— Тайкомъ за иконы доставалъ изъ города. Это онъ тебѣ въ подарокъ прислалъ...

— Спасибо...

Илья смигнулъ слезу.

— Просилъ только, чтобъ ты ему у отца чайку выпросилъ. Въ груди его все жжотъ. Про Питеръ толкуетъ, про живописцевъ, про кадемію, да про того Брилова чтоли про этого — поманишь?

Илья ввесь картину въ пустку, упалъ лицомъ въ постель и судорожно зарыдалъ. Кирило остался на дворѣ, глядя собачку,

знавшую его. Илья повѣсилъ картину въ углу, подъ потерѣлымъ образкомъ, надѣлъ картузъ и побѣжалъ къ двору.

— Куда ты?

— Сейчасъ...

Онъ скоро воротился.

— Выпросилъ у матери чаю и сахару будто себѣ. Отослалъ съ Власикомъ Кирилъ.

— Власка вѣдь не скажетъ?

— И! Тамъ такой!.. отецъ-то кажется имъ очень помыкаетъ. А ты посиди. Блиновъ спечемъ. У меня, Кирило, и масло есть. Попадѣй корытцо сдѣлалъ, она мнѣ и прислала; всего присылаеть... Авось Саввушкѣ лучше будетъ къ утру; не станемъ его сегодня тревожить...

Пріятели настряпали блиновъ. Поѣли. Солнце зашло. Раскричались миллионы лягушекъ окрестъ Окнины. Запахло березами, липами. Свѣтлая ночь встала надъ землею. Мѣсяцъ тихо выкатился изъ-за бугровъ и освѣтилъ вербы, Окнину и уголь ильиной хатки. Зазвучала флейта на ея порогѣ и долго уныло отлавались въ глуши сада ея круглые, мягкіе переливы. Вдругъ какая-то легкая пушистая птица, взмывъ широкимъ сѣрымъ крыломъ надъ вербами, крикнула у самаго порога хатки и улетѣла. Илья, опустивши голову въ колѣни, сидѣлъ на порогѣ, рядомъ съ Кирилой, и вдругъ горько заплакалъ.

— О чемъ ты плачешь, братъ? спросилъ Кирило Безуглый.

— Тоска, не повѣришь, какая тоска. Это либо Саввушка померъ и душа его надъ нами отозвалась, на тотъ свѣтъ полетѣла, либо...

Илья не договорилъ.

— Либо что?

— Ужь не Настя ли моя въ Ростовѣ померла?

— Э, полно. Съ чего ты это взялъ?

— Ты такъ жалобно играешь, Кирюша! Такая тоска, горе; бѣдные мы, полневольные...

— Ладно я замолчу. Лучше потолкуемъ. Эта флейта у меня расходя; въ карты въ городѣ выигралъ у одного тамъ музыканта. А нашей флейты венгерець не даетъ...

Кирило спряталъ флейту за сапогъ.

— Эхъ, Илюша! дѣвки-дѣвки! Губятъ насъ онѣ! Моя Фрося такъ козырь-молодка. Води, говорить, меня барыней; одѣ-

вай меня, а нето разлюблю — пойду ночью къ поляку прикащику; все-равно, говорить, просить. А я ее за косы: атанде-съ! Ничего, усмирилъ; еще пуще полюбила. И вправду, говорить: ты голышъ и я въ платьѣ безъ рубахъ хожу; будетъ воля — повѣнчаемся...

Илья молчалъ.

— Мечтатель! Чтоже ты не проговоришь слова? спросилъ Кирило.

— Негдѣ взять мнѣ, Кирюша, словъ такихъ, какъ у тебя! Настя учила меня въ Ростовѣ стихамъ, да я забылъ. Одни были: «Ахъ, за окномъ въ тѣни мелькаетъ русая головка!» а другіе: «Гляжу я безмолвно на черную шаль!» Забылъ и то и другое.

— Ну, такъ помечтаемъ! Давай о будущемъ говорить. Я въ одной книжкѣ съ Саввушкой читалъ, какъ люди въ любви живутъ и какъ ихъ злая судьба гонить! Ты этой книги не читалъ?

— Нѣтъ. Я вотъ Ледяной домъ тоже въ Ростовѣ у каретника на фабрикѣ съ ребятами читалъ, какъ одного хохла нашего водой обливали въ морозъ и уморили. Плохія бывали дѣла...

— Давай о будущемъ толковать! продолжалъ Кирило: — Ты, Илья, вичего про волю не слышалъ? Скажи, какъ это ты такъ вдругъ сюда самъ пришолъ со свободы-то? Положимъ и мы, всѣмъ оркестромъ было разбѣжались; такъ мы не далеко забивались: тутъ же по Волгѣ на баркахъ промаячились, пока иныхъ не скрутила полиція, а другіе и сами воротились по волѣ, какъ и ты. Да что! Мы теперь дома опять, да и въ бѣгахъ были почти дома. Иные тайкомъ сюда изъ бѣговъ по ночамъ къ роднымъ даже за бѣльемъ ходили. Вся слобода знала, что мы тутъ же верстахъ въ сорока маялись, а не выдавала насъ. Но ты другое дѣло... Двѣнадцать лѣтъ проходилъ въ бродягахъ и ушолъ еще мальчикомъ. Такъ скажи же ты мнѣ, какъ ты такъ вдругъ воротился съ приволья?

— Вышелъ сказъ такой у насъ. Всѣ и узнали...

— Кто же это тамъ вамъ сказъ такой сказалъ?

— Не знаю... Разомъ всѣмъ стало вдругъ это извѣстно: — иди по домамъ изъ бѣговъ къ господамъ своимъ, да и только, что вскорости волю всѣмъ прочитаютъ и все воротятъ; всѣ и пошли... Ну, однимъ словомъ, понимаешь ли: сказано между

народомъ , по мѣстамъ быть всѣмъ , гдѣ кто значитъ нарожденъ...

— А ! Такъ ты и пришолъ ?

— И пришолъ...

— И ждешь тутъ ?

— Жду.

— Ну ; ты извѣстно земли хочешь ; тебѣ тутъ и мѣсто.

— А тебѣ , Кирило ?

— Мнѣ ?

— Да.

— Какъ это только прочтутъ волю , братъ , возьму сейчасъ Фроську , обручусь съ нею , попъ перевѣнчаетъ , — мы и маху...

— Куда же ! Зачѣмъ же тебѣ бѣжать ? Вѣдь ты вольный будешь и безъ того ? Куда же бѣжать тебѣ тогда ?

— Куда глаза глядятъ , лишь бы отъ венгерца да отъ твоего батъки подалѣе , а ей отъ своей барыни.

— Нѣтъ ; мы съ Настей тутъ себѣ хату на Окнинѣ поставимъ , жить тутъ станемъ . Такъ мнѣ ея отецъ , Талавѣрка , заказалъ...

Кирило закурилъ папироску .

— Скажи мнѣ , Илья , какъ ты это , спрашиваю я тебя , бѣгалъ ? Сколько времени я уже дружбу съ тобою веду , а этого не знаю . Ты какъ отсюда тягу далъ ?

Илья обошелъ съ собакой вербы и пустку , положилъ собаку возлѣ себя и сѣлъ опять на порогѣ .

— « Ты хочешь знать , какъ я бѣгалъ и гдѣ бѣгалъ ? Изволь , слушай ! началъ Илья . — Бѣжалъ я отъ истязаній нѣмца ; тутъ управитель , какъ ты знаешь , такой былъ . Ты тоже знаешь , что нашего барина князя все дома нѣтъ : все онъ по чужимъ землямъ живетъ... Нѣмецъ не только бывало пинками долбитъ за всякую малость , а еще возьметъ , да и станетъ соли тебѣ подбавлять въ пищу , да пропасть ; противно ѣсть , а ѣшь съ голоду ; онъ воду и запретъ въ чуланѣ , а тебя изъ комнаты не выпускаетъ . Разъ ночью я хотѣлъ съ жаровней угольевъ ему подъ кровать поставить , чтобъ онъ угорѣлъ на вѣки ; но подумалъ — не одолѣю , какъ проснется , и бросилъ . Послѣ въ колодезь самъ на дворѣ хотѣлъ кинуться , а тамъ опять мѣстился въ саду этомъ на поясокѣ повѣситься . Все бывало тайкомъ плачу . Одолѣлъ онъ меня и грамотой : дядька заставлялъ учить меня . Отецъ и мать моя тогда

въ сильномъ убожествѣ жили; жаловаяся я имъ. Мать поплачетъ, а отецъ говоритъ: «терпи, человѣкомъ можешь станешь и намъ будетъ польза отъ тебя.» Я разъ сказала отцу: «либо утоплюсь, либо убѣгу.» — «А хоть и бѣги! отвѣтилъ онъ: — все-таки грѣха будетъ меньше, да и нѣмецъ чорта слопаецъ съ досады; будетъ бояться, что пожалуемся гдѣ-нибудь.» А становому тогда бывало хоть и носа не нажи. Прийдешь: «ты, спроситъ, зачѣмъ? господскій?» — «Господскій, такого-то.» — «Клади его.» И дасть сто горячихъ тебѣ же. У насъ открывалась тогда, какъ и ты вѣрно помнишь, ярманка у старой церкви. Наѣхали разъ армяне; въ другой они же наѣхали съ красивыми товарами и съ прочимъ. Съ дѣвками болтають, гниль всякую сбываютъ, и увидѣли меня въ курточѣ: я отъ дьячка съ тетрадкой шоль. «Мальчишка-писарчукъ, чей ты?» — «Пастуха такого-то.» — «Что глаза заплаканы?» Я пояснилъ имъ. Они перешепнулись. Старшій изъ нихъ и говоритъ: «Хочешь нѣмца бросить? Хочешь убѣжать все? Мы поможемъ, завеземъ тебя безъ вестн.» Я обомлѣлъ. И бѣжать-то хотѣлось, да и страхъ бралъ. «Ты не бойся. Отецъ тебя не спасетъ. А мы тебя орѣхами будемъ кормить, шепталой, изюмомъ. У насъ будешь въ красивыхъ рубашкахъ ходить.» И дали мнѣ пригоршню изюму. «Приходи ночью вонъ въ тотъ лѣсокъ на буграхъ; мы до свѣта выждемъ и тебя возьмемъ.» Побѣжалъ я въ садъ, къ нѣмцу не попомогъ, наѣлся лакомства... Меня и забрало! Пробылъ я до вечера, какъ ни въ чемъ не бывалъ. Къ матери сбѣгалъ, все ластился къ ней. Нѣмецъ по утру кофей пилъ. Я взялъ да и налилъ чернилъ въ банку съ тертымъ его кофеемъ, сапоги его изрѣзалъ, сюртукъ ему масломъ постылымъ облилъ. Известно, дуракъ былъ. Да какъ всѣ заснули въ конторѣ я и далъ тягу сперва въ садъ, тамъ просидѣлъ, а потомъ въ лѣсъ — всю ночь лежалъ въ яру. Думаю: что, какъ они насмѣялись, да не приѣдутъ? что какъ утромъ нѣмецъ опять потянетъ на расправу? Слышу, скрипятъ телѣги. Взяли они меня, отвѣхали до свѣта верстъ пятнадцать рысью, потомъ съ дороги свернули степью, цѣлнвой. Только нѣмецъ не догадался. Сильно, говорятъ, перетрусилъ и все съ шестомъ колодцы обыскивалъ да пруды въ саду: думалъ, что я утонулъ. Такъ и спѣлъ мой простылъ. Мать поплакала. Про отца не знаю помынѣ, какъ онъ все это перенесъ. Только ужъ сталъ меня отецъ разыскивать, какъ его самого, говорятъ, на-

ставили въ прикащики. Это ты знаешь. Ну, и повезли меня армяне, и повезли, братец ты мой. Сперва переодѣли и возили все по низовымъ тутъ городамъ, тамъ по Дону, а послѣ уже привозили въ Кочеванъ; это такъ они городъ Нахичеванъ зовутъ. Тамъ приставили мемя къ скоту, и за лошадами я смотрѣлъ. Прошолъ годъ. Вижу кормить стали плоше; въ традѣ, какое изъ дому я взялъ, хожу, а новой они не дѣлаютъ одежы. Только и весело было какъ съ табуномъ пошлютъ въ степь; носишься съ ихними ребятишками, обгоняешь верхомъ армяшекъ. Слышу, есть и другіе бѣглые тамъ изъ верховыхъ губерній. Всѣ получаютъ жалованье, а миѣ нѣтъ. Я занкнудся, а хозяинъ меня въ рыло, да по шеѣ. «Будь, говорить, доволенъ, что увезли. Какъ вырастешь, будетъ тебѣ и жалованье. Валя меня досада, я и ушолъ въ Ростовъ — этотъ-то городъ обокъ съ Кочеваномъ: почитай крайніе дома съ домами сходятся, одинъ выгонъ раздѣляется. Цобродилъ я дня три по Ростову, проголодался, а уже звалъ хитрости, какъ бродягѣ слѣдуетъ себя вести. Хожу смѣло, какъ будто и тутошній, въ бабки съ мальчишками дююсь. На третій день нанялся я у хлѣбнаго магазина, на берегу Дона, пылъ обмести. Накормилъ меня сторожъ и такъ пристально на меня восмотрѣлъ. «Ты, говорить, не кукушкинъ сынъ?» — «Кукушкинъ.» А это такъ малыхъ бродягъ тамъ зовутъ. «Хочешь въ колонію наняться?» — «Въ какую?» — «На рѣку Молочную.» — «Хочу.» Сыскалъ онъ миѣ добраго вѣмчика, старичка такого, не похожаго на нашего живодера. Тотъ привозилъ масло, да шерсть въ Ростовъ продавать и взялъ меня. Повезъ колонистъ меня степью. Долго мы ѣхали, въ полѣ ночевали. Нѣмецъ все жаловался, что земля у нихъ богатая, только некому работать: кругомъ никого нѣтъ и захожихъ негдѣ взять нанять. Дорогою тьмутьмушую дичи мы видѣли. Дрохвы, братецъ, поминутно стаями поднимались въ травѣ и на насъ поглядывали. Стрепеты взлетали. ѣхали мы чуть видною въ зелени тропкою, больше по звѣздамъ да по солнцу. А разъ ночью чуть насъ волки не заѣли. До зари нѣмецъ все отстрѣливался, пугалъ ихъ, а миѣ давалъ съ дуги колокольчикъ звенѣть. Приѣхали мы. Помѣстилъ меня старикъ къ себѣ за внука. Дочка его, румяная такая да русая, обмыла, обшила, одѣла меня. И прожилъ я у нихъ шесть годовъ. Тутъ я выросъ, парнемъ сталъ. Жалованье миѣ шло съ перваго дня ..»

— Что же, развѣ ты бросилъ ихъ? спросилъ Кирило, набивая себѣ опять папироску въ свертокъ писчей бумаги.

— «Слушай. Учили меня хозяева, отецъ и сынъ, всему: плотничеству, бондарству, кузнечеству. Я съ ними и землю пахалъ и въ саду занимался. Даже помышляли они меня женить у себя на одной тамъ нѣмкѣ. Только нашъ же братъ русскій мнѣ нагадилъ. Жилъ въ той колоніи одинъ нашъ бѣглый. Его почитали за простого бродягу; рабочихъ нужно, ну и рѣшались держать всякаго, коли смиренъ. А онъ-то оказался уже послѣ дезертиромъ, бѣглымъ солдатомъ. Первый онъ сознался. «Давайте, говорить, вдвое мнѣ жалованья, чтобъ ни въ чемъ мнѣ отказу не было; водки давайте, бабъ давайте...» Нѣмцы исполошились, совѣтомъ вся колонія собралась думать; положили со всѣхъ дворовъ денегъ, принесли ему и просятъ тихо уйти отъ нихъ. Онъ ушолъ, деньги прогулялъ по сосѣдству въ кабакѣ, пошолъ, да и донесъ на себя и на нихъ становому: «пусть-де нѣмцы-вехристь помнить!» Налетѣлъ судъ, схватили невзначай по его извѣту и меня. Разорили двухъ-трехъ хозяевъ, а я съ этапу убѣжалъ, — плохо смотрѣли. Забѣжалъ тогда я прямо въ Бессарабію, хотѣлъ въ Турцію навѣки уйти. Тутъ въ Бухарестѣ нашолъ я трактирщика тоже бѣглаго изъ Россіи. Отличное заведеніе держалъ и уже былъ настоящій молдаванецъ. Сорокъ лѣтъ въ бѣгахъ состоялъ. «Ты чей?» спрашиваетъ меня. «Такого-то князя и такого-то, изъ села утекъ.» — «Ну, я тоже княжескій, только не вашего. Это еще что, что тебя нѣмецъ сѣкъ; а меня вотъ самъ баринъ въ подвалѣ по двѣ ведѣли держалъ, пока бывало съ моею женою забавляется: — такъ придерется къ какому-нибудь пустяку, цѣпи на руки и на ноги наложить и крикнетъ: «запереть его, буяна и разбойника!» Бросилъ я тогда и барина и жену, говорить трактирщикъ, и незналъ долго, живы ли они. Да во время войны, какъ подъ Силистрію наши войска шли, опозналъ я тутъ родного братишку своего. Какъ бѣжалъ я изъ дому, ему былъ шестой годокъ, а тутъ у меня же въ распивной увидѣлъ я его въ усахъ, въ мундирѣ и при саблѣ. Долго я на него смотрѣлъ; глядѣлъ и онъ, будто сердце чуяло, на меня. Какъ кинулся я къ нему при гостяхъ, обнялъ его голову русую, узналъ его по глазамъ, по волосамъ, да по шраму на щекѣ отъ золотухи; такъ и замеръ, обливаю его слезами горячими. Ну, отвелъ я его въ особую комнату, распросилъ про отца-мать, про родъ-племя: всѣ почти вымерли. Кормилъ я его,

какъ на убой, трое день, а тамъ говорю: убѣги, брось эскадронъ свой.» Заплакалъ рекрутокъ. «Нѣтъ, говорить, нельзя, а вотъ на рубахи, да на сапоги запасные и на табачокъ мнѣ дай денегъ.» Такъ вѣдь и не остался, ушолъ далѣе. А я бы уже нашолъ какъ его спрятать. Слышу послѣ: убили подъ Силистріей. Такъ-то. Жаль, говорить, покойнаго братишку; радъ былъ тогда хоть, что черезъ двадцать лѣтъ тутъ на чужбинѣ свой родъ-племя повидѣлъ. И богатъ-то я, да все сердце ноетъ. Ты на брата моего похожъ; оставайся тутъ, я тебя въ люди выведу.» Остался я въ Бухарестѣ у этого трактирщика; Семеномъ Бритвеншти его тамъ звали, а дома-то попросту онъ былъ Семень Бритвенко. Въ театры онъ четверкой вѣдилъ цугомъ, въ гости, въ бархатномъ кафтанчикѣ со шнурками ходилъ и отъ другой, молдаванской жены четверо дочекъ имѣлъ, и всѣ онѣ красавицы были. У него подъ городомъ своя дача была. Туда онъ наѣзжалъ отдыхать только. Извѣстно, богачомъ сталъ. Кромѣ трактира, два винныхъ погреба держалъ. На дачѣ мнѣ и далъ онъ у себя мѣсто: къ саду приставилъ. Тамъ я и выучился этому дѣлу. И точно, хорошо у него жить было. Тамъ у него въ его тайной комнатѣ иконы русскія были; тамъ онъ иной разъ въ простое наше платье одѣвался, вѣлъ борщъ нашъ и вареники. Къ нему и цопъ нашъ порою наѣзжалъ изъ города, молебны по-нашему служилъ. Только разъ подъ насху, какъ встосковался я, какъ задумался среди этого-то люду, что все не понашему говорили, поклонился Бритвеншти, да и говорю: «пустите меня домой.» — «Какъ домой?» — «Да также; не могу дольше тутъ быть. На побывку надо.» — «Какъ на побывку? Да теперь тебя на границѣ изловятъ и въ Сибирь сошлютъ.» — «Какъ знаете, а я уйду.» Подумалъ онъ, пропустилъ съ недѣлю, одарилъ меня всѣмъ и говорить: «вотъ тебѣ бумага; это пачпортъ — будто ты на заработки сюда заходилъ и будто ты уже не дворовый чело-вѣкъ князя Бѣлосковъ-Мангушки, а батракъ корнета Васильева.» — «Какого корнета?» — «А это уже такъ прилажено: фальшивый значить видъ заграничный. Это я тебѣ тутъ устроилъ на память, и мнѣ это не дешево стало. Бери и ступай. Я же, говорить, останусь тутъ; сильно уже я лакомствъ тутъ всякихъ вкусилъ, такъ и не воротиться мнѣ болѣе. Такъ и въ Афинахъ одиень родичъ мой, лакей, больше семнадцати лѣтъ живетъ; тутъ мы прежде съ нимъ торговали: онъ тамъ сапожный магазинъ

открылъ, и на весь городъ его сапоги славятся.» Простился я съ Бритвенешти этимъ. Пришолъ на границу, а меня и опознали почему-то, схватили, да въ Одессу при конвоѣ, при этапѣ, и представили. Вещи, какія были, на кордонѣ отняли. Только въ носкѣ сапога было у меня десять червонцевъ: у этого трактирщика на дачѣ заработалъ. Думалъ я, думалъ въ Одессѣ въ острогѣ, и открылся инвалидику, что за мной смотрѣлъ. Онъ принесъ мнѣ краски, остригъ меня, обрилъ, наваксилъ себѣ темнѣе волосы и даже лицо, а меня одѣлъ въ свою одежду: самъ въ мою одѣлся, легъ на моей койкѣ и велѣлъ себя связать ремнемъ со штановъ, а въ ротъ ему набить тряпку; это будто все я силой сдѣлалъ. Я ему отдалъ деньги, онъ ихъ подъ пещку спряталъ, — кирничъ для того вынималъ. Я такъ-то ночью и ушолъ изъ острога. Что уже съ инвалидикомъ послѣ было, братецъ ты мой, не знаю; только я маялся долго въ окрестностяхъ Одессы, да потомъ снялся и пошолъ пѣшій по степи опять на Донъ. Шолъ я въ видѣ нищаго; гдѣ работалъ, гдѣ хлѣба просилъ. Одежу инвалида того еще въ Одессѣ бросилъ и чуть не нагишомъ до первыхъ слободъ дошелъ, гдѣ поработался у разныхъ господъ. Сошолся я на нутіи возлѣ Крыма съ двумя бродягами-гуляками. Съ тѣми пить было выучился. Что ни заработаешь, то и пропьешь. Воротили они меня въ Крымъ. Дѣло-то я уже всякое зналъ. Пошолъ мнѣ двадцатый годъ. Сильно тутъ я гулялъ и кружилъ. Работалъ и у татаръ, и у чиновника одного лакеемъ былъ, и кучеромъ у одного помѣщика на Салгирѣ. Вижу, въ лѣта вхожу, а проку мало. Бросилъ я кутежи; думаю, такъ попадусь, еще и въ солдаты угодять. Началъ я о пачпортѣ хорошему, искусному, помышлять. Вижу, много бродягъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ: и въ Одессѣ, и въ херсонскихъ степяхъ, и въ Ялтѣ, и въ горахъ въ Крыму, и въ Керчи; и у всѣхъ-то бѣглыхъ тѣхъ есть пачпорты. «Откуда, братцы, достаете?» Долго не говорилъ. Я угостилъ одного. «Татъ и такъ, говоритъ. Я въ такомъ-то городѣ на Азовскомъ морѣ приписался. Тамъ тридцать лѣтъ по спискамъ народъ почти не умираетъ, хотя на кладбищѣ могилы и прибавляются. Умеръ человѣкъ, его попы схоронять, а ты далъ квартальному десять цѣлковыхъ, онъ тебя на его мѣсто засчитаетъ и дастъ тебѣ его пачпортъ.» Другой бѣглый мнѣ иное говоритъ. «На Дону, тамъ внизу въ гирлахъ, шесть фабрикантовъ въ ка-

мышакъ да въ плавняхъ обрѣтаются, и дѣлають тѣ фабриканты кому угодно пачпорты, по полтиннику за штуку. Къ нимъ, говорить, видимо-невидимо народу со всѣхъ концовъ сходится, будто на рыболовни. И каждому они не то что одинъ, а по два и по три пачпорта фабрикують; неравно съ однимъ попадешься, другой выручить.» Думаю, это почище. И пошолъ я въ донскіе гирла и въ плавни. Тамъ я выправилъ себѣ пачпортникъ у бѣглаго тоже писаря, изъ кантонистовъ чугуевскихъ; значить, изъ военныхъ поселеній, отъ жизни тамошней онъ бѣжалъ; дѣлалъ онъ тутъ перваго сорта всякіе мѣщанскіе, купеческіе, даже дворянскіе виды и слылъ онъ тамъ въ кашышахъ тогда подъ именемъ Городничаго. Тамъ въ землянкѣ, среди тошей и песковъ, куда и носа полиція боялась показать, да и не доползла бы туда, у него и канцелярія была устроена, столикъ, свѣчка, печати всякія и бумага гербовая. Онъ далъ мнѣ пачпортъ, да еще и направилъ меня: «Ступай, говорить, наймись на морскія рыболовни тутъ по Азовью, въ тони; либо у купца Шелбанова, либо у грека Аскарарки.» Тутъ меня, Кириша, ты получше слушай, затѣмъ что здѣсь я прослышалъ впервые про Талавѣрку въ Ростовѣ, а значить и сужоную себѣ, его дочку Настю нашолъ...»

Собаченка у ногъ Ильи давно ворчала, злобно косясь въ темноту. Когда онъ смолкъ на время, чтобъ духъ перевести, она съ визгомъ тарыхнулась подъ вербы, побѣгала тамъ, полала и воротилась опять.

— Что это она? спросилъ Кирило.

— Такъ, вѣрно вышь слышала. Лежать, валетка, смирно!

Илья опять сталъ рассказывать.

— «Такъ я пошолъ на тони. Это дѣло, братъ, бѣдовое. Скажу тебѣ, что вездѣ зависть бываетъ. Тоже и въ томъ углу между богачами, держателями тоней. Оба рыболовника по морю, Шелбановъ да Аскарарки, тамъ первые изъ ихъ ряда. Одинъ держитъ невода по взморью отъ Волчьего-броду до Чалтырца, а другой — отъ Вонючей-балки до Удской станицы. У каждого человѣкъ по триста на всякой тони народу состоитъ; и все больше бродяги. Тоней же по берегамъ у нихъ безъ числа. Вотъ в кладь, сколько тамъ народу вольнаго? Какъ зазвенитъ колокольчикъ становаго на берегу, всѣ бродяги на баркасы, да на дубы и уплывутъ въ море. Бѣглыми все тамъ держится. А безъ нихъ ничего не дѣлаешь. Одни только артельщики съ настоя-

щими пачпортами. Капиталисты сильные эти два купца. Икру, балыки, вязигу, сушеную и вяленую рыбу на всю Россію поставляютъ, въ Харьковъ, въ Нижній, Москву и въ самый Петеръ. Народъ въ холѣ содержать; водки, харчей, всего вдоволь даютъ. А рабочіе съ валёту, будто поденщики, больше въ землянкахъ живутъ. Полиція у обоихъ купцовъ на откупѣ. Что бы кажется? жили бы вѣкъ—то такъ, богатѣя. Такъ нѣтъ! Завелись, говорю тебѣ, у обоихъ ссоры, ревность, зависть другъ къ другу. Особенно грекъ Аскараки этотъ солилъ нашему Шелбанову. А я поступилъ къ русскому, наваялся по два цѣлковыя въ недѣлю. Ловъ тогда былъ отличный. Дома обоихъ купцовъ каменные стоятъ и теперь: одинъ надъ Волчьимъ-бродомъ, а другой — на обрывѣ за Удской станицей; только Чалтырецъ ихъ и раздѣляетъ. Начинается оно правда больше всего съ нашего брата, съ черни. Ну, да червь—то тоже прежде вронюхаея чѣмъ у хозяина рыло замарано. Стали забродчики грека Аскараки оспаривать у нашихъ шелбановскихъ неводскія границы. А гдѣ по морю проведешь въ точности тѣ границы? Стали наши тычками по берегамъ отмежовываться. Тѣ тычки наши перенесли на другія мѣста. Потомъ аскаракинскіе зачали наши крючья въ водѣ разыскивать и обирать съ нихъ красную рыбу: такіа крючья развѣшиваются тамъ въ лучшихъ затонахъ на веревкахъ, между вбитыми въ дно морское сваями. Голубоперый осетръ или бѣлогубая тамъ стерлядь жировая, аршина въ два длины, подойдутъ, просунуть морды, видя передъ собою десятки этихъ крючьевъ на веревочкахъ рядкомъ, и тихо станутъ плыть впередъ; голова прошла, они радостно вильнутъ хвостомъ, раздва — а крючья и вопьются... Рыба бьется — больше и крючья впираются; ударитъ кровь, рыба затихнетъ отъ боли, пока ее уберешь. Вотъ эти—то снасти по ночамъ аскаракинцы у нашихъ и стали обирать. Подсмотрѣли наши; пошла тревога. Съли наши съ вечера у берега, баркасы въ скалы упрятали, и полкараулили аскаракинцевъ на самомъ воровствѣ. Кинулись на баркасахъ, — и я тутъ былъ въ засадѣ, — и забрали мы двадцать лодокъ въ плѣнъ. Привезли разбойниковъ къ хозяину, перевязали ихъ и уложили въ курени до утра. Хозяинъ радуется; вынесъ намъ боченокъ водки. Пошла у насъ гульня. Только за часъ до свѣту самъ Аскараки съ остальными забродчиками и наскочилъ на нашъ рыбный юртъ. Ихъ была свѣжая сила. Заорали

они: «Всѣхъ перебьемъ и пепель по вѣтру пустимъ!» ударили на наши курени, отняли своихъ, съѣздили арапникомъ раза три по шеѣ самаго хозяина нашего, зажгли съ двухъ концовъ курени наши и усакали верхами. Хотѣлъ было Шелбановъ въ станъ жаловаться, но одумался: дѣло изъ-за ключевъ, а ключья вещь незаконная, — они запрещены, хотъ всѣ ими ловятъ. Задумалъ онъ самъ наказать аскаракинцевъ. И вышла просто баталія, какъ у киргизовъ слышно бываетъ въ степи между собою. Пропустилъ онъ недѣли три, углядѣлъ съ берега, что батраки того грека ушли въ лодкахъ въ море съ неводами; онъ собралъ насъ и отрядилъ за нимъ въ погоню флотъ изъ лучшихъ своихъ баркасовъ и дубовъ. Мы распустили паруса, даже флагъ выквнули и выстроившись пошли на нихъ. Трухнули лодочки, огибать насъ стали; мы на перерѣзъ и всѣхъ забрали. Лодки потопили тамъ же съ ихъ сѣтями. «Ну-ка, крикнуй Шелбановъ: душу ихъ въ водѣ помочить!» Сейчасъ всѣхъ привязали къ веревкамъ и давай бросать изъ баркасовъ въ море; а вѣтеръ раздулъ паруса, мы стрѣлой пошли обратно. Тѣ кричатъ, а мы смѣемся. Упадетъ какой батракъ, какъ камень въ воду; дѣло же было въ декабрѣ. Шелбановъ кричитъ: «будетъ!» Мы потянемъ за веревку, а утопшій, какъ черепашка и зашурчитъ всѣмъ тѣломъ прыгая поверхъ воды, скачками на веревкѣ разсѣкая волны. Иной тутъ кричалъ-кричалъ: «скараулъ! холодно! духъ занимается!» да такъ Богу душу бы и отдалъ, еслибы послѣ дома опять-таки не эта водка. Выкупали мы тутъ и самого богача грека. Привезли всѣхъ въ курени, положили проявиться на солнцѣ, да и отпустили домой, напоивши. Наши одолѣли. Грекъ тише сталъ, унялся. Только Шелбановъ насъ и созвалъ всѣхъ, кто ѣздилъ купать аскаракинцевъ: «Ступайте, ребята, по своимъ мѣстамъ, жду теперь полиціи; грекъ такъ не пропуститъ, отомститъ; чтобъ вамъ за меня не отвѣчать. Самъ я былъ тутъ въ глуши прежде забродчикомъ; въ Анапу, какъ она строилась, изъ Ростова дрова возилъ, подъ конвоемъ пушекъ и стрѣлковъ. Послѣ я въ орду ѣздилъ за кожами и скотомъ, за Астрахань, по степямъ, да песчанымъ буямъ, гдѣ прежде ни дорогъ, ни мостовъ не было, а прямо вбродъ и по солнцу. А все-таки Богъ спасалъ. Ну, теперь сильно я грека обидѣлъ; отомститъ онъ мнѣ, все свое государство сюда за шиворотъ приволокетъ. Вы ихъ знаете. Ступайте, до поры до времени переждите.»

Мы простились съ нимъ ; жалко было расставаться. Заработки были важные. Кто пошолъ нѣшкомъ , а я съ артелью одною отплылъ въ Эйскъ на дубу, искать тамъ работы. На первой же недѣлѣ въ Эйскъ мы узнали , что грекъ застрѣлилъ изъ-за угла сына Шелбанова , да такъ , что и уличать его нельзя было : безъ свидѣтелей... Теперь однако по быломu, говорятъ , и этотъ самый Аскараки опять ловить рыбу тамъ , и Шелбановъ держитъ тѣ-же мѣста свои подъ неводами. Точно ничего и не было между ними. Мѣста бѣдовыя... — Опять нашолъ я себѣ дозьяна в мѣсто по рыболовству. Но сильно не понравилась мнѣ эта жизнь. Что народъ тамъ важилъ , то и прогулялъ. Нѣтъ за душой копѣйки — товарища обворуетъ. У меня два раза крали и деньги и одежду. Увидѣлъ я , что и съ купленнымъ начпортомъ плохо жить. Работалъ я въ Эйскъ надъ поломанной бармой съ однимъ слесаремъ бѣглымъ : Таволгой онъ прозывался. Вижу я , рассчитался онъ съ козьяномъ и сумму укладываетъ. «Куда ты?» «Въ Ростовъ; лучше тамъ наймусь; знакомый есть». — «Кто?» «Талавѣрка». — «Не Афанасій?» — «Онъ и есть; а ты почему знаешь?» — «Мы почитай сосѣди: я отъ князя, а онъ отъ одной барыни, говорю, убѣжалъ уже давно-давно; я про него дома слышалъ... Чѣмъ же онъ въ Ростовѣ-то?» — Смотрю, Таволга замолчалъ, да такъ и ушолъ; побоялся видно, чтобъ я не выдалъ по молодости лѣтъ пріятеля его, Талавѣрки. Сталъ я опять думать. Вспомнилъ, что Таволга про одного богача-каретника какъ-то все рассказывалъ прежде еще у Шелбанова, и что онъ у него разъ при кузницѣ жилъ. Потерялъ я сонъ и ѣду. Вспомнилъ черезъ этого Афанасія Талавѣрку про отца своего, про мать, про родину, и захотѣлось мнѣ хоть этого Талавѣрку повидать. Не узнаю ли чего о нашихъ? мыслить я. Десять лѣтъ уже я былъ въ бѣгахъ. Не вытерпѣлъ, уѣхалъ изъ Эйска на козьяскомъ дубу въ Ростовъ. Тутъ выпало мнѣ и Бога навѣки благодарить, Илюша... Напала на насъ страшная буря... Всѣ, кто и пьянъ былъ съ берега и тверезъ, собрались въ морѣ на жорнѣ у иконы, поставили ее у мачты, какъ это тамъ дѣлають, и стали ей, матушкѣ святой, въ ножки-то со страху пятаки, да гривенники бросать; а кто и бумажки цѣлковые кидалъ. Вой поднялся, плачь, всѣ руки ломають, а волны такъ и хлещутъ черезъ дубъ-то. Одинъ съ себя кафтанъ на смушкахъ снялъ, въ воду кинулъ: «на, тебѣ, кричитъ, море-батюшка, умилоствивись только!» а дру-

гой любовницу свѣяна хотѣлъ кинуть въ воду, уже и за горло ее ухватилъ, да мы удержали... Только и стихла буря; дубъ сталъ на мель къ ночи, всѣ выскочили на каменья, перешли на берегъ. И что же бы ты думалъ? забрала эта сволочь отъ иконы деньги и понесла въ кабакъ за спасеніе пропивать. «Что это за помощь, къ ночи! — говорятъ — когда бы ранѣе! А то вонъ Бобрікъ и кафтанъ свой бросилъ!» Дѣвка только, любовница того забродчика, со страху тутъ же на берегу заболѣла горячкой, испугавшись того, какъ ее хотѣлъ тотъ въ воду кинуть. А была красавица, семнадцати лѣтъ.»

— Душегубы! сказалъ Кирило: — какъ ты уживался съ ними, непонимаю!

— «Горе уживалось, а не я. Но вотъ конецъ моего дѣла. Какъ бѣжалъ я голышомъ изъ Есауловки десять лѣтъ назадъ, такимъ же пришолъ я опять и въ Ростовъ. Нанялся въ драгилы, въ носильщики значить, у грека тоже одного тамъ, Петракоки; силъ во мнѣ прибавилось, я окрѣпъ: по четыре, по пяти пудъ могъ поднимать и носить. Сталъ я зарабатывать въ день по цѣлковому и по два; выпадали дни, что и три зашибалъ. Изломался весь, тружусь. А что трудиться? Боюсь, что тѣ же новые товарищи въ недѣлю все выманятъ, заставятъ пропить—прогулять на Дешовкѣ, за Тимерникомъ, гдѣ водка дешовая и гдѣ вся голытьба кабацкая да бродячая наволока сходится душу отводить. Давай я прислушиваться, не говорятъ ли гдѣ про нашего Талавѣрку? На базарахъ прислушивался, за мостомъ, за Дономъ, въ подгородныхъ харчевняхъ, на Дешовкѣ, людей спрашивалъ. Никто его не знаетъ... Страхъ меня взялъ, точно весь родъ—племя мое вымерли... А что Талавѣрка? Я его семью зналъ и слышалъ, что онъ отъ своей барыни бѣжалъ онъ втроемъ съ другими двумя ребятами и самъ онъ еще молодымъ былъ парнемъ. Разговорился разъ я съ однимъ бродягой изъ дезертировъ, что послѣ еще въ убійствѣ торговли попался; а онъ мнѣ: «Ступай, говорить, на такую—то улицу возлѣ городского сада: тамъ есть каретникъ и толкуютъ, что былъ онъ прежде изъ бѣглыхъ, не онъ ли? Только на вывѣскѣ его смотри другое прозвище.» Тѣкнуло у меня сердце, будто судьбу свою чуяло. Я пошелъ и точно смотрю, золотая по синему вывѣска, домъ собственный каретника, хоть деревянный съ пристройками, а на вывѣскѣ читаю: «Каретникъ Егоръ Масанѣшти, изъ Кишенева.» Это и былъ, какъ я послѣ

узналъ, тотъ самый Афанасій Талавѣрка, и я сразу понялъ, что и онъ, какъ тотъ помнишь трактирщикъ, прозвище свое переименнлъ, что нарочно пробрался въ Молдавію и оттуда уже воротился съ купленнымъ чужимъ видомъ...»

Едва успѣлъ Илья сказать эти слова, какъ собаченка опять съ лаемъ кинулась отъ порога пустки въ вербы, залаяла, обѣжала взбушку и опрометью понеслась по темнымъ тропинкамъ сада, какъ бы кого догоняя.

— Что бы это было? спросилъ удивленный Кирило: — не подслушалъ бы кто?

— Кошка вѣрно тутъ бѣгала, у насъ въ домѣ окотилась вчера...

Собаченка еще однако лаяла по саду и воротившись, не сразу снова успокоилась.

— Кончай же Илюша. Скоро заря. Надо къ Саввушкѣ сходить. Живъ ли онъ?

Илья Тавцуръ продолжалъ:

— «Разъ прихожу я къ каретнику Масанешти, въ другой. Принимаюсь въ слесаря у его помощника. Не принимаютъ. Итакъ подхожу, и этакъ, ничто не беретъ. Ворота на запорѣ. Слышна только работа въ горнахъ, да дымъ идетъ изъ кузницъ. Полиція къ нему милостива. Хоть бы увидѣть его, думаю, на улицѣ. Хожу мимо дома, ну такъ душа и льнетъ туда. Выбралъ опять праздникъ. Пасха людямы была, первый день. Одѣлся я, принарядился. Прихожу. Позвонилъ въ шнурочекъ у калитки. Выходитъ дѣвочка... бѣленькая такая — каріе глаза, сухошавенькая... «Что вамъ надо?» спрашиваетъ. «Хозяина.» — «Зачѣмъ?» — «По дѣлу.» Она осмотрѣла меня съ головы до ногъ. «Да вы не подвохъ ли какой подъ отца?» — «Ей-богу, говорю, нѣтъ!» — «Ну, смотрите же вы, для такого праздника...» Пошла, положила отцу и опять кликнула меня съ улицы. Пошелъ я за нею, какъ приговоренный къ мукѣ. Сразу полюбилась мнѣ она. Это и была Настя... Прихожу я къ Масанешти. Онъ на палатахъ въ людской лежитъ, хмѣлевать; подмастерьевъ всѣхъ распустилъ. Былъ онъ тамъ одинъ, да дочка на порогѣ стояла. Вспомнилъ я наши мѣста и его родню вспомнилъ. «Кто ты?» — «Здравствуйте, прямо говорю, Афанасій Игнатичъ!» Онъ и дочка такъ и обмерли. «Кланяется вамъ наша родная сторона, продолжаю хитро по памяти: ваша сестрица Дарья Григорьевна, и

ваша тетушка Домна Савишна, и ваша барыня и наше село Есауловка!» Кинулся онъ къ двери, вытолкнулъ дочку, заперся на засовъ и ухватилъ меня за грудь.» — «Ты подвѣхъ! Ты подосланъ! Ты погубить меня пришло!» Упалъ я на колѣнки и на образа сталъ божиться. «Много лѣтъ, говорю, и я ходилъ по свѣту, и я бѣглый... Не бейте и не обезсудьте меня... Я самъ горе мыкаю... Я Илюшка, говорю, Танцура Романа сынъ. А про васъ слышалъ, признаюсь, еще въ дѣтствѣ, хоть вашу родню и барыню знаю.» Долго не признавался старикъ. Все отпѣкивался. Я въ слезы... Сразу ли ужь онъ повѣрилъ мнѣ и прежде, или съ хмѣлю—то было. Кинулся онъ вдругъ потомъ обнимать и цѣловать меня... «Ты черезъ пять годовъ бѣжалъ послѣ меня... Я же семнадцатый годъ бѣгаю.» Ударился онъ головою сѣдою въ колѣни да и самъ въ слезы... Ну мы христоваться, да молиться, да плакать. Такъ мы съ нимъ проговорили долго наединѣ. Прошла недѣля, присмотрѣлся онъ ко мнѣ, слесаря того изъ Эйска, Таволгу, спросилъ про меня. Я у него точно его засталъ. Тоже былъ тихій человекъ. Въ серединѣ святой педѣли позвалъ старикъ дочку. Меня показываетъ. «Пятнадцать лѣтъ ни одной души, говоритъ, кромѣ этого парня, изъ нашего краю ни здѣсь, ни въ иныхъ мѣстахъ не видѣлъ. Будь ты нашимъ гостемъ; вѣрю тебѣ для этого праздника пасхи: ты не продашь меня. Да, я точно Афанасій Талавѣрка... Ты же какъ убѣжалъ и гдѣ былъ?» Накормили они меня обѣдомъ, разговорился я съ ними и рассказалъ все имъ, то—есть старику и Настѣ. Отъ другихъ въ домѣ онъ хоронился. А отъ работниковъ скрывалъ, гдѣ собственно нашъ край, то—есть откуда мы? Такъ я и скрывъ. Все же остальное я имъ передалъ про себя. Рассказалъ я, что бродячая жизнь да безпутная бездомовная воля мнѣ надоѣли. «Поступай ко мнѣ, сказалъ старикъ, только дамъ тебѣ совѣтъ. Въ народѣ ходятъ слухи про волю; скоро всѣмъ ее скажутъ и землю дадутъ. Вѣрь мнѣ крѣпко... Мнѣ уже не возвращаться домой: у моей барыни и земля—то на ея людей вдоволь не станетъ, да я же и мастерствомъ такимъ завялся, что еще долго имъ буду сытъ. А ты воротись; тебѣ землю дадутъ, лишь бы на мѣстѣ ты былъ, какъ отъ царя вѣсти налетать.» Что же тебѣ еще, Кирюша, сказать? Что?! Прожилъ я у этого Талавѣрки полтора года; жалованье мнѣ отличное было, какъ слѣдъ... Но не въ немъ дѣло, понимаешь ты, братецъ... Не узналъ я отъ него ничего про

домъ свой, чего хотѣлъ. Да зато узналъ иное всеѣмъ на свѣтѣ... Полюбились мы крѣпко съ Настею его. Будь прежде, а бы убѣжалъ съ нею. А тутъ народъ рухнулъ изъ бѣговъ къ господамъ своимъ, точно кличъ кто зычный крикнулъ. Пошли слухи, что наверху въ губерніяхъ иначе уже и жить стало, полегче, будто все ждали тамъ чего-то и притаились; что становые не такъ сѣкутъ, господа добрѣе стали. Сказались мы отцу ея. Онъ упалъ передъ иконами и долго молился, а послѣ насъ благословилъ. — «Будьте женихъ и невѣста, я не прочь и щедро васъ награжу... Только ты, Илья, ступай домой, весь народъ уже пошолъ. Иди и ты. Не слѣдъ отъ общества отставать! Подожди, — долѣе ждалъ. Получи землю отъ общества своего и отпиши мнѣ. Тогда вызову тебя, обвѣмчаю васъ и отправлю съ Богомъ на родину. Только избу себѣ съ Настей пошире ставьте. Пристроетесь, распродамъ мастерскую и къ вамъ умирать приѣду на Лихой. Глаза уже плохо видать. Отъ родной земли откололся, а опять надо воротиться туда же, гдѣ все предки лежатъ костями...» Надоѣло мнѣ самому мыкаться. Кирюша! Простились мы съ Настей. Я пошолъ... да вотъ и пришолъ... и живу дома... только, какъ видишь, пока вмѣсто слободской хаты въ этой-то конурѣ живу съ одною собачкою...»

— Ничего, Илья, подожди, сказалъ Кирило вставая: — хоть отецъ твой и живодерь, да авось-таки одумается. Ну, пора мнѣ! Прощай. Натерпѣлся ты, вижу я, по свѣту... Всеѣмъ намъ было плохо: и мы бѣгали, и мы въ бролягахъ, все музыканты, были... Только куда! Твоя жизнь не въ примѣръ забористѣе...

— Прощай же, да заходи почаще на флейточкѣ поиграть!

Кирило пошолъ къ канавѣ. Блѣдная заря за Окниной загоралась. Вѣтеръ просыпался. Птицы начинали чиликать въ вѣтвяхъ. Гдѣ-то за садомъ на селѣ ворота скрипнули. Свежесть подымалась отъ луговъ.

— Илья! крикнулъ Кирило съ канавы: — я и забылъ тебѣ сказать. Если Савка нашъ померъ въ эту ночь, такъ жаль, что его будетъ хоронить старый попъ, отецъ Иванъ, другъ твоего батька и той барыни...

— Отчего?

— Отецъ Смагаль съ тѣмъ генераломъ, что въ Мадаканцѣ живетъ, поѣхали въ городъ — послѣдній разъ значитъ хлопотать

о Конскомъ-Сыртѣ. Перебоченская не пускаетъ генерала, а тому ѣсть нечего почти...

— Ты откуда знаешь?

— Фрося сказывала, прибѣгала ко мнѣ прошлою ночью; эти дѣвки все про свою барыню знаютъ...

— Одного я думаю не знаютъ! перебилъ Илья.

— Чего?

— Какъ разбогатѣлъ тотъ грекъ Аскараки, что я тебѣ о его тоняхъ говорилъ...

— А какъ? — Кирило опять воротился къ пусткѣ. Илья продолжалъ:

— Въ Нахичевани, сказывалъ Талавѣрка мнѣ передъ отходомъ, открыли у одного армянина въ подпольи фабрику фальшивыхъ асигнацій. Ихъ дѣлалъ самъ тотъ армяшка, да Крутиковъ рѣзчикъ печатей; а въ долѣ были съ ними одинъ чиновникъ и еще другіе важные господа. Нагрязнулъ обыскъ. Армяшка, хозяинъ дома, удавился на чердакѣ, пока ломились въ ворота да его искали; чиновникъ въ окно выскочилъ; одну ентовую шубу его нашли у окна. Рѣзчика схватили; а онъ изъ острога безъ вѣсти черезъ мѣсяцъ пропалъ. И пропала будто бы та важная «мертвая книга» пойманныхъ монетчиковъ...

— Какая?

— Вотъ какая. Они, слышно, спустили асигнацій больше, чѣмъ на три мильона цѣлковыхъ...

— Ай, батюшки!

— Да... Продавали всякому, черезъ коротко знакомыхъ, сторублевья асигнаціи свои по десять, а пятидесятирублевья по пять цѣлковыхъ. Только этого рода и дѣлали бумажки. И всякому давали: только распишись значить своею рукою, съ чиномъ, вменемъ, прозвищемъ и самъ откуда, — что вотъ столько ты самъ получилъ. Да руки не выворачивай, а пиши своимъ почеркомъ, и видъ свой яви, чтобъ не назвался самозванцемъ. За этимъ у нихъ даже такіе законники смотрѣли. Ну всѣ и расписывались; виды даже въ полиціи являли, будто на выѣздъ, чтобъ монетчиковъ убѣдить. Многіе получили тамъ такихъ бумажекъ и разбогатѣли съ нихъ скоро. Такъ отъ этихъ «медвѣжьихъ асигнацій» разбогатѣлъ и тотъ-то Аскараки. Всѣ знаютъ про то; а поди, докажи, коли «мертвая книга» пропала...

— Отчего же тѣ бумажки медвѣжьими зовутся тамъ?

— Медвѣдь ручной у воротъ того хозяина—армяшки на цѣпи постоянно ходилъ. Зарычить, станеть на дыбы; будто для шутки хозяинъ его держалъ; ну никто туда и не ходилъ почти съ улицы. Никто и на тѣхъ монетчиковъ не доносилъ; донеси — самъ же ты кушъ знатный получишь, да еще и расписался...

— Куда же книга эта пропала?

— Одни говорятъ, что чиновникъ, нашедшій ее при инструментахъ, купцамъ тамошнимъ ближайшимъ продалъ за дорогую цѣну; а другіе, что она не была найдена и что одинъ изъ участниковъ ее хранить и пугаетъ чиновниковъ, чтобъ сыщики дѣло не очень строго вели; тамъ въ книгѣ есть такія руки, что Богъ-знаетъ что готовы дать... Не тронь ихъ только...

— Почему же все это зналъ Талавѣрка?

— Къ нему часто приносили ихніе ходоки и комиссіонеры мѣнять асигнаціи; но онъ все отказывался и тѣмъ сукоенъ. Разъ даже его Настю еще дѣвочкой дѣтъ семи они возили въ свой домъ и тамъ показывали эту книгу; значитъ дескать видишь, мы все тебѣ открываемъ. Настя говоритъ, что и при ней разные господа брали деньги и расписывались. Разъ, говорила мнѣ Настя, одна барыня съ Волги и съ ценою вмѣсто провожатаго гуртовщикъ-мужикъ одинъ приѣзжали и купили цѣлый чемоданъ тѣхъ денегъ у монетчиковъ. Она и лица ихъ помнитъ, — она ихъ видѣла, бывши тамъ. Я кое-что тутъ думаю... Тогда это даже очень смѣло они дѣлали. Нахичеванъ глухой городишка; у армянъ въ то время своя почти вся полиція была: одинъ только нашъ квартальный и свое управленіе армянское. Рѣдко кто изъ русскихъ тамъ что и зналъ. А они сами, какъ жида, постоянно и теперь всѣ за одного и всякъ за всѣхъ...

— Вотъ когда-бъ мнѣ этихъ бумажекъ, я бы Фросѣ шолковое платье справилъ! сказалъ Кирило, уходя опять къ канавѣ.

— Будеть и шолковое... Подождемъ воли. Все тогда будетъ, какъ на свою землю сядемъ...

Долго спалъ въ то утро Илья. Высоко уже солнце катилось, какъ приѣжалъ къ нему со двора въ пустку Власикъ и объявилъ, что въ ту ночь умеръ Савка-кларнетистъ. — Хоровилъ Савушку-артиста старый священникъ, отецъ Иванъ. Илья и Кирило горько плакали, кидая на его наскоро сколоченный гробъ въ могилу горсти сырой земли.

— Отца Смарагда еще нѣтъ? спросилъ Илья Кирилу на похоронахъ.

— Уже третій день въ городѣ.

— Чго-то онъ такъ тамъ загостился...

— По дѣламъ; по дѣлу по этому генерала...

— Когда бы Господь имъ помогъ! сказалъ Илья: — про генерала всѣ говорятъ: душа человѣкъ. И намъ, можетъ статься, по сосѣдству съ нимъ лучше было бы. Говорятъ, за всякую пустую послужку деньги хорошія платить.

Романъ Танпуръ съ ночи, въ которую умеръ Саввушка, уѣхалъ грузить на барки господскій лѣсъ, сплавленный въ Волгу сверху Лихого, и на похоронахъ не былъ.

— Эхъ, хоть бы оркестръ нашъ, гдѣ и Савка игралъ, грянулъ ему вѣчную память какъ гробъ-то несли! сказалъ Кирило.

— Отчего же вы не собрались?

— Венгерецъ не хотѣлъ инструментовъ вынимать; погода, видишь, хмурая стоитъ, ну и нельзя: княжескіе инструменты.

V

ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ СТЕПНОЙ ГОРОДЪ

Генералъ съ священникомъ уѣхали въ городъ. Когда отецъ Смарагдъ прибылъ на гнѣдой кобылкѣ, съ церковнымъ открытымъ фургончикомъ, или попросту съ телѣгой, сдѣланной на колонистскій ладъ, то онъ засталъ генерала Рубашкина на другой простой телѣжкѣ, на выѣздкѣ его буланого. Генералъ правилъ за кучера, буланый по улицѣ Малаканца выступалъ, бойко выкидывая ножками, а куча ребятишекъ бѣжала возлѣ, сзади и лѣпилась на телѣгѣ. Дѣти шумѣли и смѣялись, радуясь до безконечности добродушной потѣхѣ.

— Кажется буланый-то вашъ откормился опять?

— Покупалъ вашего овсеца.

— Что это вы дѣтей возите?

— Суворова роль разыгрываю... Скоро кажется на клиросѣ бы тутъ сталъ читать апостола, да у нихъ и церкви нѣтъ. Со мною занимаются и ихъ взрослые отцы и братья. Вчера съ ними лѣздалъ на рыбную ловлю на Волгу. Прелесть ваша рѣка. Самъ

я и въ водѣ съ однимъ крыломъ невода съ ними бродилъ. Это ихъ необычайно занимаетъ, что я такъ запросто живу. Два раза сходились смотрѣть мой указъ объ отставкѣ. Все не вѣрятъ, что я генераль. А хозяйка моя старуха даромъ все только влаеться, что будто мало я денегъ пока даю за ея труды. Посмотрѣлъ бы вы, батюшка... Изъ моей особы торговлю выгодную сочинила. Береть взятки за допускъ ко мнѣ разныхъ мужиковъ и бабъ на дѣловые совѣты. Смотрю: нанесла ей гору лицъ. Откуда? Въ честь вашу, говорить. Хороша честь — взятки. Поссорятся бабы между собою, ко мнѣ идутъ. Бумагу какую изъ округа мужики получили, письмо ли кому написать, тоже ко мнѣ идутъ. Я дѣлаю, а она съ нихъ дереть. А дня три назадъ такъ просто распотѣшили жени. Читалъ я вашего Аксакова вечеромъ. Слышу, шепчутся...

— Однако же ѣхать пора!

Буланый и гнѣдая были запряжены; путники сѣли въ фургоны и поѣхали. Замелькали кругомъ каменистые бугры. Степь пересѣкала иногда дорогу. Попадались лѣсистые овраги. Лошади бѣжали хорошо.

— Въ чемъ пришлось мнѣ за правосудіемъ ѣхать къ администраціи! началъ генераль: — которое годъ назадъ у меня же въ рукахъ было. Да! о моихъ сосѣдяхъ я началъ. Слышу вечеромъ шопотъ сильный. Вхожу, — у хозяйки на ея половинѣ черезъ сѣни въ избѣ сидятъ старикъ и три бабы изъ недалекой раскольничьей слободы поповщинской секты... Что вамъ? — Къ вашей милости пришли. — Зачѣмъ? — Такъ и такъ. Вездѣ уже наслышались про вашу милость. Не оставьте насъ темныхъ и не взыщите по простотѣ. — Да въ чемъ дѣло? — Можно по тайности говорить? — Можно. — Ну-съ, генераль ли вы въ самомъ дѣлѣ, мы не знаемъ, а видимъ, что вы книжный человекъ, законы знаете, да и церковное дѣло. Не по расколу вы? — А что? — Да такъ, бываютъ хорошіе люди изъ вашихъ-то. говорятъ, знающихъ. Такъ мы чаяли, что и вы... Видите, ваша милость, такъ это вы у насъ живете тихо, деньги за все платите, не гнушаетесь нашимъ расколомъ, значить малаканствомъ и другими толками. Нашъ околотокъ по разнымъ толкамъ состоитъ... Мы и надумали. — Ну! Нашу сосѣднюю слободу Волчью за Капказъ, говорятъ, свели, какъ есть всю до тла давно уже, а другія остались; мы за себя и боимся... — Очень радъ. — То-то

и мы думаемъ, что вы рады. Вы такой умный, письменный; не согласитесь ли? Насъ общество прислало провѣдать... У насъ, въ нашей слободѣ, за Авдуловкой, видите, попъ—то священникъ чужой издалека наѣзжаетъ; казакъ онъ простой, свѣченый и ловленный уже неразъ властями въ мирѣ. Онъ бы и хорошъ. Да сталъ съ станowymi больно водиться; насъ раздумье и взяло. Въ томъ мѣсяцѣ его за двѣсти верстъ къ намъ на тройкѣ привезли, духомъ домчали. Васъ въ тотъ день еще тутъ не было. Сбѣжалось и сошлось къ нему больше пятидесяти бабъ дѣтей крестить: онъ у насъ уже пять лѣтъ не былъ. Иныхъ дѣтей матери у грудей несли, а другія дѣти и сами уже прыгали, бѣгучи креститься. — Въ чемъ же, спрашиваю, разница вашего крещенія? — Ужъ будто ваша милость и не знаетъ? У насъ въ кадушечкѣ и не на восходъ солнца крестятъ, а по солнцу, значитъ, какъ солнце слѣва вправо идетъ. — Живо—живо это онъ подмахнулъ всѣхъ; иные даже тутъ ребятишки сраму надѣлали. — Отчего вы, спрашиваю, къ причастію не ходите въ наши церкви? — Ваши попы, говорятъ, табачники, щепотники, усы брѣютъ и больно прижимисты. А наши благословенные по простотѣ ходятъ, въ синей рубахѣ поверхъ штановъ, также какъ мы живутъ и хлѣбъ добываютъ. За то мы ихъ и благодаримъ; скоро у насъ богатѣютъ... Нашъ этотъ казакъ—попъ, что привозили, и хорошъ былъ бы, да неграмотный, все по уму причитываетъ со словъ. Село тутъ, верстъ двадцать отсюда будетъ; то лѣто еще въ православіи было, а зашолъ туда одинъ нашъ старчикъ, побылъ два дня, всѣ и обратились къ намъ. — Чтоже вамъ нужно отъ меня? — Благословенный нашъ спознался съ станowymi, выдаетъ насъ. Такъ всѣ наши общества предлагаютъ вашей милости... — Что? спрашиваю, сказалъ генераль.

— Попомъ вамъ быть! подсказалъ священникъ.

— Такъ!.. Вы почему угадали?

— Они и мнѣ предлагали къ нимъ перейти прямо въ главные благословенные. Вызывались вмѣсто теперешняго моего жалованья въ сто рублей, платить мнѣ въ годъ по двѣ тысячи цѣлковыхъ, даже больше...

— Что же вы?

Отецъ Смарагдъ задумался.

— Еще бы. Какой вопросъ! Разумѣется... отказался, какъ вѣроятно отказались и вы. Бѣдные темные люди! А какъ много

въ нихъ хорошаго: трезвые, трудолюбивые, честные и опрятные. Ей-ей иной разъ вздохнешь и помыслишь! Обезпечать сразу...

Гдѣ-то на перевалѣ отецъ Смарагдъ, всегда задумчивый и грустный, вдругъ еще болѣе за печалился, ушелъ въ огородъ хозяина, сѣлъ тамъ и все время пропѣлъ духовные любимые канты, пока отдыхали. Рубашкинъ удивился, но не трогалъ его, подумавши: «Какой мистикъ!»

Кормивши лошадей въ одинокихъ постоянныхъ дворахъ среди степи, путники ѣхали далѣе и къ вечеру другого дня прибыли въ обширный, бревенчатый губернской городъ, въ одинокую пустынную улицу, въ квартиру учителя недавно-устроенной гимназіи, Саддукѣва, друга и дальняго родича священника изъ семинаристовъ.

Городъ носилъ на себѣ слѣды юговосточныхъ русскихъ городовъ и, какъ самъ недавняя колонія, былъ раскинутъ широко и просторно. Дома его были выстроены на живую нитку, съѣтлы и всѣ съ балконами, терасами и лѣстничками снаружи стѣнъ изъ яруса въ ярусъ. Церкви его не поражали тяжеловатостью и мрачностью вида. Домъ губернатора напоминалъ собою какое-то европейское заморское консульство. За городомъ въ степи видѣлись зеленѣющія насыпи сторожевыхъ окоповъ и бастіоны, съ разгуливающими часовыми въ бѣлыхъ фуражкахъ. По городу носились щегольскія кареты и колясочки съ воздушными кузовами, поддѣланными подъ камышевыя плетенки. Дамы ослѣпляли нарядами. Все на улицахъ курило, хоть это вездѣ запрещалось. Толпились офицеры, татары, чиновники, калмыки, мѣщанки-дѣвушки съ полуазіятскими лицами, въ ситцевыхъ однако платьяхъ и съ платочками на головахъ; казаки, гимназисты, кудрявые и черные, какъ жуки. Телѣжка путниковъ трусливо загремѣла по городскимъ улицамъ и переулкамъ. — «Что вы такъ пригорюнились?» спросилъ священника Рубашкинъ, вообще занятый и ободренный видомъ города. — «Тоска; что-то недоброе чувствуется...» — «Э, что вы! Съ чего взяли!» Подѣхали къ обширному забору, за которымъ въ молодомъ, саду стоялъ двухъ-ярусный домикъ, съ красивою лѣстницею снаружи, наискось вдоль стѣны на верхъ. По лѣстницѣ развѣшено было бѣлье. Въ окна глядѣло много цвѣтовъ. Дѣти шумно бѣгали по двору. По улицѣ, поросшей травою, гуляла пара ручныхъ журавлей. Самъ учитель, высунувшись изъ слухового окна, оказался на крышѣ, въ

халатъ и съ трубкой въ рукахъ. Онъ гонялъ платкомъ голубей, покурявая и слѣдя въ небѣ ихъ широкіе круги и кувырканья, и сразу не замѣтилъ вѣхавшихъ во дворъ гостей. Домъ былъ почти за городомъ.

— Рекомендую! сказалъ священникъ, назвавши Рубашкина, когда хозяинъ, суетливо переодѣвшись, сбѣжалъ внизъ, а между тѣмъ горничная внесла въ залъ свѣчи.

Саддукѣвъ откашлялся, придерживая лацканы вицъ-мундира, улыбнулся, потеръ лобъ и пристально глядя на Рубашкина, знакомъ попросилъ сѣсть гостей и сѣлъ самъ. Священникъ пустился рассказывать о причинѣ ихъ приѣзда, о личности и качествахъ Рубашкина.

— Ты мнѣ, Смарагдъ, не говори о нихъ! перебилъ Саддукѣвъ: — я уже ихъ исторію знаю, долетѣла сюда... Вы, ваше превосходительство, простите ему: онъ вѣдь простота, добрякъ, и сильно любитъ молоть чепуху. Мы съ нимъ товарищи, даже родня... А дѣло ваше вопіющее...

— Прошу со мною безъ чиновъ и церемоній! сказалъ Рубашкинъ.

Священникъ что-то шепнулъ на ухо хозяину. Саддукѣвъ, опять молча, съ любопытствомъ посмотрѣлъ на Рубашкина. Генералъ самъ еще рассказалъ ему свое дѣло и заключенія съ Перемоченской и подъ конецъ безъ обвиняковъ попросилъ хозяина помочь ему совѣтомъ и дѣломъ въ этой непостижимой исторіи. Саддукѣвъ какъ-бы по чутью угадалъ личность новаго знакома нѣсколько разъ во время рассказа генерала вскидывалъ странно руками, то складывая ихъ на груди, то потирая ими колѣни, и всталъ. Сухощавая фигура его зашевелилась, красныя сочныя добрыя губы ослабились, огромная бѣлокурая кудрявая голова съ большими сквозящими ушами, загнулась назадъ.

— Такъ вотъ она наша настоящая-то практика! сказалъ онъ то улыбаясь, то странно подпрыгивая на мѣстѣ и кусая до крови ногти: — велика значить разница между писаніемъ бумагъ о законахъ и ихъ примѣненіемъ! Что, генералъ? Значить нашего полку прибыло? И вы домой свернули, опомнились? Да мѣстечко-то ваше выходитъ другимъ уже нагрѣто? Успокойтесь, генералъ, не хлопчите. Коли пензеновъ нѣтъ, вичего вы тутъ не выиграете!

— Какъ не выиграю?

Кн. I. — Отд. I.

— Да такъ же! Отвѣчайте мнѣ прямо, я уже здѣшнія мѣста знаю, — становому вы платите?

— Зачѣмъ? Я самъ по министерству служилъ и порядки знаю...

— Ну, у васъ тамъ въ министерствахъ порядки одни, а тутъ другіе. У здѣшняго губернатора тутъ въ одномъ изъ уѣздовъ тоже имѣніе есть. Онъ губернаторъ, а чтобъ по имѣнію все, понимаете, обстояло хорошо, тоже выходитъ ежегодно ордынскую дань своему же подчиненному становому платить. — Да-съ! Исправнику, засѣдателю, стряпчему вы платите?

— Тоже нѣтъ...

— Вотъ вамъ и вся разгадка! Смарагдъ, Смарагдъ! Колпакъ! ты во всемъ виноватъ. Дѣло пропало...

— Что же мнѣ дѣлать?

— Достать денегъ и заплатить, да теперь уже побольше.

— Гдѣ же достать, научите? Просто голову теряю: и есть имѣніе, и нѣтъ его. Презабавная штука...

— А, такъ и вы забавникъ! Вотъ я такъ ужъ забавникъ тутъ надъ всѣми. Прежде всего, позвольте рекомендоваться. Я сынъ дьячка, учитель російской словесности при здѣшней гимназіи, Саддукѣевъ. Вотъ съ нимъ готовился тоже въ попы, дарованія оказывалъ непостижимыя; но такъ передъ выпускомъ напроказилъ, что чуть не попалъ въ Соловки. Одна барыня богомольная спасла. Тогда меня отписали по гражданству, и вотъ я сталъ учителемъ, сперва въ одномъ городѣ, потомъ въ другомъ, а тамъ и сюда домой на родину попалъ. Видѣли, что я голубей гонялъ? Это означаетъ, что я ручной сталъ самъ, силуюсь выказаться консерваторомъ-съ, стремлюсь показать уваженіе къ собственности-съ; для этой цѣли жешился на здѣшней купчихѣ, получилъ въ приданое сіи палестины, овдовѣлъ и тутъ же, извините, накинуся опять тайкомъ на чтеніе журналовъ и книгъ новѣйшей поставки. Книги и прочее держу на верху. А тутъ видите — цвѣты смиренныя, портреты властей. Съ виду я какъ-будто-съ и агнецъ, подчиненный нашего деректора, великаго педагога, сѣкущаго по субботамъ виновныхъ учениковъ въ повалку; а ученики меня любятъ, ходятъ ко мнѣ. Мы читаемъ, бесѣдуемъ. Пронесется какая новость, знаете, шевельнетъ душу, — я сейчасъ бѣгу въ наши локанды, сирѣчь

въ здѣшнія гостиницы, и съ жадностью кидаюсь на Пчелку эту, на Московскія чтоли... Вѣрите-ли, всѣ гимназисты знаютъ уже черезъ меня и про Италію, и за Америкой слѣдятъ, за чужими и домашними тамъ министерскими кризисами. Положимъ, я какъ всѣ, какъ и вы, лишній тутъ во всемъ этомъ, непутный вовсе ни к чему человекъ. Да у меня, скажу вамъ, своя задача есть, если такъ выразиться, свое помѣшательство... Я задалъ себѣ такое дѣло...»

Саддукѣвъ помолчалъ и оглянулся.

— «Я рѣшился, въ этомъ общемъ разладѣ правды и дѣла, во что бы то ни стало... жить долѣе! Да-съ и какъ можно долѣе! Видѣть осуществленіе хорошихъ порядковъ хочется на своемъ вѣку не на одной бумагѣ, а и на дѣлѣ видѣть, а знаешь, что не дожить до этого безъ чуда... Вотъ я, повторяю, и устремилъ всѣ помыслы на одно: пересижу молъ зло, переживу его, пережду, авось хоть черезъ сто лѣтъ исполнится то, о чемъ всѣ слѣпые наши собратья бьются кругомъ. Ну, сто такъ сто; и рѣшилъ я ухитриться непремѣнно сто лѣтъ прожить! Количесвомъ, знаете, массою годовъ хочу взять! И ужъ всякія штуки для этого я дѣлаю; потому, навѣрное знаю, ей-богу-съ, что мы съ вами простымъ человѣческимъ вѣкомъ ни до чего не доживемъ!»

Рубашкинъ засмѣялся. Саддукѣвъ разсмѣялся тоже, но продолжалъ съ увѣренностью:

— Смѣтаете? Ей-богу такъ! Вонъ нѣмцы, Бюхнеръ чтоли, говорятъ, что между наслоеніемъ разныхъ пластовъ на землѣ, между появленіемъ положимъ почвы каменноугольной и той, гдѣ появились птицы и звѣри, должны были пройти мильоны лѣтъ. Такъ и у насъ, съ гражданскимъ обновленіемъ. Готовятъ свободу крестьянамъ. Отлично; даже слезы выступаютъ на глазахъ. Скажите, что манифестъ скоро будетъ, что о немъ гдѣ-нибудь уже намекъ слѣланъ въ газетѣ; сейчасъ брошу васъ, извините, и бѣгомъ пушусь къ Фунтяеву въ таверну, Пчелку понюхать... А все-таки сто лѣтъ хочу прожить... Не вѣрю-съ, вотъ что! Всѣхъ переживу... Остается и вамъ только пережить эту Перебоченскую, и больше ничего!..»

Подали чай. Священникъ мало принималъ участія въ бесѣдѣ Саддукѣва съ Рубашкинымъ и нѣсколько разъ выходилъ на крыльцо.

— Мало вы говорите утѣшительнаго, сказалъ Саддукѣеву Рубашкинъ: — такъ вѣдь и съ ума сойдешь!

— «О, не сойду! Я все подмѣчаю—съ... Позовутъ на балъ къ губернатору, — молчу и стоя въ углу посматриваю на танцующихъ, не грохнется ли кто въ полъ такъ, чтобы и духъ вонъ. Сейчасъ это и отмѣтится на моихъ умственныхъ скрижаляхъ. Все однимъ подлецомъ меньше будетъ... Голубей люблю; здѣсь много всякихъ воровъ, въ томъ числѣ и голубиныхъ. Поэтому я не часто выпускаю голубей съ чердака на воздухъ... Но какъ встрѣчу мертвеца на улицѣ побогаче и поподлѣе, сейчасъ спѣшу домой и выпускаю на радость погулять и моихъ голубей на волюшкѣ... Вы меня такъ и застали; это нынче умеръ инвалидный здѣшній капитанъ, мошенникъ и первѣйшій живодеръ! Живу я умѣренно, все рассчиталъ, обзавелся даже аптекой, лечебниками; съ докторами дружбу веду. И если чего-нибудь изъ новаго не читаю, то день денской все придумываю средства насчетъ печальной такъ-сказать какой болѣзни и самой смерти. Ланцетъ ношу съ собою; всѣмъ говорю что нужно дѣлать, коли случится какая бѣда. Оно даже пріятно ощупывать теперь сквозь мягкое тѣло свой собственный костякъ, скулы тамъ, глазныя впадины, сухія кости на колыняхъ. и такъ-сказать осязательно угадывать въ себѣ будущій свой безобразный видъ, когда въ могилѣ-то отродятся въ желудочкѣ червячки и всего-то тебя скушаютъ до тла въ угоду разнымъ подлецамъ, гнетущимъ свѣтъ и людей... Противъ этого-то костяка я денно и почно веду самыя ловкія интриги, и убѣждаю, что отстою надолго свои бранныя тѣлеса. Одна бѣда — летаргія, случай-съ, какъ вдругъ живого тебя закопаютъ; и то бы еще ничего, да зависть тебя возьметъ: что, какъ завтра же ударитъ надъ могилою трезвонъ, заликуетъ правда, а тебѣ придется тамъ въ душныхъ потемкахъ могилы ожить и тщетно дѣлать послѣдніе жалкіе эксперименты: понатужиться, повернуться въ гробу, поколотить съ безумнымъ, холоднымъ отчаяніемъ въ глухую крышку гроба и попробовать наконецъ собственнаго своего мяса на закусочку, то-есть обглодать безъ пользы свои руки... Это уже будетъ вполнѣ скверно! Но я и тутъ принялъ мѣры. Подбиваюсь къ кладбищенскимъ сторожамъ, прошу поповъ не спѣшить съ похоронами... Ей-богу!.. И это будто все въ шутку, чуть перебираюсь на новое мѣсто. Совѣтую и вамъ, генералъ, тоже самое...»

Рубашкинъ задумался. Молча сѣлъ возлѣ него, собираясь съ новыми расказами, Саддукѣевъ. Но вбѣжали дѣти хозяина и все ожило снова.

— Нѣтъ, вы для меня придумайте безъ шутокъ что-нибудь посущественнѣе! сказалъ Рубашкинъ.

— Какія тутъ шутки! Трудновато, а впрочемъ посмотримъ... Я вообще ночью страдаю безсонницами, а особенно какъ что-нибудь взволнуетъ: какал-нибудь вдругъ столичная новость, политическій переворотъ, встрѣча съ замѣчательною жертвою какой-нибудь житейской пакости, вотъ хоть бы съ вами... Тогда я на другой день страдаю пищевареніемъ и въ видахъ долголѣтія сейчасъ же сажусь на одно молочко и на зельцерскую воду... Такъ-то-съ!

Далѣе вечеромъ хозяинъ и гости еще болѣе оживились. Дѣти Саддукѣева были сущіе дикаренки, страшно загорѣлые, съ протертыми локтями и колѣнками и сильно выросшіе изъ штанишекъ. Уча съ увлеченіемъ въ гимназій, Саддукѣевъ на своихъ дѣтей не обращалъ почти никакого вниманія. Съ утра задавалъ имъ уроки, а къ вечеру рѣдко даже вспоминалъ о нихъ и почти никогда не повѣрялъ ихъ занятій.

— Это будущіе семинаристы, сказалъ о нихъ хозяинъ: — хоть скверно учать и кормять въ семинаріяхъ, хоть чертовски тамъ сѣкутъ, но какъ плотоядный самецъ, да еще и вдовый, я ихъ намѣренъ именно туда отдать. Оттуда все-таки народъ выходитъ менѣе тухлый и болѣе какъ-то пикантный, чѣмъ изъ нашихъ гимназій. Посмотрите-ка, генералъ, какъ въ гору идутъ теперь вездѣ наши семинаристы! На нихъ сталъ спросъ... Вотъ хоть бы и Сперанскій какъ нѣкогда отличался! А вы знаете, что вашъ и мой пріятель, отецъ этотъ Смарагдъ, въ семинаріи метилъ именно въ Сперанскіе, на философію ударялъ, либеральничалъ, а теперь бѣднякъ на что размѣнялся въ Есауловкѣ! Сухія корки по селу черезъ пономаря собираетъ... Что дѣлать! Правда, ваше преподабіе? Да что ты такъ захохотился? спросилъ Саддукѣевъ вошедшаго снова въ гостиную священника: — что ты вздыхаешь и какъ-будто хавдришь?

— Жену оставилъ не совсѣмъ здоровою; боюсь, не расхворалась бы пуце: кругомъ на сорокъ верстъ нѣтъ лекаря... самъ ты это знаешь!

Саддукѣевъ подмигнулъ генералу на священника, который опять вышелъ на крыльцо.

— Вотъ вамъ и трагикомедія, генераль! Я его отъ души люблю: славный малый и въ семинаріи постоянно сидѣлъ въ карцерѣ за куреніе трубки... Но подумайте, почему онъ заботится о жевѣ или почему долженъ заботиться? умереть жена, — шабашъ! Болѣе жениться ни-ни, нельзя уже по ихъ закону... Вотъ драма, вотъ положеніе!

— Да, она женщина славная, сказалъ Рубашкинъ: — все хозяйство ведетъ, сама коровъ доить, моетъ бѣлье, ѣсть варить.

— Что и говорить! А умереть, шабашъ, Сморочка! Бери работницу, соблазнъ народу, или прочь отъ прихода... Сколько соблазну въ этихъ предложеніяхъ раскольниковъ! Еще удивляюсь ему...

Стали накрывать на столъ.

— Читаетъ онъ что-нибудь, слѣдитъ за литературой? Прежде онъ въ семинаріи отъ чтенія не отставалъ. И для чего онъ самъ сюда приѣхалъ?

— Приѣхалъ собственно для меня да кстатіи сдать свѣчныя деньги, запастись кое-чѣмъ, огарки тамъ продать и книги какія-то подписать по приходу. А читать онъ любитъ и слѣдитъ за всѣмъ, гдѣ только ни нападетъ на книги или листки газеты. Я-то самъ, извините, до русскихъ книгъ не охотникъ... Жаль, въ жесточайшей нуждѣ и живетъ; а избрать другое поприще не хочетъ: сильно вѣрующій; полагаетъ отъ своей должности много пользы прихожанамъ, и тѣ его очень любятъ: онъ входитъ во всѣ ихъ дѣла...

Рубашкинъ замолчалъ. Въ раскрытое окно сквозь темноту изъ сада послышался голось. Служанка какъ-то затихла навремя съ посудой и смуглая кудряшки-дѣти также приумолкли по кресламъ въ гостиной. Изъ сада ясно раздалось тихое пѣніе грустнаго духовнаго гимна.

— Такъ-такъ, узнаю тебя беззавѣтная личность, семинаристъ Перепелкинъ! сказалъ хозяинъ и глаза его, холодные, сѣрые и безжизненные, засвѣтились любовью: — такъ звался у насъ ты прежде, отецъ Смарагдъ! Дать острастку полцеу какому-нибудь бывало, эконома-отравителя штурмомъ взять, его было дѣло. Ему бы въ какую миссію, къ Ирокезцамъ; апостоломъ новаго слова явиться въ такую дичь, гдѣ бы грозило всякому по-

часть на крестъ или быть съѣденнымъ заживо своими же прихожанами. Вотъ бы гдѣ онъ себя показалъ! А ему пришлось коптить небо въ Есауловкѣ!.. Какъ тутъ не стремиться прожить столѣть?

У воротъ раздался топотъ усталой лошади. Кто-то тихо и несмѣло подѣхалъ. Не прошло десяти минутъ какъ отецъ Смаградъ блѣдный и взволнованный вошелъ въ гостиную и въ безнадёжности упалъ въ кресло.

— Что съ тобою, камрадъ? что съ тобою, Сморочка? спросилъ Саддукѣвъ.

— Пашенька.... Паша моя умираетъ... Ахъ, Господи-Боже! Второй день лежитъ безъ памяти какъ только мы уѣхали! Верховой прискакалъ... Нашолся еще добрый человѣкъ!

Саддукѣвъ вскочилъ съ дивана.

— Ахъ ты бѣднякъ-бѣднякъ! Жаль тебя! Да нѣтъ! Стой! Есть пріятель у меня лекаришка... Да нѣтъ, опять стой! что и хлопотать! Завтра балъ на весь городъ у губернатора. Навѣрное и этотъ подлищало тамъ будетъ... Эти балы всегда здѣсь смертности прибавляютъ, потомучто всѣ доктора льнутъ туда. Одно развращеніе!

Саддукѣвъ быстро заходилъ по комнатѣ.

— Я у васъ, Адріянъ Сергѣичъ, возьму телѣжку и лошадей! сказалъ священникъ: — и уѣду сейчасъ же въ ночь; вы воротитесь на почтовыхъ, или какъ тамъ лучше, когда устроите все. Подумайте: вѣдь на сорокъ верстъ кругомъ нѣтъ у насъ даже фельдшера!

— И это магнать! въ Есауловкѣ оркестръ держитъ, а аптеки, фельдшера простого нѣтъ! крикнулъ Саддукѣвъ: — О алеуты, безмозглые обитатели Мадагаскара! Тысячи, куда! десятки тысячъ на ѣду тратятъ, на мебель, на убранство домовъ и на бездушныхъ куколъ, жонъ своихъ, а доктора завести за триста цѣлковыхъ на цѣлый околотокъ не захотятъ! Говорить объ англо-мані! Куда тебѣ до лордовъ! Недорось! Ирокезъ.

Сѣли въ тревогѣ ужинать. Священникъ ничего не ѣлъ. Лошади его въ телѣжкѣ были опять запряжены. Послѣ ужина однако, опять что-то надумавши, Саддукѣвъ сбѣгалъ въ дватри мѣста и воротился со стклянками.

— Ъхать всѣ отказываются; такад, говорятъ, дадъ я еще къ сельскому попу! А прописать лекарство, за глаза прописали. Да

и что еще за болѣзнь у нея? къ дѣлу ли оно? Кто прѣхалъ съ вѣстью? Спросить бы его... Позвать этого человѣка!

Вошелъ Илья Танпуръ. Онъ чуть стоялъ на ногахъ отъ усталости. Рубашкинъ пофранцузски объяснилъ Саддукѣву, кто онъ и чей сынъ. Учитель осмотрѣлъ Илью съ головы до ногъ.

— Вотъ, братъ, сказалъ онъ: — отецъ твой главный прикащикъ въ вашей труппѣ; въ годъ я думаю не на одну сотню крадетъ и не одну тысячу князю вашему высылаетъ за море, а лучше бы хотъ коновала какого завелъ у васъ!

Илья оправился и отвѣтилъ:

— Мы дѣловъ отца не касаемся; не извольте обижать насъ, баринъ...

— Кто же тебя послалъ?

— Самъ-съ, отъ жалости-съ... Прихожу разъ, другой, а матушка, вотъ ихъ жена то-есть, безъ памяти лежитъ. Дѣвчонка ихъ работница на улицу бѣгать ушла, — шалить; дѣти голодные кричать. Некому воды подать. Я это... къ отцу... Такъ и такъ. молъ. Онъ резонту не далъ. Я на утро вижу тоже, взялъ изъ барской конюшни коня, да и поѣхалъ. Очевно усталъ-съ... Ругать отецъ еще будетъ. Позвольте овсеца для лошади. Денегъ своихъ не имѣю. А дорогой надо будетъ подкормить, хотъ я и берегъ коня!

Рубашкинъ опять сказалъ что-то Саддукѣву пофранцузски.

— Ты въ бѣгахъ былъ? Долго? спросилъ учитель.

— Двѣнадцать лѣтъ-съ...

— Чѣмъ больна потвоему ихъ вотъ жена?

— Горитъ вся, мечется, а узнавать ничего не узнаетъ...

— Ну, прощай, другъ Смарагдъ! Спѣши; вотъ тебѣ лекарства; тамъ написано какъ принимать. Да не жалѣй горчичниковъ... Я же за тебя свѣчи сдамъ, деньги, книги и все исполню. Станный однако этотъ Илья; токъ изъ него будетъ!

Священникъ простился и уѣхалъ въ ночь съ Ильей, привязавши княжескую разговную лошадь къ повозкѣ и рѣшивши ее не оставлять, а лучше покормить даѣе дорогой, чтобъ успѣть проѣхать хотъ часть пути, пока еще не зашолъ мѣсяцъ.

— Мы же съ вами не пожалѣемъ слезъ, когда дѣйствительно умретъ эта бѣдная сморочкина Паша! сказалъ Саддукѣвъ: — жаль его! Что-то перечувствуетъ его сердце подъ рясою, пока онъ доѣдетъ до дому? Мы примемся за ваше дѣло! Если

двоюродный братец мой, Смарагдъ Перепелкинъ, овдовѣть, не знаю, устоитъ ли онъ тогда съ семьей.

Гость и хозяинъ ушли спать. Ночью Рубашкину слышалось все воркованіе голубей на крышѣ, Перебоченская приснилась въ видѣ Чингисхана съ усами, окопавшаяся отъ него окопами, вышивной съ добрую колокольню; и чудилась ему больная при смерти жена священника въ бѣломъ чепчикѣ и въ бѣдномъ ситцевомъ платьѣ, звавшая опять почтеннаго слугу церкви запросто Сморочкой. Проснувшись Рубашкинъ услышалъ въ залѣ громкіе шаги. Кто-то порывисто ходилъ изъ угла въ уголъ. Онъ одѣлся и вышелъ. То былъ Саддукъевъ.

— Насилу-то вы проснулись; не хотѣлъ я васъ будить. Утромъ въ видахъ, понимаете, долготѣія я всегда задаю себѣ отчаянный моціонъ передъ класами. Уходить не хотѣлъ не видѣвши васъ, и вотъ тутъ все метался изъ угла въ уголъ. Вотъ что я придумалъ...

— Благодарю васъ.

— Вотъ что: сегодня у губернатора балъ; одѣньтесь и вы во фракъ и сдѣлайте ему визитъ. Онъ васъ пригласитъ; вы на балѣ и объяснитесь съ нимъ о дѣлѣ.

— А утромъ объясниться развѣ нельзя?

— Онъ аристократъ, приметъ васъ за нищаго, за попрошайку, за сутягу, и дастъ дѣло на разсмотрѣніе правленія. Надо это такъ будто мимоходомъ: онъ юмористъ, даже сатирикъ, и чуть гдѣ въ просьбѣ зазвучитъ неподдѣльная мольба о защитѣ, вопіющее какое-нибудь дѣло, убивающее страдальца, онъ скажетъ «исполню тотчасъ» приметъ записку о дѣлѣ, поковыряетъ въ ногтяхъ, полюбезничаетъ, даже полиберальничаетъ съ вами, и все сей-часъ-же забудетъ, а къ просителю оставитъ въ сердцѣ своемъ неимовѣрное отвращеніе, какъ къ гнусной провинціальной твари и пролазу. Онъ изъ гвардейцевъ, богачъ, учился въ пажлахъ и попалъ въ эту глушь временно, понимаете, чтобъ попрактиковаться здѣсь, какъ англійскіе ученые и чиновники ѣздятъ иногда путешествовать вокругъ свѣта по програмѣ своего воспитанія. Надѣньте кстати и звѣзду, коли вы ею украшены...

— Фракъ и звѣзда остались дома въ деревнѣ, гдѣ я живу.

— Жаль! Примѣрьте однако мой фракъ, а звѣзду мы возьмемъ на-прокатъ у одного тутъ лакея; его баринъ-сенаторъ

здѣсь лечится кумысомъ. Лакей не откажетъ: звѣзда лежитъ давно безъ употребленія у его барина. Я это сообразилъ!

Сказано и сдѣлано. Во фракѣ и въ звѣздѣ генераль Рубашкинъ отправился, подъ легкою парусинною накидкою, къ властителю края. Властитель принялъ его очень вѣжливо, освѣдомился о его службѣ; не безъ удивленія и легкаго почтенія узналъ, что онъ такъ недавно еще и успѣшно служилъ на важномъ мѣстѣ по министерству и удивился его отставкѣ. Самъ будучи еще почти юношей, губернаторъ при этомъ вдругъ сталъ жаловаться на боль поясницы, будтобы отъ тяжести дѣлъ въ этомъ дикомъ краѣ. Тутъ принять былъ еще какой-то помѣщикъ, сразу начавшій начальнику края перепуганнымъ и надорваннымъ отъ отчаянія голосомъ рассказывать, какъ крестьяне у него сожгли недавно хлѣбный токъ, а потомъ амбары и наконецъ пять дней назадъ домъ его. «Чтоже вы хотите отъ губернатора?» спросилъ его отъ себя въ третьемъ лицѣ чистившій въ это время ногти губернаторъ. «Содѣйствія!» заревѣлъ вставши и вытянувшись передъ нимъ запыленный и мѣдноцвѣтный отъ степного загара помѣщикъ. Подайте записку.» Въ это время мостовая у окна, гдѣ они всѣ трое сидѣли, загремѣла и въ легкомъ тильбюри, на раскормленномъ до безобразія сѣромъ рысакѣ, показалась какая-то городская дамочка, вся разодѣтая, сиявшая веселостью и удалюю. Зади ея неслись верхами трое франтовъ.

— Куда вы? крикнулъ юный губернаторъ, высунувшись изъ окна.

— Въ степь...

— Зачѣмъ?

— Киргизы появились.

— Быть не можетъ?

— Не бойтесь... мирные! Скаковыхъ лошадей привели табунъ; куда-то на ярманку ведутъ. Хочу и я поторговаться.

· Позвольте, сейчасъ!

Губернаторъ бросилъ ножикъ, которымъ чистилъ себѣ ногти, выбѣжалъ мимо оторопѣвшихъ жандармовъ и часовыхъ на улицу и подошелъ къ тильбюри.

— Позвольте, милый нашъ вице-губернаторъ! сказалъ онъ дамочкѣ: — позвольте вашу ручку поцѣловать. Вы всѣ новости узнаете раньше меня... я долженъ уступить вамъ пальму первенства! Я для васъ ручкой...

Дамочка съ хохотомъ протянула ему руку, ломаясь и оглядываясь кругомъ, ударила хлыстомъ рысака и тильбюри загремѣло далѣе.

— До вечера? крикнулъ губернаторъ съ крыльца.

— До вечера, г. ручной левъ!

Губернаторъ послалъ ей вслѣдъ поклоны рукой.

Погорѣвшій помѣщикъ молча хлопалъ на все это глазами.

— Кто эта дама? спросилъ онъ Рубашкина.

— Не знаю. А васъ положили?

— Все сожгли въ три темпа—съ...

— За что же?

— Не знаю самъ пониѣ. Сыплется на голову, какъ лава Везувія, и только. Думалъ найти тутъ защиту...

Губернаторъ вошелъ еще улыбаясь, но не сѣлъ. Знакъ былъ гостямъ уйти. Первый съ шумомъ зашаркалъ погорѣлый степякъ—помѣщикъ.

— Такъ подайте записку! сказалъ губернаторъ.

Помѣщикъ вздвинулъ Рубашкину плечами, шаркнулъ опять и ушелъ, обливаясь испариной.

— А васъ, ваше превосходительство, милости просимъ сегодня ко мнѣ на балъ. Молодежь хочу развеселить! отнесся губернаторъ къ Рубашкину, опять принимаясь за ногти: — знаете, среди трудовъ... я подобралъ здѣсь все правовѣдовъ и лиценстовъ; студенты какъ—то ненадежны теперь стали! А у меня блистательно составила администрація. Всѣ люди хорошаго тона, знаютъ вкусъ въ женщинахъ и отлично танцуютъ. Уговорили меня дать балъ подъ открытымъ небомъ въ саду...

Рубашкинъ далъ слово быть.

— Въ девять часовъ, запросто въ Халыбовскіи садъ: тамъ нашъ балъ! сказалъ губернаторъ на прощаньи, почтительно поглядывая на звѣзду Рубашкина.

«Какъ бы еще не угадалъ чья это звѣзда!» подумалъ послѣдній, уходя.

Рубашкинъ все рассказалъ Саддукѣву.

— И отлично! крикнулъ Саддукѣвъ, изъ гимназій поздно воротившись къ обѣду: — вы сдѣлали одну половину дѣла, а я подумалъ и о другой...

— О какой?

— Просите вечеромъ, если все пойдетъ на ладъ в губерна-

торъ сдаться, просите у него, чтобы назначили на слѣдствіе и на выводъ Перебоченской съ вашей земли не кого другого, какъ одного изъ здѣшнихъ совѣтниковъ губернскаго правленія, и именно Тарханларова, а уже онъ, коли согласится, подберетъ себѣ помощниковъ. Я обѣгалъ весь городъ, былъ у всѣхъ. знаете мелкихъ властей, у здѣшней такъ-сказать купели сивоамской, ожидающей постоянно движенія воды, то-есть наскока такого доходнаго и прижатаго судьбою человѣка, какъ положимъ вы... Я ихъ однако предупредилъ, что вы мой пріятель, и чтобъ все дѣло сдѣлалось безъ подачики... Да то бѣда, что въ этомъ дѣлѣ уже очень многіе замѣшаны; исправникъ вашъ ничего не сдѣлаетъ, онъ племянникъ этой барыни; уѣздовый предводитель, князекъ дуракъ въ придачу ей тоже какая-то родня; становые подчинены исправнику... Всѣ указали мнѣ на Тарханларова. Это, скажу вамъ, молодчина, геркулесъ съ виду и бѣдовый по смѣлости... Коли онъ ничего не сдѣлаетъ, т. е. не выпроводитъ барыни этой сразу, въ одинъ пріемъ, при десяткѣ или даже при сотнѣ понятыхъ и отложить дѣло опять на переписку, такъ ужъ вамъ останется одно: откланяться и уѣхать отсюда обратно, принявши мѣры къ тому только, чтобъ наконецъ хоть, проживя лѣтъ сто, пережить Перебоченскую...

— Да помилуйте, я этимъ имѣніемъ уже введенъ во владѣніе и имѣю формальный вводный листъ!

— А на дѣлѣ вы имъ владѣете?

— Нѣтъ!..

— Таковы-то, генералъ, наши провинціи. Станете жаловаться въ Петербургъ, — всѣ тутъ здѣшніе замѣшаны, слѣдовательно стануть отписываться; запроситъ министръ, отнесутъ дѣло къ тяжбынымъ. И ждите его рѣшенія!

— Чтоже мнѣ теперь дѣлать?

— Позвольте, я не въ мѣру взволновался; это вредно... Надо выпить... чего бы? да! зельтерской воды и опять походить... Такъ точно я былъ взволнованъ и по полученіи здѣсь извѣстія о походѣ нынѣшнихъ наполеоновскихъ французиковъ! Вы, генералъ, извините меня, что я этого новаго Наполеона не очень жалую... Эй, Феклуша! зельтерской мнѣ воды!

Саддукѣву горничная принесла воды. Онъ выпилъ и сталъ ходить.

— Подождемъ еще обѣдать пока. А послѣ обѣда я кинусь

узнать сколько надо предложить совѣтнику Тарханларову; вы же къ нему прямо пойдите между тѣмъ, и рассказавши все дѣло, просите приять порѣшеніе его на себя. На балѣ въ этомъ саду буду и я. Тамъ придумаемъ какъ сказать все губернатору...

Послѣ обѣда гость и хозяинъ не спали. Оба кинулись въ разныя стороны хлопотать о дѣлѣ.

Рубашкинъ воротился первый и не въ духѣ. Саддукѣевъ прибѣжалъ съ кипой газетъ.

— Вотъ, вотъ! говорилъ онъ, лихорадочно перебирая листки: — до бала успѣемъ еще пробѣжать кое-что... Да-съ... вотъ оно... Говорятъ... въ фельетончикѣ какомъ-то есть намеки, что составляются новыя комиссіи о разныхъ реформахъ и что дѣло крестьянское идетъ къ концу. Узналъ я и о вашемъ дѣлѣ, генераль. Оказывается плохо-съ однако... Юстиція у насъ еще не сбавила тутъ въ глуши своей таксы: говорятъ, что менѣе двухъ тысячъ цѣлковыхъ этотъ совѣтникъ губернскаго правленія, Тарханларовъ, за таковое дѣло не возьметъ...

Рубашкинъ вскочилъ.

— Какъ! Двѣ тысячи?

— А вы, ребенокъ, полагали менѣе? спросилъ Саддукѣевъ, не отрываясь отъ лампы у стола, за которымъ онъ съ жадностью перебиралъ газеты только-что привезенной чьей-то почты.

— Двѣ тысячи! восклицалъ Рубашкинъ.

— Да-съ, да! Вотъ именно почему я и хочу, желаю всѣми средствами прожить сто лѣтъ; и проживу, ей-богу проживу! Вонъ, вонъ, точно: комиссіи, комиссіи... А, батюшки!.. Шагаетъ! Ужъ не сбавитъ ли чего однако со ста лѣтъ? Да нѣтъ! Какъ бы еще не маловато этой суммы годовъ послѣ показалось... Еще съ горы можетъ все это оборваться... Вонъ, о редакционныхъ крестьянскихъ комиссіяхъ наши официалы торжественно выражаются; скоро тутъ окончательно пробьется что-то! Ну, а вашъ визитъ къ Тарханларову чѣмъ кончился?

— Отказалъ на отрѣзъ!

— Отказалъ? Быть не можетъ!

Саддукѣевъ бросилъ газеты и ладонью бережно придерживая ихъ, обратилъ тусклые, усталые глаза на генерала.

— Отказалъ... Жена его беременная на сносъ; не могу, го-

ворить, какъ бы чего безъ меня тутъ не случилось съ женою! Это не отецъ Смарагдъ.

— А про могущій быть ордеръ губернатора говорили?

— Говорилъ. Не поѣду, сказалъ онъ, хоть бы самъ сенатъ нарядилъ, извиняте; а про дѣло ваше слышалъ: точно скверное дѣло.

— Ну, что Богъ дастъ, то и будетъ.

Саддукѣвъ и Рубашкинъ отправились на дачный балъ губернатора, въ загородный садъ армянина-откупщика Халыбова. Множество экипажей стояло у рѣшотки сада. Ворота и дорожки были освѣщены фонариками. Гремѣла музыка. У крыльца на особой эстрадѣ шли танцы. Долго тыкались безъ смысла повые два пріятеля въ толпѣ. Губернаторъ замѣтилъ опять звѣзду на груди Рубашкина и кивнулъ ему, подзывая его къ себѣ. Рубашкинъ подошелъ къ нему. «Вывези, Антошка!» мысленно при этомъ подумалъ учитель, вспоминая сенаторскаго лакея, у котораго для генерала абонирована была за полтинникъ съ приличнымъ залогомъ звѣзда. Толпа раздвинулась, губернаторъ прошелъ въ боковую алею съ Рубашкинымъ.

Они шли и болтали о томъ о семъ.

— Вы здѣшній помѣщикъ? спросилъ губернаторъ, уже едва помнившій вчерашній визитъ къ нему Рубашкина.

— Да-съ! Имѣлъ бы особое удовольствіе васъ угостить у себя такимъ же баломъ, да со мною длится маленькое комическое дѣло...

— Какое? спросилъ юный степной сатрапъ, лорнируя въ потемкахъ боковой дорожки какихъ-то полногрудыхъ красавицъ. Сатрапомъ и ханомъ любилъ себя звать самъ этотъ губернаторъ съ той поры, какъ по первомъ приѣздѣ изъ Петербурга ему удалось здѣсь принять, съ восточными утонченностями, какое-то важное, ѣхавшее на сѣверъ посольство.

Рубашкинъ, намѣренно хихикая и съ приличнымъ юморомъ рассказалъ ему о своемъ дѣлѣ, какъ онъ получилъ наслѣдство, какъ введенъ былъ во владѣніе и какъ одна безпардонная барыня-хуторянка, торгующая скотомъ, мѣшаетъ ему поселиться у себя и взяться за хозяйство.

— Чтоже вы не подадите мнѣ записки? спросилъ губернаторъ, забывши, что по этому дѣлу онъ самъ подписалъ шесть грозныхъ, но тщетныхъ приказовъ уѣзднымъ властямъ и отъ са-

мого Рубашкина получилъ двѣ письменныхъ плачевныхъ жалобы.

— Не стойте! сказалъ небрежно Рубашкинъ, разсѣянно освобождая свою руку изъ-подъ локтя губернатора и всѣмъ оборотомъ тѣла спѣша взглянуть тоже въ какихъ-то красавицъ по дорожкѣ.

— Кто это? спросилъ тревожно волокита-ханъ и голосъ его, отъ чаянія тайной интрижки у посторонняго, дрогнулъ.

— О! прелесть! вы ихъ не знаете? Онѣ изъ Петербурга...

— Не можетъ быть!

— Ей-ей... три сестры сироты...

— Такъ вы мнѣ однако подайте записку! проговорилъ, уже нячего не соображая, губернаторъ.

— Не стойте ..

— Вы хотите меня обидѣть? шутиливо спросилъ ханъ, чувствуя между тѣмъ потребность кинуться вслѣдъ за хвостами особъ, похваленныхъ гостемъ.

— Если вы требуете, извольте... завтра же. Но съ одною оговоркою...

— Съ какою?

Губернаторъ, смотря въ дальній уголь дорожки, начиналъ терять всякое терпѣнiе.

— Съ тѣмъ, чтобы вы слѣдователемъ назначили Тарханларова...

— Почему? спросилъ губернаторъ, лорнируя дорожки, но тутъ же по чутью изъ радушнаго перехода въ подозрительный тонъ.

— Ему давно хочется побывать у меня въ гостяхъ... Я ему красавицу припасъ!

— Но у него кажется жена въ родахъ! что-то онъ на волониту не похожъ, или притворяется? а? что? кажется жена его беременна...

— Родила, ваше превосходительство! кстати вмѣшался тутъ Саддукъевъ, выросшій вдругъ перель собесѣдниками, точно изъ-подъ земли.

— Чему же вы радуетесь? спросилъ губернаторъ, разглядѣвши впотъмахъ голову учителя: — точно вы сами участникъ въ этихъ родахъ! а?

Всѣ трое засмѣялись. Радуюсь своей острогѣ, губернаторъ прибавилъ:

— Если Тарханларовъ согласится ѣхать къ вамъ въ гости, извольте, я отпускаю его, подавайте только записку; безъ нея и не приѣжайте ко мнѣ, обидчикъ! Надо же и дѣлами заняться...

Губернаторъ исчезъ подъ липами, а Саддукѣевъ, присѣвши къ землѣ, просто зашипѣлъ отъ радости.

— Браво! склѣилось наше дѣло! Теперь денегъ надо достать...

— Тутъ-то опять и бѣда. У меня ни гроша не осталось отъ перваго приѣзда въ эти мѣста...

Саддукѣевъ посвисталъ.

— Ничего... пустяки-съ... Коли съ вами не прихватимъ въ откупъ, я извернусь иначе еще для васъ. Вы меня извините, другой здѣсь вамъ зря сразу не повѣрилъ бы! Да у меня уже Смарагда этотъ такой видите ли человекъ, что темнаго господина никому не похвалить и не привезеть... Я его знаю.

Тутъ же среди танцующихъ Саддукѣевъ нашолъ Халыбова, шепнулъ ему нѣсколько словъ и прибавилъ:

— Я у васъ двухъ сыновей учу, дайте намъ въ займы тысячу-другую на мѣсяцъ. У этого вотъ господина болѣе двухъ тысячъ десятинъ незаложенной земли есть... на дняхъ ее получить...

Армянинъ поклонился и ослабился.

— Знаю я ихъ очень хорошо и безъ тебя, слышалъ я о нихъ! только дамъ имъ займы не теперь, а когда отъ нихъ эта барыня, какъ ее звать, переѣдетъ...

— Ага! слышите, генералъ? спросилъ учитель.

Рубашкинъ печально улыбнулся.

Армянинъ потрепалъ Саддукѣева по плечу.

— Подъ твой домъ, бачка, дамъ хоть три тысячи: мѣсто твое очень мнѣ нравится! Что небось, такъ не кинешься заниматься?

Учитель на мгновеніе опѣшилъ. Снялъ съ огромной скулистой головы сѣрую пуховую шляпу, отеръ со лба потъ, повертѣлъ въ рукахъ платокъ, посмотрѣлъ на армянина и сказалъ:

— Идетъ, давай подъ залогъ моего дома, Нинъ Ниничъ, этому господину... двѣ тысячи...

— Двадцать процентовъ на полгода? поторопился прибавить шопотомъ Нинъ Ниничъ Халыбовъ: — если согласенъ, такъ хотъ

сейчасъ до закладной, подѣ простое домашнее условіе дамъ тебѣ эти деньги!

Саддукѣвъ уставился глазами въ Рубашкина и крикнулъ.

— Идетъ! сказалъ онъ.

Ударилъ по рукамъ и пока толпа рѣзвилась и тѣшила юнаго начальника, откупщикъ и два пріятеля сѣздили въ откупную контору и дѣло займа, подѣ сохранныю росписку, кончили въ полчаса.

— Теперь значить вотъ что, сказалъ Саддукѣвъ, воротившись съ Рубашкинымъ домой: — садитесь и пишите коротенькую докладную записку губернатору, чтобъ не возбудить въ немъ подозрѣній; представьте все дѣло однимъ административнымъ недоразумѣніемъ, сошлитесь на справки по этому дѣлу въ правленіи, и завтра же рано занесите записку эту предварительно Тарханларову, чтобы онъ не промахнулся и не выдалъ васъ, что все съ вами не знакомъ, да тутъ же отвезите ему и занятый презентъ...

— Какъ? Впередъ?

— О, безъ сомнѣнія и цѣликомъ; онъ и росписки разумѣется не дастъ. А съ васъ я возьму сейчасъ же...

— Извольте... Но... какъ онъ надуетъ?

— Не бывало еще примѣра. У нихъ на это есть своя совѣсть и довольно высокая: будьте спокойны.

Рубашкинъ получалъ отъ учителя деньги и далъ ему росписку съ своей стороны.

— Это на случай смертности, сказалъ Саддукѣвъ: — я—то проживу еще; ну, а вы уже въ лѣтахъ... до ста годовъ не дотянете! ни-ни...

Они легли спать. При выходѣ изъ праздничнаго сада, къ Рубашкину у воротъ подошелъ помѣщикъ, утромъ жаловавшійся на поджоги. Онъ былъ опять возбужденъ и озабоченъ; потлился съ его загорѣлаго лица, а волосы были взъерошены и выбивались изъ-подъ картуза.

— Что съ вами? спросилъ генералъ.

— Сейчасъ пришло извѣстіе отъ жены и дѣтей: сожгли у насъ и овчарни. Ждалъ это въ саду заговорить съ начальствомъ!

— Чтоже?

Помѣщикъ яростно плюнулъ, посопѣлъ и молча пошелъ въ улицу.

— Куда вы? Попробуйте еще...

— Нечего времени-то терять; вижу, тутъ тапчуютъ, а мнѣ не до того: надо просто-напросто заново скорѣе стряпнуть; это будетъ вѣрнѣе, чѣмъ тутъ жаловаться!

— Вотъ вамъ и еще наша областная практика! сказала Салдукѣвъ: — значить, не вы одни!

Итакъ генералъ и учитель легли спать.

«Какъ-то мнѣ удастся утромъ эта практика? думалъ Рубашкинъ, засыпая: — Каково? И, недавно высшій администраторъ, теперь самъ своею особою пойду и понесу какому-нибудь совѣтнику, своему же бывшему подчиненному, и такую полновѣсную взятку.»

Утромъ гость и хозяинъ умылись, одѣлись, напились чаю и снова посовѣтовались. Рубашкинъ бросился въ первую изъ разстроенныхъ лавокъ, купилъ какую-то влохенькую соломенную корзиночку, съ дамскимъ приборомъ для шитья, и дѣтскій игрушечный сундучекъ. Въ обѣ изъ этихъ вещей вложилъ онъ чистаганомъ по тысячѣ рублей серебромъ, явился на домъ къ совѣтнику правленія Тарханларову и поздравилъ его съ новорожденнымъ. На генералѣ были опять фракъ и звѣзда. Тарханларовъ притворился подавленнымъ такою честью отъ генерала; еще не видя что было въ корзиночкѣ и въ сундучкѣ, онъ сказалъ: «Полноте! къ чему вамъ было беспокоиться поздравлять меня, такого ничтожнаго чиновника!» и прибавилъ однако: «Я вижу, что вы опять о дѣлѣ? Не могу, теперь въ особенности не могу: сама знаетъ, жена родила съ вечера... Да и зачѣмъ мнѣ именно вѣдать? Надо вѣдать кому-нибудь другому, по инстанціямъ, младшему. Это соблазнъ и обида для уѣздныхъ властей!»

— Что дѣлать! возразилъ грустно Рубашкинъ, разставя руки и ноги и слегка склонивъ голову: — этихъ маленькихъ подарковъ новорожденному и родильницѣ, по русскому обычаю, вы надѣюсь однако не откажетесь принять, не обидите меня!

Тарханларовъ глянулъ искоса на невзрачные подарки, причемъ его бойкій свѣтлый глазъ усмотрѣлъ звѣзду на груди просителя. Онъ задумался, но какъ бы по чутью сразу въ вѣрастойщемъ повидимому романтикѣ-просителѣ, обыкновенно вѣбжающемъ на однихъ идеальничавьяхъ, угадалъ зѣло-умѣлаго практика. Онъ также съ полуулыбкою разставилъ руки и ноги, склонилъ голову на бокъ, взялъ хихикая корзиночку и игрушеч-

ный сундучекъ, прижалъ ихъ съ чувствомъ къ груди и скрылся, будто спѣша обрадовать ими родильницу и новорожденнаго. За дверью залы онъ остановился, подошолъ въ сосѣдней комнатѣ къ окну, открылъ сперва одну вещьцу, потомъ другую, радостно закрылъ на мгновеніе глаза, потомъ оглянулся, вынулъ деньги, медленно ихъ сосчиталъ, сунулъ комками пачки асигнацій въ карманъ, а корзинку и сундучекъ бросилъ на диванъ, и громко высморкавшись, оправился передъ зеркаломъ. «Что, дитя купали?» спросилъ онъ повивальную бабку, выглянувшую въ это время случайно изъ спальни, и ушолъ, не дождавшись ея отвѣта и самъ не помня о чемъ ее спросилъ.

Молодцомъ, сіяющимъ и бойкимъ вышелъ снова въ залъ Тарханларовъ, подошолъ и какъ ни въ чемъ не бывало сѣлъ у окна противъ Рубашкина.

— Когда вамъ угодно, чтобъ я вѣхалъ въ ваше имѣніе? спросилъ онъ гостя, добродушно смотря на него свѣтлыми и влажными голубыми глазами и взявши его руку въ свои пухлыя, разлушонныя и добрыя ладони.

— Сегодня же... или завтра утромъ я бы васъ просилъ...

Тарханларовъ поэтически-грустно раскинулся на стулѣ и задумался. Тутъ впервые Рубашкинъ разглядѣлъ какой онъ былъ дѣйствительно красавецъ: грудь широкая, крутая, плечистый, губы антично очерчены, волосы закинута назадъ, голосъ звонкій, рѣчи строгія, бѣлье ослѣпительной бѣлизны, въ лицѣ гордость, умъ, даровитость и во всѣхъ движеніяхъ какая-то выветъ тихая грусть и безграничная смѣлость.

— Сегодня, такъ сегодня, а завтра, такъ и завтра! весело сказалъ Тарханларовъ: — я исполнѣ къ вашимъ услугамъ! Хлопочите только, чтобъ губернаторъ назначилъ меня...

— Вотъ и записка! Уже готова... Это я его прошу о васъ!

Рубашкинъ подалъ ему записку.

— Хорошо, несите; а я черезъ часъ буду у него послѣ васъ и въ точности поясню, что и мнѣ давно хочется побывать у васъ въ имѣніи. Говорятъ, красивый дѣйствительно уголокъ... Теперь же я поѣду въ правленіе, пробѣгу ваше дѣло. Оно поправдѣ нешуточное. Вѣхать стоить: совѣтниковъ попусту изъ города не посылаютъ. До свиданія.

Тарханларовъ и генералъ поцѣловались.

Рубашкинъ отвезъ губернатору записку и прибавилъ:

— Еслибы не желаніе дать вамъ балъ у меня на Лихомъ, я не тревожилъ бы васъ ни за что этимъ дѣломъ.

Губернаторъ уже холодноѣ однако встрѣтилъ имъ же самымъ заказанную записку, и пробѣгая бумагу генерала, даже не попросилъ Рубашкина сѣсть.

— Вы однако рано вчера бросили наши забавы... Васъ не было за ужиномъ? а?

— Одно... свиданіе ожидало, — извините...

— Э!

Губернаторъ покосился на Рубашкина, молча помѣтилъ его записку къ исполненію, зазвонилъ и велѣлъ дежурному чиновнику ее сейчасъ же отправить къ Тарханларову. Но чиновникъ доложилъ, что самъ совѣтникъ Тарханларовъ и вповѣ прикомандированный къ канцеляріи его превосходительства чиновникъ, титулярный совѣтникъ Ангелъ, ждутъ въ приемной.

— Дѣла, какъ видите! сказалъ губернаторъ и изъ-за стола грустно раскланялся съ генераломъ: — я васъ не смѣю удерживать! Вы долго еще пробудете въ городѣ?

— До вечера только.

— Что же такъ?

— Вы будете смѣяться...

— О! Пожалуста скажите...

— Дома, гдѣ я пока живу, ждетъ меня одно хорошее дѣло... также интрижка...

— Гдѣ же вы живете?

— Въ казенной деревушкѣ, вблизи своего имѣнія...

— Неправда ли, какой здѣсь край! Что ваша Колумбія, Перу. И каковы нравы, каковы красавицы! Не будь эта служба, не выѣхалъ бы отсюда. До свиданія...

— Въ моемъ имѣніи?

— Отъ души радъ буду по пути заѣхать!

Вошедшихъ чиновниковъ губернаторъ принялъ сухо и строго: бумагу Рубашкина Тарханларову подалъ не сразу.

— Вамъ командировка отъ меня черезъ губернское правленіе! сказалъ губернаторъ совѣтнику, не смотря на него.

— Слушаю-съ!

— Далеконько однако...

— Слушаю-съ!

— Къ вашему знакомому... Рубашкина знаете? Онъ отсюда черезъ оранжерею сейчасъ вышелъ, былъ у меня...

— Не видѣлъ, но радъ исполнить приказаніе вашего превосходительства...

— Вы съ нимъ пріятель?

— Въ Петербургѣ служили вмѣстѣ! солгалъ молодчина совѣтникъ, стоя на вытяжку: — поохотиться на рыбку звалъ...

— То-то на рыбку... знаю! Вы бы тамъ щуку-то одну намъ поймали: уродъ какой-то тамъ, говорятъ, упирается, не слушаетъ судебныхъ постановленій... Какая-то помѣщица, сущая азіатка!

— Слушаю-съ.

— Велите заготовить сейчасъ бумагу. Вы знаете, я откладывать не люблю. Слышите?

Тарханларовъ умышленно замаялся.

— Да! У васъ жепя родила...

— Ничего-съ, я готовъ приказъ вашъ выполнить. Но позвольте чиновника въ помощь подобрать надежнаго и знающаго.

— Если вы такъ усердны, очень радъ, кого угодно. А! И вы здѣсь, г. Ангель! прибавилъ губернаторъ.

Титулярный совѣтникъ Ангель, обрусѣлый грекъ, двадцать шесть лѣтъ исполнявшій должности становыхъ въ разныхъ окольных частяхъ тѣхъ мѣстъ юговостока Россіи, выжигая изъ выжигъ, съ длиннѣйшими усами, человекъ безъ страха и отступленій, на видъ увалень, а на дѣлѣ — огонь и битый, какъ самъ онъ выражался, до десяти разъ всякимъ сбродомъ, почтительно поклонился губернатору.

— Что вамъ?

— Изъ ростовскаго уѣзда слышно-съ чай на Волгу контрабандный перевалили. Не прикажете ли поискать? спросилъ сыщикъ.

Губернаторъ взглянулъ на Тарханларова. Тотъ сдѣлалъ кислую мину.

— Охъ, ужъ мнѣ эти чаи. Не согласенъ! сказалъ губернаторъ: — больше на прогоны выходить, чѣмъ этихъ чаевъ отыщешь. Да, Тарханларовъ! Вотъ кстати вамъ и помощникъ! Берите его съ собою въ эту командировку. Велите заготовить къ вечеру бумаги и съ Богомъ. Прощайте, господа! Очень радъ!

Чиновники ушли, а губернаторъ, сказавши жандарму, чтобъ

ниного не принимали, отрадно потянулся, надѣлъ штатскій щегольской пиджакъ, посмотрѣлся въ зеркало, покрутилъ усики, взялъ книжку французскаго журнала и сѣлъ къ окну читать, заставившись отъ праздныхъ зѣвакъ штофнымъ зеленымъ экранчикомъ.

— Все сдѣлано, сказалъ Тарханларовъ къ вечеру Рубашкину, который успѣшилъ выдать Саддукѣву заемное письмо на двѣ тысячи: — бумаги у меня; часть отъ себя я уже послалъ по эстафетѣ на счетъ получателей въ уѣздъ, страпчему, исправнику и становому. Въ предводительскую канцелярiю послалъ особое рѣзкое отношенiе. Словомъ, пока мы на почтовыхъ къ утру будемъ тамъ, я надѣюсь, что виновники во всѣхъ этихъ адскихъ упущенiяхъ придутъ уже къ нѣкоторой должной трепетъ. Ёдемъ мы въ моей коляскѣ: вы и я, а данный мнѣ помощникъ уже уѣхалъ впередъ. Прошу умирать по мнѣ и сейчасъ-же послѣ ужина ёдемъ на всю ночь...

Рубашкинъ горячо обнялся съ Саддукѣвымъ, пришедшимъ его провожать къ Тарханларову.

— Ну, прощайте, берегите свое здоровье, это главное! сказалъ генералу шопотомъ учитель: — многое не удастся, такъ хоть годами-то возьмете! А на всякiй случай пона — вотъ вамъ еще триста цѣлковыхъ. Это уже мои собственные послѣднiя крохи. Поправитесь, воротите. Да пишете мнѣ оттуда!

Бойкiе почтовые кони изъ донскихъ, какъ бы чувствуя, что везутъ такого доку, какъ Тарханларовъ, подхватили его колыску живо и съ громомъ понесли ее четверней по стихавшимъ улицамъ города.

А. СМАРФОНСКИЙ

УВОЛЬНИТЕЛЬНОЕ СВИДѢТЕЛЬСТВО

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НЕПРОПАВШАГО ЧЕЛОВѢКА)

Самое критическое время въ моей жизни, сколько теперь помню, былъ 183. годъ. Я кончилъ курсъ въ московскомъ Трехсвятительскомъ училищѣ и на публичномъ экзаменѣ получилъ похвальный листъ и книгу. Въ этомъ году на экзаменѣ былъ у насъ попечитель, баронъ М. Подавая мнѣ книгу и листъ, онъ подозвалъ мою мать — отецъ по занятіямъ своимъ не могъ быть на экзаменѣ — и спросилъ кто мы такіе и что намѣрены со мной дѣлать. Мать отвѣчала, что отецъ мой, московскій мѣщанинъ, занимается на конторѣ при парчевой фабрикѣ купца К., и что имъ хотѣлось-бы пустить меня въ гимназію и потомъ въ университетъ, но не знаютъ, достанетъ-ли на это средствъ. Попечитель похвалилъ меня и совѣтовалъ не оставлять этого намѣренія.

Мы нанимали въ то время маленькую квартирку въ двѣ комнаты въ домѣ знакомаго отцу священника, въ приходѣ Петра и Павла, въ Басманной. Священникъ этотъ былъ лысый старичекъ, лѣтъ подъ семьдесятъ, очень бодрый, маленькій, живой, веселенькій. Только въ церкви улыбка и шутка сходили съ его румянаго, добродушнаго, вѣчно-смиющагося лица. Съ женой своей, полненькой и тоже доброй старушкой въ бѣломъ чепчикѣ, съ кухаркой Маврой, которую онъ называлъ просвиркой, съ гостями и жильцами, съ дѣтьми и взрослыми онъ иначе не говорилъ, какъ пересыпая свою рѣчь разными шутками и поговорками. Лѣтомъ, когда онъ выйдетъ бывало въ саржевомъ коричневомъ подрясничкѣ, съ заплетенными въ жиденькую косичку волосами, и сядетъ на лавочкѣ у воротъ, выходившихъ на монастырь, то-есть на церковный дворъ, — онъ никого не пропу-

ститъ безъ привѣта или какой-нибудь добродушной шутки. Зато и мимо его рѣдко кто проходилъ безъ поклона и веселаго выраженія въ лицѣ. Даже знакомые разнощики, подходя къ его окнамъ, заранѣе улыбаются и выкрикивали названіе своего товара игривѣе обыкновеннаго.

Когда мы воротились съ матерью изъ училища и вошли къ себѣ на дворъ, Семень Алексѣичъ, въ своемъ саржевомъ подрясникѣ, держа въ рукѣ клѣтчатый бумажный платокъ, выгонялъ изъ палисадника индюшекъ, которыя любили иногда забираться туда и клевать черную смородину, къ большому горю попадаи. Онъ увидѣлъ насъ, притворилъ садовую калитку и пошелъ навстрѣчу къ намъ, съ лицомъ заранѣе уже настроеннымъ на его обычныя шутки. Мать протянула руку, онъ благословилъ ее, и на мгновеніе сбѣжавшая улыбка опять показалась на его румяномъ лицѣ.

— Ну что, Шашура, сказалъ онъ мнѣ: — каково наши угодники вывели? Геометрія не утопила? Э! да ты никакъ не съ пустыми руками воротился: дворянскую грамоту что-ли получилъ?

— Слава-богу, батюшка, отвѣчала мать: — все такъ благополучно кончилось у Сашеньки, какъ я и не ожидала отъ Господа.

— Тото вотъ: Богъ-то — не люди, не все съ поклона дзеть, иногда и такъ посылаетъ. Показывай-ко, Шаша, свои документы. Эва! не одна ставленная грамота, и книга еще... Молодецъ! на катихизисѣ небось выѣхалъ! сказалъ онъ, прищуривая на меня одинъ глазъ и вынимая изъ кармана очки въ потертомъ кожаномъ футлярчикѣ.

И онъ принялся читать сначала мой похвальный листъ, а потомъ подпись на книгѣ съ именами смотрителя и учителей, и не пропустилъ даже оттиснутаго на переплетѣ золотыми буквами казеннаго девиза «за успѣхи и благонравіе».

— Ну, спасибо нашимъ святымъ! проговорилъ Семень Алексѣичъ, когда мать рассказала ему о томъ что говорилъ съ ней на экзаменѣ попечитель: — посылай-ка, Лизавета Ивановна, за портнымъ.

— Начто же это, батюшка, спросила мать.

— Гимназическій сертукъ заказывать... Надо Кана (1) позвать, съ кузнецваго моста! Что въ далекіе-то сундуки откладывать: вака-

(1) Известный въ Москвѣ въ то время портной.

ціи не увидишь какъ пройдуть... Это не то что учебное время ; на гулянкахъ часы—то короче. Такъ ли, Шашура ?

— Охъ, батюшка, вы знаете какъ бы мнѣ это хотѣлось ; кажется послѣдній бы кусокъ на это отдала, да вамъ извѣстны вѣдь наши достатки—то. Вонъ Петръ Николаичъ—то мой не то говорить : ему хочется Сашеньку по купеческой части пристроить ; раньше, говорить, хлѣбъ доставать будетъ.

— Ишь ему аршинъ—то въ голову застѣлъ. Одного сына пристроилъ по комерціи, ну и будетъ. Что онъ самъ—то на щетахъ цѣлый день щелкаетъ, большое небось себѣ состояніе нащелкалъ. Много ли у васъ тысячъ въ лонбардѣ—то лежитъ ?

— Ужъ такъ много, что и не принимаютъ больше, шутя отвѣчала мать.

— Ну, такъ значить торговлю—то можно и другимъ уступить. Я вотъ потолкую съ твоимъ благовѣрнымъ—то. Пирогъ—то завтра печешь ли, Лизавета Ивановна ?

— Печемъ, батюшка.

— И рюмка травнику есть ?

— Какъ не найти.

— Такъ скажи ты Петру Николаичу—то, что я отъ обѣдни къ вамъ прямо зайду объ нашемъ гимназистѣ потолковать.

— Ужъ не оставьте, батюшка ; Петръ Николаичъ такъ почитаетъ васъ.

— А вотъ увидимъ : коли почитаетъ, такъ мы изъ его почтенія—то хоть шубу и не сошьемъ, а ужъ сертукъ съ краснымъ воротникомъ какъ богъ—святъ выкроимъ. Бадуй же, бѣги теперь, Шаша ; вотъ тебѣ мое благословеніе.

Мать осталась еще на дворѣ съ Семеномъ Алексѣичемъ, а я побѣжалъ къ себѣ во флигель.

Это было, какъ помню теперь, въ субботу. По этимъ днямъ отецъ обыкновенно обѣдать не приходилъ, а оставался на фабрикѣ до поздней ночи — сводилъ недѣльные счета, рассчитывалъ ткачей и размотчицъ шолка. На этотъ разъ, во вниманіе къ моему экзамену и похвальному листу, мать дала мнѣ полную свободу и даже позволила не идти ко всенощной. Служба эта была мнѣ особенно не по душѣ. Изъ всей недѣли я въ то время больше всего любилъ субботу. Въ другіе дни, когда бывало придешь изъ училища, надобно было готовить уроки, читать съ матерью, а въ послѣдній годъ идти еще

къ Семену Алексѣичу заниматься полатыни. По воскресеньямъ утро проходило у обѣдни, а вечеромъ ужь нужно было учить уроки къ понедѣльнику. Субота же былъ день самый свободный, не отравленный учебными заботами: изъ училища отпускали тутъ въ двѣнадцать часовъ, и кажется въ это утро сами учителя были добрые.

Придешь бывало домой веселый и довольный. На монастырѣ у насъ такая славная трава; въ одномъ углу растутъ широколистные лопухи, изъ которыхъ мы дѣлали зонтики, въ другомъ репейникъ съ зелеными и красными колючими шишками. За церковью лежитъ почернѣвшая могильная плита съ какою-то полуистертой славянской надписью, а подъ нею вѣтвистая рябина. Тутъ собирались дѣти изъ всѣхъ окрестныхъ домовъ: здѣсь мы обыкновенно бѣгали, возились и играли въ войну, стрѣляя другъ въ друга шишками репейника. И вотъ настанетъ бывало субботній вечеръ, теплый, тихій. Вокругъ церкви съ пронзительнымъ визгомъ летаетъ стая неугомонныхъ ласточекъ; надъ дворомъ, расластавъ крылья, медленными и широкими кругами плаваетъ коршунъ, а всторонѣ, распустя молчаливый хвостъ, неподвижно стоитъ змѣй, и глазъ различаетъ на свѣтломъ небѣ его длинную нитку, пропадающую за сосѣдней крышей. Бѣгаешь себѣ, беззаботный и счастливый.

Но вотъ раздается медленный ударъ нашего колокола — и сердце замретъ отъ тоски. Это начинаютъ благовѣстить ко всенощной. — Саша! кричитъ мать: — иди одѣваться, пора! Простите наши веселыя дѣтскія игры! Лѣниво бредешь одѣваться, а отецъ торонить. Вонъ ужь Семень Алексѣичъ вышелъ изъ воротъ въ широкополой шляпѣ, опираясь на высокую намышевую трость съ серебряннымъ оконечникомъ. Вотъ и дьячекъ, завидя его съ колокольни, началъ вырабатывать рассыпчатый трезвонъ во всѣ мелкіе колокола. И стоишь печально въ церкви, и нескончаемо долго тянется служба. Солнце еще далеко не сѣло; въ отворенныя окна врывается визгъ порхающихъ ласточекъ, слышатся голоса и рѣзвый смѣхъ играющихъ дѣтей, а сердце такъ и рвется за эти рѣшотчатые окна, въ которыхъ стоитъ полосами синій дымъ поднимающагося ладона. Вотъ отзвонили къ евангелію; солнце садится и какъ-будто на прощанье заглядываетъ еще въ узенькія окошки наверху купола. Свѣчи передъ алтаремъ становятся замѣтнѣе и свѣтлѣе. Скоро кончится печальная служба; но не слышно болѣе ни ласточекъ, ни дѣтскаго говора. Выходимъ изъ церкви — и на монастырѣ никого ужь нѣтъ,

кромѣ старушонки-богадѣленки, которая бродить, отыскивая пропавшую курицу. Возвращаемся домой, ужинаемъ, и отецъ посылаетъ спать.

Но въ день экзамена всенощная показалась мнѣ чрезвычайно короткой, и самый звонъ нашихъ колоколовъ нисколько не противнымъ. Весь вечеръ пробѣгалъ я съ товарищами на монастырскомъ дворѣ. Между разными другими играми мы затѣяли войну и послѣ разныхъ перемѣнъ боевого счастья дали послѣ второго звона «бородинское сраженіе» у могильной плиты. Пальба репейниками шла у насъ съ такой энергіей и побѣдные крики раздавались такъ восторженно, что изъ алтаря слышался довольно громкій стукъ въ стекло; добродушное лицо Семена Алексѣича безъ улыбки выглянуло изъ церковнаго окна, и поднятая рука погрозила намъ пальцемъ.

На другой день послѣ обѣдни составилъ у насъ въ квартирѣ семейный совѣтъ, на которомъ рѣшалась моя будущая судьба. Только-что мы воротились изъ церкви, и мать приготовила на кругломъ столикѣ передъ диваномъ графинчикъ съ настойкой, бутылку вина и нѣсколько тарелокъ съ икрой, балыкомъ и другими закусками, — вошелъ Семенъ Алексѣичъ въ зеленомъ шелковомъ подрясникѣ съ бархатными нарукавниками, опоясанный широкимъ поясомъ, вышитымъ по канвѣ большими яркими цвѣтами. Румяное лицо его, какъ и всегда, освѣщено было улыбкой.

Перекрестясь передъ образомъ, онъ благословилъ отца и мать, и оборотясь ко мнѣ, опустилъ руку въ карманъ подрясника.

— На-ко вотъ тебѣ за геометрію хлѣбца, сказалъ онъ, подавая мнѣ просвиру. — Только вчера вы, французы этакіе, служить мнѣ не дали съ вашей игрой... Въ другой разъ такъ воевать будете — на колѣни поставлю подъ большой колоколъ.

— Я ужь слышалъ объ этомъ и побранилъ его, сказалъ отецъ. Прошу покорно садиться, батюшка, вотъ сюда, на диванъ-то. Давайте, Лизавета Ивановна, пирогъ. Милости просимъ, благословите!

— А вотъ сей-часъ, дай только зубы наточить: вѣдь они у меня со вчерашняго вечера не работали.

— Такъ настоечки-то пожалуйста.

— Пропустимъ сейчасъ. Господи благослови, прибавилъ онъ, наливая рюмку травнику.

— Пирожка-то горячаго, батюшка! сказала мать.

— Дай срокъ, Лизавета Ивановна, весь съѣдимъ. Я самъ напро-
сился, такъ дремать не буду : въ алтарь да за объдомъ спать не
люблю. Вишь и пирогъ-то какъ у васъ зарумянился, словно еро-
феичу хлебнулъ.

Семень Алексѣичъ выпилъ рюмку настойки, присѣлъ на диванъ
и занялся пирогомъ. Мать съ большимъ удовольствіемъ сѣдила за
его аппетитомъ. Отецъ тоже присѣлъ къ столу.

Немного погода Семень Алексѣичъ обратился къ отцу.

— А вѣдь я пришолъ къ тебѣ, Петръ Николаичъ, объ дѣлѣ по-
толковать. Говорилъ я тебѣ, что Шаша-то лицомъ въ грязь не уда-
рить : слышалъ что попечитель о немъ говорилъ?

— Я благодарю Господа, батюшка, что онъ помогъ Сашенькѣ
такъ хорошо кончить.

— Такъ надо подумать какъ ему дальше ползти.

— Вы изволите говорить насчетъ гимназіи да университета.
Меня въ этомъ, признаться сказать, сомнѣніе беретъ. Какъ-то еще
тамъ онъ пойлетъ, это одному Богу извѣстно.

— Эхъ, Петръ Николаичъ, за что ты Шашуру-то обижаешь?
Видѣлъ что изъ училища-то онъ принесъ; отчего-жъ ему и въ гим-
назію не идти! Объ двухъ головахъ чтоли тамъ дѣти-то? Послед-
нимъ, я тебѣ говорю, не будетъ.

— Боюсь, не избаловался-бы онъ тамъ.

— А ваши купеческіе смиренники меньше чтоли гуляютъ по
Марьинымъ-рощамъ, да Церовскимъ-трактирамъ. Баловникъ и въ
раю избалуется

— Другое дѣло, батюшка, недостатки наши : на шесть-сотъ
рублей въ годъ не богъ-знаетъ что подѣлаетъ. По дому-то, вамъ
извѣсто, не мало требуется : надобно обути, одѣти, напоить, нако-
рмить, подати заплатить...

— Ну, заплѣлъ свои стихиры!

— Вы не сердитесь, батюшка, на Петра Николаича — вступи-
лась мать, — не мало вѣдь намъ въ самомъ-дѣлѣ всего надобно, а
онъ у насъ одинъ добычникъ-то.

— Нѣтъ, не одинъ, Лизавета Ивановна : у него помощникъ
есть.

— Какой-же помощникъ, батюшка? спросилъ отецъ.

— А Богъ-то.

— Такъ-то оно такъ, батюшка, да тягостей нынче много. А хо-

зяинъ-то вонъ видѣлъ сашино письмо : говорить , что на контору возьметъ его съ удовольствіемъ и на первый разъ десять рублей въ мѣсяцъ жалованья положить . А тамъ ему въ гимназіи да въ университетѣ надо вѣдь восемь лѣтъ пробыть , да все на отцовской шеѣ — и сертукъ , и сапоги , и книги подавай готовые . А увольненіе-то отъ общества ? чего оно станеть !

Семень Алексѣичъ вскочилъ съ дивана . Видно было , что онъ начинаетъ сердиться : улыбка его права не пропала , но изъ добродушной она сдѣлалась строгой и проницательной . Онъ прошолся изъ угла въ уголъ комнаты и остановился передъ отцомъ .

— Вонъ она ваша вѣра-то какая ! заговорилъ онъ рѣзкимъ голосомъ , что съ нимъ случалось очень рѣдко : — на мѣдный грошъ нищему . да на свѣчку пятиконфечную вамъ хватаетъ , а когда нужно жизненные тяготы нести , чтобы родного сына человѣкомъ сдѣлать , такъ тутъ мы и духомъ падаемъ и роптать начинаемъ . Вонъ Лизавета Ивановна — женщина , тоже свои тягости несетъ по семейству , да въ ней больше терпѣнія-то и любви . А ты видно въ жизни-то христіанской одинъ бы медъ пилъ , да просвирами закусывалъ , а отъ вѣнца-то тернового , что Христосъ носилъ , на четверенькахъ прочь небось ползешь .

Отецъ видимо былъ смущенъ этой неожиданной филипикой и стоялъ молча съ отинтой до половины рюмкою вина въ рукѣ . Въ это время мать дала мнѣ хорошую порцію пирога ; и я вышелъ въ другую комнату : благоуханный пирогъ давно уже соблазнялъ меня и кажется занималъ не меньше , чѣмъ этотъ крупный разговоръ , въ которомъ дѣло шло о моей будущности . Тутъ пришелъ одинъ изъ товарищей , учившійся въ Лазаревскомъ институтѣ , звать меня на монастырь . Мнѣ конечно было нельзя , и мы только поговорили на дворѣ . Когда я воротился , то засталъ уже Семена Алексѣича на порогѣ и тотчасъ же догадался , что побѣда была на его сторонѣ . Запустя руки подъ свой вышитый цвѣтами поясъ , онъ улыбался веселѣе обыкновеннаго . Мать тоже была кажется очень довольна , и даже отецъ мой замѣтно повеселѣлъ .

— Не дремли-же теперь , Петръ Николаичъ , ни однимъ глазомъ — говорилъ Семень Алексѣичъ ; — а пристоишь Шашу — хоть въ церкви храпи , — не взыщутъ . О щахъ и кашѣ на заботься : только-бы куплено было , Лизавета Ивановна сварить ; а ты намъ добывай увольненіе отъ общества . Вѣдь что будешь дѣлать , все узнаю : великій

пость не за Араратскими горами; придешь къ исповѣди, я на сердце-то твое съ изнанки посмотрю; у меня ни одного пятнышка на совѣсти не спрячешь.

— Ужь надобно хлопотать, батюшка.

— Тотъ, смотри. Пора однако мнѣ подѣ свой виноградникъ и смоковницу: заждалась чай моя попадаѣ-то. Славный пирогъ у тебя, Лизавета Ивановна! Кабы я экзамены дѣлалъ, я бы тебѣ похвальный листъ выдалъ съ золотымъ заголовкомъ.

— Цокорно васъ благодарю, батюшка.

— Будетъ у меня дочь, Богъ-дасть, да подрастетъ — я ее къ тебѣ въ науку пришло, Лизавета Ивановна. Хорошъ пирогъ, Шашура? небось вкусѣе нашихъ супинъ да герундіумъ?

И онъ ушолъ, провожаемый поклонами отца и матери.

Дѣло было рѣшено: отецъ согласился на опредѣленіе меня въ гимназію. И надобно сказать, что однажды рѣшась на это, онъ очень дѣлательно принялся хлопотать по главному вопросу о моемъ увольнительномъ свидѣтельствѣ. Дня черезъ два явился къ намъ Мартынъ Иванычъ, грязенькій подъячій; въ буро-жюномъ фракѣ съ лакированными рукавами и съ остатками сѣрыхъ волосъ на красномъ затылкѣ, которые онъ зачесывалъ по черепу въ видѣ какого-то щетинистаго вѣера. И прежде онъ изрѣдка заходилъ къ намъ по большимъ праздникамъ поздравить отца и мать, за что обыкновенно получалъ рюмку травнику съ приличной закуской. Не смотря на то что отецъ не жаловалъ его, а называлъ по-сумароковски красивнымъ сѣменемъ, ему на этотъ разъ выставленъ былъ цѣлый графинъ настойки и большая селедка, съ чѣмъ онъ и распорядился такъ, что посуда осталась совершенно пустая. При прощаньи отецъ что-то положилъ ему въ руку. Я узналъ, что Мартыну Иванычу поручено хлопотать о моемъ увольнительномъ свидѣтельствѣ, за что обѣщано по окончаніи всего дѣла пятнадцатъ рублей ассигнаціями. Послѣ этого онъ приходилъ къ намъ всякую недѣлю, выпивалъ графинчикъ и съѣдалъ цѣлую селедку, послѣ чего обыкновенно двѣ или три пряди волосъ отдѣлялись отъ его головного щита и сѣрыми клочками опускались по грязной спинѣ.

Но я мало слѣдилъ за ходомъ дѣла о моемъ увольненіи. Въ это время случилось обстоятельство, которое имѣло на меня большое нравственное вліяніе. Надобно сказать, что я до сихъ поръ почти ничего не читалъ: кромѣ учебныхъ книгъ я зналъ только «сто че-

тыре священныя исторіи» съ картинками. Книгу эту я прочелъ съ матерью разъ двадцать съ первой до послѣдней страницы и зналъ всю на память, кромѣ только напечатанныхъ подъ рассказами нравоученій, которыя всегда казались мнѣ противными. Читалъ я еще романъ Дюкре-Дюмениля «Лолотта и Фанфанъ или приключеніе двухъ сиротъ на пустынномъ островѣ». Помню, что я читалъ эту сказку съ удовольствіемъ, но большого впечатлѣнія она на меня не произвела. Мать моя очень любила читать, и я видалъ у нея часто разные старинныя романы Ратклифъ, Коттень, Дюкре-Дюмениля, но меня она къ чтенію не прихочивала, не изъ пуризма, а съ тѣмъ кажется, чтобы не отвлекать отъ серьезныхъ занятій. Впрочемъ, по нашему кругу знакомства и книгъ доставать было почти негдѣ. Въ училищѣ же у насъ о чтеніи не было и помину, и только въ послѣдній годъ учитель грамматики прочелъ намъ Шильонскаго Узника, но прочелъ такъ, что я половины въ немъ не понималъ. О Пушкинѣ я не слыхивалъ.

Но въ это лѣто мать говоритъ мнѣ однажды утромъ :

— Знаешь, Саша, кто въ мезонинъ-то къ намъ перетѣхалъ? Вѣдь онъ въ городѣ книгами торгуешь. Кажется хорошій человѣкъ; сегодня мы вмѣстѣ молоко покупали и разговорились. Приласнайся-ко къ нему: онъ тебѣ чего нибудь почитать дастъ. Теперь уроковъ-то у тебя нѣтъ; все бы время не безъ пользы проходило.

Въ самомъ дѣлѣ новый жилецъ былъ книгопродавецъ и торговецъ, какъ я узналъ послѣ, въ небольшой лавочкѣ у николевскихъ воротъ. Мнѣ скоро удалось съ нимъ сойтись. Это былъ человѣкъ очень услужливый. Я сообщилъ ему, что готовлюсь въ гимназію и просилъ чего-нибудь почитать. На другой же день работница его подала мнѣ порядочную начку книгъ. Мать выбрала что-то для себя, а я взялъ четыре маленькія книжки, у которыхъ прочелъ заглавіе : «Ивангое или возвращеніе изъ крестовыхъ походовъ; сочиненіе Вальтеръ-Скотта». Помнится, я выбралъ эти книги потому, что на послѣднемъ экзаменѣ въ училищѣ мнѣ пришлось отвѣчать о крестовыхъ походахъ. Съ первыхъ страницъ романъ мнѣ не понравился, но потомъ началъ мало-помалу занимать, и наконецъ эти новыя для меня лица — пастухъ Гуртъ, король Ричардъ, рыцарь, жидовка Ревекка — стали втягивать меня въ какой-то новый міръ, открывать мнѣ новую, обольстительную жизнь; я читалъ съ увлеченіемъ, съ жадностью, до тѣхъ поръ незнакою. Тутъ я въ пер-

вый разъ понялъ какъ можно наслаждаться чтеніемъ. На другой день за всюнощной я не слышалъ ни крика ласточекъ, ни смѣха дѣтей: передо мной мелькали пустынный, Ревекка, Тамплиеръ, и страшно было досадно, что меня отрываютъ отъ этого чуднаго міра.

Два раза прочелъ я Ивангое, и ложась спать и вставая думалъ о томъ, какъ бы совсѣмъ купить эту книгу. Мнѣ казалось, что такой нѣтъ уже другой и на свѣтѣ. И когда я узналъ отъ жильца, что романъ стоитъ десять рублей, мнѣ стало ужасно горько: о такомъ капиталѣ нечего было и мечтать. Съ сожалѣніемъ возвратилъ я книгу, но узналъ при этомъ, что Вальтеръ-Скоттъ сочинилъ еще нѣсколько такихъ же романовъ. Я просилъ и умолялъ жильца дать мнѣ еще какое-нибудь сочиненіе этого писателя. Мать позволила мнѣ самому идти вмѣстѣ съ нимъ въ лавку. Тамъ пришла мнѣ мысль, какъ бы хорошо сдѣлаться книгопродавцемъ, читать всѣ хорошія книги и завести понемногу свою особенную библіотеку, которую держать бы ужъ дома и никому не продавать. Эта мысль такъ понравилась мнѣ, что я нѣсколько времени желалъ даже, чтобы мое опредѣленіе въ гимназію какъ-нибудь не состоялось. Въ этомъ я однажды открылся матери и сказалъ, что если не дадутъ намъ увольненія, то я не пойду на контору, а буду книгопродавцемъ. На это мать замѣтила только, что надѣется кончить благополучно дѣло и опредѣлить меня въ гимназію.

Въ лавкѣ пересмотрѣлъ я нѣсколько десятковъ книгъ и выбралъ на этотъ разъ еще четыре небольшіе томика съ заглавіемъ: «Кентень Дюрвардъ или шотландецъ при дворѣ Людовика XI». Съ тѣмъ же лихорадочнымъ увлеченіемъ прочелъ я и этотъ романъ Вальтеръ-Скотта. Отецъ былъ на фабрикѣ, мать ушла къ роднымъ, а я на свободѣ такъ зачитался, что забылъ совсѣмъ о латинскомъ урокѣ, и придя на другой день къ Семену Алексѣичу, не зналъ рѣшительно ни одного слова изъ того что было задано.

— Эге, Шашура! сказалъ онъ: — Что съ тобой подѣлалось? Отчего урока не раскусилъ? На дворѣ я что-то не видалъ тебя, или захвалили больно! Неужто ужъ дѣни начинаешь праздновать?

Я сказалъ ему, что всѣ два дня читалъ сочиненіе Вальтеръ-Скотта и забылъ приготовить урокъ, но къ слѣдующему разу выучу вдвое. Я просилъ на первый разъ извинить меня.

— Не ладно, не порядокъ! заговорилъ онъ. — Отецъ-то твой

до романовъ, я знаю, не охотникъ; какъ узнаеть, что ты на нихъ уроки промѣнялъ, онъ вѣдь чего добраго и на березовой невѣстѣ посватаеть. Смотри, на дѣло-то напирай, Шаша, а романы отъ тебя не уйдуть. Что это за Скотъ такой?

— Англійскій писатель!

— И хорошъ?

Я рассказалъ Семену Алексѣичу, какъ умѣлъ, содержаніе обоихъ романовъ.

— Надо почитать! сказалъ онъ: — я до историческаго и самъ охотникъ. А читалъ ли ты русскіе-то наши романы?

— Какіе?

— Да вотъ сочиненіе господина Загоскина?

— Нѣтъ!

Семень Алексѣичъ всталъ и подошелъ къ дверямъ другой комнаты.

— Матушка, попадья! крикнулъ онъ: — Гдѣ ты заснула? На лавкѣ, али на печи? Дай-ко тамъ въ спальнѣ книги на столѣ, въ розовой бумажкѣ. На вотъ, держи первую часть. Да смотри: не будешь знать у меня герундія, — остальныхъ не дамъ, да еще такъ сдѣлаю, что и отъ другихъ ни отъ кого не достанешь. Читай ступай, благословясь.

И онъ подалъ мнѣ первую часть Юрія Милославскаго. Эта книга окончательно привязала меня къ чтенію. Въ три дня до слѣдующаго урока я прочелъ ее нѣсколько разъ и готовъ былъ плакать, что у меня не было остальныхъ частей. А Семень Алексѣичъ, какъ я ни ластился къ нему, не давалъ, да еще поддразнивалъ меня; встрѣчая на дворѣ, онъ неразъ спрашивалъ: ну что, прочелъ ты какъ поляка-то гусемъ угощали? У меня уже шевельнулась было нехорошая мысль: не попросить ли это сочиненіе у жильца; однако я удержался, да послѣ оказалось, что этотъ самый экземпляръ былъ взятъ тоже у него. Но хотъ послѣднюю часть я прочелъ только черезъ двѣ недѣли, а все же дѣло въ томъ, что Семень Алексѣичъ отъ усильнаго чтенія романовъ лечилъ меня тоже романами.

Когда мать узнала, что за незнаніе урока, нѣ приготовленнаго по милости Вальтеръ-Скотта, онъ далъ мнѣ читать Загоскина, она сказала:

— Батюшка, очень вы Сашу-то балуете.

Кн. I. — Отд. I.

16

— Полно-ко, полно! заговорилъ онъ: — вѣдь на одной латыни-то нашей одереветѣешь... Онъ и такъ ужъ полатыни знаетъ на два алтына, надо и сладенькимъ иной разъ покормить. Ты вотъ сама, Лизавета Ивановна, любишь за романами сидѣть; чѣтъ-мнѣи я что-то не видалъ у тебя!

Между-тѣмъ дѣло о моемъ увольнительномъ свидѣтельствѣ по-двинулось впередъ.

Однажды вечеромъ пришелъ Мартынь Иванычъ и сообщилъ, что въ такой-то день наше дѣло будетъ слушаться въ засѣданіи мѣщанскаго общества, и отцу необходимо явиться самому въ присутствіе, чтобы выслушать рѣшеніе. Выливая рюмку за рюмкой въ широкій ротъ свой, онъ твердилъ: «мы съ своей стороны все сдѣлали, теперь вы у головы работайте.»

И на другой же день начали работать у головы. Семень Алексѣичъ отправился на своихъ широкихъ, полинялыхъ дрожкахъ въ соборному протопопу и воротился отъ него съ запечатаннымъ письмомъ, которое отецъ долженъ былъ въ слѣдующее утро отнести къ городскому головѣ. Кромѣ того отецъ ходилъ еще просить своего хозяина, купца К., замолвить въ нашу пользу кое-кому изъ гласныхъ въ думѣ, гдѣ у него было много знакомыхъ. Тотъ обѣщалъ, хотя остался недоволенъ, что меня рѣшились отдать въ гимназію. «Экіе казовые дворяне!» проговорилъ узнавъ объ этомъ Семень Алексѣичъ.

Наконецъ насталъ день, когда должна была рѣшиться моя судьба въ городскомъ обществѣ. Отецъ бралъ и меня съ собой въ думу, можетъ-быть въ томъ предположеніи, что личное присутствие мое смягчитъ грозный ареопагъ. Впрочемъ помнится, это присовѣтовалъ Мартынь Иванычъ. Мать была въ это утро очень озабочена, и приготавливая намъ чай и закуску, изрѣдка утирала слезы. Отецъ говорилъ серьезнѣе обыкновеннаго. Отправляясь въ дорогу, мы по обычаю немного присѣли. Семень Алексѣичъ, когда мы проходили мимо его оконъ, спрятался за цвѣтами, потому кажется, чтобы не попасться намъ первому на глаза, что какъ извѣстно считается примѣтой неблагополучной.

Мы пошли пѣшкомъ къ Краснымъ воротамъ, мимо училища, куда я бѣгалъ три года, а оттуда по Мясницкой и Лубянской площади къ Иверской. Разумѣется по желанію отца зашли мы въ ча-

совню. Наконецъ часовъ въ десять мы были у входа въ мѣщанскій ареопагъ.

— Отряхни, Саша, сапоги! сказалъ мнѣ отецъ: — видишь какая пыль!

Мы обмахнули носовымъ платкомъ пыль съ нашихъ сапоговъ на самомъ порогѣ святилища и поднялись по лѣстницѣ въ приемную.

Это была довольно просторная и значительно-грязная комната, со стѣнами засаленными внизу отъ мѣщанскихъ спинъ. На нихъ висѣли въ деревянныхъ рамкахъ и просто на гвоздикахъ разныя печатныя и писанныя объявленія и извѣщенія. Подъ окнами былъ столъ, на которомъ лежала груда письменныхъ книгъ. Кое-гдѣ разставлено было съ десятокъ стульевъ.

Мы пришли почти первые. Но мало-помалу комната стала наполняться просителями, чающими какихъ-нибудь благъ отъ мѣщанской думы. Вошелъ какой-то сгорбленный съдой старикъ, съ сильно трясущейся головой и костлявыми руками; вошла пожилая женщина, повязанная платкомъ съ рожками на лбу, и съ нею двѣ дѣвочки, одѣтыя въ какіе-то ситцевые обноски. Вошелъ еще молодой мужчина съ краснымъ широкимъ лицомъ и отрощенными до плечъ рыжими волосами, въ черномъ не то кафтанѣ, не то подрясникѣ, опоясанномъ ремнемъ и въ истрепанныхъ, порыжѣлыхъ башмакахъ съ мигающимъ въ одномъ изъ нихъ большимъ пальцемъ. Набралось еще съ десятокъ лицъ, не такъ типическихъ, которыхъ я теперь не помню. Посѣтители изрѣдка обращались другъ къ другу шопотомъ, но зато вздыхали громко и выразительно. Старикъ медленно и съ глухимъ кашлемъ поворачивалъ трясущуюся голову; женщина въ платочкѣ утирала носъ своимъ дѣвчонкамъ миткалевымъ платкомъ и всякій разъ послѣ этого слезливо высмаркивалась и вздыхала. Молодой человекъ въ черномъ зипунѣ посматривалъ изъ-подлобья, зѣвалъ изрѣдка, крестя ротъ, и вслухъ чесалъ спину, запуская руку такъ глубоко подъ затылокъ, что кажется легко бы могъ укусить собственный локоть. Такъ прошло болѣе часу.

Вдругъ изъ боковой двери вышелъ высокій и плотный чиновникъ въ довольно-приличномъ вицмундирѣ и съ намотанной на шею довольно-истасканной черной косынкой. Окнувъ взглядомъ нашу чулмку, которая поднялась со стульевъ при входѣ его, онъ началъ

щедро разсыпать во все стороны фразы успокоительнаго свойства, вродѣ напимѣръ такихъ : «придите завтра! навѣдайся черезъ недѣлю! побывайте черезъ мѣсяць!» Это былъ, какъ я узналъ послѣ, секретарь думы. Половина посѣтителей, помявшись кисло на мѣстѣ, начала понемногу выбираться изъ пріемной. Чиновникъ подошолъ къ сгорбленному старику и сказалъ отрывисто :

— Нѣтъ мѣста... навѣдайся осенью! Теперь вся богадѣльня биткомъ набита.

— Сдѣлайте божескую милость! бормоталъ старикъ, кланаясь въ поясъ.

— Тебѣ русскимъ языкомъ говорятъ, что мѣста нѣтъ.

— Сдѣлайте божескую милость! повторялъ старикъ, наклоняясь въ поясъ.

— Нельзя, некуда дѣвать... не на голову же тебя посадить.

— Сдѣлайте божескую милость!

Секретарь нетерпѣливо пожалъ плечами и отошолъ отъ него къ женщинѣ съ двумя дѣвочками, которая стояла у окна, безпрестанно утирая носъ.

— Что тебѣ еще матушка? Вѣдь ужъ сказано: обѣ записаны... выдетъ очередь — тебя повѣстятъ, и веди ихъ тогда въ училище.

— Да когда же очередь-то выдетъ, ваше высокоблагородіе?

— Я развѣ кодунъ... почему мнѣ знать! Ты бы къ Ивану Яковичу сходила; онъ бы тебѣ можетъ-быть и сказалъ, а я будущаго не умѣю отгадывать.

— Чѣмъ же мнѣ кормить-то ихъ, ваше высокоблагородіе!

— А кашкой съ сахарцемъ, отвѣчалъ секретарь, и улыбнувшись своей остротѣ, отвернулся и подошолъ къ намъ : — Ваше дѣло сегодня слушаютъ, дождитесь : скоро докладъ начнется.

Отецъ раскланялся и мы сѣли дожидаться.

— Вамъ тоже сегодня рѣшеніе объявятъ! сказалъ секретарь молодому челоуѣку въ черномъ подрясникѣ.

— Не благоизвѣстенъ вашей милости исходъ? проговорилъ тотъ густымъ басомъ, заправляя за уши свои рыжіе волосы.

— Извольте дожидаться! отвѣчалъ чиновникъ и ушолъ.

Рыжій проситель почесалъ спину и тоже сѣлъ.

Еще прошло съ часъ. Мнѣ страшно надоѣло это томительное бездѣйствіе, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ освобожденія изъ этой

тюрьмы. Вдругъ боковыя двери отворились; секретарь вошелъ опять въ нашу комнату, громко проговорилъ нашу фамилію и сказалъ:

— Пожалуйста въ присутствіе!

Мы съ отцомъ вошли въ большую комнату. Посерединѣ ея стоялъ длинный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, съ большими висячими кистями по угламъ. На немъ возвышалось призматическое зеркало, увѣнчанное золоченымъ орломъ. На стѣнѣ, прямо передъ входомъ, висѣлъ портретъ императора въ желтой рамѣ, а въ углу въ кіотѣ краснаго дерева со стекломъ виднѣлся большой образъ въ серебряной ризѣ. У другой стѣны было два шкапа съ какими-то толстыми книгами. На переднемъ концѣ стола, гдѣ стояла чернильница съ письменнымъ приборомъ и лежали какія-то бумаги, сидѣлъ въ креслахъ человекъ въ черномъ фракѣ, полный и румяный, съ ордемомъ на шеѣ. Это былъ градской голова. По сторонамъ, на тѣсно-поставленныхъ стульяхъ, сидѣло человекъ десять гласныхъ, иные во фракахъ, другіе въ сертукахъ, съ бородами и безъ бородъ, но всѣ болѣе или менѣе съ купеческой фizioноміей. У двоихъ свѣтились на шеѣ медали на красныхъ лентахъ. Этотъ-то ареопагъ долженъ былъ рѣшить судьбу мою. Гласные разговаривали между собою въ полголоса и при входѣ нашемъ посмотрѣли на насъ, какъ мнѣ показалось, довольно неласково.

Мы поклонились и стали недалеко отъ градского головы. Онъ порылся съ минуту въ лежавшихъ передъ нимъ бумагахъ и сказалъ:

— Общество уважило вашу просьбу: оно согласно на увольненіе вашего сына въ гимназію и университетъ, съ тѣмъ чтобы вы уплатили на покрытіе узаконенныхъ повинностей семьсотъ рублей. Благодарите общество.

Отецъ поклонился, я также.

— Осмѣлюсь я доложить, началъ отецъ, обращаясь къ городскому головѣ: — такой суммы я заплатить не въ состояніи: жалованья я получаю въ годъ шестьсотъ рублей; у меня жена, двое дѣтей, надо пить-ѣсть, обуться-одѣться. Недоимокъ за мною, какъ вамъ извѣстно, никогда не было.

— Чтожъ съ этимъ дѣлать? сказалъ жестко градской голова: — Общество для васъ все сдѣлало. Мы не можемъ даромъ выпускать васъ: на это есть законы, не нами установленные.

— Я это очень чувствую, возразилъ отецъ: — только суммы такой не въ состояніи внести.

Тутъ сѣденькій сухопарый старичокъ въ длиннополомъ сертукѣ и сборчатыхъ сапогахъ, съ жиденькой сѣрой бородкой и серебряной медалью на шеѣ, который смотрѣлъ на насъ прищурясь и мигагая поминутно красноватыми глазами, нагнулся надъ столомъ и проговорилъ какимъ-то дребезжащимъ голосомъ :

— Да вѣдь ты тройникъ ?

— Такъ точно, въ трехъ душахъ ! отвѣчалъ отецъ.

— Такъ что тутъ толковать ! Вы всѣ готовы ѣхать отъ солдатчины-то. А кто будетъ рекрутъ ставить, какъ мы васъ изъ общества-то всѣхъ распустимъ : самимъ намъ чтоли за васъ подъ красную шапку идти ?

— Я готовъ заплатить по силамъ, а такой суммы богъ-видитъ мнѣ взять негдѣ, замѣтилъ отецъ.

— Ну, а негдѣ, такъ и разговаривать нечего. Тебѣ и такъ помирволили : надо бы тысячу рублей съ тройника-то взять. Денегъ нѣтъ, такъ въ обществѣ оставь : пускай въ промыслы идетъ.

— Да мальчикъ-то хорошо начальствомъ одобренъ, къ наукамъ усердіе показалъ, похвальнымъ листомъ награжденъ.

— Ладно ! слыхали мы эти пѣсни. Къ наукѣ усерденъ ! Всѣ вы усердны, чтобъ податей-то не платить, да въ солдаты нейти. Большая намъ нужда до его науки ! Намъ квитанцію рекрутскую подай, а похвальными листами вашими, съ позволенія сказать... не нужны намъ они !

— Я только о вниманіи начальства сказалъ...

— Шабашъ ! Сказано, принеси семьсотъ рублей, а нѣтъ, такъ и толковать нечего.

— Общество больше ничего не можетъ для васъ сдѣлать, сказалъ градской голова : — желаете дать воспитаніе сыну, такъ ищите средства.

Отецъ поклонился и дернулъ меня слегка за рукавъ. Мы вышли.

Въ приѣмной мы нашли Мартына Иваныча, который пришолъ узнать объ исходѣ нашего дѣла. Онъ отвелъ отца къ окну, и они начали разговаривать шонотомъ. Въ это время секретарь позвалъ въ присутствіе рыжаго юношу въ черномъ подрысникѣ. Дверь оставалась, какъ и прежде, не затвореною. Меня подмывало любопытство посмотреть что еще тамъ дѣлается, и пока отецъ шептался съ канцелярскимъ сѣменемъ, я подошолъ къ дверямъ. Было видно и слышно все что дѣлается въ присутствіи.

Длинноволосый проситель подошелъ къ градскому головѣ и поклонился въ поясъ.

— Вы въ монастырь проситесь? спросилъ его голова.

— Въ обитель, по призванію! проговорилъ тотъ басомъ.

— Общество положило на васъ восемьдесятъ рублей, да за полтора года числится на васъ недоимки одиннадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ.

— Не имѣю ничего по нищенству своему, пробасилъ снова проситель.

Онъ поклонился въ поясъ и подалъ головѣ какое-то письмо. Тотъ началъ читать его. Въ это время сухопарый старичекъ съ медалью, какъ и прежде, подався впередъ надъ столомъ своей сѣдой головою, и моргая красными вѣками, закричалъ разбитымъ козлинымъ голосомъ:

— Ничего не имѣешь? Такъ для чего ты не работаешь? Зачѣмъ изъ общества бѣжишь? Вишь какой здоровый да жирный: не больно знать на работу налегаль.

— Призваніе къ пустынножительству возымѣлъ! возразилъ тотъ.

— Такъ сперва денегъ на подати заработай, да и ступай тогда въ пустыню. Кто будетъ въ казну-то вносить? Пустынники-то небось повинностей не очищаютъ, такъ общество все за васъ платит!

— Я сонное видѣніе видѣлъ... въ видѣніи Господь призываетъ...

— Рассказывай басни-то!.. Сонное видѣніе! Ты бы спалъ-то меньше, такъ и видѣній бы не видалъ. Знаемъ мы ваши призванія отъ подушныхъ-то... Заплати девяносто одинъ рубль съ половиной, да и ступай хоть на печь.

Въ это время градской голова позвалъ сухопараго старика и началъ что-то шептать ему, показывая на письмо. Потомъ онъ обратился къ остальнымъ гласнымъ и сказалъ имъ, что преосвященный проситъ господъ членовъ думы принять во вниманіе крайнюю бѣдность просителя, лично ему извѣстнаго по смиренной жизни и благочестію. Поэтому, сообщая думѣ отзывъ уважаемаго архимастыря, онъ съ своей стороны предлагаетъ, не угодно ли будетъ господамъ гласнымъ ограничиться при увольненіи просителя взысканіемъ одной только недоимки.

Тщедушный старичокъ кивнулъ головой, и члены изъявили согласіе.

Тутъ отецъ позвалъ меня и мы вышли изъ присутственныхъ мѣстъ. Мартынъ Иванычъ простился съ нами при выходѣ и пошелъ въ другую сторону.

Отецъ былъ замѣтно озабоченъ, всю дорогу вздыхалъ и говорилъ мнѣ, что не знаетъ что и дѣлать, хотя общество поступило съ нами по его словамъ снисходительно.

Но мнѣ дорогой все думалось: что же это за общество, которое мѣшаетъ мнѣ учиться въ гимназiи, и почему оно мѣшаетъ мнѣ? Неужели однимъ дворянамъ можно учиться, думалъ я, а изъ нашего сословія только богатымъ! Или это правда, какъ разъ Семень Алексѣичъ сказалъ, что легче верблюду пройти въ игольные уши, чѣмъ бѣдному мѣщанину въ университетъ. Стало-быть не хотятъ, чтобы мы учились. И зачѣмъ увольненіе теперь брать, а не послѣ ученья, когда захочешь на службу поступить! Тогда легче было бы заплатить... я и самъ успѣлъ бы что-нибудь уроками заработать. И неужели для общества все равно что въ монастырь идти, что въ университетъ? Нѣтъ, вѣрно гимназiи и университеты устроены только для дворянъ. Отчего же и для чего это такъ? Отецъ говоритъ, что дума поступила справедливо, такъ зачѣмъ же не устроить этого какъ-нибудь подругому! Неужели нельзя ничего придумать? Развѣ это кому-нибудь вредно, что у насъ больше ученыхъ людей будетъ!

Тутъ въ первый разъ шевельнулась у меня мысль о сословныхъ различіяхъ и въ первый разъ я почувствовалъ зависть и злобу.

Когда мы пришли къ воротамъ нашего дома, Семень Алексѣичъ застучалъ пальцами въ окно, и наклонясь съдѣнькой головой надъ своими цвѣтущими геранями, закричалъ:

— Что, сошла ли на насъ, Петръ Николаичъ, небесная манна? Иди-ка сюда, да рассказывай что ваши мытари и фарисеи?

Мы вошли въ комнаты, а черезъ минуту пришла и мать, которая давно ждала нашего возвращенія. Отецъ рассказалъ чѣмъ кончилось дѣло и на чемъ порѣшило общество. Семень Алексѣичъ немного задумался, а потомъ заговорилъ, поглаживая бороду съ своей неизмѣнной улыбкой.

— Ну, и славно, и хорошо! Вѣдь поступились же, кулебячки! Я вѣдь признаться струхнулъ-было. Вѣдь секретарь-то мнѣ говорилъ, что они тысячу заломили. Да вѣрно голова отстоялъ. Ну, теперь конецъ и слава вышнимъ! Шей скорѣе Шашуръ-то гимна-

зическій сертукъ: не все ему романы читать, вѣдь и августъ на дворѣ, скоро ученую братію къ дѣлу позовутъ.

— Да побойтесь Бога, батюшка: вы достатки наши хорошо знаете. Гдѣ я семьсотъ-то рублей возьму? У меня иногда въ кошель-то пятака мѣднаго нѣтъ.

— А сто рублей вѣдь ужъ есть!

— Помилуйте! гдѣжъ они сто рублей?

— А вотъ здѣсь въ столѣ! На-ко, держи для благого начала.

И онъ открылъ ящикъ въ своемъ дубовомъ бюро, вынулъ оттуда двѣ бѣленькія бумажки и подалъ ихъ отцу.

— Разбогатѣешь, такъ отдашь! продолжалъ онъ: — а коли богатство память отшибетъ, такъ я и самъ напомяну.

— Благодарю васъ, батюшка... только скоро вѣдь я вамъ заплатить не могу, а какъ неравно смертный часъ придетъ...

— Такъ на томъ свѣтѣ сочтемся... Да не въ томъ дѣло. Вѣдь намъ еще не хватаетъ маленько, сотню-то добыли, а цѣлыхъ шести еще нѣтъ. Да главное, духу праздности и унынія не поддавайся: подойникъ завели, Богъ подастъ и корову. Иди-ко ты теперь къ хозяину, да расскажи ему на чемъ дѣло стало: такъ и такъ молъ, карманъ-то у тебя съ подкладкой, распоясывайся-ко, толстощокій, давай шестьсотъ рублей. Слава-богу, не банкротъ какой! А вотъ ему отъ меня письмецо снеси; я ему тутъ настроичилъ. Онъ вонъ къ Никитѣ-мученику новый палиелей повѣсилъ, пусть-ка и намъ съ тобой сольетъ колокольчикъ. Еще въ прошломъ году онъ мнѣ обѣщалъ газету на стихари — я ему и этого не прощу... Попадья, выползай-ко изъ гнѣзда, давай намъ съ Петромъ Николаичемъ травничку!

Мать моя начала благодарить Семена Алексѣича за его помощь.

— Полно, полно-ко, Лизавета Ивановна! А вотъ если у насъ съ матушкой дочь будетъ, такъ пожалуста ужъ ты поучи ее пироги съ грибами печь; у меня попадья мастерица только на рыбные.

На другой день отецъ пошелъ къ фабриканту К. съ письмомъ отъ Семена Алексѣича. Мы съ безпокойствомъ ждали, чѣмъ кончится этотъ визитъ, отъ котораго зависѣло теперь остальное дѣло. Хозяинъ отца, богатый купецъ и почетный гражданинъ, былъ чело-вѣкъ не злой и даже доброжелательный, но довольно крутой и тугой на деньги; про него рассказывали немало анекдотовъ, въ которыхъ

его экономія и расчетливость нерѣдко переходили въ открытую скупость. Понятно, что успѣхъ съ этой стороны былъ довольно сомнителенъ. Мать замѣтно тревожилась въ ожиданіи отца. Наконецъ онъ воротился, и я по лицу его догадался, что дѣло вѣроятно удалось не вполне.

— Ну, съ чѣмъ поздравить? спросила мать.

— Ужъ вытерпѣлъ я каторгу! сказалъ отецъ: — да слава-богу хоть не даромъ: пятьсотъ рублей далъ.

— Сашенькѣ подарилъ?

— Какъ не подарить!.. Насилу взаимы вымолилъ. На два года далъ: каждый мѣсяцъ будетъ вычитать изъ жалованья. Да ужъ онъ пѣлъ мнѣ, пѣлъ рацею-то, индо въ глазахъ позеленѣло: и зачѣмъ мы въ дворяне-то хотимъ лѣзть, и развратъ-то вишь въ гимназіи одинъ, и что мы за господа такіе, что купеческой частью гнушаемся и въ чужіе сани садимся... Хорошо ему въ своихъ саняхъ сидѣть съ капиталомъ-то. Такъ упарилъ, что я вотъ словно изъ бани отъ него вышелъ.

— Ну, слава-богу, хоть далъ-то.

— А все сотней рублей меньше, какъ я ни просилъ.

— Богъ милостивъ, достанемъ.

Мать замѣтно повеселѣла, да и отецъ былъ уже не такъ озабоченъ, какъ въ прошлые дни.

— Знаешь что, Петръ Николаичъ, я вздумала? сказала мать за обѣдомъ: — пойду я къ дядюшкѣ и Сашу съ собой возьму, авось поможетъ. Теперь ужъ немного и остается.

— Задастъ онъ тебѣ гонку, какъ мнѣ же хозяинъ.

— Что за бѣда! Пусть поворчитъ, только бы Сашѣ помочь.

— Невѣрится мнѣ.

— Ну, попытка не пытка.

На другой день послѣ обѣда отправились мы съ матерью къ «дядюшкѣ». Его звали Алексѣемъ Семенычемъ. Это былъ купецъ третьей гильдіи, крутой и своеобразный старикъ, который торговалъ въ городѣ въ мѣховомъ ряду. Жилъ онъ въ своемъ домѣ, въ Дорогомиловской слободкѣ, недалеко за мостомъ. Тутъ была у него и собственная красильня, гдѣ онъ занимался весьма почтенной фабрикаціей мѣховыхъ товаровъ, перекрашивая великорусскихъ зайцевъ въ сибирскія красныя лисицы, а московскихъ собакъ въ нѣмецкіе бобры. Лѣтомъ, въ сухіе дни, у него весь дворъ былъ обы-

кновенно покрыть сѣтью протянутыхъ веревокъ, на которыхъ просушивались его пушные издѣлія. Состоянія у него въ то время не было, но жилъ онъ безъ недостатковъ.

Часа черезъ два добрались мы пѣшкомъ до знакомаго сѣраго домика съ красной деревянной крышею и зелеными ставнями. Алексѣй Семенычъ только-что всталъ отъ послѣобѣденной высыпки и сидѣлъ съ женою за самоваромъ, распаренный до-красна лѣтнимъ сномъ и горячимъ чаемъ, въ сѣромъ нанковомъ сертукѣ съ растегнутымъ воротомъ на рубашкѣ.

— Садитесь-ко, чайку попейте! проговорилъ онъ послѣ обыкновенныхъ привѣтствій.

— Жарко, дядюшка! сказала мать.

— Ничего, паръ костей не ломить.

Послѣ двухъ или трехъ чашекъ чаю, мать сообщила Алексѣю Семенычу, что я кончилъ ученье въ Трехсвятительскомъ училищѣ и при выпускѣ изъ него получилъ похвальный листъ и книгу за успѣхи. Старикъ съ кислой улыбкой промышчалъ что-то въ отвѣтъ, отдувая протянутыми впередъ губами горячій паръ съ чайнаго блюдечка, поставленнаго на пяти вывороченныхъ кверху пальцахъ лѣвой руки. Но мать не отступила отъ этой любезности и рассказала, что по совѣту попечителя и нашего священника рѣшила отдать меня въ гимназію, а потомъ въ университетъ, что мѣщанское общество согласно на увольненіе, а К. далъ для этого пятьсотъ рублей, да батюшка сто, и теперь остается только достать остальные сто рублей.

— По моему разсужденію, дворянъ и ученыхъ и безъ него у насъ достаточно! сказалъ старикъ, опрокидывая чашку и обтирая лицо носовымъ платкомъ.

— Да жаль, дядюшка, оставить: въ наукахъ-то Сашенька пошолъ; можетъ-быть Господь ему счастье открываетъ.

— Богъ-то намъ не говоритъ что онъ думаетъ: иногда намъ кажется хорошо, а по его волѣ выйдетъ и не такъ. Это мы по своему разсудку все хотимъ мудрѣ другихъ быть. Всякому свое назначено; всякъ сверчокъ знай свой шестокъ. Вонъ дворяне въ торговья дѣла нынче полѣзли, такъ смотришь — то тотъ, то другой карманы и выворачиваютъ. И нашему брату также не рука бы по ниверситетамъ-то ходить. Протянешь ножки не по одежкѣ, смотри не лопнуло бы. Слыхалъ я, чему и учать-то нынче. Вонъ у нашего

рядскаго мѣховщика сынъ тоже въ гимназіи поканчиваетъ. Пришолъ я наведни въ лавку къ отцу, послушалъ что онъ толкуетъ-то: громовые отводы вишь, говорить, теперь учить, слышь гнѣвъ-то божій отводить хотятъ; когда воля господня на что есть, а они поперекъ ея съ своимъ разумомъ идутъ. Хороша наука!

— Да въдь батюшка Семень Алексѣичъ совѣтуетъ и благословляетъ.

— Ну, и они хороши бываютъ, хотъ и пастыри величаются. Чѣмъ бы наставить да поучить, чтобы мы дескать себя помнили, да на разумъ свой не полагались, а они на грѣхъ еще толкаютъ. Дай срокъ — будутъ сами за это отвѣтъ держать, зачѣмъ души-то наши отъ лукаваго не уберегли. Охъ, согрѣшилъ я грѣшный!

Когда мать, несмотря на эту суровую проповѣдь, категорически обратилась къ старику съ просьбою о осудѣ остальныхъ денегъ на увольненіе, онъ значительно возвысилъ голосъ и пустился въ такіе выговоры, что жена уже принялась его уговаривать. Все это казалось мнѣ скучнымъ и оскорбительнымъ. Я вышелъ на дворъ посмотреть, отъ нечего дѣлать, какъ вѣшаютъ просушивать поддѣльные бобры и еноты, и не слыхалъ дальнѣйшаго краснорѣчія Алексѣя Семеныча. Но когда наконецъ меня позвали, и мы стали прощаться съ дялюшкой, мнѣ показалось, что старикъ былъ уже не такъ суровъ. Жена его дала мнѣ даже на прощанье, въ его присутствіи, ягодъ изъ своего сада. Не знаю какимъ образомъ мать успѣла уговорить его, но когда мы пошли домой, она сообщила мнѣ дорогой, что Алексѣй Семенычъ умилостивился и далъ сорокъ рублей.

Дѣло очевидно подвигалось къ концу. Но все еще оставалось достать покрайней-мѣрѣ шестьдесятъ рублей, и эта бездѣлица стоила матери большихъ трудовъ и пожертвованій. Она ходила по роднымъ и знакомымъ — и все было напрасно. Наконецъ рѣшилась она на послѣднее средство: собрала все что у насъ въ домѣ имѣло какую-нибудь цѣнность: пять столовыхъ ложекъ, подержанный лисій салопъ, шаль, подаренную матери еще во время ея сватѣбы, какія-то золотыя колечки, даже сняла серебряную ризу со стариннаго образа, которымъ дѣдъ благословилъ отца передъ смертью. Все это было завязано въ скатерть и мать отправилась съ большимъ узломъ на извозчикѣ къ какому-то закладчику въ За-

ряде. Часа черезъ три она привезла, какъ помнится, сто рублей денегъ и какую-то росписку.

— Ну, слава-богу, Сашенька! сказала она съ видомъ чрезвычайнаго удовольствія: — ужъ какъ я рада, теперь все кончено; деньги собраны и твое увольненіе скоро будетъ готово. Исполнилъ Господь мое желаніе, точно гора у меня съ плечъ свалилась. Какъ я рада, какъ я рада!

И я понялъ сколько доброты, самопожертвованія и нѣжности было въ сердцѣ этой простой женщины, которая забывала себя и все на свѣтъ, для того чтобы дать сыну образованіе. Но въ тоже время я понялъ и всю горькую сторону этого жестокаго положенія объ увольненіяхъ для мѣщанскихъ дѣтей, которое ставитъ такіа непроходимыя перекладины на пути къ образованію и можетъ-быть у тысячи молодыхъ людей отнимаетъ возможность быть счастливыми и полезными себѣ и другимъ. И сколько разыгрывается ежегодно такихъ безвѣстныхъ сценъ въ бѣдныхъ семействахъ! Сколько совершается невидимой нами борьбы изъ-за образованія, на которое долженъ бы имѣть право всякій! Сколькихъ людей умнѣе и даровитѣе меня остановили эти увольнительныя свидѣтельства на полдорогѣ и отбросили въ непроходимую грязь невѣжества!

Вскорѣ послѣ этого мое увольненіе было готово, хотя кромѣ собранныхъ денегъ отцу пришлось еще немало приплатить на другія косвенныя и темныя издержки по этому дѣлу.

— Ну, братъ Шашура! говорилъ Семень Алексѣичъ, сидя у насъ за пирогомъ въ слѣдующее затѣмъ воскресенье: — смотри же теперь, не плошай, не ударь лицомъ въ грязь передъ дворянами. Видишь, какъ постаралась для тебя мать-то. Какъ будешь уроки гимназическіе учить — помни объ этомъ.

— Онъ прежде всего долженъ помнить ваше добро, батюшка.

— Какое это? Что я за латынь-то стою больше, чѣмъ за прилавокъ. Это еще дѣло не мудреное: что у кого болитъ, тотъ про то и звонитъ. Какъ самъ-то въ латинской кухнѣ побывалъ, такъ хочется и другихъ той же похлебкой покормить. Ты, Лизавета Ивановна, материнскій долгъ исполнила; я тебѣ это въ глаза говорю, а другимъ и еще покрѣпче скажу.

— Благодарю васъ, батюшка.

— Ладно! А ты, Петръ Николаичъ, не забывай, что наука-то покрѣпче вашихъ капиталовъ, особенно московскихъ: кто наживетъ

ее, тотъ ужь въ конецъ не обанкрутится; хотъ каменныхъ палатъ она можетъ и не дать, да и совсѣмъ безъ хлѣба не оставитъ. Ваши-то вонъ какъ съ дымомъ въ трубу вылетятъ, такъ и праху-то отъ нихъ не остается... А ты крестъ свой неси, да и роптать не думай.

И отецъ понесъ тяжелый крестъ за мое увольненіе въ университетъ изъ московскаго мѣщанскаго общества. Правда, хозяинъ-фабрикантъ вычиталъ данныя на это деньги только одинъ первый годъ, а другую половину долга на слѣдующее лѣто, въ день своихъ именинъ, простилъ въ видѣ награды за порядокъ, введенный отцомъ на фабрику. Но прочія деньги непременно нужно было уплатить, и я знаю, что всѣ онѣ были заплачены, хотя и не понимаю, какъ это удалось отцу сдѣлать, когда въ этотъ годъ онъ получилъ меньше четырехъ-сотъ рублей ассигнаціями, а между-тѣмъ долженъ былъ сдѣлать немало издержекъ при поступленіи моемъ въ гимназію. Вещи же, заложенныя матерью, какъ помню, воротились домой года черезъ полтора, да и то не всѣ: шаль и кольца пошли кажется на уплату процентовъ.

А. МИЛЮКОВЪ

ОТЪ ПЕТЕРБУРГА ДО КАТЕРИНОСЛАВЛЯ

I

Прощаніе съ Петербургомъ. — Различіе между англійскимъ и русскимъ путешественниками. — Мое печальное положеніе. — Цѣль поѣздки. — Сплавъ войскъ по Днѣпру. — Содержаніе русскаго солдата и продовольствіе его въ мирное время. — Порціонныя или категорическія деньги. — Ротная экономическая сумма. — Продовольствіе изъ котла и отъ жителей. — Ротная артельная сумма. — Продовольствіе въ походѣ. — Кормовыя деньги. — Сожалѣніе о національной ѣздѣ и почтовомъ колокольчикѣ. — Столкновеніе съ главнымъ обществомъ желѣзныхъ дорогъ. — Печальная мѣстность. — Амурскій казакъ изъ французовъ. — Меня насильно пересаживаютъ на перекладную. — Обращеніе мое къ почтовому начальству. — Неудачный выборъ Довска для пересѣченія двухъ важнѣйшихъ нашихъ шоссе.

Петербургъ удивительный городъ. Жить въ немъ тяжело и тошно. Если мнѣ предстоитъ какая-нибудь возможность покинуть сей сѣверный Вавилонъ, то жду я недождусь желаннаго часа разлуки съ нимъ. Но странное дѣло: не успѣетъ проворный локомотивъ отнести меня на нѣсколько станцій, какъ мысли мои начинаютъ принимать совершенно иной оборотъ. По мѣрѣ того, какъ я удаляюсь отъ этой нимфы съ вѣнкомъ на головѣ изъ тростника елагинскаго *pointe*, какъ выразился одинъ остроумный англійскій юмористъ, сердце мое начинаетъ немедленно сжиматься тоскою по ней; я начинаю сознавать все, чего лишаюсь по мѣрѣ того, какъ становится моимъ достояніемъ все, чего не доставало для моего благополучія въ нашей столицѣ, *mieux coiffée que chaussée*, по выраженію того же англичанина.

Англичанинъ впрочемъ вѣроятно не чувствуетъ такого сожалѣнія, разставаясь съ сѣверной Пальмирой, продолжаетъ острить на ея счетъ и хладнокровно видитъ въ ней городъ, постоянно одержимый неизлечимою водяною. Англичанинъ, чортъ его знаетъ какъ онъ

ухитрился, рыская по всему свѣту, всюду носить съ собой свое отечество, и въ тоже самое время онъ менѣе всякаго другого космополитъ. Онъ охотно живетъ въ Квебекѣ и Капштадтѣ, Бомбеѣ и Портъ-Джаксонѣ, какъ въ Лондонѣ, Ливерпулѣ, Манчестерѣ, не переставая быть англичаниномъ; не говоря уже о томъ, что онъ шныряетъ по всей Европѣ, искрещиваетъ ее вдоль и поперекъ; для него преимущественно выстроены всѣ ея гостиницы и отели, и онъ добрался уже до нашей сѣверной столицы, о которой выражается, какъ мы видѣли, не всегда уважительно. Всюду онъ несетъ за собою энергію и дѣятельность, готовый рѣшительно охватить весь міръ, чтобы питаться его соками, существовать на его счетъ. Съ собою же несетъ онъ все, выработанное тысячелѣтнею цивилизаціей своей страны, и между тѣмъ какъ прочіе народы такъ медленно и туго ползгаютъ въ населеніи, избыткомъ своихъ силъ онъ колонизируетъ сѣверъ и югъ, востокъ и западъ. Главное, онъ вездѣ дома, потому что всюду носитъ за собою домъ свой. О немъ по преимуществу можно сказать, что онъ «omnia sua secum portat».

Совершенно иное положеніе путешествующаго русскаго. По физиологической ли причинѣ самой организаціи, или вслѣдствіе малодѣйности прошлаго, недавняго намъ богатаго наслѣдства, обдѣливашаго насъ, какъ бѣдную Сандрильону, русскій, цивилизованный въ особенности — космополитъ на иной ладъ. Легче всякаго другого онъ освобождается отъ своего историческаго воспоминанія, и легко забываетъ пѣсни и сказки, пѣтыя исторіей у его младенческой колыбели, несмотря на то, что черезъ нѣсколько дней сіи исполнятся тысяча лѣтъ. Онъ приобрѣлъ другую, различную отъ англичанина историческую способность: принаравливаться, приспособляться, перенимать, улаживаться, подчиняться. Разумѣется, что это приспособленіе, улаживаніе, подчиненіе прежде всего внѣшнія, формальныя. Оторванный отъ почвы, окунувшійся въ европейской цивилизаціи, разумѣется, что онъ усвоилъ прежде всего только наружные слѣды. Французы не безосновательно говорятъ: «grattez un russe, vous trouverez un barbare». Мы много правда путешествовали по Европѣ; число паспортовъ, ежегодно выдаваемыхъ канцеляріей санктпетербургскаго военнаго генералъ-губернатора, представляетъ дѣйствительно весьма-почтенную цифру и какъ извѣстно послужило для многихъ изъ нашихъ доморожденныхъ и аклиматизированныхъ экономистовъ разъясненіемъ вопроса, куда дѣваются наши деньги. Тѣмъ не менѣе наружная разница между путешествующимъ англичаниномъ и русскимъ прямо бросается въ глаза. Какъ легко угадать и отличить перваго, такъ мудро распознать послѣдняго: такъ онъ умѣетъ приглядѣться и привороваться

къ обстоятельствамъ въ новой для него средѣ. Всѣмъ извѣстна ваша космополитская способность говорить на всѣхъ языкахъ. Иностранцы говорятъ намъ постоянно комплименты, принимая насъ за своихъ соотечественниковъ. Искренни или неискренни ихъ похвалы, онѣ доказываютъ только, что иностранцы чутко поняли вашу слабость принимать эти похвалы со всѣмъ чистосердечіемъ. А можетъ-быть дѣйствительно свойственна намъ эта способность тамелеона, пока какое-либо неожиданное проявленіе въ насъ отечественнаго безобразія не обнаружитъ сущности нашей природы и воспитанія. Тѣмъ не менѣе, глубоко или поверхностно, мы заразились европейской цивилизаціей. Положительно нѣтъ ни одного вопроса, нѣтъ ни одного знамени, нѣтъ ни одной теоріи или партіи, на которые не отозвалась бы у насъ бѣлая или меньшая кучка людей. Для доказательства стоитъ только заглянуть въ нашу литературу. Иной подумаетъ, что гражданская и политическая жизнь нашей страны въ полномъ цвѣтѣ. Нѣтъ отгѣнка общественныхъ убѣжденій, рожденныхъ на западѣ, который не получилъ бы отголоска, не основалъ бы своего органа въ нашей литературѣ. Ужь я не говорю о конституціонизмѣ, о парламентаризмѣ и всѣхъ ихъ отгѣнкахъ; у насъ процвѣтаетъ повидимому даже всюду предаваемый на западѣ проклятію социализмъ, судя по нападкамъ и серьезнымъ опасеніямъ нѣкоторыхъ многоумныхъ людей; занимаются политикой, общественной жизнью, слѣдятъ за движеніями федералистовъ и отступленіемъ конфедератовъ; интересуются тѣмъ что дѣлаетъ Гарибальди и Кошутъ, Мадзини и Людовикъ-Наполеонъ.

Я самъ принадлежу къ печальному разряду людей, которые не могутъ начать или закончить дня безъ газеты. Вдругъ такого господина судьба выхватываетъ изъ Петербурга, — фантазмагорія кончается, начинается дѣйствительность. Вотъ уже двѣ недѣли какъ я выѣхалъ изъ Петербурга и не видѣлъ ни одного журнала, не пробѣжалъ ни одной газеты, не слыхалъ ни одной новости изъ политическаго и литературнаго міра. А тамъ безъ меня Богъ-знаетъ чего быть можетъ не случилось. Можетъ поднялись славянскіе народы вслѣдствіе послѣднихъ побѣдъ въ Герцоговинѣ; можетъ-быть Гарибальди выразилъ недовѣріе къ итальянскому правительству и увѣренность въ его неспособность вести національное дѣло; можетъ-быть Наполеонъ высказалъ хоть что-нибудь изъ того, что такъ тщательно скрываетъ на глубинѣ души своей, и что такъ неуверенно хочется знать европейскимъ дипломатамъ? Ничего, ничего не знаю. Да для чего тебѣ знать все это? охота тебѣ тратить время на подобныя ребячества, вовсе до тебя ктому же некасающіяся, скажетъ мнѣ первый встрѣчный, благоразумный человѣкъ. Знаю,

сознаю, да что же дѣлать? Не могу отстать отъ цивилизованнѣйшихъ привычекъ; не могу не хотѣть быть au courantъ всего, что дѣлается въ той части челоѣчества, которая ухитрилась доставлять себѣ подобныя удовольствія и развлеченія, и для достиженія которыхъ не задумалась принести въ жертву остальную часть челоѣчества, которой до всего этого вѣтъ никакого дѣла. Привычка, — отъ нея не избавишься, и вотъ почему, несмотря на антипатію мою къ Петербургу, я тотчасъ начинаю тосковать по немъ, когда судьба разлучитъ меня съ нашимъ единственнымъ, цивилизованнымъ, европейскимъ городомъ. Это пристрастіе къ петербургской жизни и къ сохраненію привычки, о которой я говорилъ, вызвали настоящую кореспонденцію.

Хотя я вовсе не намѣренъ стѣснять себя въ цутевыхъ замѣткахъ и посвящать ихъ какому-либо исключительному предмету, а намѣренъ говорить обо всемъ, что найду замѣчательнымъ въ какомъ бы то ни было отношеніи, тѣмъ не менѣе я долженъ сказать нѣсколько словъ въ объясненіе, такъ какъ мнѣ вѣроятно придется не разъ говорить о спеціальной цѣли, съ какою я оставилъ Петербургъ.

Военное министерство въ недавнее время рѣшилось воспользоваться скудными средствами, представляемыми нашими путями сообщеній, для перевозки войскъ въ отдаленныя части имперіи, въ особенности на Кавказъ и въ оренбургскій край. Затрудненій встрѣтилось разумѣется немало, такъ какъ дѣло было у насъ совершенно новое. Главное заключалось въ томъ, насколько новый способъ передвиженія будетъ дороже прежняго сухопутнаго похода часто на цѣляхъ тысячи верстъ. И выкупятся ли дороговизной его удобства имъ представляемая? Вопросъ былъ рѣшонъ въ пользу солдата, и смѣю думать, казны, хотя стоимость новой системы и превыситъ нѣсколько ту, которая была въ употребленіи доселѣ. Военное министерство благоразумно воспользовалось существующими средствами сообщенія по Днѣпру и Волгѣ для слава войскъ по этимъ рѣкамъ къ Черному морю и Каспійскому, и отсюда на Кавказъ, или по Волгѣ и ея притокамъ — Камъ, Бѣлой и Чусовой. — въ оренбургскій край, и уже нѣсколько разъ испытало всю выгоду этихъ путей сравнительно съ сухопутнымъ походомъ на Ставрополь и оттуда чрезъ горы въ Закавказье.

Въ этомъ году потребовалось комплектовать кавказскую армію, и министерство прибѣгло къ испытаннымъ уже и оказавшимся удовлетворительными средствамъ частныхъ лицъ и командій волжскихъ и днѣпровскихъ. По Днѣпру пришлось слаждать шъ губерній, лежащихъ по этой рѣкѣ, около пятнадцати тысячъ временно-

отпускныхъ нижнихъ чиновъ. Для этой цѣли заключенъ военнымъ министерствомъ съ генералъ-майоромъ Шумлянскимъ контрактъ, по которому послѣдній обязался въ извѣстные сроки, отъ 15 апрѣля чрезъ каждые десять дней, всего въ одиннадцать рейсовъ, перевести означенное число людей изъ Рогачева и Лоева въ Екатеринославль. Отсюда войска идутъ сухимъ путемъ до Бердянска. Зѣсь пароходы южнаго общества парохолства и торговли перевозятъ ихъ въ Керчь и оттуда на восточный берегъ Чернаго моря на Кавказъ. Правда, что подобный способъ перевозки обойдется для казны нѣсколько дороже, но съ другой стороны онъ представляетъ столько выгоду относительно сбереженія времени, силъ и здоровья солдатъ, что если принять это во вниманіе, то онъ обойдется несравненно дешевле. Я не привожу подробнаго расчета того и другаго способа передвиженія, столько же чтобы не испугать людей, которые не согласятся на приводимые мною доводы, сколько и потому, что значительная въ общей сложности цѣна совершенно ничтожна съ выгодами, представляемыми сплавомъ. Дѣло въ томъ, чтобы министерству только не приходилось переплачивать за людей, неказывающихся налицо, чего избѣгнуть возможно при строгомъ контролѣ со стороны инспекторскаго департамента надъ числительностью отираемыхъ частей и командъ и надъ среднимъ процентомъ, полагающимся на обыкновенную убыль.

Причина различія въ цѣнности обоихъ способовъ передвиженія главнымъ образомъ заключается въ платѣ за перевозку людей, а восторыхъ — въ различной стоимости содержанія солдата въ походѣ на сухомъ пути и на водѣ. Я намѣренъ сказать о послѣднемъ нѣсколько словъ въ томъ предположеніи, что многимъ изъ читателей, которымъ мало или вовсе неизвѣстно какъ живетъ и продовольствуется русскій солдатъ, было бы не безынтересно ознакомиться съ этимъ предметомъ хотя въ общихъ чертахъ. Военной литературѣ у насъ какъ-то не удается заинтересовать общественное мнѣніе.

Содержаніе нашего солдата скудно, но о размѣрахъ его вѣроятно мало кому извѣстно. Я не стану говорить о причинахъ, заставляющихъ содержать такую огромную, въ особенности сравнительно съ нашими средствами, армию, которая и въ мирное время превышаетъ мильонъ солдатъ. Это предметъ слишкомъ обширный и потребовалъ бы болѣе серьезнаго обсужденія нежели мои путевыя замѣтки; упомяну только, что политическая необходимость содержать громаднѣйшую армию, сравнительно съ прочими европейскими государствами, и ограниченность матерьяльныхъ и финансовыхъ средствъ имперіи обуславливаетъ скудость содержанія вообще всей

арміи и особенно солдата, тоже сравнительно съ другими державами.

Солдаты нашъ получаютъ не всегда одно и тоже содержаніе. Последнее зависитъ отъ мирнаго или военнаго времени, похода или пребыванія на мѣстѣ, расположенія въ казармахъ, лагерѣ или на квартирахъ у жителей, — въ последнемъ случаѣ просторнаго или тѣснаго и т. д. Я буду говорить о мирномъ только времени и о расположеніи или походѣ въ *своей* странѣ.

Солдаты на мѣстѣ бываетъ расположенъ въ казармахъ и въ лагерѣ, либо на тѣсныхъ и на пространныхъ квартирахъ у жителей.

Если онъ живетъ на мѣстѣ и расположенъ въ казармахъ или лагерѣ, то получаетъ казенный провіантъ, т. е. хлѣбъ, а на приварокъ, состоящій изъ мяса (не всякій день), капусты, крупъ, соли и проч. ⁽¹⁾ выдаются казною деньги. Количество этихъ денегъ зависитъ отъ бѣдности и богатства губерній и отъ цѣны продуктовъ въ нихъ, почему всѣ губерніи раздѣлены по этимъ цѣнамъ на извѣстныя категоріи. Способъ этого продовольствія слыветъ у солдатъ подъ названіемъ *продовольствія изъ котла*, ибо пища въ такомъ случаѣ готовится въ ротахъ, въ ротныхъ котлахъ, а приварочныя деньги называются *порціонными*, а чаще *категорическими* (?). Если же солдатъ расположенъ на постоянныхъ квартирахъ по городамъ и селамъ у *хозяевъ*, съ расчисленіемъ по нѣсколькимъ дворамъ на солдата, то это и называется на военномъ языкѣ расположеніемъ на *пространныхъ квартирахъ*. Въ этомъ случаѣ солдатъ получаетъ отъ казны провіантъ, а приваркомъ пользуется отъ хозяина (по закону онъ долженъ довольствоваться тѣмъ что ѣсть хозяинъ). Отпускаемые же ему въ такомъ случаѣ порціонныя или категорическія деньги поступаютъ въ такъ-называемую *ротную экономическую сумму*. Въ нее же поступаютъ остатки, если таковыя образуются въ случаѣ продовольствія выше-описаннаго, и забота хорошаго въ хозяйственномъ отношеніи ближайшаго начальника состоитъ въ томъ, чтобы увеличить эту сумму всѣми возможными способами и экономіей. Разумѣется, что послѣдній способъ доволь-

⁽¹⁾ Для любопытныхъ привожу полный расчетъ приварка къ обѣду на 100 человекъ :

Говядины по $\frac{1}{4}$ на человекъ	1 п. 10 ф.
Капусты или бураковъ	3 ведра.
Крупъ гречневыхъ	2 гарнца.
Муки подправочной	3 ф.
Луку	3 ф.
Соли	5 ф.
Перцу	12 зол.
Лавроваго листу	12 зол.

ствія солдата опредѣленъ въ этомъ видѣ закономъ (еще петровскихъ временъ), но на дѣлѣ онъ почти никогда не выполняется и чрезвычайно обременителенъ для населенія.

Доказательствомъ, кромѣ того, что мнѣ неоднократно случалось видѣть всѣ его неудобства вблизи, можетъ служить то обстоятельство, что онъ входитъ въ составъ извѣстной *военной экзекуціи* или наказанія крестьянъ за какое-либо неповиновеніе властямъ. *Экзекуціей* этихъ наши поселяне ужасно не любятъ (т. е. поселенія между ними войска, какъ вооруженной силы для водворенія порядка), и часто изъ одного желанія, чтобы избавиться отъ присутствія солдатъ, соглашались на то, въ чемъ прежде оказывали упорное сопротивленіе.

Какъ ни обременительна послѣдняя система продовольствія для сельскаго населенія, все же она была бы не такъ чувствительна для крестьянина, еслибы исполнялась въ размѣрахъ, предписанныхъ закономъ. Но это исполненіе на практикѣ встрѣчаетъ затрудненія и рождаетъ злоупотребленія. Солдатъ въ избѣ поселянина является нерѣдко полнымъ хозяиномъ и своеволие его не знаетъ границъ. Слѣдить за каждымъ солдатомъ офицеру, часть котораго нерѣдко разбросана по нѣсколькимъ деревнямъ и селамъ, весьма затруднительно, если не вовсе невозможно; обращаться крестьянину съ жалобой къ земскому начальству — бесполезно: онъ мужикъ и терпитъ. На томъ основаніи, что ему слѣдуетъ по закону приварокъ, солдатъ требуетъ обѣда, который превышаетъ средства хозяина. Вотъ почему случалось мнѣ видѣть, что крестьянинъ по приходѣ солдата нарочно садился на хлѣбъ и на воду, или обѣдалъ тайкомъ отъ своего квартиранта, ибо ему хорошо извѣстенъ законъ, по которому солдату дозволяется требовать отъ хозяина только то что самъ онъ готовить къ обѣду.

Прошу читателя не считать какъ проявленія своеволія солдата, такъ и негостепріимства нашего мужика за общій и постоянный фактъ; я привожу его ради оцѣнки этой системы продовольствія, которая необходимо должна быть замѣнена другою, болѣе рациональною, именно продовольствіемъ изъ котла, несмотря на то, что она обходится казнѣ дороже. Находить страна нужнымъ содержать армію, такъ должна кормить ее. Со введеніемъ постоянныхъ квартиръ, которое неминуемо должно повести за собой устройство казарменныхъ помѣщеній и штабъ-квартиръ, вѣроятно отмѣнена будетъ и эта противуэкономическая система продовольствія. Чаще же солдатъ охотно помогаетъ крестьянину въ его домашней жизни, таскаетъ и рубитъ ему дрова, носитъ воду, нерѣдко помогаетъ даже въ полѣ, нянчить его дѣтей. Послѣднее обстоятель-

ство случалось мнѣ во время службы въ арміи встрѣчать до того часто, что привязанность къ дѣтямъ осталась для меня самою характеристическою чертою нашего солдата. Я объясняю себѣ это обстоятельство естественною, непобѣдимой склонностью человѣка къ утѣхамъ семейной жизни, отъ которыхъ солдатъ оторванъ по самой сущности своей службы и званія. Но повторяю, нерѣдко случалось мнѣ встрѣчать факты противоположныя.

Другое, уже совершенно-противозаконное слѣдствіе той же системы продовольствія заключается въ томъ, что солдатъ пользуется и хлѣбомъ ховина съ тѣмъ, что обязанъ возратить его мукою, въ дѣйствительности чего войска должны получить отъ жителей квантанціи. Вотъ тутъ—то источникъ злоупотребленій. Квантанціи выдаетъ сельское начальство съ согласія всего міра, а въ селахъ и деревняхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ — помѣщики. До сихъ поръ почти во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи, за исключеніемъ, сколько мнѣ извѣстно, Польши, западныхъ и остзейскихъ губерній, міръ всегда, а помѣщики нерѣдко прощали солдатамъ хлѣбъ, который слѣдовало съ нихъ получить. Это вошло до такой степени въ обычай, что если случалось міру поступать иначе и не выдавать квантанцій, то солдатъ а еще чаще ближайшіе его начальники (въ особенности полковые и батальонные квартирмейстеры) считали это дѣло противозаконнымъ и настойчиво требовали прощенія. Нерѣдко завязывалась по дѣламъ подобнаго рода переписка и производилось слѣдствіе. Я знаю одинъ случай, бывший въ неочень давнее время въ губерніи, весьма близкой къ Петербургу, что крестьяне рѣшительно отказались отъ выдачи необходимыхъ для отчетности военному начальству квантанцій, и назначенное по сему случаю слѣдствіе, вѣроятно тоже увлеченное обычаемъ, рѣшило вопросъ въ пользу солдатъ. Крестьяне продолжали сопротивление. Тогда къ нимъ посланы были тѣже войска для экзекуціи, и устранимый еще большей бѣдой міръ выдалъ требуемыя отъ него квантанціи.

Остающійся такимъ образомъ хлѣбъ либо показывается къ зачету, либо продается, и вырученные за него деньги поступаютъ въ экономическую сумму. Прошу читателя не забывать, что я говорилъ только о ротномъ хозяйствѣ, о ротныхъ суммахъ, и не смѣшивать ихъ съ полковыми или батальоннымъ хозяйствомъ, и полковыми или батальонными суммами, о которыхъ я скажу при случаѣ впоследствии. Назначеніе ротной экономической суммы (крошъ незначительныхъ расходовъ на нѣкоторыя ниня потребности), состоитъ главнымъ образомъ въ улучшенія солдатской пищи во время продовольствованія изъ котла. Суммы эти бывають иногда весьма

значительныя. Расходуются онѣ не иначе какъ съ разрѣшенія высшаго начальства. Когда я служилъ въ полку и старался ближе ознакомиться съ бытомъ солдата, то меня удивляла столько же значительная цѣна экономической суммы, сколько экономическое ея расходованіе. Это была, какъ мнѣ тогда казалось, какал-то вѣроятная сумма, къ которой невозможно было дотронуться, несмотря на то, что солдатъ голодалъ, и по моему мнѣнію совершенно напрасно. Зато мнѣ случилось видѣть (въ бытность мою въ Закавказья въ послѣднюю войну) какъ скоро эти значительныя суммы таяли, когда начальство, лишонное всякихъ ресурсовъ для улучшения пищи солдата, особенно въ болѣзненное время года, въ странѣ голодной, чужой или непріязненной, рѣшалось допустить расходованіе этихъ суммъ.

Кромѣ экономической въ ротѣ есть еще такъ-называемая *артельная сумма*. По смыслу законоположеній и по способамъ, которыми она составляется и пополняется (по большей части изъ заработныхъ денегъ), сумма эта должна находиться въ полномъ и безконтрольномъ вѣдѣніи роты, составляющей въ хозяйственномъ отношеніи артель, которая можетъ расходовать ее по своему произволу. Но не такъ бываетъ на дѣлѣ. По той причинѣ, что она состоитъ исключительно изъ солдатскихъ денегъ и что разрѣшеніе о ея расходованіи сопряжено съ меньшими затрудненіями и не восходитъ до высшихъ ступеней военной іерархіи, сумма эта не всегда выполняетъ свое назначеніе и изъ нея посредствомъ злоупотребленій, бывшихъ въ такомъ ходу еще въ самое недавнее время, пользоваться довольно легко. Впрочемъ, еслибы контроль надъ ней находился дѣйствительно въ рукахъ роты или артели, то всѣ злоупотребленія, имѣющія въ виду пользоваться солдатскими деньгами, прекратились бы сами собою.

Кромѣ сего даже въ настоящее время понятія объ экономической и артельной суммѣ совершенно перепутаны, и мнѣ часто случалось встрѣчать, что извѣстный расходъ въ одной части войска относится на экономическую сумму, въ другой — на артельную, а бываетъ и такъ, что въ одной и той же ротѣ расходы одной категоріи относятся то на экономическую, то на артельную сумму, между тѣмъ какъ смѣшивать ихъ не приходится, и это неразличеніе казенныхъ денегъ отъ солдатскихъ было бы весьма несправедливо. Первые, какъ я сказалъ, образуются главнымъ образомъ изъ порціонныхъ денегъ, отпускаемыхъ казною на приварокъ и отъ продажи оставшагося или подареннаго жителями провіанта (частью же и другихъ, обыкновенно ненужныхъ остаточныхъ

предметовъ комиссаріатскаго довольствія) (1), и хотя уже отпущены казной въ расходъ, но не перестаютъ составлять казенной собственности. Солдатъ въ случаѣ выхода въ безсрочный отпускъ или отставку, или въ случаѣ расформированія роты, ничего не получаетъ изъ этихъ суммъ. Артельная же сумма составляется изъ солдатскихъ заработковъ и составляетъ собственность всей роты. Солдатъ при выходѣ въ безсрочный отпускъ или отставку получаетъ принадлежащую ему часть и въ случаѣ расформированія какой-либо части войскъ, сумма уничтожается, т. е. раздается на руки солдатамъ.

Замѣчательнъ принципъ русской артели и полного равенства въ правѣ на заработокъ, проникшій изъ жизни простолюдина въ самое сердце арміи — ротное хозяйство. Вся рота рѣдко отпускается на работу, а идетъ обыкновенно только часть ея. Изъ выработанныхъ денегъ часть, обыкновенно половина, идетъ въ артельную сумму, ибо артель не виновата, что вся она не можетъ идти на работу, и не пошедшіе несутъ вѣдь въ это время лишнюю службу за товарищей; другая часть отдается солдатамъ, бывшимъ на работѣ; послѣдніе изъ этихъ денегъ получаютъ иногда всѣ, чаще же въ слѣдствіе попечительнаго начальства, неоставляющаго ихъ своей опекой, только часть ихъ, а остальные деньги, на которыя они впрочемъ не теряютъ права, какъ во время службы такъ и по увольненіи отъ нея, хранятся въ общей суммѣ артельныхъ денегъ и бываютъ иногда значительны настолько, что обезпечиваютъ солдата на первое время выхода его въ отпускъ или отставку.

Къ сожалѣнію нерѣдко случалось мнѣ встрѣчать и такіе случаи, что часть заработанныхъ солдатомъ денегъ поступала въ экономическую сумму для ея поддержанія, если она мала, а въ мѣстѣ расположенія роты дороговизна, или предвидится походъ, съ которымъ всегда сопряжены усиленные расходы какъ экономической такъ и

(1) Предметами комиссаріатскаго довольствія называется одежда, обувь, амуниція; предметами артилерійскаго довольствія — оружіе, патроны, порохъ, казенди. Остатки отъ этихъ довольствій въ ротахъ ничтожны; объ этомъ и заботится полковая экономія. Посему не слѣдуетъ смѣшивать ихъ съ полковыми запасами и остатками, которые бываютъ поразительно велики. Слишкомъ два года пробылъ я въ походѣ съ полкомъ, и замѣтилъ, что достаточно пробыть на одномъ и томъ же мѣстѣ отъ четырехъ до шести мѣсяцевъ, чтобы полковые склады выросли до такой степени, что перевозочныя средства полка были уже недостаточны, чтобы поднять ихъ. Мы часто оставляли ихъ и съ ними всегда значительныя команды людей нерѣдко съ офицерами. Это полковое имущество, плодъ экономіи въ управленіи полкомъ и постройки одежды, слыветъ подъ названіемъ *приданаго* за полкомъ и составляетъ собственность полковаго командира, играющую весьма важную роль при сдачѣ полка отъ одного полковаго командира другому.

артельной суммы. На какомъ законномъ основаніи это допускалось, мнѣ оставалось невзвѣстнымъ во все время служенія моего въ арміи. Такія распоряженія встрѣчались мнѣ чаще всего въ такомъ случаѣ, когда работа предоставлялась солдатамъ отъ казны: тогда обыкновенно весь заработокъ поступаетъ въ экономическую (т. е. казенную же) сумму, несмотря на то, что тогда и цѣна за работу не вольная, а назначенная. Разумѣется, что въ такомъ случаѣ солдатъ становится обязаннымъ работникомъ. Я ничего не могу сказать противъ такого употребленія солдата: все же лучше занять его производительной работой хотя за самую низкую плату, чѣмъ досаждать ему часто бесполезной выправкой и учебными шагами, какъ дѣлалось встарину, но мнѣ кажется, что въ такомъ случаѣ, т. е. когда солдатъ употребляется на государственныя, казенныя работы, можно бы содержать меньше войска, а остающіеся отъ этого въ экономіи деньги употреблять на наемъ вольныхъ рабочихъ, трудъ которыхъ, какъ необязательный, дать лучшіе результаты; обращать же солдата въ обязательнаго работника слѣдовало бы избѣгать, и ни въ какомъ случаѣ не обращать заработанные имъ деньги въ экономическія, т. е. казенныя, которыя ему слѣдуетъ получать и безъ работы, по своей службѣ и званіи солдата. Вотъ чѣмъ объясняю я и то обстоятельство, что онъ съ готовностью и удовольствіемъ идетъ на вольную работу, чтобы избѣжать только своихъ официальныхъ занятій (отъ охотниковъ тогда вѣтъ отбою), и съ неудовольствіемъ идетъ на казенную работу: тутъ приходится уже не вызывать охотниковъ, а обращаться къ наряду.

Еще одно слово. На какомъ основаніи деньги, отпущенныя на продовольствіе солдата, но не израсходованныя и сбереженныя по распоряженію начальства, не перестаютъ оставаться казенною собственностью, (а на этомъ и основана разница между ротною экономическою суммою и артельною), я не знаю. Справедливость требовала бы, чтобы разъ отпущенныя солдатамъ деньги считать солдатскою собственностью и представлять ихъ въ артель вслучаѣ экономіи. Объяснюсь примѣромъ. Казна отпускаетъ мнѣ по расчету прогонныя и суточные (порціонныя) деньги. Она не требуетъ отъ меня отчета какъ я вѣхалъ: на пароходѣ, на почтовыхъ или на долгихъ, не спрашиваетъ меня и чѣмъ я питался и осталась ли у меня экономія изъ денегъ, отпущенныхъ мнѣ въ такомъ количествѣ, какое признано закономъ необходимымъ для продовольствія и путешествія офицера.

Того, что я сказалъ о довольствіи солдата на мѣстѣ, я считаю пока мѣстѣ достаточнымъ для тѣхъ, кто мало знакомъ съ этимъ

предметомъ, и перейду къ другому, уже обозначенному мною случаемъ: какъ продовольствуется солдатъ въ походѣ? Обыкновенно онъ получаетъ тогда отъ казны хлѣбъ, а такъ какъ во время похода неудобно пользоваться приваркомъ отъ жителей, а еслибы прошло значительное число войскъ, то это было бы и невозможно безъ крайняго обремененія крестьянъ, то на приварокъ выдаются тѣже порціонныя деньги по категоріямъ, смотря по относительному богатству губерніи и крестьянъ: если губернія плодородна и богата, то и деньги отпускаются въ меньшемъ количествѣ, и обратно (1). Солдаты сами покупаютъ необходимую провизію на вѣсколько дней и везутъ ее за собой на своей лошади и телѣгахъ (привозимыхъ на артельныя деньги) или на обывательскихъ подводахъ изъ числа тѣхъ, которыя имъ полагается отпускать въ размѣръ, опредѣленномъ закономъ (по одной подводѣ на пятьдесятъ человекъ).

Но если изъ одной части имперіи въ другую переходитъ незначительная часть войскъ: маршевые батальоны (2), отдѣльныя артилліи, команды и проч., то солдатамъ не выдается и хлѣба, а на все довольствіе отпускаютъ деньги и не въ артель, а на руки каждому солдату порознь, въ томъ предположеніи, что всякій купитъ себѣ хлѣба и заплатитъ обывателю, получить отъ него приварокъ. Количество выдаваемыхъ такимъ образомъ денегъ тоже зависитъ отъ бѣдности и благосостоянія губерніи; деньги эти называются кормовыми. Кажалось бы, что такъ какъ деньги эти выдаются солдатамъ на руки, то послѣдніе должны бы быть болѣе всего довольны такимъ способомъ продовольствія, покрайней-мѣрѣ вѣроятно такъ думаютъ въ Петербургѣ. На самомъ же дѣлѣ съ этой системой продовольствія солдату чаще всего приходится голодать, и главное, что я объясню ниже, въ подобномъ случаѣ солдаты не составляютъ артели, а такъ и продовольствуются особнякомъ. Нѣсколько разъ случалось мнѣ говорить съ солдатами по этому поводу, и главная причина, почему не прибѣгаютъ они въ этомъ случаѣ къ своей спасительной формѣ общественнаго хозяйства, заключается въ томъ, что роты не сформированы окончательно, люди не знаютъ еще другъ друга, такъ что ротнымъ командирамъ затруднительно даже назначать унтеръ-офицеровъ, капральныхъ, сельдфебеля, а ротѣ избирать артельщика; никакихъ хозяйственныхъ принадлежностей не имѣетъ

(1) Среднія цифры порціонныхъ денегъ въ 1862 г. 2½ коп. на солдата въ богатыхъ губерніяхъ и 4 коп. въ бѣдныхъ.

(2) Маршевыми батальонами называются обыкновенно взаимно сформированныя батальоны, направляемые на комплектованіе постоянныхъ частей. По прикомѣ на мѣсто, они тотчасъ же расформируются.

ся: люди идутъ безъ котловъ и проч. Я предлагаю для разбора нашимъ военнымъ администраторамъ этотъ весьма важный вопросъ на обсужденіе, ибо система продовольствія кормовыми деньгами на практикѣ не выдерживаетъ никакой критики, и солдаты положительно теряютъ свои силы, а казна деньги, за которыя, — я утверждаю, — можно кормить людей, даже сдѣлать закупку всѣхъ необходимыхъ принадлежностей артельнаго хозяйства. Неудобства эти тѣмъ ошутительнѣе, чѣмъ большая часть войска находится въ слѣдованіи, и систему эту слѣдовало бы оставить при пересылкѣ только самыхъ немногочисленныхъ командъ и партій. Я заявляю только, что при этомъ единственномъ случаѣ артель не формируется и продовольствованіе, дорогое для казны, для солдата бываетъ безпримѣрно хуже. Идетъ онъ напримѣръ по таврической губерніи и получаетъ 4¹/₄ коп. въ день. Правда хлѣбъ здѣсь, не то что въ Петербургѣ, дешевле: за 40 коп. можно купить пудъ хорошаго хлѣба въ деревнѣ; но все же, считая даже не по казенному (3 ф. въ день на человѣка), ибо солдатъ сѣдаетъ среднимъ числомъ не болѣе 2—2¹/₂ ф., на приварокъ остается ему сляшкомъ ничтожная сумма, ничтожность которой можетъ быть отчасти ослаблена только артельнымъ хозяйствомъ.

Для большаго доказательства неудобства этого способа продовольствія я привелъ настоящій случай. Батальоны, сформировавшіеся въ моголевской губерніи, получали по 9 коп. въ сутки на человѣка кормовыхъ денегъ. Деньги отданы были на руки каждому солдату. Цѣна на хлѣбъ въ этой губерніи въ апрѣлѣ мѣсяцѣ была 2¹/₂ коп. за фунтъ. Въ отпуску люди, по бѣдности губерніи, тоже не пользовались хорошимъ и достаточнымъ продовольствіемъ. На отпущенныя деньги казалось бы можно было продовольствоваться сносно, если не хорошо, — вышло противное. У жителей, бѣдныхъ блуждающихъ, они не только не нашли приварка, за который охотно заплачивали бы деньги, но не находили и хлѣба. Многіе изъ солдатъ, которыхъ я спрашивалъ объ этомъ, говорили мнѣ, что *въ шесть недѣль они ѣли по два, по три раза теплую пищу*, а довольствовались чаще всего селедкой съ кускомъ черстваго хлѣба и въ обиліи водкой. А между тѣмъ при дальнемъ слѣдованіи и при приходѣ въ страну, весьма опасную для здоровья свѣжаго и непривыкшаго къ ея климату человѣка, все вниманіе слѣдуетъ обратить, чтобы съ этими неудобствами встрѣтился организмъ вполне здоровый и сытый. Неудобства слѣдованія на кормовыхъ деньгахъ бываютъ поразительны даже въ богатыхъ странахъ, если проходящія команды особенно многочисленны, какъ это было въ настоящемъ случаѣ. Возьмемъ для примѣра богатое село въ 250 дворовъ и тысячу душъ.

Оно легко и неубыточно для крестьянъ прокормить двѣ-три тысячи проходящихъ солдатъ, за кормовыя деньги, въ предположеніи, что они останутся день или два, если будетъ назначена дневка. Но если пройдетъ 10 или 15 тысячъ человѣкъ, да еще съ дневкой, то село должно накормить 20 или 30 тысячъ человѣкъ, что для богатаго даже села можетъ быть затруднительно, несмотря на гостепріимство его и хлѣбосолюство. Можно же себѣ представить, какія послѣдствія окажутся для деревни небогатой, погорѣвшей, обѣдѣвшей по случаю неурожая, засухи, саранчи и проч. Но такъ какъ при слѣдованіи малочисленныхъ партій, казна была бы поставлена въ затруднительное положеніе для организаціи хозяйства этой части, а выгоды, представляемыя артелью, по малочисленности состава команды бесполезны, то по моему крайнему разсужденію слѣдовало бы оставить довольствіе кормовыми только для малочисленныхъ частей, вовсе отмѣнивъ такого рода довольствіе для частей многочисленныхъ. Во всякомъ случаѣ мнѣ кажется слѣдовало бы серьезно заняться вопросомъ о слѣдованіи на кормовыхъ деньгахъ въ особенности въ бѣдныхъ губерніяхъ.

Наконецъ существуютъ еще особенныя системы солдатскаго продовольствія, употребляющіяся какъ средства исключительныя для сохраненія силъ и здоровья солдата, какъ напримѣръ во время морскаго плаванія, когда и сухопутныя войска продовольствуются на морскомъ положеніи, значительно обильнѣйшемъ сравнительно съ описанными мною; въ настоящемъ случаѣ, во время переѣзда на берлинахъ по Днѣпру, солдату, кромѣ казеннаго хлѣба, отпускалось по 7 к. на человѣка въ сутки порціонныхъ денегъ. Продовольствовать людей за эти деньги можно было очень хорошо, особенно если сравнить съ тѣмъ что они получали, пока не добрались до Рогачева, несмотря на то, что были губерніи, проходя чрезъ которыя, они получали по 15 к. на человѣка,—цифра сравнительно огромная, — и тѣмъ досаднѣе, что при ней все-таки предположенной цѣли достигнуть было фактически невозможно, ибо уже самая величина ея указываетъ на бѣдность страны, чрезъ которую приходилось проходить солдату.

Мнѣ слѣдовало бы сказать теперь нѣсколько словъ о механизмѣ военнаго хозяйства (ротнаго и полковаго), но я боюсь наскучить читателю спеціальностью, въ которую вдался я, несмотря на мое стараніе не загромаждать ее излишними подробностями, и отложу рѣчь мою объ этомъ предметѣ до другого раза. Я впрочемъ слѣлалъ оговорку, что мои путевыя замѣтки вовсе не посвящены одной какой-либо цѣли, и въ нихъ я намѣренъ говорить обо всемъ что найду интереснымъ по какому-либо случаю. Я самъ хорошо замѣ-

тилъ, что письмо мое приняло характеръ популярной лекціи изъ военной администраціи, и что я слишкомъ отдался отъ того, чѣмъ я началъ письмо — отъ ощущеній, испытанныхъ мною при разлукѣ съ Петербургомъ; посему я сиѣшу возвратиться къ этому предмету.

Я оставилъ Петербургъ въ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ, свѣтлыхъ, апрѣльскихъ дней, въ которые солнце яркимъ, блестящимъ свѣтомъ напоминаетъ, что быстро приближается лѣто, а температура окружающей васъ атмосферы, слякоть невыразимая на улицахъ, идущій по Невѣ ледъ, говорятъ о холодной, непріязненной, пережитой вами порѣ года. На сердцѣ у меня было тоже холодно. Причину я уже объяснилъ. Дебаркадеръ варшавской дороги оказался мнѣ тоже несимпатичнымъ. Хорошія стороны путешествія впрочемъ скоро одержали верхъ. Путешествіе имѣетъ свойство не оставлять васъ наединѣ съ собою; оно постоянно отвлекаетъ ваше вниманіе отъ внутренняго міра; оно не сосредоточиваетъ его на какомъ-либо предметѣ вѣшняго, а гонитъ съ одного предмета на другой, не даетъ времени остановиться, даритъ васъ безчисленными, хотя и мимолетными впечатлѣніями. И это хорошо: вотъ вниманіе ваше остановилось, нѣтъ пищи для развлеченія, наблюденіе обращается внутрь, вотъ мелькнуло воспоминаніе, другое, дорогой образъ, болѣзненно защемило сердце, что-то сдвинуло верхнюю часть груди, средоточіе ощущеній разлуки... Какъ тяжело бываетъ человѣку, когда ему приходится оставаться наединѣ съ какимъ-либо исключительнымъ своимъ чувствомъ. Вотъ почему такъ пристрастны къ путешествію преимущественно люди, боящіеся, избѣгающіе бесѣдъ съ самими собою и почему люди противоположныя, съ поэтическими, мечтательными склонностями, такъ искренно сожалѣютъ о постепенномъ упадкѣ и исчезновеніи нашей національной ѣзды со всѣмъ ея однообразіемъ до нескончаемаго, монотоннаго звона почтоваго колокольчика, дѣйствительно поймающаго въ душѣ много воспоминаній изъ нашей своеобразной, родной жизни; объ ѣздѣ, съ каждымъ днемъ подрываемой все болѣе и болѣе путешествіемъ по желѣзнымъ дорогамъ съ ихъ европейскимъ, или лучше сказать космополитскимъ характеромъ. Мнѣ случалось говорить о поэтической прелести нашей національной ѣзды съ иностранцами, которые испытали ее. Разумѣется я коварно умалчивалъ о многихъ ея неудобствахъ, о почтовыхъ станціяхъ и ихъ неравешествѣ, о зрителяхъ, о самовластномъ обращеніи иногда ихъ, иногда проѣзжихъ, о ящикахъ и національной брани, подрывающихъ нѣсколько ея прелесть. Куда! ничего не понимаютъ. Меня и слушать не хотѣли.

Впрочемъ ужь если говорить чистосердечно, то не малое количество неудобствъ представляютъ и желѣзныя наши дороги, къ которымъ я сибѣму воззраться, такъ какъ мнѣ нужно въ Островъ. Какъ только тронулись мы отъ петербургскаго дебаркадера, то къ намъ вошелъ кондукторъ помѣтить наши билеты. Я обратился къ нему съ вопросомъ, сколько человѣкъ должно помѣщаться въ занимаемомъ нами купе. Онъ объявилъ, что восемь. Купе для восьми человѣкъ было довольно просторно; оно было ново, подушки мягки и удобны, отдѣлка даже элегантна. Купе было на мѣрѣ прусскихъ и отличалось отъ нихъ отсутствіемъ небольшихъ перегородокъ, раздѣляющихъ мѣста и маленькихъ подушекъ для головы. Я выразилъ это замѣчаніе своему пріятелю, который провожалъ меня до Гатчины, и онъ согласился со мною, что отсутствіе этихъ перегородокъ весьма врантично и удобно, ибо для одного человѣка, смотря по его комплексу, бываетъ нужно нѣсколько болѣе мѣста, для удобства другого достаточно меньшее пространство. Но на слѣдующей же станціи мнѣ пришлось раскаться въ моемъ замѣчаніи и взять его назадъ. Въ наше восьмимѣстное купе посадили двѣнадцать человѣкъ, въ томъ числѣ правда двое дѣтей (мальчикъ лѣтъ восемь и дѣвочка четырехъ лѣтъ). Входитъ снова кондукторъ, снова поворачиваетъ билеты. Они какъ видно очень пристрастны къ этому занятію. Я сирашиваю, сколько лицъ должно помѣщаться въ купе по закону? Говоритъ, десять.

— Вашъ товарищъ объявилъ, что восемь.

— Нѣтъ-съ, десять.

— Если бы это было и такъ, хотя я не вижу причины почему бы вашему товарищу не объявить настоящаго числа, то все же насъ здѣсь двѣнадцать человѣкъ.

Кондукторъ отвѣчалъ довольно грубо, что дѣтей въ счетъ не ставятъ, и вышелъ изъ вагона. Что дѣлать? надобно терпѣть. Къ тому же время было не совсѣмъ весеннее, почти всѣ пассажиры были въ шубахъ, духота была страшная; чтобы не простудить дѣтей, изъ которыхъ одинъ былъ нездоровъ, нужно было держать окна закрытыми. Одинъ изъ путешественниковъ объяснилъ, что пассажиры неоднократно жаловались въ *Правленіе*, что десяти человѣкамъ сидѣть въ купе невозможно, въ особенности въ зимнее время, когда всѣ бываютъ въ шубахъ и вслѣдствіе этого должны занимать болѣе мѣста. Было даже нѣсколько скандальныхъ исторій. Наконецъ общество вышло общему говору, и сдѣлало распоряженіе, — какое, вы видѣли: когда остаются лишніе мѣста, то хорошо, не то сажаетъ попрежнему по десяти человѣкъ тамъ, гдѣ могутъ помѣститься всего восемь.

Тѣмъ не менѣе я задыхался отъ духоты и рѣшился сдѣлать демонстрацію въ свою пользу на слѣдующей станціи. На ней простояли всего три минуты. На третьей я обращаюсь къ кондуктору съ тѣми же вопросами и получаю тѣже отвѣты, только въ болѣе грубомъ тонѣ. Я даже не могъ узнать отъ него, сколько человѣкъ дѣйствительно должно помѣщать въ себѣ купе. На мое замѣчаніе, что для устраненія подобныхъ недоразумѣній слѣдовало бы въ каждомъ вагонѣ прибить дощечку съ надписью, что онъ на такое-то число пассажировъ, сердитый кондукторъ отвѣчалъ, что болѣе дорого будетъ стоять компаніи исполненіе прихотей всякаго проезжаго.

Демонстрація моя совершенно неудалась. И подѣломъ мнѣ, какъ говорятъ мои петербургскіе знакомые: не слѣдуетъ ее производить, если не вполне увѣренъ въ успѣшномъ ея исходѣ.

Я не стану, читатель, описывать желѣзной дороги отъ Петербурга до Острова, въ мѣстности, по которой она проходитъ. Да это и бесполезно. Уже давно рѣшено, что теперь почти невозможно описывать путешествія, если не удаляешься куда-нибудь въ глушь, подалеже отъ свистковъ локомотива и космополитскихъ нравовъ, овладѣвающихъ все болѣе и болѣе всѣми желѣзными дорогами. Да и въ самую глушь-то начинаютъ прокладывать чугунки съ явнымъ стремленіемъ подвести всѣ народности къ одному общему знаменателю, охватывающему все человѣчество. Ничего особенно національнаго, оригинальнаго, выдающагося не случилось. Ну и слава богу! Развѣ что-нибудь о красотахъ внѣшней природы? Грустная, наводящая тоску окрестность! Вамъ вѣрно случалось восхищаться мѣстностью, окружающею Петербургъ, все равно въ какую сторону? Ну такъ все такимъ же образомъ вплоть до самаго Острова. Изрѣдка встрѣчался и лѣсъ, но и

Въ лѣсъ ли заглянешь — сосна да осина,
Не весела ты, родная картина!

Въ Островѣ, несмотря на ночь, я полюбился цѣпнымъ мостомъ, — дѣйствительно прекрасное и граціозное сооруженіе. Какой-то страшно трясучій экипажъ довезъ меня до гостиницы, изъ которой отходятъ мальпосты въ Могилевъ. Билетомъ я запасся еще въ Петербургѣ, чтобы избѣжать неудобной, несмотря на всю ея поэтическую прелесть, ѣзды на перекладной, если бы всѣ билеты были разобраны. Пассажиромъ изъ Петербурга оказался одинъ я. Въ гостиницѣ я встрѣтилъ впрочемъ другого, тоже ожидавшаго отправления мальпоста. Мы познакомились. Я упоминаю объ этомъ не безъ основанія, какъ увидитъ читатель ниже. Мой знакомый оказался казакомъ изъ Амурскаго края, но странное дѣло, по его выговору я за-

мѣтилъ, что онъ долженъ быть непременно иностранецъ, и высказалъ мое предположеніе. Такъ и оказалось. Амурскій казакъ не только по рожденію, но и по воспитанію оказался французомъ, такъ-таки французомъ. Этого мало: я узналъ отъ него, что у него есть братъ, который тоже въ русской службѣ и занимаетъ мѣсто слѣдователя въ одной изъ русскихъ губерній.

— Право, подобные случаи возможны только въ дѣйствительныхъ, колонизирующихся странахъ, какъ Америка или Россія.

— Да помилуйте, спрашиваю я его: — мнѣ кажется, что подобная служба нѣсколько затруднительна для иностранца. Она требуетъ спеціальнаго подготовленія, знанія законовъ, знакомства съ нашими обычаями, съ нравами русскихъ людей; чтобы исполнять ее какъ слѣдуетъ, за это возьмется не всякій нашъ-братъ, русскій.

— Помилуйте, отвѣчалъ мнѣ оригинальнѣйшій, какого только мнѣ случалось встрѣчать казакъ: — а разнѣ я по рожденію и воспитанію готовилъ себя въ казаки, да еще амурскіе? Все можно, если захочешь.

— Да что же вы дѣлали въ Сибири?

— Попалъ сначала въ какую-то труппу, называемую Благовѣщенскомъ, потомъ отправился со своей сотней куда-то еще дальше, потомъ отправился въ Иркутскъ, откуда и прибылъ сюда въ отпускъ.

— Чѣмъ же вы занимались въ вашей труппѣ?

— Возился съ сотней и охотился.

— Не пробовали ли вы завести у себя школу грамотности?

— Пробовалъ, то-есть прислали предписаніе, да что-то плохо. Ничего не выходитъ.

— Но что же побудило васъ отправиться въ такую даль?

— Какъ что? Подъемныя, двойные прогоны, а главное, мнѣ предстояла возможность получить лишній чинъ, и обогнавъ товарищей, перейти обратно въ свой гусарскій полкъ. Кстати, вамъ это должно быть извѣстно, возможно ли мнѣ перейти обратно въ мой полкъ изъ отпуска, не возвращаясь назадъ на Амуръ?

— Какъ же, очень хорошо извѣстно. Только позвольте прежде спросить васъ, имѣете ли вы вліятельныхъ знакомыхъ въ Петербургѣ, изъ нашихъ, изъ военныхъ?

Онъ назвалъ мнѣ нѣсколько дѣйствительно сильныхъ людей.

— Разумѣется, можно. По закону вы имѣете даже полное право, особенно если представите свидѣтельство, что сибирскій климатъ оказался вреденъ для вашего здоровья.

— Премного вамъ благодаренъ. Дайте совѣтъ какъ поступить.

Я сказалъ нѣсколько общихъ фразъ какъ должно дѣйствовать.

— А скажите, можно ли мнѣ будетъ получить прогонныя деньги изъ Сибири въ мѣсто расположенія полка.

— Ну это затруднительно, хотя и не невозможно. Если вы будете переведены по вашему желанію и вслѣдствіе нашей просьбы, то вы лишаетесь права на прогоны, но если васъ переведутъ по распоряженію начальства, то вы должны получить ихъ. Впрочемъ, если я не ошибаюсь, то тогда они слѣдуютъ вамъ отъ того мѣста, въ которомъ вы находитесь; но навѣрное я не знаю.

— Благодарю васъ. Употреблю все мое стараніе.

— Разумѣется, постарайтесь, но я увѣренъ, что вы достигнете цѣли.

— Меня смущаетъ только нѣсколько неловкое положеніе мое предъ моими бывшими товарищами, которымъ я сяду такимъ образомъ на шею. Но что же дѣлать? Всякій изъ нихъ могъ воспользоваться тѣмъ же, чѣмъ я воспользовался.

— Разумѣется, отвѣчалъ я. Человѣкъ ищетъ гдѣ лучше, рыба, гдѣ глубже.

Я сталъ раскаиваться въ моемъ всегдашнемъ легкомысліи, съ которымъ я составляю мнѣніе о людяхъ. Мой казакъ, несмотря на то, что былъ изъ французовъ, оказался весьма свѣдущимъ человѣкомъ въ русской жизни, обычаяхъ и нравахъ. Впрочемъ, я настолько же ошибся въ напередъ составленномъ мнѣніи о его братѣ, который можетъ быть и прекрасный слѣдователь. Съ этимъ господиномъ мы отправились вмѣстѣ въ мальпость. Я доволенъ былъ столько же, что не былъ въ одиночествѣ, сколько возможностью спросить живого человѣка о нашемъ таинственномъ, волшебномъ Амурѣ. Собесѣдникъ мой впрочемъ мало былъ знакомъ съ иркутской жизнью, въ которой сосредоточены всѣ интересныя новости. Расказы его были отрывчатаго содержанія и столько же неудобны для передачи, какъ еслибы были и въ полной связи. Разспрашивалъ я его и о томъ дѣлѣ, извѣстіе о которомъ года три тому назадъ весьма интересовало петербургскую публику. Къ сожалѣнію ничего новаго онъ не могъ сообщить мнѣ — такъ темною и осталась эта исторія.

Между тѣмъ мальпость нашъ, какъ заведенная машина, катилъ по холмистой мѣстности, одѣванной уже кое-гдѣ яркою, весеннею зеленью. Никакихъ остановокъ и затрудненій не встрѣчалось, и я благословлялъ судьбу, надумившую меня взять мѣсто въ каретѣ и давшую мнѣ возможность избѣгнуть неудобной, тряской перекладной. Такъ мы доѣхали до Витебска. Сильно поднявшаяся вода свесла мостъ черезъ Двину и задержала насъ. Нужно было переправиться въ лодкахъ. Я съ моимъ спутникомъ отправился впе-

редь, не дожидаясь какъ будутъ распаковывать и переправлять почту. Отъ перевозившаго насъ бѣлоруса мы узнали, что въ весеннее поноводье рѣка постоянно сноситъ весь мостъ, отъ котораго не остается часто ни одного бревна и что онъ, двадцать лѣтъ занимаемая перевозкой, не помнитъ года, въ который не постигло бы городъ это несчастье и не доставило бы ему работы. Мнѣ пришла на мысль древняя легенда о чудовищѣ, жившемъ на одной изъ большихъ дорогъ древней Греціи, для умилостивленія котораго и для доставленія безопасности проезжавшимъ, приносили ежегодно богатѣйшую жертву изъ пятидесяти дѣвушекъ—красавицъ туземнаго населенія, безъ которой страшное животное никого не оставляло въ покоѣ и пожирало всѣхъ путешественниковъ, пока не пришелъ Геркулесъ и не освободилъ страну отъ страшнаго бѣдствія. Здѣсь тоже ежегодное жертвоприношеніе на счетъ туземнаго населенія грубой, фатальной силѣ природы, побѣдять которую человѣкъ не выучился еще, несмотря на полную возможность побѣды. Скоро ли придетъ сюда Геркулесъ нашей эпохи — улучшенный, всепобѣдный мозгъ человѣческій?

Мы отправились со спутникомъ на почтовую станцію дожидаться нашего мальпюста, которому слѣдовало сдать въ почтовую контору витебскую почту. Задержка была весьма продолжительна, слишкомъ шесть часовъ. Вообразите же, читатель, мое удивленіе, когда вмѣсто ожидаемаго съ нетерпѣніемъ покойнаго и удобнаго мальпюста, къ крыльцу станціи подѣхали двѣ перекладныя и когда кондукторъ предложилъ намъ занять въ нихъ мѣста среди токовъ.

— Позвольте васъ спросить, обращаюсь я къ своему вожатому, отчего мы не продолжаемъ нашего путешествія въ мальпюсть?

— Г. здѣшній почтмейстеръ распорядился отправить васъ, господа, на перекладныхъ, потому что для двухъ пассажировъ не стоятъ отправлять кареты, тѣмъ болѣе, что ту, въ которой мы приѣхали, переправить черезъ рѣку довольно затруднительно, а здѣсь двухмѣстной не имѣется, а есть четырехмѣстная.

— Но позвольте. Я взялъ еще въ Петербургѣ мѣсто въ мальпюсть, а не на перекладной; здѣсь есть небольшая разница и я имѣлъ ее въ виду, когда бралъ билетъ?

— Мы этого не знаемъ и исполняемъ, что прикажетъ начальство.

— Такъ не можете ли вы обождать нѣсколько минутъ, пока я схожу переговорить съ г. почтмейстеромъ?

— Нѣтъ—съ, не могу. Почта дожидаться не можетъ.

— Да вѣдь это крайне несправедливо поступать такимъ образомъ!

— Нѣтъ—съ, ничего. Случается нерѣдко и дамъ возить такимъ образомъ, на перекладной. Прошу садиться.

Я подумалъ, подумалъ, и рѣшился подчиниться своей печальной участи. Послѣдній аргументъ, что поступаютъ такимъ же образомъ и съ дамами, показался мнѣ особенно сильнымъ. Бѣдныя дамы! что-то вы дѣлаете тогда съ вашими криволинями? Хоть бы учтивость-то, думалъ я, соблюдена была, хоть бы потрудились сообщить мнѣ, что вотъ по такимъ-то причинамъ мальпость не пойдетъ, а пойдетъ перекладная! Если горе не уменьшилось бы черезъ это, то жолчь не пришла бы въ такое броженіе. А то такъ ж чувствуешь, что ты не ѣдешь на свои собственные деньги, а везешь тебя попечительное начальство, — пойми ты это.

Что же мнѣ было дѣлать? Я не проѣхалъ и половины дороги, а деньги до Могилева были заплочены. Еслибы я отправился къ почтмейстеру, почта ушла бы и безъ меня. Почтмейстеръ разумѣется не внялъ бы моимъ требованіямъ и принялъ бы ихъ за возмущеніе. Вѣдь не отправилъ бы онъ меня въ особой каретѣ, и самое большее что согласился бы сдѣлать для меня, это отправить съ слѣдующимъ мальпостомъ, т. е. черезъ четыре дня, а время было для меня дорого: я долженъ былъ быть на мѣстѣ къ означенному дню. Нечего дѣлать. Какъ утѣшеніе въ моемъ грустномъ положеніи, я вспомнилъ громко и честно высказанное приглашеніе почтоваго начальства заявлять всѣ жалобы и неудовольствія на недостатки и беспорядки почтоваго управленія, или на уклоненія отъ своей обязанности лицъ почтоваго вѣдомства, и заявляю случившееся со мною происшествіе къ всеобщему свѣдѣнію.

Что меня особенно непріятно поражаетъ въ такихъ случаяхъ, это неожиданность падающей какъ свѣгъ на голову непріятности, на которую никакъ не рассчитываешь. Будь сдѣлано объявленіе, что если соберется путешественниковъ меньше опредѣленнаго числа, то почтовое начальство можетъ пересадить ихъ изъ кареты на перекладную, все же было бы легче. И когда берешь билетъ, то знаешь, что сядешь въ мальпость, а можешь доѣхать до мѣста на перекладной, и среди дороги не поразить тебя подобная мѣра своею странностью и неожиданностью. Говорятъ, существуетъ постановленіе, что мальпость отправляется изъ назначеннаго мѣста только тогда, когда соберется извѣстное число пассажировъ, въ противномъ случаѣ ночта идетъ на перекладныхъ. Не знаю, справедливо ли это, по крайней-мѣрѣ мнѣ никогда не случалось читать подобнаго постановленія, но можно утверждать съ большимъ основаніемъ, что не можетъ быть разрѣшенія *пересаживать* путешественниковъ изъ кареты на перекладныя, ибо это значило бы подрывать свой собственный доходъ, потому что врядъ ли нашлись бы люди, которые рѣшились бы брать мѣста въ почтовыхъ каретахъ съ такимъ рискомъ.

Невольно припоминаю случай, бывший со мною въ Баваріи, въ Розенгеймѣ, когда желѣзная дорога между этимъ городомъ и Мюнхеномъ не была еще окончена. Тамъ существуетъ постановленіе, что на немедленное отправленіе имѣетъ право тотъ только, кто прибудетъ съ багажемъ на станцію не менѣе какъ за десять минутъ до отправленія мальпоста. Я прибылъ на станцію ровно за такое, закономъ опредѣленное время. Отправлялся большой имперяль съ девятью мѣстами, которыя всѣ были заняты, вещи уложены, лошади впрягались. Начальникъ станціи объявилъ мнѣ, что всѣ мѣста заняты, что онъ меня отправитъ по сему случаю на другой день. Я показалъ ему на станціонные часы и напомнилъ о моемъ правѣ, и для одного меня немедленно запряжено было трехмѣстное купе, въ которомъ я и отправился, благословляя судьбу, что я не запоздалъ двумя минутами.

На могилевской почтовой станціи я засталъ двухъ путешественниковъ, которые чтобы отправиться въ мальпостъ, уже нѣсколько дней отыскивали третьяго, безъ котораго почтмейстеръ не отправлялъ кареты. Для чего же послѣ этого объявлено правильное сообщеніе въ мальпостъ? Это рождаетъ только раздраженіе противъ быть-можетъ и справедливыхъ денежныхъ расчетовъ почтового вѣдомства и противъ его объявленій о правильныхъ отправленіяхъ каретъ. Для чего же не сдѣлать этой оговорки, что мальпосты идутъ только въ такомъ случаѣ, когда соберется извѣстное число пассажировъ?

Отъ Могилева отправился я уже по подорожной на перекладной, и наслаждался поэтической прелестью національной ѣзды. Мнѣ слѣдовало бы сказать нѣсколько словъ о дѣйствительно замѣчательномъ мѣстоположеніи Могилева, но говорить о красотахъ природы я не стану, ибо вполне увѣренъ въ блѣдности какого ни на есть поэтическаго ея изображенія сравнительно съ дѣйствительностью. Ктому же эти романтическія, восторженные описанія утра или вечера, полудня или полуночи какъ-то не въ модѣ въ наше время, выступившее кажется болѣе твердымъ шагомъ послѣ долгихъ колебаній на реальную почву и отложившее до поры до времени всѣ тѣ прелести, которыми недавно еще такъ чистосердечно восхищались.

Странное обстоятельство обратило на себя мое вниманіе въ Довскѣ, или въ довской станціи, какъ называютъ здѣсь это мѣсто. Здѣсь перекрещиваются шоссе кievско-петербургское и московско-варшавское. Кажется пунктъ нарочито важный, лежащій на пересѣченіи двухъ такихъ путей. И чтоже? Читатель думаетъ, что находящееся здѣсь по самой малой мѣрѣ село, по счастливому своему положенію, стало расти не по днямъ, а по часамъ и успѣло уже

обратиться въ порядочный городъ? Ничуть не бывало. На довской станціи путешественникъ не замѣтитъ ничего, кромѣ двухъ обширныхъ строеній казенной архитектуры, въ одномъ изъ которыхъ почтовая, а въ другомъ телеграфная станція. Мѣсто для послѣдней оказалось уже неудобнымъ и ее перевели въ Бобруйскъ. Также неудачно выбрано и мѣсто для почтовой станціи. Доказательство на лицо: вокругъ станціи ни одного строения, никакого жилья, только въ прилепившейся къ горѣ мазанкѣ откупъ, какъ паукъ, устроилъ свои сѣти: мѣсто думаетъ важное. Но вѣроятно и онъ ошибся въ расчетѣ. Вотъ что значитъ не приравляться къ жизни, а насильственными, либо искусственными мѣрами вызывать или ломать ее! Не проявится она тамъ, гдѣ не мѣсто ей, хотя миллионы посадите на казенныя и административныя сооруженія. Сколько у насъ назначено такимъ образомъ селъ быть городами, которымъ по требованію самой жизни, слѣдовало оставаться селами, и на оборотъ, сколько селъ и мѣстечекъ, скорѣе заслуживающихъ быть городами и центрами административнаго управленія — околоткомъ. На томъ же основаніи, на которомъ Новгородъ и другіе города остались внѣ петербурго-московской желѣзной дороги, на томъ же основаніи слѣланъ былъ выборъ перекрестка для двухъ длиннѣйшихъ нашихъ шоссе, соединяющихъ главные узлы русской городской жизни: Петербургъ, Кіевъ, Москву и Варшаву. Выборъ неудаченъ тѣмъ болѣе, что многія несравненныя выгоды и удобства мѣстности указываютъ на Рогачевъ. Отсюда судоходенъ между прочимъ Двѣрѣ внизъ до самаго Екатеринославля, что одно уже громче всего говоритъ въ пользу важности этого города, отстоящаго кому же отъ Довска не болѣе какъ на тридцать верстъ и вовсе не въ сторонѣ отъ обоихъ путей.

На третій день по выѣздѣ изъ Петербурга, въ два часа дня прибылъ я на переправу въ Рогачевъ. Весеннее солнце пекло сильно, и глазамъ трудно было выносить блескъ его, отражавшійся повсемѣстно отъ разливагося далеко Двѣра, и со всѣхъ сторонъ окружающаго часть, ведущую къ рогачевской переправѣ.

II. ВИБИКОВЪ

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ «ВЪ ТЮРЬЖѢ»

Вонъ башни тамъ по берегамъ
Видѣнныя стоятъ;
Вонъ по стѣнамъ, склоненъ къ волнамъ,
Орудій черный рядъ.

Тамъ надъ землею туманъ сырой
И день и ночь стоитъ,
Тамъ вѣтра вой и волнъ прибой
Въ недвижимый гранитъ.

Лишь — рѣдкій мигъ — раздастся крикъ
Угрюмыхъ часовыхъ
Да слышенъ крикъ, злобѣцъ и дикъ,
Безсонныхъ птицъ ночныхъ,

Да слышенъ стонъ, — протяженъ онъ
И тоже страшенъ, дикъ,
Какъ смертный сонъ, подземный стонъ,
Глухой, протяжный крикъ...

Но все собой туманъ сырой
Покрывъ со всѣхъ сторонъ,
Но вѣтра вой и волнъ прибой
Глушить подземный стонъ...

О. ВЕРГЪ

П Т И Ц Ы

Изъ-за моря птицы прилетали,
Прилетали, въ роцѣ толковали.

Эхъ житье теперь намъ сѣрымъ птицамъ,
Сѣрымъ птицамъ, коршунамъ хохлатымъ ;

— Эхъ житье теперь намъ чернымъ птицамъ,
Чернымъ птицамъ, воронамъ крылатымъ,

Что земля какъ горькими слезами
Залилася кровью человѣчьей.

Говорятъ имъ древній, старый воронъ,
Говоритъ имъ сѣрымъ-чернымъ птицамъ :

Я сто лѣтъ поёнъ людской рудою,
Я сто лѣтъ кормлёнъ людскою плотью,

По землѣ и прежде было дѣла,
Вороньямъ и прежде было пиру ;

Палачи ли топоры точили,
По курганамъ все столбы ввозили,

На столбахъ на тѣхъ качались люди,
Не охотой-волею качались,

А качалъ ихъ вѣтеръ полуночный —
Полуночный, издали залетный.

Изъ-за моря птицы прилетали,
Прилетали, въ роцѣ толковали :

Эхъ бѣда теперь намъ бѣднымъ птицамъ,
Бѣднымъ птицамъ, лебедямъ залетнымъ ;

— Эхъ бѣда теперь намъ смирнымъ птицамъ,
Смирнымъ птицамъ, утицамъ залетнымъ,

На землѣ житья совсѣмъ не стало
Птицѣ смирной, птицѣ перелетной.

Полетимъ мы, птицы, на болота,
На болота, дальнія озера;

Въ камышахъ повьемъ мы, птицы, гнѣзды,
Въ камышахъ, въ туманахъ непроглядныхъ;

Будемъ, птицы, плавать по затишьямъ,
По затишьямъ, по озерамъ тихимъ;

Повыводимъ, птицы, дѣтокъ малыхъ,
Лебедятокъ, да утятъ сѣрыхъ;

Пролетимъ мы птицы надъ полями,
Надъ полями, хлѣбными полями,

Проживемъ мы птицы за людьми,
За людьми, сельскими людьми.

Изъ-за моря птицы прилетали,
Прилетали, въ роцѣ толковали.

О. ВЕРГЪ

БѢДНЫЕ ЖИЛЬЦЫ

ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

На Петербургской сторонѣ, недалеко отъ Сытнаго рынка, есть домъ, принадлежащій г-жѣ Крохоборовой. Онъ построенъ ввидѣ сундука, безъ малѣйшихъ притязаній на какую нибудь архитектуру. Все вниманіе Крохоборихи было устремлено на внутреннее устройство дома: она раздѣлила его разными летучими перегородками, дрожащими при малѣйшемъ стукѣ бѣдущаго мимо экипажа, на «безчисленное» множество комнатъ, похожихъ на пчелиныя ячейки. За каждую такую ячейку она брала съ бѣдняковъ-жильцовъ по два, по три, по пяти и по семи рублей ежемѣсячно. И сколько жильцовъ лѣпилось въ этомъ ульѣ! Тутъ жила и ткачиха, и коровница, и отставная титулярная совѣтница. Кромѣ того здѣсь проживали: одинъ литераторъ, два шарманщика, чиновникъ, выгнанный изъ управы благочинія, отставной фейерверкеръ, выгнанный изъ прихода дьячокъ и регистраторъ изъ сената. Сверхъ того, во флигелѣ жилъ состоявшій тридцать-пять лѣтъ подъ судомъ надворный совѣтникъ, разнощикъ газеты «Племянникъ» вмѣстѣ съ матерью, отставной дворникъ съ дочкой Сашей и почтальонъ съ семью членами семейства.

Я хочу взять на выдержку нѣкоторыхъ изъ жильцовъ и описать безхитростно, безъ прикрасъ ихъ житье-бытье. Начну сверху. Подъ самой трубой, жилъ зиму и лѣто регистраторъ изъ сената. Онъ занималъ на чердакѣ комнату или вѣрнѣе конуру, имѣющую видъ усѣченной призмы. Одинъ фасъ ея составлялъ боровъ печной трубы, отъ котораго шолъ потолокъ совершенно наклонно, вплоть до самаго пола. Лѣтомъ было нестерпимо жарко, потомучто желѣз-

ные листы крыши (она же и потолок) страшно накаливались под лучами лѣтняго солнца. Окно, величиною въ кулачекъ, никогда не давало свѣта: лѣтомъ оно было постоянно загажено живущими безплатно подъ крышей голубями, покрыто вѣковѣчнымиъ слоемъ пыли и паутины, а зимой на стеклахъ намерзало вершка на два льду, сосульки котораго торчали грозно, какъ хоботъ носорога.... Регистраторъ Лебединъ не «входилъ» въ комнату, какъ это дѣлаютъ остальные смертные, а «влѣзалъ» въ нее, начиная съ головы, потому что она была похожа на какую-то узкую трубу, состоящую изъ трехъ граней: крыши, борова и пола. Впрочемъ регистраторъ Лебединъ нисколько не унывалъ, и не встрѣчая ни въ одной сенатской бумагѣ имени Діогена, наивно удивлялся, почему сослуживцы прозвали его этимъ именемъ. Лѣтомъ служилъ ему кровомъ сводъ небесный, да своды правительствующаго сената, а зимою, въ свободное отъ службы время, онъ или дежурилъ за другихъ въ сенатѣ же, или согрѣвался въ ближайшемъ кабачкѣ, носящемъ многозначительное прозвище «Теряева.» Жизнь этого бѣдняка состояла изъ двухъ періодовъ: при полученіи «сихъ» (т. е. 9 руб. и 92½ копѣекъ) онъ оживалъ дня на три, а остальные 27, 28 дней погружался въ какое-то летаргическое состояніе, въ ожиданіи слѣдующихъ «сихъ.» Онъ, бѣдняга, всю жизнь не обѣдалъ ни разу, а только «перехватывалъ.» Я знаю многихъ такихъ, даже изъ гг. офицеровъ, которые почти не обѣдаютъ, а только перехватываютъ да закусываютъ. Но тамъ на это другія причины....

Такимъ образомъ Лебединъ, платя ежемѣсячно жадной Крохоборихѣ по полтора рубля за собачью конуру, только ночевалъ въ ней, да и то ночей шесть-семь не болѣе, потому что въ остальные покоился на мягкихъ сенатскихъ диванахъ «будто-бы» безъ всякихъ безпокойныхъ обитателей....

Но коварные сенатскіе чиновники чуть не лишили его послѣдняго удовольствія: дежурить въ сенатѣ, въ просвѣщенномъ обществѣ сенатскихъ сторожей и получать за каждое дежурство по двадцати копѣекъ. Онъ сначала прослылъ за «вѣчнаго дежурнаго» между сослуживцами, поэтому послѣдніе нанимали его за себя дежурить, платя за каждый разъ по двугривенному; такимъ образомъ у него скоплялось около шести рублей ежемѣсячно самаго безгрѣшнаго дохода. Лебединъ долго тайлъ отъ товарищей свое мѣстожительство; наконецъ они таки это пронюхали, выписали изъ книги адресъ, и послѣ полученія «сихъ,» всѣмъ синклитомъ нагрянули къ Лебе-

кину. Каково же было ихъ изумленіе, когда они увидѣли, что ихъ товарищъ «живетъ въ призмѣ».

— Господа, открытіе, открытіе! закричалъ одинъ изъ пришедшихъ: — знаете ли, почему Діогенъ нанимается всегда за насъ дежурить?

— Почему? Что это такое *Діогенъ*? посыпались вопросы.

— Діогенъ, господа, какъ я слышалъ отъ архиваріуса, былъ великій греческій или римскій философъ, непомню хорошенько, «имѣвшій мѣсто жительства» въ бочкѣ, а сей мужъ потому нанимается охотно за насъ дежурить, что ему было бы нестерпимо каждую ночь ночевать въ такой тѣсной квартирѣ. Поэтому мы великіе ослы, господа, съ ушами, подобными мидасовымъ, что даемъ ему по двугривенному за дежурство. Съ этихъ поръ баста ему платить! онъ самъ будетъ насъ просить, чтобъ мы ему позволили за себя дежурить, лишь бы не ночевать дома. Дѣйствительно перестали его навимать, ожидая, что онъ самъ *безвозмездно* предложитъ свои услуги. Надо было выдержать характеръ, *заставить* чиновниковъ просить себя, а чего это ему стоило? Онъ семь ночей дрожалъ подъ дырявой шинелишкой, какъ листъ осинový, когда на дворѣ трещалъ двадцати-градусный морозъ, несмѣя приподняться, разогнуться, чтобы неудариться макушкой объ стропила, — вотъ жизнь-то!

Читатель можетъ-быть полюбопытствуетъ узнать, каковъ былъ гардеробъ у Лебедкина? Шинель, служащая во всѣ времена года защитой отъ непогодъ, постелью одѣяломъ и халатомъ. Ворсъ на сукнѣ до того вытерся, что оно походило больше на тюль, чѣмъ на сукно. Воротникъ — изъ самой неблагопристойной шерсти какого-то звѣря, неизвѣстнаго еще зоологіи. Сюртукъ съ форменными пуговицами, до того вытертый и лоснящійся, что походилъ на резинковый. Сапоги, калоши, все это какъ слѣдуетъ подъ кадрили остальному. Казалось бы, на 15 рублей можно было бы жить гораздо приличнѣе описаннаго, но Лебедкинъ имѣлъ два обычая: одинъ очень похвальный — посылать ежемѣсячно семь рублей матери и другой очень скверный — пропивать остальное. Какъ настанетъ первое число, то-есть по сенатскому стилю двадцать третье, городъ Санктпетербургъ, особецно петербургская — видимо оживаютъ: питейныя, закусочныя, портерныя, трактирчики, называемые паршивенькими, наполняются преимущественно чиновниками сенатскаго вѣдомства, надворнаго уголовнаго суда и «управы бла-

гочинія», отъ 15 до 12 класса включительно. Лебединъ приходилъ въ этотъ радостный для петербургской бюрократіи день, часовъ въ семь, въ восемь, съ лицомъ расцвѣтшимъ подъ плѣнительнымъ дыханіемъ Теряева-портерной. Тотчасъ бралась со стѣны скрипка и «призма» оглашалась сладостными мотивами: «милый другъ», «Настасья, отворяй—ко ворота!»

Онъ что-то года четыре собирался разучить «сарафанчикъ растегайчикъ» да какъ-то все несобрался. Разумѣется будучи настроенъ музыкой и «очищенной» ко всему возвышенному, онъ искалъ общества «прекраснаго пола» и съ этою цѣлю отправлялся въ портерную. Часовъ около десяти вечера раздавался, во мракѣ погашонныхъ вездѣ огней, стукъ калошъ и какой-то «плѣнительный шорохъ,» заставляющій сильнѣе биться сердце молодого человѣка, ворочающагося отъ блохъ въ сосѣдней свѣтелкѣ на диванѣ, исполненномъ разными насѣкомыми. Утромъ, до разсвѣта, слышался тотъ же плѣнительный шорохъ, и у проснувашагося поздно Лебекина не оказывалось или полотенца на гвоздѣ, или бумажника съ послѣдней осиротѣвшей рублевой депозиткой. Впрочемъ Лебединъ за это и не сердился: онъ окончательно примирился съ этими явленіями, повторявшимися ежемѣсячно въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; все равно, какъ мы привыкаемъ къ восхожденію и захожденію солнца.

Когда, послѣ трехъ дней, лихо проведенныхъ, начинался періодъ летаргическаго усыпленія, Лебединъ, вмѣсто кусающихся по цѣнѣ трактирныхъ поросятъ, биштексовъ, телячьихъ ножекъ, начиналъ питаться студенемъ; но какъ и студень составляетъ огромный дефицитъ въ мѣсячномъ бюджетѣ сенатскаго писца, то онъ переходилъ къ похлебкѣ изъ рубцовъ, къ печенкѣ и тому подобнымъ предметамъ, продаваемымъ на Сытномъ. Взявши въ лавочкѣ фунтъ хлѣба на *семитку*, онъ отправлялся на Сытный и приказывалъ себѣ подать порцію рубцовъ. Кромѣ этого у многихъ бабъ есть «горячее сердце», которымъ они вѣчно торгуютъ близъ Мытнаго, снабжая имъ мужиковъ, мастеровыхъ и т. п. За три копейки вы можете попользоваться вволю «горячимъ сердцемъ» у любой бабы. Она вамъ отрѣжетъ, если хотите на грошъ «горла», поподчуетъ за копейку сухимъ рубцомъ, изъ котораго непривлекательно выглядываетъ, словно зеленый сыръ, какая-то нечистота. И ѣдятъ, да еще съ какимъ аппетитомъ!

Въ свѣтелкѣ, рядомъ съ Лебедкинымъ, былъ жилецъ — отставной надворный совѣтникъ Доримедонтъ Флегонтовичъ Пыряевъ. Онъ получалъ пенсію что-то семь рублей съ копейками, ходилъ на канатную фабрику, близъ Николы Мокраго, вить веревки и получалъ за это въ сутки по семидесяти-пяти копѣекъ. Лѣтомъ же отправлялся онъ крутить колесо на машинѣ для очищенія каналовъ отъ грязи. Надо было видѣть его руки: на ладоняхъ и пальцахъ были натерты мозоли, чуть ли не въ дюймъ толщиною, такъ что кисть руки никакъ не могла согнуться въ кулакъ. Надо было видѣть эти руки, когда онъ на открытомъ воздухѣ, въ двадцатиградусный морозъ, поработаетъ ими часовъ двѣнадцать въ сутки.

Кожа до того растрескается, что изъ пальцевъ струится ручьями кровь: они побагровѣютъ и посинѣютъ. Я разъ увидалъ его и спросилъ что за фантазія пришла ему щеголять въ алыхъ перчаткахъ?.. Тутъ то я разглядѣлъ что это были за перчатки, когда онъ обѣ кисти поднесъ къ самому моему носу. Можетъ-быть онъ и не былъ бы вынужденъ необходимостью такъ работать, еслибъ не семейство. На сороковомъ году ему пришла фантазія жениться. Глупый человекъ! словно забылъ, что женитьба — «законный союзъ» — для бѣдняка такой же недоступный предметъ роскоши, какъ милютинскіе арбузы, вишни среди зимы по четвертаку ягодка.

Врѣзался въ какую-то хорошенькую дѣвчонку, которая еще до замужства пѣвала «сарафанчикъ растегайчикъ», такъ чего же было и ждать?.. Ну, конечно, послѣ медоваго мѣсяца съ мужемъ, измученнымъ нуждою, она и обратила его въ батрака. Плачетъ, реветъ благимъ матомъ: кофе не на что пить четыре раза въ день, лисьяго салопа къ зимѣ нѣтъ, доставай гдѣ хочешь! Гдѣ жъ достанешь?

Глядь — жены сутки нѣтъ, другія — вдругъ является вся раскраснѣвшаяся, словно спѣлая ягода... Съ нимъ чуть не сдѣлались корчи, такъ онъ ее любилъ. У него не хватило духа дать ей поученіе по всѣмъ правиламъ «Домостроя». Онъ смолчалъ, стерпѣлъ, а чего ему стоило вынести двухсуточную пытку. Вотъ тебѣ и женитьба бѣднаго человекъ! На другое утро она опять пристала къ мужу. Уѣду, говоритъ къ *нему*, если не будетъ лисьяго салопа!

Онъ схватился за волосы да и отправился къ старому пріятелю, чтобъ выманить у него на колъняхъ двадцать-пять рублей. Пріятель-то видно былъ хорошій человекъ, да и онъ-то не хуже: четыре мѣсяца отдавалъ свою скудную пенсію цѣликомъ, а самъ ходилъ на канатную фабрику работать. Жены-то этимъ не исправилъ, да

самъ-то покрайней мѣрѣ запасся должной твердостью въ борьбѣ съ жизнію. Онъ махнулъ рукой на жену и принялся за священное писаніе въ свободное отъ работы время.

— Тамъ я обрѣлъ истинное утѣшеніе, — говаривалъ онъ мнѣ, понюхивая табачокъ, которымъ самъ и торговалъ. Что это былъ за труженикъ, такъ надо было удивляться. Жена, пользуясь, что онъ ее до безумія любитъ, съла ему окончательнo на шею. Она бѣсила его по трицати разъ въ день, смѣялась нахально надъ его ревностью, привозила при немъ «своего душку» какого-то барина въ перстняхъ, страшнаго остолопа, вѣкъ живущаго чужимъ трудомъ, круглага невѣжду, потому-что ученые дипломы такимъ людямъ достаются за деньги. Мужъ не смѣлъ этому тунеядцу, заѣдающему его покой, сказать слово. Я удивлялся что за безчувственное бревно была эта женщина! Она нецѣпила нисколько его самопожертвованія, его готовности разрѣзать свою грудь и отдать ей сердце, душу... Добро бы онъ былъ уродъ, или старикъ, ни чуть не бывало! мужчина, какъ женщина, въ самой порѣ.

— Какъ ты, тварь этакая, неумѣешь цѣнить такого золотого человѣка! Да будь у меня такой мужъ, я бы ему просто молилась!..

— Сама знаю, что хорошъ! отвѣчала вѣтреная красавица: — да вотъ что хочешь, чувствую къ нему отвращеніе!

— Да что же въ немъ худого, скажи? я такая жъ женщина!..

— Ейбогу ничего! во всѣхъ отношеніяхъ мужъ, а вотъ чувствую таки отвращеніе!

— Наладила отвращеніе, да отвращеніе! да вѣдь оно должно же быть на чемъ нибудь основано!.. Вѣдь ты не полѣно, а человѣкъ: должна же умѣть сколько нибудь различать людей!.. Вѣдь хорошіе-то люди не валяются на улицѣ, какъ булыжникъ.

— Ну, ты все съ своими разсужденіями! отвѣчала невѣрная жена и затыгивала во все горло: «какъ на улицѣ мятелица мететь».

Сосѣдка была діаметральная ей противоположность: любила мужа до безумія, за то тотъ былъ безпутный, пьяница, пропивалъ ея платье, даже платье дѣтей и таскался со всякою дрянью.

Да вотъ вамъ недалеко ходить: у окошка торчатъ постоянно миленькая семнадцатилѣтняя брюнетка Лиза — дочь отставнаго дворника. Послушайте какъ она своимъ соловьинымъ горлышкомъ выпѣваетъ:

Но за сладкія мгновенья,
Я тебя безъ сожалѣнья

Оставляю навсегда,
Оставля-а-ю на-а-а всегда!

и опять :

Долго мать меня журила
И до сватьбы запретила и проч.

Отъ этой подвальной красотки переннмаеть пѣсню одиннадцатилѣтняя дѣвочка и тоже старательно выводитъ «но за сладкія мгновенья».

Старикъ—отецъ живетъ въ подвалѣ, и привыкши съ дѣтства къ трудолюбію, вѣчно ковыряеть что-нибудь : или тачаетъ сапоги, или чинить ихъ, накладывая на нихъ кожанья лепешки толщиною въ полвершка, или вбиваетъ въ каблуки чуть ли не корабельные гвозди... Тамъ примется молотъ табакъ, который, продавая разнымъ кавалерамъ, выручаетъ каждый мѣсяцъ бѣдно-бѣдно два рубля. То наколетъ дровецъ, лучины нащеплетъ, чтобъ кофеешкомъ дочку напить, которую послѣ смерти жены бережотъ пуще праваго глаза, а какъ и убережешь, когда она сейчасъ затынула : «я бы рада отворила, да...» старикъ простъ душой : онъ не понимаетъ всей тонкости значенія вошедшихъ нынѣ въ моду пѣсенъ. Иногда только, услышавши что-нибудь черезчуръ рельефное, скажетъ : ну, дура, дура, завралась ! — А какъ онъ лѣтомъ трудолюбивъ ! копается весь день въ огородѣ : то грядки расчищаетъ, то яблонку окапываетъ.

Его тѣшить, что посаженная имъ маленькая яблонка будетъ современемъ давать вкусные плоды и пріятную тѣнь, акурать какъ примѣры изъ азбуки, — да дѣло не въ томъ!..

Ни одна мелочь въ хозяйствѣ не укроется отъ его глаза ! Ходить да приговариваетъ : «цыновку-то на двери нужно переколотить, — оно все въ день-то зимній полѣтцомъ, двумя меньше. А дровцы-то нынче *жгутся* : плохія — три рублика ; вотъ оно и расчетъ !» Гвоздикъ на улицѣ подыметъ, петельку у торговца по знакомству выпросить, крЮчочекъ — все въ сундукъ да въ сундукъ. Глядишь, понадобится, анъ тутъ и есть ; не бѣжать въ лавочку, на Сытнѣй, не платить денежки. Вотъ такъ, полегонечку да помаленьку, даже безъ скряжничества, старые люди скопляли тысячи. Старикъ—то даромъ что ходилъ въ норыжѣлой шинелишкѣ, заплатка на заплаткѣ, а берегъ въ тряпочкахъ три сотенныхъ, собственно дочкѣ на приданое. Ему хотѣлось ее выдать за гвардейскаго фельдфебеля, или за департаментскаго писаря, у котораго отъ честной службы было бы коко съ сокомъ. Къ нему въ лѣтніе праздничные дни и похаживали

писаря изъ инспекторскаго департамента, корчащiе изъ себя чистѣйшихъ аристократовъ. Они безмилосердно копируютъ своихъ адъютантовъ — графскихъ, да княжескихъ сынковъ. Даже сапоги, фуражки заказываютъ у тѣхъ шапочниковъ и сапожниковъ, у которыхъ заказываетъ его высокоблагородiе или сiятельство. Сдѣлай мнѣ акуратъ такое *кепе*, какое сдѣлалъ его высокоблагородiю! Откуда это все берется у писарей при восьми рубляхъ мѣсячнаго жалованья, мнѣ это совершенно неизвѣстно!..

Раздушивши на пропалую платки, галстухи *екс-букетомъ*, облекшись въ тонкiе атласистые сюртуки съ яркими галунами, въ сапоги съ «аристократическимъ» скрипомъ, два-три молодыхъ писаря являются въ гости къ старику, чтобъ повертѣться на каблучкахъ, да наговорить *беклементовъ* семнадцатилѣтней красавицѣ Лизѣ. Она уже разфрантилась въ платьѣ изъ самой дорогой матерiи, какая только есть на Сытномъ. Всѣ движенiя ея связаны: она хочетъ непременно быть «архистратической» барышней, имѣетъ *претензю* говорить по хранцузски: бон журъ мусью, овуаръ мусью (*au revoir*) парле ву франтцѣ, и т. п. Чего-чего въ нашемъ народѣ, а по-ползновенiю къ *архистратизму* во всѣхъ сословiяхъ необерешься. Писаря, испивши стакановъ по шести *кожею съ урызженiемъ совѣсти*, отираются лѣтомъ, всѣмъ компанствомъ, въ александровскiй паркъ. Александровскiй паркъ — любимое, какъ извѣстно, гулянье аристократическихъ горничныхъ, фабричныхъ, писарей и великовѣтскихъ лавочниковъ. Да вотъ лавочникъ теряевскаго переулка примѣръ: онъ постоянно выражалъ свои *чувствiя* Лизѣ. Отпуская укусу на копѣйку, приговаривалъ: собственно для васъ сдѣлалъ на полторы копѣчки почтенiя-съ...

— Дайте, Сидоръ Евсѣичъ, канхветки! говорила Лиза.

— А какое за ефта будетъ отъ васъ удовлетворенство?

— Какой вы чудной, Сидоръ Евсѣичъ!

— Не хотите-ли, барышня, возымѣть со мной купное намѣренiе прогуляться хоть касательственно александровскаго парка?

— Нѣтъ, этого не будетъ-съ. Я пристрастна къ тятенькѣ.

— Да еслибъ ко мнѣ тятенька не имѣлъ пристрастiя, я бы вамъ поллавки, сударыня, отдалъ. А то все у насъ на счету. да на чеку-съ. И сластолюбивый купецкiй сынокъ самъ запикивалъ въ кармашекъ Лизы канхветы — первѣющiй можно сказать сортъ.

Лиза, какъ хорошенькая балованная дѣвчонка, разумѣется проводила время въ праздности. Правда, что она вязала чуть ли не

полтора года, одни чулки, а большую часть времени погѣвала пѣсенки, да поглядывала на молодыхъ сенатскихъ регистраторовъ, этихъ львовъ петербургской стороны. Но она преимущественно перемигивалась съ какимъ-то юнкеромъ, высокимъ, стройнымъ молодымъ человѣкомъ, выпущеннымъ изъ кадетскаго корпуса за грубость ротному командиру. Онъ иногда втихомолку вечеркомъ бесѣдовалъ съ Лизой у калитки, убѣждалъ ее Христомъ-Богомъ съѣздить съ нимъ на Крестовскій съ тѣмъ, чтобъ «насладиться природой», какъ онъ выражался. Онъ передавалъ ей какія-то сѣренькія книжки, въ которыхъ прозою и стихами говорилось про безумную любовь, торчащіе надъ грудью пистолеты и хлопочущую «вотъ тутъ» лаву... Дворницкая дочка, незнавшая даже порядочно «отче нашъ» и «десять заповѣдей» съ наслажденіемъ перечитывала эти книжонки, сѣрыя, какъ солдатскій набрюшникъ. Кончилось все дѣло тѣмъ, что Лиза сутокъ трое пропадала, потомъ была вельми бита отцомъ, который даже захворалъ отъ того, что дѣвка сбилась съ панталыку... Потомъ уже за нею никто не смотрѣлъ, и она по вечерамъ отпраивалась любоваться газовымъ освѣщеніемъ Невскаго проспекта... Вы ее можете видѣть даже сегодняшній вечеръ, если не на Большомъ проспектѣ Петербургской, то навѣрное на бульварчикѣ въ седьмой линіи. Я знаю изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ, что тенеищней любимой ея пѣсней: Онъ меня разлюбилъ, онъ меня погубилъ и проч. Грустно!

Теперь у меня на очереди кривоногій газетчикъ «Племянника», по имени Селифанъ и матушка его, извѣстная чуть-ли не половиною Петербургской стороны Агафья Алексѣевна. Вы ихъ квартиру сейчасъ бы отличили по множеству прилѣпленныхъ къ стѣнѣ чернымъ хѣбомъ гравюръ, изображающихъ купающуюся Сусанну съ двумя любующимися на ея тѣлеса преступными старцами, Юдифь, собирающую въ гости къ нечестивому Олоферну и пр. и пр. Расторопный газетчикъ Селифанъ выкралъ всѣ эти рѣдкости изъ праздничныхъ нумеровъ «Племянника», а самые нумера продалъ трактирщикамъ по гривеннику. Онъ, Селифанъ, долго спекулировалъ нумерами этого прекраснаго во всѣхъ отношеніяхъ журнала, недодавая оные тѣмъ изъ подписчиковъ, которые были помирнѣе и побѣднѣе. Вообще, этотъ промыселъ — разноска газетъ и журналовъ, стоитъ описанія. За какіе нибудь десять рублей, которыхъ едва хватитъ на сапоги, разнощикъ отходитъ пятую, или восьмую часть города, примѣрно всю Петербургскую, Выборгскую, съ островами.

Вотъ онъ ежедневно долженъ выписывать концы отъ московскихъ казармъ, за Самсономъ, до Тучкова моста и отъ второго сухопутнаго до дачи княгини Бѣлозерской; присоедините къ этому лѣтомъ, всѣ острова и вы убѣдитесь, что несчастному газетчику приходится ежедневно разносить двѣсти, триста даже пятьсотъ нумеровъ по пространству величиною чуть-ли не съ нѣмецкое герцогство. На всемъ Елагиномъ одинъ подписчикъ, ну и колѣси туда, во-всякую погоду, не разбирая ни стужи, ни грязи. Часто достается разносить номера въ темныя октябрскія ночи съ мокрымъ снѣгомъ, пронзительнымъ вѣтромъ, со всѣми прелестями... Да не по какой нибудь Литейной, освѣщенной газомъ, а по такимъ труппомъ, каковы: Теряева, Плуталова улицы на Петербургской. Тутъ пока доберешься по адресу до подписчика, можно девяносто-девять разъ сломить шею, выкупаться въ канавѣ, еле-еле прикрытой проваливающимися досками кладокъ.

Поэтому-то меня всегда и удивляютъ наивныя претензіи гг. подписчиковъ, почему-де имъ журналъ или газета не доставляются къ сроку? Разумѣется газетчики, вызубривши всѣ адреса на память, вслѣдствіе долгой практики, управляютъ съ дѣломъ легче, но каково новичку, которому его предмѣстникъ хотя и показалъ два-три раза всѣ адреса, упомянуть четыреста, пятьсотъ домовъ, воротъ, лѣстницъ, тѣмъ болѣе, что въ глухихъ улицахъ недоступишься въ ворота, недоспросишься адреса. Еще пожалуй зайдятъ собаки. Зато-жъ газетчики ловко подмѣчаютъ тѣхъ подписчиковъ, гдѣ на акуратность доставки нумеровъ не обращаютъ большого вниманія, или гдѣ подписчикъ въ отлучкѣ, нездоровъ, крайне бѣденъ, робокъ, неохотникъ заводить какія нибудь кляузы, жалобы и т. п. Они такому подписчику принесутъ нумерка два-три въ недѣлку, да и будетъ. Остальные номера продаютъ въ трактирахъ, пивныхъ, харчевняхъ, демидовскихъ заведеніяхъ — за гривенникъ, за пятачокъ, за право похлебать щей копѣйки на три, получить порцію щей и каши въ «снабженіи пищей». Разумѣется, подписчикамъ свирѣпымъ, «кляузникамъ», какъ говорятъ газетчики, послѣдніе, по чувству самосохраненія, доставляютъ нумеръ въ нумеръ акуратно; той же акуратностью доставки пользуются подписчики, любящіе давать разнощикамъ пятиалтынички, гривеннички, а въ большіе праздники и полтиннички. И тутъ, какъ и вездѣ, есть безгрѣшныя доходишки. Случись нумеръ съ замѣчательными стихами, повѣстью, или просто съ опечаткою вродѣ извѣстной о наймѣ гувернантки, газетчикамъ — лафа. За-

бубенная молодежь, харахорящіеся старички, юркія пансіонерки, только-что выпрыгнувшія замужъ, до-смерти любятъ подобныя опечатки и тайно или явно разхватываютъ эти нумера по гривеннику, двугривенному, хранятъ ихъ, какъ драгоценность, перечитываютъ въ интимныхъ компаніяхъ. То же самое, если проскочить въ вумеръ статейка по части либералистики, на примѣръ, если писателю удалось показать изъ кармана кулакъ сильному лицу, или облаять это лицо изъ подворотни — сейчасъ же молва разнесется про этотъ №. И редактору лафѣ, и разнощикамъ экземпляровъ лафѣ, и сочинителю, и всѣмъ — лафѣ!... Бываютъ для газетчиковъ, какъ и для всѣхъ добывающихъ хлѣбъ въ потъ лица, и горькія минуты. На примѣръ Селифанъ однажды довольно неудачно спустилъ десять нумеровъ, недодавши ихъ подписчикамъ. Подписчики обратились съ жалобой къ самому верховному распорядителю всѣхъ дѣлъ, относящихся къ печатанію «Племянника.» Надо было зрѣть гнѣвъ почтеннаго редактора, привыкшаго слышать, что журналъ его именно тѣмъ только хорошъ, что аккуратно выходитъ и доставляется. Онъ приказалъ привести «блуднаго» Селифана предъ свѣтлыя свои очи, и объявилъ, что отвергаетъ недостойнаго, а за каждый изъ десяти нумеровъ вычитаетъ изъ жалованья Селифана по четвертаку.

Можете, читатель, судить, какой ревъ подняла мать его, Агафья Алексѣевна, для которой десять рублей сыновняго жалованья были единственнымъ средствомъ пропитанія!

Дѣло было поправить очень трудно: сама Миньона, приклеенная хлѣбомъ къ стѣнѣ, глядѣла со слезами на рыдающую старушку. Даже Иголкинъ, только-что собравшійся поразить шведовъ, остановился и глядѣлъ на нее... Маменька отправилась къ почтенному редактору, залилась какъ слѣдуетъ слезами, и къ чести послѣдняго, вымолила для сына прощенье. Впрочемъ и подписчики простили неаккуратность одного изъ 52 племянниковъ, издаваемыхъ въ числѣ 52 въ годъ... Но не мѣшаетъ сказать и про Агафью Алексѣевну. Это была, даже есть и теперь — добрѣйшая старушка, какихъ я только знавалъ. Въ ней даже обнаруживались романическія наклонности, какая-то карамзинская сантиментальность, особенно когда выпьетъ въ теряевомъ-набачкѣ на десять копейекъ. Впрочемъ, она позволяла себѣ эту роскошь только въ праздники, или послѣ хорошаго сбора на паперти, во время богатыхъ купеческихъ похоронъ, сватъбъ, молебствій за услышное окончаніе дѣлъ и тому подобное. Остальныя деньги она берегла на маслице для лампадки,

которое, къ крайнему сожалѣнію всѣхъ благочестивыхъ людей и къ крайнему удовольствію мошенниковъ лавочниковъ, становится дороже день ото дня. — Она любила, чтобъ лампадка постоянно теплилась передъ споручницей всѣхъ страждущихъ и передъ Антипіемъ зубнымъ цѣлителемъ, потомучто старушка постоянно хворала зубами. Чѣмъ она ихъ не лечила: и зашоптываніями, и просила класть ей, безъ ея вѣдома, подъ подушку записочку съ симпатическими словами: приди вчера и прочее — ничего не помогало. «Да ты положи, мать моя, на больной зубочекъ священной ватки изъ лампадки цѣлительницы: все какъ рукой сниметъ.» Старушка послушалась; кромѣ того отслужила со слезами молебень угоднику Антипію, заплатила отцу Павлу цѣлый четвертачокъ, да свѣчку поставила въ пять копѣекъ. Съ тѣхъ поръ, какъ она увѣряетъ, ей сдѣлалось гораздо легче. Вотъ что значитъ вѣра! Чуть начнется бывало обѣдня, у Введенія, или у Матвѣя, Агафья Алексѣевна спѣшитъ на церковную паперть, или станетъ на дорогѣ, ведущей отъ большого проспекта на Пушкарскую. Согнувшись въ три погибели, опираясь на костыль, а иногда и зажмуривши глаза, если мимо идущій человекъ незнакомый, она, подъ видомъ слѣпенькой, хворой старушки, наберетъ въ праздникъ бѣдно-бѣдно четвертачокъ. А если еще большой праздникъ, каковы: пасха, рождество и прочее, такъ и цѣлый трехрублевикъ. Въ будни тоже бываетъ не безъ поживы: каждая ветхая старушка, идущая къ обѣднѣ, считаетъ долгомъ передъ этимъ дать хоть грошикъ какому-нибудь бѣдненькому. Передъ слушаніемъ слова божія, передъ входомъ во храмъ, необходимо, по мнѣнію многихъ старушекъ, сдѣлать какое-нибудь доброе дѣло.

Агафья Алексѣевна, если и побиралась, то нельзя сказать, чтобъ совершенно изъ нужды, а такъ, «изъ любви къ искусству», отчасти изъ желанія напиться лишній разъ кофейку, косушечку другую водочки употребить. Кто не желаетъ доставить себѣ лишнія удобства? Нельзя безусловно осуждать «побирашекъ». Развѣ почтенныя дамы въ лисьихъ шолковыхъ салопахъ, отдающія тайкомъ деньги на проценты, не побираются, не обиваютъ пороги разныхъ благодѣтельныхъ особъ? Вся разница, что Агафья Алексѣевна протянетъ руку на паперти, въ присутствіи всего прихода, а какая-нибудь Вильгельмина Карловна сдѣлаетъ тоже самое въ кабинетѣ, глазъ на глазъ съ Христіаномъ Готлибычемъ. Вся разница, что одна бьется изъ-за лишней косушечки, а другая изъ лишней парочки орловскихъ рысаковъ...

Агафья Алексѣевна тѣмъ и выигрывала въ жизни, что могла плакать, когда ей вздумается, когда потребуютъ того обстоятельства; у нея послѣ шкалика всегда была слеза изъ лѣваго глаза, послѣ косушечки — изъ обоихъ; а когда выпьетъ двѣ, то просто заливается, какъ рѣка.

Она плакала часто безъ всякой уважительной причины, особенно, когда выпьетъ... Это ей приносило своего рода удовольствіе, наслажденіе...

— Экая я бѣдная, несчастная сиротка, одна-одинешенька: ни папеньки, ни маменьки — и зарыдаешь.

— Какихъ же вамъ еще папеньки и маменьки хочется, когда вамъ самимъ шестьдесятъ-три года? Поменьше бы водки пили, маменька, такъ поменьше бы и слезъ было, говорилъ Селифанъ.

— Охъ, Селифаша, ты не знаешь моего горя!

И снова заплачетъ.

— Большое горе! простояли на паперти два часа, собрали полтинникъ, да пришли домой кофею напились.

— Такъ ужъ и полтинникъ! Какой ты пряткой! Дай-богъ и четвертакъ-то набрать...

— А все жъ даромъ и четвертакъ хорошо получить; въдъ вы ничего не дѣлаете!.. Нѣтъ, вы попробуйте помоему околесить, каждый день, верстѣ тридцать-сорокъ, тогда и узнаете какъ трудовая копѣчка-то достается!

Разумѣется въ первыя числа послѣ получки жалованья, Селифанъ возвращался какъ стелька пьянъ. Подталкиваемый словно какой-то невѣдомой силой отъ одного тротуара къ другому, онъ таковыми зигзагами возвращался домой и въ чемъ былъ ложился на матернину постель. Они всегда спали на одной постелѣ. Впрочемъ, возвращеніе домой пьянаго жильца было явленіемъ самымъ обыкновеннымъ; никто не обращалъ на это вниманія, развѣ кто-нибудь скажетъ мимоходомъ: экъ его насвистался!

Еще напротивъ, жены, сестры, матери живущихъ здѣсь, какъ будто хвастались другъ передъ другомъ, спорили; чей лучше вчера напился?.. Поутру, какъ соберутся зимой въ общей кухнѣ у очага, а лѣтомъ на крылечкѣ, да и ну тараторить про мужей и родныхъ.

— Мой-то вчера, видѣла, мать моя, каковъ пришолъ? Вчера жалованье раздавали; я шарила-шарила въ карманахъ, — хоть бы копѣчку оставилъ на семейство, все пропилъ!.. Хорошо

еще, что одѣяло выстегала Филиппевнѣ, такъ авось получу два рубля за работу. На это только вся и надежда, а то просто варить нечего; ребятишки ревутъ: маменька, хлѣбца! а тутъ и трехъ копѣекъ нѣтъ, чтобъ рабенку молочка въ рожокъ купить!

— А развѣ Сидоръ Евсѣичъ не вѣрить больше на ннижечку?

— Не вѣрить, мать моя, ни на полушку! Пока говоритъ *руль* не отдадите — луковицы одной не отпущу вдолгъ.

— Этакой разбойникъ! Разжирѣлъ! пузо-то вотъ какое, оттого и вазнался. Прежній-то Сафронъ Трифонычъ не въ примѣръ лучше былъ! тотъ всегда на два рубля вѣрилъ.

— Охти, хти, хти! какъ замужъ идти?.. возражала другая со-сѣдка: — твой-то хорошъ пришолъ, а мой-то еще чище!.. Городовой на извозикѣ привезъ. Спасибо, что городовой-то знакомый человекъ, а то сраму-то сколько было бы, пожалуй до начальства бы дошло! Я хотѣла заплатитъ за извозика, да Потапъ Потапычъ говоритъ: не нужно!.. Надо было ему косушечку купить...

Читателю можетъ-быть приходилось видѣть прелюбопытную и вмѣстѣ прекомическую сцену, когда двое городскихъ ведутъ подъ руки пьянаго... Чуть завидятъ это извозники — маршъ-маршъ во всѣ стороны и какъ есть ни одного!.. Никому изъ нихъ не хочется прокатиться съ бесплатнымъ сѣдокомъ до ближайшей части.

За то надо видѣть оплошавшаго извозника, который спалъ въ это время, развалившись на дрожкахъ, самымъ сладчайшимъ сномъ.

— Извозикъ! кричитъ городской басомъ.

— Куда прикажете? отвѣчаетъ тотъ весело съ просонья, надѣясь заработать четвертакъ.

— Но увы и ахъ! на дрожки взваливаютъ пьянаго; городской садится съ нимъ рядомъ, обнявши его за спину, какъ любящій мужъ свою супругу, опасаясь, чтобы она не свалилась съ трясакаго экипажа.

— Вези въ третью адмиралтейскую, или нарвскую! кричитъ городской.

И несчастный извозикъ, не успѣвши покормить заморенную тздой лошадку, дергаетъ возжами. Кляча словно чувствуетъ, что прогуляется версты три безъ всякаго вознагражденія и плетется шагомъ, понуривши голову. Въ былые времена господа городовые рѣдко отправлялись куда нужно по образу пѣшаго хождения. Да это была бы съ ихъ стороны непростительная глупость, когда есть возможность доѣхать бесплатно. Взявши засаленную шнутовую книгу

или какой-нибудь пакеть, требующій пересылки безъ отлагательства, городской садится на перваго попавшагося извозчика.

— Пошолъ, не разсуждай! Видишь, казенная бумага!

Разумѣется все это было. Теперь и въ полициі другіе порядки.

За перегородкой, въ комнаткѣ почище, жилъ другой отставной надворный совѣтникъ, на какихъ-то двѣнадцати рубляхъ ежемѣсячной пенсіи. У него было два бѣлокуренькихъ хорошенькихъ мальчика, одинъ двѣнадцати лѣтъ, а другой десяти. Оба они ходили въ какую-то гимназію, оба остались на пятомъ и седьмомъ году сиротами послѣ матери.

Почтенный надворный совѣтникъ въ нихъ души не чаялъ, тѣмъ болѣе, что это были мальчики умные, тихіе и очень хорошенькіе. Не даромъ говорила одна моя знакомая, очень умная дама: «хорошенькая дѣвушка — милое созданіе, спору нѣтъ; но зато ужъ если мальчикъ захочетъ быть хорошенькимъ, такъ за поясъ заткнетъ любую дѣвупку!» Добрый отецъ отдѣлялъ послѣднія прохи для воспитанія любимыхъ сыновей и былъ образцомъ воздержности и акуратности во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ въ Петербургѣ при теперешней дороговизнѣ ухитрился проживать въ мѣсяць всего шесть цѣлковыхъ, откладывая десятый годъ по восьми рублей съ тѣмъ-то въ мѣсяць. И замѣтите, что онъ не голодалъ, не отказывалъ себѣ въ необходимѣйшемъ: пилъ чай, въ праздники кофе, курилъ, обѣдалъ, носилъ чистое бѣлье, ходилъ еженедѣльно въ баню. Читатель спроситъ: какъ же при всемъ этомъ онъ проживалъ всего шесть рублей въ мѣсяць? Очень просто; вотъ его расходы:

Обѣдалъ онъ въ демидовскомъ заведеніи, платя по пятаку въ день, полтора рубля въ мѣсяць. Бывало возьметъ самъ два горшочка, обернетъ въ чистую тряпочку и отправляется за пицей въ заведеніе. Тамъ, за общимъ столомъ, вмѣстѣ съ нищими, онъ не обѣдалъ, а носилъ пиццу домой, чтобъ не компрометировать чинъ надворнаго совѣтника, данный царемъ; чтобъ оставить что-нибудь къ ужину, онъ не наѣдался плотно за обѣдомъ, какъ и совѣтуетъ Гуфландъ. Оба горшочка самъ поставитъ въ печку и всегда сдѣлаетъ это такъ, чтобъ никто изъ жильцовъ не замѣтилъ, что вотъ дескать надворный совѣтникъ самъ ставитъ горшочки въ печку. Въ самое демидовское онъ всегда старался придти раньше всѣхъ, чтобъ никого не застать, чтобъ сплетницы старухи-нищенки не пронесли по петербургской сторонѣ, что вотъ дескать надворный совѣтникъ питается вмѣстѣ съ нищими демидовской кашицей!..

Подходя къ заведенію всегда закутавшись кашне или прикрывшись до самыхъ глазъ воротникомъ, онъ старательно озиралъ улицу, нейдетъ ли кто-нибудь изъ его знакомыхъ или его знающихъ. Убѣдившись, что на улицѣ пусто, онъ «нырялъ» въ низенькія дверцы «снабжения» и кидалъ взоръ на черную доску, на которой пишутся жертвованія. Если нѣтъ на ней: «за упокой Феклы 40 порцій» или чего-нибудь подобнаго, онъ съ стѣсненнымъ сердцемъ отдавалъ раздатчику пици пятачокъ и просилъ налить горшки пополниѣ, масла тоже давать сколько слѣдуетъ по положенію. Зато сердечко его радостно екало, когда на доскѣ было выведено каракулями: «30 порцій, 40, 60» и т. п. Возвращаться домой съ горшками тихонько, чтобы ихъ не расплескать, было труднѣе, чѣмъ приходиться. Какія страшныя пытки цѣлыхъ полверсты должно выносить его надворно-совѣтницкое самолюбіе!..

За квартиру онъ платилъ два рубля, самъ обклеилъ ее обоями, которые подарилъ ему купецъ за сочиненіе какой-то просьбы. Каждый день три раза онъ самъ старательно выметалъ комнату вѣнникомъ, прыскавая полъ, чтобы пыль не портила платье. Уже когда сходить въ трехкопѣчную баню, то непременно возьметъ домой съ собой вѣникъ. Мочалка, суконка у него были заведены разъ навсегда и служили ему вѣрой и правдой чуть ли не со дня рожденія. Онъ и такъ кряхтѣлъ, что съ мыломъ у него выходитъ ежемѣсячно пятнадцать копѣекъ на баню. Чтобы не тратиться на парильщиковъ, онъ ходилъ въ нее купно съ другимъ отставнымъ надворнымъ совѣтникомъ, и надо было видѣть какъ они старательно вытирали суконкой другъ другу спины и прочее... Я нарочно вдаюсъ въ эти нѣсколько смѣшныя повидимому подробности, собственно для бѣдняковъ, неумѣющихъ жить. Оба надворные совѣтники были друзья и пріатели, оба щеголяли въ теплой шапкѣ съ ушами, съ суковатой палкой въ рукахъ изъ такъ-называемаго «стояростоваго» дерева. Оба были друзья и пріатели, совершенно согласные во мнѣніяхъ, во вкусахъ. Какъ тотъ кончилъ курсъ въ школѣ во времена Хераскова, такъ и другой. Оба ужасно любили почитывать «Маякъ» и были убѣждены, что никогда не было и не будетъ такого прекраснаго въ Россіи журнала. Какъ тотъ, такъ и другой выкуривали ежедневно по четыре папиросы, набитыя третьимъ сортомъ Миллера, десять копѣекъ четверка. Но тогда бы выходило въ мѣсяцъ сто-двадцать папиросъ, такъ чтобъ ихъ вышло ровно сто, на пятнадцать копѣекъ, оба пріателя по середамъ и пятницамъ выкури-

вали по полторы папиросы. И то оба кряхтѣли, что расходы на табакъ съ гильзами ежемѣсячно пятнадцать копѣекъ. Чаю выходила въ мѣсяцъ четверка, на полтинникъ, потому что расчетливые старички насыпали новый чай на старый *четыре раза*, и только тогда, когда въ немъ видѣнъ былъ Кронштадтъ какъ на ладони, высыпали спитый чай въ особую бумажку и на каждую новую четверку чаю подбавляли *восемью часть* смѣси. Сахару полагалось по обыкновенному куску на разъ, шестьдесятъ кусковъ въ одинъ мѣсяцъ или фунтъ въ двадцать-три копѣйки.

Пріятели, приходя другъ къ другу, никогда не были ничѣмъ угощаемы. Даже нюхательный табакъ былъ у каждого свой.

Надо было удивляться искусству, съ какимъ эти оба почтенные мужа вымывали себѣ въ банѣ бѣлье, чтобъ не тратиться на прачекъ. Чтобъ щеголять въ бѣлѣ чистомъ, разглаженномъ, приличномъ чину надворнаго совѣтника, одинъ изъ друзей завелъ утюгъ, а другой гладильную доску. Когда они приходили другъ къ другу вечеркомъ, чтобы побесѣдовать о какихъ-нибудь душеспасительныхъ предметахъ, то сидѣли впотъмахъ, въ видахъ сокращенія расходовъ на свѣчи. Впрочемъ у совѣтниковъ постоянно теплился ночникъ, а въ случаѣ прихода незнакомаго человѣка для написанія просьбы зажигалась свѣча. Такихъ свѣчей, всегда пальмовыхъ, какъ болѣе приличныхъ чѣмъ сальныя званію дворянина, выходило въ мѣсяцъ полфунта, на одиннадцать копѣекъ. Платье оба старичка берегли, какъ зѣницу ока. Идя вмѣстѣ по улицѣ, старательно наблюдали другъ за другомъ, чтобъ не наступить сапогомъ на острый, продирающій подошву камушекъ; при переходѣ черезъ грязь рѣшали общимъ совѣтомъ, какъ пройти посуше.

— Остерегайтесь! говорилъ одинъ другому: — сегодня тепло, съ сосулекъ капель, того и гляди на сукно капнетъ, а оно отъ этого гниеть...

— Найдите шибко! остерегалъ другой: — вспотѣемъ, а отъ поту подъ рукавами сюртукъ прогараеть и бѣлье скорѣе пачкается!

Чтобъ не тратиться на свѣчи или на масло для ночника, они поочередно приходили другъ къ другу по вечерамъ и когда не читали «Маяка» или «Домашней бесѣды», то сидѣли впотъмахъ. «Вѣдь мы знаемъ другъ друга, слышать одинъ другого можно и безъ свѣчи, такъ кчему же зажигать ее!» Къ нимъ обоимъ приходили иногда старухи, мѣщане съ просьбою написать прошеніе. Такъ-какъ они оба

Державина и Мерзлякова считали величайшими изъ всѣхъ геніевъ, какіе были и будутъ; такъ-какъ кончили курсъ въ одномъ училищѣ, обмѣнивались постоянно идеями, то и слогъ просьбъ, писанныхъ ими, былъ совершенно одинаковый. Какъ одна начиналась : « повергая нижайшую просьбу мою къ стопамъ вашего высокоблагородія ! » такъ и у другого тоже : « повергая » и прочее. Если одинъ заключалъ просьбу : « а за такое благодѣяніе буду молить непрестанно предъ престоломъ Всевышняго о продленіи драгоцѣнныхъ для Россіи дней вашихъ и дѣточекъ вашихъ, » такъ и другой оканчивалъ просьбу. Онѣ были до того у обоихъ сходны почеркомъ и слогомъ, что старухи не знали, къ которому изъ нихъ идти.

Оба надворные совѣтника были такъ похожи другъ на друга, что когда они шли зимой по улицѣ, въ шапкахъ съ ушами, съ совершенно одинаковыми стояростовыми палками, то — приведи хоть всю петербургскую сторону — никто бы не могъ различить который изъ нихъ Иванъ Михѣичъ, и который Михѣй Михѣичъ. — Вся и разница между ними въ томъ, что одинъ живетъ у Крохоборовой, а другой у Скопидомовой; что одинъ идетъ съ правой стороны, а другой — съ лѣвой...

Зато надо было видѣть какъ крохоборовскій Иванъ Михѣичъ принималъ своихъ хорошенькихъ сыновей, когда ихъ въ субботу отпускали изъ гимназіи. (Они были казенно-коштные). Маленькая комнатка его преобразовывалась, получала другой видъ. Изъ завѣтнаго сундучка доставалось зеркало въ нейзильберной рамкѣ; на столѣ разстилалась красная салфетка, изображающая какой-то нѣмецкій городъ съ вѣдущими вагонами, пассажирами съ птичьими носами, выглядывающими изъ оконъ и тому подобное. На окошечко, величиною съ школьную аспидную доску, навѣшивалось драпри. На стѣну — двѣ картины въ позолоченныхъ рамкахъ, изображающія, одна — вѣздъ Дибича забалканскаго въ городъ Адрианополь, а другая — Петра великаго, спасающаго матросовъ на Лахтѣ. Последняя была куплена на Садовой подлѣ банка и изображала Петра такимъ румянымъ, въ такомъ щегольскомъ синемъ кафтанѣ, словно царь-матросъ собирався на асамблюю, а не былъ въ тревогѣ, спасая матросовъ. Да и вѣздъ въ Адрианополь Дибича былъ нелучше : тутъ только и были видны головы, да ноги. Кромѣ того снималась кисея съ портрета какой-то важной особы, изображенной съ такимъ деревяннымъ, идиотическимъ лицомъ, что даже было нѣсколько совѣстно за такую неправду, живописную клевету...

Часы, съ огромнымъ циферблатомъ, вравшіе на-пропалую, бывшіе иногда двадцать-девять часовъ, вмѣсто двѣнадцати, — пробили на этотъ разъ девять, и влетѣли въ комнату два молодчика, въ чистенькихъ гимназическихъ вицъ-мундирчикахъ. Ихъ бѣлые какъ сахаръ зубы, плѣнительная улыбка, что-то дѣвическое въ ясныхъ голубыхъ глазахъ, напоминающее мать до замужества, восхищало старика-отца и онъ, заграбаставъ обоихъ мальчиковъ въ свои объятія, долго и крѣпко цѣловалъ ихъ. — Папаша, какая у васъ жесткая борода, замѣтилъ смѣясь старшій Володя и бросился цѣловать отца; младшій Саша былъ какъ-то задумчивѣе, какъ говорится идеальнѣе. Отецъ былъ внѣ себя отъ радости: дѣти бросились къ сосѣдямъ и старшій весело перездоровался, перецѣловался въ губы съ самыми гнилыми грибообразными старушонками. Старушки окончательно расплылись отъ радости: онѣ были ужасныя охотницы цѣловаться съ хорошенькими мальчиками... — Эки ангелы небесныя! шамши-ли старушки: — видно, далъ Богъ Ивану Михѣичу такихъ дѣтей за его добродѣтели!.. Въ этотъ радостный субботній день и Иванъ Михѣичъ сходилъ такъ-сказать съ своего пьедестала и забывши всякую разницу въ чинахъ и званіяхъ, охотно балагурилъ со старушками, подчивалъ ихъ кофеемъ, до котораго онѣ были страшныя охотницы. Откуда-то словно изъ-подъ земли являлся графинчикъ съ травничкомъ и Иванъ Михѣичъ обносилъ каждой жилицѣ по рюмочкѣ. Сколько было ужимокъ, жеманства, отпѣкиваній, увѣреній, что не пьеть, однако каждая выпивала всю рюмочку и непрочь была бы отъ другой, еслибъ попристальнѣе поподчивали... Во всемъ нижнемъ этажѣ флигеля, гдѣ жилъ Иванъ Михѣичъ, пахнуло чѣмъ-то праздничнымъ. У каждой жилицы, самой бѣдной, были вымыты полы, все прибрано, перечищено, передъ образами горѣла лампадка, по случаю воскресенія христова. Пока старушки тараторили о добродѣтеляхъ Ивана Михѣича, пока смазливенькія дѣвицы бесѣдовали съ мальчиками, сладко на нихъ поглядывая, Иванъ Михѣичъ успѣвалъ уже сбѣгать въ лавочку, взять полтора десятка яичекъ, маслаца, всего что нужно къ яичницѣ.

Кромѣ того доставались изъ завѣтнаго сундука разныя баночки съ грузочками, рыжечками, волнушками, отварными грибами и даже появлялась на столѣ пастила.

Все это раскладывалось на маленькія тарелочки, которыя тоже появлялись богъ-вѣсть откуда. Бывало жильцы удивляются, что это

Иванъ Михѣичъ всю субботу возится за перегородкой, гремитъ какой-то посудой, а кажется человѣкъ бѣдный? Въ буднишніе дни, все такъ мизерно: Иванъ Михѣичъ, даже при Михѣй Михѣичѣ, сидитъ безъ свѣчки; вмѣсто чаю дуетъ бурюю водицу, а теперь и самоваръ кипитъ на очагѣ въ кухнѣ, и закуски разныя явились, и все что хочешь. А все это заводилось изъ скопленныхъ Иваномъ Михѣичемъ денегъ, изъ вещей, оставшихся послѣ покойной. Всѣ эти расходы на грибки, пастилки, яйца, обѣды, заказываемыя почтальоншѣ въ праздничные дни, вносились въ особенную книжку экстренныхъ расходовъ. Однимъ словомъ, отецъ положилъ всю душу въ сыновей: самъ голодалъ шесть дней, терпѣлъ всевозможныя лишения, лишь бы доставить возможное удовольствіе любимымъ болѣе всего въ мірѣ, хорошенькимъ сыночкамъ мальчикамъ. Кромѣ того, Иванъ Михѣичъ, накупивши въ колбасной ливерной колбасы, самъ мастерски поджаривалъ ее на сковородкѣ, выпускалъ яичницу; однимъ словомъ, какъ настоящій поваръ. Володя, любившій до ствасти отца, суетился около него, помогалъ ему, иногда даже мѣшалъ своею излишнею прыткостью, что очень тѣшило добраго родителя. — «Ты акурать, какъ покойная Маша, такая же прыгунья, говорилъ отецъ, ущипнувши мимоходомъ Володю за щеку. — Вотъ мой умница — Саша; посмотри, онъ сидитъ себѣ скромненько, какъ невѣста...» Саша, съ раскраснѣвшимися щеками отъ печного жару, былъ дѣйствительно похожъ на невѣсту. Напившись чаю, или кофейку со сливочками, отецъ съ сыновьями принимался черезъ часъ ужинать. Послѣ ужина, вынимались два тюфячка, стлались чистенькія простыньки, и въ десять часовъ всѣ засыпали сладкимъ сномъ. Поутру, всѣ отправлялись къ поздней обѣднѣ къ Введенью. Воскресенье было проведено весело, въ разговорахъ, наконецъ вечеромъ, гимназисты уходили домой. Простившись съ ними со слезами, давши дѣтямъ должныя наставленія, отецъ крестилъ ихъ, приговаривая каждому: «Господь съ тобою, ангелъ-хранитель и всѣ силы небесныя!» По уходѣ дѣтей все опять пряталось, принимало прежній унылый видъ. Опять на пять дней съ половиной запиралась комната, опять старикъ втихомолку хлебалъ демидовскія щи со щепками вмѣсто рыбы и говядины...

Въ другомъ отдѣленіи дѣпились въ трехъ аршинной комнатѣ: ткачиха, коровница и отставная титулярная совѣтница. Онѣ другъ отъ друга отдѣлялись такими жидкими перегородками, которыя можно было проковырять и пальцемъ: У ткачихи былъ грудной ребенокъ,

никогда неумолкавшій. Кромѣ того у коровницы было трое дѣтей : пятилѣтній мальчикъ и двѣ дѣвочки, девяти и одиннадцати лѣтъ.

О жизни семействъ съ малыми ребятами стоило бы поговорить побольше, но это растянуло бы и безъ того длинную статью на лишнихъ пять шесть страницъ.

Короче , дѣти безпрестанно толкались другъ объ друга, какъ горшки въ печи : то Вася дастъ тукманку Лизѣ , — визгъ , ревъ на весь флигель ; то Лиза вцѣпится ногтями въ пухлое, какъ подушка, васино рыльцо, и опять пискъ на весь флигель.

Всѣхъ этихъ писковъ ребяташекъ, ссоръ матерей изъ-за дѣтокъ на одномъ днѣ бываетъ сорокъ тысячъ.

Титулярная совѣтница была удивительно проникнута своимъ высокоблагороднымъ чиномъ , и при ругнѣ съ ткачихой , или коровницей, только и твердила : я не какая-нибудь потаскуха ! я титулярная совѣтница, я кровнаго архистратическаго происхожденія ! я не позволю наступить себѣ на ногу ! и проч., и проч., и проч.

Этотъ міръ будочницъ , фонарщицъ , жонъ гарнизонныхъ солдатъ, я изображу въ отдѣльной повѣсти. А теперь пока довольно.

ПЕТРЪ ГОРСКІЙ

СМЕРТЬ ПРОКЛА

I

Савраска увязъ въ половинѣ сугроба ;
Двѣ пары промерзлыхъ лаптей
Да уголъ рогожей покрытаго гроба
Торчатъ изъ убогихъ дровней.

Старуха въ большихъ рукавицахъ
Савраску сошла повукать,
Сосульки у ней на рѣсницахъ —
Съ морозу, должно полагать...

II

Привычная дума поэта
Впередъ забѣжать ей спѣшить :
Какъ саваномъ снѣгомъ одѣта
Избушка въ деревнѣ стоитъ ;

Въ взбушкѣ — теленокъ въ подклѣти,
Мертвецъ на скамьѣ, у окна ;
Шумятъ его глупыя дѣти,
Тихонько рыдаетъ жена.

Сшивая проворной иглой
На саванъ куски полотна,
Какъ дождь зарядившій на долго
Не громко рыдаетъ она!

III

Въ селѣ, за четыре версты,
 У церкви, гдѣ вѣтеръ шатаетъ
 Полбитые бурей кресты,
 Мѣстечко старикъ выбираетъ.
 Усталъ онъ : работа трудна !
 Тутъ тоже споровка нужна :

Чтобъ крестъ было видно съ дороги,
 Чтобъ солнце играло кругомъ...
 Въ снѣгу до колѣнъ его ноги,
 Въ рукахъ его заступъ и ломъ ;

Вся въ инеѣ шапка большая,
 Усы, борода въ серебрѣ.
 Недвижно стоитъ, размышляя,
 Старикъ на высокомъ бугрѣ.

Рѣшился. Крестомъ обозначилъ,
 Гдѣ будетъ могилу копать,
 Крестомъ осѣнилъ и началъ
 Донатою снѣгъ разгребать.

Иные приемы тутъ были —
 Кладбище не то что поля :
 Изъ снѣгу кресты выхолили,
 Крестами ложились земля.

Согнувъ свою старую спину,
 Онъ долго, прилежно копалъ,
 И желтую, мерзлую глину
 Тотчасъ же снѣжокъ застиралъ.

Ворона къ нему прилетѣла,
 Потыкала носомъ, прошла —
 Земля какъ желѣзо звенѣла !
 Ворона ни съ чѣмъ убралась.

Могила на славу готова!
 «Не мнѣ-бъ эту яму копать!»
 (У стараго вырвалось слово)
 «Не Проклу бы въ ней почивать!»

«Не Проклу!..» Старикъ оступился,
 Изъ рукъ его выскользнулъ ломъ
 И въ бѣлую яму скатился;
 Старикъ его вынулъ съ трудомъ;

Пошолъ... По дорогѣ шагаетъ,
 Нѣтъ солнца, луна не взошла;
 Какъ будто весь міръ умираетъ —
 Затишье... снѣжокъ... полумгла...

IV

Въ оврагѣ, у рѣчки Желтухи,
 Старикъ свою бабу нагналъ
 И тихо спросилъ у старухи:
 «Хорошъ ли гробокъ-то попалъ?»

Уста ея чуть прошептали
 Въ отвѣтъ старику: «ничего!»
 Потомъ они оба молчали,
 И дровни такъ тихо бѣжали,
 Какъ-будто боялись чего.

Деревня еще не открылась,
 А близко — мелькаетъ огонь.
 Старуха крестомъ осѣнилась,
 Шарахнулся въ сторону конь:

Безъ шапки, съ ногами босыми,
 Съ большимъ, заостреннымъ коломъ,
 Внезапно предсталъ перелъ ними
 Старинный знакомецъ Шахомъ.

Прикрыты рубахою женской,
 Звенѣли вериги на немъ.

Постукалъ дуракъ деревенской
Въ морозную землю коломъ ;

Потомъ помычалъ сердобольно,
Вздохнулъ и сказалъ : « не бѣда !
« На васъ онъ работалъ довольно
« И ваша пришла череда.

« Мать сыну-то гробъ покупала,
« Отецъ ему яму копалъ,
« Жена ему саванъ шивала,
« Всѣмъ разомъ работу вамъ далъ !...»

Опять помычалъ — и безъ цѣли
Въ пространство дуракъ побѣжалъ ;
Вериги уныло звенѣли,
И голыя икры блестѣли,
И посохъ по снѣгу черкалъ.

Н. НЕКРАСОВЪ

НИЦЦА И ГЕНУЯ

(ИЗЪ ПУТЕВНЫХЪ ЗАПИСОКЪ)

Сѣверъ на югъ. — Вилла-Франка. — Интересная соотечественница. — Неожиданная встрѣча и продѣлки спекулятивнаго свойства. — Ницца à vol d'oiseau. — Цвѣточная лавка Альфонса Кара. — Прогулка англичанъ. — Table-d'hôte. — Господинъ Сотюме. — Ущелье Мавьяно. — Генуя. — Общее впечатлѣнiе. — Снова въ Ниццѣ. — Несостоявшiйся клубъ. — Неудобства. — Приятная встрѣча съ соотечественникомъ. — Прогулка въ St Jean.

Средиземное море встрѣтило насъ очень непривѣтливо. Впрочемъ по настоящему не такъ ли и слѣдовало ожидать: съ одной стороны наступило уже то время года, когда стоитъ отправиться въ любое море, чтобы неизбѣжно испытать качку, холодъ, вѣтеръ, щквалы, дождь, словомъ всякую гадость; съ другой стороны, мы пользовались въ Испанiи слишкомъ уже долгимъ періодомъ райскихъ дней, чтобы это могло обойтись намъ даромъ. Законъ равновѣсія, который такъ справедливо развѣшиваетъ въ жизни человѣческой порціи радости съ порціями горечи, спѣшилъ однакожъ надо сказать, съ особеннымъ усердiемъ исполнить надъ нами свой приговоръ.

24 октября (нашего стиля), т.-е. въ тотъ самый день какъ мы оставили Кадисъ, — небо, воздухъ и море такъ пережѣвились, что можно было думать, насъ чудомъ какимъ-то перенесло вдругъ на сѣверъ. Куда дѣвалась эта глубокая, густая лазурь, насквозь проникнутая золотымъ сіяньемъ! Куда дѣвалась величавая океанская зыбь, сквозившая противъ солнца какъ плавленное синее стекло!.. Каждый изъ насъ, обогрѣваемый столько дней жаркими лучами испанскаго солнца и утромъ еще гулявшiй въ нѣжной одеждѣ, съ явнымъ неудовольствiемъ укутывалъ те-

перь шею саше-пез, пряталъ руки въ карманы теплаго пальто и притаптывалъ ногами, засунутыми въ резиновые калоши.

Не прошли мы десяти морскихъ миль, какъ все вокругъ насъ и подъ нами окуталось однообразнымъ, тусклымъ сѣрымъ цвѣтомъ; пронзительный вѣтеръ, душій словно прямо изъ Петербурга, усиливался съ каждымъ часомъ. Къ этому скорѣ присоединился частый, мелкій дождикъ. Такъ какъ общество наше состояло преимущественно изъ обывателей Петербурга и слѣдовательно всѣ больше или меньше могли считаться великими знатоками всего что касалось приваковъ северной, ненастной погоды, — стоило оглянуться вокругъ, чтобы рѣшить навѣрное, что дождю конца не будетъ. Все это конечно съ успѣхомъ напоминало намъ отечество; но не могу сказать однакожъ, чтобы такое воспоминаніе кого-нибудь особенно радовало въ настоящую минуту. Всѣ по большей части хмурились, ворчали, и сколько по палубѣ въ своихъ резиновыхъ калошахъ, спѣшали укрыться въ каюты.

На другое утро, часу въ седьмомъ, будить меня дѣвочки.

— Вставайте, ваше б—діе, берегъ видать!

Узнавъ еще накануне, что около этого часа вашъ корабль долженъ приближаться къ Гибралтару, я поспѣшилъ одѣться и выбѣжалъ на ютъ.

Дождь пересталъ. Но суровый, холодный вѣтеръ, налетавшій порывами, беспокойно крутилъ облака и рвалъ пѣну съ верхушки валевъ. Вѣиво отъ носа корабля, сквозь сѣрый, тусклый свѣтъ начинала выступать громадная гора съ отливомъ чернильнаго цвѣта; отвѣсно и какъ-бы одиноко стоя надъ моремъ, она постепенно затушовывалась туманомъ и наконецъ пропала въ облакахъ. Въ то же время справа, но вѣскольکو далѣе, обозначилась другая гора; она казалась еще сумрачнѣе первой и точно такъ же исчезала верхушкой въ облакахъ.

Тутъ можетъ быть не слѣдовало бы обращать вниманія на то, что мы не заходили въ Гибралтаръ и приступить къ описанію этого достопримѣчательнаго мѣста, или по крайней-мѣрѣ сказать нѣсколько словъ о его значеніи въ военномъ и политическомъ отношеніи; это было бы очень легко: стоило бы только сдѣлать нѣсколько выписокъ изъ тѣхъ книгъ, которыя, благодаря качкѣ, поминутно сваливаются съ моей полки; но дѣло въ томъ, что мы дали себѣ слово при началѣ путешествія строго держать

ся правила, описывать только то что видѣли, или что приводилось лично испытывать. Основываясь на этомъ, всѣ наши впечатлѣнія касательно Гибралтара и мрачнаго его сосѣда, Обезьяновой горы, поневолѣ должны ограничиваться едва уловимыми силуэтами двухъ гигантскихъ скалъ, наполовину задернутыхъ тучами. Мы ничего не видали болѣе, несмотря на то, что имѣли ихъ передъ глазами часовъ семь. Теченіе изъ Средиземнаго моря было такъ сильно, что мы двигались узла по полтора въ часъ. Къ вечеру, когда обѣ горы остались за нами, мы встрѣтили цѣлую флотилію рыбацкихъ лодокъ; поставивъ всѣ свои паруса, которые «круглились и бѣлѣли какъ полныя груди переидъ, играющихъ на волнахъ», — онѣ стремительно неслись къ берегу; нельзя было имъ не позавидовать, даромъ что столько мѣсяцевъ ждали мы минуты, когда войдемъ въ Средиземное море. При качкѣ, дождѣ, вѣтрѣ и холодѣ, оно ничѣмъ не лучше другихъ прозаическихъ морей; совершенно тотъ же однообразный сѣрый видъ и тѣже неудобства. Покрайней-мѣрѣ, вплоть до Вилла-Франки, т.-е. въ продолженіе одиннадцати дней, мы ничего не испытывали, кромѣ дурнаго запаха каютъ; ничего не слышали, кромѣ скрипа перегородокъ; плеска волнъ и свиста вѣтра въ снастяхъ; ничего не видали новаго, кромѣ сѣрыхъ дождевыхъ тучъ, сѣраго моря, пропадашаго въ туманѣ, и время отъ времени давно знакомыхъ лицъ, зеленѣвшихъ отъ качки. Словомъ скука была смертная.

Перейду прямо къ той минутѣ, когда корабль, обладаемый ливнемъ отъ верхушки мачты до бортовъ, началъ входить въ гавань Вилла-Франки, извѣстную у древнихъ географовъ подъ именемъ *Portus Herculis*. Не знаю насколько заслуживаетъ вѣроятія и сколько можетъ казаться интереснымъ преданіе, будто гавань эта вырыта товарищами Геркулеса въ память побѣдъ, одержанныхъ имъ надъ лигурійцами; знаю только, что древность ея происхожденія ровно ничего не стоитъ передъ ея живописностью.

Представьте себѣ глубокиі бассейнъ, окруженный со всѣхъ сторонъ высокими скалами и каменистыми громадными уступами, которые какъ-бы скатываются по бокамъ конусообразной горы, увѣнчанной облаками; послѣдняя замыкаетъ дно гавани, какъ задняя декорация въ театрѣ. По ней, прямо противъ насъ, на значительной высотѣ, проходитъ знаменитая дорога *la cogniche*,

которая ведетъ изъ Ниццы въ Геную. Уступы ея, точно такъ же какъ вершины примыкающихъ къ ней скалъ, покрыты оливками, фиговыми и лимонными деревьями; мѣстами зелень свѣшивается надъ обрывомъ; мѣстами оливковыя и лимонныя плантаціи сбѣгаютъ волнами по отлогимъ холмамъ и почти обмываютъ свои корни въ голубыхъ волнахъ бассейна. Общей эффектъ этой панорамы такъ великолѣпенъ, что въ первую минуту не заметишь даже самаго города Вилла-Франка. Онъ бѣлѣлъ слѣва и подобно всѣмъ древнимъ приморскимъ городамъ расположенъ на крутой скалѣ; каменные дома его съ плоскими черепичными крышами и терасами такъ тѣсно сгруппированы, что съ какой точки ни смотришь, нѣтъ возможности замѣтить улицъ; все представляется одною сплошною бѣлою массою, кой-гдѣ открывающей бурюю черепичную кровлю, верхушку лимоннаго дерева или синеватый пучекъ алое. Городъ защищенъ зубчатымъ, порывѣвшимъ и позеленѣвшимъ отъ времени фортомъ; онъ выстроенъ нѣсколько ниже, на отдѣльной скалѣ, которая выступаетъ въ море. Это собственно старый городъ. По мѣрѣ того какъ прошло время неожиданныхъ нападений, время Доріевъ, Барбарусъ, восточныхъ пиратовъ и проч., обыватели стали мало-помалу распространять свои владѣнія внѣ условной черты; начали стромиться по скату скалы, пробили въ ней ступени, такъ что теперь городъ подходитъ почти къ самому морю.

Въ этой нижней части находятся арсеналь, лазаретъ, кузницы и нѣсколько очень некрасивыхъ каменныхъ пакгаузовъ; одинъ изъ нихъ, ближайшій ко входу въ гавань, надѣлалъ въ свое время довольно много шуму: это тотъ самый, который уступили намъ съ правомъ складывать въ немъ запасъ угля, такелажъ и держать для охраненія ихъ трехъ матросовъ. Тутъ же неподалеку находится пристань. За исключеніемъ мелкихъ рыбацкихъ лодокъ и еще русскаго фрегата «Полкана», недавно прибывшаго сюда изъ Греціи, во всей гавани не было другихъ судовъ.

Пока мы все это разсматривали и корабль становился на якорь, дождь какъ рукой сняло; хребты сизыхъ тучъ потянулись въ одну сторону; мѣстами стало даже просвѣчивать, — что замѣтно было не столько въ небѣ, сколько на верхнихъ скатахъ горъ, которыя то и дѣло отрывали новыя перспективы и подробности.

Не знаю навѣрное, способствовало ли тому улучшение погоды или личное усердіе, подкрѣпляемое соображеніями дипломатическаго свойства, только къ намъ не замедлилъ явиться секретарь нашего консула въ Ниццѣ. Самъ консулъ былъ нездоровъ или въ отсутствіи, — не помню хорошенько.

— Господа, сказалъ секретарь, послѣ обычныхъ поздравленій и привѣтствій, и послѣ того какъ предложены были имъ всевозможныя услуги, въ числѣ которыхъ первую роль играли провизія и уголь, которыми онъ же торговалъ, какъ открылось впоследствии: — господа, я долженъ объявить вамъ: несмотря на все счастье васъ видѣть, вы надо сказать прибыли сюда въ самую неблагоприятную минуту!..

— Чтоже случилось?

— Случилось... случилось... не знаю право какъ бы выразиться по деликатпѣ...

— Вы насъ пугаете...

— Нѣтъ, это до васъ не касается, т.-е. лично не касается, хотя... вообще говоря...

— Но что такое, говорите ради-бога?..

— Случилось, что не далѣе какъ два дня назадъ, одну изъ нашихъ соотечественницъ, даму хорошей фамиліи, посадили въ тюрьму!

— Какъ такъ?

— Очень просто, — за долги!

— За долги?

— Да; она задолжала въ Ниццѣ до шестидесяти тысячъ франковъ; по всей вѣроятности, у нея прежде было довольно своихъ денегъ; иначе, согласитесь, ей не было бы возможности пустить пыль въ глаза. Она появлялась на всѣхъ прогулкахъ въ блистательнѣйшихъ экипажахъ, разъ по пяти въ день мѣняла великолѣпныя туалеты; словомъ съ первыхъ же дней убила своею роскошью богатѣйшихъ англійскихъ леди; все это открыло ей огромный кредитъ въ Ниццѣ; она имъ воспользовалась, и такимъ образомъ задолжала шестьдесятъ тысячъ франковъ, которыхъ заплатить не въ состояніи; теперь только открылось, что у нея собственно нѣтъ никакого состоянія; ее взяли и посадили въ тюрьму безъ дальнѣйшихъ церемоній... Просто срамъ! Повѣрите ли, совѣстно показаться на глаза иностран-

намъ... Въ настоящую минуту въ Ниццѣ болѣе двухъ тысячъ иностранныхъ семействъ..

— Сколько же русскихъ ?

— Двѣсти съ цифрой.

— Вотъ какъ ! Мы стало-быть чуть ли не въ родномъ отечествѣ, если не считать этихъ великолѣпныхъ горъ и лимонныхъ деревьевъ...

— Русскіе совсѣмъ почти здѣсь не замѣтны; они по большей части живутъ здѣсь очень скромно. Одна эта дама можно сказать обратила на себя общее вниманіе и притомъ съ такой невыгодной стороны...

Но происшествіе съ интересной соотечественницей встрѣчено было съ большимъ равнодушіемъ; это происходило оттого вѣроятно, что присутствующіе исключительно заняты были мыслью, какъ бы поскорѣе сѣсть въ шлюпку и отправиться на берегъ; минутой спустя, г-жа Н. была совершенно забыта. Надо признаться, этому отчасти способствовало также появленіе новаго лица, которое хотя и не принадлежало къ лучшей половинѣ рода человѣческаго, но было тѣмъ не менѣе очень изтересно.

Изъ толпы матросовъ, окружившихъ ту часть борта, гдѣ спускаются въ море, неожиданно выступилъ бывшій нашъ *maitre-d'hôtel*, Мишель Пупо, прославившій себя не столько въ поварскомъ дѣлѣ, сколько ла поприщѣ пройдохства и спекуляцій всякаго рода.

Надо вамъ сказать, онъ разстался съ нами, или вѣрнѣе изгнанъ былъ самымъ постыднымъ образомъ съ корабля еще въ Брестѣ, два мѣсяца назадъ. Пупо очевидно намѣревался сдѣлать въ четвертый разъ запасъ гнилой провизіи съ тѣмъ, чтобы потомъ, какъ это не разъ уже случалось, свалить всю вину на купцовъ, которые будто бы воспользовались его довѣріемъ и честностію; или на матросовъ, которые будто бы какъ нарочно съѣли изящнѣйшіе гастрономическіе припасы, приготовленные для нашего услажденія. Узнать о рѣшеніи судьбы своей, Пупо обливался слезами, билъ себя кулакомъ въ грудь, называлъ себя жалкой жертвой людской несправедливости, пробовалъ потомъ два раза разсмѣшить общество, вынималъ изъ кармана датеротипъ жены и сына, имѣя въ виду тронуть сердца при-

сутствующихъ, — все было напрасно ; всѣ эти способы слишкомъ уже часто были имъ употребляемы , чтобы могли дѣйствовать.

— Господа ! воскликнулъ наконецъ Пупо въ порывѣ глубокаго отчаянья : — вы меня выгоняете , я этого стою ! Положимъ такъ ! Но знаете , вы будете отвѣчать Богу за смерть мою ! Мнѣ, это неизбежно , остается теперь только умереть съ голоду !..

Зная въ совершенствѣ плутоватую натуру Пупо , давно рѣшили съ общаго голоса , что онъ кончитъ земное свое поприще , гдѣ—нибудь на висѣлицѣ . На дняхъ еще говорили объ этомъ , и вотъ онъ снова передъ нами , снова , какъ фениксъ возникшій изъ пепла , цвѣтетъ болѣе чѣмъ когда—нибудь здоровьемъ , свѣжестью и даже веселостию .

— Пупо , вы здѣсь ! Какимъ образомъ ?.. посыпались на него вопросы .

— Господа , я зналъ , что вы сюда придете ; я ждалъ васъ съ нетерпѣніемъ ! возразилъ Пупо съ чувствомъ и прикладывая руку къ груди : — Ницца прекрасный городъ , вамъ будетъ весело... Что до меня касается , я поселился здѣсь въ Вилла—Франкѣ , открывъ здѣсь заведеніе , которое надѣюсь удостоится чести вашего посѣщенія .

— Какъ ! вѣдь вы говорили , оставляя насъ , что у васъ нѣтъ гроша денегъ , что вы должны умереть съ голоду ?..

— О , это правда ! я былъ уничтоженъ ! возразилъ безъ малѣйшей запинки Пупо : — но благодаря Бога , маменька моя...

— Какая маменька ? вы намъ никогда о ней не говорили...

— Маменька моя , которая живетъ въ Генуѣ , продолжалъ Пупо , нисколько не смутившись : — прислала мнѣ денегъ и я теперь устроился...

Первый предметъ , который бросился намъ въ глаза при входѣ на берегъ , было колоссальное изображеніе русскаго матроса , написанное масляными красками на стѣнѣ ближайшаго углового дома ; надъ матросомъ крупными буквами написано было : « *Кронштадтъ* », а ниже слѣдующее изрѣченіе : « *Друзья , войдите въ источникъ лучшаго рому !!!..* »

— Господа , воля ваша , сказалъ б. Т. , разводя руками отъ удивленія : — но этотъ человекъ , если только онъ не умретъ на висѣлицѣ , пойдетъ очень далеко !

Промышленная дѣятельность Пупо не ограничивалась трактиромъ ; онъ тутъ же объявилъ , что открывъ торговлю мрамор-

выми столами, которыми обѣщали снабжать насъ за половинную цѣну противъ той, какъ продавались они у мраморщиковъ.

— Какъ видите, господа, я устроился очень изрядно, добавил Пупо: — мнѣ оставалось бы только благодарить судьбу, еслибъ не явился здѣсь одинъ подлый человѣкъ, который воспользовался моей мыслию и хочетъ вредить мнѣ, но я уже шепнулъ два слова нашимъ матросикамъ; они обѣщаютъ держать мою руку, и надѣюсь, по старой дружбѣ, не измѣнить своему слову; взгляните, вотъ мой врагъ!..

Съ этими словами Пупо простеръ руку къ дому насупротивъ, гдѣ во всю стѣну выведена была русскими буквами лаконическая надпись: «*Выпивка.*»

Такъ какъ городъ Вилла-Франка не представляетъ самъ по себѣ ничего особенно интереснаго (онъ исключительно населенъ рыбаками и лодчанами), мы остались въ немъ ровно на столько, чтобъ нанять коляску, которая должна была везти насъ въ Ниццу. Отсюда въ Ниццу одна только колесная дорога; она круто идетъ въ гору отъ самой пристани и постепенно удаляется вѣѣво отъ Вилла-Франки.

Достигнувъ высокой платформы, гдѣ расположенъ старый городъ, дорога продолжаетъ идти въ гору, изламываясь прихотливыми зигзагами между насыпными терасами, обсаженными оливами; мѣстами деревья такъ тѣсны по обѣимъ сторонамъ, что ѣдешь подъ сводомъ зелени; мѣстами они расходятся открывая пройденныя уже изгибы дороги и подъ ними, въ глубинѣ, бѣлые дома Вилла-Франки, бухту съ кораблями, которые кажутся мухами; скорѣ открывається вся панорама горъ съ ихъ голубыми заливами у подошвы, оливковыми и лимонными плантаціями, покрывающими скаты и бѣлыми городами, которые постепенно уменьшаясь, пропадаютъ наконецъ въ легкомъ лиловомъ туманѣ. Вся эта часть горъ противоположна той, которая окружаетъ Ниццу. Ницца отдѣляется отъ Вилла-Франки высокимъ хребтомъ; между городами всего пять верстъ разстоянья; приходится взбираться около часу; достигнувъ вершины, спускаешься въ Ниццу въ четверть часа.

Мы были предупреждены касательно вида, который открывается неожиданно на Ниццу при спускѣ съ горы, и потому очень обрадовались, замѣтивъ, что погода все больше и больше разгуливается.

Кое-гдѣ лучь солнца, пронизывая зелень оливъ, ярко освѣщаютъ почву, которая краснѣла, какъ толченый кирпичь; мѣстами поперегъ дороги ложились вмѣстѣ съ пятнами свѣта, густыя голубыя тѣни, напоминавшія акварели Корради; неожиданно, на томъ или другомъ поворотѣ встрѣчался осель съ плетеными перекидными корзинами, наполненными овощами, и сидѣвшей между ними женщиной въ красномъ корсажѣ или мужчиной въ синей курткѣ, пестромъ фулярѣ на шеѣ и широкополой шляпѣ.

Когда мы достигли верхушки хребта, голубое небо раскидывалось надъ нами и солнце ярко обливало обрывы скалъ и зелень. Слѣва, подъ утесомъ, у самой дороги выставлялась картинка уже чисто въ итальянскомъ вкусѣ; впереди грубые каменные столбы поддерживаютъ трельяжъ изъ винограда; онъ осѣняетъ входъ въ бѣлый домъ съ плоской крышей; подъ трельяжемъ столы; нѣсколько человѣкъ пьютъ вино изъ тонкогорлыхъ фiasco, оплетенныхъ соломой; подлѣ ослы группируются у каменнаго водоема; по всему этому проходятъ огненные пятна свѣта и голубыя тѣни. Словомъ, мечты наши увидѣтъ когда-нибудь Италию начали кажется осуществляться. Коляска замѣтно начала спускаться; еще поворотъ, и мы очутились прямо противъ Ниццы, на точкѣ, гдѣ останавливается каждый путешественникъ и невольно всплескиваетъ руками отъ восхищенья.

Отъ края дороги, версты на полторы въ глубину, сбѣгаетъ во все стороны сплошная волнующаяся масса зелени; изъ нея выглядываютъ черепичныя кровли, бѣлыя терасы, уставленные красными глиняными горшками съ алое, или покрытыя трельяжемъ изъ винограда; въ глубинѣ, тамъ гдѣ послѣднiе плавы этой зеленой перспективы смягчаются отдаленьемъ, вырѣзывается роскошный заливъ такого же нѣжно-голубого цвѣта, какъ и все пространство Средиземнаго моря, которое открывается во всей красотѣ своей. Воздухъ такъ чистъ и прозраченъ, что позволяетъ даже различать отсюда берега Корсики. Ницца подходитъ къ самому краю залива и опоясавъ его бѣлою, серебристою каймою, разсыпаетъ бѣлые дома свои дальше по долинѣ, потопленной зеленою. Скаты горъ, которые замыкаютъ долину и вмѣстѣ съ тѣмъ огибаютъ заливъ, усыпаны отъ подотвы до маковки садами и бѣлыми крапинами загородныхъ домовъ и виллъ. Горами этими закончивается обширная свѣтлая панорама.

Приморскіе Альпы, которые поражаютъ своимъ строгимъ величавымъ характеромъ отъ Вилла-Франки и далѣе до Монако, совершенно измѣняютъ свой видъ, по мѣрѣ того, какъ приближаешься къ Ниццѣ. Отвѣсныя голыя скалы, узкія темныя ущелья, кремнистые края, исполосованныя трещинами, все постепенно сглаживается и уступаетъ мѣсто почвѣ, покрытой роскошной растительностію. Отъ этого самые цвѣта скатовъ, окружающихъ Ниццу, получаютъ особенную какую-то бархатную нѣжность; глаза не перестаютъ тѣшиться разнообразною гамой красокъ, которыхъ не въ силахъ была бы передать даже живопись. Стоитъ перевалиться черезъ гору, отдѣляющую Вилла-Франку отъ Ниццы, чтобы замѣтить, какую страшную силу получаетъ здѣсь растительность. Оливки, подлѣ сводомъ которыхъ приходится спускаться до первыхъ домовъ города, достигаютъ здѣсь тѣхъ размѣровъ какъ на востокѣ; между ними безпрестанно путаются фиговые деревья; одна дама, путешествовавшая съ нами, весьма остроумно замѣтила, что дерево это, принимая въ соображеніе прихотливую путаницу его вѣтвей, должно непременно имѣть дурной, капризный характеръ. По дорогѣ, справа и слѣва, попадаются виллы и дома, часто ошутанные одною виноградною лозою, толщиною въ руку дюжого работника; не смотря на то, что время года было самое невыгодное для Ниццы, дѣвочки и мальчики, встрѣчавшіеся на пути, бросали намъ въ коляску букеты фіалокъ. Фіалки являются во всей своей силѣ только въ срединѣ декабря; ими покрываются тогда всѣ скаты долинъ, и бѣдная часть населенія извлекаетъ изъ этого новый источникъ дохода.

Можно сказать, не отступая на волосъ отъ правды, что вся прелесть Ниццы заключается въ ея природѣ и климатѣ. Городъ самъ по себѣ не заслуживаетъ сравнительно никакого вниманія. Въѣзжая въ старую часть города, которая стелется у подошвы горы, путешественникъ съ удивленіемъ встрѣчаетъ ряды законченныхъ однообразныхъ домовъ; не только здѣсь нѣтъ признака чего-нибудь архитектурнаго, но даже живописнаго, вообще свойственнаго всякой старинѣ: все носитъ печать чего-то мелкаго, крайне мѣщанскаго. Старая часть города защищена крѣпостію; она показываетъ свои бастионы и зубчатые башни съ высоты одинокой скалы, выступающей въ море. Старый городъ раздѣляется отъ новаго рѣкою или вѣрнѣе потокомъ Пальонъ:

это ничего больше какъ широкое русло, усыпанное крупнымъ сѣрымъ булыжникомъ и безъ малѣйшаго признака воды; весною, когда съ горъ устремляются потоки отъ талаго снѣга, русло до краевъ наполняется водою; въ настоящее время Пальонъ служитъ убѣжищемъ прачекъ, которыя устилаютъ его дно простынями и наволочками нѣсколькихъ тысячъ иностранцевъ. Впрочемъ и то сказать надо: шагахъ въ пятидесяти отъ каменнаго моста, соединяющаго старый городъ съ новымъ, тамъ, гдѣ Пальонъ поворачиваетъ къ морю, булыжникъ его звонко гремитъ отъ напора валовъ, а дальше, во всю ширину залива, красивыми линиями бѣгутъ на берегъ волны, закручиваясь голубыми прозрачными волютами.

Новый городъ ничуть не лучше стараго; вся разница въ томъ, что здѣсь дома выбѣлены какъ заново, выше, достигаютъ иногда семи этажей; единственнымъ ихъ украшеніемъ служатъ зеленыя жалюзи оконъ, которыя напоминаютъ нѣсколько фizioномію домовъ милаго Кадиса. Каждое изъ этихъ зданій превращено почти въ гостиницу для приѣзжающихъ; многіе нарочно выстроены съ тою цѣлію, чтобы вмѣщать цѣлые караваны туристовъ.

Еще при вѣздѣ въ старый городъ легко было замѣтить, по разнообразію типовъ и костюмовъ, что населеніе Ниццы сильно переполнено иностранцами; новый городъ исключительно уже служитъ сборнымъ пунктомъ всѣхъ возможныхъ національностей; это обстоятельство сразу бросается въ глаза. Тутъ, едва вступили мы на мостъ, и въ первый разъ на чужеземной почвѣ, услышали мы звуки роднаго языка.

Изъ множества гостиницъ мы выбрали Pension Suisse; она плѣнила насъ своею дешевизной и тѣмъ еще, что тутъ позволяли курить, что, какъ увѣряли насъ, не дозволяется въ другихъ, болѣе аристократическихъ отеляхъ.

Pension Suisse находится въ улицѣ Массена, скучной и мрачной улицѣ; ксчастію, домъ въ которомъ помѣщенъ отель, несравненно выше противоположныхъ домовъ, такъ что взявъ номеръ въ верхнемъ этажѣ, мы вдоволь могли любоваться видомъ на долину Carabasel, усаженную загородными домами и лимонными садами.

Такъ какъ оставалось еще часа два до обѣда, я и товарищ мой N° отправились бродить куда глаза глядятъ.

Изъ улицы Массена вышли мы на большую площадь; при началѣ ея находится родъ жалкаго сквера: дюжины три тощихъ деревь; принимая въ соображеніе сильную растительность Ниццы, можно было думать, что деревья эти привезены сюда изъ-за гравия для излеченія отъ чахотки; ихъ окружаетъ рѣшетка; по дорожкамъ бѣгаютъ дѣти; на скамьяхъ, разставленныхъ кой-гдѣ, видѣются группы разряженныхъ дамъ и мужчинъ.

Не предупрежденные видомъ или пояснительными замѣтками туземцевъ, и не зная слѣдовательно, что чахлый этотъ скверъ носить громкое названіе *jardin des plantes*, и служить любимымъ мѣстопробываніемъ русскаго общества, мы прошли мимо, не отдавъ ему должнаго вниманія. Взамѣнъ этого, любопытство наше сильно было возбуждено вывѣской; она украшала третій домъ отъ улицы Массена непосредственно противъ сада; вывѣска гласила: «*Alphonse Carré, — fleuriste.*»

Была ли возможность не заглянуть въ стеклянную дверь, которая въ добавокъ была полураскрыта! Мы вошли въ небольшую комнату, уставленную растеніями; за прилавкомъ, усащеннымъ цвѣтами, сидѣла женщина, вязавшая букетъ; на окнѣ стояли двѣ тоненькія бутылочки съ какою-то желтоватою жидкостью.

— Скажите пожалуйста что это такое? спросили мы указывая на флаконы.

— Это ликеръ, который приготавлиетъ г. Альфонсъ Каррѣ.

— Какой маленькій запасъ! Вѣроятно у васъ все уже раскупили?

— Нѣтъ, это только такъ, для обращика... Не прикажете ли букетъ?

— Покорно благодаримъ, мы зашли, думая найти здѣсь знакомыхъ...

Съ этими словами вышли мы на улицу.

Изъ того что узналъ я впоследствии, оказывается яснымъ какъ день, что г. Каррѣ занимается продажей цвѣтовъ не столько изъ выгодъ, сколько чтобы казаться еще интереснѣе въ глазахъ прекраснаго пола. Я готовъ думать, что у него не было даже другой цѣли, когда въ продолженіе двадцати лѣтъ и чуть ли не въ каждой своей книгѣ рассказывалъ онъ, какъ страстно любить цвѣты, какъ способенъ цвѣлыя сутки не отрывать глазъ отъ

бирюзовыхъ лепестковъ Vergiss-mein-nicht; иначе, согласитесь, зачѣмъ было бы объ этомъ такъ долго, такъ настойчиво распространяться? Нѣтъ возможности предположить, чтобъ рассуждалъ онъ такимъ образомъ передъ открытіемъ лавочки: «Вотъ двадцать лѣтъ, какъ я прожужжалъ всѣмъ уши, что безъ памяти люблю цвѣты; репутація моя, какъ отличнаго садовника, готова; открою лавочку цвѣтовъ, и нѣтъ сомнѣнія, ко мнѣ преимущественно побѣгутъ покупатели!» Очевидно такой расчетъ не входитъ въ соображеніе почтеннаго романиста. Ему нечего прибѣгать къ торговлѣ, когда его «Осы», издаваемые въ Ниццѣ, повсюду распродаются; когда, что ни годъ, пишетъ онъ новый романъ, за который платятъ ему очень хорошо. Нѣтъ, открывая лавочку, онъ, по всей вѣроятности, думалъ такимъ образомъ: «Давно рассказываю я о любви своей къ цвѣтамъ: этимъ способомъ успѣлъ я затронуть особенно моихъ читательницъ: чловѣкъ, который такъ любитъ цвѣты, конечно долженъ имѣть нѣжныя чувства и чувствительное сердце; женщины безъ сомнѣнія страшно заинтересованы мною; что же будетъ, если я открою цвѣточную лавочку въ Ниццѣ, — городъ, куда собираются дамы всѣхъ сторонъ свѣга!» И дѣйствительно, стоитъ поговорить минуту съ любой обитательницей Ниццы, чтобы услышать о г. Альфонсѣ Каррѣ и его цвѣточной лавочкѣ. Для достиженія полнаго эффекта недостаетъ только, чтобъ г. Карръ постоянно находился за своимъ прилавкомъ, окруженный цвѣтами и даже въ костюмѣ пастушка. Предположеніе наше тѣмъ еще оправдывается, что г. Карръ тщательно избѣгаетъ общества мужчинъ и постоянно вращается въ кругу дамъ, преимущественно русскихъ.

Человѣкъ свободы, онъ, сказывали намъ, не прочь надѣть ярмо невольничества, когда оно возлагается нѣжной ручкой особы прекраснаго пола. Въ то время какъ мы были въ Ниццѣ, ярмо возложено было на него одною изъ нашихъ богатыхъ и далеко не молодыхъ соотечественницъ. Оборони меня Боже дѣлать на его счетъ какія-нибудь двусмысленныя предположенія. Я готовъ согласиться, что самая мысль открыть лавочку не имѣетъ другого намѣренія, какъ то, чтобы сблизиться съ дамскимъ обществомъ и этимъ способомъ расширить кругъ своей наблюдательности касательно изученія женщинъ. Не можетъ же онъ остановиться на двухъ послѣднихъ своихъ сочиненіяхъ: «Les femmes»

и «Encore les femmes»; вѣроятно онъ замышляетъ еще третью книгу въ томъ же родѣ и ищетъ для нея матерьяловъ.

Разсуждая такимъ образомъ, продолжали мы подвигаться, слѣдуя по направленію домовъ отъ улицы Массена; минутъ черезъ пять мы вышли почти къ тому мѣсту, гдѣ потокъ Пальонъ спускается въ море. Вправо, по берегу того самаго залива, который видѣется съ горы ВиллаФранка, тянется непрерывный рядъ отелей, частныхъ домовъ и виллъ. Ихъ отдѣляетъ отъ моря широкая, гладко убитая дорога и еще естественный береговой откосъ, усыпанный бѣлыми и сѣрыми камешками, которые безпрерывно шлифуются и перетираются волною; звукъ этихъ камешковъ, которые то быстро катятся внизъ, увлекаемые волною, то взбѣгаютъ вмѣстѣ съ нею на берегъ, наполняютъ эту часть города вѣчнымъ шумомъ и жужжаньемъ. Ночью, безъ привычки, не разъ проснешься, невольно помышляя въ просонѣ объ опасности землетрясенія. По всему протяженію этого берега шумъ моря никогда не умолкаетъ; волна, задержанная въ своемъ движеніи подводнымъ кряжомъ камней, неожиданно становится на дыбы, величественно закручивается и съ такою силой бьетъ въ берегъ, что въ воздухѣ постоянно носится влажная серебряная пыль. Въ этой влагѣ, проникнутой тепломъ и солнцемъ, особенно какъ-то легко дышется, не потому ли и мѣсто это преимущественно предписываютъ всѣмъ слабогрудымъ; въ этомъ можно убѣдиться, не справляясь въ годахъ; едва вышли мы на дорогу, намъ начали попадаться молодые люди и женщины съ блѣдыми, впалыми лицами; они едва передвигали ноги или ѣхали въ коляскахъ, обложенные подушками. Безъ постороннихъ показаній легко также было убѣдиться, что Promenade des anglais (такъ зовутъ эту часть берега), служитъ главнымъ моднымъ гуляньемъ для жителей Ниццы; это очевидно ея Longchamps, ея Via-Beale, ея Невскій проспектъ: какъ здѣсь такъ и тамъ катятся непрерывные ряды самыхъ щегольскихъ экипажей, тянутся вереницы гуляющихъ, выставляются наконецъ лица и туалеты, идетъ непрерывный говоръ и любезничанье, занимаются разборкою ближняго, часто не выключая тѣхъ, которые нынче въ послѣдній разъ можетъ-быть кашляютъ и прислушиваются къ шѣрному шуму набѣгающаго вала...

Promenade des anglais, сводя на одну точку столько разныхъ національностей, весьма естественно, должна возбуждать сорев-

нованіе гуляющихъ во всемъ что касается наружнаго блеска. Отсюда эта страшная роскошь туалетовъ, лошадей, экипажей. Леди М' была вчера въ такомъ-то платьѣ, давай и мнѣ сегодня точно такое же! Вчера дѣти лорда N' гуляли въ шотландскомъ костюмѣ, давай Петрушѣ и Катѣ шотландскій костюмъ во что бы ни стало! и т. д. Не будь этой прогулки англичанъ, я увѣренъ, наша соотечественница Н не попала бы въ тюрьму за долги; вѣтъ сомнѣнья, *promenade des anglais* сильно способствовала къ тому, чтобы погубить ее окончательно.

Этой прогулкой оканчивается Ницца со стороны залива: дорога круто поворачиваетъ вправо; послѣ моста, переброшеннаго черезъ каменистый потокъ, изгибающійся по дну живописнаго ущелья, она соединяется съ дорогою Франціи. Последняя тутъ же исчезаетъ въ складкахъ горъ, покрытыхъ оливами и усыпанныхъ бѣлыми загородными вилами, обращенными окнами къ морю.

Ущелье передъ мостомъ было безспорно самое живописное мѣсто, какое только приводилось до сихъ поръ видѣть. Невольно манило бросить дорогу, сойти на дно потока, углубиться въ эти привѣтливые изгибы, затемненные оливами, изъ которыхъ то сверху, то снизу выглядывали сельскіе домики. Но увы! въ нетерпѣннн нашемъ осмотрѣть Ниццу мы не подумали о завтракѣ; голодъ, возбужденный моціономъ и воздухомъ, началъ завывать такимъ отчаяннымъ голосомъ, что опасно было его не послушать.

Помнится, мы поглотили обѣдъ съ такимъ остервенѣніемъ, что когда нѣкоторые изъ нашихъ товарищей, сидѣвшіе съ нами за однимъ *table-d'hôte*, объявили, что обѣдъ изъ рукъ вонъ плохъ, — мы напали на нихъ съ яростью, обвиняя ихъ въ привередничествѣ и нетерпимости. Къ концу обѣда, по мѣрѣ насыщенія, возвратясь къ болѣе мирнымъ чувствамъ, мы мало-помалу приняли участіе въ томъ что совершалось вокругъ насъ. Общество *table-d'hôte* осуществляло въ миниатюрѣ космополитическій характеръ населенія Ниццы: тутъ были представители чуть ли не всѣхъ націй въ мѣрѣ, что можно было заключить только по наружнымъ типамъ, потому что общество, несмотря на свою многочисленность, хранило упорное молчаніе; можно сказать, оставя въ сторонѣ всякое пристрастіе, не будь здѣсь на-

шихъ соотечественницъ, легко было подумать, что сидишь въ сборищѣ глухо-нѣмыхъ. Чувство національной гордости плавало какъ въ маслѣ при видѣ тѣхъ усилій, которыя дѣлали наши дамы, чтобы завязать общій разговоръ. Такъ напримѣръ одна дама разъ до десяти принималась рассказывать свои путевыя впечатлѣнія; они заключались въ томъ, что не было еще города, гдѣ бы она по разсѣянности не потеряла или не забыла въ отелѣ, — гдѣ драгоценный браслетъ, гдѣ *une colerette en dentelles* цѣною въ двѣсти франковъ, гдѣ перстень съ рубиномъ, *un sabouchon magnifique*, гдѣ *une broche en turquoise* и т. д., и всякій разъ съ обозначеніемъ цѣны предмета. Другая, болѣе пожилая, старалась обратить бесѣду къ литературѣ; съ этою цѣлью утвердила она, что читаетъ одни только самые пустые романы, потому что теперь въ Европѣ рѣшительно ничего не печатаютъ дѣльнаго. Но увы, всѣ эти попытки нашихъ соотечественницъ никому не вели; сколько можно было замѣтить, онѣ особенно слабо дѣйствовали на апатичныхъ англичанъ, которые въ отзвѣтъ на любезность, изрѣдка развѣ переглядывались между собою и холодно улыбались.

Послѣ обѣда, часть общества отправилась въ театръ; давали «Линду», въ которой пѣла извѣстная въ Италіи пѣвица Бокабадати. Театръ Ниццы не представляетъ ничего особеннаго, если не считать, что кромѣ денегъ за билетъ надо еще платить особо какіе-то двадцать-четыре су для того, чтобы имѣть право занять свое мѣсто.

На другой день, часовъ въ десять утра, товарищъ мой уѣхалъ въ Вилла-Франку на корабль; проводивъ его за *port-Neuf*, я одинъ отправился бродить по старому городу. Переходя изъ улицы въ улицу, глазѣя по сторонамъ, я случайно прочелъ надпись: *coiffeur*, надъ окномъ, заставленнымъ париками; это обстоятельство напомнило мнѣ, что я давно собирался обстричь волосы. Несмотря на равную пору, въ парикмахерской не было уже недостатка въ посѣтителяхъ: кромѣ четырехъ мужчинъ, сидѣвшихъ въ креслахъ съ намыленными до ушей лицами, тутъ находилось еще нѣсколько человекъ, ожидавшихъ своей очереди; изъ числа послѣднихъ, особенно выдавался плотный высокій господинъ съ сѣдыми волосами, и необыкновенно еще свѣжими щеками. Онъ изъяснялся на чистѣйшемъ парижскомъ нарѣчій,

поминутно пересыпая рѣчь свою возгласами: ah diable! parbleu! fichtre! ah bah! и проч. Не нужно было и этого впрочемъ, чтобы сразу убѣдиться, что это французъ чистѣйшей крови.

— Мы съ нимъ школьные товарищи, сидѣли на одной скамьѣ, говорилъ онъ въ то время какъ я вошелъ: — только насъ постигла разная судьба: революція сорокъ-восьмого года лишила меня всего состоянія; я остался ни причемъ; долженъ былъ даже выселиться изъ отечества; товарищъ мой Emile-Marco de Saint-Hilaire, остался между тѣмъ во Франціи. Но это еще ничего! онъ успѣлъ поддѣлаться къ новому правительству и получилъ мѣсто хранителя библіотекъ въ Страсбургѣ; работы не много; тамъ всего одна только книга: два тома трактата объ артиллеріи, сочиненіе monsieur Луи-Наполеона! Но это въ сторону, господа; перейдемъ снова къ главному нашему вопросу касательно прибытія сюда русской эскадры. Не касайся политическаго смысла, съ которымъ конечно связано это прибытіе, — оно благотвительно для Ниццы; оно оживитъ ея торговлю; желательно бы только вѣдать, сколько времени пробудетъ здѣсь корабль, прибывшій вчера...

— Около мѣсяца; можетъ быть даже больше! сказалъ я, овладѣвая свободнымъ мѣстомъ и отдавая себя въ руки парикмахера.

— Почему вы это знаете? спросилъ румяный собесѣдникъ.

— Я имѣю честь принадлежать къ экипажу.

— Позвольте узнать съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить? Я назвалъ себя.

— Позвольте и мнѣ, съ моей стороны... Я, я здѣшній обыватель... Фамилія моя Sottumier! довершилъ онъ, выговаривая каждую букву такъ старательно, какъ бы желая врѣзать имя свое въ моей памяти до окончанія вѣка.

За тѣмъ г. Сотюмье началъ выгружать передо мною свои политическія убѣжденія, изъ которыхъ оказалось, что онъ самый ярый легитимистъ.

Мы были готовы почти въ одно время, такъ что вмѣстѣ вышли изъ парикмахерской.

— Милостивый государь, заговорилъ Сотюмье: — предупреждаю васъ: Ницца знакома мнѣ какъ мои пять пальцевъ; если

вамъ нужно что-нибудь, располагайте мною; я буду особенно радъ служить вамъ четверо...

Я поблагодарилъ и просилъ указать ближайшій ресторанъ.

— Ресторанъ! воскликнулъ онъ, оживляясь съ головы до ногъ: — нѣтъ, ужь коли на то пошло, извините! Я нивачто не допущу васъ идти въ ресторанъ! Вы хотите чашку кофе, бифштексъ, котлеты, устрицъ? все это у меня есть въ изобиліи; смѣло скажу: вы нигдѣ такъ не позавтракаете какъ у меня!..

— Но какже такъ?.. я же имѣю чести...

— Ничего не значить! перебилъ Сотюмье. Вотъ мой домъ; онъ третій отъ парикмахерской; идти какъ видите не далеко... Вы навѣрное мнѣ не откажете!..

Побѣжденный отчасти добродушіемъ, написаннымъ во всѣхъ чертахъ новаго знакома, отчасти увлеченный страстью къ неожиданностямъ всякаго рода, я принялъ предложеніе. Сотюмье ввелъ меня въ домъ, суетливо взбѣжалъ по лѣстницѣ и мы вступили въ небольшую комнату, выходившую окномъ на улицу; вокругъ стѣнъ шли столы, уставленные рядами банокъ съ пикантными и соленымъ всякаго рода; тутъ же возвышались пучки спаржи и рѣдискъ, артишокки, омары, лимоны, виноградъ, свѣжія фиги. На полу, изъ ящичковъ съ пескомъ выглядывали горлышки бутылокъ и флагъ, запечатанныхъ смолою и свинцовыми шапочками всѣхъ цвѣтовъ; изъ плетеныхъ корзинъ и боченковъ выглядывали плоды и устрицы; стѣны увѣшаны были связками мелкаго луку и фестонами томатовъ, которые такъ моснились и отдували свою тонкую красную кожу, что казалось сейчасъ лопнуть. Все это распространяло вокругъ такой свѣжій запахъ, такъ было вкусно разставлено и въ такомъ изобиліи, что способно было пробудить аппетитъ даже послѣ сытнаго обѣда.

Сотюмье былъ ни болѣе ни менѣе какъ комиссіонеръ, доставлявшій гастрономическіе припасы тѣмъ изъ жителей Ниццы, которые охотники были тонко покушать. Онъ избралъ торговлю такого рода очевидно столько же въ виду барыша, сколько чтобы имѣть возможность дешевле удовлетворять потребностямъ собственнаго своего желудка; надо было видѣть съ какою страстнымъ увлеченіемъ говорилъ онъ о свѣстныхъ припасахъ, какъ сладко чмокалъ губами, проводя рукою по свѣжимъ фиговымъ или поглядывая на омара. Сотюмье, — и убѣдился въ этомъ

послѣ, — не имѣлъ гроша денегъ ; онъ не могъ утерпѣть , чтобы не выбирать для себя собственно самые тонкіе кусочки.

— Тонкій кусокъ , — le fin morceau , говорилъ онъ : — осуществляетъ для меня, милостивый государь, всѣ блаженства земного существованія ! Я поваръ по призванію ! Такого повара какъ я , скажу безъ хвастовства , вы не скоро сыщете : я занимаюсь моимъ дѣломъ *сop-amore* ; сейчасъ дамъ вамъ возможность судить о моемъ искусствѣ !..

Съ послѣдними словами онъ побѣжалъ въ сосѣднюю комнату, развелъ огонь и застучалъ ножомъ.

Завтракъ дѣйствительно былъ превосходенъ. Онъ стоилъ такъ мало, что совѣстно даже было.

— Къ сожалѣнію я не гастрономъ, сказалъ я : — не могу вполне оцѣнить ваше искусство ; но позвольте привести къ вамъ одного моего знакомаго...

— Онъ любитъ хорошо покушать ?

— Очень !

— Давайте его сюда ! Гдѣ онъ ? Я почту за особое счастье для него что-нибудь состряпать ! воскликнулъ Сотюмье, у котораго запрыгали глаза отъ восхищенія. Главное : любитъ ли онъ супы ! Въ супахъ я особенно силенъ ! *C'est mon fort !* Онъ будетъ доволенъ ; *la bouillabesse, monsieur, la bouillabesse, je ne s'opais-que ça !..*

Если я такъ долго распространяюсь о Сотюмье, который, надо правду сказать, является здѣсь чѣмъ-то вродѣ *hors d'oeuvre*, это потому, что мнѣ нѣтъ никакой возможности поступать иначе. Ницца представляется моему воображенію не иначе какъ съ приправою г. Сотюмье ; для меня покрайней-мѣрѣ первая безъ послѣдняго не существуетъ. Стоитъ сказать при мнѣ : « Ницца ! » стоитъ мнѣ самому о ней вспомнить, и уже фигура Сотюмье является передо мною, какъ тѣ пружинныя монахини, которыя неожиданно выскакиваютъ изъ ящичка когда пожмешь пружину. Личность его, надо сказать, играетъ во всемъ этомъ послѣднюю роль, точно также какъ его обѣды и завтраки. Все дѣло въ тѣхъ счастливыхъ часахъ, которые случалось проводить въ его комнатѣ, смежной съ той, гдѣ сохранялась провизія. Впродолженіи мѣсяца, и чуть ли не каждый день въ этой комнатѣ въ условный

часть сходилась вѣскольکو человекѣ, принадлежавшихъ тогда одному обществу, связанныхъ общимъ интересомъ. Здѣсь рассказывались впечатлѣнія дня, собираемыя каждымъ по одиночкѣ, шло непрерывный обмѣнъ мыслей и наблюдений; въ этой откровенной бесѣдѣ царствовало постоянно столько непринужденной веселости, что каждый запасался ею на весь слѣдующій день; подъ влияніемъ ея самыя впечатлѣнія освѣщались какъ—будто радостнымъ свѣтомъ. Не будь этихъ счастливыхъ часовъ, Ницца въ глазахъ каждаго изъ насъ конечно потеряла бы половину своей прелести. Но зачѣмъ вспоминать о томъ что прошло, чего вѣтъ, чего уже не воротить, какъ не воротить молодости и другихъ еще болѣе драгоценныхъ воспоминаній, освѣщавшихъ жизнь...

Отъ одиннадцати часовъ до двухъ я бродилъ по старому городу и такъ успѣлъ въ это время съ нимъ познакомиться, что въ случаѣ надобности могъ служить проводникомъ любому вновь приѣхавшему туристу. Изъ этого слѣдуетъ, что городъ не представляетъ ничего такого, на чемъ бы долго можно было приковать вниманіе; въ нижней части домовъ магазины и лавки; верхняя представляетъ гладкія стѣны и ряды оконъ съ зелеными жалюзи, — и только.

Возвращаясь домой, я встрѣтилъ извозчицью коляску съ сидѣвшимъ въ ней господиномъ въ сѣрой войлоковой пастушеской шляпѣ. Это былъ баронъ Т., одна изъ самыхъ милѣйшихъ, умѣйшихъ и симпатичнѣйшихъ личностей не только нашей эскадры, но даже изъ тѣхъ, которыхъ мнѣ приводилось встрѣчать въ жизни. Онъ наканунѣ часъ только провелъ въ Ниццѣ и ѣхалъ теперь изъ Вилла-Франки.

— Stopp! stopp!.. закричалъ я, махая черной калабрійской шляпой, которую всѣ носятъ въ Ниццѣ.

Коляска остановилась.

— Васъ-то именно я и ждалъ! сказалъ я, подбѣгая къ дверцамъ.

— А что?

— Вы завтракали?

— Куска во рту не было: голоденъ какъ собака!

— Тѣмъ лучше!

— Какъ?

— Вы слышали о Сотюмье?

— Не имѣю никакого понятія...

— Превосходно; отпустите коляску и войдите со мною...

Мы направились въ Корсо, улицу, гдѣ жила консистенцьер-легитимистъ.

Нечего говорить о завтракѣ; баронъ Т., какъ и слѣдовало ожидать отъ гостронама, пришелъ въ совершенный восторгъ отъ знакомства съ Сотюмье; Сотюмье съ своей стороны, видя канѣль баронъ Т., приходилъ въ трогательное умиленье; онъ клялся, что никогда еще не стряпалъ и впередъ не будетъ стряпать съ такимъ наслажденіемъ какъ для барона Т.

Часовъ около трехъ снова были мы на улицѣ Корсо.

— Что станемъ мы теперь дѣлать? спросилъ баронъ Т.

— Что хотите...

— Нельзя ли пойти посмотрѣть что-нибудь?

— Можно, только вотъ бѣда: въ городѣ рѣшительно нечего смотрѣть.

— Чтоже дѣлать?

— Пойдемте куда глаза глядятъ; повѣрьте, это лучшая метода для прогулокъ по знакомымъ мѣстамъ.

Мы незамѣтно очутились на promenade des anglais. Былъ именно тотъ часъ, когда здѣсь особенно много гуляющихъ; многочисленное стеченіе публики оправдывалось тѣмъ еще, что погода, если только возможно, была еще лучше, теплѣе и лучезарнѣе вчерашней. Тутъ было кажется чуть ли не все чужеземное населеніе Ниццы; цѣлыя кавалькады хорошенькихъ мисъ и леди проносились мимо въ сопровожденіи своихъ кавалеровъ; все остальное прогуливалось пѣшкомъ или ѣхало въ экипажахъ. Одно изъ удовольствій этой прогулки состоитъ также въ томъ, чтобы спуститься по камешкамъ къ морю, выждать волну и взбѣжать наверхъ прежде, чѣмъ она разольется по берегу; многимъ это однакожь не всегда удается, какъ мы имѣли случай замѣтить; особенно часто попадаютъ дамы; захваченныя на дорогѣ волною и путаясь въ своихъ кринолинахъ, онѣ испускаютъ пронзительные крики, подпрыгивая въ пѣнѣ, которая обдастъ ихъ до колѣнъ.

Шагъ за шагомъ прошли мы къ тому мѣсту, гдѣ оканчиваются послѣдніе дома набережной, и гдѣ дорога, слѣзавъ кру-

той поворотъ отъ моря, приводитъ почти къ подошкѣ горы; до настоящей минуты онѣ показывають надъ городомъ только свои верхушки. Трудно представить себѣ что-нибудь живописнѣе этихъ скатовъ, сбѣгающихъ уступами къ морю и перерѣзанныхъ поперекъ глубокимъ извилистымъ ущельемъ, о которомъ я уже упоминалъ нѣсколько страницъ вѣща. Нѣсколько шаговъ, и вы перенесены какъ-будто за десятки миль отъ города; даже виллы, разсыпанныя по откосамъ, нисколько не вредятъ эффекту такого превращенія; напротивъ, онѣ не имѣютъ ничего общаго съ каменной плоской архитектурой городскихъ зданій; отдѣленные другъ отъ друга отвѣсами скалъ или глубокими развѣдинами, полузаслоненныя зеленью, онѣ еще болѣе настроиваютъ мысль къ уединенію.

— Вотъ это такъ! радостно воскликнулъ баронъ Т., какъ всѣ страстные охотники съ ружьемъ, горавій любитель природы: — ну не лучше ли это вашей promenade des anglais! — тотъ же Невскій проспектъ! Досадно только, не сказали вы мнѣ прежде, что сюда отправимся; я ввзялъ бы ружье съ собою; въ этомъ ущельи и на всѣхъ этихъ скаткахъ, я увѣренъ, пришлось бы не разъ выстрѣлить!.. Какая досада, право, что я не ввзялъ ружья!

Я выразилъ тоже сожалѣнье, хотя въ душѣ не могъ не обрадоваться такому обстоятельству. Путешествіе въ Айсало въ пятнадцать верстахъ отъ Севильи, восхожденіе съ барономъ Т. на кремнистую гору за мнимыми куропатками, — было мнѣ еще памятно; я зналъ, что попадись только ружье въ руки барону Т., онъ, изъ проткаго, впечатлительнаго и веселаго собесѣдника, мигомъ превратится въ нетерпѣливаго, озабоченнаго и разсѣяннаго; отсутствіе ружья въ его рукахъ ручалось слѣдательно за нѣсколько часовъ мирной, созерцательной прогулки.

Мы спустились на каменистое дно пересохнувшаго потока и вошли въ ущелье. Оно еще при самомъ началѣ дѣлало такіе прихотливые изгибы, что пройдя нѣсколько шаговъ и обрнувшись назадъ, мы увидѣли себя окруженными со всѣхъ сторонъ испанскими стѣнами скалъ, верхушки которыхъ затушовывались пространствомъ. Мертвая тишина окружала насъ; даже шумъ моря не долеталъ сюда. Ущелье продолжало изгибаться все глубже вѣбываясь въ горы. Природа, несмотря на строгую свою величавость, несмотря на то даже, что сюда раздѣть только въ пол-

день заглядывает солнце, не представляла однакожъ ничего суроваго и мрачнаго; совсѣмъ напротивъ; щеки ущелья отъ камней истока до верхняго края, путавшагося съ облаками, покрыты были сплошною зеленью оливокъ, принявшею въ высотѣ голубоватые оттѣнки и наконецъ сѣрые; мѣстами крутой поворотъ открывалъ въ глубинѣ далекія вершины горъ, покрытыхъ кой-гдѣ снѣгомъ и освѣщенныхъ солнцемъ. Мѣстами, по окраинамъ потока, въ естественномъ углубленіи скалы, то справа, то слѣва, показывались живописныя сельскіе домики и мельницы; опутанныя кудрявыми фестонами плюща и дикаго винограда. Въ потокѣ, какъ я говорилъ, не было капли воды: онъ наполняется только весною; при всемъ томъ, съ каждымъ шагомъ впередъ, сырость и даже холодъ проникали насъ. Здѣсь время года давало себя чувствовать сильнѣе, чѣмъ на открытыхъ мѣстахъ Ниццы, обогрѣваемыхъ круглый годъ солнцемъ какъ у насъ въ іюнь. Зимняя пора высказывалась здѣсь отсутствіемъ цвѣтовъ, которые между тѣмъ въ изобиліи продавались въ Ниццѣ, блѣдною зеленью оливокъ, къ которой не примѣшивалась теперь разнообразная зелень другихъ деревьевъ и растений, стоявшихъ пока обнаженными, — красными листьями винограда, которые пестрели бѣлыя стѣны домовъ и шуршукали подъ ногами. Но все это шло даже къ мѣстности насъ окружавшей и вполне гармонировало съ ея величавымъ, задумчивымъ характеромъ.

Мы подвигались впередъ уже около часу, какъ вдругъ слышали гдѣ-то выстрѣлъ.

Баронъ Т. вздрогнулъ, выпрямился и насторожилъ снова слухъ.

— Не говорилъ ли я вамъ, что здѣсь должна быть охота?... произнесъ онъ, безпокойно озираясь во всѣ стороны: — надо пойти хоть взглянуть...

— Стоитъ ли того... другое дѣло еслибъ ружье было... сказалъ я лицемѣрно.

Въ самую эту минуту раздался другой выстрѣлъ.

На этотъ разъ не было уже никакой возможности удержать барона Т. Напрасно говорилъ я, что изъ этого ничего путнаго не выйдетъ, что выстрѣлы, разбѣгаясь перекатами по ущелью, собьютъ насъ только съ толку и мы никакъ не попадемъ на слѣдъ охотниковъ; ничего не помогло: онъ ринулся въ оливки и началъ

взбираться по кряжамъ, то останавливаясь и прислушиваясь, то съ новымъ, удвоеннымъ усердіемъ продолжая карабкаться въ гору. Такъ пробирались мы часъ покрайней-мѣрѣ. Изъ этого, какъ я говорилъ, ничего не вышло, кромѣ того развѣ, что мы изъ силъ выбились.

Полоса неба въ вышинѣ замѣтно начинала блѣднѣть; пора было думать возвратиться домой.

— Намъ рѣшительно незачѣмъ спускаться на дно ущелья, сказалъ баронъ Т.: — скать, на которомъ мы находимся, противоположенъ тому, который спускается къ Ниццѣ, — это очевидно; стоитъ только стало-быть подняться до вершины, и перевернуться черезъ этотъ скать, чтобы очутиться лицомъ къ городу... Вотъ кстати домикъ какой-то бѣлѣетъ; спросимъ какъ пройти ближе въ Ниццу.

Минуть пять спустя, мы подходили къ дому, запрятанному въ зелени какъ гнѣздо; крыша его покрыта была какъ шавкой влющемъ, который свѣшивался массой на каменный столбъ, подпиравшій роль балкона; изъ чердака торчалъ шестъ съ сушившимся бѣльемъ. Навстрѣчу намъ вышла дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, очень бѣдно одѣтая, но съ такими хорошенькими, умными глазами, которые я до-сихъ-поръ еще помню.

Прибирая вкривь и вкось итальянскія слова, мы просили ее указать намъ дорогу. Робко какъ-то взявъ серебряную монету, она улыбулась, кивнула головою и повела насъ горной тропинкой, изгибавшейся прямо за ея домомъ.

— Я думаю нечему больше утруждать эту бѣдную дѣвочку, сказалъ баронъ Т.: — тропинка сама собою приведетъ насъ къ цѣли... addio la piccolina!

— Addio! проговорила дѣвочка звонкимъ серебрянымъ голоскомъ.

Тропинка мало-помалу начала сглаживаться; приведя насъ къ каменистому откосу, она совсѣмъ исчезла.

— Ничего, сказалъ баронъ Т.: — скоро конецъ горѣ!

Прошло добрыхъ полчаса; тѣмъ выше мы лѣзли, тѣмъ больше казалось оставалось лѣзть. Сумерки между тѣмъ замѣтно сгущались. Свѣжесть становилась также ощутительна, что было несовсѣмъ приятно, если принять въ соображеніе, что оба мы съ головы до ногъ были въ испаринѣ.

— Главное дѣло не надо теперь останавливаться, говорилъ баронъ Т., стараясь ободрить меня; наконецъ теперь мѣсячныя ночи, и мы ни въ какомъ случаѣ не рискуемъ потеряться...

Кончилось тѣмъ единогласно, что мы совершенно сбились съ пути. Темнота, сгущаемая оливами, подъ которыми мы бродили, не позволяла различать предметы въ десяти шагахъ. Немного погодя, мы очутились на небольшой возвышенной каменистой площадкѣ, откуда открылось вдругъ море; но это ни къ чему не повело; вокругъ все-таки провоздвигались горы, покрытыя сплошнымъ лѣсомъ оливокъ. Мы рѣшительно не знали уже что дѣлать съ собою, когда неожиданно въ сторонѣ послышался лай, изъ кустовъ выпрыгнула бѣлая собаченка, и въ тоже время увидѣли мы надъ обрывомъ къ морю двѣ мужскія фигуры.

Насъ окликнули поитальянски, мы отозвались пофранцузски; намъ возражали на этомъ языкѣ, и мы такъ обрадовались этому обстоятельству, что рассказали нашу исторію прежде еще, чѣмъ успѣли подойти къ незнакомцамъ. Успокоенные насчетъ дороги самымъ привѣтливомъ, радушнымъ образомъ (оба точчасъ же вызвались проводить насъ до Ниццы), мы весьма естественно выразили желаніе узнать кому обязаны такой услугой.

То были владѣльцы нѣсколькихъ десятинъ оливковыхъ плантацій и дома, который наводился шагахъ во ста; они сверхъ того торговали каменнымъ углемъ и вышли именно сюда въ этотъ вечеръ, чтобы посмотреть, не увидать ли своего корабля, котораго давно ждали изъ Англіи; каждому было лѣтъ подъ сорокъ; оба довольно изрядно говорили пофранцузски.

Они пригласили насъ войти въ домъ, чтобы отдохнуть, обогрѣться и подождать восхода мѣсяца; черезъ полчаса онъ долженъ былъ показаться.

Вскорѣ увидѣли мы передъ собою бѣлыя стѣны дома, полузаслоненнаго деревьями. Насъ ввели въ темныя сѣни, откуда въ просторную комнату, выбѣленную мѣломъ и съ поломъ выстланномъ кирпичемъ; комната очень просто но чисто меблированная, ярко освѣщалась широкимъ пламенемъ камина съ навѣсомъ, упавшимся въ потолокъ. Передъ огнемъ, на низенькой скамейкѣ сидѣла дѣвушка лѣтъ шестнадцати, державшая на рукахъ совершенно голенькаго годового ребенка, который весело вскрикивалъ, подпрыгивая на ея колѣнахъ; дѣвушка такъ была хо-

реша собою и вообще вся эта группа так поразала неожиданною своею граціею, что мы въ первую минуту остановились какъ бы пригвожденные къ порогу.

— Позвольте вамъ рекомендовать мою дочь! сказалъ одинъ изъ мужчинъ, который показался намъ помоложе; впрочемъ оба такъ были похожи другъ на друга, что мы приняли ихъ за родныхъ братьевъ.

Мы не могли утерпѣть, чтобы не выразить ему нашего удивленія, возбужденнаго красотою его дочери.

— Это до меня теперь почти не касается, возразилъ смѣясь отецъ: — такія похвалы должны быть особенно приятны моему зятю, добавилъ онъ, указывая на сосѣда.

— Какъ? но вы оба почти однихъ лѣтъ! воскликнули мы въ одинъ голосъ: — мы приняли васъ за двухъ братьевъ...

— Нѣтъ, это мой тестъ, это моя жена, а bambino — смѣянно! сказалъ второй господинъ, поглядывая на хорошенькую женщину, которая весело намъ улыбалась, играя съ ребенкомъ.

— Сколько же лѣтъ вашей женѣ?

— Зимю минуло шестнадцать.

— Какъ?

— Вы вѣрно удивитесь еще больше, когда узнаете, что этотъ bambino мой третій ребенокъ.

— Сколько же лѣтъ было вашей супругѣ когда вы на ней женились?

— Двѣнадцать лѣтъ; мы уже четыре года какъ женаты.

Я зналъ, что въ Сициліи и Испаніи, гдѣ женщины созрѣвають нѣсколькими годами раньше чѣмъ на сѣверѣ, такіе браки не диковинка, особенно въ вѣстомъ класѣ; но никакъ не думалъ я встрѣтить въ Пьемонтѣ тѣже случаи преждевременнаго развитія, физическаго только конечно; потому узнали мы, что такіе браки и здѣсь очень обыкновенны.

Къ сожалѣнію милая наша хозяйка ни слова не говорила по-французски; любезность ея ограничивалась добрыми улыбками и приготовленіемъ для насъ лимонада.

Снабдивъ аматріоновъ нашими адресами, мы оставили домъ и вскорѣ выведены были на широкую дорогу, спускающуюся воль гору. Мы теперь ни въ какомъ случаѣ уже не могли сбѣгъ съ пути; несмотря на то, обязательные два господина не хотѣли

разстаться съ нами прежде чѣмъ въ глубинѣ открылась Ницца, изгибавшаяся бѣлымъ полукругомъ по берегу залива, высеребрянаго полнымъ мѣсяцемъ.

До Ниццы оставалось добрыхъ полчаса ходьбы.

Передать вамъ не могу то сладостное впечатлѣнiе, подѣляемию котораго совершили мы окончанiе нашей прогулки.

Къ ночи стало какъ-будто опять теплѣе; можетъ быть это было оттого, что насъ теперь защищала отъ сѣвера хребеть горъ, обращенныхъ къ югу. Воздухъ не трогалъ ни однимъ листочкомъ; было такъ тихо, что даже съ этой высоты можно было явственно различать мѣрный плескъ волнъ, ударявшихъ въ берегъ «англійской прогулки»; подлѣ слышно было какъ капли росы ниспадали съ листьевъ; блѣдная зелень оливокъ, освѣщенная полнымъ мѣсяцемъ, придавала всей массѣ горъ, обступавшихъ заливъ, видъ фантастическихъ серебристыхъ облаковъ, спускавшихся къ морю; сквозь паръ, носившійся кой-гдѣ надъ долиной, мигали огоньки Ниццы...

По прошествiи нѣсколькихъ минутъ забыты были всѣ неудачи долгой, утомительной прогулки; мы весело говорили о ней и съ увлеченiемъ дѣлали проекты на завтрашнiй день, предполагая снова отправиться въ горы.

Но на другой день произошло слѣдующее:

Рано утромъ входитъ въ мою комнату С.

— Новости! говоритъ онъ: — большiя новости!..

— Что случилось?

— Мы уходимъ изъ Ниццы!

— Куда?

— Въ Геную; пришолъ приказъ немедленно присоединиться намъ къ эскадрѣ, которая по всей вѣроятности уже въ Генуѣ...

— Долго мы тамъ пробудемъ?

— Нѣтъ, всего нѣсколько дней...

— Потомъ?

— Снова въ Ниццу на мѣсяцъ; потомъ на три мѣсяца въ Палермо...

— Стой, довольно и этого! воскликнулъ я и началъ радостно одѣваться.

Въ тотъ же вечеръ, часовъ около шести корабль нашъ поднялъ якорь и вышелъ изъ гавани Вилла-Франка.

Но такъ уже видно опредѣлено было судьбою, чтобъ дурная погода сопровождала насъ каждый разъ, какъ приводилось намъ входить въ гавань или снова пускаться въ море. Дождикъ казался только и ждалъ минуты нашего выхода. Онъ вдругъ полилъ какъ изъ ведра, лилъ всю ночь и не переставалъ лить во все время, какъ мы бросали якорь въ гавани Генуи.

Изъ этого слѣдуетъ, что общая панорама Генуи, которая говорятъ по красотѣ своей не уступаетъ со стороны моря видамъ Неаполя и Константинополя, пропала для меня совершенно. Придерживаясь правдѣ, долженъ сказать, меня постигла также участь, когда я возвращался назадъ изъ Генуи и потомъ, когда вторично посѣтилъ этотъ городъ. Туманъ, мелкая изморозь и дождикъ преслѣдовали меня неотступно. Впечатлѣніе ограничивалось всякій разъ бѣлою массою домовъ, которые по срединѣ лѣзли въ гору, а по бокамъ постепенно суживались и огибали амфитеатромъ широкую гавань, замкнутую послѣдними хребтами Альповъ. Какъ ни досадно было, но тѣмъ неменѣе я съ какимъ-то лихорадочнымъ нетерпѣніемъ шорывался къ борту корабля, стараясь занять первую вольную шлюпку. Такъ какъ корабль не вошелъ въ самую гавань, но бросилъ якорь въ полумили отъ города, пришлось слѣзть порядочный конецъ въ шлюпкѣ, что не совсѣмъ было приятно: сверху сыпало дождемъ, сбоку обдавало пѣной, а снизу такъ подбрасывало, что надо было крѣпко держаться за скамьи, чтобы не грохнуться на дно шлюпки. Наконецъ вошли мы въ такъ-называемую купеческую гавань. Она уставлена была такимъ множествомъ судовъ, что между ними приходилось пробираться, какъ въ лабиринтъ улицъ. На пристани и подъ темными массивными арками старыхъ зданій, окружавшихъ набережную, толкалось и шумѣло множество народу; тутъ нагружали и выгружали суда, перекатывали бочки, тянули блоки, стучали топорами, таскали тяжести, тюки и товары всякаго рода.

Недалеко отъ набережной, въ узенькой улицѣ, имѣвшей видъ какого-то мрачнаго ущелья, находилась гостиница, которую намъ рекомендовали въ Ниццѣ; насъ ввели въ громадную прихожую со сводами и мраморными колоннами; широкая лѣстница изъ бѣлаго мрамора, перехваченная арками и колоннами вела въ верхніе этажи. Прихожая эта служила когда-то глав-

нымъ входомъ въ palazzo адмиралтейства, который время и еще болѣе обстоятельства владѣльцовъ превратили въ скромный albergo. Такого рода превращенія на каждомъ шагу встрѣчаются въ Италіи. Признаюсь, не могу видѣть въ этомъ поведѣ возносить скорбныя жалобы и сѣтованія противъ распоряженій судьбы; обвинѣвшая аристократія Италіи не въ состояніи поддерживать безчисленную массу своихъ дворцовъ; не лучше ли сдѣлать эти дворцы переходомъ въ руки людей промышленныхъ, которые изъ тщеславія или выгоды, но станутъ ихъ поддерживать и такимъ образомъ спасутъ ихъ отъ конечнаго разрушенія. Что за важность, если мраморныя полы и лѣстницы, похищаемыя когда-то Доріями, похищаются теперь подошвами какого-нибудь торгоша; еслибъ отмѣчать и оставлять неприкосновенными всѣ мѣста, гдѣ жили когда-то только шегиты, но даже великіе люди, пришлось бы остальному человѣчеству за наимѣнѣемъ мѣста переселиться на другую планету.

Одна изъ отличительныхъ чертъ Генуи — это неизвѣстная высота ея домовъ. Каждый домъ хочетъ имѣть видъ на море; стѣнные пространства, дома лѣзутъ одинъ выше другого и какъ бы приподымаются на цыпочки, чтобы заглянуть черезъ крышу своего сосѣда. Благодаря такому соревнованію, я потерялъ счетъ ступенямъ прежде, чѣмъ достигъ своего номера; перейдешь два-три поворота лѣстницы: «Здѣсь?» — «Нѣтъ, выше!» еще три-четыре поворота: «Здѣсь?» спрашиваешь, едва переводя духъ: — «Еще выше!» Лѣзешь, лѣзешь — конца нѣтъ. Между тѣмъ стѣны сосѣдняго дома, до котораго и ногъ конулись рукою изъ окна моей комнаты, были еще выше; у подошвы ихъ словно на днѣ колодца открывалась площадка, буйвально запруженная народомъ; пространство, отдѣлявшее ее отъ меня, такъ было велико, что говоръ и шумъ долетали до меня, какъ жужжаніе вчелъ.

Первымъ дѣломъ разумѣется было сойти скорѣе внизъ и приступить осматривать городъ.

Какъ я вамъ сказывалъ, городъ расположенъ по скату горы; внизу у моря тѣснится такъ-называемый нижній городъ; съ основаніемъ его, что произошло говорить въ 700 лѣтъ до Р. К., городъ конечно перестраивался сотни разъ, но первоначальное его расположеніе и виды остались по всей вѣроятности неизмѣнно тѣми.

Физиономія этой нижней части Генуи носитъ особенный типическій отпечатокъ; подобное этому встрѣтили мы потомъ въ одной только Италіи. Все это представляетъ совершеннѣйшій лабиринтъ узенькихъ, извилятыхъ улицъ, затемненныхъ высочайшими домами, которые какъ бы валятся на голову, оставляя въ вышинѣ тонкую, неровную полоску синяго неба; все свидѣтельствуетъ, что во время постройки ихъ не предвидѣлось даже въ будущемъ возможности существованія экипажей; на ста шагахъ нѣрѣдко приходится нѣсколько разъ подыматься или спускаться по ступенькамъ, чтобы продолжать путь. Поминутно варазо и вѣвво открываются мрачные переулочки, темные своды или углубленія, гдѣ посреди мрака мелькаетъ крошечное изображеніе святого или образъ мадонны съ мигающей передъ нимъ лампадкой. О тротуарахъ конечно нѣтъ и помину. Иное зданіе выступаетъ такимъ рѣзкимъ угломъ, что обогнуть его можно только развѣ пѣшекою; изъ-за угла неожиданно выходимъ на тѣсную площадку, замкнутую мраморнымъ порталомъ церкви, потернѣвшимъ отъ времени, или заставленную рядами шеренговыхъ лотковъ и лавченокъ съ овощами, пирогами, хлѣбомъ и проч.; тутъ же на воздухѣ поджариваютъ рыбу, варятъ risotto и пекутъ кукурузныя лепешки. Толны матросовъ всѣхъ націй, поселяне, торговки въ своихъ національныхъ костюмахъ, мѣстные обыватели: все это шумитъ, покупаетъ, продаетъ, спуетъ и движется между группами ословъ, которые несутъ на рынокъ припасы въ плетеныхъ корзинкахъ. Крѣпкій запахъ оливковаго пережжонаго масла, который бросается въ носъ при первомъ шагѣ, ясно говорить, что вы нигдѣ больше, какъ въ итальянскомъ городѣ.

Мнѣ особенно памятна въ этой части Генуи одна улица.

Она находится непосредственно за площадкой, которая подлѣ гостиницы. Представьте себѣ длинный, узкій коридоръ, освѣщенный только сверху узкою полоскою неба; въ обѣ стороны внизу идутъ непрерывные ряды магазиновъ и лавокъ, которые незакрыты со стороны улицы, какъ у насъ въ Европѣ, но представляютъ свой товаръ наружу, подобно тому, какъ это дѣлается на востокѣ. Товаръ исключительно состоитъ здѣсь изъ коралловъ, филиграновыхъ вещей, раковинъ, церковной утвари, оружія, кубковъ всякаго рода, ожерелій и безчисленнаго мно-

жества дорогихъ металлическихъ издѣлій. Все это навалено горами и плашма освѣщенное сверху, рѣзко выдѣляется на сумрачномъ, смолистомъ фонѣ стѣнъ и еще ярче выступаетъ изъ темнаго дна магазиновъ, въ которыхъ на рембрантовскіи манеръ рисуются старыя и молодыя фигуры торговцевъ. Живыя группы покупателей, которые тѣснятся съ обѣихъ сторонъ, вестрая толпа, разукрашенные цвѣтными кистями ослы, которые жмутся посрединѣ, группы курильщиковъ подъ сумрачными входами въ кофейные дома, и наконецъ самый характеръ товара, облидаго свѣтомъ или растушованнаго густою тѣнью, все это на каждомъ шагѣ представляетъ великолѣпные, картинные мотивы, которые сами собою просятся на полотно.

Достигнувъ конца улицы, я зашелъ въ кафе, чтобы закурить сигару. Народу было много; шоль общій, оживленный разговоръ о Ристори; главнымъ ораторомъ былъ самъ хозяинъ кафе. Ристори давала въ этотъ вечеръ послѣднее свое представленіе въ роли Федры.

— Есть ли еще надежда достать билетъ? спросилъ я, обращаясь къ хозяину.

— Сколько угодно! отвѣчалъ онъ довольно свободно по французски: — Ристори у насъ не очень любятъ; ей даже мало стали хлопать въ послѣднее время!

— За что такъ?

— Она играетъ преимущественно въ чужихъ краяхъ...

— Чтожъ изъ этого? тѣмъ лучше для васъ: она этимъ способомъ увеличиваетъ артистическую славу своего отечества...

— Этого намъ не нужно, мы за этимъ не гонимся! Вотъ актеръ Модена, тотъ совсѣмъ другое дѣло. Il travaille aussi bien que la Ristori, а между тѣмъ не гонится за чужеземной славой; чего же лучше: Людовикъ Наполеонъ предлагалъ ему большія деньги, чтобы играть въ Парижѣ, — онъ не согласился; онъ хочетъ играть только для своихъ соотечественниковъ; за это мы его и любимъ!..

Все это могло быть совершенно справедливымъ, но я поспѣшилъ однакожъ отправиться въ театръ, чтобы заблаговременно записаться билетомъ. Улица, о которой я говорилъ, приводитъ въ верхнюю и вмѣстѣ съ тѣмъ аристократическую часть города. Попасть туда впрочемъ не совсѣмъ удобно: улица замыкается от-

вѣсною стѣною; справа только подъ острымъ угломъ оставлень проходъ, въ которомъ устроена каменная лѣстница. Съ этой стороны это единственное сообщеніе между верхней и нижней частями Генуи; тутъ постоянно происходитъ давка; не помню, чтобы когда-нибудь случалось проходить по этому мѣсту безъ того, чтобы не встрѣтить, кромѣ толпы, людей съ тюкомъ за спиною, бочкой или корзиной на головѣ; одни быстро сбѣгаютъ по ступенькамъ, другіе также быстро поднимаются; сколько замѣтно, генуэзецъ не такой суета и крикунъ, какъ неаполитаецъ и сицилиецъ, которые деруть горло и бѣснуются безо всякой видимой причины, но онъ вообще дѣятеленъ, промышленъ и всегда въ постоянномъ движеніи.

Переходъ изъ нижняго города въ аристократическій кварталъ очень рѣзокъ; съ перваго взгляда бросается въ глаза просторъ и свѣтъ, прежде всего открывается широкая площадь; за исключеніемъ немногихъ частныхъ построекъ, она вокругъ обставлена великолѣпными мраморными дворцами: лучшіе изъ нихъ впрочемъ стоятъ съ закрытыми жалузи и наглухо заколоченными воротами. За ними гора подымается такъ круто, что дворцы, построенные выше на откосахъ или искусственныхъ терасахъ, рисуются цѣликомъ отъ самаго своего основанія до верхушки. Шуму и движенія здѣсь также очень много; къ нему присоединяется еще трескъ экипажей, щелканье бичей и крикъ кучеровъ, одѣтыхъ какъ въ Парижѣ, въ клеенчатую шляпу и красный жилетъ. Въ этой толпѣ особенное вниманіе обращаютъ на себя женщины; типъ, сколько я замѣтилъ, здѣсь очень смѣшанный, но въ общей массѣ онѣ очень красивы; особенно хороши блондинки съ черными, блестящими глазами и длинными, темными рѣсницами. Большая часть, вмѣсто нелѣпыхъ шляпокъ, покрываютъ голову бѣлымъ кисейнымъ *pezzotto*, родъ вуаля, который прикрѣпляется къ гребню и ниспадая по обѣимъ сторонамъ лица, окутываетъ плечи; лица, и безъ того красивыя, получаютъ отъ этого особенную какую-то привлекательную вѣжность; я встрѣтилъ здѣсь также въ первый разъ хорошевыхъ, румяныхъ и молодыхъ абатовъ въ треуголкѣ, черныхъ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ блестящими пряжками.

Въ этой части города находится между прочимъ улица, *Strada*

da Nuova, которая съ первыхъ шаговъ прямо переноситъ васъ въ шестнадцатый вѣкъ; въ обѣ стороны тянется непрерывный рядъ дворцовъ; къ сожалѣнiю улица такъ узка, что глазъ не въ состоянiи обнять любое зданiе выше второго этажа. Лишонные свѣта и пространства, затемнинные еще сверхъ того временемъ, дворцы эти сохраняютъ тотъ мрачный, суровый характеръ, которыми отличались ихъ прежнiе владѣльцы; окна нижняго этажа защищены желѣзными рѣшотками; ржавчина, размываемая столько лѣтъ дождями, избороздила рыжими полосами мраморныя стѣны; окна верхнихъ этажей часто заколочены наглухо; иногда вмѣсто замкнутыхъ тяжелыхъ дверей, обитыхъ желѣзомъ, неожиданно открывается парадный входъ со сводами: штучный, цвѣтной, мраморный полъ его на одномъ горизонтѣ съ улицей, чтобы безпрепятственно могли въѣзжать экипажи; изъ потолка виситъ на цѣпи саженный фонарь самаго причудливаго рисунка; вправо и лѣво подымаются зигзагами широкiя лѣстницы и галереи, перехваченныя арками, колонами и консолями, украшенными мраморными шарами, львами, гербами и статуями, большею частью безъ носа, безъ пальцевъ, съ черными пятнами копоти въ изгибахъ драпировокъ; точно декорации въ театрѣ, или картины извѣстнаго Робера, любителя такихъ перспективъ.

Дворцы эти принадлежали когда-то (нѣкоторые и теперь еще принадлежать) липамъ, прадѣды которыхъ играли блестящую роль въ исторiи средневѣковой Италии. Многiе изъ потомковъ дожей, сенаторовъ и вельможъ, несмотря на то, что раззорены до тла, и теперь еще живутъ во дворцахъ своихъ; но теперь уже собственно въ этомъ заключается только вопросъ экономическiй — вопросъ, чтобы избавить себя отъ необходимости платить за квартиру; они обыкновенно занимаютъ нѣсколько комнатъ вверху или на заднемъ дворѣ и отдаютъ парадныя залы и входы, расписанныя фресками подъ гостиницу или въ наемъ частнымъ лицамъ. Ведутъ они большею частью жизнь замкнутую, какъ бы стыдясь выставить на свѣтъ рѣзкiй контрастъ громкаго историческаго имени съ протертымъ пальто, прикрывающимъ ихъ плеча. Жизнь ограничивается чашкой кофе утромъ, блюдомъ брокколи въ полдень, и вечеромъ — креслами въ театрѣ, потомучто безъ музыки здѣсь не живутъ, точно также какъ

безъ хлѣба. Нѣкоторые, но такихъ немного, владѣютъ еще огромнымъ состояніемъ своихъ предковъ; но время и на нихъ произвело свое дѣйствіе: они большею частью занимаются разнаго рода предпріятіями и спекуляціями, стараясь увеличить свои капиталы.

Возвращаясь изъ кассы театра, гдѣ посчастливилось мнѣ достать билетъ, я встрѣтилъ С., одного изъ товарищей по путешествію; С. былъ уже нѣсколько разъ въ Генуѣ и зналъ ее въ совершенствѣ. Такъ-какъ время было обѣдать, онъ повелъ меня въ café concordia, лучший ресторанъ города. Онъ занимаетъ великолѣпный дворецъ; входъ изъ бѣлаго мрамора превращенъ въ цвѣточную лавку; мраморная лѣстница приводитъ на широкую терасу, уставленную апельсинными деревьями; посерединѣ фонтанъ, вокругъ идутъ залы; можно обѣдать на самой терасѣ, можно обѣдать и въ залахъ, имѣя передъ глазами цвѣлую апельсинную рощу.

Въ Конкордіи С. познакомилъ меня съ Д., польскимъ эмигрантомъ, который уже пятнадцать лѣтъ находился въ сардинской службѣ; Д. въ свою очередь свелъ меня съ нѣсколькими молодыми людьми, принадлежащими высшему генуэзскому обществу; благодаря такому обстоятельству, я получилъ возможность осмотрѣть всѣ частные дома и дворцы, гдѣ только находилось что-нибудь замѣчательное по части искусствъ.

Генуя не имѣла своей оригинальной школы живописи, скульптуры и архитектуры; бывъ родиной цѣлой фаланги художниковъ, она тѣмъ не менѣе не можетъ выставить ни одной изъ тѣхъ знаменностей, которыми такъ справедливо гордятся Римъ, Флоренція, Миланъ, Венеція, Сиенна и другіе города и городки остальной Италіи. Въ числѣ художниковъ Генуи являюся однакожь замѣчательные таланты: братья Кальви, Лука Камбіазо, Кастелло, Тавароне, Піола, Карлоне и другіе; но всѣ они развивались внѣ отечества и каждый подчинялся вліянію той школы гдѣ учился. Если всѣ роды генуэзскаго искусства отличаются отсутствіемъ самобытнаго, національнаго типическаго стиля, вѣднѣ этого, они поражаютъ страшнымъ своимъ разнообразіемъ и въ общей сложности даютъ дворцамъ Генуи такой роскошный характеръ. Этому много также способствовали художники, которыхъ вельможи и богачи Генуи вызывали изъ всѣхъ частей

Италіи для украшенія своего города. Такъ напримѣръ знаменитый въ то время римскій архитекторъ Галеаццо Алесси, прожилъ здѣсь пятнадцать лѣтъ; Генуя обязана ему лучшими своими здаіями.

Великолѣпная наружность этихъ palazzo не обманывала въ свое время ожиданій: внутри они были еще великолѣпнѣе. Эти фасады изъ цвѣтного мрамора, почернѣвшіе отъ времени и страшно теперь запущенные, служатъ какъ бы предисловіемъ тому что встрѣтишь въ самомъ зданіи, когда отворится дубовая дверь, обитая желѣзомъ. Громадныя прихожія сверху до-низу расписаны фресками; потолки и стѣны другихъ залъ и комнатъ тоже покрыты живописью; но все это исчезаетъ мѣстами подъ копотью, мѣстами изъѣдено сыростью или исполосовано паутинами. Спускаясь или подымаясь по мраморнымъ лѣстницамъ, украшеннымъ колонами, статуями, нишами, вычурными пилястрами, вы чувствуете какъ подъ ногами хруститъ пыль, которую не смѣтали болѣе столѣтія; кучки сору чернѣютъ во всѣхъ углахъ. Если въ palazzo находится картинная галлерей, galleria dei quadri, васъ проведетъ туда старый оборванный слуга, — единственный смотритель дома, замѣнившій прежнія толпы раззолоченныхъ лакеевъ, тѣснившихся на этихъ самыхъ лѣстницахъ. Многіе дворцы сохранили еще мебель временъ патрициевъ республики; стертая позолота на рѣзныхъ орнаментахъ, украшающихъ разнаго рода мебель, обнажаетъ бурый грунтъ или дерево; цвѣтной штофъ съ широкими разводами виситъ ключьями передъ окнами, а полъ едетъ подъ густымъ слоемъ пыли. Нѣкоторые изъ этихъ дворцовъ, какъ напримѣръ: Паллавичини, Адорно, Маджи, Жіорджіо Доріа, Бриньоле-Сале, поддерживаются добрымъ образомъ, благодаря сохранившемуся или вновь найденному состоянію своихъ владѣльцевъ.

Картинная галлерей послѣднихъ двухъ особенно замѣчательна.

Теперешній Доріа, маркизъ Жіорджіо, какой-то чудакъ, эксцентрикъ, который всѣхъ боится, ото всѣхъ прячется, такъ что его по цѣлымъ годамъ никто не видитъ; но къ счастью домою завѣдуетъ жена, маркиза Тереза, женщина умная, энергичная и притомъ страстная любительница искусствъ; она сама занимается живописью и пишетъ отличные пейзажи: ей уже подъ шестьдесятъ; но въ ней столько еще воодушевленія, она

такъ любезна и привѣтлива, что съ перваго визита дѣлается яснымъ, отчего ея гостинная, не смотря на дикость самаго маркиза, который впрочемъ никогда и не показывается, считается самою пріятною въ городѣ. Пріемныя комнаты отличаются необыкновенною простотою; всю роскошь составляютъ картины и очень хорошо сохранившіяся фрески на потолкахъ.

Картинъ немного; маркиза выбрала только лучшія изъ многочисленныхъ галлерей мужа и своихъ предковъ; они родомъ Гримальди.

Первое мѣсто въ этомъ драгоценномъ собраніи принадлежитъ портрету герцогини Сфорца, писанному Винчи; это дѣйствительно такое сокровище, которое можетъ считаться въ числѣ совершеннѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, самыхъ сохранившихся произведеній гениальнаго живописца; онъ повѣшенъ отдѣльно, въ крошечной уютной гостиной надъ диваномъ, любимымъ мѣстомъ хозяйки дома. Въ другихъ комнатахъ находится между прочимъ обрученіе Якова съ Рахилью Гверчино, — картина красоты и граціи необыкновенной. Я видѣлъ и прежде и послѣ множество произведеній этого художника, видѣлъ наконецъ въ Римѣ знаменитую его Петрониллу, но картина маркизы Дорія затмила въ моей памяти всѣ остальные; она бросаетъ совсѣмъ новый свѣтъ на художника, о которомъ нѣтъ возможности сдѣлать на примѣръ конечнаго приговора въ Луврѣ и Эрмитажѣ.

Почти тоже можно сказать въ отношеніи къ Вандику, произведенія котораго встрѣчаются въ такомъ изобиліи въ Генуѣ, — особенно во дворцѣ Бриньоле-Сале; все что написано здѣсь Вандикомъ, служитъ самымъ полнымъ выраженіемъ зрѣлости и силы его таланта.

До отъѣзда своего въ Италію, Вандикъ, хотя и проявляетъ уже самобытность, но все еще очевидно находится подъ вліяніемъ Рубенса. Въ послѣднюю поѣздку въ Англію, гдѣ писалъ онъ такъ много и гдѣ кончилъ свое поприще, въ манерѣ его проявляется легкость, быстрота исполненія, вынужденная отчасти безчисленными заказами, отчасти выгодною, и сильно вредящая смачному, вкусному письму, которое не послѣднее достоинство въ его произведеніяхъ; картины его этой эпохи, при всей своей поэтической щеголеватости, отличаются блѣдностію, бесловатымъ, линялымъ какимъ-то тономъ. Въ Италію отпра-

вился онъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ. Соврѣвъ уже настолько чтобы выразить свою индивидуальность, онъ тѣмъ не менѣе прибавляетъ здѣсь къ своимъ достоинствамъ чистоту рисунка, необыкновенное благородство стили и блестящій колоритъ венеціанцевъ; онъ изучалъ ихъ съ особенною любовью. Всѣ же качества соединяются въ картинахъ, писанныхъ имъ въ Генуѣ: странствуя по Италіи, онъ два раза былъ въ Генуѣ, жилъ здѣсь довольно долго и здѣсь только работалъ усидчиво и много. Онъ неожиданно вошелъ тогда въ моду, какъ и теперь это случается иногда съ тѣмъ или другимъ художникомъ; вельможи и богатые люди наперерывъ заказывали ему портреты и картины. Самое богатое собраніе находится, какъ я уже сказалъ, въ palazzo Rotto, принадлежащемъ герцогу Бриньоле-Сале; отецъ теперешняго герцога, горячій любитель искусствъ, не довольствуясь вандиками, которые достались ему по наслѣдству отъ предковъ, современниковъ живописца, — скупилъ еще тѣ картины Вандика, которыя продавались раззорившимися старинными фамиліями. Въ одномъ этомъ palazzo Rotto я насчиталъ девять вандиковъ самой блестящей, самой лучшей его манеры (1).

Вообще говоря, въ художественномъ отношеніи Генуя весьма замѣчательный городъ; меньше только говорятъ о ней, потому что сюда рѣже заглядываютъ путешественники. Она лежитъ въ сторонѣ отъ обычныхъ, давно принятыхъ сообщеній между Европой и Италіей: путешественники, отправляющіеся сухимъ путемъ, ѣдутъ обыкновенно прямо на Фравцію и оттуда въ Римъ; пароходы также минуютъ ее; Ливорно и Чивита-веккіа служатъ главными пристанями, а если иногда и заходятъ въ Геную, такъ развѣ на нѣсколько часовъ, едва достаточныхъ, чтобы составить себѣ даже общее понятіе о фізіономіи города.

Говоря о художественныхъ достопримѣчательностяхъ, невозможно не сказать хотя нѣсколько словъ о старомъ palazzo Дорія: въ архитектурномъ отношеніи, онъ чуть ли не первое зданіе города. При выходѣ изъ улицы Balbi или Alberto, онъ невольно останавливаетъ грандіознымъ своимъ фасадомъ изъ бѣлаго мрамора

(1) 1) Несеніе креста; 2) Маркизь А. Ж. Бриньоле верхомъ на бѣлой лошади. 3) маркиза Адорно; 4) Притча о серебряникѣ; 5) Портретъ. 6) Портретъ дамы изъ семейства Бриньоле и ея дочери; 7) портретъ; 8) портретъ мужчины въ богатой испанской одеждѣ; 9) женскій портретъ въ ростъ

шора, боковыми своими аркадами самаго изящнаго очертанія и терасами, которыя спускаются къ заливу. Мимо задняго фасада дворца проходитъ улица. Подъ нею, вправо, по скаламъ разбросанъ великолѣпный садъ; онъ соединяется съ дворцомъ высокими арками, которыя проходятъ надъ улицей; все это, соединенное вмѣстѣ, представляетъ волшебную архитектурную декорацию. Съ переднихъ терасъ открывается видъ на заливъ и городъ, поднимающійся амфитеатромъ у подножя горъ, усѣянныхъ красивыми виллами и садами; впереди, на одной изъ безчисленныхъ платформъ, выложенныхъ мозаикой изъ бѣлыхъ и сѣрыхъ камешковъ, возвышается монументальный фонтанъ съ изображеніемъ Нептуна. Говорятъ, голова Нептуна представляетъ вѣрнѣйшій снимокъ съ головы знаменитаго морехода Андрія Дорія, родоначальника теперешней фамиліи.

Въ художественномъ отношеніи, внутренность дворца еще интереснѣе; лѣпные и писанные орнаменты портона и главнаго входа, большія фрески по стѣнамъ лѣстницы, сочинены и писаны Периномъ-дель-Вага, однимъ изъ лучшихъ учениковъ Рафаэля. Фреска его Горацій Коклестъ и Муцій Сцевола, большой плафонъ, изображающій битву титановъ и группы дѣтей въ видѣ медальоновъ и барельефовъ, уцѣлѣли чудомъ какимъ-то посреди всеобщаго разрушенія; онѣ такъ еще свѣжи какъ будто написаны въ нынѣшнемъ столѣтіи. По близости къ стилю Рафаэля и его манерѣ писать фрески, онѣ, по мнѣнію аббата Ланчи, стоятъ гораздо выше работъ Жуліо-Романо въ Мантуѣ. Повторяемъ, цѣлость этихъ драгоценныхъ образчиковъ рѣшительно надо приписать чуду, потомучто, рядомъ съ ними, соседнія комнаты, представляютъ самую жалкую картину запущенности и разрушенія; стѣны изъѣдены сыростію, живописи или осыпалась, или едва проглядываетъ сквозь пластъ селитрянаго накипа; мозаичскія полы такъ растресканы, что во многихъ залахъ ихъ замѣняетъ грубая, досчатая настилка.

Впрочемъ, какъ уже выше было замѣчено, характеръ заброса, запустѣнія и чего-то отжившаго бросается въ глаза даже въ тѣхъ дворцахъ, гдѣ и теперь еще живутъ настоящіе ихъ владѣльцы. Чтобы привести все это въ такое плачевное состояніе, потребовалось однакожъ менѣе полутораста лѣтъ времени! Кавалеръ де-Бросъ, путешествовавшій въ 1740 году, застаётъ

еще Геную въ самомъ цвѣтущемъ видѣ; въ ивановъ день. онъ принимаетъ участіе въ процесіи, сопровождавшей дожа, облаченного въ мантию изъ малиноваго дамъ, окруженного сенаторами, вельможами и пажимами въ самыхъ дорогихъ, блестящихъ одеждахъ; толпа пестрѣетъ цвѣтными токами съ страусовыми перьями; вездѣ атласъ, бархатъ, драгоценныя каменья, безчисленныя и самыя разнообразныя ливреи, обшитыя гербами, серебромъ и золотомъ. Де-Бросъ встрѣчаетъ на углахъ нѣкоторыхъ улицъ и площадяхъ сборища вельможъ перваго класса; возсѣдая на рѣзныхъ креслахъ, поставленныхъ на самой улицѣ, они толкуютъ съ напыщенной важностію о дѣлахъ республики. Де-Бросъ, которому хорошо знакомо великолѣпіе французскаго двора, удивляется тѣмъ не менѣе страшному богатству внутри дворцовъ Генуи; его поражаетъ наружный видъ этого города, расписаннаго сверху до низу фресками. «Генуя вся покрыта фресками, говоритъ онъ, улицы ея ничто иное, какъ восхитительныя, волшебныя декорации!»

Ото всего этого, какъ видѣли мы, теперь слѣдовъ даже не осталось!

Грустное впечатлѣніе сглаживается развѣ только послѣ солнечнаго заката. Мракъ, потопляющій дворцы и улицы, скрывая ихъ обветшалость, возвращаетъ имъ какъ-будто прежнее ихъ величіе. Мѣстами, громадный полукруглый порталъ открываетъ въ глубинѣ пространный дворъ, обставленный рядами арокъ; смутно обозначаются галереи и лѣстницы, идущія перехватами; одинокій фонарь вычурнаго очертанія виситъ на цѣпи надъ темнымъ входомъ; блѣдный свѣтъ его, едва скользя по ближайшимъ колоннамъ, ветхому мозаическому полу и зацѣпляя кой-гдѣ часть ступеней, обманываетъ глазъ и воображеніе: все кажется тогда великолѣпнымъ! Къ этому обману способствуетъ также многолюдіе и шумъ толпы; къ сумеркамъ весь городъ начинаетъ обыкновенно высыпать на улицу. Въ общемъ сумрачномъ тонѣ мелькаютъ сотни цвѣтныхъ бумажныхъ фоварей, которые берутъ съ собою гуляющіе; повсюду мелькаютъ бѣлыя покрывала или пестрые *pezotto* на головахъ и плечахъ женщинъ. Почти всѣ женщины средняго сословія сохранили еще, за рѣдкими исключеніями, свой національный костюмъ; стоитъ минуту

простоять передъ фонаремъ, чтобы увидѣть нѣсколько хорошенькихъ личикъ, обернутыхъ въ эти покрывала, испещренныя бабочками, цвѣтами, плодами и фантастическими орнаментами. То тутъ, то тамъ, посреди роя цвѣтныхъ фонарей, выступаетъ раззолоченный украшенный гербами и рѣзными украшениями аристократическій портшезъ, несомый ливрейными лакеями. Говоръ идетъ неумолкаемый; на каждомъ шагу, въ звѣкахъ языка, въ восклицаніяхъ, хохотѣ и самомъ говорѣ уловляешь новыя, невѣдомыя до того отгѣнки, такъ напримѣръ безпрестанно слышишь слово: *adieu!* которое употребляютъ здѣсь не при разставаньи, но при встрѣчѣ съ знакомыми. Въ эти часы Генуя совершенно перерождается. Человѣкъ, которому бы случилось провести здѣсь только нѣсколько часовъ ночи, могъ бы вѣрнѣе сказать, что видѣлъ старую, великолѣпную Геную, чѣмъ тотъ, который прожилъ здѣсь нѣсколько сутокъ.

Физиономія города перемѣнилась, надо думать, столько же, сколько нравы и даже самая природа. Старинная поговорка: *Mare senza pesci, monti senza legno, uomini senza fede, donne senza vergogna.*, т.-е. море безъ рыбы, горы безъ лѣсу, мужчины безъ совѣсти, женщины безъ стыда, не имѣетъ теперь никакого смысла, по крайней мѣрѣ насколько могли мы судить въ короткое время нашего пребыванія. Каждый день, за обѣдомъ и завтракомъ намъ подавали превосходную рыбу, пойманную утромъ въ самомъ заливѣ; нижняя часть горъ, окружающихъ Геную, покрыта самою роскошною растительностью; изъ за рѣшотокъ садовъ, надъ терасами дворцовъ и надъ стѣнами вылъ тѣсно группируются лимонныя, апельсинныя, оливковыя и фиговыя деревья; къ нимъ припутываются розовыя лавры и южная акація. Мѣстами поднимаются темныя пирамиды кипарисовъ; все это обвито тучными фестонами винограду и разныхъ южныхъ плющей. Часто, въ этой роскошной лиственной гушѣ, или одиноко на стѣнахъ, или въ глиняныхъ огромныхъ вазахъ, рисуются синеватыя неподвижныя листья алое. Чтожь касается нравовъ, мы встрѣтили самую радушную привѣтливость, соединенную съ необыкновенною простотою обращенія; въ гостиницахъ съ пасъ брали немного и конечно меньше общитывали, чѣмъ въ другихъ городахъ Италіи. Еще менѣе причиня думать, чтобы старая поговорка наша свое оправданіе въ нравахъ жен-

щинъ! Основываясь на всемъ этомъ, можно вывести заключеніе, что восклицаніе Данта :

Ahi genovesi, nomini diversi
Dogni costume e pieni d'ogni magogne
Perchi nou sieto voi del mondo spersi!

т.-е., О генуэзцы, люди лишонные всякаго приличія и полныя хитрости, отчего, до сихъ поръ васъ не разнесло по свѣту! — находить только объясненіе въ той ненависти, которая, въ средніе вѣка, раздѣляла другъ отъ друга города Италіи, и которая къ сожалѣнію быть-можетъ, и теперь еще не совсѣмъ прекратилась!

Окрестности Генуи очаровательны; но городъ самъ по себѣ такъ любопытеяъ, беретъ такъ много времени и притомъ мы были въ немъ такъ мало, что не удалось почти сдѣлать шагу за его стѣны. Въ день нашего отъѣзда условились мы однакожъ подняться на самую высокую точку города съ тѣмъ, чтобы хоть сколько-нибудь получить понятіе объ общей панорамѣ. Съ такою цѣлью пустились мы въ дорогу; но на пути попалась намъ церковь Santa Maria de Carignano, и мы не пошли далѣе; это одна изъ изящнѣйшихъ церквей Генуи. Исторія ея востройки рисуетъ нравы того времени и не лишена занимательности: двѣ враждующія фамиліи, Фіески и Кариньянъ Саули, дворцы которыхъ, стоявшіе рядомъ, и теперь еще существуютъ, были прихожане въ одну и ту же церковь; разъ Кариньянъ является къ обѣдни съ своимъ семействомъ; ему гогорять, что обѣдни сегодня не будетъ, потомучто наканунѣ семейство Фіески заказало особенную службу. Этого довольно было Кариньяну; онъ немедленно заложилъ подлѣ своего дворца великолѣпный храмъ: чтобы поддерживать его достойнымъ образомъ, онъ асигновалъ причту ежегоднаго дохода триста тысячъ франковъ на теперешнія деньги. Дворецъ весь изъ карарскаго мрамора; онъ такъ же запущенъ какъ и большая часть дворцовъ Генуи; внутри во многихъ комнатахъ сохранилась массивная мебель съ позолотой, штофные занавѣсы и ковры; но все это имѣетъ видъ обветшалыхъ декораций, сложенныхъ послѣ какого-то блестящаго, вѣтвѣливаго представленія. Одна изъ боковыхъ лѣзрей открывается въ садъ, или вѣрнѣе на терассу, устроенную на платформѣ скалы, высоко планирующей надъ городомъ.

Трудно представить себѣ что-нибудь поэтичнѣе этого мѣста! Природа Италіи выразилась здѣсь во всей своей пышности; померанцовыя и лимонныя деревья смѣшиваются съ миртами, лаврами и олеандрами; громадные кипарисы бросаютъ длинныя голубыя тѣни черезъ массы зелени. Въ концѣ темной алеи возвышаются, какъ колонны разрушеннаго храма, двѣ пальмы, первыя пальмы, которыя мнѣ случилось видѣть на вольномъ воздухѣ.

Хотя точка эта не слишкомъ высока, — отсюда открывается однакожъ отличный видъ; подъ ногами дугообразно развертывается часть города съ живописными массами своихъ пестрыхъ мраморныхъ зданій, съ своими куполами, зеленѣющими террасами, и бѣлыми воздушными аркадами, уставленными вазами съ алое и окруженными сквозными балюстрадами; далѣе, внизу, темнѣетъ лѣсъ мачтъ, оживленныхъ пестрыми флагами всѣхъ націй; еще далѣе, развертывается великолѣпный голубой заливъ, окаймленный горами, которыя постепенно пропадаютъ и затушевываются голубоватой сіяющей далью...

Къ вечеру того же дня мы прощались съ Генуей, стоя на валубѣ корабля и снова можно сказать не видали общей панорамы, потому что снова пошелъ дождь. На другой день рано утромъ увидѣли мы знакомыя горы Вилла-Франки, и нѣсколько часовъ спустя ѣхали по улицамъ Ниццы.

Здѣсь между тѣмъ ожидала насъ новость.

Въ короткое время нашего отсутствія успѣлъ здѣсь созрѣть и образоваться клубъ, имѣвшій цѣлью соединять каждый вечеръ русское общество. Уже по городу изъ рукъ въ руки переходила печатная програма съ именами учредителей, во главѣ которыхъ находились двѣ дамы; каждому лицу вѣрена была особая специальная часть; въ програмѣ, представлявшей между прочимъ замѣчательный образецъ изящнѣйшаго Французскаго слога, излагалась цѣль асоціаціи, правила и увеселенія, которыми предполагалось услаждать соотечественниковъ. Подъ рубрикою увеселеній напечатано было въ скобкахъ и курсивными буквами: «*Monsieur Alphonse Karr, — ministre des menus plaisirs!*» Лица желавшія записаться въ члены, вносили ежемѣсячно шестьдесятъ франковъ. Открытіе клуба назначено было вечеромъ того дня, какъ прибыла въ Ниццу русская эскадра.

— Что вы объ этомъ думаете? спросилъ я у С.

— Думаю, что все это можетъ быть очень хорошо; только помоему — логики нѣтъ!

— Какъ такъ?

— Очень просто: люди лѣзутъ изъ кожи и платятъ большія деньги, чтобы вырваться какъ-нибудь изъ Морской и Малой-конюшенной, и достигнувъ такой цѣли, т. е. приѣхавъ сюда на-примѣръ, снова хлопчуть и даютъ деньги, чтобы вновь осуществить Морскую и Малую-конюшенную...

Соглашаясь отчасти съ мыслью С., я тѣмъ не менѣе успѣшилъ записаться въ члены. Сколько помнится, я никогда не чувствовалъ особенной антипатіи къ вышепомянутымъ улицамъ Петербурга; я даже съ любопытствомъ, не лишоннымъ нѣкотораго сладостнаго волненія, ожидалъ увидѣть ихъ перенесенными въ Ниццу.

Часу въ десятомъ отправился я по адресу. Квартира клуба помѣщалась рядомъ съ извѣстной цвѣточной лавочкой г. Альфонса Кара. Издали еще бросались въ глаза плоски, украшавшія верхній косякъ двери; окна ярко были освѣщены. Лѣстница, устланная ковромъ и установленная цвѣтами, показывала, что учредители, какъ и слѣдовало ожидать каждому узнающему широкую патуру нашихъ соотечественниковъ, не пожалѣли денегъ на виѣшній блескъ. Убранство комнатъ отвѣчало великолѣпію лѣстницы. Одно только показалось мнѣ страннымъ: несмотря на то, что уже не было такъ рано, въ этихъ великолѣпно-освѣщенныхъ комнатахъ находилось всего на-всего пять человѣкъ: главная учредительница клуба (*dame patronesse*, какъ называлась она въ програмѣ), ея мужъ и три ея родственницы. Было правда еще шестое лицо, молодой грекъ въ національномъ костюмѣ, фустанеллахъ, красныхъ штіблетахъ, шитой курткѣ и фескѣ, котораго я принялъ было за почетнаго члена, но который вскорѣ явился съ подносомъ и оказался крѣпостнымъ человѣкомъ учредительницы: греческій костюмъ являлся здѣсь только какъ обращикъ будущей ливреи, въ которую предполагалось одѣть всю прислугу клуба.

Въ первая же десять минутъ ясно можно было замѣтить, что пятеро лицъ, составлявшихъ пока общество, испытывали сильное волненіе: они тревожно ходили по комнатамъ, прислушивались

къ малѣйшему шуму извнѣ, безпокойно глядѣли на часы, время отъ времени сходились вмѣстѣ и съ видомъ крайней озабоченности шептались между собою. Впродолженіи часа они два раза ринулись къ лѣстницѣ, чтобы встрѣтить еще двухъ соотечественниковъ; но послѣдніе повидимому усилили только чувство тревоги и безпокойства; только и слышались отрывчатая восклицанія: «Не можетъ быть!» «Это ни на что не похоже!» «Ну, нечего сказать!..» и тому подобное. Прополь между тѣмъ часть, другой — никто не показывался; не показывался даже *ministre des menus plaisirs* г. Каръ; увеселенія ограничивались только чаемъ, который разносилъ грекъ въ фуставелахъ.

Не оставалось никакого сомнѣнія, что тутъ что-то не ладно, что происходитъ что-то особенное. Неловко между тѣмъ было спросить въ чемъ дѣло: такой вопросъ былъ бы крайне неумѣстенъ со стороны совершенно незнакомаго человѣка.

Любопытство прослѣдить до конца чѣмъ кончится вечеръ, уступило однакожь во мнѣ мѣсто страшной скуки; ктому же ночь была такъ хороша; невольно манило выйти на воздухъ изъ душныхъ освѣщенныхъ комнатъ. Часу въ двѣнадцатомъ, увидя удобную минуту, я вышелъ изъ клуба никѣмъ незамѣченный.

— Чтоже все это значить однакожь? думалъ я направляясь къ морскому берегу, — очевидно первый вечеръ не состоялся; во можетъ быть немногія лица знали объ этомъ?.. Нѣтъ, програма, сколько сказывали, разослана была по всеѣмъ домамъ... Чтожь бы это значило въ самомъ дѣлѣ?.. Ужь не мистификація ли какая?..

На другое утро все объяснилось.

Во главѣ учредителей, какъ я говорилъ вамъ, находились двѣ дамы. Когда програма была составлена и все было готово для открытія клуба, между ними возникъ вопросъ о томъ, кому быть предсѣдательницей? Предсѣдательница должна была быть: роль ея значилась въ програмѣ. Дамы были одинаково самолюбивы и каждой въ одинаковой степени хотѣлось занять почетную роль. Каждая привялась разумѣется выставлять права свои передъ другой, но такъ какъ это ничего не рѣшило, дамы начали высчитывать одна передъ другой заслуги мужей своихъ. Вопросъ, коснувшись такого щекотливаго предмета, потребовалъ вмѣшательства

постороннихъ лицъ ; послѣдніе окончательно только затуманили и перепутали дѣло. Кончилось тѣмъ, что дамы-учредительницы, наговоривъ другъ другу бездну колкостей, разстались непримиримыми врагами ; г-жа N. объявила, что если г-жа M. будетъ предсѣдательницей, — ни одинъ человѣкъ, ни одна дама изъ ея знакомыхъ не переступитъ порога клуба ; г-жа M. съ своей стороны объявила тоже самое, прибавивъ, что бѣда не велика, что ея общества достаточно, чтобы клубъ процвѣталъ и состоялся.

— Посмотримъ ! замѣтила, говорятъ, г-жа N., лукаво улыбаясь.

Два дня сряду до открытія клуба, г-жа N. ѣздила по всей Ниццѣ и брала слово не только со своихъ знакомыхъ, но брала слово даже съ знакомыхъ ея знакомыхъ не принимать никакого участія въ новомъ клубѣ.

Успѣхъ ея, какъ мы видѣли, превзошелъ всякія ожиданія. Три дня сряду во вновь устроенномъ клубѣ зажигались свѣчи и появлялся грекъ въ фустанелахъ, посѣтители однакожь не увеличивались. Недѣлю спустя, двери клуба были заперты, а на второй недѣли квартиру отдали въ наемъ англійскому семейству.

Тѣмъ все и кончилось.

Русское общество, состоявшее болѣе чѣмъ изъ двухсотъ семействъ, попрежнему въ извѣстный часъ и всякій день продолжало сходиться въ *jardin des plantes*, тотъ самый скверъ съ чахлыми деревьями, о которомъ я упоминалъ въ началѣ этихъ записокъ.

Общество впрочемъ скорѣе приходило сюда, чѣмъ сходилось. Сходились только кружки, между которыми ничего не было общаго ; каждый кружокъ гордо, съ чувствомъ невыразимаго достоинства, держался въ отдаленіи одинъ отъ другого ; такихъ кружковъ было три : аристократическій, — *gentry*, — состоявшій преимущественно изъ семействъ, глава которыхъ достигъ генеральскаго чина или директорства надъ департаментомъ, и наконецъ кружокъ чиновныхъ лицъ и дворянъ разныхъ губерній съ именами, совершенно никому неизвѣстными.

Тѣснота садика, гдѣ каждый почти поневолѣ прикасался локтемъ къ локтю сосѣда, еще рѣзче выказывала такія отличія.

Стоило выйти бывало, чтобы услышать: *Venez par ici; notre société est là!*. Слова эти сопровождались обыкновенно выразительными, взглядом, обращаемыми къ собесѣямъ другого кружка. При всемъ томъ, сколько можно было замѣтить, единственная работа каждаго лица, точно также какъ и наждаго кружка состояла въ томъ, чтобы выставить себя другъ передъ другомъ съ возможно лучшей и выгодной стороны; всё какъ словно обмѣривали себя взглядомъ и каждый взглядъ какъ—будто сказать хотѣлъ: «не думайте, чтобъ я или мы были *кто-нибудь*; мы хотя и сами по себѣ, но нисколько не хуже васъ, быть—можетъ даже лучше!»

Не постигаю, какъ это дѣлается, но встрѣчая иностранцевъ, скажешь только: вотъ это французъ, это англичанинъ и т. д.; наружность ихъ не даетъ ни малѣйшаго понятія о ихъ званіи или общественномъ положеніи; она часто даже приведетъ въ заблужденіе: важную особу примешь за куафера, торгаша за члена парламента; имъ самимъ даже какъ—будто совершенно все равно за кого бы вы ихъ ни приняли. Съ русскими же происходитъ совершенно другое: они какъ будто недовольствуются казаться русскими или просто людьми, ихъ явно беспокоитъ, чтобъ знала сверхъ того кто они такіе и съ кѣмъ именно имѣешь дѣло: съ дворяниномъ ли, секретаремъ ли палаты, генераломъ, лицомъ высокаго общественнаго положенія, дѣйствительнымъ ли статскимъ совѣтникомъ и т. д. Такое стремленіе къ выраженію своего официальнаго значенія такъ сильно въ русскихъ джентльменахъ и даже леди, такъ неразлучно присутствуетъ въ ихъ душѣ и мысляхъ, такъ чисто приводится въ дѣйствіе, что способъ выраженія входитъ уже наконецъ въ привычку, а впоследствии высказывается самъ собою, безъ малѣйшаго напряженія со стороны лица. Вы иногда можете забыть кто вы такой, но уже самая ваша фигура такъ слилась съ формою вашего общественнаго положенія, что даже за границей, несмотря на штатское платье, безошибочно скажешь: вотъ русскій генералъ, вотъ управляющій департаментомъ, вотъ купецъ или просто степнякъ—помѣщикъ.

Опасеніе заговорить богъ—знаетъ съ кѣмъ, съѣсть богъ—знаетъ *подлѣ кою*, выражается здѣсь явно и на каждомъ шагу; не успѣешь просидѣть двухъ минутъ подлѣ незнакомой дамы и ска-

зять, не беспокоить ли ее солнце, скверный вѣтеръ или дымъ, она не утерпитъ, чтобы не спросить: *Pardon monsieur, sans être indiscretè, à qui ai-je l'honneur de parler?..* Сколько разъ случилось мнѣ видѣть въ этомъ саду Ниццы, какъ дама (большею частью такія исторіи бывають съ дамами), выходила изъ своего кружка и занимала свободное мѣсто въ сосѣднемъ кружкѣ; если только послѣдній считалъ себя болѣе аристократическимъ, вновь пришедшая неизбѣжно оставалась въ положеніи одинокой скалы вокругъ равнодушно плещущаго моря кринолинъ и шитыхъ юпокъ.

Впрочемъ такая осторожность въ отношеніи къ скорому сближенію имѣеть можетъ-быть свои основательныя причины. Одна изъ прелестей заграничной жизни заключается въ совершенной свободѣ; свобода эта очевидно нарушается знакомствомъ; знакомство съ иностранцами имѣеть покрайней-мѣрѣ интересъ новизны, и видно вознаграждаетъ за время, употребленное на визиты. Вы знаете, что если лишаетесь интересной прогулки, то съ другой стороны получаете въ обмѣнъ возможность наблюдать чужеземныя нравы; но приѣхать за границу съ тѣмъ, чтобы заводить новыя знакомства между соотечественниками, заводить свои кружки и оставаться въ нихъ безвыходно, это рѣшительно значитъ только, какъ говоритъ С., покидать Малую-конюшенную и платить за это деньги съ тѣмъ, чтобы за границей снова попадать въ Малую-конюшенную.

Другая причина осторожности въ сближеніяхъ быть можетъ еще основательнѣе; она объясняется отсутствіемъ общаго уровня образованія и воспитанія даже въ томъ обществѣ русскихъ людей, которые отправляются въ чужіе края. Дѣйствительно надо быть осторожнымъ, потому что неровенъ часъ и не знаешь на кого наткнешься.

Я могъ бы привести здѣсь сотни случаевъ, самыхъ назидательныхъ, и ограничусь однимъ, потому именно, что онъ происходитъ въ Ниццѣ и въ самый день нашего приѣзда.

Нѣсколько человекъ изъ моихъ знакомыхъ отправились обѣдать въ скромный ресторанъ; они взяли особую комнату. Неожиданно посреди самаго обѣда въ дверяхъ появляется молодой гардемаринъ изъ русской эскадры.

— Извините меня, господа! говорить онъ въ смущеніи: —

крайность одна заставила меня васъ беспокоить. Я и двое моихъ товарищей обѣдали въ сосѣдней комнатѣ; тутъ же, только за другимъ столомъ сидѣлъ незнакомый господинъ, котораго мы приняли сначала за иностранца. Услышавъ, что мы говоримъ порусски, онъ вдругъ сѣлъ къ намъ, потребовалъ шампанскаго, налилъ въ стаканы и сказалъ, чтобъ мы выпили; никто изъ насъ не пьетъ, мы учтиво отказались. «Вы меня не знаете! заговорилъ онъ неожиданно: — пейте, не то худо будетъ!..» Мы рѣшительно отказались, хотя, даю вамъ слово, все это сдѣлано было самымъ учтивымъ образомъ; тогда онъ ударилъ кулакомъ по столу и началъ бранить насъ самыми скверными словами; онъ теперь еще тамъ и грозитъ надѣлать скандалу. Ради бога придите къ намъ на помощь, урезоньте какъ-нибудь... Мы рѣшительно не знаемъ что дѣлать!..

Обѣдавшіе встали изъ-за стола и войдя въ сосѣдную комнату, встрѣтили бѣлокураго, плотнаго господина, который рѣшительно бѣсновался, билъ кулакомъ по столу и изрыгалъ брань и проклятія; увидя вошедшихъ, онъ схватилъ графинъ и принялъ оборонительную позу.

При первомъ словѣ увѣщанія, сказанномъ самымъ деликатнымъ образомъ, онъ бросился къ выходной двери, заслонилъ ее спиною и объявилъ, что никто не выйдетъ отсюда, пока всѣмъ вѣстѣ и каждый порознь не попроситъ у него извиненія.

— Кто же васъ обидѣлъ? спросилъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Тотъ изъ васъ, кто осмѣлился читать мнѣ наставленія! вскричалъ господинъ, потрясая графиномъ: — кто вы, милостивый государь? Кто вы такой? *Votre carte, monsieur, votre carte!* подхватилъ онъ, коверкая французскія слова: — всѣ вы должны отвѣчать за дерзость вашего товарища! Повторяю, никто не выйдетъ отсюда, не попросивъ у меня извиненія!..

Въ противномъ случаѣ онъ грозилъ разбить всѣмъ головы графиномъ.

По всей вѣроятности онъ частію привелъ бы въ исполненіе свои угрозы, еслибъ на крикъ не вбѣжали хозяинъ и люди.

— Боже, это онъ! Опять онъ! вскричалъ хозяинъ ресторана: — мы не знаемъ что съ нимъ дѣлать! Онъ рѣшительно отобьетъ у насъ всѣхъ посѣтителей!

Но сиравакъ открылось, что это былъ русскій дворянинъ, приѣхавшій въ Ниццу лечиться со своимъ семействомъ. Настоящая болѣзнь его, отъ которой могла вылечить его одна развѣ смерть, состояла въ томъ, что онъ пилъ запоемъ и во время пароксизмовъ напивался до бѣлой горячки.

Не зная наприимѣръ такого господина, извольте—ка заговорить съ нимъ и завести знакомство! Извольте также умягчаться патриотическимъ чувствомъ и подъ вліяніемъ его простирать объятія безъ разбору, чтобы попасть на соотечественника, который послѣ первыхъ двухъ словъ скажетъ вамъ: *Ma position est atroce!* и попроситъ у васъ взаймы денегъ.

Впрочемъ надо быть справедливымъ: послѣдніе рѣдко встрѣчаются въ Ниццѣ; они избрали своимъ мѣстопробываніемъ преимущественно Парижъ.

Вообще, что бы тамъ ни говорили, далеко нельзя безусловно восхищаться Ниццей. Природа ея и виды восхитительны; климатъ очаровательный; все это такъ. Да вотъ, чего же лучше: теперь декабрь на дворѣ; припомните что у насъ дѣлается въ эту пору: зима, закутанная въ безобразную овчину, дуетъ въ раскрасившіе пальцы, топаетъ по льду ногами обутыми въ валенки, прячетъ носъ обвѣшанный ледяными сосульками въ мѣховой воротникъ, глухо перетянутый вокругъ шеи гаруснымъ шарфомъ; вьюги, мятели, снѣгъ по колѣна, морозъ такой, что страшно даже подумать!.. Здѣсь, въ тоже время, солнце разливаетъ повсюду теплые лучи, вся природа кротко улыбается, все зелено, вездѣ тепло и наступаетъ время сбора фіалокъ!

Метеорологическія наблюденія, которыя дѣлались въ продолженіи послѣднихъ десяти лѣтъ каждый день въ два часа пополудни, вечеромъ въ десять часовъ и утромъ до восхода солнца, доказываютъ, что каждый годъ, среднимъ числомъ, термометръ опускался только два раза ниже нуля; средняя температура года 15 градусовъ. Снѣгу здѣсь почти не знаютъ; два или три раза въ зиму онъ появляется только кое—гдѣ на вершинѣ Лысой горы. Лѣтомъ, благодаря постояннымъ теченіямъ вѣтра съ горъ и съ моря, большихъ жаровъ не бываетъ. Словомъ рай совершеннѣйшій! Между тѣмъ въ этомъ раю рѣшительно нечего дѣлать человѣку, у котораго здорова печень и нервы въ порядкѣ. Туристъ, одаренный здоровьемъ, положительно долженъ забо-

лѣтъ здѣсь отъ скуки. Городъ отличается полнѣйшимъ отсутствіемъ интереса историческаго и художественнаго; смотрѣть рѣшительно нечего. Ницца ничего больше, какъ огромная гостиница для прїѣзжихъ съ вѣчнымъ Невскимъ проспектомъ, гдѣ съ утра до вечера происходитъ выставка туалетовъ и экипажей и гдѣ тщеславіе ходить подъ руку со скукой невыразимой.

Есть конечно средства устроиться отлично, лучше можетъ быть даже чѣмъ въ другой части Европы, именно: занять особую виллу въ горахъ или въ одной изъ долинъ; но для этого нужно имѣть или славное расположеніе къ одиночеству, или специальную какую-нибудь цѣль, занятіе, или наконецъ надо быть окруженнымъ семействомъ. Во всякомъ случаѣ для этого потребуются средства, которыми не каждый можетъ располагать.

Тѣже средства нужны каждому больному, чтобы независимо отъ райскаго климата Ниццы, не заболѣть еще хуже. Главное дѣло состоятъ здѣсь въ прїисканіи квартиры, которая выходила бы окнами на югъ. Въ противномъ случаѣ, если пройдетъ у васъ боль въ печени, вы получаете ревматизмъ; вылечатся нервы, откроется простуда въ горлѣ и т. д. Не принявъ такой предосторожности, даже здоровый человѣкъ не будетъ знать куда дѣваться отъ стужи!.. Насколько тепло здѣсь на воздухѣ, на столько же, если еще не больше, холодно въ домахъ; кажется какъ-будто весь холодъ и сырость, назначенныя природою для зимы, оставили воздухъ Ниццы, чтобы сосредоточиться между стѣнами ея отелей. Всѣ окна объ одной рамѣ и вообще плохо запираются, неизбѣжное свойство всѣхъ рамъ на югъ; полы мощены каменными плитками; каминны существуютъ для того повидимому, чтобы усиливать струи сквознаго вѣтра; просто бѣда! Къ этому слѣдуетъ присоединить также сосѣдство. Благодаря страшному наплыву путешественниковъ, врядъ ли найдется счастливецъ, которому приведется жить безъ сосѣдей; сосѣдство часто не послѣднее бѣдствіе...

Такъ напримѣръ, влѣво отъ меня помѣщалось семейство англійскаго пастора, — столько же набожное, сколько любознательное семейство. Дочери пастора (ихъ было множество, какъ всегда по большой части у лицъ духовнаго сословія), проводили утро, громко читая или декламируя съ учителемъ итальянскіе стихи; вечеромъ, каждая по очереди садилась за рояль и на-

игривала мотивы духовныхъ псалмовъ, acompанируя сестеръ, которыя подтягивали хоромъ; къ голосамъ ихъ часто присоединялся козлиный голосъ самаго пастора. Такъ продолжалось по нѣскольку часовъ каждый день. Вправо отъ меня помѣщался старый Французъ, какой-то кавалеръ св. Людовика, едва державшійся на ногахъ, перегибавшихся какъ мочалки, но наблюдавшій еще изящество туалета. Все бы еще ничего; но на бѣлу мою, у Француза была собаченка, которую онъ такъ любилъ, что казалось только для ея здоровья и приѣхалъ въ Ниццу; это тѣмъ болѣе основательно, что собачка была совершенно паршива и также едва вѣлочила ноги. День-деньской Французъ болталъ безъ умолку со своей собачкой. Было ли то удовлетвореніе врожденной потребности болтать или влекло его къ тому желанію разсѣять собачку отъ скуки, — не знаю; только съ утра до вечера раздавался дрожащій голосъ, старавшійся казаться еще пискливѣе и произносившій снова съ умысленнымъ пришептываньемъ: «Oh ce petit chien! Voyez donc cette petite bête qui veut faire la tête!.. Mimi! Voulez vous écouter votre maître! Oh Mimi, Mimi!.. и т. д.

Едва съ одной стороны умолками псалмы, — съ другой начиналась бесѣда съ собачкой. Иногда Французъ возвращался домой въ особенно хорошемъ, веселомъ настроеніи духа; тогда онъ *выпадалъ* правой ногою, стучалъ подошвой въ полъ, бойко покрикивалъ на мнимаго какого-то врага и какъ словно выбивался изъ силъ, чтобы пронзить насквозь воображаемой рапирой; или же страшно хохотался и горячась, запѣвалъ пѣсню:

«Je suis le roi de la montagne...
Le roi, le roi, le roi!.. ah! ah!..»

Все это до такой степени бывало иногда несносно, что проклинаешь часъ, когда надо возвращаться въ номеръ.

Короче сказать, Ницца, взамѣтъ своего превосходнаго климата и природы, представляетъ также изрядную долю своихъ неудобствъ; не будь у ней ея очаровательныхъ окрестностей, многіе изъ насъ съ первой же недѣли не знали бы рѣшительно куда дѣться и что съ собою дѣлать. Единственною отрадой были загородныя прогулки. Одна изъ нихъ, въ мѣстечко st-Jean, мнѣ особенно памятна. Изъ Ниццы въ st-Jean двѣ дороги: одна мо-

ремь, мимо гавани Вилла-Франка; другая верхомъ, по *корнишь*. Мы были въ этотъ день на кораблѣ и пошли прямо черезъ Вилла-Франку горами.

День былъ восхитительный.

Выйдя изъ воротъ верхняго города, мы очутились на узкой тропинкѣ, проложенной между старинными стѣнами; съ этой стороны нѣтъ хода для экипажей: колесная дорога проходитъ выше и еще выше соединяется съ *корнишей*. Слѣва, надъ стѣною охваченной солнцемъ, свѣшивались вѣтви лимонныхъ и оливковыхъ деревьевъ; мѣстами выставлялись неподвижныя громадныя листья агавы или алое, зазубренные какъ пила. Крутой поворотъ открылъ подъ ногами, на глубинѣ нѣсколькихъ десятковъ сажень, голубой бассейнъ, гдѣ стояли наши корабли и всю зеленѣющую панораму скатовъ, которые огибали гавань; надъ нами слѣва громоздились на неизмѣримую высоту скалы, сквозившія на солнцѣ между оливковыми плантаціями, расположенными террасами.

Тропинка повинуюсь самымъ мелкимъ неровностямъ почвы, изгибалась какъ змѣя и то выводила насъ къ самому краю обрыва надъ моремъ, то удалялась въ ущелье, то скрывалась въ чащѣ оливъ и фиговыхъ деревьевъ, стволы которыхъ, сверкая мѣстами на солнцѣ какъ червонное золото, разливали вокругъ горячій полусвѣтъ. Изламываясь подъ самыми острыми, неожиданными углами, тропинка замѣтно однакожь лѣзла въ гору и забирала влѣво; четверть часа спустя мы окончательно потеряли изъ виду заливъ и Вилла-Франку. Мы положительно пробирались какъ-будто по холмистому дну темно-зеленаго моря. Мѣстами путь нашъ преграждался обвалившейся скалою, мѣстами остатками древнихъ стѣнъ или римскихъ водоемовъ; это именно та часть приморскихъ Альповъ, гдѣ августовскіе легионы стояли лагеремъ и которая называется Турбіей. Мѣстами путь совсѣмъ пропадалъ или путался съ другими дорогами, что было совершенно одно и тоже. Больше всего сбивалъ насъ съ толку тотъ обманъ для глаза, который приходится испытывать каждому, кто не привыкъ странствовать по горамъ; вотъ, думаешь, глядя вверхъ, вонъ куда ведетъ дорога; ее видно ясно отсюда; незачѣмъ идти по ней и слѣдовать ея капризнымъ изгибамъ; не проще ли бросить дорогу и пройти вверхъ цѣлиной; отсюда тула

всего какихъ-нибудь пять сажень. Бросаешь дорогу и начинаешь лѣзть; но лѣзешь, лѣзешь, и кажется все дальше остается лѣзть. Вотъ кажется сейчасъ достигъ мѣста; — не тутъ-то было! очутишься только у подошвы другого вовсе незнакомаго кряжа; мѣсто, куда направлялся, дѣйствительно надъ вами, но только куда еще какъ высоко!

Потеряться въ этомъ лабиринтѣ нѣтъ однакожь никакой возможности: начать съ того, что то и дѣло между зеленою просвѣчивають бѣлые дома и черепичныя кровли; правда, доступъ къ нимъ довольно труденъ; они ограждены высокими стѣнами и надо хорошо знать мѣстность, чтобы найти къ нимъ тропинку. Наконецъ чуть ли не на каждыхъ двадцати шагахъ попадаются поселяне; они не только укажутъ дорогу, но проведутъ васъ охотно къ самому мѣсту вашего назначенія. Что за добрый и милый народъ эти пиемонтцы! Каждый, я думаю, кто хоть сколько-нибудь прожилъ въ Ниццѣ и ея окрестностяхъ, съ трудомъ удержится отъ такого восклицанія. Часто они неслишкомъ образованы, а тѣ, которые принадлежатъ къ низшимъ класамъ общества, не получили ни малѣйшаго, даже первоначальнаго образованія; а между-тѣмъ натуральныя способности, и чаще болѣе врожденная кротость нрава, развили въ простолюдинѣ чувство какого-то приличія, учтивости, такта, которые дѣлають отношенія съ нимъ чрезвычайно пріятными; какая разница съ Франціей; какое уваженіе къ закону, какое здравое понятіе о правахъ! Въ обхожденіи ихъ замѣтно совершенное равенство безъ малѣйшей зависти и безъ малѣйшей наглости. Въ самихъ солдатахъ незамѣтно ничего солдафонскаго, высокомернаго и отталкивающаго, что не мѣшаетъ имъ однакожь быть отличными солдатами. О трудолюбіи этого народа и говорить нечего; оно доказывается тѣмъ, что вся страна, несмотря на частыя препятствія со стороны каменистаго грунта, сналъ и горъ, такъ воздѣлана, что подобное встрѣчается только въ Бельгій и Саксоніи.

Итакъ, частію справляясь у пѣшеходовъ, частію отыскивая дорогу наавось, мы весело подвигались впередъ. Часа два спусти послѣ выхода изъ Вилла-франки, передъ нами открылась глубокая долина, покрытая густою растительностью; она спустилась прямо къ морю, окаймленному слѣва живописными горами; онѣ переливались на солнцѣ какъ перламутръ или грудь

голубя; бѣлыя крапины на отдаленной отвѣсной скалѣ обозначали городъ Монако. Спускъ по этой долинѣ рождалъ на каждомъ шагу желаніе быть художникомъ. Кромѣ замѣчательныхъ мотивовъ, которые представляютъ здѣсь группы разнообразнѣйшихъ деревьевъ, вся долина устѣяна виллами и живописными домиками поселянъ, стѣнами обвитыми плющемъ и виноградомъ и служащими оградой дворикамъ съ группами дѣтей, земледѣльческими орудіями, осликами, бѣльемъ, перекинутымъ на веревкахъ, словомъ всею тѣмъ что такъ жадно ищетъ художникъ.

Немного нужно времени, чтобы съ этого мѣста выйти къ морю и очутиться въ st-Jean, крошечномъ городкѣ, загражденномъ со стороны Вилла-Франки горнымъ кряжемъ; нѣсколько далѣе онъ выдается въ море острымъ клиномъ.

Тутъ, у самой пристани, находится небольшая гостиница, гдѣ во всякое время можно достать отличную рыбу и устрицы; они тутъ же при васъ и вынимаются изъ воды; лимоны вырвете прямо съ деревьевъ, которыя толпаются со всѣхъ сторонъ.

Изъ оконъ второго этажа открывается одинъ изъ живописнѣйшихъ видовъ на море и горы; съ этой точки горы обрисовываютъ у подошвы своей нѣсколько заливовъ. Надо имѣть большую долю равнодушія и холодности, чтобы вечеромъ къ солнечному закату оторваться хоть на минуту отъ этихъ оконъ.

Горы отсюда довольно далеки; но воздухъ такъ чистъ и прозраченъ, что даетъ возможность явственно уловлять мельчайшія очертанія уступовъ, пропастей и зеленыхъ скатовъ, которые усыпаны красными кровлями и бѣлыми домами. Солнце садится, освѣщая горы нѣсколько сбоку; передать невозможно словами тѣхъ эффектовъ свѣта и тѣни, какими одѣваются горы. Чѣмъ сильнѣе сгущаются тѣни у подошвы въ глубинѣ заливовъ, тѣмъ ярче или нѣжнѣе окрашиваются вершины; тонко-розовые золотистые тоны постепенно смѣняются пурпуромъ, горятъ какъ въ огнѣ, багровѣютъ, путаются съ фіолетовыми отливами, наконецъ обливаются тѣнью и величественно рисуютъ свою профиль въ сгущенной лазури южной ночи.

Прибавьте къ этому цѣлыя флотиліи рыбацкихъ лодокъ, которыя покидаютъ обыкновенно въ это время берегъ, бороздятъ серебряными нитями заливъ и обозначаютъ на немъ пятна косяхъ парусовъ своихъ; прибавьте еще мѣрное всплескиванье

моря и пѣсни рыбаковъ, и вы охотно согласитесь, я думаю, что хорошо провести здѣсь вечеръ.

Такъ хорошо я вамъ скажу, что не будь здѣсь st-Jean, не будь еще другихъ окрестностей, которыя нисколько не хуже, и оставайся только Ницца съ ея promenade des anglais и обществомъ туристовъ, — трудно было бы прожить въ ней болѣе недѣли не умеревъ со скуки!

Д. ГРИГОРОВИЧЪ

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПРЕОБРАЗОВАНІЕ ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНІЯ

Вопросъ объ устройствѣ общественнаго городского управленія на истинно разумныхъ началахъ занимаетъ безъ сомнѣнія одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ ряду тѣхъ вопросовъ, правильное разрѣшеніе которыхъ составляетъ въ настоящее время жизненную, насущную потребность для русскаго общества. Великое значеніе этого вопроса усиливается особенно тѣмъ, что онъ тѣсно связанъ со всѣми возможнѣйшими явленіями нашей общественной жизни. Преобразование городского общественнаго управленія тогда только можетъ достигнуть вполне своей цѣли, когда учрежденія общей государственной администраціи подвергнутся въ соотвѣтствіе съ нимъ коренному измѣненію. Очевидно недостаточно только *установить* хорошія, одобряемая теоріею формы общественнаго устройства; для того, чтобы формы эти могли принести существенную пользу, необходимо, чтобы дѣйствительность представляла полную возможность для ихъ осуществленія: иначе онѣ останутся безъ содержанія, дѣятельность ихъ будетъ парализирована вліяніемъ другихъ учрежденій, основанныхъ на чуждыхъ имъ началахъ. Такимъ образомъ съ вопросомъ объ общественномъ городскомъ устройствѣ тѣсно связанъ вопросъ объ устройствѣ общей государственной администраціи; въ его удачномъ разрѣшеніи лежитъ и рѣшеніе великой задачи — вполне правомѣрнаго опредѣленія отношеній государства къ обществу, правительства къ народу.

Предметъ столь важный не могъ не обратитъ на себя вниманія правительства. Въ недавнее время напечатана программа, данная правительствомъ въ руководство комиссіямъ, образованнымъ въ городахъ для составленія соображеній относительно преобразова-

нія городского общественнаго управленія. Изъ программы этой видно, что общественное устройство городовъ составляло издавна предметъ особенной заботливости правительства. Выраженіемъ этой заботливости были различныя постановленія и административныя мѣры, которыя, какъ сказано въ той же программѣ, привнося въ частности немаловажную пользу, не достигали однако предположенной цѣли. Въ 1821 году еще предположено было приступить къ разсмотрѣнію всѣхъ частей общественнаго управленія. Это важное дѣло было возложено на министерство внутреннихъ дѣлъ, которое и приступило къ нему въ 1842 году. Продолжительное и тщательное изслѣдованіе этого дѣла чрезъ особыхъ командированныхъ министерствомъ чиновниковъ привело къ тому результату, что всѣ недостатки городского устройства произошли будто бы вслѣдствіе уклоненій отъ кореннаго по этому предмету закона (городовой грамоты 21 апрѣля 1785 года). Уклоненія же эти произошли или по укоренившимся обычаямъ стараго времени, или же вслѣдствіе измѣненій, послѣдовавшихъ послѣ изданія означеннаго закона въ самомъ положеніи городскихъ обществъ. Такимъ образомъ въ то время сдѣлалось очевиднымъ, что для улучшенія общественнаго устройства необходимо возстановить въ первоначальномъ его видѣ данное императрицей Екатериной II городовое положеніе, уклонившееся отъ первоначальной своей формы вслѣдствіе вліянія старыхъ обычаевъ и измѣненія условій самой жизни городскихъ обществъ. Принявъ это во вниманіе, министерство внутреннихъ дѣлъ приступило къ радикальному преобразованію городского управленія, съ цѣлью устранить всѣ замѣченныя въ немъ недостатки. Комитетъ министровъ еще въ 1821 году обратилъ вниманіе на тотъ знаменательный фактъ, что лучшіе изъ гражданъ уклоняются отъ общественной службы и повидному приписалъ явленіе это тяжести этой службы. Министерство же внутреннихъ дѣлъ нашло въ общественномъ устройствѣ городовъ слѣдующіе недостатки: 1) отстраненіе отъ общественныхъ дѣлъ потомственныхъ и личныхъ дворянъ, владѣющихъ въ городѣ недвижимою собственностью; 2) нигдѣ не существуетъ общей думы, замѣняемой общественными собраніями, не достигающими цѣли по беспорядочности ихъ составленія; 3) смѣшеніе совѣщательныхъ дѣлъ съ исполнительными и 4) недостатокъ правильнаго опредѣленія правъ и обязанностей общественныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ. Недостатки эти министерство нашло возможнымъ уничтожить, положивъ въ основаніе новаго общественнаго устройства слѣдующія основныя начала: 1) участіе всѣхъ сословій въ общественныхъ дѣлахъ; 2) введеніе двухстепеннаго избирательства и запрещеніе затѣмъ собственно обще-

ственнымъ собраніямъ заниматься другими дѣлами, кромѣ выбора уполномоченныхъ; 3) установленіе болѣе высокаго ценза для избирателей; 4) отдѣленіе совѣщательныхъ дѣлъ отъ исполнительныхъ, и 5) точное опредѣленіе значенія и дѣятельности городскихъ учреждений и должностныхъ лицъ. На этихъ началахъ составлено было положеніе объ общественномъ управленіи Петербурга, высочайше утвержденное 13 февраля 1846 года. Это же положеніе, введенное съ нѣкоторыми измѣненіями въ Москвѣ 1862 года 20 марта, предполагено ввести и въ другихъ городахъ, но министерство внутреннихъ дѣлъ, найдя возможнымъ составить положеніе для Петербурга и Москвы, такъ какъ нужды и потребности тамошнихъ городскихъ обществъ вѣроятно хорошо ему извѣстны, не сочло возможнымъ поступить также съ другими, менѣе ему извѣстными городами; потому оно сочло необходимымъ имѣть въ виду мѣстные соображенія по этому предмету. На этомъ основаніи министерство обратилось къ начальникамъ губерній, предложивъ имъ образовать особыя комиссіи для составленія этихъ соображеній. Въ руководство комиссіямъ этимъ министерство нашло необходимымъ дать подробную програму, излагающую и недостатки общественного управленія и средства для ихъ устраненія, признавши несомнѣнно полезными высшимъ правительствомъ. Затѣмъ програма эта излагаетъ различныя вопросы по общественному управленію, съ подробными объясненіями для надлежащаго ихъ уразумѣнія. Въ циркулярѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, которымъ сопровождается эта програма, выставляется на видъ вся важность настоящаго дѣла и притомъ предлагается начальникамъ губерній внушить членамъ комиссіи необходимость лучшаго устройства городского общественного управленія и принятія самими обществами болѣе заботливаго участія въ собственныхъ дѣлахъ, такъ какъ правительство не можетъ постоянно нести на себѣ бремя заботъ по управленію городами, общества которыхъ должвы сами имѣть попеченіе о своихъ вуждахъ.

Изъ предыдущаго изложенія видно, что правительство наше давно уже сознавало неудовлетворительность и неуспѣшность городского общественного устройства и принимало различныя мѣры для его улучшенія. Спустя тридцать-пять лѣтъ послѣ введенія городского положенія, опытъ ясно показалъ, что это положеніе не принесло надлежащей пользы, что формы общественного устройства, установленныя имъ, далеко не достигли той цѣли, какая предположена была законодателемъ. Исторія развитія у насъ обще-

ственнаго городского управленія представляетъ тѣже печальныя явленія, которыя наполняютъ исторію нашего сельскаго самоуправленія. И эти печальныя явленія не исчезли и въ настоящее время; нѣтъ сомнѣнія, что благодѣтельная цѣль законодательства временъ Екатерины и ея преемниковъ, воззвать къ жизни и дѣятельности начала общиннаго самоуправленія (парализованныя централизаціею), далеко не достигнута въ современной дѣйствительности. Прошло уже болѣе полстолѣтія, какъ города наши пользуются самоуправленіемъ по буквѣ закона, а между тѣмъ городскія общества наши представляютъ лишь слабое подобіе свободныхъ, самоуправляемыхъ общинъ. Впродолженіе столь долгаго времени онѣ не могли выработать ни новыхъ формъ для своего устройства, болѣе для нихъ выгодныхъ, ни вдохнуть жизненный духъ въ формы, данныя имъ положительнымъ закономъ.

Повидимому большинство жителей городовъ нашихъ нисколько не проникнуто сознаніемъ общественныхъ нуждъ, никто почти не сознаетъ своихъ правъ и обязанностей въ дѣлахъ общественныхъ. Большинство гражданъ и самыхъ лицъ, избираемыхъ для управленія общественными дѣлами, смотря на дѣла эти, какъ на что-то совершенно имъ чуждое, не касающееся ихъ частныхъ интересовъ и даже какъ на обременительное занятіе, стѣсняющее ихъ въ общественныхъ ихъ дѣлахъ. Потому большинство и старается всевозможными способами уклониться отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ и чуть не откупается отъ выбора въ какія бы то ни было должности по общественному управленію. Если счастливый случай и поставляетъ иногда энергическихъ и вполне добросовѣстныхъ людей во главѣ общественнаго управленія, то всѣ усилія ихъ обыкновенно оканчиваются самымъ плачевнымъ образомъ: они большей частью падаютъ въ борьбѣ съ окружающей ихъ средой и не видя никакой пользы отъ своей дѣятельности, впадаютъ въ ту же рутину, которой руководствовались ихъ предшественники. При такихъ условіяхъ дѣятельность нашего общественнаго городского управленія не можетъ быть успѣшна. И дѣйствительно оно представляетъ печальную картину, нѣкоторыя черты которой изображены и въ циркулярѣ министерства. На всей дѣятельности этого управленія отражается какая-то странная аномалія, совершенное безучастіе къ общественному дѣлу; самое важное дѣло — выборы, производятся безпорядочно: граждане не собираются на эти выборы, а скорѣе ихъ собираютъ чуть не силой, идутъ на нихъ неохотно, какъ-будто бы исполняя ненужную, пустую формальность, безъ которой легко обойтись и которую богъ-знаетъ для чего выдумали.

Лица, выбранныя кое-какъ въ различныя общественныя должности, думаютъ большей частью только о томъ, чтобы скорѣе отбыть свой срокъ и не подвергнуться отвѣтственности за какое-нибудь формальное упущеніе. Дѣятельность ихъ стѣснена множествомъ канцелярскихъ формальностей, тѣмъ болѣе для нихъ стѣснительныхъ, что они по своей неопытности (какъ выражается министерство) легко могутъ ихъ нарушить; отсюда происходитъ, какъ и во всѣхъ почти нашихъ присутственныхъ мѣстахъ, преобладаніе канцеляріи надъ присутствіемъ, формы надъ сущностью дѣла. Съ другой стороны эти самыя лица легко могутъ, если захотятъ и сумѣютъ, злоупотреблять своей властью, такъ какъ дѣйствія ихъ не подлежатъ дѣйствительному контролю, т. е. такому, который всего ближе и естественнѣе, контролю общества, ихъ избирающаго; существующій же контроль, облеченный въ бумажныя бюрократическія формы, стѣсняетъ дѣятельность общественную, въ тоже время очень мало гарантируетъ общество отъ злоупотребленій со стороны выбранныхъ имъ лицъ. Такимъ образомъ современное общественное управленіе нашими городами представляетъ очень мало тѣхъ утѣшительныхъ явленій, которыя должна представлять каждая свободная, самоуправляемая община. Можно ли дать такое названіе городамъ, лучшіе граждане которыхъ нисколько не дорожатъ своими правами, тяготея участіемъ въ общественныхъ дѣлахъ и уклоняются отъ общественной службы?

Такія явленія конечно очень печальны и устраненіе ихъ представляетъ насущную потребность нашего времени. Но для того, чтобы достигнуть этой цѣли, необходимо прежде всего изслѣдовать причины такого слабаго развитія общественной жизни въ нашихъ городахъ. Съ перваго взгляда такое изслѣдованіе представляется очень труднымъ. Читая городское положеніе, не легко въ самомъ дѣлѣ понять, отчего жизнь дѣйствительная такъ далеко разошлась съ гуманными намѣреніями законодателя; отчего общество, которому предоставлены были новидному всѣ условія самоуправления, не умѣло воспользоваться столь благотѣльными учрежденіями, не умѣло понять благихъ намѣреній законодателя, и замкнувшись въ тѣсный кругъ эгоистическихъ интересовъ, упорно отвергало всѣ попытки правительства ввести въ него свободное самоуправленіе. Грустно подумать, что наши городскія общества, пользуясь столь давнее время учрежденіями самоуправления дошли до того, что вызвали своей дѣятельностью горькіе упреки, которыми заканчивается циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ по настоящему дѣлу. Чтоже можно сказать въ объясненіе такого непостижимаго усиленія такой непонятной анагіи и бездѣтельности? По-

жалуй можно объяснить, что всё эти печальныя явленія произошли главнымъ образомъ отъ неразвитости въ городскихъ жителяхъ чувства общественности, отъ неумѣнія сознать права, предоставленныя имъ закономъ и прилагать это сознаніе къ жизни. Но это объясненіе далеко не удовлетворительно; оно можетъ только породить новый вопросъ: отчего же происходитъ эта неразвитость? Нельзя же предположить въ самомъ дѣлѣ, чтобы какое бы то ни было общество, пользуясь столько времени учрежденіями самоуправленія, не развилось настолько, чтобы сознать свои права и пользоваться ими на пользу общую потому только, что оно само по себѣ неспособно къ какому бы то ни было развитію; очевидно, что здѣсь не общество виновато, а какія-то другія, постороннія причины, остававшіяся его развитіе и связывавшія его свободную дѣятельность. Если бы мнѣніе тѣхъ, которые слагаютъ всю вину въ подобныхъ случаяхъ на общество, могло быть справедливо въ приложеніи къ какому то ни было обществу, то для подобнаго общества бесполезны были бы всякія либеральныя учрежденія; правительство истощило бы всё свои усилія и все-таки не вдохнуло бы въ подобное общество искры жизни и самостоятельности.

Трудно остановиться на такомъ грустномъ для русскаго общества заключеніи и невольно усомнишься въ справедливости столь печальнаго вывода.

Неужели въ самомъ дѣлѣ втеченіи столь долгаго времени наше общество, столь быстро идущее по пути прогресса (особенно въ послѣднее время) ничего не сдѣлало для своего политическаго развитія? Неужели мы, столь преусиѣвающіе въ теоріи, такъ недалеко еще ушли на практикѣ? Неужели просвѣщенная заботливость правительства не нашла въ нашемъ обществѣ никакого отзыва единственно по нашей тупости и неразвитости? Повторимъ еще разъ: если все это справедливо, то какія же средства употребитъ правительство, чтобы излечить насъ отъ этой тупости и непониманія, если продолженіе столь долгаго времени средства, имъ употребляемыя, оказались неэффективными? Правда программа говорить, что положеніе 1846 г. имѣло самыя благопріятныя послѣдствія для петербургскаго общества; но изъ словъ предложенія петербургскаго губернатора петербургской думѣ въ нынѣшнемъ году можно заключить, что пятнадцатилѣтнее пользованіе этими учрежденіями, хотя и принесло извѣстную пользу, но не привело петербургское городское общество даже къ полному сознанію значенія важнѣйшаго общественнаго дѣла — выборовъ.

Въ томъ же предложеніи сказано, что лучшіе члены общества

уклоняются отъ службы; слѣдовательно въ Петербургѣ существуетъ и теперь грустный фактъ, замѣченный еще въ 1821 году.

Нельзя не сознаться, что мѣры, предлагаемыя министерствомъ, хотя и могутъ принести извѣстную относительную пользу, но не въ состояніи уничтожить въ корнѣ того болѣзненнаго, ненормальнаго состоянія, въ которомъ несомнѣнно находятся наши современные городскія общества; эти мѣры по нашему мнѣнію имѣютъ то же значеніе, какъ и упоминаемыя министерствомъ многія постановленія, которыя хотя и приносили въ частности немаловажную пользу, но не вполне достигали предполагаемой цѣли. Причины дурнаго состоянія нашего общественнаго управленія лежатъ глубже — онѣ не могутъ заключаться единственно въ неразвитости самыхъ обществъ. Самоуправленіе на истинныхъ его началахъ есть лучшая школа для развитія общества въ дѣлѣ управленія собственными интересами. Это очевидное положеніе проповѣдуется и теоріею и доказывается опытами исторіи; слѣдовательно, если общество пользуется учрежденіями самоуправления, не созрѣло втеченіи долгаго времени, то вина очевидно заключается не въ обществѣ, а въ самыхъ учрежденіяхъ. Современная политическая наука говоритъ намъ, что самоуправленіе есть лучшая форма общественной жизни для отдѣльныхъ общинъ; что центральное правительство, слагая съ себя бремя заботъ по этому управленію, имѣетъ большую возможность заниматься дѣлами, относящимися къ управленію всей страной. Опредѣленіе взаимныхъ границъ дѣятельности общиннаго самоуправления и центральной власти — задача не легкая; но въ разрѣшеніи ея лежатъ возможность разумнаго устройства государственной и общественной жизни. Нельзя забывать, что самоуправленіе, чтобы быть вполне успѣшнымъ, должно быть возможно широкимъ; иначе оно обратится въ пустую форму и не принесетъ пользы ни обществу ни государству. Лучшее тому подтвержденіе видимъ мы на нашихъ городскихъ обществахъ. Извѣстна грустная исторія нашего городского самоуправления. Развившись вполне свободно и самостоятельно въ періодъ удѣльно-вѣчевой, оно пало при собраніи въ одно цѣлое русской земли; мало-помалу мѣсто излюбленныхъ людей заступили царскіе воеводы; общинное начало было погашено централизацией. Такъ было до Петра-великаго. Пересаживая иноземныя формы и учрежденія на русскую почву, онъ считалъ необходимымъ пересадить на нее и нѣмецкій магистратъ, но и при немъ уже это учрежденіе мало приносило пользы, зара-

жившійся тѣмъ же бюрократическимъ, бумажнымъ направлениемъ въ производствѣ дѣлъ, которое утвердилось въ нашихъ присутственныхъ мѣстахъ со времени реформы Петра-великаго. Преемница его Екатерина I уничтожила магистратъ и подчинила снова города вѣдѣнію воеводъ и губернаторовъ; нынѣшнее устройство городского управленія существуетъ со времени Екатерины II. Изданное ею городское положеніе было первой попыткой образовать законнымъ путемъ на русской землѣ третье сословіе, средній классъ людей. Какъ извѣстно Екатерина основала очень много городовъ: это основаніе происходило тогда очень просто изданіемъ указа объ обращеніи такого-то села въ городъ. Разсматривая городское положеніе, нельзя не сознаться, что какъ законодательная мѣра, оно имѣетъ несомнѣнныя достоинства и составляетъ одно изъ лучшихъ дѣлъ царствованія Екатерины II. Но несмотря на всѣ свои достоинства, положеніе это не было успѣшно на дѣлѣ: жизнь дѣйствительная доказала, что форма безъ содержанія никогда не достигаетъ цѣли. Формы самоуправленія, данныя положеніемъ, были какъ-будто бы не поняты русскимъ обществомъ, которое очевидно понимало его въ другихъ формахъ, болѣе ему свойственныхъ. Городскія общества, развившія въ себѣ полное самоуправленіе въ удѣльный періодъ, оказались неспособными и неопытными, какъ скоро пришлось имъ управлять своими дѣлами по регламентамъ и указамъ нѣмецкой бюрократіи. Неуспѣшность въ жизни городского положенія несомнѣнно связана съ недостатками общаго строя нашей администраціи. Вездѣ, гдѣ жизнь народная сталкивалась съ бюрократизмомъ, бумажностью — всегда она оказывалась несостоятельною, неопытною и до сей поры продолжается эта неопытность. Таже исторія была и съ городскими обществами. Городское положеніе, стремясь воззвать къ жизни общинное начало, поставило вмѣстѣ съ тѣмъ непреодолимую преграду его развитію, подчинивъ свободное, городское управленіе контролю администраціи — элемента чуждаго народу, основаннаго на чуждыхъ ему началахъ и дѣйствующаго на основаніяхъ, мало ему понятныхъ. Такое подчиненіе совершенно излишнее въ сущности, и бывшее только плодомъ недовѣрія правительства къ самостоятельности общества, привело къ тому, что свободное по буквѣ закона самоуправленіе городовъ стало мертвой формой на дѣлѣ. Неопытное въ канцелярскихъ тонкостяхъ, городское общество связано было по рукамъ и ногамъ множествомъ формальностей, стѣснявшихъ и затруднявшихъ самое ничтожное общественное дѣло. Боязнь отвѣтственности за какое-нибудь формальное отступленіе отъ буквы закона безконечная и утомительная процедура, возникавшая по самымъ пустымъ дѣламъ,

парализировала дѣятельность лучшихъ членовъ въ городскомъ управленіи. Общество же, видя бездѣятельность и безсиліе своего управленія, потеряло наконецъ всякое довѣріе къ нему и потому естественно перестало интересоваться выборами и вообще дѣлами общественными. Такимъ образомъ самоуправленіе городское изъ свободнаго общиннаго учрежденія, какое замышляла создать Екатерина II, облеклось скоро тѣми же бюрократическими формами, заразилась той же болѣзью бумагописанія, тѣмъ же отсутствіемъ жизненныхъ началъ, которыми страдаетъ вся наша администрація. Всѣ недостатки современнаго городского управленія происходятъ изъ этого источника, и только расширеніе городского самоуправления и освобожденіе его отъ тягостнаго чиновническаго контроля можетъ дѣйствительно помочь дѣлу. Всѣ другія полумѣры, не важна взмѣненія существующихъ формъ останутся безплодными попытками: онѣ никогда не достигнутъ главной цѣли — пробужденія въ городскихъ жителяхъ желанія заниматься своими общественными дѣлами. Это будетъ тогда только, когда общество увидитъ возможность осуществить свои права на дѣлѣ, сообразно своему духу, не стѣсняясь формами, для него чуждыми и иногда непонятными. Въ этомъ заключается сущность необходимаго для нашихъ городскихъ обществъ преобразованія. По нашему мнѣнію, если общество городское впродолженіи чуть не столѣтія не привыкло къ формамъ самоуправления, даннымъ *городовымъ положеніемъ* и не приобрѣло *опытности* въ дѣлахъ общественныхъ, то вина въ этомъ не можетъ падать на общество, безъ сомнѣнія разумѣющее, что самоуправленіе лучше, чѣмъ иная форма управленія. Если лучшие люди изъ этого общества не могутъ справиться съ этимъ дѣломъ, то нельзя не заключить изъ этого, что самоуправленіе, данное нашему городскому обществу, слишкомъ искусственно, хитро, однимъ словомъ доступно только для специалистовъ въ этомъ дѣлѣ, какими напримѣръ и оказываются секретари городскихъ думъ. И дѣйствительно канцелярская техника, заразившая городское управленіе, доступна только спеціалистамъ и останется всегда непонятною людямъ простымъ, безыскусственно смотрящимъ на вещи. Излишній контроль администраціи породилъ эти затрудненія и заключилъ городскую общественную дѣятельность въ тѣ тѣсныя рамы, изъ которыхъ она никогда не выйдетъ, пока будетъ продолжаться такое ненормальное положеніе дѣла; потому если не уничтоженіе, то невозможное его ограниченіе должно-быть первымъ пунктомъ въ предстоящемъ преобразованіи.

Контроль администраціи, стѣснительный для самостоятельности общины и тогда даже, когда администрація эта обставлена всѣми га-

рантіями, условливающими полную благонамѣренность ея дѣйствій, дѣлается еще вреднѣе при томъ устройствѣ, которое имѣеть она у насъ въ настоящее время: преобладаніе въ нашей администраціи вышней формальности надъ сущностью дѣла должно оказывать самое вредное вліяніе и на городскомъ управленіи, такъ тѣсно связанномъ въ настоящее время съ общей администраціею.

Потому преобразование городскаго управленія должно заключаться не въ наполненіи городскаго управленія лицами, опытными въ канцелярской рутинѣ, а скорѣе въ изгнаніи этой самой рутины. А для того, чтобы общества наши могли успѣшно завѣдывать своими дѣлами, необходимо дать имъ самоуправленіе не въ видѣ мертвой буквы, неосуществимой на дѣлѣ, а въ живыхъ, свойственныхъ ихъ характеру формахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что только истинное самоуправленіе въ возможно широкихъ формахъ, безъ вмѣшательства администраціи, можетъ воззвать къ жизни нашу народную самодѣятельность и обратить наши мертвые города въ свободныя, самоуправляемыя общины. Также нѣтъ сомнѣнія, что общества наши сумѣютъ и безъ попечительнаго надзора губернскихъ правленій устроить свои дѣла, и навѣрное не пострадаютъ много, если избавятся отъ бюрократизма, который и въ самой администраціи оказывается несостоятельнымъ, а въ самоуправленіи совсѣмъ уже не у мѣста. Положеніе 1846 г. освободило думы отъ подчиненія губернскимъ правленіямъ, но оставило ихъ въ большой зависимости отъ губернаторовъ; такимъ образомъ оно только облегчило бремя надзора, но далеко не сложило его совсѣмъ. Если нельзя не признать, что положеніе 1846 г. было большимъ шагомъ впередъ (относительно) то должно сказать вмѣстѣ съ тѣмъ, что и оно было только паллятивной мѣрой, уменьшающей зло, но не уничтожающей его совершенно.

По всѣмъ изложеннымъ основаніямъ нельзя не придти къ заключенію, что недостатокъ современнаго городскаго управленія состоитъ въ излишнемъ ограниченіи самодѣятельности городскихъ обществъ, въ крайнемъ подавленіи мѣстнаго самоуправленія центральной властью. Всѣ несовершенства современнаго городскаго управленія вытекаютъ или изъ этого основнаго источника или происходятъ отъ несовершенства другихъ отраслей нашихъ государственныхъ учрежденій, какъ напримѣръ суда и полиціи. Нѣтъ сомнѣнія, что общій строй нашей жизни оказываетъ вліяніе и на городское устройство, какъ на одну изъ составныхъ стихій этой жизни. Намъ кажется, что необходимо принять въ основаніе преобразования слѣдующія главныя начала кромѣ тѣхъ, которыя были приняты министерствомъ въ 1846 году.

1) Возможно полное расширеніе самостоятельности городскихъ обществъ въ управленіи ихъ собственными дѣлами; устраниеніе всякой зависимости отъ администраціи; ограниченіе вмѣшательства центральнаго правительства наблюденіемъ за точнымъ исполненіемъ тѣхъ повинностей, которыя закономъ возложены на общество. Контроль за дѣятельностію общественнаго управленія долженъ принадлежать самому обществу или избраннымъ представителямъ. Администрація не вмѣшивается въ дѣйствіе общества, если дѣйствія эти не противны законамъ, ограждающимъ права личности и права государства.

2) Городское общество должно имѣть полную возможность контролировать всѣ учрежденія, которыя содержатся на его счетъ или завѣдываютъ расходованіемъ его денегъ, каковы напримѣръ городская полиція, квартирная комиссія и т. п.; еще лучше было бы, если бы ко всѣмъ безъ исключенія городскимъ учрежденіямъ примѣнено было во всей полнотѣ начало выборное.

3) Предоставить самимъ городскимъ обществамъ полную свободу въ развитіи подробностей своего устройства на этихъ основныхъ началахъ, не стѣсняя въ тоже время ихъ дѣятельности въ этомъ отношеніи офидіальными програмами, какъ бы умны онѣ ни были, и теоретическими, кабинетными предрѣшеніями дѣла, столь близкаго къ жизни и всѣ подробности котораго одна жизнь только можетъ выработать вполне разумно и полно.

Высказавъ мнѣніе наше относительно общаго характера преобразования городского общественнаго управленія, мы не излишнимъ считаемъ разсмотрѣть въ отдѣльности вопросы, предложенные въ програмѣ министерства.

Какія условія городской жизни заключаетъ извѣстный городъ или посадь?

Вопросъ этотъ имѣетъ особенное значеніе у насъ въ Россіи: изъ исторіи городовъ нашихъ видно, что очень многіе города образовались у насъ не естественнымъ путемъ, вслѣдствіе мѣстныхъ условій, способствовавшихъ скопленію жителей въ одномъ мѣстѣ, а по усмотрѣнію администраціи, основавшей свои соображенія исключительно на потребностяхъ управленія. Министерство внутреннихъ дѣлъ объясняетъ даже самое названіе городовъ (городскія поселенія въ Россіи, т. I. стр. IV) ихъ административной цѣлью; изъ этого можно исключить очень немногіе города сѣверовосточной и средней Россіи и города югозападной Россіи, жившіе, какъ сказано тамъ же (стр. VI), подъ иными историческими условіями. Такимъ образомъ большинство сель и посадовъ нашихъ не сами приобрѣли себѣ званіе города въ силу естественныхъ условій жизни, а были

возведены въ этотъ почетный рангъ волею правительства, дѣйствовавшаго по своимъ административнымъ соображеніямъ, которыя иногда не совпадали съ видами жителей, не видѣвшихъ для себя особенныхъ выгодъ въ возведеніи ихъ въ званіе гражданъ. Потому вполне справедливо замѣчаніе министерства, что наибольшая часть мѣстностей, называющихся городами, служитъ средоточіемъ администраціи и что такія мѣстности очень часто сохраняютъ прежній сельскій характеръ, несмотря на дарованныя имъ городскія права. Этими соображеніями вполне оправдывается первый вопросъ, предложенный министерствомъ въ настоящей программѣ. Разрѣшеніе этого вопроса должно заключаться въ опредѣленіи — обладаетъ ли извѣстная мѣстность и въ какой степени условіями городской жизни, независимо отъ значенія ея, какъ центра администраціи или другими словами, заслуживаетъ ли эта мѣстность примѣненія къ ней городского общественнаго устройства.

Извѣстно, что значеніе города обуславливается прежде всего промышленнымъ или торговымъ его характеромъ. Въ этомъ обыкновенно полагаютъ различіе его отъ села, мѣстности по преимуществу земледѣльской. Обыкновенно физическія условія играютъ здѣсь важнѣйшую роль: выгодное мѣстоположеніе, удобство путей сообщенія и другія тому подобныя обстоятельства оказываютъ вліяніе на образованіе города изъ земледѣльческаго поселенія. Это путь естественный и независимый отъ произвола. Но условія городской жизни могутъ быть до извѣстной степени воспроизведены искусственно, скопленіемъ непроезжайной (матерьяльно) массы людей въ одномъ мѣстѣ; это скопленіе, произведенное мѣрами правительства, привлекаетъ промышленниковъ и торговцевъ, которые могли бы удовлетворять нуждамъ непроезжайной массы; такимъ образомъ возникаетъ тоже жизнь городская. Такое вліяніе оказываетъ напримѣръ назначеніе въ извѣстномъ мѣстѣ центра управленія съ большимъ числомъ чиновниковъ, квартированіе значительной массы войскъ и т. п. Здѣсь условія городской жизни возбуждаются искусственно и исчезаютъ, какъ скоро прекратится дѣйствіе причинъ ихъ возбуждавшихъ: переводъ войскъ въ другое мѣсто, перемѣщеніе центра администраціи обращаютъ такой городъ въ прежнее село. При опредѣленіи характера извѣстной мѣстности необходимо обратить вниманіе на то, какими обстоятельствами вызвано въ немъ развитіе городской жизни.

Впрочемъ должно сознаться, и само министерство подтверждаетъ это, что вопросъ о значеніи города въ приложеніи къ устройству городского управленія имѣетъ второстепенное значеніе, такъ какъ главныя основанія городского и сельскаго управленія должны быть

сходны; слѣдовательно разница будетъ состоять только въ большей или меньшей сложности формъ управленія и притомъ разрѣшеніе вопроса этого имѣетъ характеръ чисто мѣстный.

При какихъ условіяхъ поселившіеся въ городѣ жители должны считаться членами городского общества и на какіе разряды или сословія жители эти могутъ быть раздѣлены?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ вытекаетъ изъ самой сущности городского общества. По существующимъ законамъ городское общество имѣетъ цѣлью управленіе своими дѣлами и успѣшное отправленіе обязанностей, возложенныхъ на него закономъ. Каждое городское общество состоитъ изъ лицъ, имѣющихъ извѣстныя обязанности къ центральному правительству; исполненіе этихъ обязанностей обезпечивается круговой порукой (сословія податныя) изъ лицъ, занимающихся въ городѣ торговлей и промышленностью и несущихъ извѣстныя повинности и наконецъ изъ лицъ, привилегированныхъ класовъ, владѣющихъ въ городѣ недвижимою собственностью и участвующихъ потому въ издержкахъ городского хозяйства. Очевидно, что всѣ эти лица, какъ несущія городскія повинности, и должны считаться членами городского общества; слѣдовательно единственнымъ основаніемъ для права участія въ управленіи городомъ должно быть участіе въ общественныхъ городскихъ издержкахъ. Мѣстное самоуправленіе составляетъ существенный предметъ дѣятельности городского общества; потому въ отношеніи общественнаго хозяйства, въ употребленіи общественныхъ денегъ на потребности города, городскому обществу нѣтъ надобности распадаться на сословія; здѣсь оно можетъ дѣйствовать какъ одно цѣлое, такъ какъ интересы всѣхъ жителей должны быть одинаковы въ этомъ отношеніи. Это и есть нормальное, естественное положеніе городского общества, какъ самоуправляемой общины, составившейся изъ равноправныхъ членовъ для достиженія общей пользы. Но распаденіе городского общества на сословія, едва ли полезное безусловно, вызывается существующимъ порядкомъ въ нашей финансовой системѣ. Современное городское общество включаетъ въ себя значительное число лицъ такъ-называемаго податнаго сословія, обязанныхъ круговой порукой въ платежѣ податей; эти лица по необходимости должны имѣть свое особенное управленіе въ составѣ общаго городского управленія. Такимъ образомъ въ настоящее время городская дума завѣдуетъ не только собственно общественнымъ хозяйствомъ, но и есть органъ правительства въ отношеніи податныхъ лицъ, входящихъ въ составъ городского общества. Такой двойственный характеръ дѣятельности городского управленія долженъ оказывать вредное вліяніе на развитіе собственно само-

управленія и производить кромѣ того распадѣніе на сословія, всегда вредное и отнимающее у городского общества характеръ единства, столь необходимый для успѣшности его содѣйствій. Такая же равноправность и единство интересовъ могутъ быть произведены только выдѣленіемъ изъ общественнаго хозяйства всего собственно принадлежащаго центральному правительству, на примѣръ податей и вообще преобразованіемъ нашей финансовой системы.

Потому должно придти къ такому заключенію, что раздѣленіе на сословія въ управленіи городскимъ хозяйствомъ совершенно излишне и даже вредно, но что при существованіи у насъ круговой поруки и подушной подати, падающей на податныя сословія, оно оказывается неизбежнымъ. Если невозможно при современномъ состояніи нашей финансовой системы осуществить полное единство интересовъ городского общества, такъ какъ члены его распадаются на приписанныхъ и добровольно въ него поступившихъ, то во всякомъ случаѣ необходимо сократить дѣленіе сословія до возможно-крайнихъ предѣловъ. По мнѣнію нашему если ужъ необходимо раздѣленіе, то достаточно принять два сословія — *владѣльческое*, (сюда будутъ относиться личные и потомственные дворяне, почетные граждане) и *промышленное* (купцы, мѣщане и ремесленники). Управленіе мѣщанскимъ сословіемъ по его особенному положенію должно быть устроено отдѣльно съ тѣмъ, что должностныя лица, имъ избранныя для собственнаго управленія, могутъ быть членами распорядительной думы.

Вообще должно сознаться, что чѣмъ больше различныя дѣленія русскаго общества, установленныя закономъ, будутъ сливаться въ одно цѣлое, въ общину равноправныхъ членовъ, тѣмъ болѣе можно надѣяться на успѣшное развитіе самоуправленія и жизни общественной. Если государство находитъ нужнымъ различать своихъ членовъ различными названіями и правами, то предъ самоуправляемой общиной должно имѣть значеніе только одно званіе, званіе полноправнаго ея члена. Въ этомъ отношеніи предъ ней равны и дворянинъ и купецъ и мѣщанинъ; и въ самомъ дѣлѣ какіе особенные сословные интересы въ городскомъ хозяйствѣ можетъ представлять дворянинъ или купецъ? На этомъ пунктѣ ихъ интересы одинаковы: это общіе имъ обоимъ интересы города, гдѣ живутъ они. Дворянинъ не по званію своему принадлежитъ къ городу, а по владѣемой имъ собственности, такъ же и купецъ потому, что платитъ повинности: следовательно для нихъ обоихъ не сословные интересы имѣютъ здѣсь значеніе, а деньги, которыя платятъ они, и правильное ихъ употребленіе на пользу общую, всего города. Потому вопросъ о раздѣленіи городского общества на сословія имѣетъ по на-

шему мѣнѣнію значеніе только по существующему порядку (въ отношеніи полатныхъ сословій). При другихъ обстоятельствахъ дѣленіе это совершенно лишено основанія и потому излишне, если не вредно, такъ какъ оно вводитъ сословныя перегородки туда, гдѣ сохѣмъ имъ не мѣсто.

Въ чемъ состоятъ общественныя дѣла городского общества и отдѣльныхъ городскихъ сословій?

Городское общество, какъ юридическое лицо, имѣетъ свои права и обязанности. Какъ тѣ такъ и другія опредѣляются положительнымъ закономъ. Законодательство Екатерины II имѣло очевидной цѣлью при начертаніи правилъ городского управленія оживить въ нашихъ городахъ начала самоуправленія, такъ полно развившіяся въ періодъ удѣльно-вѣчевой и подавленныя потомъ воеводскимъ самовластіемъ и нѣмецкой бюрократіею. Оно хотѣло дать возможность городамъ нашимъ самимъ управлять собственными дѣлами подъ контролемъ административной власти. Этимъ путемъ законодательство стремилось облегчить съ одной стороны дѣятельность центрального управленія, а съ другой достигнуть болѣе правильнаго управленія общественными дѣлами. И дѣйствительно такова задача и цѣль всякаго самоуправленія, основаннаго на разумныхъ началахъ. Чтоже подлежитъ вѣдѣнію общественнаго управленія? Изъ сущности общиннаго самоуправленія уже видно, что ему подлежатъ всѣ дѣла, относящіяся собственно до самой общины и невходяція въ кругъ дѣятельности центрального правительства. Сюда слѣдовательно относятся всѣ такъ-называемыя потребности общины. Эти потребности могутъ быть раздѣлены на два главные разряда: одніе изъ нихъ подлежатъ необходимо удовлетворенію, другія же произвольны, зависятъ отъ усмотрѣнія общины. Къ первымъ относятся тѣ потребности, неудовлетвореніе которыхъ нарушило бы права государства или частныхъ лицъ, потому государство имѣетъ право требовать обязательнаго ихъ удовлетворенія со стороны общины и въ случаѣ несправности общины имѣетъ право удовлетворять эти потребности насчетъ ея членовъ. Потребности же второго рода удовлетворяются общиной по мѣрѣ ея средствъ и по ея усмотрѣнію и государство не имѣетъ права принуждать общину къ ихъ удовлетворенію. Къ потребностямъ перваго рода должны быть отнесены: 1) по благоустройству города: 1) освѣщеніе улицъ, 2) содержаніе въ чистотѣ улицъ и площадей; необходимость этихъ мѣръ оправдывается обязанностью государства охранять жизнь и здоровье гражданъ; 3) мѣры противъ пожаровъ и другихъ общественныхъ бѣдствій, 4) содѣйствіе учреждаемой правительствомъ полиціи, 5) мѣры противъ нищенства, 6) первоначальное образованіе. II) по испол-

ненію государственныхъ повинностей: 1) квартирная повинность и 2) содержаніе въ исправности дорогъ и проч. въ чертѣ городскихъ владѣній, и III) содержаніе городского управленія. Къ потребностямъ второго рода относятся 1) попеченіе объ архитектурной красотѣ зданій, возводимыхъ въ городахъ; наблюденіе же за безопасной постройкой принадлежитъ полиціи; 2) устройство мостовыхъ, 3) мѣры къ распространенію образованія и всѣ другія потребности, признанныя необходимыми самой городской общиной и не противныя общей государственной пользѣ. Наконецъ къ числу потребностей необходимыхъ, само собой разумѣется принадлежать выборы лицъ управляющихъ городскимъ обществомъ: здѣсь государство имѣетъ право требовать, чтобы были замѣщены тѣ должности, которыя существенно необходимы для управленія городскими дѣлами въ каждой общинѣ, предоставляя затѣмъ общинѣ на ся усмотрѣніе избирать, если она признаетъ нужнымъ, лицъ для завѣдыванія менѣе существенными дѣлами. Это различіе необходимо установить, потому что для каждой общины необходимы извѣстныя мѣста и лица, но затѣмъ каждая община можетъ имѣть свои особенныя дѣла; рѣшеніе вопроса, нужно ли избирать особенныхъ лицъ для завѣдыванія подобными *мѣстными* дѣлами, должно быть предоставлено самой общинѣ, безъ предрѣшенія этого вопроса положительнымъ законодательствомъ.

Что касается до дѣлъ отдѣльныхъ сословій, то здѣсь прилагается все что высказано уже нами въ предшествовавшемъ изложеніи о значеніи отдѣльныхъ сословій въ составѣ городского общества. По нашему мнѣнію особенныя дѣла, подлежащія законодательному опредѣленію, могутъ быть только въ податныхъ сословіяхъ, обязанныхъ круговой порукой. А относительно этихъ сословій, нѣтъ надобности исчислять здѣсь ихъ дѣла, такъ какъ ихъ обязанности къ государству очень подробно опредѣлены нашими финансовыми и сословными законами. Что же касается до прочихъ общихъ дѣлъ, не касающихся до обязанностей сословій этихъ къ правительству, то дѣла этого рода не относятся къ предметамъ общественаго управленія и даже не подлежатъ особому законодательному опредѣленію, а должны быть подчинены общимъ законамъ объ обществахъ и сходкахъ. Должно сознаться, что если и существуетъ какая-нибудь общность интересовъ между членами нашихъ городскихъ сословій, то исключительно только въ тѣхъ изъ нихъ, которыя обязаны круговой порукой предъ правительствомъ; потому въ сословіяхъ, неподлежащихъ круговой поруцѣ, если и замѣтно единеніе, то очень рѣдко и въ слабой степени. Какую связь имѣютъ наиримѣръ купцы одного города между собой? Явленіе это объяс-

няется тѣмъ, что наши современные городскія сословія образовались не естественнымъ, а официальнымъ путемъ, созданы были, если можно такъ выразиться, повелѣніями законодательства. Другое дѣло напримѣръ крестьянская община, члены которой тѣсно между собой связаны общественнымъ владѣніемъ земли. При исчисленіи занятій городского общества должно упомянуть, хотя это разумѣется само собой, о завѣдываніи общественнымъ хозяйствомъ т. е. собраніе и расходваніе общественныхъ доходовъ. Въ этомъ пунктѣ встрѣчается замѣчаніе, въ которомъ министерство заявляетъ о предположеніи предоставить большую свободу городскимъ обществамъ въ этомъ дѣлѣ. Это примѣчаніе встрѣчено нами съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что оно служитъ доказательствомъ сознанія самимъ правительствомъ необходимости предоставить болѣе широкое самоуправленіе городскимъ обществамъ. Это и по нашему мнѣнію есть единственное средство для успѣшнаго преобразованія общественнаго управленія. Относительно дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію общества, мы должны замѣтить вообще, что исчисленіе всѣхъ занятій городского общества едва ли необходимо и даже возможно; въ законодательствѣ должны быть обозначены только тѣ занятія, которыя необходимы по государственнымъ цѣлямъ; удовлетвореніе же нуждъ чисто мѣстныхъ и несвязанныхъ съ государственнымъ интересомъ должно быть предоставлено усмотрѣнію самой общины, да и не можетъ быть опредѣлено въ законодательствѣ по самому безконечному разнообразію, которымъ всегда отличается жизнь дѣйствительная отъ формальнаго единства, создаваемого буквой закона положительнаго, такъ напримѣръ: министерство рекомендуетъ исчислять только тѣ предметы, которые свойственны мѣстности; такъ напримѣръ предлагать не говорить о наводненіяхъ, если городъ не подверженъ по положенію этой опасности или о бібліотекахъ, музеяхъ и т. п. если не предвидится и возможности подобныхъ учрежденій. Если министерство сочло нужнымъ дѣлать подобныя предостереженія, то нельзя не видѣть отсюда, какъ трудно поддаются регламентаціи явленія жизни, которая сегодня можетъ сдѣлать необходимымъ то, возможности чего и не предвидѣлось вчера. Положительный законъ по нашему мнѣнію долженъ исключительно ограничиваться опредѣленіемъ государственныхъ потребностей, не входя безъ нужды въ мелочи внутренняго, *домашняго* такъ сказать-быта общества.

Какія учрежденія и должности должны быть установлены для завѣдыванія общественными дѣлами.

Министерство указываетъ на предложенный вопросъ, какъ на особенно трудный и требующій особаго вниманія. Потому для успѣ-

ишаго его разрѣшенія министерство рекомендуетъ изучить положеніе 1785 года и с.-петербургское и московское городовыя положенія, полнѣе развитыя основныя начала положенія Екатерины II. Нельзя не признать совершенною справедливостью замѣчаній министерства относительно трудности настоящаго вопроса; отъ успѣшнаго его разрѣшенія зависитъ успѣшность всего городского устройства. Очевидно, что какъ бы ни были хороши сами въ себѣ правила общественнаго городского устройства, но если успѣшное приведеніе ихъ въ дѣйствіе не обезпечено надлежащими гарантіями, то онѣ останутся мертвой буквой и будутъ бесполезны въ дѣйствительности. Разсужденіе объ устройствѣ управленія, представляется рѣшенимъ вопроса о возможности провести въ дѣйствительности всѣ теоретическія разсужденія о томъ или другомъ устройствѣ общества. Каждое городское общество имѣетъ право завѣдывать своими дѣлами и обязано удовлетворять тѣмъ требованіямъ, которыя заявляетъ правительство во имя государственной пользы. Отсюда проистекаетъ необходимость управленія общественными дѣлами, необходимость слѣдовательно установленія учреждений для этого управленія. Кому же должно быть поручено это управленіе? Очевидно, что управленіе общественными дѣлами принадлежитъ прежде всего самимъ членамъ общины; такимъ образомъ происходитъ первое и самое важное учрежденіе — общественное собраніе. По строгой теоріи оно должно состоять изъ всѣхъ полноправныхъ членовъ общины. Но при настоящемъ состояніи городскихъ обществъ и по ихъ многочисленности должно согласиться съ мнѣніемъ министерства о неудобствахъ вполне демократическаго состава общественныхъ собраній, потому и по нашему мнѣнію система представительная будетъ удобнѣе и полезнѣе. Высшее управленіе общественными дѣлами и контроль за дѣйствіями власти исполнительной принадлежитъ общественному собранію, состоящему изъ представителей городского общества. Это мѣсто должно одно имѣть право постановлять приговоры по дѣламъ общественнымъ и наблюдать за ихъ исполненіемъ; оно имѣетъ характеръ законодательнаго учрежденія конечно въ предѣлахъ своей дѣятельности. Какимъ же образомъ должно оно составляться? Министерство предлагаетъ составлять его изъ представителей отъ отдѣльныхъ сословій, по равному числу отъ cadaго. Но будетъ ли это справедливо? и вотъ почему: во первыхъ, какъ высказано уже въ предшествующемъ изложеніи, наши сословія городскія не имѣютъ настолько жизненности, чтобы заявлять свое существованіе какими-нибудь особенными интересами, особенно въ такомъ дѣлѣ, гдѣ вовсе нѣтъ и надобности въ пробужденіи сословныхъ интересовъ, а напротивъ должно стараться

соединить всѣхъ членовъ въ одно цѣлое, привести ихъ къ убѣжденію, что у нихъ должны быть одни интересы всего городского общества. По нашему мнѣнію явѣтъ надобности оживлять искусственно то что не имѣетъ корня въ народномъ духѣ и что основано единственно мѣрами положительнаго закона. Повторяя при опредѣленіи равнаго числа депутатовъ отъ сословій, необходимо явится рѣзкая несправедливость, такъ какъ городскія сословія являи по численности большей частью не равны; такимъ образомъ напримѣръ дворянство, состоящее изъ 100 человекъ, будетъ имѣть положимъ 25 представителей, а мѣщанъ 2000 или 3000, такое же число. Мѣщанство, вездѣ почти составляющее большинство городского населенія, будетъ всегда имѣть меньше представителей, чѣмъ прочія сословія, далеко большей частью не такъ многочисленныя. Возьмемъ напримѣръ Пермь: по официальнымъ свѣдѣніямъ въ ней находится дворянъ и почетныхъ гражданъ, владѣющихъ домами 282, человекъ; купцовъ 146, мѣщанъ и цеховыхъ до 2000 человекъ. Очевидно какая выйдетъ несообразность, если напримѣръ назначить по 50 депутатовъ отъ каждаго сословія: 400 человекъ дворянъ и купцовъ, представляемыхъ 100 депутатами, будутъ управлять городомъ, а двутысячное населеніе останется совершенно безгласнымъ въ лицѣ своихъ 50 депутатовъ. Такое ненормальное явленіе не можетъ быть допущено въ самоуправленіи, основанномъ на разумныхъ началахъ. Сословное начало осуждается уже тѣмъ, что должно необходимо промѣнить подобныя явленія. А если принять во вниманіе, что это сословное раздѣленіе и не основывается на дѣйствительной потребности, то вельзя не придти къ заключенію, что оно должно быть отвергнуто. Наконецъ если наше мнѣніе относительно жизненнаго значенія городскихъ сословій и несправедливо, то все-таки имѣтъ надобности пробуждать сословное раздѣленіе искусственно: если оно есть, то оно явится само собой: каждое сословіе будетъ выбирать своихъ, а если большинство избранныхъ лицъ и будетъ принадлежать къ сословію, наиболѣе многочисленному, то въ этомъ кажется не будетъ несправедливости. По нашему мнѣнію представительное собраніе города должно быть составлено посредствомъ выбора опредѣленнаго числа депутатовъ изъ общей массы городского населенія, безъ различія сословій. Число депутатовъ должно быть опредѣлено относительно общаго числа жителей; для этого можетъ служить раздѣленіе города на части, или можно составить особое раздѣленіе гражданъ на избирательныя участки; каждая часть или участокъ избираютъ извѣстное число депутатовъ во своему населенію, такъ конечно, чтобы общее число депутатовъ соответствовало количеству всего городского населенія. Отъ какаго

числа жителей избирать депутата, это должно быть определено, смотря по населенію города. Для этой цѣли города могутъ быть раздѣлены по населенію на три или четыре категоріи и для каждой определяется отношеніе числа депутатовъ къ общей массѣ населенія. Это можетъ сдѣлать министерство, имѣющее свѣдѣнія о населеніи всѣхъ городовъ Россіи; такъ напримѣръ въ Петербургѣ, если тамъ собственно городское населеніе составляетъ положимъ 250,000, можно опредѣлить одного депутата отъ 1000 жителей; въ Перми же, гдѣ городскихъ жителей до 2500 человекъ, можетъ быть одинъ депутатъ отъ 50 человекъ, такъ чтобы вообще было не менѣе 50 депутатовъ.

Такой порядокъ и естественнѣе и проще и справедливѣе; онъ не производитъ искусственнаго раздѣленія между сословіями, но принимая городское общество, какъ одно цѣлое, общину равноправныхъ членовъ, онъ даетъ большее участіе въ управленіи элементу болѣе многочисленному и слѣдовательно болѣе заинтересованному въ дѣлахъ общины. Выстъ съ тѣмъ порядокъ этотъ ведетъ къ тому, что городское собраніе будетъ состоять изъ людей лучшихъ во всей массѣ городского населенія, а не изъ сословныхъ представителей, выбранныхъ иногда потому, что больше выбирать векого въ этомъ сословіи. Такъ-называемыя собранія выборныхъ отдѣльныхъ сословій могутъ остаться, но они исключительно должны ограничиться своими сословными дѣлами и не должны принимать никакого участія въ управленіи дѣлами всего общества. И нельзя не сознаться, что эти собранія и нужны только для сословій, обязанныхъ предъ правительствомъ круговой порукой; что напримѣръ будутъ дѣлать выборные отъ дворянъ? Всѣ другія, какъ будто бы сословныя дѣла, напримѣръ торговая полиція, могутъ быть исполняемы и даже быть-можетъ лучше лицами другихъ сословій. Выбранные сословіями могутъ впрочемъ быть членами мѣстъ исполнительныхъ, такъ какъ могутъ быть дѣла въ общемъ городскомъ управленіи, соприкасающіяся по нынѣшнему финансовому порядку съ дѣлами по отвѣтственности податныхъ сословій предъ правительствомъ. Но вообще общественное хозяйство города должно быть строго отдѣлено отъ финансовыхъ отношеній правительства къ отдѣльнымъ городскимъ сословіямъ. За исправное выполненіе обязанностей напримѣръ мѣщанами и должно отвѣчать только мѣщанское сословіе, а не все городское общество, потому и правительство должно имѣть дѣло по этому предмету съ отдѣльнымъ сословіемъ и съ лицами, избранными имъ для этой цѣли. Общее же собраніе городскихъ жителей не имѣетъ никакой надобности заниматься этими дѣлами. Изъ предыдущаго изложенія видно, что

управленіе городскими дѣлами должно сосредоточиваться въ представительномъ собраніи, составленномъ посредствомъ выборовъ изъ общей массы городского населенія и вмѣющемъ, если можно злѣсь такъ выразиться, власть законодательную. Собраніе это избираетъ само себѣ предсѣдателя, неимѣющаго никакого особеннаго вліянія, кромѣ права наблюденія за порядкомъ засѣданій. Собраніе должно происходить по крайней-мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ для повѣрки дѣйствій исполнительнѣйшей власти и разрѣшенія спорныхъ вопросовъ по общественному управленію; оно можетъ собираться и по предложенію десяти изъ своихъ членовъ (по крайней-мѣрѣ); оно обязано принимать и разсматривать въ своихъ обыкновенныхъ засѣданіяхъ прошенія кого бы то ни было изъ членовъ городского общества, относящіяся къ предметамъ вѣдомства собранія; наконецъ ему должно быть предоставлено право входить съ представленіями о нуждахъ и потребностяхъ города непосредственно къ верховной власти. Отношенія собранія къ администраціи состоятъ въ слѣдующемъ: собраніе обязано копій съ своихъ постановленій представлять къ начальнику губерніи, который имѣетъ право втеченіи недѣли протестовать противъ нихъ, но останавливать ихъ исполненіе онъ можетъ тогда только, если находитъ ихъ положительно противными закону и полъ личной отвѣтственности за вредъ, могущій послѣдовать для города отъ его вмѣшательства. Вопросъ въ такомъ случаѣ о правѣ вмѣшательства разрѣшается судебной властью. Дѣла собранія рѣшаются по большинству голосовъ; для рѣшенія достаточно присутствіе $\frac{2}{3}$ общаго числа депутатовъ. Собраніе имѣетъ своего секретаря, или особаго, или избраннаго изъ среды его членовъ, какъ найдетъ оно удобнымъ. Занятія собранія должны быть предаваемы извѣстности посредствомъ печатанія журналовъ его засѣданій или (въ большихъ городахъ) допущенія въ засѣданія стенографовъ отъ журналовъ и газетъ. Исполнительная власть ввѣряется слѣдующимъ лицамъ и учрежденіямъ: 1) городскому головѣ, избираемому общимъ собраніемъ городскихъ жителей и утверждаемому верховной властью; городской голова есть главное отвѣтственное лицо за часть исполнительную предъ общиной и въ тоже время онъ есть органъ правительства и является посредникомъ между правительствомъ и общиной; чрезъ него правительство передаетъ общинѣ свои распоряженія; онъ отвѣчаетъ предъ правительствомъ за исполненіе городомъ законныхъ повинностей и въ случаѣ неуспѣшности своихъ представленій по сему предмету городскому собранію, доноситъ о томъ правительству и исполняетъ распоряженія правительства по сему предмету при содѣйствіи, если нужно общей администраціи, кромѣ того городской голова есть предсѣдатель въ рас-

порядительной думѣ, и непремѣнный членъ въ представительномъ собраніи. Въ случаѣ уклоненія его отъ своихъ обязанностей, собраніе должно представлять свои постановленія объ увольненіи его или предаваніи суду верховной власти.

Подъ предсѣлательствомъ городского головы составляется распорядительная дума изъ лицъ, выбранныхъ изъ среды своей представительнымъ собраніемъ; число лицъ этихъ предоставляется опредѣлить самому собранію, но оно должно быть не менѣе двухъ: основаніемъ для опредѣленія числа этихъ лицъ должно быть количество дѣлъ города, такъ чтобы завѣдываніе этими дѣлами было распределено между выборными по возможности равномерно. Всѣ эти лица за свои дѣйствія отвѣчаютъ предъ выбравшимъ ихъ собраніемъ, которое имѣетъ право удалять и предавать ихъ суду за уклоненіе ихъ отъ своихъ обязанностей. Городскому головѣ поручается въ особенное его вѣдѣніе отправленіе городомъ государственныхъ повинностей и вообще наблюденіе за дѣйствіями прочихъ членовъ думы; о замѣченныхъ имъ уклоненіяхъ онъ обязанъ доносить представителю собранію. Всѣ прочія должностныя лица, для наблюденія за торговлей, хозяйственной полиціею и по городскимъ присяжнымъ службамъ назначаются, если окажется въ нихъ надобность, представительнымъ собраніемъ или изъ среды своей или же вообще изъ лицъ, принадлежащихъ къ составу городского общества. Отвѣтственность этихъ лицъ опредѣляется такъ же, какъ и членовъ думы. Всѣ лица, избранныя въ должности по общественному управленію изъ среды собранія, остаются и въ званіи членовъ собранія. Всѣ изчисленные нами выборные члены по городскому управленію, кромѣ городского головы, не подлежатъ утвержденію административной власти; имена выборныхъ сообщаются начальнику губерніи для свѣдѣнія; но если начальникъ губерніи находитъ вообще неосновательнымъ по своимъ соображеніямъ выборъ депутатовъ для составленія представительнаго собранія, то можетъ доложить о томъ верховной власти и по утвержденіи его мнѣнія верховной властью, собраніе распускается; но новые выборы должны быть произведены въ теченіи мѣсяца и этотъ вновь слѣланый выборъ не подлежитъ уже отміну.

Въ такомъ видѣ по нашему мнѣнію должно быть устроено общественное городское управленіе; основныя черты его: возможно широкое самоуправленіе и устраненіе всякаго излишняго вмѣшательства администраціи. Безъ сомнѣнія этотъ краткій очеркъ далеко не полонъ; мы и не имѣемъ притязанія на полное разрѣшеніе предмета столь обширнаго и многосложнаго; наши замѣчанія ограничиваются опредѣленіемъ главныхъ основъ, признаваемыхъ нами

несомнѣнно полезными для усиѣннаго развитія общественнаго управленія; но изложенныя здѣсь основанія достаточно характеризуютъ сущность преобразования и направленіе дальнѣйшаго его развитія; съ другой стороны должно сознаться, что успѣшность предлагаемаго здѣсь устройства много зависитъ отъ общаго строя нашей общественной жизни. Безъ соответственнаго преобразования существенныхъ стихій нашей политической жизни, каковы напримѣръ судъ и полиція, самое лучшее общественное устройство не принесетъ и половины той пользы, какую можно бы ожидать отъ него. Но правительство заявило уже объ этихъ преобразованіяхъ и потому можно надѣяться на устраненіе и этого затрудненія.

Наконецъ подробное опредѣленіе отношеній городского общества къ общей администраціи также не сдѣлано нами; но и это дѣло, быть-можетъ не легкое въ настоящее время, будетъ очень не трудно, если судъ и администрація наши получатъ устройство, основанное на болѣе современныхъ началахъ. Потому мы полагаемъ, что введеніе предлагаемаго нами устройства не встрѣтитъ значительныхъ затрудненій, по крайней мѣрѣ, такихъ, которыя могли бы превзойти тѣ благодѣтельныя послѣдствія, которыя по нашему убѣжденію должны быть результатомъ этого устройства.

При какихъ условіяхъ городскіе обыватели имѣютъ право голоса въ выборахъ?

Вообще говоря, условіями для права участія въ выборахъ должны быть только: 1) достиженіе извѣстнаго возраста (напримѣръ 21 г.); 2) гражданская полноправность; 3) принадлежность къ городу въ теченіе года (двухлѣтній срокъ едва ли не длинень). Имущество не должно бы здѣсь имѣть вліянія, развѣ только для дворянства, несущаго городскія повинности по собственности; но нельзя не согласиться, что установленіе ценза имѣетъ для настоящаго времени свои полезныя стороны и при современной развитости общества едва ли выгоды его не перевѣшиваютъ теоретическаго понятія о правѣ всѣхъ гражданъ участвовать въ выборахъ. Потому мы ничево не имѣемъ сказать противъ этого учрежденія и не находимъ даже норму ценза, установленнаго въ Петербургѣ и Москвѣ, высокою, но мы находимъ неудобною самую форму опредѣленія ценза посредствомъ дохода съ собственности. Опредѣленіе чистаго дохода бываетъ затруднительно во многихъ случаяхъ, а съ другой стороны, такое опредѣленіе формы ценза оставляетъ безправными лицъ, живущихъ своими трудами и иногда имѣющихъ значительные доходы напримѣръ врачи, ремесленники и т. п. Потому необходимо установить по нашему мнѣнію два рода ценза: 1) для собственниковъ, стоимость ихъ недвижимой собственности напримѣръ 300 рублей, и 2) для не соб-

ственниковъ, доходъ съ промысла или съ денежнаго капитала въ количествѣ напримѣръ для промысла въ 300 рублей и съ капиталовъ въ 100 руб. Но имущественный цензъ необходимъ только для тѣхъ лицъ, о развитіи которыхъ приходится заключать только по ихъ богатству; онъ совершенно излишенъ для лицъ, о развитіи которыхъ можно заключать изъ ихъ образованія. Потому должно постановить, что лица, кончившія курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ, крайней-мѣрѣ въ уѣздныхъ училищахъ, имѣютъ право участвовать въ выборахъ независимо отъ имущества, которымъ они обладаютъ, если конечно они удовлетворяютъ первымъ тремъ условіямъ (возрастъ, время приписки къ городу и гражданская полноправность).

Въ этомъ порядкѣ лежитъ возможность съ большимъ распространеніемъ образованія совершенно уничтожить современемъ цензъ имущественный, несправедливый въ сущности и допускаемый только по необходимости.

Какія условія должны соединять въ себѣ лица, избираемыя въ общественныя должности?

Если приходится по грустной необходимости ограничить цензомъ права избирателей и исключить такимъ образомъ большое число гражданъ отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, то нѣтъ сомнѣнія, что этой необходимости совсѣмъ не представляется относительно лицъ избираемыхъ. Ограниченіе права участвовать въ выборахъ оправдывается еще опасеніемъ отдать столь важное дѣло въ руки беспорядочной толпы, несознающей всей важности возложеннаго на нее занятія; но это опасеніе никакъ не прилагается къ лицамъ избираемымъ и даже трудно объяснить себѣ цѣль и побудительный поводъ постановленій по этому предмету въ петербургскомъ и московскомъ положеніяхъ. Неужели избиратели, составъ которыхъ достаточно уже обезпеченъ цензомъ, и которые, предполагается потому, сознаютъ всю важность своего дѣла, нуждаются сами въ цензѣ, чтобы опредѣлить достоинства избираемаго ими лица? Такъ предположимъ, что петербургское общество избирателей сознаетъ вполне, что такое-то лицо будетъ отличнымъ головой; но это лицо имѣетъ 29½ лѣтъ или собственность въ 14,000 и желанія избирателей остаются втунѣ и они принуждены избрать другое лицо, менѣе достойное по ихъ мнѣнію, но удовлетворяющее *законнымъ* требованіямъ.

Потому по нашему мнѣнію для лицъ избираемыхъ не должно быть никакого ценза, кромѣ тѣхъ условій, которыя ограничиваютъ самое право выбора, т. е. здѣсь можетъ-быть только одно правило: кто можетъ избирать, тотъ можетъ быть и избраннымъ во всѣ дол-

жности по общественному управленію; здѣсь если нужно сдѣлать измѣненіе, то относительно *ценза образованія*, назначивъ вмѣсто уѣздныхъ училищъ — гимназій. Такой порядокъ будетъ и раціональнѣе и предоставитъ болѣе свободы избирателямъ въ избраніи лицъ достойныхъ. Здѣсь единственной гарантіею должно служить сознаніе самихъ избирателей въ важности ихъ дѣла и въ необходимости избирать лицъ, лучшихъ въ обществѣ. Другихъ гарантій и не можетъ быть и нѣтъ въ нихъ надобности.

Какимъ образомъ должны быть опредѣляемы права избирателей и избираемыхъ?

Послѣ всего сказаннаго излишне говорить о правахъ избираемыхъ отдѣльно отъ правъ избирателей, такъ какъ по нашему мнѣнію тѣ и другія права должны совпадать.

Что касается до опредѣленія правъ избирателей, то порядокъ, изложенный въ циркулярѣ министерства, кажется наилучшимъ и по нашему мнѣнію можетъ быть принятъ къ каждому городу; нѣкоторая сложность его обуславливается тѣмъ, что столь важное дѣло должно быть обставлено всѣми возможными гарантіями. Для веденія всего этого дѣла нѣтъ надобности въ особомъ депутатскомъ собраніи, а оно можетъ быть произведено тою же распорядительной думой. Но въ городахъ, гдѣ не существуетъ еще городской общественной книги, составленіе этого основного и необходимаго документа должно быть поручено особой комиссіи изъ выборныхъ городского общества. Относительно опредѣленія дохода и имущества могутъ быть приняты средства, указываемыя министерствомъ и кромѣ того, если нѣтъ другихъ средствъ, собственное показаніе подъ страхомъ предавія суду за ложное показаніе.

Какой порядокъ долженъ быть установленъ относительно составленія общественныхъ собраній, а такъ же какъ должны производиться самыя выборы?

Относительно этого вопроса должно сознаться, что въ настоящее время одинъ изъ существеннѣйшихъ недостатковъ нашего городского управленія заключается въ безпорядочности выборовъ, которые производятся избирателями чуть не наугадъ; понятно какое зло происходитъ отсюда. Министерство само сознается, что хотя законъ и опредѣляетъ внѣшнія свойства лицъ избираемыхъ, но что кромѣ того необходимо, чтобы заступники общества отличались нравственными качествами, которыя законъ опредѣлить не можетъ, и которыя дѣлаются извѣстными только въ общегитіи (трудно понять въ такомъ случаѣ, какой же законъ опредѣляетъ эти внѣшнія свойства, если ихъ опредѣленіе не приноситъ пользы?) Это мнѣніе, должно полагать, раздѣляется и городскими общества-

ми. Почему же выборы производятся беспорядочно и избиратели, вмѣсто того, чтобы отыскивать людей съ нравственными качествами, часто кладутъ свои шары кому случится и какъ случится. Министерство полагаетъ корень этого зла въ томъ, что городскіе жители не знаютъ другъ друга и предлагаютъ для уничтоженія этого недостатка дѣлать заранѣе извѣстными списки кандидатовъ, составленные городовымъ депутатскимъ собраніемъ. Такъ дѣлается теперь въ Москвѣ и вѣроятно въ Петербургѣ (хотя объ немъ и не упомянуто въ циркулярѣ). Но одно это средство едва ли дѣйствительно, что и доказывается примѣромъ Петербурга, гдѣ и до сей поры выборы производятся, какъ можно заключить изъ послѣдняго циркуляра петербургскаго генералъ-губернатора и изъ общихъ слуховъ, такъ же неудовлетворительно, какъ и прежде. По нашему мнѣнію корень зла не въ томъ, что избиратели не знаютъ нравственныхъ качествъ лицъ ими избираемыхъ, а въ томъ, что они и не заботятся узнать эти качества; еслибы избиратели старались о томъ, то не могли бы не приобрести столь важнаго для нихъ свѣдѣнія. Дѣло въ томъ, что при современномъ состояніи общественнаго управленія у избирателей укоренилось грустное убѣжденіе, что все равно, кого ни избрать, и это убѣжденіе очень часто къ несчастію оправдывается на дѣлѣ. А при существованіи такого грустнаго убѣжденія едва ли можно помочь дѣлу, выставивъ списки кандидатовъ; безъ сомнѣнія эти кандидаты и будутъ избраны, но будутъ ли они достойны выбора, за это трудно поручиться. Очевидно, что составленіе этихъ списковъ депутатскимъ собраніемъ еще не ручается за то, что всѣ предлагаемые имъ кандидаты дѣйствительно хорошіе люди, могущіе принести пользу городу. Очевидно, что цѣль этихъ списковъ — указать только избирателямъ среду, въ которой слѣдуетъ отыскивать нравственные качества. Но возбуждаютъ ли одни эти списки сами по себѣ желаніе и охоту въ избирателяхъ къ такому изслѣдованію? Очевидно, что сами по себѣ списки не могутъ произвести столь чудеснаго дѣйствія, если прежде не было охоты у избирателей къ подобному дѣлу. Отсюда вытекаетъ то послѣдствіе, что индиферентизмъ избирателей въ столь важномъ дѣлѣ происходитъ, отъ иныхъ причинъ и требуетъ другихъ средствъ для излеченія. По нашему мнѣнію основная причина — недостаточное развитіе самоуправленія и происходящее отсюда бездѣйствіе и бюрократизмъ общественнаго управленія, поражающія въ свою очередь равнодушіе и въ обществѣ къ общественнымъ дѣламъ; единственное средство для излеченія зла — расширеніе самоуправленія и пробужденіе такимъ образомъ въ горожанамъ желанія и старанія заниматься дѣлами общества. Когда жители городовъ поймутъ, что

ихъ самоуправленіе не пустою звукомъ, а дѣйствительность, что ихъ участіе можетъ принести дѣйствительную пользу обществу, тогда и выборы пойдутъ успѣшно, и избиратели найдутъ людей съ нравственными качествами безъ пособія какихъ бы то ни было списковъ.

Что касается до раздѣленія избирателей на участки, то это дѣло полезное и даже можетъ-быть необходимо при многочисленности общества.

Относительно времени выборовъ, удобнѣйшее повидимому для того время октябрь или январь мѣсяцы. Выборы должны производиться подъ наблюдениемъ городского головы, въ присутствіи губернскаго прокурора и посредствомъ тайной баллотировки.

На какой срокъ должны быть избираемы должностныя лица и какія преимущества надлежало бы присвоить лицамъ, состоящимъ въ городской службѣ?

По нашему мнѣнію члены общей думы должны быть избираемы на два года, такъ чтобы чрезъ каждые два года могъ измѣняться составъ этого центрального управленія. Городской голова и члены распорядительной думы должны быть избираемы на такое же время. Относительно прочихъ должностей можно принять сроки, назначенные въ положеніи 1846 года, исключая секретарей, которые могутъ быть назначаемы или избираемы безсрочно, съ правомъ отказаться отъ службы по истеченіи трехъ лѣтъ.

Относительно содержанія лицамъ городского управленія мы должны высказать, что по нашему мнѣнію должно бы быть назначено содержаніе всѣмъ лицамъ, входящимъ въ составъ этого управленія. Нечего доказывать раціональность и полезность этой мѣры; но осуществленію ея препятствуютъ въ настоящее время недостаточныя средства городовъ, на примѣръ у насъ въ Перми едва ли предвидится тому возможность. Во всякомъ случаѣ должно предоставить въ этомъ отношеніи обществамъ полную свободу и можно думать, что при болѣе свободномъ самоуправленіи, при пробужденіи общественной жизни, — что должно необходимо послѣдовать вслѣдствіе расширенія самоуправления, — городскія общества наши придутъ къ убѣжденію о необходимости вознагражденія лицамъ, заботящимся о ихъ пользахъ. Если же только это убѣжденіе слѣдуетъ господствующимъ, то нельзя сомнѣваться, что средства для его осуществленія будутъ найдены. Но должно повторить еще разъ, что подобное убѣжденіе можетъ воспитаться только въ обществахъ съ возможно широкимъ самоуправленіемъ. Определить же закономъ обязательное вознагражденіе нѣтъ основанія, да и не принесетъ никакой пользы; это дѣло должно быть произведено самимъ обществомъ вполне добровольно, безъ всякаго внѣшняго принужденія.

Въ заключеніе всего нами высказаннаго, нельзя не прибавить, что образъ дѣйствій правительства въ настоящемъ случаѣ вполне рационаленъ. Обращаясь къ обществу и желая узнать его мнѣніе, правительство идетъ по истинному пути разумныхъ реформъ; поступая такимъ образомъ, оно очевидно хочетъ сообразоваться съ желаніями и убѣжденіями общества, хочетъ избѣгнуть вредныхъ послѣдствій системы, которая навязывала часто народу то что ему не было пригодно и даже совершенно чуждо его духу. Реформа городского устройства на началахъ истиннаго самоуправленія, если оно осуществится, будетъ имѣть огромное значеніе въ развитіи нашей политической жизни. Правительство наше можетъ быть убѣждено, что общества наши не останутся глухи къ голосу, пробуждающему въ нихъ свободныя учрежденія, такъ долго гложувшія подъ гнетомъ началъ, чуждыхъ духу русскаго народа; свободная община искони была любимой формой общежитія русскаго народа и восстановленіе его въ первоначальномъ видѣ не будетъ дѣломъ труднымъ, неосуществимымъ на практикѣ.

А. ПОИМСКІЙ

НЕОБХОДИМОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ, ПО ПОВОДУ РАЗНЫХЪ ХЛѢБНЫХЪ И НЕХЛѢБНЫХЪ ВОПРОСОВЪ

Въ послѣднее время въ текущей литературѣ объявилось множество голосовъ и мѣній противъ нашего журнала. Нападенія раздѣлились особенно дружно тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ нашего прошлогодняго сентябрскаго объявленія объ изданіи «Времени» въ 63 году. Иныя изъ этихъ нападеній основаны чисто на конкуренціи и имѣютъ въ виду одну только подписку. Купеческое дѣло. Такъ напримѣръ г. Краевскій, сей Тамберликъ русской литературы съ своимъ новымъ «Голосомъ» и цѣнящій свой «Голосъ» чуть не вдвое того, что даютъ Тамберлику, разразился противъ насъ въ самое подписное время. Разражаться другъ противъ друга въ подписное время — старинная привычка старинныхъ журналовъ, а отвыкать отъ старинныхъ привычекъ, извѣстно, не хорошо... Но этимъ раздраженіямъ мы теперь и отвѣчать не будемъ. Въ настоящую минуту мы имѣемъ въ виду другихъ обидчиковъ нашихъ и именно тѣхъ, которые особенно разсердились за одно слово въ нашемъ «объявленіи». До сихъ поръ мы имъ совсѣмъ не отвѣчали, хотя вотъ уже четыре мѣсяца какъ они выхолятъ изъ себя. Но начиная новый годъ изданія, мы находимъ не лишнимъ съ самаго начала года сказать вѣскольکو словъ всѣмъ этимъ выходящимъ изъ себя господамъ — не въ видѣ оправданія нашего передъ ними, а такъ въ смыслѣ вѣкотораго назиданія. Да кому же не худо иногда кое-что и поразъяснить...

Слово, о которомъ мы сейчасъ говорили, она до сихъ поръ забыть не могутъ. Они корчатся отъ него, какъ будто мы ихъ посадили на булавку. Это именно то мѣсто въ объявленіи нашемъ, гдѣ мы говоримъ, что «ненавидимъ пустозвонныхъ крикуновъ, свистуновъ, свистащихъ изъ хлѣба» и т. д. Всѣ они видимо приняли это мѣсто на свой счетъ. А между-тѣмъ что же дурного мы написали? Что мы ненавидимъ свистуновъ «свистащихъ изъ хлѣба» (т. е. не

свистуновъ вообще, а именно тѣхъ, которые свищутъ изъ хлѣба). Да кто же такихъ любить? Что можетъ-быть гаже такой дѣятельности? Что можетъ-быть возмутительнѣе, когда какая-нибудь совершенно спокойная, сытая и вселовольная верхоглядка, чаще всего пошлѣйшая бездарность, думаетъ выиграть на модѣ къ прогрессу, обличаетъ, свищетъ и выходитъ изъ себя за правду *по заказу и по модѣ*? Мы полагали, что такая дѣятельность, особенно при случаѣ, даже въ высшей степени вредна общему дѣлу. Вотъ почему мы такъ рѣзко и выразились о подобной дѣятельности и думаемъ, что выразили нашу мысль удачно и мѣтко. Мы именно имѣли въ виду честь и преусиѣяніе общаго дѣла прогресса и добрыхъ начинаній. Скажемъ всю правду: Говоря о «свистунахъ изъ хлѣба» мы не предполагали, да даже и теперь еще не хотѣли бы предполагать, что у насъ существуютъ экземпляры «свистуновъ изъ хлѣба» въ самомъ чистомъ, то-есть въ самомъ омерзительномъ ихъ состояніи; но однако нѣкоторые слѣды такого духа и направленія мы и тогда еще замѣтили. Хоть начало, да было. Признаки такіе существовали... Вотъ мы и сказали нѣсколько словъ въ видѣ обличенія и предостереженія, да сверкъ того желая заявить, что съ этимъ направленіемъ у насъ нѣтъ, не было и не будетъ ничего общаго, потому что мы уже и тогда предвидѣли дальнѣйшее развитіе этого хлѣбнаго направленія. И что же? На насъ вдругъ воцѣплялись цѣлыя тучи враговъ. Всякій изъ нихъ, даже вовсе и не хлѣбный свистунъ, принималъ наше выраженіе на свой собственный счетъ. Мы полагаемъ, что хлѣбные-то и соблазнили всѣхъ, даже и не хлѣбныхъ, подняться на насъ, увѣривъ тѣхъ, что мы вредимъ общему дѣлу. Замѣтимъ вообще, что наши не хлѣбные, хоть и бываютъ иногда чрезвычайно хорошіе люди, но все-таки болѣею частію народъ чрезвычайно легкомысленный, спѣшливый и доверчивый. Самый отъявленный свистунъ изъ хлѣба икъ надуется и онъ ему вѣрится и примутъ его въ сотрудники и т. д., и т. д. Даже такъ бывало: кто бы ни былъ сотрудникъ, хоть и зазнамо хлѣбный свистунъ, — имъ все равно, свисталъ бы только съ ихъ голоса. Это хоть и теорія, хоть и принципъ, но въ сущности глубокая ошибка. Для всякаго хорошаго дѣла надо, чтобъ и дѣлатель былъ хороший, не то — тотчасъ же не тѣмъ голосомъ закричитъ и вопрепятъ хорошему дѣлу и оскандалитъ его въ публикѣ своимъ въ немъ участіемъ. А при перемѣнѣ обстоятельствъ, при лороговизнѣ хлѣба всѣ эти хлѣбные господа первые везутъ свои «таланты» на толкучій рынокъ и продаютъ ихъ туда, гдѣ больше дадутъ, т. е. въ другія редакціи. Это называется у нихъ благородно перемѣнять свои убѣжденія. Такіе сотрудники вездѣ невыгодны, но мы полагаемъ, что они-то и

соблазнили своимъ куринымъ крикомъ всѣхъ другихъ принять наше выраженіе о свистѣ изъ хлѣба на свой собственный счетъ. А такъ какъ мы всѣ безъ исключенія обидчивы до истерички и щекотливвы какъ жены Цезаря, на репутаціи которыхъ не долженствовало быть ни пушички сомнѣнія, то дѣло и пошло на ладъ. Всѣмъ извѣстно, что благороднѣйшихъ людей у насъ чрезвычайное количество, но съ грустію надо сознаться, что многіе изъ нихъ необыкновенно мелко плаваютъ. Вотъ и поднялись на насъ, одинъ за другимъ, всѣ эти мелкоплаватели, которыхъ имъ и не думали называть «свистунами изъ хлѣба», «униженные и оскорбленные» нами. Поднялись даже самые невиннѣйшіе дѣятели, красенькое словцо принимающіе за дѣло; поднялись дешовые обличители и рифмоплеты, составители современныхъ буриме съ направленіемъ; поднялись все готовые разрѣшить мыслители, преслѣдователи соображенія и науки; подвалили крошечные Петры-великіе, въ душѣ администраторы и чиновники, съ холоднымъ книжнымъ восторгомъ (а нынѣ безъ восторга), пренаивно считающіе себя за представителей прогресса и глубоко неподозрѣвающіе полнѣйшей своей бесполезности. Но мы не удивлялись всей этой ярости. Большинство всѣхъ этихъ благороднѣйшихъ, но не совсѣмъ глубоко плавающихъ господъ, чаще всего нападаетъ именно на то, во что самъ же вѣруеть; слѣпо не различаетъ своего въ другой формѣ, проповѣдуетъ прогрессъ, а чаще всего отстаиваетъ глубочайшее варварство, и отстаивая во что бы ни стало цивилизацію, санкціонируетъ, невѣдая что творя, вѣтхачину и регламенты. Духа русскаго тутъ и слыхомъ не слышать и видомъ не видать. Чутья русскаго и во свѣ не предвидятся. Тутъ напримѣръ патріотизмъ безъ церемоніи становится на фербантъ, потому что патріотизмъ — исключительность, а слѣдственно ведетъ къ ретроградству. Искусство бесполезно. Самое лучшее произведеніе искусства это иліада, а въ иліадѣ разные боги и суетврія, а боги и суетврія ведутъ къ ретроградству. Кромѣ шутокъ. Хоть именно объ иліадѣ и не было говорено, но понятія объ искусствѣ всѣхъ этихъ художниковъ можно именно подвести подъ эту формулу объ иліадѣ. Червонорусы ретрограды, потому что враждебно относятся къ чужому вѣроисповѣданію и фаватически стоятъ за свое въ нашъ вѣкъ вѣротерпимости и прогресса. Не говорите имъ, что въ вопросѣ о вѣроисповѣданіи у червонорусовъ именно все заключается, что въ этотъ вопросъ, исторически, вѣками сошлись всѣ остальные національные вопросы; что этотъ вопросъ носилъ четырёх-сотъ-лѣтнихъ страданій народа обратилса у него въ формулу, въ знамя, что онъ знаменуетъ въ себѣ разрѣшеніе всѣхъ обидъ, всѣхъ остальныхъ национальныхъ недоумѣній и заключаетъ

въ себѣ національную независимость; что все это случилось и случилось такъ исторически, и что судьба черноворусовъ была совершенно непохожа на нашу. Нужды нѣтъ: ретроградство! одно ретроградство, ибо въ нашъ вѣкъ, вѣкъ прогресса и вѣротерпимости не можетъ быть... того-то и того-то, а слѣдовательно и т. д. и т. д.

Правда, что многіе изъ этихъ мыслителей давнымъ-давно уже ни о чемъ не задумываются. Сомнѣній, страданій у нихъ повидимому никогда ни въ чемъ не бывало; но самолюбія, доходящаго до какой-то бабьей истерической раздражительности у нихъ чрезвычайно много. Самолюбіе есть основаніе ихъ убѣжденій и для самолюбія очень многіе изъ нихъ готовы рѣшительно всѣмъ пожертвовать, т. е. всякими убѣжденіями. Убѣжденія ихъ удивительно ограничены и обгочены. Сомнѣваться имъ уже не въ чемъ... Для нихъ жизнь что-то такое маленькое, пустое, что въ нее не стоитъ и вдумываться. Самые вѣковѣчные вопросы, надъ разрѣшеніемъ которыхъ страдало и долго еще будетъ страдать человѣчество, возбуждаютъ въ нихъ только смѣхъ и презрѣніе къ страдальцамъ, которые ихъ разрѣшали, а которые и теперь отъ нихъ страдаютъ и мучаются ихъ разрѣшеніемъ, это у нихъ ретрограды. У нихъ же все разрѣшено и вдругъ. «У меня это вдругъ,» говоритъ Хлестаковъ. Какой-нибудь вопросъ, вродѣ того: какъ напимѣръ устроить на будущей недѣлѣ счастье всего человѣчества, для нихъ также легко разрѣшать, какъ напимѣръ высморкаться. Вѣра въ иностранныя книжки у нихъ фанатическая. Впрочемъ многіе изъ нихъ даже и книжекъ-то не читаютъ, а такъ только хватаютъ вершки отъ тѣхъ, которые прочли. Слыхалъ когда-то о лордѣ Джонѣ-Росселѣ, Кобденѣ и хлѣбныхъ законахъ, слыхалъ что это было тогда либерально, ну вотъ для него это и теперь либерально, и не смѣй и не думай сомнѣваться, — какъ можно смѣть свое сужденіе имѣть. Это ужъ ретроградство, такъ и въ книжкѣ написано. Вотъ всѣ-то эти преслѣдователи вдругъ и осадили насъ, чрезвычайно досадуя на то, что мы имъ не хотимъ отвѣчать, а только обличаемъ ихъ иногда, единственно чтобъ какимъ-нибудь однимъ удачнымъ примѣромъ выставить разомъ характеръ ихъ дѣятельности. Мало того, они, чтобъ принести намъ какъ можно больше вреда, видимо стараются представить въ другомъ видѣ характеръ нашего выраженія на счетъ «свистуновъ изъ хлѣба». Повѣривъ настоящимъ свистунамъ изъ хлѣба, привавъ это выраженіе на свой собственный счетъ и ужасно обидѣвшись, они теперь ужасно хотятъ выставить и доказать, что мы, нападая на нихъ, нападаемъ вообще на прогрессъ и отстаиваемъ мракобѣсіе, и такимъ образомъ прямо ставятъ себя *представителя*

ми прогресса. Вотъ на это-то мы и хотимъ теперь отвѣчать. Вопросъ о «свистунахъ изъ хлѣба» мы теперь кончимъ. Мы считаемъ его разъясненнымъ достаточно. Гадко поддерживать этихъ свистуновъ, господа, а вѣдь вы знаете, что они существуютъ, по крайней мѣрѣ сильно наклеваются. На свой собственный счетъ вы, господа, или лучше сказать огромная часть изъ васъ, его не можете при-
нять, тѣмъ болѣе что хлѣбные люди въ послѣднее время слишкомъ ярко опредѣлились въ нашей журналистикѣ: ихъ со всѣхъ сторонъ видно. Мы объяснились, мы вѣримъ, что вы большею частію «не изъ хлѣба» свицете. Вы свицете изъ чести, изъ *представитель-ства*, но вотъ объ этомъ-то представительствѣ мы и хотимъ погово-
рить. Послушайте, господа, какіе же вы представители? Что общаго между вами и прогрессомъ, или между вами и молодымъ поко-
лѣніемъ? скажите пожалуйста! Вотъ это-то и возбуждало въ насъ все-
гда глубочайшій смѣхъ, на васъ глядя. Любимая повадка ваша—прятаться за справедливую идею и за громкія литературныя имена пи-
сателей, то-есть прикрываться авторитетами, преимущественно та-
кими, которые стяжали себѣ особое уваженіе. «Нападаютъ на васъ, а! Значитъ нападаютъ на прогрессъ. Мы свистуны изъ хлѣба, а!
Значитъ и Чернышевскій и Добролюбовъ свистуны изъ хлѣба». Но, господа, мы вовсе не принимаемъ васъ за Чернышевскихъ и Добролюбовыхъ. Что же касается до справедливой идеи, которую вы прикрываетесь, то надо признаться—это наиболѣе употребительный въ нашей литературѣ приемъ. Всѣ заслоняются болѣе или менѣе авторитетными идеями и увѣряютъ, что дѣйствуютъ по убѣж-
денію. Иные дѣйствительно дѣйствуютъ по убѣжденію; честь имъ и слава за это. Другіе же хитрятъ, натягиваютъ идею за уши, а подъ идей-то и оказываются какія-нибудь «казенныя объявленія». Но положимъ, что вы всѣ не хитрите, а наивно считаете себя жре-
цами, представителями и просвѣтителями (пусть ужъ это будетъ дѣло совѣсти многихъ изъ васъ.). Скажите по правдѣ, можно ли хоть сколько-нибудь серьезно повѣрить вамъ когда вы кричите: «Мы за прогрессъ, мы работаемъ на фабрикѣ, а вы только мѣшаете и проч.» Помилуйте! да вы-то всему и мѣшаете! Мы именно счита-
емъ васъ неумѣлыми, неспособными и всему повредившими. Извините, что мы такъ прямо говоримъ вамъ; но вѣдь это потому только, что съ вами иначе никакъ нельзя разсуждать. Вы это сами знаете. Мы и говоримъ-то не для васъ, а для публики. Вы же раз-
суждений не терпите, вы сердитесь и обижаетесь истерически, когда кто васъ останавливаетъ и несогласуется съ вами, съ вами все знаю-
щими, все разрѣшившими. Вы приходите въ бѣшенство когда кто-
нибудь требуетъ отъ васъ чутья, русскаго духа, гуманности, со-

вѣстливости и логики. Въ нашъ вѣкъ да логики! «Нашъ вѣкъ дѣло прогреса, а вовсе не логики, подите вы съ логикой, assez causé!» скажутъ или подумаютъ шныи изъ васъ читая это. Но на этотъ пунктъ мы хотимъ вамъ дать ясныи отвѣтъ.

Пожалуста не принимайте наше выраженіе о логикѣ буквально. Никакое движеніе къ прогресу не исключаетъ логики и мы очень хорошо знаемъ, что никто изъ васъ не захочетъ сказать буквально: «Нашъ вѣкъ—дѣло прогреса, а вовсе не логики...» Даже напротивъ: самые фанатическіе—то прогресисты всего больше и претендуютъ на логику, и претендуютъ именно въ мгновенія самаго большаго проявленія ихъ фанатизма тогда, когда ужь дѣйствительно не до логики. Нашей фразой мы хотѣли только обозначить все негодованіе прогресистовъ и преимущественно молодежи на тѣхъ, которые разсуждаютъ и сомнѣваются когда надо дѣло дѣлать. Это негодованіе, этотъ антагонизмъ всегда былъ и будетъ между двумя поколѣніями юнымъ и зрѣлымъ; онъ былъ и пребудетъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Мало того, мы считаемъ его вполне законнымъ. Нетерпѣливая часть прогресистовъ физически не можетъ сдѣлаться терпѣливой. У ней и пульсъ ходитъ скорѣе. Она и факты должна принимать поспѣшнѣе; она удовлетворяется умозрѣніями, потому что и не подозреваетъ еще всего того, чему послѣ придется ей научиться у жизни. Была бы только идея великодушна и вела бы къ развитію, — вотъ ей чего надобно! И безъ этихъ нетерпѣливыхъ, передовыхъ и свѣтъ не стоитъ. Мало того, еслибъ все были одни разсуждающіе, одни сомнѣвающіеся и осмотрительные, ничего бы и не было. Передовая часть общества также законна, какъ и осмотрительная. Но зато тѣ, которые себя считаютъ представителями прогресистовъ и прогресивной идеи, о! тѣ всегда должны умѣть дать отчетъ, хотя бы самимъ себѣ, своей совѣсти. Они должны знать куда идуть, должны умѣть указать и направить, а главное, главное — должны быть вполне совѣстливы въ своихъ указаніяхъ. Повторяемъ теперь вопросъ: можемъ ли мы васъ принять за представителей и указателей прогресивной идеи? Бьемся объ закладъ — вы думаете, что мы хотимъ укорить васъ въ эту мнуну за то, что вы горячи и поспѣшны до неосмотрительности. Разувѣрьтесь: мы именно потому считаемъ васъ неспособными и неумѣлыми, что вы мертво-холодны, что въ васъ нѣтъ жару, нѣтъ духа, что убѣжденія у васъ не свои, а заемныя, а если и случаются свои, то легкомысленность ихъ свидѣтельствуетъ о слишкомъ малой совѣстливости, съ которой они приняты; что гражданского чутія нѣтъ у васъ, иначе бы вы знали на что и куда указывать, а вы въ этомъ помнуну даете промахи; что съ мѣста вы не можете сдвинуться, а

увѣряете, что идете впередъ, что самолюбіе и выгоду вы чаще всего соединяете съ общимъ дѣломъ, и что наконецъ, если ужъ взять все, опять-таки вы всему мѣшаете. И главное тѣмъ мѣшаете, что опошляли и измельчили въ глазахъ общества самыя правдивыя идеи и начинанья. Вы бездарно волочили великую мысль, по улицѣ и вмѣсто того, чтобъ произвести энтузіазмъ, *надолжи* публикѣ, а *надолость* въ этомъ случаѣ публикѣ — великое преступленіе. На бездарность-то вашу мы и досадовали и часто намъ бывало очень больно, когда вы дѣло проигрывали. Мы болѣли за васъ душой, когда годъ назадъ вы проиграли дѣло съ г. Писемскимъ, по поводу фельтоновъ Никиты Безрылова. А между-тѣмъ ны были совершенно правы. Проигрывать такія дѣла негодится. Вы были своихъ и не вѣдали что творили, да и теперь не догадываетесь. Хоть общество и давно смотритъ на васъ двусмысленно, но постояннымъ опошляваніемъ того, чего не надо опошлявать, все-таки можно принести много вреда. А вы именно это дѣлаете. Поминутно дѣлаете. Оставляетъ же васъ общество (а оно оставляетъ васъ дѣйствительно) вовсе не потому, что оставляетъ идею, которой вы (будто бы) служите, а потому, что сами-то ужъ вы слишкомъ плохи. Повѣрьте намъ: давно уже видятъ и понимаютъ, что Левъ Камбекъ и стулья на Невскомъ проспектѣ вовсе не исчерпываютъ собою всѣхъ современныхъ задачъ, вопросовъ и недоумѣній, возникшихъ въ нашей землѣ въ послѣднее время. А вѣдь серьезно-то говоря, у васъ больше ничего и нѣтъ. Вы простодушно увѣрены, что именно въ Левѣ-то Камбекѣ и состоитъ вся суть. Да я вамъ откровенно признаюсь: я въ ужасъ пришолъ, когда вдругъ разнеслась было вѣсть, что Левъ Камбекъ оставляетъ литературное поприще. Чтожъ будутъ дѣлать наши виршеплеты, фельетонисты и вообще всѣ они, гордо считающіе себя предводителями прогреса нашего, подумалъ я съ горестью? Вѣдь *«Вѣкъ»* и *Левъ Камбекъ* служили къ провитанію цѣлыхъ-тучъ прогресивствовавшихъ съ ихъ малыми дѣтьми такіе долгіе, длинныя годы!.. Страшно было прогресу и обществу, когда еще года полтора тому назадъ (экая старинна!) исчезла первая рифма *«Вѣкъ»*, похороненная журналистами-гробокопателями. И вотъ теперь исчезаетъ и вторая: Камбекъ. Стулья сняты, о Боже! Чтожъ оставляешь ты послѣ этого для движенія прогреса и преуспѣванія нашего? восклицалъ я съ горестью, — вѣчно юнаго и вѣчно возможнаго Аскочевскаго, да еще кукельванъ. Больше-то вѣдь ничего, ровно ничего не остается...

Увы, господа! Не считайте, что мы кривляемся или говоримъ въ васмѣшку. Мы прямо увѣрены, что кромѣ Льва Камбека да кукельвана, у васъ нѣтъ ничего, — нѣтъ, не было и не будетъ!

Пожалуста не говорите намъ, что у васъ и про городничихъ, и про исправниковъ, и про корнета, играющаго на пистонѣ, и про Сорокина и даже про эманципацію женщинъ. Увѣряемъ васъ, господа, что все, о чемъ бы вы ни заговорили, все это будетъ только Левъ Камбекъ, да кукельванъ. Поймите насъ.

Про кукельванъ говорить положимъ можно, про г. Каткова Ѳаддей болгаринствующаго на Москвѣ, можно и должно, даже про Льва Камбека иногда простительно, даже про городничаго А, въ губерніи Б, въ уѣздѣ В, обидѣвшаго бабу Д, въ году отъ Р. Х. Е и въ мѣсяцѣ Ж, тоже подчасъ позволительно и необходимо. Но вѣдь говорить надо своей инициативой, со смысломъ и съ толкомъ а не съ чужого голоса. Обличаете вы иногда такъ, что у васъ праваго отъ виноватаго не отличишь, потомучто вы сами-то зачастую не знаете кто правъ, кто виноватъ! Видно до очевидной ясности, что дорогого у васъ самихъ въ этомъ святомъ дѣлѣ обличенія нѣтъ ничего. Для чего, для какихъ причинъ вы обличаете, — этого совершенно не видно, а видно то, что вы и сами-то объ этомъ можетъ не вѣдаете. Все съ чужого голоса. Спроси васъ, гдѣ причина? гдѣ узелъ? гдѣ разгадка такого-то факта? хорошъ или дуренъ этотъ фактъ? что означаетъ и изъ чего происходитъ? объ этомъ вы и намекъ не дадите, или окончателно промахнетесь. Взгляду у васъ нѣтъ никакого. Что вамъ подскажутъ, о томъ вы и затрепчите. Скажутъ вамъ напримѣръ, что вотъ въ томъ-то кое-что есть, а вы тотчасъ и подумаете, что въ томъ и вся суть заключается. — т. е. вся, рѣшительно вся, и что болѣе ничего не надо. А такъ какъ у васъ чувства мѣры нѣтъ никакого, то и танется у васъ городничій, да кукельванъ полтора года сряду. Внутри Россіи, о которой вы понятія не имѣете, совершаются тѣмъ временемъ событія, возникаютъ вопросы. Читатель требуетъ отъ васъ живой мысли, объясненія дѣла, источника, откуда оно происходитъ, указанія на средства, хоть намекъ какаго-нибудь, а у васъ premier Petersbourg начинается эмансипаціей женщинъ. Помилуйте, да вѣдь все хорошо къ мѣсту и къ времени, иначе тотчасъ же можно опозлить великую мысль, и ваши юмористы будутъ только воронъ пугать, а не дѣло дѣлать. Вотъ это-то все и называется рутинною въ высочайшей степени. Гражданскаго чутья нѣтъ, а вѣдь это какъ хотите видно, замѣтно. За одно святое дѣло нечего прятаться, великой мыслью нечего прикрываться. Сквозитъ, видно. Надоио заставить и себя уважать, чтобъ обличеніе было дѣйствительное и плодотворное. А какъ это сдѣлать? Да какъ: прежде всего надо быть самому гражданиномъ. Гражданское чутье различитъ о чемъ говорить и на что показывать, что право, что нѣтъ. Надо чтобъ видна была

любовь къ дѣлу, энтузіазмъ. А какіе мы граждане? Всѣ мы въ сущности раздражонные эгоисты, для которыхъ собственныя, домашнія препинанія дороже всякаго общаго дѣла. И такимъ-то соваться прямо въ учителя, быть пренаивно увѣрену, что мы-то одни и остались теперь предводителями молодыхъ силъ и начинаній общества! Да вѣдь это все равно, что слѣпому слѣпого водить; да и прекомическая въ сущности мысль! Мы благоговѣнно вѣрнимъ въ наше юношество. Въ немъ прежде всего настоящая, естественная молодая сила, въ немъ дѣйствительныя задатки начинаній, намъ дослѣ невѣдомыхъ. Въ немъ должны быть и есть стремленія и позывы до страданія, волнующія ихъ молодыя души. Имъ ли успокоиться на Львѣ Камбекѣ? А мы вѣдь успокоились видимо вседовольно. Что правду-то таить! Ну что въ томъ, что мы обличаемъ? Вѣдь и Булгаринъ писалъ нравственно-сатирически. Вы не сердитесь и выслушайте. Захочется вамъ обличить, а выйдетъ у насъ сплетня. Захочется вамъ съострить, посмѣяться надъ чѣмъ-нибудь, а выходитъ какая-нибудь угрюмая, тяжолая ярыжность, что-то деревянное, мрачное, какое-то бездарное, однообразное, всѣмъ наскучающее тыканье пальцемъ. Надо выказать негодованіе, а такъ какъ негодованіе самая святая вещь, такъ-какъ для негодованія нужно сердце, такъ-какъ нельзя изобрѣсти или поддѣлать негодованіе если его въ сущности нѣтъ и не можетъ быть, то вы отдѣлываетесь раздражительною, васъ же унижающею злостью и завистью, и кто знаетъ, можетъ и въ самомъ дѣлѣ принимаете это раздраженіе за негодованіе. Съ вами это случилось: вѣдь вы унижались даже до попрека редактору «Времени» за его табачную фабрику, карикатура насъ за это и ставя намъ это въ стыдъ. Вы на «Время» очень злитесь, это понятно: «Время» не хочетъ подчиниться вамъ и считать васъ за дѣятелей, и вдругъ это же невѣжливое «Время» имѣетъ успѣхъ, несмотря на всѣ ваши крики и возгласы, а можетъ-быть отчасти и благодаря нашимъ крикамъ и возгласамъ. Даже навѣрно такъ. Кстати: въ ненависти своей вы не разъ упрекали насъ, что мы не исполняемъ обѣщаннаго въ нашей программѣ и поклоняемся авторитетамъ. Мы только улыбались читая это. Помилуйте! Да «Время» начало съ того, что не соглашалось и даже нападало на Чернышевскаго и Добролюбова, а они въ то время были боги; оно не соглашалось и съ вами и негодовало всегда на вашъ казенный либерализмъ, застегнутый на всѣ форменныя пуговицы и занятый по частямъ, но безъ большого толку, утѣхъ, которые понимали дѣло; а вѣдь вы еще тогда имѣли вліяніе. «Время» обличало г. Каткова и предрекало ему ново-булгаринскій путь, еще тогда, когда вы всѣ мѣли передъ г. Катковымъ, покрай-

ней-шѣрѣ ожидали отъ него великихъ преуспѣваній на пути прогресса. И мы знали что дѣлали и на какую опасность шли нашими нападеніями на авторитеты. Вы-то впрочемъ были не очень страшны, но Чернышевскій и Добролюбовъ были другое дѣло. Добролюбовъ особенно: это былъ человѣкъ глубоко-убѣжденный, проникнутый святою, праведной мыслью и великій боецъ за правду. Чернышевскій работалъ съ нимъ вмѣстѣ. Мы несогласны были съ вѣкоторыми уклоненіями Добролюбова и съ теоретизмомъ его направленія. Онъ мало уважалъ народъ: онъ видѣлъ въ немъ одно дурное и не вѣрилъ въ его силы. Мы противорѣчили ему, а вѣдь опять-таки тогда онъ былъ богъ. Вотъ это такъ авторитеты! А вы думали, что мы также какъ вы будемъ нападать на тѣхъ, кого не бьетъ кто не хочетъ. Ну смѣли бы вы напасть на Тургенева, еслибъ не раздался голосъ «Современника»! Вы такъ и думали, что мы начнемъ лупить, начиная съ праваго фланга: Пушкина, Гоголя, Островскаго, Тургенева, Писемскаго. Эхъ вы! Въ самомъ дѣлѣ вы именно на тѣхъ только и нападаете, на кого вамъ старшіе укажутъ и на кого повашему не опасно. Ну а насчетъ табачной фабрики, такъ мы подчасъ и краснѣли за васъ. Да вы-то что за аристократы, позвольте васъ спросить? Либеральнымъ изданіямъ ужъ это бы и неприлично. Вѣдь это напоминаетъ нападки на Полевого за то, что онъ былъ купецъ. Это стыдно и бездарно. Говорилось тоже у васъ, что «Время» издается для спекуляціи, для поправленія какихъ-то денежныхъ обстоятельствъ. Да вѣдь послѣ того каждому банкроту стоило бы только основать журналъ, вотъ и обстоятельства поправлены, вотъ и денегъ куча. Какъ легко это у васъ дѣлается. Да вѣдь на нашихъ глазахъ основывалось много журналовъ и газетъ, съ величайшимъ желаніемъ подписчиковъ и изданія падали. Другія до сихъ поръ не могутъ набрать столько, чтобъ окупить себя. Почему же намъ-то удалось? Счастье чтоли? Да вѣдь помилуйте: одинъ годъ — счастье, другой годъ — вавое болѣе счастья, третій — еще больше чѣмъ прежде счастья: «воля вапа, нужно немного и ума» для такого постоянного счастья.

Вы нападаете еще на насъ за почву, за народное начало, за соединеніе и примиреніе; но объ этомъ мы съ вами говорить не будемъ, потомучто считасмъ это дѣло серьезнымъ. Мы объ этомъ поговоримъ съ другими. Прощайте.

НАШЕ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

Прошедшее и будущее. — Особое присутствіе для изысканія способовъ къ большому обезпеченію быта духовенства. — Гармонія ожидаемыхъ преобразованій между собою. — Необходимость вопроса объ экономической будущности Россіи. — Неурожай. — Цѣны на хлѣбъ. — Важнѣйшій изъ современныхъ вопросовъ. — Распредѣленіе налоговъ. — Самоуправленіе въ Дмитровкѣ. — Извѣстія изъ царства Польскаго.

На рубежѣ своего второго тысячелѣтія Россія имѣетъ тысячу поводовъ на минуту оглянуться на свой пройденный путь и нѣсколько призадуматься о томъ что предстоитъ впереди. Призадумываться и оглядываться можно съ большою пользою всегда, во всякое время; но тысячелѣтняя годовщина составляетъ для этого особенно удобный, благоприятный и заманчивый поводъ. Наступившій годъ есть первый годъ нашего второго тысячелѣтія. Десять вѣковъ прожито, и что-нибудь успѣло же въ эти десять вѣковъ вырабататься, созрѣть, уясниться. Были же сдѣланы такіе шаги, о которыхъ смѣло можно сказать, что такихъ болѣе дѣлать не надо; были и такіе, которые можно и повторить; можно даже указать на такіе, которыхъ надо желать всѣми силами души и усердно къ нимъ стремиться. Восемь вѣковъ тому назадъ Россія была въ Европѣ государствомъ передовымъ, а теперь намъ приходится некрасивѣя говорить, что «намъ и подавно некстати порываться впередъ, не соображаясь съ силами. Мы не застрѣльщики цивилизаціи... Наша поступь для этого слишкомъ тяжела.» (Голосъ.) По этому поводу не мѣшаетъ замѣтить, что порываться впередъ въ дѣлѣ цивилизаціи во всякомъ случаѣ кстати, что бы ни говорилъ какой угодно голосъ, но покамѣстъ оставимъ это всторонѣ. Положимъ покамѣстъ, что въ настоящую минуту это правда, что мы состоимъ въ резервѣ; но ежели мы восемь вѣковъ тому назадъ служили въ авангардѣ, то

не отъ природы же у насъ тяжолая поступь, а отъ чего-нибудь другого, и если она не природная, то ужь конечно искусственная, то есть произведенная отчасти враждебными, отчасти же хотя дружественными, но ошибочными вліяніями.

Новое тысячелѣтіе застало насъ среди громаднѣйшихъ домашнихъ передрѣлокъ. Нѣтъ ни одной отрасли государственнаго управленія, въ которой не происходило бы самыхъ радикальныхъ преобразованій. Въ жизни народовъ невозможно указать другого подобнаго примѣра; нигдѣ передрѣны не совершалось съ такою поразительною легкостью и непринужденностью, нигдѣ онѣ не проникали такъ далеко во всѣ стороны различныхъ вѣтвей домашняго государственнаго быта, не касаясь главнаго ствола и корней, и въ то же время нигдѣ подобное явленіе не совершалось такъ спокойно, съ такимъ отсутствіемъ потрясеній, насилій, жертвъ, такъ-сказать однимъ почеркомъ пера. Такое изумительное явленіе было бы совершенно необъяснимо, если бы всѣ предпринятія передрѣны не относились такъ-сказать къ частностямъ, къ подробностямъ (впрочемъ далеко не мелкимъ) нашего государственнаго быта и если бы въ то же время сущность его, система, общее направленіе не оставались неизмѣнными.

Само правительство своєю собственною инициативой, безо всякой подачи прошенія съ чьей бы то ни было стороны, сознало, что крѣпостное положеніе крестьянъ вредно для экономическаго развитія государства, и разрѣшило печати принять участіе въ разработкѣ вопроса объ освобожденіи; потомъ, какъ извѣстно, это участіе было приостановлено. Далѣе, правительство признало неудобство откуповъ, постановило ихъ уничтожить и замѣнить другою системой, и потомъ разрѣшило печати ратовать противъ откуповъ. Правительство само сознало неудовлетворительность учреждений по народному просвѣщенію и распорядилось пересмотромъ уставовъ всѣхъ учебныхъ заведеній, начиная отъ университетовъ до народныхъ школъ. Правительство признало негодность существующихъ судебныхъ учреждений и положило основаніе ихъ передрѣнѣ. Правительство увидѣло неудовлетворительность и другихъ учреждений, городскихъ, рекрутскихъ, полицейскихъ, торговыхъ, кредитныхъ, земскихъ повинностей, народнаго продовольствія, карательныхъ, податей и пошлинъ, общественнаго призрѣнія, духовенства, и съ твердостью приступило къ пересмотру, а отчасти и къ передрѣлкѣ всего этого. Каждая изъ этихъ передрѣлокъ, взятая отдѣльно, составляетъ важное государственное событіе, а изо всѣхъ вмѣстѣ выходитъ не переворотъ, а передрѣна, невиданная въ исторіи народовъ. Правительство великодушно замѣтило, что прежній его собственныя распоря-

женія и постановленія или неудобны, или слишкомъ тяжки, или несправедливы, или невыгодны, или вообще неудовлетворительны для народа и для самаго правительства, и вознамѣрилось замѣнить ихъ такими, которыя по примѣру иностранныхъ государствъ кажутся ему лучшими. Никакого вѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія, что пятнадцать или десять лѣтъ тому назадъ правительство точно такъ же какъ и теперь желало блага своему народу, и если тогда не дѣлало въ существовавшихъ учрежденіяхъ никакихъ рѣзкихъ перемѣнъ, то только потому, что считало тогдашнія учрежденія удовлетворительными. Мнѣніе народа, мнѣніе тѣхъ, кто несъ на себѣ эти учрежденія, тогда неспрашивалось, но если бы оно тогда было спрошено, и конечно не для одной только формы, а съ предоставленіемъ полного права высказываться и съ твердымъ, неколебимымъ ручательствомъ за то, что человѣкъ не потерпитъ за высказанное мнѣніе, тогда оно дало бы весьма важныя указанія на потребности, которыхъ удовлетвореніе не должно было откладываться, и сверхъ того оно указало бы на направленіе, въ которомъ общая польза требуетъ рѣшенія даннаго вопроса. Тѣже самыя неудобства, которыя открыты теперь, существовали конечно и десять лѣтъ тому назадъ, но по случаю нѣмого молчанія народнаго или не замѣчались, или считались неважными, ничтожными. По случаю того же молчанія, правительство, при всемъ желаніи добра, ошибалось именно въ томъ смыслѣ, что не приступало къ необходимымъ перемѣнамъ. Теперь оно само, начиная перемѣны по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, косвеннымъ образомъ признало, что прежде направляли народную дѣятельность ошибочно и управляли не вполне сообразно съ тѣмъ, чего требуютъ народныя выгоды. Перемѣняя то что существуетъ и существовало десятки и сотни лѣтъ по волѣ или съ разрѣшенія самаго правительства, оно тѣмъ самымъ признаетъ, что это неудовлетворительно, негодно, и на одномъ себѣ несетъ отвѣтственность за благосостояніе народа, за всѣ предпріятыя перемѣны. Понятно само собою, что мы этимъ вовсе не хотимъ сказать, чтобы которая-нибудь изъ предпріятыхъ перемѣнъ была не нужна, или несвоевременна. Совершенно напротивъ, многія изъ перемѣнъ ожидаются обществомъ давно, составляютъ предметъ напряженнаго желанія...

Какъ бы то ни было, но приступая къ перемѣнамъ по всѣмъ отраслямъ управленія, правительство заявило, что по его мнѣнію существующій порядокъ по всѣмъ отраслямъ неудовлетворителенъ и долженъ быть замѣненъ другимъ. Въ этомъ случаѣ всѣ безъ исключенія честные люди съ правительствомъ совершенно согласны, и такъ какъ правительство производить перемѣны своею собствен-

ною инициативой, то вся слава за сдѣланное добро и нравственную отвѣтственность передъ потомствомъ за возможные неудачи или ошибки принадлежить ему одному. Общество же съ своей стороны можетъ только съ большимъ или меньшимъ нетерпѣніемъ ожидать что будетъ, какія учрежденія будутъ даны и съ покорностью нести то что будетъ на него возложено. Зато оно теперь имѣетъ законное, дозволенное право признавать существовавшій порядокъ неудовлетворительнымъ и жить мечтою о неизвѣстномъ будущемъ. Прѣжнія учрежденія покамѣстъ еще остаются, потомучто нѣтъ возможности разомъ перемѣнить все и потомучто какая-нибудь погода все же гораздо лучше, чѣмъ никакой. Но общество смотритъ на остающееся почти какъ на прошлое, приговоренное правительствомъ къ неминуемой смерти, и теперь уже не имѣютъ смысла какія-нибудь обличенія станovýchъ и исправниковъ, какія-нибудь указанія на неудобства крѣпостного состоянія и виновныхъ откуповъ, на бесплодность существующихъ судовъ, на невыгоды безграмотности, на негодность паспортной системы, на раздробленіе сельскихъ жителей на вѣсколько различныхъ по правамъ и обязанностямъ сословій и на все то, въ чемъ сдѣланы или начинаются перемѣны. Все это должно быть славо въ архивѣ прошлаго тысячелѣтія, и несмотря на то что повидимому принадлежитъ еще къ настоящему времени, но по праву вступило уже въ область исторіи и съ большимъ удобствомъ можетъ теперь же разрабатываться археологами. Настоящее для близкаго будущаго не можетъ даже служить для архивныхъ справокъ, такъ какъ перемѣны общаюся и ожидаюся песьма обширныя, и теперь общество имѣетъ выгоду смотрѣть только съ надеждами и ожиданіемъ впередъ и впередъ, высказывая вслухъ или въ печати свои желанія.

Къ числу ожидаемыхъ перемѣнъ принадлежить «большее обезпеченіе быта нашего духовенства». Во вниманіе къ настоятельной потребности въ большемъ обезпеченіи матеріальныхъ нуждъ православнаго духовенства въ имперіи, по обсужденіи этого дѣла въ совѣтѣ министровъ, 28 іюня 1862 года высочайше повелѣно: 1. «Составить особое присутствіе изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, которому поручить изысканіе способовъ къ большому обезпеченію быта духовенства, и между прочимъ именно: 1) къ расширенію средствъ матеріальнаго обезпеченія приходскаго духовенства; 2) къ увеличенію личныхъ его гражданскихъ правъ и преимуществъ; 3) къ открытію дѣтямъ священно- и церковно-служителей путей для обезпеченія своего существованія на всѣхъ поприщахъ гражданской дѣятельности; 4) къ открытію духовенству способовъ ближайшаго участія въ приходскихъ и сельскихъ училищахъ. —

II. Всѣ постановленія сего присутствія всеподданнѣйше представлять на высочайшее благоусмотрѣніе его императорскаго величества. — III. Членами сего присутствія, подъ предѣлательствомъ преосвященнаго митрополита новгородскаго и с. петербургскаго, быть, со стороны духовной, тѣмъ же лицамъ, которые впродолженіи занятій комитета будутъ составлять присутствіе святѣйшаго синода; а со стороны свѣтской: генералъ-адъютанту князю Долгорукову, министру внутреннихъ дѣлъ, министру государственныхъ имуществъ, оберъ-прокурору святѣйшаго синода и директору духовно-учебнаго управленія, статсъ-секретарю князю Урусову. Управление дѣлами присутствія возложить на служащихъ по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ тайнаго совѣтника графа Толстого и камергера Батюшкова, и служащаго по православному духовному вѣдомству дѣйствительнаго статскаго совѣтника Домонтовича. — IV. Исполненіе настоящаго высочайшаго повелѣнія возложить на министра внутреннихъ дѣлъ и на оберъ-прокурора святѣйшаго синода по принадлежности. — V. Дѣлопроизводство по комитету представить въ завѣдываніе оберъ-прокурора святѣйшаго синода».

«Присемъ государю императору благоугодно было отозваться, что хотя предметы, поручаемые разсмотрѣнію сего присутствія, относясь исключительно къ усиленію матерьяльныхъ средствъ духовенства и къ расширенію его правъ и преимуществъ въ составѣ гражданскаго общества нисколько не касаются до внутренняго устройства самой церкви, а тѣмъ менѣе ея святаго ученія, всегда неприкосновеннаго; со всѣмъ тѣмъ его величество повелѣтъ созвать, при развитіи вышеуказанныхъ основаній, строго и неуклонно держаться постановленій св. церкви, дѣяній вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и правилъ св. отецъ. Его императорскому величеству тоже угодно, чтобы могущія быть предоставленными православному духовенству новыя права и преимущества ни въ чемъ не стѣсняли тѣхъ, которыя присвоены духовенству другихъ исповѣданій въ имперіи, сохраняющихъ полную независимость, законами для нихъ обезпеченную».

Это высочайшее повелѣніе воспослѣдовало 28 іюня 1862 года; но да не обвиняютъ насъ читатели въ слишкомъ позднемъ сообщеніи такого важнаго извѣстія; оно было напечатано въ офиціальномъ изданіи министерства внутреннихъ дѣлъ не ранѣе 30 ноября прошлаго года, № 261. Цѣль этого обнародованія для насъ неизвѣстна. Если всякая высочайшая воля должна быть немедленно извѣстна подданнымъ, то слѣдовало напечатать это повелѣніе не 30 ноября, а 30 іюня, никакъ не позже. Можно бы тоже слѣдять

это нѣсколько раньше, если имѣлось въ виду успокоить сельское духовенство въ томъ отношеніи, что среди безчисленныхъ правительственныхъ заботъ и оно тоже не забыто. Еслибы наконецъ это сдѣлано было для того, чтобы вызвать мнѣнія нашей печати, которая всегда честно служила правительству въ его благихъ начинаніяхъ, то разрѣшеніе говорить объ этомъ важномъ предметѣ было бы обнаружено тутъ же. Мы рѣшимся однако послѣдовать примѣру Современной Лѣтописи, которая весьма легко высказывается по поводу вопросовъ неменѣе важныхъ, и хотя не вполне согласна съ этимъ журналомъ, однако попробуемъ тоже сказать нѣсколько словъ.

Во вновь учрежденномъ 28 іюня 1862 года особомъ присутствіи для изысканія способовъ къ большому обезпеченію быта приходскаго духовенства, какъ могли замѣтить читатели, не присутствуетъ ни одинъ членъ, принадлежащій къ приходскому духовенству. Удовлетворительное исполненіе высочайшей воли зависить въ этомъ случаѣ преимущественно и прежде всего отъ тщательнаго изученія образа жизни, привычекъ, нравовъ нашего приходскаго духовенства, его ежедневныхъ, будничныхъ потребностей, его отношеній къ прихожанамъ какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ, его средствъ къ жизни, его истиннаго значенія въ народѣ и т. д. Всѣ высокія лица, входящія въ составъ особаго присутствія, все это знаютъ лишь до нѣкоторой степени, и съ большою пользою могли бы воспользоваться указаніями тѣхъ, кто знаетъ все это на самомъ себѣ, стало-быть подробнѣе и точнѣе, нежели кто бы то ни было другой. Сверхъ того члены приходскаго и именно сельскаго духовенства, по своему положенію, въ силу котораго они стоятъ въ ближайшемъ соприкосновеніи съ народомъ, знаютъ и могли бы, еслибы были спрошены, указать на нѣкоторые источники, изъ которыхъ могли бы съ большимъ удобствомъ пополниться недостающія суммы. Лица высоко стоящія не могутъ знать этихъ источниковъ по самому своему положенію. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что они приложатъ всѣ свои силы, чтобы удовлетворительно разрѣшить возложенную на нихъ задачу, и ежели при точномъ знаніи нѣкоторыхъ сторонъ обсуждаемаго дѣла удачно угадаютъ остальные, неизвѣстныя, и рѣшатъ дѣло вполне удовлетворительно для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, для духовенства и для народа, то выкажутъ проникательность необычайную, изумительную, сверхчеловѣческую.

По нашему крайнему разумѣнію, это дѣло первостепенной важности. Оно затрогиваетъ глубочайшія основы народнаго быта, относится уже не къ матерьяльной, а къ духовной жизни массъ, прямо

поднимаетъ вопросъ объ отношеніяхъ народа къ церкви, и потому несравненно важнѣе всякихъ таможенныхъ, рекрутскихъ, кредитныхъ и другихъ преобразованій, относящихся такъ-сказать къ внутренней, къ внѣшней сторонѣ народнаго быта. Мы знаемъ очень хорошо, что нѣтъ такого наружнаго вліянія, которое болѣе или менѣе не отразилось бы на мірѣ внутреннемъ, стало-быть нѣтъ такого постановленія, которое не имѣло бы хотя косвеннаго вліянія на нравственную жизнь народа. Но здѣсь уже ничего нѣтъ косвеннаго: здѣсь все прямо идетъ къ тому, чтобы возвысить значеніе сельскаго духовенства по отношенію къ народу, дать ему больше матерьяльныхъ средствъ, увеличить его гражданскія права, усилить его вліяніе на сельскія и приходскія училища.

Но по естественной органической связи всего того что составляетъ жизнь народа, и въ этомъ случаѣ невозможно сдѣлать измѣненіе въ одномъ дѣлѣ такъ, чтобы не потребовались измѣненія и во всѣхъ соприкасающихся явленіяхъ. Нельзя не согласиться, что возвышеніе значенія духовенства будетъ имѣть очень хорошее вліяніе. Но сдѣлать это безотвѣстльно, т. е. безъ соотвѣтствующихъ улучшеній по другимъ частямъ нѣтъ никакой возможности. Въ послѣднее время въ газетахъ рассказано нѣсколько случаевъ, характеризующихъ то, какимъ образомъ нашъ народъ смотритъ на присягу, когда она по закону требуется для подтвержденія судебныхъ показаній. Такъ крестьянинъ, пойманный съ краденнымъ лѣсомъ, проситъ усердно, чтобы его допустили къ присягѣ, рассчитывая такимъ только образомъ опровергнуть явное доказательство, противъ котораго безъ присяги даже невозможно было заператься. Въ другомъ мѣстѣ вдова дьякона обвиняема была въ томъ, что она безъ надлежащаго разрѣшенія продаетъ у себя на дому водку. Какой-то крестьянинъ сдѣлалъ на нее въ этомъ доносъ. Другіе крестьяне, числомъ до двадцати или тридцати, спрошенные о томъ же, почему недовольные вдовой, можетъ-быть потому, что она продавала дурную водку или брала за нее слишкомъ дорого, подъ присягой подтвердили тоже самое, говоря, что они сами покупали у нея водку. Повидимому тѣмъ дѣло и кончилось. Но каково же было удивленіе крестьянъ, когда съ нихъ, какъ съ покупающихъ вино въ непоказанномъ мѣстѣ, взысканъ былъ съ каждаго извѣстный штрафъ. Тогда они всѣ точно такъ же согласно отозвались, что еслибы они знали впередъ о неизбѣжной уплатѣ штрафа, то ни за что не сказали бы правды. Еще въ одномъ мѣстѣ нѣкоторая дама вздумала принять на воспитаніе незаконное дитя, родившееся у ея прачки; въ тоже время ей хотѣлось обезпечить себя въ томъ отношеніи, чтобы настоящая мать уже никогда невздумала предъявлять свои права на

свое дитя. Посовѣтовались со становыхъ приставомъ, который и научилъ подать ему объявленіе, что это дитя подкинута къ дому означенной дамы, рассчитывая, что такъ какъ подкинутіе есть преступленіе, которое строго наказывается по закону, то мать никогда не явится требовать свое дитя и навязываться такимъ образомъ на наказаніе. Такъ и сдѣлали. При слѣдствіи, неизбѣжномъ въ такомъ случаѣ, всѣ служащіе въ домѣ и всѣ окрестныя повитухи подъ присягой показали, что онѣ знать не знаютъ и вѣдать не вѣдаютъ, откуда взялось такое дитя, а передъ тѣмъ не замѣчали, чтобы какая-нибудь дѣвушка была беременна. Всѣ присягавшіе и приводившіе къ присягѣ знали очень хорошо всю правду и самое намѣреніе, съ которымъ производилось слѣдствіе. Присягала и кормилица подкинутого ребенка, бывшая прачка, поступившая какъ говорится въ комнаты. Надо замѣтить, что между подобными случаями рассказываютъ и одинъ совершенно противоположный, въ которомъ волостной голова, по просьбѣ общества скрывшій отъ начальства кражу одного крестьянина, удавился удай, потому что не могъ снести упрековъ своей совѣсти, которая не давала ему покою за то что онъ нарушилъ свою присягу и скрылъ преступленіе, тогда какъ его слѣдовало открыть. Но это случай совершенно исключительный.

Всякому, живавшему близко съ народомъ точно такъ же какъ и всякому судебному слѣдователю извѣстно очень хорошо, что въ дѣлахъ судебныхъ, слѣдственныхъ, народъ по большой части смотритъ на присягу, какъ на пустую, ничего незначащую формальность, и въ показаніяхъ своихъ подъ присягой руководствуется тремя соображеніями. Чаще всего бываетъ знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, потому что это во всякомъ случаѣ избавляетъ отъ дальнѣйшихъ распросовъ и стало-быть отъ возможности спутаться какъ-нибудь невзначай, стало-быть отъ «прикосновенности» къ дѣлу и отъ острога, въ которомъ есть вѣроятность просидѣть вѣскольکو лѣтъ сряду потому только, что знаешь, чья рукавица нашлась въ лѣсу возлѣ срубленнаго незаконнымъ образомъ дерева. Съ другой стороны бываетъ и то, что народъ несогласенъ съ степенью наказанія, какое приходится за данное преступленіе, и потому готовъ лучше покривить душой, принять на душу грѣха, чѣмъ подвести человека подъ кару, по его понятіямъ незаслуженную. Это тѣмъ удобнѣе, что потомъ, по тѣмъ же его понятіямъ, при надлежащемъ покаяніи, грѣхъ простится. Бываетъ наконецъ и такого рода соображеніе, что можно бы пожалуй показать и правду напри- мѣръ прогивъ такого-то всѣми признаннаго преступника; ну а если онъ въ городѣ-то или отвертится, или откупится, да его выпустятъ. Тогда вѣдь онъ либо убьетъ, либо деревню спалитъ. Чувство само-

сохраненія заставляетъ лгать подъ присягой. Потомъ непризнаваніе важности присяги вошло уже въ привычку, присяга потеряла всякое значеніе, такъ что въ судебныхъ случаяхъ ни присягающій, ни приводящій къ присягѣ ей не вѣрятъ, а исполняютъ только формальность.

Народъ, не имѣя возможности заявить или свое недовѣріе къ ближайшимъ властямъ, или свое неудовольствіе существующимъ закономъ, и протестуетъ преступленіемъ, клятвopреступничествомъ. Присяга есть одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ и частыхъ случаевъ встрѣчи власти духовной съ властью гражданской; но понятно само собою, что какъ бы возвышено ни было значеніе духовенства, какое бы оно ни имѣло вліяніе въ народныхъ школахъ, ученікъ потомъ выйдетъ изъ училища въ жизнь, а въ ней чувство самосохраненія, недовѣріе къ ближайшимъ властямъ, неудовольство закономъ, противорѣчащимъ народному духу заставляютъ забыть благія школьныя наставленія, и опять нравственная сила духовенства будетъ поколеблена. Стало-быть, для поднятія нравственнаго значенія духовенства, надобно истребить въ народѣ недовѣріе къ властямъ и къ законамъ, а этого можно достигнуть только тогда, когда власти и законы будутъ заслуживать довѣрія, будутъ до нѣкоторой степени сообразны съ духомъ народа. Во всякомъ случаѣ очевидно, что духовная жизнь народа находится въ строгой связи съ его общественною, политической жизнью, и одно безъ другого принято быть не можетъ. Предпринятыми преобразованіями положено всему этому начало, причемъ вѣроятно имѣется въ виду, чтобы перемены по всѣмъ частямъ имѣли общій духъ, общее направленіе, чтобы каждая отдѣльная перемена клонилась къ тому же, къ чему ведутъ и всѣ остальные, чтобы всѣ вмѣстѣ согласнo дѣйствовали на поднятіе нравственнаго уровня общества. Для этой цѣли вѣроятно всѣ вѣдомства, занимающіяся составленіемъ проектовъ перемены, находятся между собою въ постоянной связи, въ дѣятельныхъ совѣщаніяхъ, и вѣроятно въ сношеніяхъ не письменныхъ только, что потребовало бы неизмѣримое количество времени и влекло бы къ промедленіямъ, которыхъ такъ желательно избѣжать.

Одно изъ весьма важныхъ неудобствъ, очень сильно ограничивающихъ личныя гражданскія права и преимущества духовенства, это та статья свода законовъ, которая запрещаетъ духовному лицу подъ какимъ бы то ни было предлогомъ сложить съ себя свой санъ, не подвергаясь за это продолжительному изгнанію изъ общества. Извѣстно, что духовное лицо, лишенное сана за проступокъ, не имѣетъ права вступить въ государственную службу втеченіи двадцати лѣтъ, а лицо, слагающее съ себя санъ по собственному своему

произволу, лишается права на государственную службу на десять лѣтъ и на все это время обращается въ «первобытное» состояніе. Чрезвычайно трудно понять значеніе этого закона. Онъ не основанъ ни на правилахъ святыхъ отецъ, ни на постановленіяхъ св. церкви, ни на дѣяніяхъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ. До начала тридцатыхъ годовъ, когда впервые выданъ былъ этотъ законъ, духовныя лица по уважительнымъ причинамъ, довольно свободно оставляли свой санъ, навсегда отказываясь отъ права священнодѣйствовать и переходили въ гражданскую службу съ тѣмъ чиномъ, который по закону соответствовалъ ихъ духовному званію. Но съ начала тридцатыхъ годовъ это отмѣнено. А между-тѣмъ совсѣмъ не очень рѣдки обстоятельства, которые могутъ служить уважительными поводами къ оставленію сана. Священникъ можетъ потерять жену въ первый же годъ послѣ брака, и уже на вѣки лишонъ возможности вести семейную жизнь, какъ подобаетъ православному священнику. Можетъ даже случиться, что онъ, посвященный въ очень молодыхъ лѣтахъ, потомъ замѣтитъ, что онъ ошибся въ своемъ призваніи, что онъ можетъ быть несравненно полезнѣе на другомъ поприщѣ, что онъ недостойнъ даже своего великаго призванія. Это тѣмъ легче можетъ случиться, что онъ готовится къ своему сану съ самыхъ юныхъ лѣтъ, когда рѣдкій человѣкъ можетъ опредѣлить свое истинное призваніе и высокій санъ застаётъ его врасплохъ, прежде чѣмъ онъ успѣетъ осмотрѣться въ жизни, ознакомишься съ выгодами и невыгодами различныхъ житейскихъ положеній и отношеній. Но почему бы то ни было, онъ находитъ свой санъ для себя неудобнымъ, тяжелымъ, и оставить его не можетъ. Тутъ онъ поставленъ въ странное положеніе: или дѣлать весь вѣкъ то что не соответствуетъ его наклонностямъ, стало-быть дѣлать кое-какъ, неудовлетворительно, небрежно, или подвергнуться на дѣсять лѣтъ изгнанію изъ общества, добровольному лишенію доли обыкновенныхъ гражданскихъ правъ. Чтобы вырваться изъ своего положенія, сложить съ себя свой санъ, ему нужно весьма большое гражданское мужество, на какое не всякій способенъ. Десять лѣтъ невозможности вступить въ государственную службу, для человѣка безъ состоянія, при нашей привычкѣ искать спасенія только въ государственной службѣ, — перспектива страшная. По этому въ средѣ нашего духовенства безъ сомнѣнія есть лица не совсѣмъ внимательно, не съ полною любовью исполняющія свои обязанности только потому, что въ сводѣ законовъ существуетъ эта непостижимая статья. Что тутъ значитъ первобытное состояніе, въ которое обращается на десять лѣтъ лицо, добровольно сложившее съ себя санъ, даже совершенно непонятно. Если это значитъ, что онъ становится тѣмъ,

чѣмъ былъ наканунѣ своего посвященія , то онъ долженъ бы считаться окончившимъ курсъ въ такой-то наприимѣръ духовной академіи и стало-быть имѣющимъ право поступить на службу. Но если этого права нѣтъ, то тутъ разумѣется какое-то другое состояніе, новое, съ ограниченными правами, въ которое вступить человѣку, неодаренному особенною нравственною силой, довольно страшно. Перемѣна этого положенія на то что было не далѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, было бы значительнымъ и вполне справедливымъ шагомъ къ увеличенію личныхъ гражданскихъ правъ и преимуществъ православнаго духовенства. Но все это и еще многое другое вѣроятно очень хорошо извѣстно вновь учрежденному присутствію, и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что будутъ приняты всѣ мѣры къ рѣшенію этого вопроса въ гармоніи со свѣми остальными вопросами, которые теперь разрабатываются.

Какъ важно и необходимо совмѣстное изученіе всѣхъ возникшихъ вопросовъ видно между-прочимъ при сравненіи проекта будущихъ судебныхъ учреждений съ проектомъ преобразованій университетовъ. Новыя судебныя мѣста потребуютъ значительнаго числа сиблудщихъ юристовъ. Университеты требуютъ отличныхъ профессоровъ, между-прочимъ и по юридическому факультету, для приготовленія дѣльныхъ адвокатовъ. Возникаетъ конкуренція. Судебныя мѣста будутъ привлекать профессоровъ своимъ большимъ жалованьемъ. Для профессора, особенно экстраординарнаго, не говоря уже объ адъюнктѣ, карьера не только судьи, но и присяжнаго адвоката будетъ заманчива. Здѣсь, при профессурѣ, кромѣ жалованья не имѣется въ виду ничего, кромѣ надежды на ординарную прибавку, тоже весьма ограниченную; только чтобы существовать, профессору приходится давать частные уроки, читать лекціи въ кадетскихъ корпусахъ. А тамъ, въ карьерѣ судебной, есть надежда на движеніе впередъ, на большіе заработки и на гораздо болѣе свободныя отношенія къ своей рѣчи. Въ наше время презрѣнный металл играетъ весьма значительную роль, и если университеты захотятъ удержатъ хорошихъ юридическихъ профессоровъ, то должны будутъ значительно возвысить ихъ жалованье. Надо непременно, чтобы привлекательность весьма почетнаго званія профессора подерживалась крайней-мѣрѣ возможностью быть съ семействомъ сытымъ и одѣтымъ, безъ горькой необходимости бѣгать давать частные уроки.

Но не въ одномъ этомъ заключается та гармонія между всѣми преобразованіями, которая составляетъ главнѣйшее условіе будущаго счастья Россіи. Всѣ явленія жизни народа такъ между собою тѣсно связаны, какъ отравленія одного и того же организма. Онъ

тогда только здоровъ , тогда только развивается , когда каждый органъ исправно дѣлаетъ свое дѣло , работаетъ изо всѣхъ своихъ силъ , и когда его работа надлежащимъ образомъ вознаграждена. Такая дружная дѣятельность всѣхъ органовъ , направленная къ одной общей цѣли , составляетъ здоровье , благосостояніе организма. Все это конечно имѣется въ виду у различныхъ вѣдомствъ , разрабатывающихъ проекты ожидаемыхъ перемѣнъ. Общая ихъ цѣль , планъ ихъ , идеаль будущей Россіи , то , къ чему она должна стремиться , къ чему могутъ если не прямо довести , то хотя направлять наше отечество всѣ эти перемѣны , — намъ неизвѣстны. Счастіе Россіи будетъ зависетьъ отъ того , въ какой мѣрѣ вѣрно будетъ угадано ея истинное назначеніе , ея роль между сосѣдями , ея смыслъ въ исторіи цивилизаціи.

Взгляды на это весьма различны. Нѣкоторые любители , считающіе себя экономистами на томъ основаніи , что читали иностранныя книжки о политической экономіи и имѣли дальновидность и глубокомысліе повѣрить имъ на слово , увѣряютъ , будто назначеніе Россіи — быть вѣчною чернорабочею западной Европы. При этомъ западно-европейскій работникъ , наиримѣръ швейцарецъ , будетъ зарабатывать въ день столько , сколько русскій земледѣль заработаетъ въ мѣсяцъ. Швейцарецъ сдѣлаетъ въ день извѣстное число часовыхъ пружинъ , для покупки которыхъ потребуется столько четвертей хлѣба , сколько русскій работникъ выраститъ на своей почвѣ и уберетъ въ мѣсяцъ. Вся Россія по ихъ мнѣнію будетъ большою земледѣльческою фермой , которая станетъ работать на иностранныхъ фабрикантовъ и снабжать ихъ хлѣбомъ въ обмѣнъ на ихъ издѣлія. При этомъ разумѣется само собою , что фабрикантъ , изготовляющій на своемъ заводѣ по десяти паровыхъ машинъ въ день при помощи двухсотъ рабочихъ и разумно придуманныхъ машинъ , будетъ получать за свою работу столько четвертей хлѣба , сколько не вырастятъ и двѣ тысячи русскихъ чернорабочихъ земледѣльцевъ. Такимъ образомъ десятеро работаютъ на одного , потому что цѣнность разумной работы этого одного равняется цѣнности рутинной работы десятерыхъ. Нечего сказать , завидная перспектива. Но любители согласны съ тѣмъ , что это положеніе не совсѣмъ выгодное , но увѣряютъ , будто бы оно покрайней мѣрѣ выгоднѣйшее изъ всего , что только можетъ когда-либо ожидать Россія , потому будто бы , что ея почва , ея географическое положеніе , привычки ея жителей , все вмѣстѣ требуетъ , чтобы Россія была и оставалась земледѣльческою страной. И тутъ придумана цѣлая система. Надо , говорятъ они , чтобы каждая страна исполняла назначеніе , приготовленное для нея природой , чтобы между странами образова-

лишь такія же свободныя и естественныя отношенія, какія должны существовать между людьми, причемъ тотъ, кто способенъ писать картины, пусть пишетъ картины, кто способенъ мести улицу, пусть будетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе дворникомъ, кто способенъ купить какъ можно дешевле и продать какъ можно дороже, пусть будетъ торговцемъ или негоціантомъ, со всѣми своими дѣтьми, внуками и правнуками и т. д. Изъ этого слѣдуетъ само-собою, что ежели одна страна способна двигать впередъ науку, то пусть и двигаетъ, а другія страны пусть и не думаютъ стараться догонять ее; если одна страна работаетъ при помощи машинъ, а другая безъ машинъ, то пусть и не думаетъ о машинахъ и довольствуется голыми своими руками. Главное дѣло, пусть каждая страна будетъ довольна своею участію и не старается улучшить своего положенія. Ежели въ одной странѣ развилась фабричная дѣятельность, то стало-быть эта страна была способна къ такому развитію, а другая, гдѣ эта дѣятельность не развилась, — не способна и слѣдовательно не должна и думать о такомъ благополучіи. Это очень удобная система для поддержанія всевозможныхъ предрассудковъ, крайняго невѣжества, страха просвѣщенія и прессофобіи. Выходитъ, что если въ известной странѣ явилось много ученыхъ и наука дѣлаетъ не подражательные, а самостоятельные шаги впередъ, то стало-быть обстоятельства и способности народа такъ уже сложились, чтобы быть впереди, а другому народу нечего и соваться съ посконнымъ рыломъ да въ суконный рядъ, и слѣдуетъ довольствоваться своею чернорабочею участію и вѣчно тащиться на длинномъ буксирѣ. Куда, дескать, намъ! Мы люди темные, наука писана не про насъ; а если что изъ науки и выйдетъ дѣльное, то мы за свою пшеницу, кожи и сало купимъ сколько намъ требуется телеграфовъ и локомотивовъ, и станемъ поджидать, безъ большого вниканья въ дѣло, какая еще тамъ явится полезная и выгодная новость. Въ случаѣ же, если тѣ передовые вздумаютъ насъ побить при помощи своей науки-то, за которой не угоняешься, то чтожъ, побить надо, отчего не побить, если на то есть господская воля.

Но въ этой системѣ есть маленькое неудобство, состоящее въ томъ, что она только прикасается къ истинѣ, но далеко сама не вѣрна. Назначеніе каждой страны точно такъ же какъ и всякаго человека, состоитъ въ томъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не довольствоваться положеніемъ, въ какое поставила ихъ судьба, и ни случая, или враждебныя, или ошибочныя вліянія. Надо искать лучшаго. Надо стремиться къ умственной и матеріальной самостоятельности, когда просыпается общественное сознаніе, надо дѣлать всевозможныя усилія, чтобы наверстать потерянное время. Когда че-

ловѣкъ или страна довольствуются своимъ положеніемъ, то это застой, смерть. Усилія для завоеванія себѣ лучшаго положенія заключаются конечно не въ томъ, чтобы въ теплицахъ разводить ананасы, которые не родятся на открытомъ воздухѣ, не въ томъ, чтобы изъ чужой, передовой страны выписать машины, механика, машинистовъ и чужой сырой матеріалъ и завести фабрику дома; не въ томъ тоже, чтобы немедленно устроить телеграфы, если они устроены въ другихъ передовыхъ странахъ. Все это слишкомъ поверхностно, слишкомъ искусственно, вродѣ поддѣлки ребенку высокихъ коблукъ и наклейки фальшивыхъ усовъ, вмѣсто того, чтобы въ самомъ дѣлѣ вырастить и возмужать. Надо непременно, чтобы въ дѣйствительности ростъ прибавился, чтобы на самомъ дѣлѣ изъ кожи выросли настоящіе, свои, некупленные усы. Всего этого нельзя сдѣлать вдругъ; но что весьма можно, такъ это разомъ устранить препятствія, мѣшающія развитію, да перестать смотрѣть на все и въ томъ числѣ на самихъ себя сквозь иностранные очки.

Земледѣльческая промышленность процвѣтаетъ только тамъ, гдѣ процвѣтаетъ промышленность фабричная. Это азбука, которую олакоже любители стараются забыть, или хотъ и вовсе не знать. Въ Россіи же — въ Крыму голодъ, въ Архангельскѣ голодъ, въ Вологдахъ голодъ. Въ пермской губерніи люди пекутъ хлѣбъ изъ ржаной примѣсью глины; въ Финляндіи голодъ, такъ что пришлось привозить туда хлѣбъ изъ-за границы. Въ Архангельскѣ пудъ ржаной муки продается теперь изъ лавокъ по рублю сорока копѣекъ за пудъ, а этотъ городъ лежитъ въ Россіи, въ житницѣ Европы. Пшеничная мука тамъ же стоитъ 2 р. 75 к. за пудъ. Но положимъ, что это на краю Россіи, въ странѣ, пораженной неурожаемъ, гдѣ хлѣбъ собранъ нынче такой, что его нельзя ѣсть безъ большого вреда для здоровья, и жители не ѣдятъ его иначе, какъ съ примѣсью стараго хлѣба прежнихъ урожаевъ. Возьмемъ же столицу, куда привозится хлѣба вдоволь, про запасъ. Въ Петербургѣ куль ржаной муки высшаго сорта можно теперь купить за 7 р. 80 к., или пудъ за 86½ копѣекъ. Это московская мука. Моршанская здѣсь же доходить до рубля за пудъ, высшій сортъ. Въ Бельгіи, въ странѣ столько же земледѣльческой, сколько и мануфактурной, тоже въ столицѣ, въ Брюсселѣ, 9 числа нынѣшняго января, эктолитръ муки ржаной высшаго сорта продавался по 14 фр. 61 савт. Это значить въ переводѣ на наши деньги, считая франкъ за четвертакъ, 85½ копѣекъ за пудъ, а такъ какъ франкъ стоитъ по нынѣшнему курсу не 25, а нѣсколько болѣе 26½ копѣекъ, то пудъ тамъ продавался по 80½ копѣекъ. Такимъ образомъ, еслибы теперь не зима и еслибы кровъ-

штадскій портъ не былъ покрытъ льдомъ, то изъ промышленнаго государства было бы выгодно везти хлѣбъ къ намъ въ Питеръ въ государство будто бы земледѣльческое. Въ сердцѣ этого же земледѣльческаго государства, въ Москвѣ, тоже мука продается по 65—70 копѣекъ за пудъ. Здѣсь рѣчь идетъ о мукѣ ржавой, которая производится въ промышленныхъ государствахъ въ небольшомъ количествѣ, потомучто эта мука мало питательна въ сравненіи съ пшеничною. А пшеничную муку, именно крупичатую, перваго сорта, выгодно было бы везти на продажу въ Питеръ не только изъ Брюсселя, но даже изъ Парижа, и не только въ Питеръ, но даже въ Москву, въ сердце такъ-называемой европейской житницы. Вотъ цѣны крупичатой муки 9 нынѣшняго января. Въ Брюсселѣ 1 р. 20½ к. за пудъ, въ Парижѣ 1 р. 40 к., въ Москвѣ 1 р. 80 к., 2 р.; въ Питерѣ два рубля двадцать копѣекъ за пудъ. Кстати замѣтимъ, что въ Одессѣ, въ послѣднюю недѣлю прошлаго ноября высшій сортъ пшеницы, въ 10 пудъ 15 фунтовъ въ четверти, продавался по 89 к. за пудъ, а нисшій, въ 9 пудъ 8 фунтовъ въ четверти, по 62½ коп. за пудъ. Изъ тѣхъ же сортовъ мука стоила бы 1 р. 30 к. и 90 копѣекъ за пудъ, или около того.

Изъ этихъ цифръ слѣдуетъ само собою, что ежели въ промышленныхъ государствахъ урожаи сколько-нибудь порядочный, то намъ нечего отпустить имъ въ обмѣнъ на машины, вина, шолоковыя матеріи, сахаръ, кофе, красильныя вещества, и т. д., а въ случаѣ дурнаго урожая у насъ и хорошаго у нихъ они могутъ отпустить намъ съ выгодою значительное количество хлѣба. Стало-быть въ случаѣ порядочнаго урожая на западѣ, намъ придется обходиться безъ привозныхъ продуктовъ, или брать ихъ въ долгъ, расчитывая, что придетъ же и на нашей улицѣ праздникъ, когда у нихъ будетъ голодный годъ. Ясно, что надо привыкать обходиться какъ-нибудь собственными средствами, или вмѣсто хлѣба отправлять за границу что-нибудь другое. Но любители увѣряютъ, что выходить изъ этого положенія не слѣдуетъ, что это противно будетъ наукѣ, и что ежели нѣтъ своихъ фабрикъ, то и не надо, значить мы не способны ихъ имѣть, или климатъ этому мѣшаетъ, а противъ климата и географическихъ условій человекъ бесполезенъ, ничего не подѣлаетъ.

По ихъ системѣ выходить, что не слѣдуетъ стараться о заведеніи своихъ фабрикъ, потомучто это противно такъ-называемой наукѣ. Но такъ какъ въ странахъ промышленныхъ земледѣліе со дня на день все улучшается, то со дня на день у насъ становится меньше надеждъ на сбытъ своихъ сырыхъ продуктовъ, и въ тоже время является больше надеждъ на необходимость оставаться безъ

вашихъ и колониальныхъ произведеній, т. е. все больше и больше погружаться въ состояніе неисходной джкости. Понятно, что если бы вы не отпустили за границу товаровъ ни на грошъ, то намъ не на что было бы купить даже французскаго романа, не только парфюмернаго парашюта, такъ необходимаго для защиты нашей самостоятельности. Да по правдѣ сказать, зачѣмъ и самостоятельность при джкости? Лукъ, стрѣлы, звѣриная шкура вмѣсто одежды и въ дѣсу хижина, сложенная изъ древесныхъ вѣтвей — больше ничего тогда не нужно. Срубить избу будетъ нечѣмъ, потому что «наука» запрещаетъ намъ дѣлать самими топоры, а купить будетъ не вачто.

И это все не шутка. Это прямое, неизбѣжное слѣдствіе ученія тѣхъ любителей, которые увѣряютъ, будто намъ фабрикъ не нужно, и хотять непременно видѣть въ Россіи страну только земледѣльческую. Но они не хотять видѣть, что до-сихъ-поръ въ самомъ дѣлѣ Россія была государствомъ исключительно земледѣльческимъ только вслѣдствіе свирѣпствовавшего у насъ крѣпостного права. Земледѣльческій трудъ есть трудъ простѣйшій, въ своемъ первобытномъ видѣ не требующій никакихъ особенныхъ соображеній, никакихъ умственныхъ усилій, кромѣ вѣками установившейся рутинны. Только этого и можно было требовать отъ людей, работающихъ обязательно, на всей на господской волѣ, безо всякаго вознагражденія. Но время крѣпостного состоянія прошло невозвратно, хотя одинъ изъ членовъ экономическаго общества въ Петербургѣ мѣсяцъ тому назадъ и горько сожалѣлъ объ этомъ на публичномъ собраніи, при всѣхъ, и предлагалъ тысячу рублей преміи тому, кто напишетъ лучшее сочиненіе о средствахъ возстановить у насъ трудъ *организованный*, какъ деликатно выражался, чтобы не употребить слова *обязательный*. Съ 19 февраля 1861 года Россія начала выходить на новый путь экономическаго развитія, которое конечно будетъ происходить не по направленію къ джкости и первобытности, а къ цивилизаціи.

Это прямо насъ приводитъ къ другому взгляду на Россію. Мы сильно отстали, безъ сомнѣнія вслѣдствіе крѣпостного права и другихъ историческихъ причинъ, а потому, въ болѣе близкое намъ время вслѣдствіе излишней правительственной опеки, отъ чрезмерно-стѣснительной регламентаціи, отъ удушающаго формализма. Въ новыхъ предпринятыхъ перемѣнахъ замѣтно направленіе къ облегченію всего этого. Теперь же пока мы въ положеніи ненормальномъ, что признано и самимъ правительствомъ, которое начало перемѣны по всѣмъ частямъ. Но покажеть дѣло не въ томъ, чтобы завтра же завести фабрики, заводы, десять тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ, комитетъ политической экономіи при вольномъ экономическомъ обществѣ, общества взаимнаго застрахованія до-

мовъ, и даже не въ томъ, чтобы завтра же измѣнить форму прошеній, подаваемыхъ о разрѣшеніи новой фабрики. Все это вещи второстепенныя. Надо прежде создать тѣ причины, которыя въ передовыхъ государствахъ сдѣлали возможнымъ устройство телеграфовъ, и пароходовъ, и фабрикъ, и горныхъ промысловъ, и громаднѣхъ кредитныхъ учрежденій, и всего того что мы силимся перенять и никакъ не можемъ, потомучто перенимаемъ одни слѣдствія, безъ причинъ. Эти причины, во первыхъ, наука, образованность и потомъ, тоже во первыхъ, свобода. Все остальное придетъ потомъ, само собою, очень скоро и главное естественнымъ, широкимъ ходомъ, какъ приходитъ все то, на что есть неизбѣжныя основанія. Но наука нужна не та, которой представительницей служить у насъ академія наукъ, существующая только для виду и вступающая въ соприкосновеніе съ обществомъ только посредствомъ изданія мѣсяческаго «орлянарнаго» и придворнаго. Образованность тоже нужна не та, которая ограничивается французскими фразами и дрсировкою по части поклоновъ, реверансовъ и завывающаго пѣнія. Свобода тоже требуется не та, которая не признаетъ никакой узды и выражается канканомъ физическимъ или умственнымъ. При этихъ условіяхъ никто не можетъ предвидѣть, съ какою великою быстротою Россія двинется впередъ, потомучто силы ея до сихъ поръ лежали подъ спудомъ, а задатки имѣются блестящіе. Эти задатки лежатъ въ глубинѣ народнаго характера, въ смѣлости самоосужденія, въ громадной силѣ скептицизма и самостоятельности, въ глубинѣ чувства, далекаго отъ сантиментальности, въ уваженіи къ міру, въ неслыханной выглѣ у другихъ народовъ вѣротерпимости и наконецъ въ понятливости, которая признается даже тѣми, кто хотѣе видѣть наши недостатки, чѣмъ хорошія стороны.

Вопросъ о наукѣ, о серьезномъ образованіи стоитъ такимъ образомъ впередъ всѣхъ. Было бы забавно доказывать пользу наукъ для Россіи теперь, когда сама петербургская академія наукъ ее признаетъ. Она говоритъ, что для всякаго просвѣщеннаго патріота наука дорога особенно, какъ неперемѣнное условіе прочныхъ успѣховъ народа на поприщѣ саморазвитія. Это сказано въ объявленіи объ изданіи въ нынѣшнемъ году записокъ академіи наукъ, теперь уже на русскомъ языкѣ. Назначеніе академіи, — какъ говоритъ она сама въ своемъ объявленіи, — расширять предѣлы науки, особенно посредствомъ изслѣдованія природы и жизни нашего отечества въ его настоящемъ и прошедшемъ. Ежели дѣйствительно русская академія исполняла это прекрасное назначеніе, то только для иностранцевъ, а съ нынѣшняго года записки будутъ издаваться для русскихъ, на нашемъ же языкѣ. Это огромный шагъ, потомучто въ

запискахъ, кромѣ годовыхъ отчетовъ и протоколовъ, будутъ печататься и «переводы статей, помѣщаемыхъ въ бюллетенѣ и мемуарахъ I и III отдѣленій. Странно только, что и II отдѣленіе не печатаетъ своихъ статей на иностранныхъ языкахъ. Это было бы точно такъ же справедливо и разумно, какъ французскія изданія другихъ отдѣленій. Если уже расширять предѣлы науки на пользу и въ поученіе иностранцамъ, то отчего же лишать ихъ «расширенія» по одному изъ трехъ отдѣленій?

По части общаго образованія замѣтно тоже движеніе, и самое пріятное здѣсь то, что не предвидится съ этой стороны произвольной или добровольной остановки, ежели не произойдетъ остановка вслѣдствіе какихъ-нибудь враждебныхъ или ошибочныхъ вліяній. Г. Катковъ увѣряетъ, что народное образованіе должно быть всецѣло предоставлено духовенству; но можно надѣяться, что само духовенство, очень хорошо сознавая высокое призваніе свое въ религіозномъ отношеніи, въ тоже время ясно будетъ сознавать, что каждое духовное лицо есть гражданинъ общества, стало-быть лицо въ нѣкоторой степени подчиненное обществу, обязанное служить всестороннему его саморазвитію и слѣдовательно обязанное воздерживаться отъ слишкомъ исключительнаго и потому самому односторонняго вліянія. Количество народныхъ школъ возрастаетъ, и конечно будетъ возрастать прогрессивно до тѣхъ поръ, пока потребность не будетъ удовлетворяться сполна. Образованіе имѣетъ прекрасное свойство никогда не останавливаться: съ каждымъ шагомъ вверхъ открывается все болѣе и болѣе обширный горизонтъ, который невольно, неодолимо тянетъ народъ къ слѣдующему шагу. Дѣло только въ томъ, чтобы не было искусственныхъ или насильственныхъ остановокъ, къ числу которыхъ принадлежитъ конечно и бѣдность, нужда, одинъ изъ самыхъ могущественныхъ тормозовъ человѣческаго развитія.

Изо всѣхъ 250 миліоновъ годового государственнаго дохода нашего или изъ нашей общинной складчины гораздо болѣе четырехъ пятыхъ уплачивается бѣднѣйшимъ класомъ народа, рабочими людьми. Впервыхъ цѣлая половина дохода почти 128 миліоновъ, пошливы питейныя, акцизныя и откупныя, уплачиваются почти все сполна низшими класами. Ежели богатые люди пьютъ волку, то или въ меньшемъ количествѣ чѣмъ бѣдные, по одному уже тому, что богатыхъ меньше; да сверхъ того ихъ питейнымъ потребленіемъ болѣе пополняются таможенные чѣмъ акцизные доходы, по случаю ввѣзъ иностранныхъ. Въ нынѣшнемъ году, судя по первымъ днямъ, истребленіе водки будетъ значительнѣе, стало-быть и на-

тейный доходъ зайдетъ далеко за половину всѣхъ государственныхъ доходовъ. Отъ перваго до десятаго января, говорить, въ Петербургѣ куплено безъ малаго сто тысячъ ведеръ. Если предположить, что пилось такъ обильно на радостяхъ, послучаю удешевленія водки, то все-таки вѣроятно акцизный доходъ будетъ выше того, который платили откупщики. Такъ какъ положительно извѣстно, что при той степени развитія, на которой покажѣсть стоитъ нашъ народъ, пѣтъ не желудокъ, а кошелекъ, то нѣкоторое время конечно будетъ пропиваться денегъ столько же сколько прежде, но доля, доставшаяся откупщикамъ, по новой системѣ будетъ переходить въ казну почти вся. А говорить, что у откупщиковъ на всѣ расходы по управленію и чистаго барыша оставалось столько же, сколько они платили въ казну.

Далѣе полупныхъ и оброчныхъ податей собирается болѣе 52¹/₂ миліоновъ. Конечно это все платится сполна визшимъ класомъ народа. Паспортный сборъ составляетъ почти 2 миліона. Изъ этой суммы купцы первой и второй гильдіи платятъ немного болѣе 80 тысячъ, а остальное уплачивается купцами третьей гильдіи, мѣщанами и крестьянами. Наконецъ визшій класъ платитъ почти весь соляной доходъ, 8,670,000 рублей. Ежели на долю богатыхъ людей и приходится изъ этого платежа 670 тысячъ, то это весьма еще немного. Все-таки остается восемь миліоновъ, лежащихъ на бѣднѣйшемъ класѣ жителей, для которыхъ соль составляетъ расходъ значительный. Повидимому съ небольшимъ восемь съ половиною миліоновъ соляного дохода, собираемаго съ 67 миліоновъ душъ обоого пола, составляющихъ народонаселеніе Россіи (безъ царства польскаго и великаго княжества финляндскаго) есть налогъ незначительный, такъ какъ приходится всего по тринадцати копѣекъ съ человѣка. Но слѣдуетъ только вспомнить, что и домашнія животныя потребляютъ соль, которая составляетъ для нихъ непремѣнное условіе здоровья. Значеніе соли въ скотоводствѣ подтверждено точнѣйшими опытами и наблюденіями. Каждому крупному и домашнему животному нужно почти столько же соли, сколько взрослому человѣку, но потребность эта не очень настоятельна, покрайней-мѣрѣ она не такъ безусловно даетъ себя чувствовать, какъ потребность другого корма, и потому нерѣдко пренебрегается, потому что соль у насъ весьма дорога. Небольшой налогъ на нее жестоко увеличивается цѣнностью далекой перевозки по ужасающимъ цорогамъ. Ни малѣйшаго нѣтъ сомнѣвія, что плачевное состояніе нашего скотоводства и весьма частые падежи, о которыхъ западная Европа не имѣетъ и понятія, происходятъ у насъ вслѣдствіе дороговизны соли; ея потребленіе должно бы увеличиться покрайней-

мѣръ втрое, чего можно достигнуть только посредствомъ дешевизны.

Кромѣ того низшіе классы народа въ болѣе или менѣе значительной степени участвуютъ въ таможенномъ сборѣ (30,800,000 р.), въ почтовомъ сборѣ (6,650,000 р.), въ гербовомъ (5,120,000 р.), въ сборѣ на свидѣтельства на торговлю (4,930,000 р.), въ шоссейномъ сборѣ (680,000 р.), въ табачномъ акцизѣ (2,890,000 р.), въ свеклосахарномъ акцизѣ (550,000 р.), въ полорожномъ сборѣ (540,000 р.), въ крепостныхъ пошлинахъ (4,610,000 р.), въ доходахъ отъ страховыхъ обществъ (100,000 р.) и весьма значительно участвуютъ въ уплатѣ пошлинъ съ частныхъ горныхъ заводовъ и золотопромышленности (3,350,000 р.).

Касательно почтового сбора слѣдуетъ замѣтить, что въ собственномъ смыслѣ овъ цѣлою половиною лежитъ на низшемъ классѣ народа, — и это только съ перваго взгляда можетъ показаться преувеличеннымъ. Въ Пруссіи почтовое управленіе, устроенное превосходно, даетъ чистаго дохода 1,650,000 талеровъ, что по нынѣшнему курсу почти тоже, что рублей. Въ Австріи это вѣдомство даетъ 2,042,900 рублей чистаго дохода, считая гульденъ за 64 копейки. Во Франціи очищается отъ почти 4,382,600 рублей, считая франкъ за четвертакъ. У насъ напротивъ, вслѣдствіе ли неудовлетворительнаго устройства, вслѣдствіе ли того, что большинство весьма мало пользуется почтами, или главнѣйшимъ образомъ вслѣдствіе громадности разстояній и малонаселенности края, почтовое управленіе даетъ чистаго убытку, покрываемаго изъ казначейства, 1,956,838 р. 35 копѣекъ. Громадность почтовыхъ издержекъ сравнительно съ небольшимъ количествомъ пересылаемыхъ писемъ отчасти объясняется тѣмъ, что перевозка тысячи писемъ обходится во столько же, во сколько и перевозка ста писемъ на одно и тоже разстояніе. Отъ этого въ Австріи казніѣ обошлась во 100 рублей пересылка 2,166 пакетовъ, въ Пруссіи столько же денегъ тратится на пересылку 1381 пакета, а у насъ на каждые 100 рублей въ 1861 году только 184 $\frac{3}{100}$ пакета. На нынѣшній годъ исчислено дохода слишкомъ семь съ половиною миліоновъ, а расхода слишкомъ девять съ половиною миліоновъ, такъ что на покрытіе издержекъ не достаетъ почти двухъ миліоновъ. Едва ли справедливо было бы считать доходомъ почтоваго вѣдомства 5,501,594 р. 30 $\frac{1}{2}$ коп., отпускаемыхъ ему изъ государственнаго казначейства. Правда, что эта сумма составляетъ изъ земскаго сбора. Но что за нужда, который рубль поступилъ въ казну откуда. Сливаясь въ казначействѣ, эти деньги составляютъ общественную собственность и всякая выдача ихъ есть расходъ, а такъ

какъ эти $9\frac{1}{2}$ миліоновъ тратятся черезъ почту, то это и есть почтовый расходъ, а не доходъ. Такимъ образомъ недостающіе почти два миліона (1,956,838 р. 35 к.) покрываются изъ земскаго сбора, который уплачивается исключительно низшимъ классомъ народа, да сверхъ того онъ же не въ очень малой степени участвуетъ въ взносовъ вѣсовыхъ и страховыхъ денегъ (всего 6,075,000 р.) и въ уплатѣ 192.000 рублей, собираемыхъ за однѣ росписки. Впослѣдствіи мы поговоримъ подробнѣе о нашихъ почтахъ; а между тѣмъ нельзя не замѣтить, что трудно понять значеніе страховыхъ взносовъ (2,830,000 руб.) Всякій посылающій свой рубль, поручаетъ его навремя казенному вѣдомству для передачи другому лицу. Какъ-будто рассчитывая на возможность потери этого рубля въ казнѣ, онъ его застраховываетъ уплатою еще одной копѣйки. Но если вужно застраховывать свои деньги, внесенныя навремя въ казенное вѣдомство, то это означаетъ оскорбительное недоуверіе къ этому вѣдомству, а со стороны самого вѣдомства означаетъ, что оно само безъ застрахованія не отвѣчаетъ за цѣлость доверенныхъ ему дѣлъ. Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы брать страховыя деньги и съ подрядчиковъ, которые иногда навремя вносятъ свои залого наличными деньгами; слѣдовало бы точно такъ же взимать страховыя и съ тѣхъ, кто вноситъ свои деньги въ банкъ, на сохраненіе или на текущій счетъ. Но покаместъ не въ томъ дѣло.

Низшія сословія вносятъ такимъ образомъ вѣсколько болѣе чetyрехъ-пятихъ обыкновеннаго государственнаго дохода, и только одна пятая приходится съ высшихъ классовъ. Если къ этому прибавить еще немаловажные сборы земскіе, да на содержаніе мировыхъ учрежденій, да на содержаніе волостей, да сверхъ того разныя натуральныя повинности, тоже незнакомыя высшимъ классамъ: дорожную, постоянную, рекрутскую и т. п., то окажется, что существующая система налоговъ своею неудовлетворительностью справедливо возбудила вниманіе правительства, приступающаго къ ея преобразованію, или по крайней-мѣрѣ къ перемѣнѣ. Облегченіе тягостей, лежащихъ на низшихъ классахъ народа, довершить его освобожденіе, облегчить его просыпленіе, растшевелить громадыя силы, которыя до-сихъ-поръ въ глубокой дремотѣ все были устремлены на одно только пассивное сопротивленіе. Тогда-то народныя школы примуть еще большее развитіе, и что всего лучше, не будутъ требовать никакихъ жертвъ со стороны правительства, если только онѣ совершенно предоставлены будутъ своему естественному, неперанужденному ходу и доброй волѣ тѣхъ, кто будетъ въ нихъ чувствовать нужду.

Кромѣ народныхъ школъ, слышно также объ основаніи то тамъ,

то здѣсь женскихъ гимназій. Нѣсколько меньше замѣтно движеніе въ устройствѣ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а это не менѣе необходимо, какъ и народныя училища. Иначе намъ никогда не избавиться отъ явленій подобныхъ тому, на которое недавно жаловались газеты. Въ Дмитровѣ, уѣздномъ городѣ московской губерніи, всего въ 64 верстахъ отъ Москвы, торговцы присвоили себѣ исключительное право скупать все то что сосѣдніе крестьяне привозятъ продавать на базарѣ. Овесъ, яица, дрова, сѣно, бревна, рожь, все годится, веревочка, — и та пригодится. Понятно, что дѣло торговое, стало-быть надобно дешевле купить, чтобы подороже продать. Крестьяне, имѣя одинъ только класъ покупателей, вынуждены отдавать свой товаръ за то что даютъ, а торговцы, понимая очень хорошо выгоду своего положенія и правильно устроенной стачки, нестѣсняясь давали такую цѣну, какую только вздумаютъ. Крестьянамъ приходилось либо отдавать свое добро за безцѣнокъ, либо везти его назадъ, домой. Посторонній человѣкъ, не дмитровский купецъ, не имѣлъ права купить что ему было нужно на базарѣ, а только въ лавкѣ, а если не зналъ тамошнихъ порядковъ, а крестьянинъ, желая получить лишнюю копѣйку противъ того безцѣнка, который предлагаютъ торговцы, рѣшался продать, то у перваго покупку отбирали, а втораго тащили въ часть дня на три. Предлогъ всегда былъ подъ рукою. Если покупка совершалась до двѣнадцати часовъ, то говорили, что по закону до полудня могутъ покупать только купцы, а если дѣло было послѣ полудня, то говорили, что ужъ поздно, теперь товаръ весь идетъ купцамъ: приходилъ бы раньше. Голова участвовалъ въ этой выгодной операціи вѣроятно столько же своими деньгами, сколько и вліяніемъ. Какой-то помѣщикъ, покупая недавно тамъ на базарѣ овесъ, едва успѣлъ выручить свой овесъ и отстоять крестьянина, котораго тащили въ часть. Крестьяне, собравшіеся на базаръ изъ окрестныхъ деревень и дмитровскіе туземцы изъ неторговцевъ, столпились у городской важи и наперерывъ старались высказать свое неудовольствіе разными непечатными словами противъ «несвободной» торговли въ ихъ городѣ. По распоряженію мѣстнаго «самоуправленія» крестьянинъ не могъ купить у другаго крестьянина ни десятка яицъ, ни четверика овса: всякій товаръ долженъ былъ сначала пройти черезъ чистилище лавки. Какой-то помѣщикъ, покупавшій нѣсколько мѣръ овса не изъ лавки, а съ воза, рассказалъ объ этомъ въ газетахъ.

Прекратилось это зло или продолжается попрежнему, мы не знаемъ. Городничій и голова не сочли удобнымъ опровергать это обвиненіе въ газетахъ, и дѣло повидимому тѣмъ и кончилось. Но само по себѣ дѣло и не важное: приѣзжему не дали купить десять

мѣръ овса у Петра и заставляла купить у Ивана, вся разница дохода могла можетъ быть до какого-нибудь полтинника. Казалось бы о такой бездѣлицѣ не стоило бы и толковать.

Но правда выступила наружу совершенно случайно, только потому, что въ некоторый господинъ столкнулся съ злоупотребленіемъ и не полѣнился написать письмо, а газета не оставила письмо безъ вниманія. Весьма можно предполагать, что и въ другихъ уѣздныхъ городахъ точно такъ же процвѣтаетъ «самоуправленіе» и что при известной степени развитія городского самоуправляющагося общества дѣло вообще можетъ дойти до нестерпимой тирании, до страшнаго притѣсненія деревни городомъ, до безнаказанной и безстыдной эксплуатаціи труда капиталомъ. Если жители города и сосѣдніе крестьяне недовольны были стѣсненіемъ торговли, то чего же они смотрѣли до тѣхъ поръ, пока сколько-нибудь энергическому приѣзжему не вздумалось настойчиво защищать свои права? И множество важныхъ вопросовъ заключается въ этомъ фактѣ. Все-равно, Дмитровъ это или нѣтъ, объ овсѣ идетъ рѣчь, или о соломѣ, только дѣло въ томъ, что въ нашихъ уѣздныхъ городахъ царствуетъ мракъ неодолимый, котораго, какъ говорится, бомбой не пробьешь, и ежели среди этого мрака введено будетъ широкое самоуправленіе, то отъ нелѣпѣйшихъ распоряженій, отъ грубѣйшаго произвола, одно спасеніе — гимназій и университетовъ въ какъ можно большемъ количествѣ. Мы разумѣется ничуть не противъ самаго широкаго примѣненія принципа самоуправленія; въ этой же книгѣ, въ другой статьѣ, мы стоимъ за него; мы хотимъ только сказать, что всевозможныя переимѣны принесутъ несомнѣнную, истинную пользу только при помощи прочнаго фундамента, при помощи большого количества университетовъ и гимназій, а безъ нихъ всѣ возможныя переимѣны будутъ касаться только поверхности, будутъ относиться только къ формѣ, безъ малѣйшаго вліянія на содержаніе. Само собою разумѣется, что всякое измѣненіе учреждений къ лучшему, какъ бы оно мало ни было, имѣетъ все-таки вліяніе на развитіе народное. Вліяніе это хотя косвенное, хотя въ первое время непримѣтное, но впоследствии оно непременно дастъ себя почувствовать. Чтобы улучшенія дѣйствовали скорѣе, съ тою быстротою, какой хочетъ наше правительство, имъ слѣдуетъ дать прочное, незыблемое и главное безповоротное основаніе — просвѣщеніе.

Въ послѣднее время общество поражено было извѣстіями изъ царства Польскаго.

Начатый въ последнее время рекрутскій наборъ въ самой Варшавѣ совершился въ большомъ порядкѣ. Ни одинъ рекрутъ не сопротивлялся, каждый охотно повиновался требованіямъ чиновниковъ. Въ провинціяхъ дѣло не прошло такъ спокойно. Чиновники, производившіе наборъ, дѣйствовали на большихъ пространствахъ, и это затрудняло ихъ дѣйствія. Отъ 6 января изъ Варшавы было извѣстіе, что на мѣнской дорогѣ собралась толпа ослушниковъ; изъ нихъ нѣкоторые были вооружены. Однако вскорѣ они разсѣялись. Два другія скопища, числомъ отъ 400 до 500 человекъ, собрались въ Блони, а также въ окрестностяхъ Сѣроцка и Пултуска, чтобы оттуда двинуться въ лѣса Кампинаскіе и Насельскіе. Было извѣстіе, что эти двѣ толпы начинали страдать отъ холодовъ и недостатка провіанта. По приказанію великаго князя намѣстника, тотчасъ приняты были надлежащія мѣры. Въ упомянутыя мѣстности посланы были военные отряды, съ приказаніемъ пройти край подвижными колонами.

Отъ 10 января получено извѣстіе, что толпа, собравшаяся въ лѣсу, въ окрестностяхъ Блони, перешла черезъ Вислу, съ намѣреніемъ примкнуть къ другой, засѣвшей въ Насельскихъ лѣсахъ. Полагаютъ, что она заключаетъ въ себѣ до тысячи человекъ. Посланы войска, чтобы окружить ее, и тогда же взято было въ плѣнъ до сорока человекъ безоружныхъ бѣглецовъ.

Отъ 11 числа есть извѣстія, что вооруженныя скопища на правомъ берегу Вислы усиливались. Противъ нихъ былъ посланъ полкъ. Въ самой Варшавѣ все было спокойно.

Наконецъ самыя страшныя извѣстія получены отъ 12 числа. Съ 10 на 11 января въ полночь, во всѣхъ провинціяхъ одновременно были произведены нападены на разные города и на отряды войскъ, расположенныя въ городѣхъ и селеніяхъ. Бросаясь на солдатъ во время ихъ сна, поляки убивали ихъ въ постели. Въ одномъ селеніи близъ Седльца, гдѣ солдаты упорно защищались въ занимаемомъ ими домѣ, они зажгли самый домъ такъ, что солдаты сгорѣли живые. Повсюду войска немедленно прекращали эти ужасы и наносили большой уронъ бунтующимъ, отражоннымъ на всѣхъ пунктахъ. Преслѣдуя ихъ, войска отбирали у нихъ оружіе и арестовывали. У насъ выбыло изъ строя до 30 человекъ и втрое болѣе ранено. Поляки потеряли гораздо больше. Полковникъ Козляшновъ былъ убитъ наканунѣ, во время рекогносцировки въ лѣсу. Генераль Ка-набихъ раненъ. Самыя серьезныя стычки происходили въ Плоцкѣ, въ Плонскѣ, Редзичѣ и въ окрестностяхъ Седльца. Приняты мѣры для общаго сбора войскъ. Все царство объявлено въ осадномъ положеніи. Въ ночь съ 10 на 11 число вооруженная толпа изъ царства

Польскаго, въ значительномъ числѣ, напала на дворъ седьмой роты лѣвскаго полка, въ мѣстечкѣ Суражѣ, на самой границѣ. Командиръ ея успѣлъ собрать 60 человекъ; сдѣлавъ два залпа и опасаясь быть окруженнымъ толпами со всѣхъ сторонъ, отступилъ изъ Суража къ батальонному штабу въ Заблудовъ; барабанищизъ и двое рядовыхъ убиты; юнкеръ и одинъ рядовой пропали безъ вѣстия. Въ прочихъ частяхъ края было спокойно; приняты были мѣры для охраненія путей сообщенія.

Однако толпа, напавшая въ ночь на 11 число на роту въ Суражѣ, повредила проходящую тутъ желѣзную дорогу и произвела безпорядки на станціи Лапы. 12 числа направлены были части войскъ, какъ со стороны Гродна и Бѣлостока такъ и изъ Варшавы для возстановленія прерваннаго сообщенія. Также выдвинуты войска и въ другія пограничныя мѣста царства, гдѣ появились буйныя шайки. Въ Тыкоцинѣ одна рота, отдѣленная отъ своего полка, въ продолженіе болѣе сутокъ, съ утра 12 до утра 13, отбивалась, стоя въ каре, противъ окружавшей ее толпы. Приняты всѣ мѣры къ возстановленію и охраненію желѣзной дороги и телеграфной линіи; на 14 число еще не было сообщенія между Бѣлостокомъ и Варшавою. По телеграммамъ изъ Варшавы отъ 13 числа (полученнымъ черезъ Ковно) видно, что въ Піотрковѣ и въ другихъ мѣстахъ царства показались шайки, противъ которыхъ высланы войска. Мятежники нападали на проезжающихъ и производили разныя злодѣянія. Въ ночь на 14 число прервано и телеграфное сообщеніе съ Варшавою черезъ Ковно.

Отъ 14 числа извѣстно, что телеграфическое сообщеніе съ Варшавою возстановлено. Высланный изъ Варшавы поѣздъ съ батальономъ и рабочими достигъ безпрепятственно до Буга и тамъ нашолъ желѣзную дорогу значительно поврежденную. Къ ея исправленію приступлено съ обохъ сторонъ. Высланный изъ Бѣлостока батальонъ занялъ Суражѣ, а другой отрядъ направленъ оттуда же къ Тыкоцину, противъ появившейся тамъ многочисленной шайки. Съ приближеніемъ войскъ мятежники укрылись въ лѣсахъ. — Пограничныя съ царствомъ польскимъ уѣзды всѣхъ смежныхъ губерній объявлены на военномъ положеніи.

Отъ 15 числа получено извѣстіе, что поѣздъ съ войскомъ, высланный для исправленія желѣзной дороги, возобновилъ путь на 50 верстъ отъ Буга и продолжаетъ подвигаться къ границѣ. Окрестности Новогеоргіевска очищены отъ мятежныхъ шаекъ и сообщеніе съ Плоцкомъ восстановлено. Изъ Брестъ-Литовска есть донесенія о появленіи шаекъ въ окрестностяхъ этого пункта и около Бялы. Телеграфическое сообщеніе съ Брестомъ также было прервано мя-

тежвиками. Сколько до сего времени извѣстно, сельское населеніе не принимаетъ участія въ мятежныхъ дѣйствіяхъ и не сочувствуетъ имъ. Войска повсюду сосредоточиваются для подавленія мятежа.

Итакъ опять льется съ обѣихъ сторонъ братская кровь. Россія съ трепетомъ и ужасомъ будетъ слѣдить за ходомъ этой кровавой драмы, утѣшаясь надеждою, что событія на этотъ разъ не примутъ тѣхъ громаднѣхъ размѣровъ, какіе имѣли она тридцать два года тому назадъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Прусскія дѣла. — Мѣры, принятыя прусскимъ министерствомъ для достиженія непопулярности. — Открытіе палаты. — Тронная рѣчь. — Адресъ палаты депутатовъ.

Французскія дѣла. — Тронная рѣчь. — Толки о ней. — Послушаніе законодательной палаты. — Рѣчь графа де-Морни. — Французы рабовладѣльцы.

Последнія извѣстія. — Беспорядки въ Греціи. — Порядки въ Турціи. — Черногорскіе блокгаузы. — Здоровье Гарибальди. — Папскія реформы.

Прусскія дѣла

Съ той поры, какъ распушенъ былъ прусскій парламентъ, до нынѣшняго открытія его, министерство дѣлало все что было въ его силахъ, чтобы окончательно потерять довѣріе народа и палаты. Можетъ-быть намѣреніе было не то, но цѣль достигнута именно эта. Для ея достиженія преслѣдовались административнымъ порядкомъ чиновники, которые по своимъ убѣжденіямъ служили странѣ, а не лицамъ, не начальству, не министрамъ; преслѣдовались газеты за свои мнѣнія, все для того, чтобы заставить страну быть одного мнѣнія съ правителями. Но управлять мнѣніями нѣтъ никакой возможности посредствомъ приказаній, запрещеній и преслѣдованій. Эти мѣры годятся для поддержанія внѣшняго порядка, и то только на нѣкоторое время, и до извѣстной только степени напряженности. Въ Петербургѣ запрещено было гарнизоннымъ унтеръ-офицерамъ ходить въ тѣ трактиры, гдѣ собираются гражданскіе люди, потому будтобы, что имъ непріятно слышать нѣкоторыя ошибочныя мнѣнія, тамъ излагаемыя. Четыре унтеръ-офицера, встрѣченные въ гражданскихъ трактирахъ, наказаны тюремнымъ заключеніемъ. Не смотря на подобныя мѣры, страна высказывалась несомнѣннымъ образомъ, такъ что самаго поверхностнаго взгляда довольно было для того, чтобы понять ея желанія. По городамъ были общинныя

выборы, и вездѣ въ важнѣйшія городскія должности выбраны лица самыя прогрессивныя. Кенигсбергскій ландратъ разослалъ циркуляръ, предписывающій одну изъ самыхъ нехѣлыхъ мѣръ. По закону старшины сельскихъ общинъ, выбираемые обывателями, утверждаются ландратомъ; такъ онъ приказалъ чтобы представленія, присылаемые ему на утверженіе, сопровождались отчетомъ о политическомъ поведеніи будущаго старшины, «дабы звать по степени его участія въ общественныхъ дѣлахъ въ какой мѣрѣ благоприятное можно сдѣлать заключеніе о его *умѣренности*». Какъ будто политическое мнѣніе чловѣка имѣетъ какое-нибудь вліяніе на отправленіе скромной, неимѣющей никакого политическаго значенія должности сельскаго старшины. — Существуетъ нѣкоторый округъ Зангергаузенъ-Экартебергъ. Его представителемъ въ палатѣ былъ долгое время пасторъ Грезеръ. Когда онъ собрался нынче ѣхать въ Берлинъ, вдругъ получаетъ отъ королевской магдебургской консисторіи сообщеніе, состоящее въ томъ, что ему неприлично засѣдать въ палатѣ, такъ какъ званіе депутата противорѣчитъ требованіямъ его духовныхъ обязанностей. Еслии духовное лицо принимаетъ участіе въ борьбѣ политическихъ партій, то это подвергаетъ его опасности уклониться отъ своего главнаго дѣла, — пасти стадо христово. Королевская консисторія поясняла, что она «не мѣшаетъ пасторамъ, находящимся подъ ея вѣдомствомъ, пользоваться правами, принадлежащими имъ, какъ гражданамъ,» но что онъ, пасторъ Грезеръ, долженъ сложить съ себя свое депутатское званіе. Консисторія не имѣла ни права, ни разумнаго повода требовать, чтобы онъ отказался отъ своего званія, потому что онъ былъ депутатомъ пять лѣтъ ераду и всякій разъ, оставляя свой приходъ, поручалъ отправленіе своей должности другому духовному лицу, жившему поблизости. Кромѣ того, онъ долго отказывался и не хотѣлъ принять званія депутата; но прихожане настаивали и выбрали его почти единогласно. Но такъ какъ королевская консисторія выразила свое требованіе очень ясно, то пасторъ, занимавшій въ приходѣ мѣсто Грезера на время его отсутствія, уже не могъ заступать его мѣсто не ставившись съ вышешю духовною властью въ отношеніи весьма невыгодныя. Это заставило Грезера отказаться отъ званія представителя своей общины. Онъ увѣдомилъ объ этомъ палату. Событіе это серьезное. Община Зангергаузенъ должна произвести на его мѣсто новый выборъ, и уже видно, чѣмъ дѣло кончится, какую пеловную услугу магдебургская консисторія оказала ретроградной партіи. Грезеръ, какъ пасторъ, имѣетъ тысячу случаевъ дѣйствовать на общественное мнѣніе своей общины безо всякаго насилія. Сверхъ того еслии онъ былъ выбранъ общиною

вочти единодушно, то его политическія мнѣнія пользуются надлежащимъ уваженіемъ. Понятно само собою, что при новыхъ выборахъ будетъ въ палату депутатовъ послано лицо съ еще болѣе рѣзкимъ оттѣнкомъ того же политическаго направленія, какого держался Грезеръ. Но можетъ-быть, новое лицо будетъ принадлежать уже не къ духовному званію, стало-быть будетъ еще свободнѣе въ своихъ убѣжденіяхъ и министерство приобрететъ одного лишняго противника.

Принявъ всѣ эти и другія подобныя мѣры для окончательной потери своей популярности и для совершеннаго отчужденія всякаго сочувствія со стороны палаты, министерство созвало палату въ новое собраніе. 14 числа, въ часть пополуни, въ королевскомъ дворцѣ происходило открытіе засѣданій министрами, по приказанію короля. Въ тронной рѣчи всего знаменательнѣе первая фраза или первый параграфъ; она обрисовываетъ общее направленіе нынѣшней дипломатіи, которая постоянно дѣлаетъ видъ, будто съ благородною откровенностью касается самыхъ щекотливыхъ вопросовъ въ самой ихъ сущности, а на дѣлѣ перетолковываетъ ихъ совершенно произвольно, безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти. Вотъ этотъ параграфъ:

«Правительство его величества привѣтствуетъ васъ съ пламеннымъ желаніемъ, чтобы въ нынѣшнемъ собраніи установилось продолжительное согласіе касательно вопросовъ, оставшихся нерѣшонными въ прошломъ году. Эта цѣль будетъ достигнута, если при нынѣшнемъ положеніи народнаго представительства, наша конституція будетъ соблюдена, какъ основаніе нашего общественнаго права и если законодательныя власти, взаимно уважая свои конституціонныя права, будутъ считать своею общою обязанностью развитіе могущества и благосостоянія отечества».

Превосходно. Именно объ этомъ-то и рѣчь; именно объ этомъ палата и старается. Дѣйствительно, прежде всего нужно исполненіе конституціи. Здѣсь всего однакоже замѣчательнѣе, что эти слова сказаны были предсѣдателемъ совѣта министровъ, который прежде всѣхъ и былъ нарушителемъ конституціи; онъ же говоритъ самъ, что надо уважать конституціонныя права, которыя составляютъ основу общественнаго права, стало-быть и порядка и всѣхъ возможныхъ народныхъ благъ. Вся разгадка нынѣшней дипломатіи состоитъ именно въ томъ, чтобы прямо, честно, откровенно подходить къ вопросу и раскрывать его во всей полнотѣ, но потомъ ловкой уверткой не рѣшить его, произвести насиліе и свалить вину всего этого на другихъ. Но уже и въ этомъ параграфѣ есть намекъ на причину разногласія, происшедшаго между министерствомъ и пала-

той. Несогласіе произошло вслѣдствіе того, что министерство хотѣло увеличить военныя силы страны, а народныя представители считали это бесполезнымъ. Ясно, что и теперь и правительство настаиваетъ на томъ же, говоря о могуществѣ отечества прежде его благосостоянія. Министерство очень хорошо знаетъ, что могущество дѣло второстепенное, что оно зависитъ отъ благосостоянія, и что даже приличіе требуетъ того, чтобы правительство ставило благосостояніе впереди могущества. Принявъ обратный порядокъ, министерство этимъ самымъ заявило, что въ его глазахъ теперь важнѣе всего настоять на увеличеніи военныхъ силъ, что бы изъ этого для страны ни произошло.

Говоря о смѣтѣ на 1862 годъ, министерство точно такъ же открыто и прямодушно приступило къ вопросу. Оно прямо сказала, что на прошедшій годъ не было правильно утвержденной смѣты, и потому оно всячески старалось управлять съ соблюденіемъ экономіи. Но въ настоящемъ случаѣ вовсе не объ экономіи идетъ рѣчь, а о правѣ, о законности. Правда, что палата не согласилась на увеличеніе числа войскъ, опираясь на экономію; но теперь уже не въ томъ дѣло. Нарушена конституція, и прусскій народъ въ послѣднее время, въ особенности благодаря притѣсненіямъ, сдѣлалъ значительныя успѣхи въ политическомъ развитіи своемъ, и совершенно готовъ пожертвовать вдвое большею суммою противъ той, на которую онъ прежде не соглашался, лишь бы право его не было нарушено. Правительство тутъ же объявило, что по заключеніи счетовъ за прошлый годъ, оно представитъ проектъ о смѣтѣ 1862 года и потребуетъ или будетъ просить согласія палаты на сдѣланные расходы. И это еще было бы до нѣкоторой степени сообразно съ конституціонными обычаями, если бы въ числѣ расходовъ не было такихъ, съ которыми вовсе несогласна была палата, при чемъ ея несогласіе извѣстно было министерству. Это уже съ конституціею расходится совершенно, и если палата изъявитъ свое согласіе на сдѣланные такимъ образомъ расходы, то она сама поступитъ противъ конституціи. Положеніе сдѣлалось такимъ образомъ окончательно безвыходнымъ. Разъ прикрывъ своимъ согласіемъ нарушеніе конституціи, палата впередъ оправдываетъ всѣ возможныя нарушенія каждаго изъ народныхъ правъ, а это, какъ понятно само собою, не можетъ согласоваться съ ея видами. Точно такъ же палата не можетъ разумнымъ образомъ согласиться разсматривать смѣту на 1863 годъ прежде окончательнаго разрѣшенія дѣла о прошлогодней смѣтѣ. Если подчиниться этому, то нѣтъ никакого объясненія необходимости разсматривать смѣту 1863; можно заняться тою, которая относится къ 1864 году. Сверхъ того всякая годичная смѣта основыв-

вается обыкновенно во многихъ статьяхъ на статьяхъ издержекъ предшествовавшаго года, а если въ предыдущемъ году издержки были незаконны, то всѣ соображенія, опирающіяся на незаконныя основанія, тоже лишены будутъ законности. Такимъ образомъ нынѣшнее положеніе палаты относительно министерства составляетъ основаніе, точку опоры, откуда пойдетъ или правильное развитіе или упадокъ и пренебреженіе общественныхъ правъ, смотря по тому, какое рѣшеніе будетъ принято и какъ разыграется все дѣло.

Остальные параграфы тронной рѣчи не представляютъ особеннаго интереса. Въ нихъ, какъ водится, изложено общее положеніе страны съ правительственной точки зрѣнія; тамъ замѣтно преуспѣяніе, въ другой отрасли — благополучное разрѣшеніе затрудненій, тамъ процвѣтаніе, здѣсь, благодаря постояннымъ усиліямъ правительства, достигнута такая-то благоприятная цѣль; тутъ сдѣланы улучшенія, тамъ охранены такіе-то интересы, и такъ далѣе.

Г. фонъ-Бисмаркъ-Шенгаузенъ прочиталъ тронную рѣчь быстро, безъ всякой интонаціи, не налегая ни на одно выраженіе. Палаты слушали въ глубокомъ молчаніи. Потомъ г. фонъ Франкенбергъ-Лудвигсдорфъ, старшій членъ верхней палаты, три раза закричалъ: «да здравствуетъ король!» и собраніе громко повторило этотъ крикъ.

Ровно три мѣсяца палата была распущена. 13 октября прошлаго года тоже была прочитана рѣчь по случаю закрытія засѣданій. Но та рѣчь въ сравненіи съ нынѣшнею была еще утѣшительна и нѣсколько ближе къ требованіямъ конституціи. Тогда не говорилось о ежегодномъ утвержденіи смѣты, какъ о правѣ обязательномъ, но только какъ объ «основаніи, предполагаемомъ» конституціею для администраціи, и если министерство приступало къ управленію безъ смѣты, то оно не исполняло только «предположеніе конституціи». Но тогда правительство жалѣло объ отсутствіи смѣты, оно сожалѣло о необходимости управлять безъ законно составленной смѣты и признавало за собою *отвѣтственность* въ тогдашнемъ печальномъ положеніи дѣлъ. Тогдашняя рѣчь оканчивалась выраженіемъ надежды, что несогласія такъ или иначе уладятся. Въ нынѣшней рѣчи, напротивъ, не видно даже этого справедливаго сожалѣнія. Напротивъ, замѣтно большое удовольствіе по поводу того, что «финансовое положеніе вполне удовлетворительно.» Но гдѣ же удовлетворительно, когда оно незаконно, независимо отъ количества прихода и расхода? Повидимому обиліе прошлогоднихъ доходовъ утѣшило министерство въ отсутствіи законной смѣты. Правительство привѣтствуетъ новое собраніе съ пламеннымъ желаніемъ, чтобъ установилось согласіе по поводу вопросовъ, оставшихся неразрѣшон-

ными; но оно не сказала, что втеченіи трехъ мѣсяцевъ ничего не было сдѣлано для достиженія этого согласія. Оно выражаетъ надежду, что совершенное увеличеніе войска будетъ узаконено согласіемъ палаты на сдѣланные расходы и ихъ утвержденіемъ; но оно не говоритъ какимъ путемъ дошло до этой надежды. Кажется ему угодно, чтобы народныя представители были гораздо болѣе прежняго расположены соглашаться со всѣмъ что имъ будетъ представлено; однакоже не видать какое обстоятельство могло бы въ нихъ произвестъ подобную перемѣну.

Въ первомъ же засѣданіи палаты депутатовъ, престарѣлый президентъ ея Грабовъ произнесъ слѣдующую рѣчь, которая въ жизни Пруссіи составитъ весьма важную эпоху.

«Три мѣсяца тому назадъ мы оставили этотъ залъ съ надеждою (и вся страна съ нами надѣялась), что разрѣшится конституціонное несогласіе, возникшее не по нашей винѣ. Но имѣя въ виду королевскія слова: «истина должна царить между нами», слѣдуетъ откровенно и съ глубочайшимъ сожалѣніемъ объявить, что несогласіе въ эти три мѣсяца приняло еще большіе размѣры, и что теперь находится въ опасности укрѣпленіе нашего законнаго и конституціоннаго положенія. (Сильныя рукоплесканія.) Даже на ступеняхъ трона люди выражали подозрѣнія къ палатѣ депутатовъ, осыпали ее подозрѣніями и клеветами (слушайте!), тогда какъ наша палата есть единственная и истинная представительница прусскаго народа, надлежащимъ образомъ избранная. (Шумное выраженіе сочувствія). — Въ интересахъ службы, отставлены были или перемѣщены депутаты изъ чиновниковъ, которые были вѣрны своей присягѣ конституціи и поддерживали несомнѣнныя конституціонныя права палаты представителей. (Сочувствіе). — Административнымъ порядкомъ возстановлены были списки политическаго поведенія чиновниковъ и именно независимыхъ судей, тогда какъ эти списки уничтожены закономъ. (Слушайте!) — 99 параграфъ конституціи нарушенъ, и такъ какъ у насъ еще нѣтъ благотѣльнаго закона объ отвѣтственности министровъ, то мы имѣемъ теперь правительство безъ смѣты. (Слушайте!) — Въ этомъ несогласіи, все болѣе опредѣляющемся, страна стала на сторону своихъ представителей. Это до очевидности ясно доказывается торжественнымъ пріемомъ представителей, возвращавшихся въ свои округа и благодарственными адресами, которые получены и всякій день еще приходятъ изъ-за границы, изъ Германіи и изъ прусскихъ избирательныхъ округовъ. Этихъ адресовъ теперь 194, съ 221,950 подписями избирателей первой и второй степени. Имѣю честь ихъ представить палатѣ подобранными въ порядкѣ, по провинціямъ и округамъ. Всѣ эти адреса

свидѣтельствуютъ, что палата дѣйствовала съ уваженіемъ къ конституціоннымъ правамъ короны, что она съ умѣренностью и осмотрительностью поддерживала конституціонныя права народа; адресы благодарятъ палату представителей за то поощреніе, исполненное достоинства, съ которымъ она отражала нападенія, направленные противъ нея и противъ конституціи, этого священнаго палладиума правъ народа. (Громкое выраженіе сочувствія.) Такъ какъ палата оправдана такимъ образомъ передъ страной, мы примемся, господа, за работу съ новымъ мужествомъ, съ нашею прежнею умѣренностью и благоразуміемъ, но не отказываясь отъ твердости и непоколебимаго терпѣнія съ начала нынѣшняго года, составляющаго пятидесятую годовщину освобожденія Пруссіи, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ глубоко униженной, а вмѣстѣ съ нею и освобожденія Германіи, вышедшей изъ положенія слабости и постыдныхъ несогласій. Этимъ освобожденіемъ обязаны мы благородному духу ея государей и могуществу единодушнаго энтузіазма народнаго. Встанемъ же съ своихъ мѣстъ, чтобы провозгласить съ радостью, сообразно съ стариннымъ прусскимъ духомъ любви, преданности и откровенности: «да здравствуетъ его величество король Вильгельмъ I!»

Черезъ день послѣ этой рѣчи въ правительственной палатѣ сказано было, что г. Грабовъ рѣзко и оскорбительно выразался о поведеніи министерства и вызывающимъ образомъ напомнилъ борьбу, сдѣлавшую прошлое собраніе такимъ бесплоднымъ. Если бы министерство знало, что онъ скажетъ, то оно непременно присутствовало бы въ первомъ засѣданіи, чтобы немедленно протестовать противъ такого положенія, принятаго президентомъ.

Покажѣмъ въ палатѣ представителей народа произносилась такая исполненная жизни и энергіи рѣчь, палата риттеровъ занималась выборами. Графъ фонъ Штольбергъ-Верпигероде снова избранъ предсѣдателемъ, г. фонъ Франкенбергъ-Лудвигсдорфъ первымъ вице-президентомъ, а графъ Брюль — вторымъ. Достопочтенная верхняя палата занималась переборкою своего стариннаго арсенала титуловъ и въ сравненіи съ дѣятельною жизнью второй палаты весьма напоминала рыцаря, который съ своими неповоротливыми доспѣхами и тяжеловѣснымъ вооруженіемъ готовится къ борьбѣ противъ самаго современнаго и самаго усовершенствованнаго оружія. Ясно, что рыцарю тутъ повредить и самая тяжесть, и самая древность его перержавѣвшаго и уже слишкомъ далеко отставшаго отъ современности вооруженія.

Въ 61 параграфѣ конституціи обозначено три рода преступленій, за которыя могутъ быть преслѣдуемы министры: нарушеніе конституціи, подкупъ, предательство или измѣна. Но окончатель-

ная фраза этого параграфа предоставляет будущему законодательству право опредѣлить еще и другія преступленія. Ясно, что 99 параграфъ конституціи былъ нарушенъ. Извѣстно также, что палата имѣетъ право ставить на очередь проекты законовъ, взъ среды ея предлагаемые. Теперь въ парламентскихъ кружкахъ переговариваютъ объ отдачѣ министерства подъ судъ.

А между тѣмъ постановлено представить королю адресъ съ подробнымъ изложеніемъ нуждъ и желаній палаты, то-есть страны. Сначала не было единодушія по вопросу о томъ, нужно ли представлять адресъ или нѣтъ. Но необходимость адреса такъ очевидна, что палата большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ семнадцати положила адресъ подать. Ораторы, говорившіе противъ адреса, опирались на то, что вся сила палаты заключается въ разсмотрѣніи смѣты и въ обсужденіи адреса, причемъ положеніе должно опредѣлиться особенно явственно при обсужденіи ожидаемаго закона о военной службѣ. Но въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ всегда должно желать какъ можно большей ясности положеній и возможно болѣе точной постановки вопросовъ, занимающихъ общество. Адресъ сочинилъ Вирховъ, извѣстный профессоръ патологической анатоміи, депутатъ, принадлежащій къ прогрессивской партіи и можетъ самая ясная голова этой партіи. Вотъ это замѣчательное произведеніе, въ которомъ опытный и привычный къ дѣлу анатомическій ножъ разсѣкаетъ настоящее положеніе вещей и съ мудрою умѣренностью, почти не называя вещей по имени, поразительно вѣрно обрисовываетъ настоящее положеніе. Начинается адресъ обыкновеннымъ, форменнымъ воззваніемъ: «Всепресвѣтлѣйшій» и т. д.

«Ваше величество снова созвали обѣ палаты сейма королевства. Палата депутатовъ явилась на зовъ, проникнутая твердою волей снова доказать свою непоколебимую вѣрность королю и свою добросовѣстную заботливость о поддержаніи конституціи. Она не скрываетъ отъ себя неблагопріятныхъ обстоятельствъ, при которыхъ начинаются ея занятія. Но поэтому-то она и считаетъ себя болѣе чѣмъ когда-либо обязанною изложить вашему величеству положеніе страны съ надлежащею откровенностью и полюбощимъ уваженіемъ. Последнее собраніе было закрыто прежде нежели предписанная конституціею смѣта была утверждена на 1862 годъ. Проектъ смѣты на 1863 годъ долженъ бы обсуживаться и быть утвержденъ прежде конца прошедшаго года, но онъ былъ взятъ обратно. Приглашеніе, обращенное къ правительству вашего величества представить новую смѣту вовремя, осталось безъ послѣдствій. Съ тѣхъ поръ министры, назначенные вашимъ величествомъ, продолжали управлять безъ законной смѣты и противно конституціи. Противорѣча положитель-

ному заявленію палаты депутатовъ, они даже дѣлали расходы, въ которыхъ было положительно и опредѣлительно отказано постановленіями палаты. Такимъ образомъ высшее право народнаго представительства, право соглашаться на расходы, было нарушено. Это право есть основа всей общественной конституціонной жизни, и потому оно обезпечено всѣми существующими конституціями; досихъ—поръ оно было признаваемо и самимъ правительствомъ, и въ дѣйствительности принадлежало народному прусскому представительству. Страна съ ужасомъ видѣла, что всѣ выгоды нашего предшествующаго политическаго развитія опять поставлены подъ сомнѣніе, и стала на сторону своихъ представителей. Небольшое меньшинство, уже давно чуждое націи, но встрѣчающее поддержку въ министрахъ вашего величества, до ступеней трона возвело самую грубую клевету на одного изъ членовъ законодательнаго собранія и не остановилось даже передъ попыткою внести замѣшательство въ оцѣнку объема и значенія положительныхъ конституціонныхъ правъ. Въ то же время оказались во многихъ мѣстахъ злоупотребленія правительственной власти, вродѣ тѣхъ, какія дѣлались въ печальные годы, предшествовавшіе регентству вашего величества. Чиновники вѣрныя конституціи, въ особенности бывшіе депутатами, подверглись разнымъ притѣснительнымъ мѣрамъ. Печать подверглась преслѣдованію за то, что она съ откровенностью стала на сторону права. Пробовали даже нарушать неоспоримыя гражданскія права людей, принадлежащихъ къ милиціи, но не бывшихъ въ строю, посредствомъ виѣшательства высшихъ военныхъ начальниковъ, которые давали приказы, неотносявшіеся къ службѣ. Всемилоствѣннѣйшій государь! ваше величество еще недавно благоволили объявить, что никто не имѣетъ права сомнѣваться въ вашей доброй волѣ поддерживать конституцію, которой присягали, и поддерживать ее. Дѣйствительно, никому не придетъ въ голову подобное сомнѣніе. Но ваше величество позволить намъ объявить открыто, что *конституція теперь же нарушена министрами*. Статья 99 уже не есть истина. Страна находится подъ управленіемъ безъ смѣты, и новое собраніе началось безъ истинныхъ уступокъ со стороны правительства, которыя позволили бы надѣяться на успѣхъ возстановленія правильнаго распоряженія финансами и на возвращеніе учреждений къ законнымъ основаніямъ. Иностранцы съ удивленіемъ видятъ продолженіе распри, которая день ото дня все глубже подрываетъ уваженіе къ прусскому имени и грозитъ отнятіемъ у голоса правительства его главнѣйшую силу въ совѣтѣ народовъ. Иностранцы знаютъ очень хорошо, что обязанность и совѣсть предписываютъ прусскому народному представительству поддерживать права, при-

знаваемыя за нимъ конституціей, безъ нарушенія чужихъ правъ, но и безъ уступки своихъ, и что вѣшнія осложненія не могутъ помирить наше внутреннее несогласіе. Они знаютъ, что Пруссія не можетъ возвратитъ себѣ своего вліанія въ Германіи и стало-быть своей силы иначе, какъ по возстановленіи у себя конституціоннаго порядка и по призваніи народа германскаго и своихъ представителей къ содѣйствію политическаго соединенія великаго отечества. Посреди этихъ важныхъ затрудненій, народъ прусскій, испытанный такими опасностями, но стоящій выше всѣхъ другихъ народовъ по своей вѣрности, не покидаетъ надежды на то, что вѣще величество сумѣете отличить честный голосъ законныхъ народныхъ представителей отъ совѣтовъ тѣхъ, которые въ борьбѣ партій стараются прикрыть августѣйшимъ именемъ вашего величества свои стремленія, неимѣющія сами по себѣ силы. Государь, наше положеніе, какъ народныхъ представителей, налагаетъ на насъ неуклонную обязанность торжественно объявить, что внутренній миръ и вѣшнее могущество могутъ быть возвращены странѣ только посредствомъ возвращенія къ конституціонному положенію.»

Слѣдуетъ подпись по надлежащей формѣ.

Этотъ проектъ адреса представленъ былъ палатѣ Вирховымъ и Карловицемъ съ двумя стами подписей. Когда онъ обсуживался еще въ адресной комиссіи, президентъ совѣта министровъ говорилъ, что король не можетъ выслушать все что палатѣ вздумается ему сказать, и что министерство не можетъ посовѣтовать королю принять подобный адресъ, что министерство и корона составляютъ одно цѣлое. Но достопочтенный президентъ совѣта очевидно ошибается. Величіе короны никакъ не слѣдуетъ ставить въ зависимость отъ весьма возможныхъ ошибокъ министерства. Корона не ошибается, корона во всякомъ случаѣ непогрѣшима и на нее не слѣдуетъ возлагать отвѣтственности за нѣкоторыя целовкости. Г. Зибель, докладчикъ адресной комиссіи, 27 января, когда адресъ поступилъ на обсужденіе палаты, доказывалъ, что смѣщиванье короля съ министерствомъ есть покушеніе на движеніе, подобающее королевской власти. За нимъ г. Вальдекъ утверждалъ, что президентъ палаты депутатовъ, Грабовъ, заслуживаетъ признательности отечества за рѣчь, произнесенную имъ 16 января, въ день открытія собранія. Потомъ г. Бисмаркъ сталъ утверждать, что претензія палаты слишкомъ велики, что она покушается на конституціонныя права королевской власти. Онъ не допускаетъ отдѣленія королевской власти отъ министерства, и говоря это, совершаетъ великую ошибку. Если такъ, то статья конституціи, по которой министерство можетъ подлежать законному обвиненію и отвѣтственности, въ силу кото-

рой можно министровъ отдать подъ судъ, въ тоже время относится и къ королевской власти. Выходить, что король отвѣчаетъ за каждый шагъ своихъ министровъ, и вмѣстѣ съ ними можетъ быть отданъ подъ судъ, что составляетъ слишкомъ очевидную нелѣпость. Если конституція не есть пустое слово, то министры отвѣтственны, если же они отвѣтственности законной не подлежатъ, то конституція не существуетъ и образъ правленія остается монархическимъ неограниченнымъ. Разъясненіемъ этой истины прусская палата начала заниматься въ своихъ преніяхъ 27 января. Министерство конечно будетъ эту истину затемнять, потому что противоположное очень ему выгодно, и главное, удобно.

Французскія дѣла

Почти въ одно время съ прусскими палатами открылось во Франціи собраніе такъ-позываемаго законодательнаго корпуса. Какъ водится, была сказана надлежащая тронная рѣчь, которая разнесена была въ тотъ же мигъ телеграфомъ во всѣ концы Европы. Въ Лондонъ рѣчь была передана въ шестнадцать минутъ. Телеграфъ превзошелъ самого себя. И было зачѣмъ. Императоръ французовъ только разъ въ годъ открываетъ законодательную палату, и Европа все до-сихъ-поръ надѣется, что онъ какъ-нибудь проговорится и выскажетъ какую-нибудь изъ затаенныхъ мыслей своихъ, въ которыхъ заключается судьба наступившаго года, и что всего важнѣе, ключъ къ повышевію или пониженію биржевыхъ курсовъ. Биржи европейскія можно сказать присутствовали въ той залѣ, гдѣ произносилась тронная рѣчь 12 января, впивали каждое слово повелителя Франціи и старались разгадать сущность и внутренній, скрытый смыслъ каждой фразы, помимо того, который былъ такъ-сказать снаружи. Но увы, курсы вслѣдствіе рѣчи только колебались неопредѣленно, то вверхъ, то внизъ, потомъ стали искать своимъ чутьемъ другихъ причинъ и поводовъ къ колебаніямъ, не отыскавъ ничего подъ неопредѣленными выраженіями тронной рѣчи. За то газеты разработывали рѣчь во всей подробности, подкапываясь подъ каждую фразу, на сколько хватало остроумія, но съ полнѣйшею бесплодностью, точно бѣлка, вертящаяся въ своемъ тѣсномъ колесѣ. Рѣчь начиналась словами:

«Господа сенаторы, господа депутаты, начинается послѣднее собраніе законодательнаго корпуса. Опередить срокъ, назначенный конституціей, было бы помоему актомъ неблагодарности къ на-латѣ и неловѣрія къ странѣ. Теперь уже не тѣ времена, когда надо было хвататься за счастливый случай, чтобы обезпечить себѣ го-

лоса ограниченнаго числа избирателей. Нынѣ вслѣдъ подаетъ голось, и потому въ массахъ нѣтъ прежней подвижности и убѣжденія не измѣняются при малѣйшемъ дуновеніи, которое колеблетъ иногда политическую атмосферу...»

Какое глубокое сердцеѣденіе! Какое невиданное пониманіе истинныхъ пользъ народа! Какая благородная увѣренность въ здоровомъ смыслѣ общественнаго мнѣнія! — восклицаютъ газеты вродѣ France. И какъ остроумно сравнены движенія въ политическихъ обстоятельствахъ съ тѣми, которыя происходятъ въ воздухѣ! И какое благородное уваженіе къ конституціи, вмѣстѣ съ яснымъ напоминаніемъ драгоцѣннѣйшаго для Франціи права и либеральнѣйшаго учрежденія изъ всѣхъ въ мірѣ странъ — права поголовной подачи голосовъ. Франція можетъ быть спокойна, потомучто ея династія обезпечена, какъ сверхчеловѣческой мудростью ея главы, такъ и пламенною любовью народною.

Въ чемъ же однако состояла бы неблагодарность относительно палаты и недовѣріе къ странѣ, спрашиваютъ уже не французскія, а англійскія газеты, еслибы императоръ пожелалъ новыхъ выборовъ? Нынѣшніе депутаты весьма удобны, такъ что едвали можно надѣяться на другую болѣе удобную и болѣе преданную палату. Можетъ быть при излишнемъ довѣрїи къ странѣ, которое довѣріе могло бы выразиться приглашеніемъ къ новымъ выборамъ, оказалось бы много такихъ членовъ, которые нашли бы не совсѣмъ сообразнымъ съ достоинствомъ во что бы ни стало соглашаться со всякимъ предложеніемъ министерства. Выборъ другой палаты на мѣсто нынѣшней въ самомъ дѣлѣ былъ бы неблагодарностью. Всѣ предложенія были приняты ею съ удивительною готовностью, напоминающею знаменитый парламентъ *introuvable* Людовика XVIII, парламентъ болѣе роялистскій, чѣмъ самъ король. Одно только предложеніе встрѣтило маленькое затрудненіе: это назначеніе громаднѣйшей ежегодной пенсіи герцогу Паликао, который командовалъ французскимъ отрядомъ въ пекинскую экспедицію. Но члены палаты въ ту минуту были не довольно обстоятельно наэлектризованы барабаннымъ боемъ и пушечною пальбой, т.-е. всѣми погрешками воинской славы, или можетъ-быть онѣ думали, что пролитая въ Китаѣ кровь и брошенные на далекую экспедицію народныя деньги пропали безо всякой пользы и за это не стоитъ давать человѣку огромной пенсіи. Можетъ даже случиться, что имъ казалось, что герцогъ Паликао исполнялъ только свою обязанность, за которую заплачено ему обыкновеннымъ жалованьемъ и сверхъ того почетомъ, уваженіемъ, герцогскимъ титуломъ и орденомъ почетнаго легіона и вовсе незачѣмъ дополнять всѣ эти щедроты еще

ежегоднымъ взиманіемъ съ народа того что должно было составить пенсію пекинскаго генерала. Какъ бы то ни было, одинъ только разъ палата попробовала стать въ оппозицію съ требованіями правительства, да такъ перетрусилась своей храбрости, что долгое время сама себя не узнавала, и члены съ изумленіемъ смотрѣли другъ на друга.

Управляя страню безъ оппозиціи, министерство показываетъ чрезвычайную самоувѣренность, и съ храбростію, свойственною французскому характеру, кажется любить свое опасное положеніе. Оппозиція есть недремлющій вождь и надзиратель, который не дастъ правителямъ сбиться съ дороги, слѣдить за каждымъ ихъ шагомъ и каждый шагъ неуслышно освѣщаетъ заявленіемъ потребностей страны. При истинномъ представительствѣ народа, не при такомъ, которое покаймъ въ Англіи считается удовлетворительнымъ, оппозиція есть вѣрнѣйшій и надежнѣйшій руководитель, спасающій конституціонное правительство отъ односторонности, отъ ложнаго направленія, въ которое такъ легко вдаться, владея безотвѣтною властью и самымъ скрытнымъ характеромъ, какой только былъ владѣль на престолѣ. Всякій любящій Францію долженъ желать, чтобы будущая палата хоть чѣмъ-нибудь заявила свое существованіе, кромѣ безусловнаго и единодушнаго (кромѣ пяти членовъ) согласія со всѣми предлагаемыми мѣрами. Да, именно, слѣдуетъ желать большаго довѣрія къ странѣ, не въ томъ смыслѣ, что она вышлетъ безгласныхъ депутатовъ, а въ томъ, что она лучше всѣхъ знаетъ свои потребности и сумѣетъ навести правительство на мѣры полезныя и противиться тѣмъ, которыя могутъ быть вредныя.

Желать этого можно, но надѣяться не слѣдуетъ. Не таковъ характеръ нынѣшняго повелителя Франціи, чтобы онъ могъ добровольно отказаться отъ безграничной власти. Достаточно знать, какъ происходятъ совѣщанія министровъ подъ его предѣлательствомъ, чтобы вывести о немъ приблизительно вѣрное заключеніе. Министры собираются. Онъ входитъ, садится съ нами за одинъ столъ, въ короткихъ словахъ излагаетъ вопросъ, по поводу котораго желаетъ знать ихъ мнѣнія, и потомъ указываетъ глазами на одного изъ министровъ, требуя его мнѣнія. Тотъ начинаетъ говорить, сыплеть цѣпты краснорѣчія и убѣдительною рѣчи старается показать двѣ разныя вещи: во первыхъ, что онъ безгранично преданъ царствующей династіи и готовъ на все для ея благополучія и величія, такъ какъ въ ея судьбѣ заключается судьба Франціи, а вовторыхъ, что если онъ и догадывается о мнѣніи своего повелителя въ данномъ случаѣ, то все-таки у него хватаетъ ума имѣть свой хотя маленькій, хотя самый почтительный, но до нѣкоторой степени замѣтный

отъбючекъ своего собственнаго мнѣнія. Пока господинъ министръ старается такимъ образомъ, императоръ не возражаетъ ничего, спокойно закуриваетъ сигару и слушаетъ, не выражая на лицѣ своемъ ни вниманія, ни разсѣянности, ни одобренія, ни порицанія, ни согласія, ни несогласія. Когда министръ кончаетъ, императоръ киваетъ головой другому, что значитъ, что другой долженъ стараться высказать во первыхъ свою предусмотрительность касательно блага Франціи, а во вторыхъ и то, въ какой мѣрѣ онъ попадаетъ въ тактъ съ скрытыми для него мыслями императора. Потомъ говоритъ третій, четвертый, и т. д., до конца, и когда выскажется послѣдній, императоръ встаетъ и уходитъ. Министры собираютъ свои бумаги и ѣдутъ домой. До чего они все договорились — никто изъ нихъ не знаетъ. Потомъ, въ свое время императоръ распорядится иногда такъ, какъ никто не ожидаетъ, несогласно ни съ однимъ изъ высказанныхъ мнѣній. А бѣдные газетчики стараются проникнуть въ смыслъ его рѣчей, отыскать разгадку его намѣреній въ самыхъ общихъ фразахъ или надѣются, что онъ позволитъ совершиться выборамъ такъ, чтобы сдѣлалась возможною какая-нибудь оппозиція.

И теперь уже вся Франція готовится къ выборамъ. Въ различныхъ общинахъ меры выказываютъ похвальное усердіе, напоминаютъ избирателямъ о ихъ правахъ и даютъ дружескіе совѣты. Меръ покупаетъ себѣ возъ дровъ и зазываетъ продавца раснять бутылочку вина. На покрытіе подобныхъ расходовъ отпускается надлежащее количество казенныхъ денегъ изъ суммъ, назначенныхъ на операціи по выборамъ. Толкуютъ о томъ о семъ, и будто мимоходомъ касаются выборовъ.

— А ты, дружище, конечно тоже записался въ списокъ избирателей? спрашиваетъ меръ.

— А чего я тамъ не видалъ? спрашиваетъ крестьянинъ.

— Какъ чего? депутата слѣдуетъ выбирать, кто за насъ за всехъ поѣдетъ въ Парижъ хлопотать у императора.

— Такъ ужъ ваша милость и распорядились бы послать кого слѣдуетъ!

— Какже я распоряжусь? Надо выбирать намъ всемъ; на то есть и законъ.

— Кого же я выберу? Вонъ развѣ нашего купца: онъ такой рѣчистый!..

— И купецъ годится, а ты выбери-ка мосье Кокардо. Человѣкъ онъ съ достаткомъ, у начальства на хорошемъ счету, такъ ему и ѣхать ловчѣе, и послушаютъ его скорѣе, ежели что для нашей общины будетъ нужно. Главное — на хорошемъ счету.

Понятно само собою, что крестьянинъ подастъ голосъ за мосье

Кокардо, а не за какого-нибудь болтуна, который г. меру не правится. А такой милый г. меръ! И дрова купилъ, и виномъ попотчевалъ. Опять же неровень часъ: можетъ-быть случится и нужда какаѣ до г. шера.

Изъ тронной рѣчи видно, что императора весьма заботитъ мнѣніе другихъ о его политикѣ, и онъ съ обычною своею прямою подходить къ этому вопросу. «Люди ищутъ обыкновенно — говорить онъ — въ дѣйствіяхъ государей какихъ-то скрытыхъ пружинъ, тайственныхъ комбинацій; но моя политика была всегда очень проста». Далѣе онъ объясняетъ простоту своихъ намѣреній самыми общими мѣстами, въ которыя вмѣстится всякое произвольное распоряженіе. Говорится о благѣ Франціи, о ея нравственномъ значеніи, о способствованіи законнымъ стремленіямъ народовъ въ лучшей будущности и т. д. Но въ этомъ послѣднемъ пунктѣ заключаются и всевозможныя несчастія всеобщей европейской войны, и одной этой фразы достаточно было, чтобы возбудить безпокойство англійскихъ газетъ, которыя невольно подумали при этомъ о южныхъ штатахъ, о посредничествѣ, предложенномъ французскимъ правительствомъ и о необъятной широтѣ словъ: законныя стремленія.

Еще замѣчательное мѣсто въ рѣчи: «Мы одолѣли множество препятствій, по остается еще много сдѣлать для усовершенствованія нашихъ учрежденій, для распространенія истинныхъ мыслей, для приученія страны рассчитывать саму на себя».

Тутъ императоръ самъ признаетъ усовершенствоемость французскихъ учрежденій, признаетъ, что въ нихъ есть недостатки и что для народа всего выгодиѣ знать истину и рассчитывать на самихъ себя. Но по весьма справедливому замѣчанію одной газеты, тѣсная императорская опека все болѣе и болѣе отучаетъ Францію отъ занятія собственными дѣлами, и въ тоже время императоръ находить, что это недостатокъ. Помирить такое противорѣчіе нѣтъ возможности, и по необходимости надо искать тутъ дурного смысла. По его мнѣнію выходитъ, что не граждане должны рассчитывать сами на себя, помимо правительства, а вся Франція должна не рассчитывать на другія державы, должна обходиться безъ союзниковъ. Такое предположеніе и желаніе нисколько не противорѣчитъ тѣсной административной опекѣ, а напротивъ въ глазахъ императора должна въ высшей степени ее оправдывать. Но едва ли нужно особенное усиліе для великой державы, чтобы научиться жить и вести свои дѣла независимо отъ союзовъ. Времена оборонительныхъ и наступательныхъ союзовъ, когда-то заключавшихся между государствами, прошли безвозвратно. Встарину эти союзы заклю-

чались государями безъ особеннаго вниманія къ нуждамъ ихъ народовъ, нерѣдко по личному сочувствію, иной разъ по родству династическому. Теперь, несмотря на возгласы о томъ, что торговые трактаты замѣняютъ всевозможные политическіе союзы, надо признаться, что каждое государство хлопочетъ только о своихъ собственныхъ выгодахъ и заключаетъ съ другими только такіе трактаты, которые въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ выгодны. Это и естественно, и вполне сообразно съ здравыми требованіями политики. По поводу одного вопроса два народа могутъ быть совершенно согласны, по поводу другого ихъ мнѣнія и выгоды могутъ быть различны. Поэтому теперь невозможны союзы на возможныхъ обстоятельства, которыя впереди могутъ возникнуть. Интересы все болѣе и болѣе обособляются, и «сердечное согласіе», о которомъ по старой памяти говорилось такъ часто при Луя Филиппѣ, совершенно пемыслимо. Англія теперь сердечно согласна съ Австріей касательно Турціи, хотя и не съ одной и той же точки зрѣнія. Для Австріи необходимо сохраненіе цѣлости и независимости Турціи для того, чтобы славяне, находящіеся подъ турецкимъ владычествомъ, были какъ можно тѣснѣе угнетаемы, причемъ славяне австрійскіе не будутъ имѣть соблазнительныхъ примѣровъ. Для Англіи выгодна цѣлость Турціи въ особенности для того, чтобы Константинополь, средоточіе торговли съ востокомъ, вѣчно или какъ можно долѣе оставался какъ теперь, нейтральнымъ портомъ. Такъ какъ онъ находится подъ управленіемъ посланниковъ великихъ державъ, изъ которыхъ каждая тянетъ въ свою сторону, то изъ этого происходитъ нейтралитетъ самый безусловный: нѣсколько одинаковыхъ силъ дѣйствуютъ на предметъ съ различныхъ и противоположныхъ сторонъ, такъ что онъ остается въ совершенной неподвижности. По вопросу объ Итали тѣже двѣ согласныя между собою державы расходятся въ мнѣніяхъ совершенно. Для Австріи полезно имѣть хоть какой-нибудь морской берегъ, и она принуждена отстаивать свое владѣніе Венеціей и Триестомъ, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи хотя венеціанскій заливъ, и такимъ образомъ не допускать единства Итали, стремящейся завладѣть этой областью, до сихъ поръ находящеюся подъ иностраннымъ владычествомъ. Для Англіи напротивъ выгодно было бы окончательное организованіе Итали для того, чтобы на Средиземномъ морѣ образовалась держава самостоятельная и сильная, способная нѣсколько перевѣшивать французское владычество на этомъ морѣ, такая держава, которая не дастъ Средиземному морю сдѣлаться французскимъ озеромъ. Это тѣмъ нужнѣе, что открытіе Суэцкаго канала оказывается теперь дѣломъ возможнымъ и

черезъ Средиземное и Красное моря путь въ Индію сократится вдвое. По вѣкоторымъ другимъ менѣе важнымъ вопросамъ существуетъ разногласіе выгодъ, по другимъ рѣшеніе даннаго вопроса въ ту или въ другую сторону совершенно безразлично, но въ итогѣ союзъ на всевозможные случаи и могущія встрѣтиться обстоятельства невозможенъ. Тоже самое можно сказать и обо всѣхъ другихъ державахъ, согласныхъ между собою въ одномъ, несогласныхъ въ десяти другихъ случаяхъ. Еслибы существовали двѣ державы, которыхъ выгоды и взгляды во всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ между собою согласны, то не было бы имъ никакого разумнаго повода оставаться отдѣльными одна отъ другой державами, отдѣльными народами, съ сохраненіемъ каждому своей особой фizioноміи. Такіе два народа слились бы непременно въ одинъ или составили бы конфедерацію, какъ слиты между собою отдѣльныя республики, входящія въ составъ Швейцаріи. Что бы ни говорилось о братствѣ между народами, о будущемъ золотомъ вѣкѣ, когда свободная торговля черезъ вѣсколько столѣтій или тысячелѣтій сольетъ цѣлый земной шаръ въ одну націю, въ одну общину; все это очень мило, несмотря на то, что отзывается Аркадіей, но если даже допустить, что всѣ народы братья, то все-таки у каждого брата своя фizioномія, своя личность, свое имѣніе и отдѣльные интересы, которые покамѣстъ играютъ первостепенную роль.

Поэтому-то крайняя необходимость каждому народу рассчитывать только на самого себя составляетъ разгадку совершившагося на нашихъ глазахъ соединенія Италіи, разгадку дивныхъ успѣховъ Гарибальди и того инстинктивнаго стремленія къ единству, какое чувствуется теперь по всей Германіи и между южными славянами. Это слятіе нѣсколькихъ народовъ въ одинъ, при существованіи общихъ интересовъ и стремленіе къ раздѣленію въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требуютъ выгоды, зависящія нѣогда отъ географическаго положенія, доказывается и тѣмъ, что безпристрастный наблюдатель легко замѣтитъ въ нынѣшнемъ движеніи Германіи. Эта страна чувствуетъ свое второстепенное положеніе вслѣдствіе раздѣленія, стремится къ соединенію, но сѣверъ и югъ ея не схоятся; ихъ выгоды, ихъ стремленія и вѣроисповѣданія различны, и потому вѣроятно со временемъ образуются изъ Германіи не одна держава, а двѣ — сѣверная и южная. Но это будетъ еще не скоро, можетъ-быть тогда, когда чувства и сознаніе братства между народами дойдетъ до того по крайней мѣрѣ, что братья не будутъ жѣлать другъ другу устроить свои собственныя дѣла.

Тронная рѣчь повелителя Франціи выражаетъ между прочимъ желаніе, чтобы избиратели «прислали въ новую палату людей, ко-

торыя, подобно цѣлѣшнимъ представителямъ, прищипали бы существующее правленіе безъ задней мысли». Въ чемъ можетъ заключаться эта задняя мысль — въ рѣчи не упоминаютъ; можно только догадываться, что здѣсь говорится о мысленномъ возвращеніи назадъ, къ тому недавнему прошедшему, какихъ-нибудь пятнадцать-шестнадцать лѣтъ назадъ, когда Франція пользовалась большою свободою, когда каждое слово, сказанное въ падаѣ представителей, было слушано цѣлою Европою, когда не твердили безирестанно о принципахъ 1793 года, а хоть сколько-нибудь ихъ держались, когда умственный уровень Франціи былъ несравненно выше. Но такой способъ управленія странкою оставляетъ неизгладимый слѣдъ. Уровень понизился, литература упала, такъ что лучшіе современные писатели неудобочитаемы; значеніе женщины въ обществѣ все болѣе и болѣе приближается къ значенію самки, а денежные вопросы поглотили всю дѣятельность мужчинъ. Упадокъ общественнаго уровня замѣтенъ въ каждомъ мѣстѣ любой французской газеты. И это не потому, чтобы осторожность и боязнь предостереженій мѣшали имъ высказываться. Пожалуй можно и не высказываться, но въ тоже время можно и не говорить нѣкоторыхъ вещей, которыя никто говорить не заставляетъ. Въ повѣсти, въ фельетонѣ «женщина создана для нѣжныхъ ощущеній, сфера ея жизни ограничивается чувствомъ влюбленности, а внѣ этого чувства она погибаетъ, какъ благоуханный цвѣтокъ, лишенный благотворной влаги». Или такой-то, Оскаръ или Ипполитъ, былъ утѣшенъ въ своей невознаградивой потерѣ полученіемъ полковничьяго чина и орденомъ почетнаго легіона. Или послѣ многоразличныхъ приключеній, страданій, препятствій, бѣдности и т. п., герой романа все преодолеваетъ и все кончается благополучно. «Черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ прохожіе часто встрѣчали на такомъ-то бульварѣ прекрасную парочку: онъ повидимому отставной военный, съ ленточкою почетнаго легіона; не столько лѣта, сколько благополучно прошедшія страданія набросили на его прекрасное лицо нѣсколько морщинъ, не уменьшавшихъ красоты его благородной, открытой фizioноміи, а недавно зажившій рубецъ на лѣвой щекѣ показывалъ, что онъ не спиной стоялъ къ непріятелю подъ торжествующимъ знаменемъ Франціи. Она была прекрасна, какъ майское утро; чистѣйшее счастье, выражавшееся на ея ангельскомъ лицѣ, доказывало, что цѣль жизни ея достигнута. Онъ былъ Артуръ де Шатоверь, а она Матильда де Кампаньоль». И конецъ. И вся французская литература теперь съежилась въ эти размѣры. Дошло даже до того, что весьма серьезныя политическія газеты печатаютъ предсказанія погоды на весь годъ, будто бы основанныя на данныхъ науки, на

глубокихъ научныхъ изысканіяхъ. Такъ нѣкоторый г. Матье будто бы расчислилъ, что апрѣль и май будутъ во Франціи весьма дождливы, 30 и 31 марта будутъ большія бури, 9 и 10 іюля сильный градъ и т. д. Все это сопровождается обыкновенною шарлатанскою уловкою, которая придаетъ рѣчи извѣстный оттѣнокъ правдоподобія, вродѣ того, что у автора предсказаній недостаетъ научныхъ данныхъ, чтобы предсказать погоду на вторую половину іюня.

Принимая во вниманіе все это, весьма удобно предсказать не по голу, а результатъ ожидаемыхъ во Франціи выборовъ. Никакого вѣтъ сомнѣнія, что желанія императора будутъ исполнены и новая палата составитъ изъ людей, неизмѣющихъ никакой задней мысли. Да еслибы даже не слѣдовало это само-собою изъ воспитанія, которому подвергается въ послѣднія тринадцать лѣтъ Франція, то все равно, избирательство такъ организовано или лучше сказать такъ подстроено, что упѣхъ правительственныхъ кандидатовъ являеть обезпеченъ. Въ предыдущіе выборы все уже отлично было устроено, а теперь приобрѣтена опытность, а опытъ великій учитель. Его уроками воспользуется правительство.

На другой день послѣ открытія собранія тронною рѣчью, было первое засѣданіе законодательной палаты. Президентъ ея графъ де Морни произнесъ маленькую вступительную рѣчь:

«Господа, послѣ рѣчи императора мнѣ мало остается прибавить; я боюсь даже толкованіемъ этихъ благородныхъ словъ ослабить произведенное ими впечатлѣніе. Вы всѣ я увѣренъ были глубоко тронуты чувствами, выраженными государемъ законодательному корпусу, я благодаренъ за нихъ. (Живое выраженіе сочувствія.) Надежда императора на васъ не будетъ обманута. Во время нынѣшняго собранія вы не будете терять изъ виду, что ваше положеніе и ваши слова будутъ имѣть большое вліяніе на расположеніе и духъ избирателей. (Одобреніе.) Въ послѣдніе пять лѣтъ вы поддерживали правительство, какъ обязано это дѣлать всякое политическое собраніе; вы оказывали ему пособіе съ преданностью, безъ слабости. Великій безпристрастный умъ, который сравнитъ итогъ вашихъ правъ и преимуществъ въ началѣ вашего собранія съ тѣмъ же итогомъ нынѣ; всякій кто сосчитаетъ законы, измѣненныя или отмѣненныя вашимъ честнымъ вліяніемъ, безъ переворотовъ и столкновеній, пойметъ очень хорошо, что ваша роль была тѣмъ дѣйствительнѣе и полезнѣе, что она была примирительна и увѣренна, (многочисленные голоса: очень, очень хорошо!) и что этотъ обмѣнъ довѣрія и уступокъ между государемъ и вами относится къ чести и къ славѣ обѣихъ властей и къ выгодамъ всѣхъ великихъ интересовъ страны. (Шумное выраженіе сочувствія.) Будемъ также на»

дѣяться, что страна, въ своей мудрости, продолжитъ такое положеніе, вслѣдствіе котораго конституція становится дѣломъ, стоящимъ выше всякихъ нападеній, потому что оно удобоусовершенуемо; такое положеніе, которое способствуетъ установленію свободы и навѣки укрѣпляетъ основаніе императорской династіи.»

Заключеніе рѣчи было конечно сопровождаемо сильными и продолжительными рукоплесканіями. Мѣстами слышались восторженные крики: «да здравствуетъ императоръ!»

Изъ газетъ многія выхваляли тронную рѣчь до небесъ, забывая вовсе, что для внутренняго, нравственнаго значенія похвалы свобода слова еще нужнѣе, чѣмъ для простого разбора, даже для परिцанія. Другія газеты рѣшались смѣть свое сужденіе имѣть, и получили предостереженія, которыя во французскомъ законодательствѣ о печати для газетъ тоже самое, что первый припадокъ паралича; второй припадокъ бываетъ тяжеле, а третьяго уже никто не переживаетъ. Получила предостереженіе и лучшая изъ газетъ, издающихся во Франціи, «Le Temps», въ лицѣ своего редактора Нефцера и автора статьи Шефера. Слѣдуетъ замѣтить, что эти предостереженія весьма дѣйствительны, весьма пособляютъ: газеты говорятъ весьма осторожно и по необходимости становятся въ высшей степени безцвѣтными.

Особенно много занимались газеты подробнымъ разсмотрѣніемъ вопроса: будетъ ли говорить въ сенатѣ принцъ Наполеонъ, защитникъ итальянскаго единства, или не будетъ говорить? Иные утверждали, что скажетъ рѣчь, другіе отстаивали противное мнѣніе. Были даже толки о томъ, что на время обсуждения адреса принцъ уѣдетъ въ Египетъ или на Нордъ-капъ. Рассказывали, будто императоръ выразилъ ему свое желаніе, чтобы онъ помолчалъ; будто министръ иностранныхъ дѣлъ просто не далъ принцу какихъ-то дипломатическихъ документовъ, которыхъ тотъ требовалъ для составленія своей рѣчи. Но все это не иное что, какъ сплетни, касающіяся семейныхъ отношеній императорскаго дома, и къ дѣлу вовсе нейдеть, потому что новая рѣчь принца Наполеона ни на шагъ не подвинетъ итальянскаго единства. Партія клерикаловъ, или правильнѣе сказать неоклерикаловъ слишкомъ сильна, императоръ имѣетъ слишкомъ сильную охоту выѣспиваться въ римскія дѣла, императрица слишкомъ любитъ *своихъ* епископовъ, чтобы чья бы то ни было рѣчь могла тутъ что-нибудь сдѣлать.

Нынѣшніе клерикалы или неоклерикалы весьма далеко ушли впередъ отъ прежнихъ. Тѣ не были обуреваемы демономъ сомнѣнія, вѣрили въ силу и правоту своихъ убѣжденій безусловно и требовали прямо той же самой безусловности отъ другихъ. Но такъ

какъ времена переходчивы, то дѣло дошло не до уступокъ, потому что тутъ уступки невысмыслены, а только до перемѣны тактики, до прикрыванія цѣлей разными благовидными предлогами. Пржегіе требовали сущности религіи, а нынѣшніе довольствуются формой, и потому ихъ успѣхъ менѣе подлежитъ сомнѣнію. И въ своему дѣлу они относятся скептически, и стараются обезпечить себѣ успѣхъ всѣми возможными средствами, все стараясь прикрыть свои цѣли славой Франціи, государственною необходимостью, прочностью династіи и даже денежными выгодами. Противъ такого арсенала всякая борьба совершенно бесполезна.

А денежныя выгоды тамъ вездѣ и во всемъ на первомъ планѣ. Мексиканская экспедиція предпринята столько же для славы, сколько изъ-за барышей. Имѣется въ виду приобрести въ вознагражденіе за военныя издержки (которыхъ мексиканцы, надо замѣтить, не просили) богатѣйшую мексиканскую провинцію Сонору, съ великолѣпными золотыми и серебряными рудниками. Вмѣстательство въ дѣла Соединенныхъ штатовъ происходитъ изъ-за денегъ, и на этотъ разъ дѣло вотъ въ чемъ.

Прокламація президента Линкольна уничтожаетъ невольничество во всѣхъ южныхъ штатахъ съ 1-го нынѣшняго января. Это великое дѣло, съ которымъ Линкольнъ имѣлъ счастье связать свое имя, возбуждаетъ толки французскихъ газетъ и большое съ ихъ стороны неудовольствіе. Прошлогодній законъ о конфискаціи невольниковъ относится прямо къ непокорнымъ жителямъ штатовъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ относиться къ иностранцамъ, которые подчиняются законамъ страны, гдѣ они нашли себѣ пріютъ. Въ силу этого закона, бѣглый невольникъ, принадлежащій владѣльцу не возставшему или нейтральному, каковы всѣ иностранцы, живущіе въ краю, выданъ обратно быть не можетъ, но владѣлецъ его имѣетъ право на вознагражденіе, обѣщанное федеральнымъ правительствомъ. Прокламація 1 января напротивъ не дѣлаетъ никакого исключенія, не ограждаетъ никакихъ рабовладѣльческихъ правъ. Уничтоженіе невольничества есть общее и невозвратимое. Отнынѣ владѣть невольниками не могутъ ни возставшіе, ни нейтральные, ни даже иностранцы. Иностранцы, говорятъ, собираются протестовать, и сочиняютъ записку для представленія своимъ правительствамъ. Произойдетъ разумѣется дипломатическая переписка, въ высшей степени поучительная. Невольничество въ колоніяхъ, принадлежащихъ Франціи, уничтожено декретомъ республики въ апрѣлѣ 1848 года. Въ восьмой статьѣ декрета сказано: «Впредь всякому французцу запрещается даже въ чужихъ земляхъ владѣть невольниками, покупать ихъ или продавать и принимать прямо или косвенно»

ное участіе въ торговлѣ такого рода. Всякое нарушеніе этикъ постановленій влечетъ за собою потерю достоинства французскаго гражданина. Французы, владѣющіе невольниками въ чужихъ земляхъ и застигнутые этимъ декретомъ, будутъ имѣть три года срока, чтобы принять свои мѣры. Получившіе невольниковъ въ наслѣдство въ чужихъ земляхъ должны будутъ продать ихъ или освободить втеченіе того же трехлѣтняго срока, считая отъ дня вступленія во владѣніе наслѣдствомъ.» Временное правительство 1848 года не хотѣло, чтобы французы, живущіе въ чужихъ земляхъ, нарушали постановленіе объ освобожденіи, обнародованное для колоній. Но въ 1851 году давній срокъ признанъ короткимъ и продолженъ на десять лѣтъ. Въ 1858 году, когда прошли установленные десять лѣтъ, оказалось по счету, что 20,000 французовъ, живущихъ въ Соединенныхъ штатахъ, на островѣ Кубѣ, Порторико и въ Бразиліи, должны были потерять права французскаго гражданства. Правительство представило законодательному корпусу новый законъ при слѣдующихъ соображеніяхъ: «Конечно, мысль слѣзать изъ каждаго француза за границей жной и постоянный протестъ противъ невольничества была мысль великодушная. Но если подумать, что болѣе двадцати тысячъ французовъ, живущихъ на Кубѣ, Порторико и на бразильскомъ берегу, подъ страхомъ потерять свою національность, должны отказаться отъ своей собственности, когда-то признаваемой и нашими законами, или продать ее въ убытокъ и отказаться отъ промышленности, которая не можетъ быть ведена безъ невольниковъ, то чувство справедливости противъ этого протестуетъ и не позволяетъ поставить нашихъ согражданъ въ необходимость дѣлать страшный выборъ между разореніемъ или потерю національности. Въ настоящее время если не будетъ постановленъ новый законъ, Франція разомъ теряетъ болѣе двадцати тысячъ гражданъ, живущихъ въ странахъ, гдѣ невольничество еще не уничтожено.» Поэтому новымъ закономъ право владѣть невольниками оставлено за всѣми французами, живущими въ рабовладѣльческихъ странахъ, имѣвшими рабовъ до 1848 года или получившими невольниковъ въ наслѣдство, въ даръ, или по свадебному контракту.

Но вдругъ прокламація Линкольна разрушаетъ дѣйствіе этого закона для всѣхъ живущихъ въ предѣлахъ Соединенныхъ штатовъ, а французскія газеты начинаютъ тяжело вздыхать о горькой участи своихъ земляковъ, владѣющихъ рабами въ невольничьихъ штатахъ. Но корысть сбиваетъ ихъ съ толку. Они забываютъ, что не отиѣнена статья, лишающая правъ французскаго гражданства всякаго француза, который покупаетъ или продаетъ невольниковъ, при-

нимаеть въ торгѣ прямое или косвенное участіе, и что нѣтъ ни одного рабовладѣльца на свѣтѣ, который бы не продавалъ или не покупалъ себѣ невольниковъ, или покрайней-мѣрѣ косвеннымъ образомъ не принималъ участія въ торгѣ самымъ своимъ рабовладѣльствомъ. Но они этого не забываютъ; они только изыскиваютъ всѣ возможные способы для того, чтобы какъ-нибудь выѣзжаться въ чужое дѣло для поддержанія интересовъ своихъ согражданъ, «ибо нѣтъ той справедливой и честной идеи, за которой не стояло бы непобѣдимое французское знамя.»

Кстати по поводу этого пышнаго изрѣченія, въ Мексикѣ оказывается справедливѣйшею и честнѣйшею идеей — приобретеніе богатѣйшей золотыми рудами провинціи. Генераль Форей, главнокомандующій завоевательнымъ французскимъ корпусомъ, доноситъ что все обстоитъ благополучно и что онъ дѣятельно готовится къ занятію Пуэблы, которая лежитъ во 140 верстахъ отъ Мехико, столиціи мексиканской республики. Для того, чтобы обезпечить себѣ успѣхъ; онъ послалъ десантъ въ другое мѣсто, именно къ городу Тампико, чтобы направить его туда же, въ Пуэблу, другою дорогою. Отъ 1 декабря донесено, что жители Тампико, второго послѣ Санта-Круца торговаго порта Мексика, «весьма счастливы присутствіемъ французскихъ солдатъ, которыхъ встрѣтили съ большимъ сочувствіемъ. Жители Тампико просили оставить у нихъ французскій отрядъ, и генераль Форей, снисходя будто бы къ ихъ просьбѣ, отправилъ отрядъ морскихъ солдатъ для занятія города.»

Замѣчательныхъ сраженій не было; только гдѣ-то въ одномъ мѣстѣ полторы тысячи французозъ разбили и обратили въ бѣгство двадцать-пять тысячъ мексиканцевъ. Оставляя въ сторонѣ то преувеличеніе, которое въ военномъ рапортѣ почти неизбѣжно, слѣдуетъ замѣтить; что если не такими точно, то подобными подвигами въ самомъ дѣлѣ будетъ ознаменовано вторженіе французозъ въ Мексику. Французскіе солдаты и офицеры посредствомъ многолѣтней практики дошли до убѣжденія, что для войска всего безопаснѣе не австрійское *nur immer langsam vorgehen*, а напротивъ, самое быстрое и самое рѣшительное движеніе, которое только незнакому съ дѣломъ челоуѣку кажется въ тоже время и самымъ опаснымъ. Ничуть не бывало, и расчетъ тутъ вѣрный. Увлеченіе наваденія, *l'entrain* производитъ паническій страхъ въ защищающемся, а нравственное преимущество тутъ вѣрное ручательство за успѣхъ и за наименьшую потерю людей. Но каково же это было бы когда бы встрѣтились два одинаково увлекающіяся войска, одинаково убѣжденные въ выгодности увлеченія? Произзошла бы ужасная по звѣрству и свирѣпости свалка, передъ которой были бы

блѣдны и кротки кровопролитныя схватки дикихъ афрей въ пустынь.

Последнія извѣстія

Въ Греціи не только престолъ, но и кандидатура на престолъ до-сихъ-поръ вакантны. Ни одинъ изъ предложенныхъ кандидатовъ не рѣшился принять опасной чести приводить въ порядокъ бѣдную Грецію, которая теперь испытываетъ на себѣ все неудобства такъ-называемаго переходнаго состоянія. Безпорядки дошли до той степени, дальше чего они идти не могутъ: въ войскѣ истреблена всякая дисциплина, безъ которой войско становится шайкою разбойниковъ. Чтобы какъ-нибудь сохранить наличныя военныя силы, правительство принуждено было смѣнить около трехсотъ офицеровъ и произвести на ихъ мѣсто столько же унтеръ-офицеровъ. Солдаты признаютъ только тѣхъ командировъ, которые почему-нибудь имъ нравятся, часто только по одинаковости очень не далекаго образованія и прогоняютъ тѣхъ начальниковъ, которые не приходятся имъ по вкусу. Назначенъ былъ недавно новый комендантъ въ Патрасъ; но онъ долженъ былъ бѣжать, а солдаты потребовали прежняго. Кривавыя встрѣчи между народами и солдатами теперь не рѣдкость. На дняхъ въ Востницѣ, торговомъ городѣ, была драка между мирными жителями и солдатами; много было убитыхъ и раненыхъ. Разбои продолжаютъ попрежнему, съ тою только разницей, что прежде они происходили преимущественно близъ турецкихъ границъ, а теперь по всей уже странѣ. Сила правительства парализована.

А между-тѣмъ законодательная палата собралась въ Афинахъ; съ необычайною медлительностью произведена была повѣрка избранныхъ; члены, съѣхавшіеся въ Афины, не являлись въ засѣданія, будто нарочно затягивали дѣло организованья парламента, и теперь наконецъ объявили себя въ полномъ и законномъ составѣ. Но не слыхать еще никакихъ энергическихъ мѣръ для приведенія дѣла въ порядокъ, не замѣтно успій, такъ необходимыхъ теперь, потому что положеніе со дня на день становится все хуже и хуже.

Въ Турціи не лучше. Тамъ произошолъ министерскій кризисъ, если только въ Турціи перемѣну министровъ можно назвать кризисомъ. Тамъ, гдѣ министры не отвѣтственны передъ страномъ, весь ходъ дѣла вполнѣ и безусловно зависитъ отъ верховной власти, и потому перемѣна ближайшихъ исполнителей воли государя не можетъ имѣть никакого особеннаго значенія, и направленіе по-

литки какъ внутренней, такъ и вѣшной, никакой не имѣетъ связи съ личнымъ характеромъ, наклонностями и убѣжденіями того или другого министра. Весь вопросъ заключается только въ большей или меньшей исполнительности того или другого. Говорятъ, что въ послѣднее время султанъ замѣтилъ большія упущенія и безпорядки по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія, особенно въ денежныхъ дѣлахъ, и рѣшился впредь не поручать уже никакихъ дѣлъ въ распоряженіе министровъ, а дѣлать и рѣшать все самъ. Такая рѣшимость показываетъ, что султанъ имѣетъ весьма неясное понятіе не только о количествѣ дѣлъ, но также и о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣчаются при изученіи каждаго дѣла. Знающіе службу люди понимаютъ очень хорошо, что каждое рѣшеніе зависитъ отъ того, въ какомъ видѣ представленны будутъ обстоятельства дѣла, стало-быть отъ представленія, слѣдовательно отъ представляющаго. Еслибы существовала какая-нибудь возможность одному человѣку изучать въ надлежащей полнотѣ в подробности всѣ встрѣчающіяся дѣла, то султанъ съ выѣшними своими замѣреніями еще могъ бы управлять прекрасно; но дѣло въ томъ, что на это не достанетъ никакихъ силъ, и потому можно себя вообразить какъ теперь пойдутъ дѣла. Къ довершенію картины подобно представить себя, что имѣютъ же вѣкоторую тѣнь основательности слухи, будто бы султанъ страдаетъ какою-то мозговою болѣзью и чувствуетъ иногда припадки, которые съ вѣкоторыхъ поръ повторяются все чаще и чаще. Вѣроятно впрочемъ, что это несчастіе не на много осложнитъ заботы посланниковъ великихъ державъ, наблюдающихъ за ходомъ дѣлъ въ Константинополь.

Благодаря турецкому владычеству, Черногорье начинаетъ процвѣтать. Великія западныя державы, подозрительно смотрящія на все что говоритъ какимъ бы то ни было славянскимъ нарѣчіемъ и въ тоже время исповѣдуетъ греческую вѣру, согласились охотно, чтобы турки провели черезъ Черногорье свою военную дорогу и обстроили ее блокгаузами. Такъ окончательна пала независимость маленькой славянской земли, которая до сихъ поръ оставалась независимой, несмотря на всѣ усилія турокъ. Но русскій посланникъ въ Константинополь протестовалъ противъ постройки блокгаузовъ, и къ его мнѣнію мало-помалу присоединились посланники другихъ державъ, за исключеніемъ Австріи, которая торжественнымъ молчаніемъ своимъ показывала, что по ея мнѣнію турецкіе блокгаузы въ славянской землѣ будутъ служить къ вѣщему опезпеченію безсилія безпокойнаго племени, сосѣднаго и одноплеменнаго съ австрійскими подданными. Но черногорскій сенаторъ Мирко Петровичъ,

отецъ нынѣшняго владыки, приѣхалъ въ Вѣну, нѣсколько разъ представлялся императору, и уже неизвѣстно какими доводами согласилъ императора съ мнѣніемъ большинства великихъ державъ, такъ что теперъ устройство военной дороги хотя и продолжается, но покрайней-мѣрѣ постройка блокгаузовъ отложена до весны. Есть надежда, что весною, когда окончательно опредѣлятся дѣла Турціи, блокгаузы будутъ вовсе отмѣнены. Что же касается до дороги, то это дѣло не дурное. Всякая дорога есть мечъ обоюдоострый; дорога облегчаетъ движеніе обѣихъ враждующихъ сторонъ, и въслѣдствіи можетъ пригодиться, какъ путь соединенія другихъ славянскихъ племенъ съ черногорскимъ. Во всякомъ случаѣ славяне могутъ находить утѣшеніе въ самой этой дорогѣ, которая покажется только означаетъ потерю самостоятельности одного изъ славянскихъ племенъ. Но современемъ, въ будущемъ быть-можетъ не очень далекомъ, судьбы балканскаго полуострова должны перейти въ руки славянъ, составляющихъ большинство тамошняго народонаселенія. Тогда окажется, что дорога совсѣмъ не лишнее дѣло.

Гарибальди поправляется. Онъ еще лежитъ, но рана, изъ которой вынута была пуля, весьма удовлетворительно зарастаетъ и затихивается. Слишкомъ скорого улучшенія ждать было нельзя, такъ какъ раздроблена была кость, и требуется немало времени, чтобы все пришло въ прежній порядокъ. Когда рана окончательно закроется, Гарибальди все-таки будетъ прихрамывать, если только въ состояніи будетъ ходить безъ помощи трости.

Изъ разныхъ мѣстъ Италіи люди, искренно преданные свободѣ, продолжаютъ посылать капперскому пустынноку различныя адреса и приношенія. На то и на другое онъ отвѣчаетъ письмами, въ которыхъ выражаетъ надежду на скорое освобожденіе Италіи отъ ненавистнаго ига чужеземцевъ въ Римѣ и въ Венеціи. Въ послѣднее время миланскіе художники поднесли ему двѣ картины, на которыхъ изображены самъ Гарибальди съ итальянскимъ знаменемъ въ рукахъ въ Капитоліи и во дворцѣ венеціанскихъ дождей. Капперскій пустынноку очень милостиво принялъ эти двѣ картины, исполненные, говорятъ, превосходно.

Въ Туринѣ приѣхалъ знаменитый Исаакъ Перейра для переговоровъ объ основаніи въ Италіи земскаго банка для залога земель. Говорятъ, что онъ сдѣлалъ довольно выгодныя предложенія, и дѣло состоится. Слухъ объ этомъ немедленно проникъ куда слѣдуетъ и имѣлъ хорошее вліяніе на биржевые курсы. Италія теперь болѣе занята промышленными предпріятіями, чѣмъ политическими вопро-

сами: строятъ желѣзныя дороги; черезъ лѣса, гдѣ укрываются шайки разбойниковъ, начинаютъ проводить дороги. Разбой не всеѣмъ еще прекратился въ неаполитанской области, но все-таки дѣла начинаютъ принимать нѣсколько болѣе нормальный видъ. Нѣсколько арестовъ послѣдняго времени доказали, что неаполитанскій король въ Римѣ далеко еще не отказался отъ надеждъ возвратиться современемъ въ свою прежнюю столицу: онъ продолжаетъ посылать туда деньги и ведетъ переписку съ своими прежними приверженцами. Но полиція не всегда дремлетъ.

Папа началъ приводить въ дѣйствіе нѣкоторыя изъ обѣщанныхъ реформъ; но приступая къ дѣлу, онъ объявилъ, что большая часть преобразованій совершена имъ будетъ впоследствии, когда папскому престолу возвратятся земли, отошедшія два года тому назадъ къ Италіи. Изъ всѣхъ перемѣнъ оказалась удобоисполнимою только одна: увеличеніе числа членовъ финансовой консулты. Дѣйствительно, членовъ прибавлено, но съ какою цѣлью — понять нельзя. Въ прошломъ году, несмотря на значительный приходъ суммъ, составляющихся изъ динарія св. Петра, въ папской казнѣ оказался недочетъ для передержка въ двадцать съ чѣмъ-то милліоновъ франковъ. Если прибавить къ этому жалованье новыхъ членовъ консулты, то недочетъ конечно увеличится; но и двадцать новыхъ членовъ не придумаютъ, изъ какихъ источниковъ могутъ быть покрыты передержанные суммы. Приходится прибѣгать къ займамъ. При помощи упорнаго покровительства Франціи конечно найдутся капиталы, которые снабдятъ папскую казну деньгами. Тотъ же Исаакъ Перейра, несмотря на нѣкоторое различіе своихъ религіозныхъ убѣжденій съ папскими, не откажется подѣлиться своими капиталами, разумѣется за надлежащіе проценты.

Въ Америкѣ продолжается междоусобная война съ прежнимъ ожесточеніемъ, съ ужасными и бесплоднѣйшими кровопролитіями. Въ этой войнѣ не знаешь чему больше удивляться: рѣдкой ли безларности предводителей, или каменной стойкости солдатъ.

**Сѣверно-русскія народоправства во времена
удѣльно-вѣчевого уклада, соч. Николая Костома-
рова. Спб. 1863. Два тома.**

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

I

«Было время, когда сумма внѣшнихъ явленій, образующихъ то что называется государственною или политическою жизнью, составляло все, чего можно было требовать отъ науки. Такъ и слѣдовало: внѣшность прежде всего обвиняется, скорѣе усвоивается. Такимъ образомъ исторія государства русскаго Карамзина была созданиемъ самымъ удовлетворительнымъ въ свое время. Заслуга знаменитаго историографа тѣмъ важнѣе, что онъ внесъ въ свое сочиненіе зрѣлую критику. Съ своимъ великимъ талантомъ Карамзинъ уже не ограничивался односторонностію внѣшности и въ своемъ сочиненіи оставилъ зачатки и указанія новаго изложенія для будущихъ дѣателей науки. Когда все безмолвно поклонилось его авторитету назадъ тому лѣтъ тридцать, явился смѣлый человѣкъ, выступившій на учено-литературное поле больше съ отвагою мысли, чѣмъ съ ученымъ авторитетомъ: то былъ Полевой съ его «исторіей русскаго народа». Названіемъ, даннымъ своему сочиненію, онъ заявлялъ требованіе, что исторія русскаго государства недостаточна: необходима еще исторія народа. При быстро подвижной работѣ нашей мысли, многимъ едва извѣстно по имени это сочиненіе. Я не имѣю цѣлью въ настоящее время дѣлать его оцѣнки; скажу только, что при многихъ достоинствахъ, полемическій тонъ мѣшалъ автору взглянуть на предметъ своего изложенія безпристрастно и спокойно; подражаніе западнымъ теоріямъ побуждало его прилагать, нерѣдко некстати, къ отечественнымъ событіямъ

несвойственные взгляды, а болѣе всего недостатокъ источниковъ воспрепятствовалъ осуществиться на дѣлѣ названію, избранному авторомъ. Одно только названіе болѣе всего осталось многозначительнымъ для насъ отъ этого творенія талантливаго писателя (лекціи по русской исторіи, № 4 Костомарова, стр. 7).

Такъ говоритъ г. Костомаровъ въ другой книгѣ своей о судьбахъ русской исторіи, науки, которой самъ онъ является однимъ изъ даровитѣйшихъ жрецовъ въ наше время. Онъ совершенно вѣрно указываетъ на важное значеніе попытки Полевого, хотя въ этой попыткѣ болѣе всего знаменательнымъ осталось для насъ названіе.

Исторія вообще стоитъ нѣкоторымъ образомъ на грани между наукою и художествомъ, и въ лучшихъ своихъ выраженіяхъ прямо переходитъ въ область послѣдняго. Она требуетъ не одного ума, не одного дара критической провицатѣльности, но живого таланта, чисто художественной способности видѣть въ минувшемъ жизнь и передавать ее съ ея запахомъ и цвѣтомъ. Критическія изслѣдованія, хотя бы на нихъ лежала печать шлецеровской геніальности, не составляютъ исторіи, а только готовятъ ее или, разрушая первоначальную форму ея, способствуютъ къ появленію новой. Такъ труды Шлецеровъ, Болтиныхъ и другихъ изслѣдователей разбили татищевскія и щербатовскія формы нашей исторіи и подготовили художественную карамзинскую картину. Такъ впродолженіе двадцати-пяти или тридцати лѣтъ, мы ничего много не дѣлали, какъ разбивали карамзинскую форму и только-что начинаемъ создавать новую, которая можетъ имѣть какія нибудь притязанія на полноту и цѣльность.

Ясно, что эта разрушительная работа была въ высочайшей степени необходима. Съ каждымъ днемъ открывались новые или по крайней-мѣрѣ прежде мало доступные источники исторической жизни, измѣнялись вслѣдствіе этого точки зрѣнія на самую сущность и нравственную физиономію народа, покуда эта сущность и физиономія обозначались яснѣе и рѣзче въ памятникахъ и слѣдахъ историческаго процесса. вмѣстѣ съ этимъ росло и пониманіе исторіи вообще, уяснялось разумѣніе ея прежде совершенно таинственныхъ законовъ, мысль стремилась уяснить законы въ видимой случайности событій и, гордая своими торжествами, сначала можетъ быть слишкомъ увлекалась приложеніемъ логики къ явленіямъ жизни. То въ типахъ и расахъ, то въ постепенномъ и постоянномъ развитіи отвлеченнаго и общаго существа человѣчества искала она себѣ опору и во всякомъ случаѣ сильно дѣйствовала на мыслящихъ читателей своими исканіями.

Карамзинъ былъ чуждъ этихъ исканій, какъ была чужда ихъ вся его эпоха. Великія, но еще неопредѣленныя идеи Гердера прошли мимо его, его не коснувшись. Народности, которыхъ чутье было въ такой степени дано великому германскому мыслителю, сливались для Карамзина, ученика французской образованности, въ совершенно тусклые образы, и въ чертахъ нравственной физиономіи своего народа искалъ онъ не личныхъ чертъ, а общихъ, классическихкихъ, по которымъ уже проиолъ уровень ложно-античнаго взгляда. Все это такъ, все это, имѣемъ уже мы право сказать, сохраняя глубокое уваженіе къ безсмертному въ литературѣ нашей писателю, все это нисколько даже не ново. Ревностнѣйшіе изъ его послѣдователей, вооружавшіеся нѣкогда съ яростью за малѣйшую замѣтку противъ кумира ихъ, стали впоследствии невольные служители новымъ идеямъ, проводить новыя воззрѣнія, искать личныхъ, народныхъ чертъ. Всѣ же и послѣдователи и противники дѣлали въ сущности одно дѣло: разбивали классическую форму; всѣ, съ большимъ или меньшимъ талантомъ, съ огромною или только насноро нахватанною ученостію, дѣлали честное и херошшее дѣло; всѣ, отъ скептиковъ, часто дѣтскими возраженіями заподозрѣвавшихъ бытіе Новгорода, до Полевого, которому многое, даже его «Параша Сибирячка», должно быть прощено за то, что онъ первый вздумалъ писать исторію народа, и до Погодина, историческими отрывками и сценами въ лицахъ пытавшася свести съ ходуль классическіе образы и передать свое простое пониманіе ихъ пружинъ и дѣйствій.

За отвлеченные, головные вопросы нельзя бороться всею полнотою силъ; борьба за нихъ возможна потому только, что подлѣ ними, подъ отвлеченными вопросами науки, часто сокрыты плоть и кровь наши.

Нигдѣ можетъ-быть это вѣрованіе, покрайней-мѣрѣ для насъ русскихъ, такъ не подтверждается, какъ на вопросахъ нашей исторіи. Въ вышеозначенную борьбу вносилось напимѣръ столько страстнаго увлеченія, столько энергіи со стороны борцовъ мысли, что это увлеченіе и эта энергія уазыываютъ на чрезвычайно глубокие источники. Стоитъ только припомнить яростную, по тону даже въ высшей степени неприличную статью, которой разразился «Московский Вѣстникъ» при появленіи исторіи Полевого; странная и до накого-то цинизма наглая статья такъ-называемаго скептическаго ваставленія; докихотское посвященіе Полевымъ труда своего Нибуру, стоитъ все это только припомнить, чтобы понять, какъ не дешево доставались борцамъ ихъ отчаянныя вылазки. Всюду, вездѣ стремились они разъяснить свое пониманіе народ-

ной фязіономіи. Съ этими цѣлями Полевой напримѣръ въ блестящую пору своей дѣятельности, писалъ свои историческіе романы и повѣсти. Эти попытки, какъ и его исторія, были съ его стороны стремленіемъ исправить то что было по его мнѣнію неправильно понято, какъ напримѣръ личность Дмитрія Шемяки, и вообще протестомъ противъ неправильнаго пониманія чертъ народной фязіономіи. Погодинъ также писалъ драмы и повѣсти, а отчаянное невѣріе въ исторію скептиковъ было чувство столь глубокое, что оно же, только уже не въ дѣтскихъ формахъ своихъ, явилось въ школѣ такъ называемаго родового быта. Сколько разубѣжденій, разочарованій и иногда пламенныхъ вѣрованій посажено во всю эту, нынѣ многими забытую, полемику. Сколько до сихъ поръ еще не уgomнилось можетъ-быть ненависти, но только съ ограниченностью воззрѣнія можно бросить въ эти ненависти камень, ибо онѣ не были личныя.

«Исторія есть священная книга народа, главная, необходимая», — такъ начиналъ нашъ Карамзинъ свое предисловіе — мудро ли, что за пониманіе и толкованіе этой книги люди борятся, мудро ли, что они вносятъ въ эту борьбу и надежды свои, и порою свое горькое отчаяніе?..

Въ сущности говоря, два воззрѣнія и раздѣляютъ постоянно нашихъ историковъ. Они ярко выставились въ послѣднее время въ родѣ и общинѣ, какъ послѣднихъ выраженій существенныхъ противорѣчій. Можетъ-быть еще и эти формулы не довольно ясны, можетъ-быть централизація и племенные начала выражаютъ точнѣе смыслъ этой борьбы. На языкѣ прежней полемики это былъ споръ о варягахъ-славянахъ и варягахъ-норманахъ; нѣсколько ближе къ намъ — споръ карамзинистовъ и скептиковъ, еще ближе — споръ родовиковъ и общинниковъ, окончательно же — споръ централизаторовъ и федералистовъ.

II

Въ сущности, всѣ хотя и разнообразныя, но искусственныя, сознательныя, теоретическія сочувствія, которыми централизаторы и родовики замѣняютъ для себя вѣру въ живыя, народныя начала жизни, сводятся къ одному знаменателю, къ преобладанію такъ называемой государственной идеи. Ничего кромѣ развитія отвлеченнаго понятія о государствѣ, они не видятъ въ нашей исторіи и несчастныя тѣ идольскія требы, которыя приносятъ они своему сухому и узкому идеалу. Такъ много напримѣръ значенія прида-

вать географическимъ очертаніямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ мало придавать значенія племеннымъ различіямъ можно только съ условною, заранѣе постановленною теоріею. Кромѣ того, что такой пріемъ въ высшей степени узокъ: отъ него у родовиковъ вѣдетъ однимъ ученымъ, однимъ кабинетнымъ созерцаніемъ. Они пишутъ по картѣ, безъ истиннаго и живого знанія мѣстностей и ихъ существенныхъ отличій. Слишкомъ видно, что они мало знакомы на дѣлѣ съ мѣстностями своего отечества; иначе они сумѣли бы хоть оживить, расцвѣтить свою картину и тогда выводы ихъ во многомъ вѣроятно лишились бы своей рѣзкости, потеряли бы сухой характеръ системы, на нихъ лежащей. «Природа страны, — говоритъ напримѣръ глава родовиковъ, г. Соловьевъ — имѣетъ важное значеніе въ исторіи по тому вліянію, которое она оказываетъ на характеръ народный. Природа роскошная, съ лихвою вознаграждающая и слабый трудъ человѣка, усыпляетъ дѣятельность послѣдняго, какъ тѣлесную, такъ и умственную. Пробужденный разъ вспышкою страсти, онъ можетъ оказать чудеса, особенно въ подвигахъ силы физической, но такое напряженіе силъ не бываетъ продолжительно. Природа, болѣе скупая на свои дары, требующая постояннаго и нелегкаго труда со стороны человѣка, держитъ послѣдняго всегда въ возбужденномъ состояніи; его дѣятельность не порывиста, но постоянна; работаетъ онъ умомъ, неуклонно стремится къ своей цѣли; понятно, что народонаселеніе съ такимъ характеромъ въ высшей степени способно положить среди себя крѣпкія основы государственнаго быта, подчинить своему вліянію племена съ характеромъ противоположимъ. Съ другой стороны роскошная, щедрая природа, богатая растительность, пріятный климатъ развиваютъ въ народѣ чувство красоты, стремленіе къ искусствамъ, къ поэзіи, къ общественнымъ увеселеніямъ, что существенно дѣйствуетъ на отношенія двухъ половъ: въ народѣ, въ которомъ развито чувство красоты, господствуетъ стремленіе къ искусству, общественнымъ увеселеніямъ, въ такомъ народѣ женщина не можетъ быть исключена изъ общества мужчинъ. Но среди природы однообразной и потому невеселой, въ климатѣ относительно суровомъ, среди народа, постоянно дѣятельнаго, занятаго, практическаго, чувство изящнаго не можетъ развиваться съ успѣхомъ; при такихъ обстоятельствахъ характеръ народа является болѣе суровымъ, склоннымъ болѣе къ полезному, чѣмъ къ пріятному; стремленіе къ искусству, къ украшенію жизни слабѣе, общественныя удовольствія матерьяльнѣе, а все это вмѣстѣ, безъ другихъ, постороннихъ вліяній дѣйствуетъ на исключеніе женщинъ изъ общества мужчинъ, что разумѣется приводитъ въ свою

очередь еще къ большей суровости нравовъ. Все сказанное прилагается въ извѣстной мѣрѣ къ историческому различію въ характерѣ южнаго и сѣвернаго народонаселенія Руси».

Во всѣхъ этихъ общихъ мѣстахъ гегелевской исторической философіи много дѣйствительно вѣрнаго, завоеваннаго человѣческимъ мышленіемъ, но завоеванное въ свою очередь подвергается завоеваніямъ и остается только въ извѣстной мѣрѣ и степени. Это рабское подчиненіе человѣческаго духа географическимъ очертаніямъ было бы возможно только тогда, когда бы въ расахъ человѣческихъ не лежало великой силы, предназначенной къ торжеству надъ матеріальными условіями. Примѣръ Англіи, выработавшей изъ себя великое искусство, великую общественную жизнь не только государственную, но и общественную, съ высокимъ положеніемъ женщины, съ веселою жизнью этой «old England» «старой Англіи», жизнью столь могучей, что она отринула отъ себя даже и могучій пуританизмъ, какъ исключительный элементъ, всегда какъ фактъ вопіющій представляется противъ фаталистическихъ выводовъ. Съ другой стороны — примѣръ Индіи, давшей правда нѣкогда великіе задатки искусства, но никогда не выработавшей общественности, также вопіеть противъ благопріятствованія роскошной природы человѣческому развитію.

Но это положимъ дѣло еще спорное, дѣло системъ. Но что совершенно неспорно, такъ это то, что въ особенности исторію Россіи надобно начинать съ опредѣленія племенъ, а не съ опредѣленія географическихъ очертаній. Мы не лопари и не финны, мы не родились въ этомъ суровомъ климатѣ, — родина наша на Дунаѣ. Племя страстное, сильное, по тайной волѣ провидѣнія послано работать въ эту дикую мѣстность, въ борьбѣ и работѣ сказать міру свое слово. Можно сказать, что лучшіе соки славянства, лучшія зерна его отсѣивались все дальше на сѣверъ и сѣверо-востокъ.

Явно, что родовики своими общими мѣстами хотятъ что-то доказать, что общія мѣста имѣютъ характеръ чисто *аллегорическій*. А что именно они хотятъ доказать, догадаться не трудно, зная существенныя начала теоріи.

Теорія хочетъ доказать ни болѣе ни менѣе, какъ слѣдующіе факты: 1) неразвитіе и невозможность развитія въ сѣверномъ племени общественности изъ него самаго, ибо климатъ безъ другихъ, постороннихъ вліяній исключаетъ и общественность и женщину. Подъ другими, посторонними вліяніями естественно должно разумѣть татарь; 2) большую даровитость въ отношеніи къ искусству, общественности и проч. племенъ южнаго передъ племенемъ сѣвернымъ. То и другое положеніе равновѣрно принадлежать къ числу

идоложертвенныхъ требъ, приносимыхъ терроромъ, тогда другое разнѣ обличаютъ кабинетное пониманіе племенъ. Общественность жизни, широта ея, — подъ вліяніемъ обстоятельствъ совершенно внѣшнихъ, часто переходящая края, — развиты были и суть на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Руси и на поволжьи въ нѣкихъ отношеніяхъ гораздо болѣе, чѣмъ на югѣ. Женщина доросла до политическаго даже значенія — единственный фактъ всей русской исторіи въ одномъ только Новѣгородѣ, который ужь вовсе не Италия по климату. Поэзія и искусство вообще... но мы всегда готовы сказать съ покойнымъ Надеждинымъ: «гдѣ жидетъ, тамъ и поэзія». Народная растительная поэзія сѣвера и поволжья даже шире поэзіи ариды-провья. Даровитости сѣвернаго племени нисколько не уступаетъ его практичность, а кто имѣетъ хотя смутное понятіе объ особенностяхъ жизни въ селеніяхъ архангельской губерніи и въ богатыхъ фабричныхъ, селеніяхъ поволжья, этихъ истинныхъ остаткахъ нашихъ старыхъ городовъ, тотъ вѣроятно признаетъ въ нихъ зародыши общественности несравненно болѣе широкой, чѣмъ общественность придыпровья. Въ старыхъ и вѣчно новыхъ вѣскахъ этой стороны женщина является лицомъ часто даже самымъ свободнымъ, и только на сѣверѣ родились короводы. Это различіе въ характерѣ пѣсни сѣверяннина и южанина, т. е. различіе въ племенномъ характерѣ вообще глубоко и поэтически понималъ покойный Венелавъ, котораго великое сердце равною любовью обнимало всѣ славянскія народности и всякой завало цѣну.

Существенно различна въ своемъ взглядѣ съ школою родовиковъ или централизаторовъ — новая школа. Вотъ что напримѣръ одинъ изъ самыхъ блестящихъ ея представителей, г. Костомаровъ, въ своей вступительной лекціи по русской исторіи, говоритъ объ исходной точкѣ историческаго изложенія (стр. 3).

«Едва ли нужно доказывать, что всякое политическое общество, съ его движеніями и измѣненіями, относится къ народу, какъ явленіе къ его сущности, какъ внѣшность къ внутреннему содержанію, такъ что опредѣлительность, какую мы даемъ кругу, въ которой заключены политическія явленія, зависитъ отъ степени нашего вѣдѣнія, какое мы составили себѣ о народѣ. Такъ, приступая къ исторіи политическаго общества, подъ именемъ русской исторіи, мы вправѣ спросить себя: какого политическаго общества исторія предстоитъ нашему изученію? Той ли державы, которая существуетъ теперь подъ именемъ русской имперіи? Но если мы станемъ разсматривать всѣ признаки, составляющіе это понятіе, то найдемъ, что всѣ они сгруппировались между собою и составили то явленіе, которое мы называемъ въ настоящее время русскою державою,

только съ Петра Великаго; а многіе, обращая исключительное вниманіе на одну видъ государственной жизни, справедливо, съ своей точки зрѣнія, говорятъ, что для нихъ только съ этого времени исторія представляетъ живой и непосредственный интересъ. Въ прежнія времена существовало другое государственное тѣло, до того отличное отъ настоящаго, что многіе изъ его важнѣйшихъ признаковъ составляютъ для насъ предметъ археологическихъ изслѣдованій. Еще несколько лѣтъ наше государство съ удѣльно-вѣчевой Русью, а языческій періодъ мелькаетъ намъ изъ глубокой дали совершенно чуждымъ нашему политическому свѣту мерцаніемъ. Что же соединяетъ всѣ эти періоды, которые, несмотря на ихъ различіе другъ отъ друга, никто однако не исключилъ еще изъ науки русской исторіи?

Не земля, потому что коль скоро мы будемъ имѣть въ виду исторію всего того, что случилось на землѣ, гдѣ теперь живемъ, или той, которой обитатели вступили въ политическое единство съ государствомъ нашимъ, то придется говорить, какъ объ отечественномъ элементѣ, и о бытѣ Пантикапей; она однако не имѣетъ къ намъ болѣе близкаго отношенія, какъ вообще исторія греческихъ колоній, и касаясь Пантикапей, нужно было бы пуститься въ изученіе исторіи. Намъ бы пришлось излагать исторію готтовъ, некогда властвовавшихъ надъ нашею страной, и предаться изученію древне-германскаго міра, а это отвлекло бы насъ отъ прямой нашей цѣли. Очевидно то что образуетъ единство между различными видами государственной или политической жизни — есть народъ, ибо только на основаніи сознанія тождества нашего народа, какъ въ отдаленныя, такъ и близкія къ намъ времена, можемъ мы называть отечественными обитателями такихъ, которые болѣе имѣютъ между собою несходства, чѣмъ подобія. На основаніи тождества народа, въ различныхъ государствахъ, въ одно и тоже время существующихъ или существовавшихъ, безъ всякихъ признаковъ политической связи, исторія этихъ государствъ можетъ составить одну исторію. Такое явленіе встрѣчается и въ нашей исторіи, когда въ XIV вѣкѣ образуются два русскія государства, — московское и литовское. Наконецъ въ одной и той же исторіи съ извѣстнымъ государствомъ можетъ принадлежать и часть другого государства, коль скоро въ этой части народъ составляетъ единое тѣло съ тѣмъ, который живетъ въ первомъ изъ государствъ. Такъ, къ единой исторіи свободной Греціи будетъ всегда принадлежать судьба Фессалии и острововъ Архипелага, остающихся подъ властью Турціи. Это приложимо и къ русской исторіи. Червоная Русь въ XIV вѣкѣ вышла изъ политической связи съ остальнымъ Россією, но судьба

ея до тѣхъ поръ будетъ принадлежать къ русской исторіи, пока народъ червоно-русскій не потеряетъ русскаго языка и началъ русской жизни. Такимъ образомъ излагая только исторію государственной жизни, если мы хотимъ быть основательными, то невольно будемъ въ своемъ изложеніи подчинять принципъ государственности идеѣ народности, ибо только народность даетъ связь странамъ, соединяющимъ между собою никакого политическаго, связующаго признака. Доказывать, что внѣшнія явленія политической жизни не могутъ у насъ составить исторіи народа, кажется нѣтъ необходимости, ибо это само по себѣ слишкомъ ясно.»

Еще прямѣе и яснѣе высказывается г. Костомаровъ относительно значенія племенныхъ началъ.

«Не отклоняясь отъ идеи народной жизни, — говоритъ онъ на стр. 12 того же сочиненія, — мы должны будемъ обратить особенное вниманіе на составъ русскаго народа, прослѣдить историческую этнографію, развѣтвленіе народностей, ихъ взаимныя столкновенія, противудѣйствія, возникновенія и уведенія. Только такое изученіе можетъ дать намъ народъ, и открыть тѣ элементы, которые его создали. Едва ли въ мірѣ есть держава, которая составлена изъ одной народности и едва ли есть народъ, въ которомъ бы нельзя было открыть настоящаго или прошлаго существованія составныхъ частей. Въ послѣднее время на Россію указывали какъ на явленіе въ политическомъ мірѣ противоположное тому, какое представляютъ Австрія и Турція, столь ярко выказывающія разнохарактерность народностей въ своемъ составѣ. Мнѣ кажется Россія, по составности своего народа, не отстаетъ отъ другихъ. Назадъ тому лѣтъ двадцать, обращали вниманіе на одинъ только славянскій элементъ, даже собственно на одну господствующую политически-великорусскую народность; казалось, что историкъ, и даже историкъ народа, долженъ имѣть въ виду эту господствующую народность, а другія, не оказавшія политической самобытной жизни, или потерявшія ее, не удостоивались отъ историковъ независимаго разсмотрѣнія. Народности финскія, литовскія, сибирскія, татарскія остались безъ вниманія, даже богатые и важныя въ свое время изслѣдованія о нихъ нашихъ незабвенныхъ путешественниковъ XVIII вѣка Палласа, Аспехина, Гмелина мало сообщили нашей исторіи. Въ послѣднее время труды нашихъ академикомъ, русскаго географическаго общества и многихъ скромныхъ сотрудниковъ губернскихъ вѣдомостей значительно расширили кругъ свѣдѣній, относящихся къ этнографіи и вородцевъ. Однако ни отношенія ихъ къ нашей народности, ни мѣсто, какое они должны занимать въ исторіи, не указано. Замѣчательно, что двѣ народности, болѣе всего

сближавшіяся съ нами, корельская и мордовская, изслѣдованы меньше прочихъ. Но между тѣмъ взгляните на этнографическую карту Кеппева, припомните при этомъ положеніе этихъ народовъ въ древнихъ нашихъ лѣтописяхъ и прослѣдите въ памяти ходъ, какой избралъ въ своемъ растяженіи славянскій элементъ, и вы придете къ заключенію, что такъ-называемые инородцы не оставались безъ сильнаго вліянія на образованіе сильнаго народнаго склада, и что въ нашихъ жилахъ течетъ ихъ крови можетъ быть столько же, сколько и славянской. Притомъ же многіе изъ этихъ народовъ существуютъ до-сихъ-поръ, и въ нашъ вѣкъ вѣра бы сознательно сказать, что несправедливо пророчить имъ безслѣдное уничтоженіе. Если мы говоримъ: исторія русскаго народа, то принимаемъ это слово въ собирательномъ смыслѣ, какъ массу народовъ, связанныхъ единствомъ одной цивилизаціи и составляющихъ политическое тѣло.»

Мы не станемъ доказывать насколько жизненная простота этого взгляда убиваетъ хитросплетенныя книжныя мудрствованія теоретиковъ. Дѣло говоритъ за себя. Оно просто и понятно. Даровитый г. Костомаровъ только изложилъ сущность его — нагляднѣе и такъ сказать побѣдоноснѣе другихъ. Онъ пришолъ уже послѣдній, хотя имѣлъ предшественниковъ.

Изъ этихъ предшественниковъ новой школы въ особенности нельзя умолчать объ одномъ, о которомъ вовсе не говорятъ, объ И. Д. Бѣляевѣ. Увлекаясь часто въ сторону, не обладая сжатостью и художественностью изложенія, не имѣя надлежащаго тона и къ сожалѣнію вовсе не заботясь о немъ, съ выводами совершенно вѣрными сопоставляя часто выводы, которые можетъ быть внослѣдствіи и оправдываются, но пока невольнo поражаютъ своей странностью, авторъ статей: «Русская земля до прибытія Рюрика», «Прозваніе варяговъ», «О городахъ древней Руси» и проч., имѣетъ то неотъемлемое достоинство, что онъ смотрѣлъ и смотритъ на жизнь не съ одной кабинетной точки зрѣнія, и потому не гнулъ и не гнетъ нашего развитія ни подъ какую теорію. Его изслѣдованія, со всѣми ихъ странностями — богатая руда для будущаго.

Здѣсь мѣсто высказать и то наше мнѣніе, что историкъ; кромѣ таланта, кромѣ трудолюбія, кромѣ учености, нуженъ еще воздухъ жизни, бѣненіе пульса въ одинъ тактъ съ пульсомъ народнаго быта и народнаго развитія. Когда Миппле (но да не полумаютъ, чтобы мы этого, хотя и высокодаровитаго чловѣка считали идеаломъ историка) говоритъ о различныхъ народностяхъ, изъ которыхъ спланивалось національное единство Франціи, мы слышимъ живыя отмѣтки, видимъ цвѣта, чувствуемъ свѣжій запахъ жизни. Нашъ русскій

историкъ-художникъ, идеалъ разумѣется, долженъ соединить въ себѣ мастерство Карамзина, критику и трудъ Погодина, сердце и чутье Венелина, опытъ Холаковского и всю глубокую начитанность Бѣльева, поэтичность приемовъ Костомарова, глубину Ш. Навлова и народный взглядъ Шапова.

III

Школа родовиковъ какъ и централизаторовъ, привыкла звать двисторическимъ все что принадлежитъ къ быту и судьбѣ 1) народовъ, населявшихъ нынѣшнюю русскую государственную область до явственнаго появленія въ ней племенъ славянскихъ и 2) славянъ и другихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ русскаго государства до половины IX вѣка. Шаткость приѣма обличается здѣсь съ перваго разу, но въ этомъ случаѣ должно сказать правду, виноваты не сами историки, а вся наша эпоха по отношенію къ этому вопросу. Но пути, который гениально чулся Венелинымъ, который смѣло и ярочно пролежалъ Шафарикъ своимъ колоссальнымъ сочиненіемъ, по этому пути пошли весьма немногіе, да и тѣ, которые пошли, не обладали тѣмъ критическимъ духомъ, который выражаетъ всю смѣлость соображеній и наведеній Шафарика: развѣ только на сочиненіе Черткова можно указать въ этомъ случаѣ, какъ на попытку ползнуть дальше розысканія Шафарика. Для того чтобы двинуть этотъ вопросъ далѣе, чтобы сломить вѣковое невѣріе, разбить множество предубѣжденій, нужно имѣть не одну ученость и начитанность Шафарика, но умъ и талантъ его. Въ настоящую минуту *his sub judice est* т. е. дѣло представляетъ вопросъ еще спорный: завоеванія, сдѣланныя Шафарикомъ, ни болѣе, ни менѣе какъ намѣтки граней и требуютъ еще слѣпой вѣры, а не перешли въ спокойное вѣдѣніе. Не упрекая поэтому историковъ нашихъ въ томъ, что они не подвинули этого вопроса, сознавая всю трудность ихъ положенія сравнительно съ Карамзинымъ, для котораго существовали извѣстныя всѣми признанныя грани, мы можемъ упрекнуть ихъ однако въ томъ, что они безпристрастіемъ считаютъ колебаніе, что мы не слышимъ въ ихъ рѣчи сердечныхъ убѣжденій, что они искусственно и слишкомъ замѣтно пробираются между двумя подводными камнями, иногда даже несовсѣмъ добросовѣстно, иногда забывая логическія завоеванія критики Шафарика. «Мы не можемъ — говорить наприцѣвъ эта школа въ лицѣ своего главнаго представителя — позволить себѣ вдаваться въ вопросы о происхожденіи скифовъ, сарматовъ и другихъ сосѣднихъ имъ народовъ, не имѣя достаточ-

наго количества данныхъ въ напѣстіяхъ древнихъ писателей: чѣмъ ближе народы къ первоначальному быту, тѣмъ сходнѣе другъ съ другомъ въ обычаяхъ, правахъ, понятяхъ; отсюда легкость, съ какою можно всякой младенствующій народъ, по нѣкоторымъ чертамъ нравовъ, обычаевъ и вѣрованій, причислить къ какому угодно племени. Нѣсколько словъ, оставшихся намъ отъ языка этого народа, не могутъ вести также къ твердымъ выводамъ.» (Отчего же не могутъ, когда слова эти такіа, какія приводитъ Шафарикъ и впадаютъ къ такимъ неотразимымъ, какъ у Шафарика, посылкамъ и заключеніямъ?) «Для выраженія нѣкоторыхъ предметовъ у всѣхъ племенъ найдутся общіе звуки» (а для выраженія другихъ найдутся разныя?) Что-нибудь одно — спрашиваете вы непольно — вѣрны или не вѣрны авторъ вошедшихъ въ значеніе труда Шафарика въ некоторыхъ главныхъ образамъ въ неотразимость филологическихъ выводовъ въ отношеніи къ историческимъ даннымъ? и отвѣта на вашъ вопросъ вы не получаете. У всей школы въ этомъ случаѣ цѣль живыхъ основъ, а замѣчается таковыя опять-таки искусственныя начала системы, фразами отождествляющаго младенствующаго народъ, теорію развитія, непрізнающаго организма живымъ, отдаленнымъ организмомъ до минуты его прикосновенія съ другими отдаленными организмами, теорію, скрывающую очень ловко тотъ моментъ мировой и народной жизни когда племя, какъ особенное, какъ назвавшее своего Бога сложивъ именованъ, вышло изъ чрева матери, изъ безразличнаго доисторическаго единства.

Но шаткость и колебаніе, столь ощутительныя въ отношеніи къ этому моменту, становятся уже совершенно неизлечимыми въ отношеніи ко второму, къ быту племенъ славянскихъ подъ собственными ихъ именами и прозвищами. Прежде всего школа родоваго быта и здѣсь боится главнымъ образомъ впасть въ какое-либо живое вѣрованіе, и причины такой боязни могутъ быть пояснены только тѣми крайностями, въ которыя впадали иногда люди вѣрующіе. И. Д. Бѣляевъ, о почтенныхъ изслѣдованіяхъ котораго мы уже упоминали, наввно навривѣрь готовъ доказывать и доказываетъ, что Руссы, торговавшіе на Каспійскомъ морѣ, о которыхъ свидѣтельствуютъ восточныя историкъ, были не только славяне и притомъ наши славяне, въ чемъ всякій вѣроятно готовъ съ нимъ согласиться, но что они были именно сѣверяне. Это можетъ быть и правда, но возбуждаетъ невольное недоувѣріе въ читателѣ, а отъ этого недоувѣрія пропадаютъ сила и дѣйствіе многихъ глубокихъ и совершенно живыхъ замѣтокъ о нравахъ и обычаяхъ племенъ славянскихъ, множество идей, поразительно вѣрныхъ и важныхъ, какъ идея навривѣрь о колонизаціи сѣверовостока новгородскими

ушкунниками, т. е. идея о новгородском происхождении великорусского племени.

Но родовики и централизаторы не только боится впадения въ излишнюю довърчивость, они, и вотъ въ чемъ главнѣйшій ихъ недостатокъ — продолжаютъ смотрѣть и на второй моментъ жизни славянства, какъ на моментъ доисторическій; они не видятъ, да и видѣть не хотятъ, что черты этого, по ихъ мнѣнью доисторическаго момента, суть черты физиологическія. Эти черты имъ даже нисколько не дороги, они спѣшаютъ помимо язычества, преданій и проч. къ одной извѣстной цѣли: къ словенію государственнаго тѣла. Народное у нихъ — явно только переходный моментъ: они имъ не дорожатъ, они видятъ всюду только дѣйствіе силъ *высшихъ* извѣйшихъ пришельцевъ: государства, съ одной стороны торжествующаго надъ тѣмъ что названо ими родовымъ бытомъ и съ другой стороны византийскаго, уничтожающаго всѣ слѣды язычества, по ихъ мнѣнью даже и безслѣднаго.

Теорія родового быта явно требуетъ перевода на другой языкъ, переходитъ въ дилемму централизаціи и племенного начала. Глава школы, т. е. г. Соловьевъ, слишкомъ благоразумный и осторожный для того, чтобы впасть въ крайности, наученный уже яростнѣйшими изъ своихъ послѣдователей, какъ смѣшны могутъ быть крайности теоріи родового быта, здѣсь уже хромаетъ нѣсколько на обѣ ноги. Онъ повимаетъ напримѣръ, что отвлеченное понятіе о роли вообще, о «gens» или *кланъ*, не прилагается никакъ къ славянскому быту, и хотъ говорить, что предки наши не знали семьи (?), но опять желаетъ проплыть между Сциллою и Харибдою. Плаваніе это столь назидательно, что мы опять позволяемъ себѣ довольно длинную выписку.

«Существуютъ — говоритъ нашъ историкъ — различные взгляды на родовой бытъ. (То-то и дѣло, что нѣтъ: на родовой бытъ можетъ быть одинъ только взглядъ, а на бытъ родовой и семейный — точно разные) Одни представляютъ его въ идилическомъ видѣ, предполагаютъ въ немъ исключительное господство нѣжныхъ родственныхъ отношеній; другіе напротивъ смотрятъ на него съ противоположной стороны, предполагаютъ суровость отношеній между отцомъ и дѣтми, между родоначальникомъ и родичами, подавленіе родственныхъ отношеній правительственными, причемъ приносятъ въ примѣръ семью римскую и германскую, гдѣ отецъ имѣлъ право осуждать своихъ дѣтей на рабство и смерть. Мы замѣтимъ, что нельзя представлять себѣ родового быта идилически, нельзя забыть о первоначальномъ, младенческомъ состояніи народа, котораго страсти мало чѣмъ обузываются; не надобно забывать, что и у просвѣ-

щенныхъ народовъ родственныя отношенія не исключаютъ вражды, что вражда между родичами считается самою сильною, что родовой бытъ по самому существу своему обуславливаетъ неопредѣленность, случайности. Но съ другой стороны мы не можемъ раздѣлять противоположнаго взгляда. Правда, что въ бытѣ родовомъ отецъ семейства есть вмѣстѣ и правитель, надъ которымъ нѣтъ высшей власти, но не знаемъ, въ правѣ ли мы будемъ допустить совершенное подавленіе родственныхъ отношеній правительственными, особенно при отсутствіи всякихъ опредѣленій? (Нѣтъ ужъ! отчего же не допустить, если бытъ точно былъ родовою?) Не имѣемъ ли мы права предположить, что родственныя отношенія въ свою очередь смягчали отношенія правительства? Родственныя? стало-бытъ уже не родовыя? стало-бытъ у славянъ были иныя отношенія кромѣ родовыхъ, а авторъ объявилъ прежде всего, что у славянъ не было семьи! Вотъ къ чему ведетъ идолослуженіе теоріи! «Какимъ образомъ осудить ихъ на совершенное бездѣйствіе даже въ быту самомъ грубомъ? (читатели согласятся, что этотъ вопросъ просто наивнѣе со стороны теоретика, именно осудившаго ихъ на такое бездѣйствіе!) Владиміръ вмѣстѣ право казнить жену, замышлявшую преступленіе, и хочетъ воспользоваться своимъ правомъ; но входитъ малютка-сынъ и мечъ выпадаетъ изъ рукъ отцовскихъ. Здѣсь главный вопросъ не въ томъ, подавлялись ли родственныя отношенія правительственными; но въ томъ, какъ выражались самыя родственныя отношенія?..»

Останавливаемся на минуту. Во всемъ этомъ многоглаголаніи не очевидно ли желаніе какъ-нибудь половчѣе выпутаться изъ теоріи неприложимаго къ славянству родового быта и вмѣстѣ съ тѣмъ удержать слово, ибо въ заключеніе, какъ мы сейчасъ увидимъ, кромѣ слова ничего уже и не остается. Родовой бытъ все смягчается и смягчается авторомъ до полного сглаженія:

«Мы не должны, продолжаетъ онъ,—только по своимъ христіанскимъ понятіямъ судить въ поступкахъ языческихъ, грубыхъ народовъ: такъ напримѣръ отецъ въ семьѣ германской и литовской осуждалъ на гибель новорожденныхъ дѣтей, если семья была уже многочисленна или если новорожденные были слабы, увѣчны; но такое поведеніе отцовъ, приволяющее насъ въ ужасъ, происходило у язычниковъ изъ грубыхъ понятій о родственномъ состраданіи, а не изъ понятій о деспотической власти отца надъ дѣтьми (что-то мудрено настоящее *jus vitæ et necis* объяснить родственнымъ состраданіемъ!). Язычники смотрѣли на жизнь человѣка съ чисто-матеріальной стороны: при господствѣ физической силы человѣкъ слабый былъ существомъ самымъ несчастнымъ и отнять жизнь у такого

существо считалось подвигом состраданія; доказательствомъ тому служить обязанность дѣтей у германцевъ и литовцевъ убивать своихъ престарѣлыхъ, лишонныхъ силъ родителей. (Все это есть толкъ не о настоящемъ, родовомъ *jus vitae et necis*). Эти обычаи велись преимущественно у племенъ воднственныхъ, которыя на терпѣяхъ среди себя людей лишонныхъ, слабыхъ и увѣчныхъ, невозможныхъ оказывать помощи на войнѣ, защищать родичей, мстить ихъ обиды; у племенъ, жившихъ въ странѣ скудной, стремленіе предохранить отъ голодной смерти взрослыхъ заставляло жертвовать младенцами. Но у народа относительно болѣе мирнаго, земледѣльческаго, живущаго въ странѣ обильной, мы не встрѣтимъ подобныхъ обычаевъ, какъ не встрѣчаемъ ихъ у нашихъ восточныхъ славянъ. Лѣтописецъ, говоря о черной сторонѣ языческаго быта послѣднихъ, не упоминаетъ объ означенныхъ обычаяхъ, даже у славянъ померанскихъ, которые по воажественному характеру своему и по сосѣдству съ племенами германскими и литовскими являются болѣе похожими на послѣднихъ; даже и у этихъ славянъ съ престарѣлыми родителями и родственниками обходились совершенно иначе, чѣмъ у литовцевъ и германцевъ. (А какъ именно обходились по свидѣтельству Гельмольда, автору угодно было отнестись только въ примѣчаніа.) Вообще же должно остерегаться дѣлать точныя опредѣленія первоначальному, родовому обществу въ томъ или другомъ смыслѣ.»

Что же осталось послѣ всего этого отъ родовыхъ отношеній у племенъ славянскихъ? Да ровно уже ничего, кромѣ семейнаго, которое отвергается у славянъ нашимъ историкомъ.

Ясно, что испуганный самъ послѣдствіями, выведенными изъ брошеннаго имъ въ публику слова: «родовыя отношенія», слишкомъ добросовѣстный, чтобы быть послѣдовательнымъ и признать общество въ состояніи родового быта до временъ Петра-великаго, — однимъ изъ родителей теорій шутается адѣсь передъ публикой въ различныхъ уступкахъ.

Ясно, что дѣло идетъ не о родѣ, и не о племени, а просто о противоболжности началъ племенныхъ, извиѣ пришедшихъ, началамъ централизационнымъ. Вѣдь ужъ если толковать о началахъ родового быта, по которымъ старшій братъ заступаетъ мѣсто отца для младшихъ, равно какъ и дядя для племянниковъ, то родовыя отношенія надобно приписать варягамъ, а не славянамъ, а чисто славянскою является борьба старшихъ племянниковъ съ младшими дядями, борьба, на сторонѣ которой стоятъ почти всегда старые города!

Племенные, т. е. народныя начала быта до того враждебныя идеямъ родовиковъ и централизаторовъ, до того являются у нихъ

переходнымъ моментомъ, что они съ удивительною быстротою и легкостью скользятъ по всему до-христіанскому быту славянства. Для теоріи какъ будто не существуетъ тотъ глубоконамечательный фактъ, что свѣтъ ученія христова совершенно иными путями распространялся въ славянскихъ земляхъ, чѣмъ на западѣ. Конечно мы имѣли великое счастье получить этотъ свѣтъ съ востока въ лицѣ томъ его отраженіи; конечно и церковь восточная по самому духу ученія дѣйствовала на жизнь иными мѣрами, нежели церковь западная, не разрушая мечемъ и огнемъ, не поливая кровью; — но скорость принятія христіанства, но мирное сліяніе его со многими иезвѣстными, что было въ язычествѣ, существованіе многихъ языческихъ обычаевъ, хотя уже утратившихъ свой языческій смыслъ до позднѣйшихъ временъ, все это указываетъ на особенный характеръ нашего язычества и на особенный же характеръ славянскихъ племенъ. Этому явленію нельзя приписать одной только слабости или неясности, затерянности языческихъ представленій; извѣстная степень силы ихъ свидѣтельствуется многими доселѣ еще уцѣлѣвшими, хотя и утратившими смыслъ обрядами. Наши читатели въроятно знакомы съ замѣчательными сочиненіями Н. М. Свєгирева по этой части, и для подтвержденія мысли нашей мы должны сослаться только на нихъ, ибо дальнѣйшія изслѣдованія по этой части, приводившія г. Афанасьева и иныхъ къ богамъ козерги и уката, были порожденіемъ слова: родовой бытъ и неудачнымъ приложеніемъ нѣмецкой мифологіи Гримма (да и той дурно понятой) къ славянству.

Теоріи родовыхъ мечтаній язычество славянское представляется въ двухъ формахъ: 1) какъ поклоненіе стихіямъ, и 2) какъ поклоненіе геніямъ и душамъ усопшихъ. Что касается до первой формы, то не было еще ни одной мифологіи, которая обоготворила бы стихіи, а во всякой обоготворились силы: стало-быть по общему закону логическому и въ растерянныхъ, разбросанныхъ слѣдахъ нашей мифологіи должно отыскивать того же. Что же касается до второй формы, то выводы о поклоненіи геніямъ и душамъ умершихъ необыкновенно натянуты и у г. Соловьева, и у его послѣдователей, хотя имѣютъ и извѣстную степень правдивости.

Дѣло въ томъ, что коренное наше язычество, уцѣлѣвшее въ разбросанныхъ членахъ, въ какихъ-то смутныхъ и темныхъ божествахъ Ярилы, Костромы и т. д., закрыто отъ насъ язычествомъ оціанальнымъ, язычествомъ, богамъ котораго поставлены были кумиры передъ самымъ введеніемъ христіанства. О нихъ, какъ оціанальныхъ, записалъ лѣтописецъ, а настояціе разсыпались по предавіямъ, пѣснямъ, сказкамъ, празднествамъ, зарылись въ нихъ

и даже можетъ-быть уцѣляли въ темныхъ и странныхъ образахъ. Съ другой стороны суевѣрія не должны быть никогда смѣшиваемы съ мифами, а къ сожалѣнiю только суевѣрія остались намъ отъ нашего язычества, и можетъ-быть уже въ эпоху введенiя христіанства отъ долгаго язычества оставались въ жизни только суевѣрія. Мифы утратили уже свое грозное значеніе, принесенное издалека, изъ первобытной родины: обряды служенiя перешли въ чисто-народныя игрища и только вѣнiе суевѣрія уцѣло въ какомъ-то странномъ фантастическомъ мiрѣ, до сихъ поръ еще окружающемъ наши села и деревни, до сихъ поръ еще вѣющемъ надъ колыбелью каждаго русскаго человѣка.

Вотъ причина, по которой церковь, почти даже и убѣжденіемъ не боролась, или очень мало боролась, съ этимъ совершенно безвреднымъ мiромъ. Этотъ мiръ язычества пересталъ быть религіознымъ и перешолъ въ вѣчто племенное, народное, физиологическое. Больше еще, восточная церковь на слѣдахъ язычества можетъ-быть строила свое зданіе, терпѣла невинные языческіе обряды въ соединенiи съ праздниествами. Слѣды всего этого уцѣляли доселѣ въ жизни народа и образовали для царства духа такую твердую и прочную подкладку, которой тщетно стали бы мы искать на западѣ.

Теорiя нисколько не обращаетъ на примѣръ вниманiя на явное отличіе нашего языческаго мiра въ его цвѣтѣ отъ цвѣта мiра финскаго, и здѣсь опять мы должны припомнить читателямъ изслѣдованiя Н. Д. Бѣлаева, который эту разницу представляетъ осязательно и показываетъ ясно, что все противоборство христіанству шло отъ финскаго сѣвера, со стороны черныхъ крылатыхъ и хвастливыхъ боговъ, сидящихъ въ безднѣ.

Въ своей враждѣ къ племеннымъ началамъ, централизаторы чрезвычайно мало останавливаются на ихъ проявленiяхъ въ пѣсняхъ, сказкахъ и мiрѣ преданiй, и невольно заподозрѣваешь самое знакомство историковъ со всѣми этими проявленiями, покрайней мѣрѣ знакомство живое, не книжное. Между-тѣмъ въ изслѣдованiяхъ о первоначальномъ нашемъ бытѣ это самыя важныя источники и опять честь въ этомъ случаѣ чують, хотя не всегда осторожно, Н. Д. Бѣлаева, который смѣло чертитъ типъ новгородскаго ушкуйника по Васкѣ Буслаеву и Акундину Акундиновичу, прокладывая дорогу г. Костомарову. Разумѣется, съ этими источниками надобно обращаться въ высочайшей степени осмотрительно, и главное безпристрастно, не брать ихъ въ услуженіе никакой заранѣе заданной теорiи.

Возсоздавать по сказкамъ, преданiямъ, пѣснямъ, отжившимъ или еще доселѣ живущимъ, бытъ нашего племени и можно и дол-

жно, но ужь надобно брать во всей полнотѣ ихъ народное созерцанье, а до сихъ поръ такъ еще не дѣлалось. Г. Соловьевъ, напримѣръ беретъ изъ міра преданій, обрядовъ, пѣсенъ и проч. только то что доказываетъ неразвитость, грубость, переходность быта, а г. Филиповъ съ другой стороны чертитъ цѣлую теорію нравственнаго кастратства на жизненномъ взглядѣ одной пѣсни, взглядѣ, по справедливости сказать, совершенно иномъ во множествѣ другихъ пѣсенъ. Г. Соловьеву хочется сказать и доказать, что все наше народное само по себѣ грубо; г. Филиповъ хочетъ увѣрить публику, что наше народное созерцаніе тождественно съ совершенно просіятымъ, и оба кладутъ народное на прокрустово ложе, урѣзывая его по своему произволенію. Оба возрѣвнія совершаютъ такимъ образомъ идольскую требу теоріи.

Теоріи родового быта съ другой стороны хочется во что бы то ни стало все стихійное, племенное представить только съ одной его стороны, со стороны отпора общественному развитію. Дѣйствительно у стихійнаго есть своего рода консервативность, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы оно не допускало смѣнаній естественныхъ. Историки же централизаторы съ какой-то любовью останавливаются на разныхъ лѣтописныхъ выраженіяхъ, въ которыхъ запечатлѣлись племенные вражды, и надобно отдать имъ справедливость: они первые выставили на видъ эти густыя краски вообще строгаго изложенія лѣтописцевъ (прозвища володимерцевъ, новгородцевъ, рязанцевъ, людища аки чуаища и проч.), но они не видятъ того только, что отмѣченный такимъ образомъ характеръ того или другого племени можетъ-быть на практикѣ повѣряемъ еще доселѣ, стало-быть уцѣлѣлъ, могъ и долженъ былъ уцѣлѣть какъ особенность типа, — что стихійное вовсе еще не уничтожилось.

IV

Была минута, когда все это, до сихъ поръ еще старой задержавшееся жизнью живущее стихійное, развивалось само изъ себя, мучительными, но блестящими борьбами выработывало изъ себя и для себя свой центръ; эта минута есть середина XII вѣка и начало XIII: 1224 годъ полагаетъ по волѣ судьбы предѣлъ этому равнemu развитію. Татарская туча заволакиваетъ небосклонъ, и все живое кладется подъ спудъ. Великое дѣло начинается совершаться на сѣверо-востокѣ собирателями земли русской, дѣло съ одной стороны отрицательное, съ другой стороны хранительное. Уничтожая несвоевременныя проявленія того что по волѣ судьбы стало скрыто подъ

спудомъ , они , сплотивъ землю русскую , берегутъ ея же особенную фязіономію со всѣми многообразными отливками. Потомучте и они сами , эти сѣверо-восточные собаратели , заступившіе мѣсто привѣтровскихъ охранниковъ и нарядниковъ , созданы тою же самою землею , только роль ихъ перемѣнилась. Нѣкогда они въ лицѣ Андреа и Всеволода выдѣлялись сами изъ общаго , потомъ они же въ лицѣ трехъ Ивановъ сплотиваютъ новое общее , новый нарядъ и естественно борятся съ остатками стараго общаго , стараго наряда. Старый нарядъ падаетъ въ этой борьбѣ , потомучто у него не осталось никакихъ опоръ , но изъ этого не слѣдуетъ , чтобы въ немъ не было живыхъ началъ , чтобы онъ былъ неспособенъ жить. Новому наряду помогають нишняя сила , отношенія къ татарамъ. Ихъ-то именно , эти отношенія , централизаторы желала бы совершенно забыть , а между-тѣмъ на всѣ ихъ отрицанія монгольскаго періода , есть возраженіе весьма простое. Куликовская битва , шагъ освобожденія , одна въ числѣ весьма немногихъ событийъ удѣляла въ памяти народа , перешла въ сказаніе , и доселѣ крещеная Русь читаетъ это сказаніе паравнѣ съ благочестивыми книгами. Память народа о борцахъ свидѣтельствуетъ о важности борьбы. Солоно достались русской землѣ татары да литва , до того солоно , что доселѣ только ихъ она и помнитъ изъ всего своего стараго прожитаго. Они-то и перервали связь ея съ ея до-татарской жизнью , укоротили память русскаго челоуѣка. Но забывши имена , русская земля не забыла того , чего имена были представителями и доселѣ еще чувствуетъ она свое сердце , свою жизнь въ старомъ сказаніи , въ пѣснѣ и сказкѣ , и доселѣ еще живетъ тою же самою жизнію XII вѣка.

Есть глубокознаменательный фактъ въ литературѣ послѣднихъ лѣтъ. Это книга смиреннаго инока горы Афонской , отца Парфенія. Ее прочла вся Русь отъ мала до велика , а странствованіе инока XIX вѣка ничѣмъ не разнится отъ хожденія Данила , игумена XII столѣтія. Есть еще фактъ столько же знаменательный , что нѣкоторыя литературныя произведенія послѣдняго десятилѣтія стали намъ пояснять типы стародавней жизни , стали для нея ключемъ разумѣнія.

Вотъ этого-то типоваго единства и не хочетъ постоянно видѣть теорія , увлеченная своими началами.

Въ исторіи до петровской Руси два момента въ особенности важны , какъ выраженіе всего типоваго въ ея жизни , всего коренного въ ея стремленіяхъ. Эти моменты XII вѣкѣ съ одной стороны а эпоха междударствія съ другой. Различіе между этими моментами , какъ мы уже сказали , такое , какъ между здоровымъ и больнымъ ,

напряженнымъ развитіемъ; сходство въ томъ, что только въ эти два момента типовое и коренное являются во всей полнотѣ своихъ чертъ, отстаивая ихъ борьбою, отстаивая нарядъ, обороняя его.

Въ старинѣ нашей — той глубокой старинѣ, связь съ которою разорвала для насъ татарщина и съ которой близкое отношеніе мы должны уже возстановлять изученіемъ — есть два типа, въ которыхъ охранное, оборонительное начало окружено великолѣпнѣйшею поэзіею для всякаго кто умѣетъ чувствовать поэзію.

Я говорю о Владимірѣ Мономахѣ и о Мстиславѣ Мстиславичѣ теропецкомъ, новгородскомъ, галицкомъ.

Владимірѣ Мономахѣ — это статуя еще стоящая на крѣпкомъ, неподрытомъ пьедесталѣ — спокойный, величественный и именно спокойствіемъ величественный, первый слуга земскихъ началъ, коренного наряда, еще не нарушеннаго ничѣмъ внѣшнимъ и проходившимъ, еще считаемаго за то что есть и что должно быть, такого наряда, кромѣ котораго еще ничего нѣтъ. Мономахъ, охранникъ наряда, судья-миротворецъ забывающій для земскаго порядка свои личные интересы. Онъ весь цѣльный, какъ бы литой и вмѣстѣ съ тѣмъ живой стоитъ передъ нами въ простодушномъ разсказѣ лѣтописца. Вотъ онъ когда «вложи» ему «Богъ» въ сердце и нача глаголати брату его Святополку, понужая его на поганья на весну.» Князья «срѣтостася на Долобскѣ и сѣдоша въ единомъ шатрѣ»; ибо Святополкъ, по имени все-таки великій князь, весьма справедливо, на основаніи общихъ началъ, сказалъ ему «да быхомъ ся сняли и о томъ подумали съ дружиною.» И вотъ: «бывшую молчанью (какая это тонкая, живая и притомъ совершенно великорусская черта въ лѣтописи!) рече Володиміръ: брате ты еси старѣй, почни глаголати, како быхомъ промыслили о Русской землѣ.»

Только тогда начинается онъ говорить, онъ охранникъ всякаго порядка внѣшняго и внутренняго, когда Святополкъ самъ уступаетъ ему первое слово: «брате, ты почни!» Помните ли вы хорошо рѣчь кошеваго въ «Тарасѣ Бульбѣ», рѣчь, въ которой великій поэтъ Малороссіи совмѣстилъ все существенно-холодающее, что носилъ онъ можетъ-быть внутри самого себя, носилъ часто смѣясь, издѣваясь, казая, и что можетъ-быть стояло всегда между нимъ и пониманіемъ великорусскаго быта. Помните этотъ хитрый приѣмъ говорить повидимому противъ дѣла и между-тѣмъ возбуждать къ дѣлу; помните эту раздвоенность въ натурѣ, способность быть и сознать себя на радѣ иными чѣмъ въ походѣ, раздвоенность, которую обусловлено самое юродство запорожскаго лыцарства, способность видѣть впереди одну цѣль, а къ средствамъ относиться совершенно равнодушно, совершенно сверху... Ничего подобнаго не представляетъ

въ эту минуту ни натура Володимира, ни рѣчь. Его отвѣщиваніе начать рѣчь — не есть искусственное, дѣланное смиреніе кошевого, а простое уваженіе къ порядку. Въ его рѣчи есть тоже своего рода ловкій приемъ, но вовсе не скрытый, а совершенно прямой и дѣйствующій на убѣжденіе прямымъ дѣломъ. «Какъ я хочу молвити — говоритъ онъ — а на мя хотять молвити твоя дружина и моя ркуще; хотите погубити смерды и ролью смердомъ? но се дивно ми брате, еже смердомъ и ихъ коній жалѣете, а сего не помышляюще, оже на весну начнегъ смердъ тотъ орати лошадыю тою и прѣѣхавъ Половчинъ ударитъ смерда стрѣлою и пойметъ лошадь ту — и жону его и дѣти его и гумно его зазжетъ, — то о семъ чему не мыслите.» (Кіевская лѣт. 6619 годъ).

Есть нѣчто совершенно эпическое, совершенно ваятельное, въ этомъ величавомъ и вмѣстѣ простомъ образѣ, точно сейчасъ мы слышали его живую рѣчь, до того живую, что и въ голову не придетъ, да и придти не можетъ, чтобы она была дѣланная, сочиненная лѣтописцемъ, т. е. въ голову не придетъ, чтобы жизненный взглядъ и выраженіе лѣтописца раздвоились съ жизненнымъ взглядомъ и выраженіемъ его героя.

Это эпическое — еще осязательнѣе въ рассказѣ о битвѣ у Клязьмы сына володимірова, Мстислава съ Олегомъ, когда «вдасть Мстиславъ стягъ Володимеръ Половчину, именовъ «Кунуй» вдавъ ему пѣшьщѣ и постави и на правомъ крилѣ и заведѣ Кунуй пѣшьщѣ напя стягъ Володимеръ и узрѣ Олегъ стягъ Володимеръ и убояся и ушедъ напанде нань и на вою его» (Сузд. 6604 г.), вѣроятно читатели такъ же могутъ почувствовать, что есть эпическаго въ этомъ *стязѣ*, въ этой *тѣмѣ* великаго нарядника, носящейся надъ битвою.

Этотъ какъ бы изваянный образъ не теряетъ своего спокойнаго величія отъ того, что въ завѣщаніи своемъ герой смиренно повѣствуетъ о своихъ подвигахъ, о своей службѣ землѣ, за которую «утерь онъ много пота» и въ эту минуту, когда онъ пшетъ, стоитъ онъ на высокомъ подножіи, на которомъ не вслкій стоять можетъ. То — минута великой скорби и великаго смиренія передъ врагомъ, нанесшимъ скорбь.

Но вопросъ и вопросъ весьма естественный: что если бы Мономахъ поставленъ былъ не въ эту эпоху, а въ эпоху своихъ внуковъ отъ сына Юрья? Статуя охранника и нарядника должна была бы сойти съ великаго подножія и ринуться въ битву съ тѣмъ что подрываетъ или сокрушаетъ это подножіе стараго наряда. Приходить время, когда не только «судитъ по праву и рялятъ по ряду» надобно, но отстаивать судъ и рядъ по старинѣ противъ новаго суздальско-володимірскаго суда и ряла? Что сдѣлалъ бы Володимеръ Моно-

махъ, если бы Святополкъ напимѣрь прислалъ къ нему такого же посла и съ такими же рѣчами, какого посла и съ какими рѣчами прислалъ къ Ростиславичамъ, старшей вѣтви его внуковъ, Андрей Суздальскій, младшій его внукъ? Тоже что слѣдали Ростиславичи, т. е. велѣлъ бы «Андреева посла емше постричи голову передъ собою и бороду», какъ они же, какъ Мстиславъ Ростиславичъ, отецъ удалого Мстислава, выучившагося у отца, «отъ уности не уполошится никого же, но токмо Бога единого блюстися», сказалъ бы; «идите къ князю своему и рди ему: мы тя до сихъ мѣстъ, акы отца имѣли по любви, а еже еси съ сакыми рѣчами прислалъ, не акы къ князю, но акы къ подручнику и просту человѣку, и что умыслилъ еси а то дѣй, а Богъ за всѣхъ.»

И вотъ такая-то статуя сошедшая съ своего пьедестала и ринувшаяся или лучше сказать ринутая въ вѣчную битву за нарядъ, за свое подножіе — послѣдній самый великій изъ Мстиславичей, старыхъ охранниковъ, Мстиславъ Мстиславичъ удалой, торопецкій, новгородскій, галицкій. Отецъ его кратковременнымъ, но яркимъ свѣтиломъ пронесся по русской землѣ; кротость и любовь наслѣдовавшій отъ отца Ростислава, стягъ и мечъ отъ прадеда Мономаха, почившій въ Новѣгородѣ великомъ, гдѣ нѣмного князей почили, но которые почили, такъ ужъ тѣ были совсѣмъ по Новугороду, послѣднему и главному подножію стараго идеала жизни, суда и ряда...

Никто изъ историковъ нашихъ не изобразилъ блестящей участи Мстислава удалого такими широкими и смѣлыми чертами, какъ Погодинъ въ своей небольшой, по количеству страницъ, статьѣ о немъ: онъ указалъ глубоко на то трагическое, что есть въ противоположности этой, полной славныхъ, честныхъ подвиговъ жизни, съ безславнымъ, безвѣстнымъ концомъ посреди крамоль и каверзъ галицкаго боярства. Новгородское вѣче, значеніе нарядника и охранника земли русской, постоянная охрана наряда этой земли, столь любимой Мстиславомъ, что даже и тамъ, гдѣ онъ былъ совершенно на мѣстѣ, такъ-сказать въ исконномъ своемъ центрѣ, въ Новѣгородѣ, не могъ онъ усидѣть покойно и говаривалъ: «суть ми орудія въ Руси» т. е. мое дѣло настоящее, мое настоящее значеніе тамъ — и потомъ далекій Галичъ, все болѣе и болѣе отторгавшійся отъ русскаго единства, куда пошолъ онъ тоже за своимъ дѣломъ, пошолъ поддержать и возстановить нарядъ — и который растлилъ можетъ быть его мужественную, самоотверженную природу — и какъ бы въ кару за это растлѣніе, несчастіе битвы на Калкѣ, гдѣ вышняя, чуждая сила лишила старшій нарядъ всѣхъ его средствъ, всей обороны, гдѣ погибла Русь, т. е. кievскій нарядъ въ лицѣ всего своего доблестнаго; несчастіе еще болѣе горькое быть вынужденнымъ

бѣжать съ поля этой битвы и сознать, что самъ онъ виновать въ ея неудачѣ и наконецъ самое горькое несчастье доживать свой вѣкъ въ далекомъ захолустьи, и утративши значеніе охранника и нарядника дѣла, ослабѣть духомъ и тѣломъ. Да! это участь трагическая, но трагизмъ здѣсь не въ фатализмъ, къ которому (да проститъ здѣсь учитель одному изъ своихъ учениковъ), приходитъ Погодинъ, размышляя о Мстиславѣ и — даже размышляя о Новѣгородѣ, — трагическое здѣсь въ самой личности Мстислава и въ винѣ этой личности.

Время переѣвилось. Другой идеалъ, другой нарядъ поднялся съ сѣверо-востока. Но сказать, что идеалъ или нарядъ суздальскій былъ правъ, а идеалъ кievскій виновать, значитъ вдаваться въ историческій фатализмъ, въ которомъ по странной игрѣ судьбы сталкиваются и г. Соловьевъ и Погодинъ. Но, милостивые государи, (позволяю себѣ обратиться съ одною рѣчью и къ глубоко уважаемому мною наставнику и къ старому другу молодости, обратиться не какъ специалистъ, а какъ критикъ т. е. какъ представитель мнѣнія известной части публики), вы все забываете 1224 годъ и битву на Калкѣ, сносившую лучшій цвѣтъ стараго наряда; вы забываете о Руси, выжженной потомъ полчищами Батия, о перерванности развитія, о попущеніи божіемъ. Сказать, что Мстиславъ Мстиславичъ боролся за неправое, значитъ свалить все трагическое его судьбы на тотъ нарядъ, которато онъ былъ послѣдней великой личностью и забывать, что великій нарядникъ липецкой битвы, отправившись въ Галичъ для возстановленія наряда, т. е. идеала общественаго, нравственно упалъ тамъ, растлился и занялся исключительно интересами личными.

Позволяю себѣ гипотезу, психологически впрочемъ вѣрную. что сверхъестественныя силы нужно имѣть для того, чтобы послѣ долгой, даже успѣшной борьбы съ чѣмъ-либо живымъ, т. е. имѣющимъ силы жить и бороться, не принять въ себя нѣкоторымъ образомъ соковъ того, съ чѣмъ борешься. Мстиславу въ Галичѣ предательски улыбулась суздальская мысль обособленія и усиленія въ замкнутомъ міру. Но ни Мстиславъ не былъ Андреемъ, ни растлѣнный поляками, венграми и боярами Галичъ не походилъ на дѣйственную почву сѣверо-восточной стороны. Сынъ страстнаго и прямого Мстислава, внукъ того Ростислава, который способенъ былъ преимущественно на героизмъ самопожертвованія, который безъ боя «уступилъ даяѣ старѣйшему» какъ только тотъ изъявилъ притязанія на Кіевъ, — Мстиславъ Мстиславичъ былъ слишкомъ чистъ, чтобы имѣя въ виду цѣль, не разбирать средствъ. И по вѣчной ироніи судьбы излишняя душевная чистота и излишняя

душевная сила, потерявшія свои опоры: вѣру въ народъ и самоотверженіе ради его, обратились въ слабость, растлѣлись. Вотъ что трагично въ участи Мстислава, а вовсе не то, что онъ былъ защитникомъ устарѣлаго и долженствовавшего пасть народа. Дѣло въ томъ, что попущеніемъ, а не соизволеніемъ божіимъ погибъ народъ, которому честно служилъ нѣкогда доблестный князь. Но попущеніемъ собственнымъ, одолѣвши неправду на липецкой битвѣ, онъ принялъ въ себя нѣсколько капель ея для него ядовитаго напитка. Въ Галичѣ уже не тотъ Мстиславъ, которому «суть орудія въ Русь.»

Оно признаться и трудно было удержаться на той нравственной высотѣ, на которой является намъ онъ, трикраты проносящійся съ топоромъ своимъ по рядамъ враговъ на липецкой битвѣ. Все что есть поэтическаго и великаго въ образѣ нашихъ богатырей, въ образѣ правды его Мономаха, въ образѣ честнаго и самоотверженнаго дѣда его Ростислава — все сливается въ немъ въ эту торжественную минуту его жизни.

Въ высшей степени замѣчательно то обстоятельство, что всѣ героическія черты мстиславова образа уцѣлѣли для насъ преимущественно въ лѣтописяхъ новгородскихъ. Эпосъ о немъ, ибо это именно есть эпосъ, разсѣяна преимущественно въ I и IV (въ сей послѣдней — липецкая битва) новгородскихъ лѣтописяхъ. Лѣтопись кievская знаетъ его хорошо только съ слабыхъ, съ галицкихъ его сторонъ. Суздальская сухо и бѣгло говоритъ, что «окоянный врагъ діаволь вложи нѣкую котору злу межѣ князи, сыны Всеволожи... и бѣшася у Юрьева и одолѣ Константивъ.» Есть даже какъ-будто намѣренное умолчаніе о всѣхъ тѣхъ событіяхъ, въ которыхъ съ блестящей стороны является Мстиславъ Мстиславичъ и какъ-будто намѣренное же упоминаніе о неудачахъ его. По суздальской лѣтописи, мы бы только и знали о Мстиславѣ Мстиславичѣ, что онъ напримѣръ затворился въ Торопцѣ отъ Всеволода Чермнаго и потомъ «не мога терпѣти въ градѣ, цѣлова къ нему (Всеволоду) крестъ на его воли; что въ лѣто 6717 зимою, великій князь Всеволодъ посла сыны свои Константина съ братьею его на Мстислава Мстиславича на Торжекѣ Мстиславъ же слышавъ, еже идетъ наъ рать вѣзде изъ Торжку Новугороду и оттуда вде въ Торопецъ, въ свою волость», что (между прочими событіями лѣта 6724) «того же лѣта новгородцы выгнаша отъ себѣ Мстислава Мстиславича и Ярослава Всеволодовича приведоша къ себѣ на столъ.» И ни слова о событіяхъ 1206 года, ни слова объ участи Мстислава Мстиславича какъ нарядника въ дѣлѣ между Константиномъ Всеволодовичемъ и его братьями.

Въ новгородскихъ же лѣтописяхъ напротивъ о неудачахъ Мстислава ни помину, о размолвахъ его съ Новгородомъ упоминается вскользь; подъ лѣтомъ же 6724 (по I Новг. подъ 6723) какъ-будто съ желаніемъ скрыть что-то, сказано: «пойде князь Мстиславъ по своей воли Киеву и створи вѣце на Ярославли дворѣ и рече новгородцемъ: суть ми орудія въ руси а вы вольни въ князехъ.»

Чтоже это значить? Значить просто, что нарядъ разный стоитъ передъ мыслью лѣтописца суздальскаго и передъ мыслью лѣтописцевъ новгородскихъ. Извѣстіе Володимира Мономаха одинаково лѣпится и южными и суздальскими и новгородскими писателями, только послѣдними вкратцѣ, болѣе какъ статуя отца Мстислава-великаго, который «заложилъ Новгородъ болѣе перваго». Нарядъ еще одинъ, стало-быть и представленіе о нарядникѣ одно, цѣльное, неразбитое.

А Мстиславъ Мстиславичъ уже борецъ за одинъ нарядъ противъ другого наряда. Еще объ отцѣ его, обрившемъ голову и бороду Андрееву послу, удѣлѣло героическое представленіе, да и то не въ сѣверовосточной лѣтописи, а въ Кіевской: подъ этими годами еще несравненно менѣе сглажена память о томъ нарядѣ, во имя котораго онъ дѣйствовала или, лучше сказать, не такъ еще ярко вызначилась, не отличилась въ формы черты новаго наряда. Но отъ лѣта 6682 до лѣта 6724 много воды утекло.

На крови Андрея, на крови мученика выросъ новый нарядъ, сталъ правдой, которую отстаивали «мезиннии Володимерцы» въ дѣлѣ со старѣйшими городами, — сложился въ цѣльный, законченный образъ Всеволода Георгиевича, въ типъ любезный володимерцамъ, противный новгородцамъ, но столь же русскій, какъ и типъ прежній, рожденный только уже другими, чисто великорусскими стихіями славянскаго духа.

Трагическое въ образѣ Мстислава, то, что онъ Владиміръ Мономахъ, которому остается рядить только въ Новгородѣ и который все по старому думаетъ, что нарядъ одинъ и что «суть» ему «орудія въ Руси», когда Русь уже распалась на Владиміръ и Новгородъ... Такъ какъ никакая жизнь не умираетъ, не давши отъ себя возможныхъ отпрысковъ, а старый нарядъ вовсе и не собирался даже умирать, то ничего нѣтъ удивительнаго и въ томъ, что въ семьѣ Всеволода владимірскаго есть Константинъ, въ которомъ олицетворяется противленіе новому въ тѣхъ самыхъ стихіяхъ, изъ которыхъ новое сложилось, Константинъ съ его любовью къ книжному ученію и вѣстѣ къ старымъ городамъ, къ наряду старому, чтимому имъ религіозно, — Константинъ, судья новгородскій — высокое, чистое, и какъ все слишкомъ чистое, кратковременное

существованіе, несправедливость къ которому родовиковъ, какъ будто обходящихъ его, слишкомъ очевидна, и еще болѣе дѣлается очевидною, если читатели знакомы съ превосходной статьей объ этомъ князѣ г. И. Д. Бѣляева.

По старинной и вѣчной ироніи судебъ, новый нарядъ пошолъ отъ человѣка, который всю жизнь свою добивался чести быть нарядникомъ стараго наряда и всю жизнь свою плакался, что ему и его дѣтямъ «нѣтъ части въ русской землѣ» отъ Юрья Владиміровича Долгорукаго!..

По той же самой причинѣ, Юрій Владиміровичъ основалъ или лучше открылъ Москву, послѣдній и самый прочный окладъ того образа, который новый нарядъ искалъ утвердить въ Суздали, Владимірѣ, Боголюбовѣ.

Цѣльный типъ личности Владиміра Мономаха распадается въ сыновьяхъ его и внукахъ. Въ числѣ этихъ распаденій и отпаденій является одно лицо, полное глубоко-комическаго содержанія. Это вѣчный дядя Вячеславъ, именно вѣчный дядя, на котораго наконецъ возложили честь «яко на стрія старѣйшаго» племянники Изяславъ Мстиславичъ и Ростиславъ Мстиславичъ, который какъ Половчинъ бѣгаетъ по русской землѣ, посадить то тамъ, то сямъ и нигдѣ усидѣться не можетъ, потому что въ княжескомъ дѣлѣ видитъ онъ только внѣшнюю его сторону: пиrowанье съ дружиною и удобства жизни, лицо, котораго сущность выражена юмористически народомъ извѣстнымъ присловіемъ о Титѣ (Титъ, ступай молотить! — Жизнь болитъ. — Титъ, ступай кашу ѣсть! — Гдѣ моя большая-то ложка?) забывающій всегда о дѣлѣ и долгѣ наряда, но напоминающій всегда самъ и твердо помнящій основныя положенія наряда, великій князь только по имени, но чрезвычайно довольный великимъ княженіемъ; въ сущности весьма добродушный и даже способный къ сознанію своего нравственнаго ничтожества, при смерти доблестнаго племянника. Это комическое лицо носить однако въ себѣ стихіи, которыя создаютъ потомъ могучій, грозный и величественный типъ Андрея. Исканіе *удобствъ* княжеской жизни вырастаетъ въ сознательную мысль обособленія. Разъединеніе съ общими интересами южной Руси воспитывается въ возвышенной природѣ Андрея не своекорыстіемъ, а негодованіемъ на дѣйствія отца Юрія, готоваго добывать часть въ Руси себѣ и своимъ дѣтямъ всякими средствами, честными и нечестными. Андрей съ презрѣніемъ отворачивается отъ этихъ интересовъ, съ дѣтства развѣчанныхъ для него мелочностью обстановки, съ презрѣніемъ отдаетъ Кіевъ кому попало, впервые взявши вѣчанный городъ на коньѣ и уединяется туда, гдѣ дышать ему свободу, на сѣверовостокъ, но и здѣсь познаетъ онъ подъ ко-

нецъ, что старый нарядъ есть еще нѣчто живое, всюду распустившее свои корни и гибнетъ героическою жертвою обособленія. Послѣ его смерти, «мезивніи володимерци» въ борьбѣ съ старыми ростовцами, въ сущности выговариваютъ только себѣ право на равное участіе въ общемъ т.-е. пока еще старомъ нарядѣ, но помимо воли и желанія, строятъ подножіе новому андреевскому наряду.

На подножіе становится новая статуя — Всеволодь Георгіевичъ, прадѣдъ Калиты и Ивана III, типъ вотчинника, типъ такъ же точно рожденный изъ утробы народной сущности какъ и типъ нарядника Мономаха, — типъ приобретателя, государственнаго промышленника, типъ сѣверовосточный, поволжскій, — болѣе выдержанный, чѣмъ порывистый, хоть и не менѣе перваго страстный, иногда и благодушный; но благодушный съ умомъ и расчетомъ, а не безразсечно великодушный, какъ Мстиславъ Мстиславичъ въ Галичѣ съ Судиславомъ (Кіевск. лѣт. 6727).

Но этотъ новый типъ, покажѣсь еще оставимъ въ сторонѣ. Я коснулся его только для того, чтобы пояснить типъ Мстислава Мстиславича, и чтобы сказать съ другой стороны, что какъ тотъ, такъ и другой типъ равно созданы соками народной жизни и стало-быть оба равно имѣютъ право и на сочувствіе и на безпристрастный судъ. По несповѣдимымъ судьбамъ, типъ Мстислава заслоняется на время сѣверовосточнымъ типомъ, но возстаетъ впоследствии во всей красотѣ и трагическомъ величій въ лицѣ рязанца Лянунова, сдавая потомъ мѣсто третьему типу — выборнаго отъ всея земли посадскаго человѣка Козьмы Минина.

Какъ раздвоился типъ греческой жизни на Одиссея и Ахилла, такъ съ давнихъ поръ раздвоился нашъ народный типъ. Онъ раздвоецъ уже въ первоначальныхъ сказаніяхъ, въ богатырскихъ сказкахъ и только насильственно можно сливать этотъ типъ въ одинъ и отрицать двойственность. Должно принять какъ равно-живыя ствхія — и Добрыню Никитича и Алешу Поповича съ Чурилой Пленковичемъ. Въ этихъ типахъ, съ самаго появленія ихъ въ простыхъ и нѣсколько грубоватыхъ изображеніяхъ, замѣтно уже много сметки и того юмора, который составляетъ часто выкупающую сторону русскаго человѣка въ отношеніи ко многимъ темнымъ его сторонамъ. Типъ же Ильи Муромца, которымъ однимъ хотятъ многіе замѣнить два этихъ разнородныхъ жизненныхъ типа, есть уже исключительное, героическое, уже не просто народное, а просвѣтленное христіанствомъ — хотя и правда то, что можетъ-быть ничье народное не представляетъ стихійныхъ началъ, столь доступныхъ просвѣтлѣнію или лучше сказать ничье народное не представляетъ такой мягкости, такого отсутствія темныхъ стихійныхъ началъ,

противоборствующихъ просвѣтлѣнцію, такого отсутствія гордости, жестокости, злопаметности, порывистой страсти. Это отсутствіе только въ своемъ просвѣтлѣніи становится смиреніемъ, незлобіемъ, великодушіемъ, самоотверженіемъ, но предоставленное самому себѣ, становится чисто отрицательнымъ свойствомъ, можетъ перейти въ постыдное равнодушіе, «тлетворную» ложь, хамство Фамусова и добродушно-смиренное взяточничество Юсова, въ китайскій застой, жертвующую лѣнь, постыдную и унижающую человѣка запущенность жизни. Грань, отдѣляющая степень этихъ отрицательныхъ свойствъ, на которой они — пороки, отъ степени, на которой они просвѣтляются въ добродѣтели т. е. на которой они очипають въ насъ поле всему доброму, такъ мало рѣзка, что въ нашихъ душевныхъ отношеніяхъ къ ней нужна великая осмотрительность. Съ другой стороны, жизнь этихъ отрицательныхъ свойствъ нашей натуры такъ сильна и крѣпка, что вѣчно въ насъ сказывается, то отпоромъ, то сочувствіемъ, то наконецъ нашимъ критическимъ чувствомъ, ибо эти же отрицательныя, т. е. умѣряющія все жесткое, начала, борются въ нашей душѣ со всѣмъ рѣзкимъ, смѣются надъ нимъ въ насъ самихъ и въ другихъ народахъ, порождаютъ недовѣріе и вронію, сѣдаютъ какъ ржавчина все фальшиво-героическое.

По закону рефлексіи и вслѣдствіе борьбы, начала эти сами должны сосредоточиться въ героическій типъ. И такое сосредоточеніе, точно также какъ и все, встрѣчается въ общемъ узлѣ нашей исторіи въ XII вѣкѣ, завершается въ смиренно-героическомъ образѣ Ростислава Мстиславича, внука Владимира Мономаха.

Все героическое этого типа заключается въ сознаніи законности, въ уступкѣ ей, въ томъ что онъ по благодушію врожденному и по влеченію сердца «влажи честь на стрыи старѣйшаго» когда братъ его Изяславъ сдѣлалъ это только вынужденный обстоятельствами, да въ его возвышенной и тихо покорной кончинѣ, точно такой же, какъ кончины многихъ безвѣстныхъ героев Севастополя и Кавказа, которыя открылъ для свѣта въ наше время графъ Толстой.

Все то что въ образѣ Мономаха есть кроткаго, миротворящаго, благодушнаго, исключительно сосредоточилось въ этомъ его внукѣ; напротивъ, все исключительно энергическое пошло въ наслѣдство Изяславу. Но это благодушіе, этотъ миротворящій характеръ переходилъ у Ростислава въ ту распушенность добродушія, совершенно нашу русскую, которая символически представлена въ народномъ сказочномъ образѣ царя Дадона, лица любезнаго и вмѣстѣ комическаго. Покорность и смиреніе, существенныя стороны этого типа, суть повторю опять свойства только отрицательныя, только отсутствіе

буйства силъ и жосткой гордости застоя. Ростиславъ стоитъ на срединѣ между буйствомъ дяди Юрія и жосткой гордостью Изяслава.

Тина Юрія есть первый трагическій отсадокъ буйныхъ, недвольныхъ, кочующихъ, промышляющихъ или промышленныхъ силъ стараго тина, цѣльнаго въ изваяніи Мономаха; а въ борьбѣ, въ драмѣ жизни разложившагося на двѣ стихіи; первый трагическій, ибо комическая несообразность, зародышная неуклюжесть этихъ стихій отразились въ фигурѣ дяди Вечеслава.

По духу трагической ироніи жизни, Юрій Владиміровичъ, весь по даннымъ натуры, сѣверовосточный человекъ, родоначальникъ князей-промыслителей, основатель новаго будущаго (Москва), строитель сѣвера (Галичъ) есть родоначальникъ, основатель и промыслитель совершенно безсознательный. Цѣлую жизнь онъ, не имѣя ни доблестей, ни прямоты, ни безкорыстія, образующихъ идеалъ князя-нарядника, а обладая напротивъ совершенно другими свойствами, годными для образованія другаго идеала, бьется изъ того, чтобы быть верховнымъ нарядникомъ, всю жизнь плачется на то, что ему и его дѣтямъ «нѣтъ части въ Руси» и наконецъ достигаетъ цѣли. Ростиславъ (положимъ, что уступчивость его объясняется обстоятельствами, опасностью имѣть двухъ враговъ вмѣсто одного, Изяслава Давидовича, но вѣдь Изяславъ Мстиславичъ не уступилъ бы такъ скоро, тѣмъ болѣе, что киевляне предвидѣли рать съ Юріемъ, а Изяслава Давидовича впустили только по необходимости) Ростиславъ сказалъ дядѣ Юрью: «кланяются, стрый ми еси, яко отецъ» Юрій «благодаря Бога видѣ въ Кіевъ». Все кажется слѣлалось какъ слѣдуетъ. Въ лицѣ его восторжествовало начало стараго наряда; всѣ формы стараго наряда соблюдены «и выйде противу ему множество народа и сѣде на столѣ отецъ своихъ и дѣдъ и прія съ радостью вся земля русская.» И сталъ онъ *представлять* Мономаха, отца своего, раздавать волости дѣтямъ или тѣмъ, кому онъ сталъ «въ отца мѣсто» да уже въ немъ—то самомъ не живетъ болѣе духъ Владиміра Мономаха; въ немъ уже расчетливость заступила мѣсто доблести (дѣло Ивана Ростиславича Берладника) своекорыстіе — мѣсто служенія наряду. Съ нимъ уже пришло въ Кіевъ новое суздальское начало, и когда онъ умираетъ «пивъ у Петрила» то «много зла створися въ тъ день: разграбиша дворъ его красный и другый дворъ его за Днѣпромъ разграбиша его же звашеть самъ раемъ и Васильковъ дворъ сына его разрабиша въ городѣ, избивахуть суждальцы по городамъ и по селамъ и товаръ ихъ граблече» (Кіевск. л.). Въ высшей степени замѣчательно опять, что суздальская (Лавр.) лѣтопись умалчиваетъ объ этихъ событіяхъ.

Кіевскому наряду дядя Юрій былъ гораздо болѣе не'ко двору чѣмъ дядя Вячеславъ.

Юрій есть лицо совершенно ироническое т. е. двойственное. Съ одной стороны всѣ черты новаго, сѣверо-восточнаго, промышленнаго типа, съ другой упорная борьба за старое. Поразительное и какое-то таинственное сходство имѣеть этотъ дядя Юрій съ другимъ дядею же Юріемъ, сыномъ московскаго Мономаха, Дмитрія Ивановича Донскаго, съ этимъ Юріемъ Дмитричемъ дальняго сѣвера, т. е. Костромы и Галича (а Галичъ созданье стараго дяди Юрія!) отыскивающимъ такъ же упорно Москвы, какъ старій Юрій отыскивалъ Кіева, торжествующимъ какъ сей же и такъ же мало соотвѣтствующимъ идеалу московскаго вотчинника, какъ мало соотвѣтствовалъ Юрій Долгорукій идеалу кіевского нарядника.

Я съ намѣреніемъ остановился на типѣ дяди Юрія, ибо самаго Ростислава нельзя объяснить, необъяснивши Юрія, на котораго онъ «возложилъ честь», какъ «на стрія старѣйшаго».

Уступчивость передъ всѣмъ что законно, покорность всему что идеально-право, будетъ ли это дядя Вячеславъ, т. е. чистая пошлость жизни, будетъ ли это Юрій, будетъ ли это наконецъ смерть — покорность, т. е. исполненіе долга безропотное, смиренное, вотъ характеристическая черта этого образа, которая въ торжественную мнвуту смерти возвышается до героическаго, но которой все значеніе не въ ней самой а въ томъ, чему она служитъ.

На этой смерти и послѣднихъ дняхъ Ростислава, трогательно и высоко-поэтически изображенныхъ въ «Кіевской лѣтописи», я позволяю себѣ особенно остановиться, потому что эти двѣ страницы лѣтописи — ключъ къ разумѣнію сущности того поэтическаго и героическаго, что есть въ этомъ типѣ.

Не думаянисколько о художественности постройки, лѣтописецъ въ этомъ описаніи, лѣта отъ созданія міра 6676, является великимъ художникомъ.

Благодушный нарядникъ земли, нарядникъ по всему уже праву сознаваемому какъ имъ самимъ, такъ и всѣми «посла къ братьи своей и къ сыномъ своимъ, велъ имъ всемъ съвкупитися у себе съ всими полки». И вотъ въ послѣдній разъ торжественно, около послѣдняго законнаго, послѣдняго всѣми чтимаго «въ отца мѣсто», послѣдняго достойнаго сына великаго нарядника, собираются всѣ Мономаховичи, всѣ даже поколѣнія Юрьева (кромѣ разумѣется Андрея, въ которомъ растетъ мысль новаго наряда) «и приде Мьстиславъ изъ Володимира, Ярославъ, братъ его изъ Лучьска, Ярополкъ изъ Бужьска, Володиміръ Андреевичъ, Володиміръ Мьстиславичъ, Глѣбъ Гюргевичъ, Рюрикъ, Давыдъ, Мьстиславъ, Глѣбъ Городень-

скій, Иванъ Юрьевичъ сынъ и галичская помощь и стояша у Канева долго время... и оттолѣ возвратишася въ свояси.» Въ послѣдній разъ образъ стараго Мономаха возстаетъ въ своей цѣльности и — художество ли то лѣтописи или высшее художество самыхъ событій — въ послѣдній разъ исправляетъ всѣ обязанности охранника противъ половцевъ, на которыхъ подъ крылья его, подъ великій стягъ Мономаховъ, собрались орлята, нарядники и судьи праведного, судъ и котораго слушаетъ и Новгородъ, ибо онъ рядитъ по ряду и судитъ судъ правый. Вотъ расказъ Кіевской лѣтописи :

Въ лѣто 6676. Посла Ростиславъ къ братьямъ своей и къ сыномъ своимъ, веля имъ всемъ съвѣкунитися у себе съ всеми полки своими и приде Мъстиславъ изъ Володимира, Ярославъ братъ его изъ Лучска; Ярополкъ изъ Бужска, Володимиръ Андреевичъ, Володимиръ Мъстиславичъ, Глѣбъ Гюргевичъ, Рюрикъ, Давыдъ, Мъстиславъ, Глѣбъ Городеньскій, Иванъ Юрьевичъ сынъ и Галичская помощь и стояша у Канева долго веремя, дондеже виде Грецикъ и Залозникъ и оттолѣ възвратишася въ свояси. Того же лѣта исходяча, поиде Ростиславъ Новугороду, занеже недобрѣ живяху Новгородци съ Святославомъ сыномъ его и приде Чичьрску къ зяги Ольгови, ту бо бѣ Олегъ ждалъ его съ женою и поиде Олегъ Ростислава на обѣдъ и бысть радость велика въ тѣ день межи ими, Олегъ же многи дары вдасть Ростиславу и дачи ему вда многы дары, на утрѣи же день възва Ростиславъ къ собѣ Ольга и дчерь и нача болшими дары учредитъ всехъ, иде Смоленську. И начаша и срѣтати лучшии мужи смолянны за 300 верстъ и затѣмъ усрѣтоша и внуци и затѣмъ усрѣте и сынъ Романъ и епископи Манудъ и Виѣздъ и мало не весь градъ изиде противу ему; и тако велии обрадовашася вси приходу его и множество даровъ подаша ему. И оттуда въ Торопечь. И оттуда посла къ сыну Святославу Новугороду, веля ему възѣхати противу себе на Лукы, бѣ бо уже Ростиславъ не здравуа велии и ту спихася на Лукахъ съ сыномъ и съ новгородци, и цѣловаша новгородци крестъ къ Ростиславу на томъ, якоже имъ имѣти сына его собѣ княземъ, а много князя не искати, оли съ нимъ смертью разлучити и много даровъ взя у сына и у новгородци. И оттуда възвратися Смоленську. Видѣвши же Рогнѣдъ сестра его велии изнемогающа брата и нача молитися, веляи дечи Смоленскѣ въ своемъ ему зданьи. Онъ же рече еѣ: «не могу здѣ лечи, повезите мя Кіеву; аще мя Богъ отъиметь на пути, то положите мя въ отни благословенны у святого Федора, аще ми Богъ отдасть болѣзнь сію, молбамъ пречистыа его матере и святого отца нашего Федосья Печерсваго монастыря, то пострѣгуся въ Печерскомъ монастыри. Егда бо отходя житья сего маловремениаго и мимотеку-

щого моляше Семьюнови попови: «тебѣ въздати слово о томъ къ Богу, занеже възборони ми отъ постриженія. Моляше же Со Ростиславъ часто то слово къ игумену Печерскому Поликарпу: тогда игумене, взяхъ мысль отъ постриженія, егда приде ми вѣсть изъ Чернигова о Святослави смерти Олговича», моляше и то всегда къ игумену: «постави ми игумене, келью добру, боюся напрасныя смерти а что сіе о миѣ Богъ устроить и ваша молитва.» Уставилъ же баше и сю добродѣтель въ собѣ, у великій постъ въ святую субботу и въ недѣлю, сажаше на обѣдъ у себе 12 черныца, третій на десять игумень Поликарпъ и тако тѣхъ накорми, не тщи ихъ отпушаше, самъ же по вся недѣли причащеніе имаше, слезами омывавъ лице свое и въздыханіемъ частымъ смиряя себе и стенаи отъ сердца своего испущая, всѣмъ видяцимъ его въ толиці смиренны стояща и тако не можаху удержатися отъ слезъ, егда же скончаваше весь постъ и тако учрежаша всю братью, а въ Лазареву субботу всѣ Печеряны взимаше и по всѣмъ монастырямъ зваше, и въ ины дни, въ среду и въ пятокъ утѣшиваше братью Печерскую. Великую любовь имаше къ святѣй Богородици и къ святому отцу Феодосію, и то повѣствоваше съ Поликарпомъ по вся дни: «хотѣлъ быхъ освободитися отъ маловременнаго и суетнаго свѣта сего и мимотекущаго и многомятежнаго житя сего, еже преже възпоминахъ ти.» Онъ же тако ему моляше: «вамъ Богъ тако велѣлъ быти, правду дѣяти на семь свѣтѣ, въ правду судъ судити и въ хрестномъ цѣлованьи, вы стояти» Ростиславъ же ему тако рече: «отце княженіе и миръ не можетъ безъ грѣха быти, а уже есмь былъ не мало въ свѣтѣ семъ; и хотѣлъ быхъ поревновати, якоже и вси правовѣрніи цари пострадаша и пріяша възмездіе, отъ Господа Бога своего, якоже и святіи мученици кровь свою прольаша, успріяша вънца не тлѣнныя, якоже и святіи отци, удручивши тѣло свое постомъ и узкымъ и тѣснымъ путемъ ходивше възспріяша царство небесное, якоже и самага правовѣрнаго царя Костянтина слышахъ глаголавша: «аще быхъ вѣдалъ, се ль честенъ ликъ чернецскій, възходяща съ ангелы къ престолу Господню безъ пристава, снялъ быхъ вѣнецъ и багрянцю.» И тако ему повѣсташу съ Поликарпомъ игуменомъ и рече ему игумень: «аще сего желаеши, княже, воля божія да будетъ.» Ростиславъ же, слышавъ отъ игумена, положи въ сердцѣ своемъ рекъ ему: «переду и еше мало время, суть ми орудица.» И тако ему бесѣдовавши съ нимъ, и благословивъ его отпусти. Мы же на переднее възвратимса. И поидоша съ нимъ изъ Смоленска, а уже ему velmi изнемогающе а и бы въ селѣ въ Рогънѣдинѣ въ Зарубѣ и нача молвити Иванкови Фроловичу, покладнику своему и Борцсови Захарычу: «взовита ми Семьюна поца, ать

створить молитву; а самъ вздѣвъ руцѣ свои, нача молитву творити, зря къ иконѣ святой Богородици «пречистая Богородици! вышши еси ангель, архангелъ всея твари честиѣйши, помощнице обидимымъ, понадѣющимся надѣяніе, сиротамъ заступница, убогимъ кормительнице, печальнымъ утѣшеніе, грѣшнымъ спасевье, хрестьяномъ всимъ вспоможеніе, милостива еси Госпоже! милостью своей помилуй мене, грѣшнаго раба своего Михаила, ризою мя честною защити и умоли въ плотьшагося изъ тебе Бога, пропояши мя силою свыше на невидимыя и видимыя врагы; всемилостивая Владычица Богородице! въздвигни мя изъ глубины грѣховныя и просвѣти ми очи сердечныя и спасенія сподоби мя грѣшнаго раба своего, яко держава Христа Бога нашего съ Отцемъ и Сыномъ и святымъ Духомъ» Възрѣвъ на икону самаго Творца нача глаголати такимъ гласомъ, слезы испущая отъ зѣницю: «нынѣ отпускаеша раба своего Владыко, по глаголу твоему съ миромъ и бѣ видѣти слезы его лежачи на скранью его, яко женчюжная зерна. И тако, стирая слезы убрусцемъ, усне марта въ 14, а въ 21 сложенъ бысть въ гробъ у святаго Феодора, въ огни ему монастыри, приложився къ отцомъ своимъ. Бысть же княженія его Кіевѣ 8 лѣтъ безъ мѣсяца.»

Все въ этомъ разказѣ носитъ типическій характеръ, пиръ съ Олегомъ Черниговскимъ, поднесеніе даровъ, встрѣча въ Смоленскѣ съ сыномъ Романомъ, епископомъ «и мало не весь градъ изыде противу ему», отношенія къ новгородцамъ, которые клянутся разлучиться съ княземъ только смертью (а смерть-то такъ близка!), желаніе князя лечь въ Кіевѣ и вставка о прежнемъ желаніи его постричься, «еда приде ему вѣсть изъ Чернигова о Святославѣ смерти Ольговича», о любви его къ чернцамъ и братьямъ и объ увѣщаніи ему игумена Поликарпа, — наконецъ повѣствованіе о смиренной ковчигѣ. Повторяю оиать, художество ли это лѣтописи или высшее художество событій, но всѣ идеальныя черты охранника и нарядника совокупились въ образѣ Ростислава, въ эту торжественнѣйшую минуту его жизни, — но увы! торжественнѣйшая минута есть въ тоже время и смерть. Достоинно замѣчанія то обстоятельство, что всѣ подробности торжественнаго шествія послѣдняго, всѣми признаваемого кіевского нарядника и судьи (ибо вскорѣ за снмъ Кіевъ впервые взять на копье и развѣнчанъ), а равно и его смерти, подробности, въ которыхъ несмотря на быстроту прохожденія ихъ передъ читателемъ, не опущена ни единая черта изъ идеала стараго наряда, въ которыхъ то слышится, что «было пированье почестный пиръ», то отзывается семейное начало, то звучать завѣтныя слова договоровъ Новагорода великаго съ князьями и клятва новгородцевъ: «оли съ нимъ смертью разлучити», вѣющая чѣмъ-то

грустно-прокическимъ, ибо смерть у князя за плечами, въ которыхъ накопедь къ типу народному присоединяется образъ еще болѣе возвышенный и просвѣтленный жаждою пустыни, лавры печерской, всѣ эти подробности, записанныя лѣтописью старого наряда, лѣтописью кievской, не существуютъ въ лѣтописи новаго наряда въ суздальской. Только уже въ московской лѣтописи, въ которой стерты всѣ старыя сочувствія и всѣ старыя вражды, Ростиславу Мстиславичу возвращенъ его типическій лякъ, хотя значительно потускнѣвшій и поблѣднѣвшій отъ сокращеній.

Ростиславъ, это типъ простого, обладающаго чисто отрицательными, но до просвѣтленія возвысившимися свойствами человѣка, типъ высокаго смиренія и покорности наряду, умиляющей душу и сіяющей тѣми слезами, которыя одинаково сохранили, какъ существенно-типическое, и кievская и московская лѣтописи: «И бѣ видѣти слезы его, лежащи на скравію его, яко жемчужная зерна свѣтлая, и тако отирая слезы убрुцдемъ усне». Но этотъ типъ не Мономахъ, не борець за коренныя народныя начала. Этотъ типъ есть идеально-правый и свѣтлый тогда только, когда нѣтъ героя, нѣтъ Мономаха, когда онъ одинъ между гордыми и своекорыстными бойцами. Вотъ въ чемъ его правота, въ чемъ его значеніе. Придавать ему большее, значитъ идти слишкомъ далеко.

У

Естественное дѣло, что именно эта исторія XII вѣка представляется совершенно иною съ точки зрѣнія теоріи родового быта.

Всѣ сочувствія ея, этой неумолимой теоріи, конечно на сторонѣ сѣверовосточнаго типа, хотя и на этотъ типъ смотритъ она въ высшей степени односторонне. Въ лѣтописяхъ онъ разумѣется является полнѣе и жизненивѣе.

Такъ напримѣръ въ представленіи теоретиковъ мало ясенъ Всеволодъ Георгіевичъ, а онъ первый очеркъ сѣверовосточнаго вотчинника со всѣми, далеко уже не величавыми, а чисто-промышленными сторонами характера; со всею ловкостью ума, которому суждено впоследствии въ его пресмыкахъ и въ лицѣ бояръ московскаго государства ловить рыбу въ мутной водѣ удѣльщины и татарскаго ига. Натура сѣверная, т. е. соединеніе величайшей страстности съ невозмутимымъ и ни передъ чѣмъ не останавливающимся хладнокровіемъ, тонкой расчетливости и проворства съ страшной широтою природы въ добрѣ и злѣ, благодушія, но не такого, какое сгубило Мстислава Мстиславича въ Галичѣ, а благодушія, происхо-

лящаго отъ широты же умственнаго захвата съ неумолимою мстительностью, натура котораго явится потомъ и Георгіемъ Даниловичемъ и Дмитріемъ Донскимъ, двумя рѣзкими отраженіями ея двойственной сущности!

Великая ошибка историковъ—теоретиковъ въ представленіи этого сѣверовосточнаго типа, смѣнившаго типъ новгородскій, или что тоже, кіевскій, въ томъ, что они хотятъ смотрѣть на него, какъ на продолженіе того же самаго типа, что они не понимаютъ единства великорусскаго начала въ сторахъ, впоследствии между собою борющихся, не слѣдятъ одинаковости физиологическихъ чертъ въ борцахъ. Старый типъ гибнетъ въ послѣднихъ тверскихъ князьяхъ и отторгается отъ московскаго единства въ бытіи Новгорода, и эта-то борьба есть поистинѣ трагическая. Сердце Карамзина ей глубоко сочувствовало; теорія заставила централизаторовъ видѣть въ ней одну только борьбу противообщественныхъ стихій съ стихіями общественными. А дѣло тутъ проще: это стихія юнаго общества, застигнутаго врасплохъ въ своемъ развитіи татарскимъ пашествіемъ. Пора намъ, понимая подвиги нашихъ московскихъ предковъ съ любовью и почтеніемъ, съ одинаковыми же любовью и почтеніемъ отнестись и къ тому слою, который лежитъ подъ слоємъ ихъ жизни. Централизаторы искусственно проводятъ связь между этими стихіями и тѣми, которыя въ московскомъ государствѣ гибнутъ въ послѣднихъ московскихъ удѣльныхъ смутахъ при Иванѣ III, безобразно бушуютъ въ правленіе Елены и малолѣтство Ивана IV, казнятся грознымъ вѣдненосцемъ и подымаютъ сто головъ своихъ въ междоусобицѣ. Связь тутъ только вишняя до внутренней связи, родственной больше между борющимися стихіями сѣверовосточнаго типа. Ловкіе стряпчие московскаго дѣла перель ханами въ началѣ княженія Василья Темнаго, бояре, сваливающіе вины свои при Иванѣ на прирощенное имъ якобы тупоуміе и слабоуміе, все это только стороны сѣверовосточнаго типа, стороны, образовавшіяся подъ вліяніемъ татарщины, непризнаваемой теорією или признаваемой ею только какъ актъ провидѣнія, изворотливости и криводушія, соединенныя съ какимъ-то юморомъ въ Ершѣ Ершовичѣ, этомъ народномъ представленіи сѣверовосточнаго типа съ одной его комической стороны, и вмѣстѣ съ тѣмъ необоримая страстность въ достиженіи цѣлей, — черты совершенно сѣверовосточныя, ничего общаго не имѣющія съ чертами новгородско-кіевскаго типа. На сѣверовостокѣ старый типъ сначала столь живой, что онъ живетъ даже въ пригородкахъ, даже въ «мезиннѣхъ» володимерцахъ, блистательно, но на краткій срокъ, сіяющій въ лицѣ Константина Всеволодовича, остался безъ опоръ и палъ окончательно

въ княженіе Донского. Мѣсто его заступилъ новый и въ новомъ тоже началось необходимое разложеніе двухъ его сторонъ. Въ Иванѣ Грозномъ сливаются всецѣло, но болѣзненно-напряженно обѣ стороны — страстность и софистическій юморъ, столь ясно видимый въ его посланіяхъ. Между-тѣмъ у централизаторовъ самъ Иванъ Грозный, несмотря на замѣчательнѣйшія усилія даровитости въ его изображеніи, мало видѣнъ въ своихъ юмористическихъ сторонахъ и слишкомъ оправданъ въ своихъ трагическихъ.

Вездѣ и повсюду школою централизаторовъ попушеніе божіе смѣшивается съ произволеніемъ, и слышится фаталистическій кликъ: «*Vae victis!*»

То страшно-трагическое, что было въ судьбѣ Новгорода, поставленнаго въ необходимость пасть передъ Москвою за отсутствіемъ опоръ, понято напимѣръ школою удивительно. Всѣ фазисы неминуемой катастрофы: паденіе стараго наряда, старой Руси, потоцъ паденіе Твери и наконецъ совершенное обособленіе Новгорода, представляемы ею превосходно, но заключительные выводы столь же случайны, какъ случайно было паденіе стараго наряда. И вотъ тамъ, гдѣ Карамзинъ глубоко сочувствуетъ, — централизаторы враждуютъ; за симъ теорія идетъ уже безтрепетно и послѣдовательно, уничтожая все то доблестное и какъ пышный цвѣтъ распускавшееся, что было въ лютатарской Руси: — князей, охранниковъ стараго наряда, городовую и общинную жизнь, столь сильную, что она и въ новыхъ пригородахъ отзывалась началами старыхъ городовъ. Мѣшаетъ теорія монгольской періодъ — и монгольской періодъ не существуетъ по ея мановенію. Вся земля русская представляется историкамъ-централизаторамъ съ точки ихъ теоріи, въ состояніи какого-то кочеванія и броженія; одно духовенство является силачивающимъ цементомъ. Проще сказать, одна общая, централизующая идея существуетъ для нихъ: все народное, мѣстное, личное отходить въ область звѣрскихъ, противоположенныхъ элементовъ; все отъ мифическихъ преданій до земскихъ отношеній, отъ элементовъ здорово и могуче развивавшихся въ XII вѣкѣ до элементовъ болѣзненно и напряженно отпрыгнувшихъ въ началѣ XVI вѣка.

Печальная теорія и еще болѣе печальная жертва, приносимая историками теоріи! Мрачная картина, на которой татары должны были бы играть самую благодѣтельную роль, еслибъ вліянія ихъ не отвергала теорія, несмотря на свою безпощадную послѣдовательность. Вѣроятно она и отвергала ихъ только во избѣжаніе соблазна.

Отвергая татарщину, теорія отвергаетъ и такъ-называемый норманскій періодъ, т.-е. вліяніе общественнаго быта нормановъ

на быть славянской, между-тѣмъ говоритъ о борьбѣ съ новыми правительственными началами быта, который она называетъ родовымъ или племеннымъ. Этому родовому, племенному быту теорія приписываетъ такую силу, что онъ будто бы дѣйствовалъ въ свою очередь на измѣнившія его начала, до того, что семья Рюриковичей подверглась вліянію родовыхъ отношеній. Завязавшіяся и установившіяся родовыя отношенія, въ свою очередь могущественно дѣйствуютъ на весь общественный бытъ древней Руси, стало-быть дѣйствуютъ уже такъ-сказать вторично, дѣйствуютъ на то изъ чего они вышли. Явно, что вся это путаница взаимодѣйствія происходитъ отъ несчастнаго слова: родовыя начала, а самый узелъ путаницы находится въ старомъ, неразрѣшимомъ вопросѣ призванія варяговъ. Въѣтъ теорія видитъ же, да и не можетъ не видѣть всей огромной разницы отношеній князей дотатарскаго наряда къ общественному быту, съ отношеніями къ нему князей послѣтатарскаго наряда, видитъ такъ же, какъ узелъ послѣдующихъ сѣверовосточныхъ отношеній — отношеній обособленія удѣловъ и промысловъ къ нимъ, отношеній князей-вотчинниковъ, и слѣдитъ внимательно кровавую борьбу, завязывающуюся между старымъ нарядомъ и новыми вотчинными отношеніями, борьбу, которой предѣлъ полагаетъ битва на Калкѣ, гдѣ, по божію поущенію гибнетъ все доблестное стараго наряда, послѣ чего сей послѣдній, лишонный всякихъ опоръ, продолжаетъ свое бытіе въ одномъ только трагически-безсоюзномъ Новгородѣ великомъ, но теорія непремѣнно во что бы то ни стало хочется, чтобы старый нарядъ погибъ по силѣ необходимости, лежавшей въ немъ самомъ, и вотъ почему отвергается монгольскій періодъ, на основаніи того только, что татары жили вдалекѣ. Снявши разомъ тяжкое бремя татарскаго ига, гораздо рѣшительнѣе чѣмъ Дмитрій Донской куликовскою битвою, централизаторы несъма легко и удобно обращаютъ постомъ всѣ начала стараго наряда въ начала противообщественныя, мѣшающія общественному развитію, и на этомъ основаніи казнятъ ихъ вплоть до самаго междоуцарствія включительно. Дѣло между тѣмъ совершенно ясное и запутывать его несостоятельной теоріей родовыхъ отношеній нечего, да ужъ и не лучше ли будетъ и самое слово «родовой бытъ» передать на сторону варяговъ. Дѣло тутъ не въ родовыхъ отношеніяхъ, а въ силѣ централизующей, которая борется съ силами еще живыми, личными, мѣстными, племенными. Покойный К. Аксаковъ въ одной блестящей статьѣ, напечатанной въ третьемъ «Московскомъ Сборникѣ», доказалъ ясно, какъ дважды два — четыре, что соединеніе словъ «бытъ семейный» и «бытъ родовой» есть чистый nonsense, что гдѣ семья, тамъ о родѣ рѣчи быть не

можетъ, что родъ есть gens, кланъ — явленіе, господствующее большею частію въ стравахъ сжатыхъ горами. Но едва ли же не такой поsens есть соединеніе словъ быть родовой и быть племенной, и это только на первый разъ покажется парадоксомъ. Если племя есть дѣйствительно племя, т.-е. будущая народность, извѣстная краска въ общей картинѣ мірозданія, извѣстный живой типъ съ живою же, т.-е. способной къ выраженію, измѣненію (въ своихъ разумѣется началахъ), къ развитію физономіи, то родовой, однообразный бытъ не можетъ остаться въ немъ надолго, ибо живое не можетъ остаться допотопнымъ мастодоннымъ. Родовой бытъ въ такихъ племенахъ есть нѣчто совершенно доисторическое, нѣчто такое, что не уловишь даже какъ опредѣленный моментъ въ исторіи, а гдѣ онъ существуетъ, тамъ онъ представляетъ явленіе застывшее, окаменѣлое, и такое племя годится не въ жизнь, а въ кунсткамеру. Бытъ племенной есть просто бытъ стихій однородныхъ, но разнообразныхъ. Каждая изъ нихъ хочетъ довести свою краску, свою особенность до извѣстной степени густоты и яркости, выстаиваетъ ее, смотря по силамъ ей даннымъ, съ большимъ или меньшимъ усиліемъ, до тѣхъ поръ, пока время столкновенія и сліянія не образуютъ для разнообразнаго, но однороднаго, извѣстнаго центра общей жизни. Вопросъ въ томъ только, самъ ли собою образовался этотъ центръ, т.-е. родился изъ переброженія стихій или наложенъ извнѣ. Если онъ внутренне образовался, то всѣ стихіи уцѣлѣли и каждая получила опредѣленное мѣсто, и узаконилась если не краска, то извѣстный отливъ въ общей картинѣ. Если онъ наложенъ извнѣ, то укореняется не иначе какъ насильственно, съ кровавою борьбою, въ которой впрочемъ стихіи какъ нѣчто живое, вѣчно только придавливаются, а не уничтожаются, и рано или поздно отпрыгаются въ новыхъ формахъ, и разумѣется отпрыгаются болѣзненно, напряженно, какъ то было напимѣръ въ нашемъ междуцарствіи.

VI

Въ настоящее время эта живучесть народностей, мѣстностей, областныхъ началъ подтверждается все болѣе и болѣе новыми фактами. То что смутно предчувствовалось Полевымъ, ясно сознается послѣднею школою нашихъ историковъ, къ которой принадлежатъ, несмотря на существенныя различія между собою, и г. П. Павловъ, первый въ своей безжалостно-оборванной во времена оны диссертации.

ци о царствованіи Бориса высказавшіи мысль о значеніи областныхъ началъ въ нашей исторіи, и г. Костомаровъ, и г. Шаповъ, котораго энергической и многознаменательной дѣятельности суждено можетъ-быть окончательно выяснитъ органическія начала процесса нашей народной жизни.

Но для полноты очерка мы должны указать еще на ученаго, котораго первый трудъ, изданный назалъ тому четыре года, принадлежалъ къ этой же школѣ. Это г. Иловайскій съ его замѣчательной диссертацией: «Исторія рязанскаго княженія». Мы даже остановимся нѣсколько на этомъ опытѣ, одномъ изъ первыхъ относительно къ разработкѣ мѣстныхъ элементовъ, процесса областныхъ началъ, разработкѣ, которая одна только можетъ повести къ полному и живому уразумѣнію нашего народнаго организма.

Г. Иловайскій внесъ въ свое дѣло первый трудъ и довольно глубокое наученіе источниковъ и добросовѣстность и историческое пониманіе, но, что всего дороже, онъ внесъ въ него историческій талантъ и совершенно свободное отношеніе къ предмету. Онъ не распоряжается историческими данными, во имя завѣе данной себѣ теоретической задачи; напротивъ, имъ распоряжались историческія данныя и этими данными опредѣлялись его задачи.

Главнымъ источникомъ его труда служили конечно русскія летописи, преимущественно сѣверныя. Хотя извѣстія о рязанскихъ событіяхъ въ нихъ вообще рѣдки, но вмѣстѣ взятые, составляютъ значительную массу фактовъ. Самую твердую опору для изслѣдованій, какъ говоритъ г. Иловайскій, представляютъ договорныя и жалованныя грамоты, разсыяныя въ изданіяхъ археологической комиссіи и въ собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ. Иностраннхъ извѣстій о древнерязанскомъ краѣ очень мало, но замѣтимъ, что этимъ малымъ количествомъ, нашъ молодой изслѣдователь умѣлъ воспользоваться прекрасно.

Кромѣ этихъ главныхъ источниковъ, г. Иловайскій упоминалъ обо всѣхъ трудахъ своихъ предшественниковъ въ дѣлѣ исторіи рязанскаго края, какъ-то: о сборникѣ рязанскихъ достопамятностей, о сочиненіяхъ г. Воздвиженскаго, о собраніи грамотъ и актовъ г. Паскарева. «Излагая, говоритъ онъ, исторію рязанскаго княжества, я имѣлъ въ виду слѣдующее: во первыхъ, привести въ извѣстность и дать единство фактамъ, до сихъ поръ разрозненнымъ и отрывочнымъ; во вторыхъ, указать на самыя важныя эпохи, которыя переживало княжество, и втретьихъ, по возможности проникнуть въ его внутренній бытъ. Хотѣлось бы дать болѣе мѣста послѣдней, бытовой сторонѣ и остановиться на духовной жизни наро-

да; но здѣсь историкъ встрѣчаетъ сильныя затрудненія, по крайней скудости источниковъ и отсутствію предварительныхъ изслѣдованій.»

На вѣтъ разумѣется и суда вѣтъ, но для насъ чрезвычайно важно самое желаніе автора проникнуть въ эту бытовую жизнь рязанскаго края, и мы можемъ вѣрить ему на слово относительно скудости источниковъ по этой части, ибо, какъ видно изъ многихъ мѣстъ его книги, онъ знаетъ край не по однимъ только лѣтописямъ и вообще письменнымъ памятникамъ. Его яркія описанія мѣстностей, на которыя укажемъ мы въ своемъ мѣстѣ, свидѣтельствуютъ о его близкомъ и живомъ знакомствѣ съ той страной, которой онъ взялся быть историкомъ; а очерки личностей, съ желаніемъ воссоздать типически рязанскія черты, показывають, если еще не настояще знаніе народа, то по крайней мѣрѣ попытку узнать его. Г. Иловайскій, въ концѣ своего предисловія, справедливо замѣчаетъ, что бытовая, внутренняя сторона невозможна для изображенія, пока не будутъ собраны и изданы въ значительномъ количествѣ мѣстные преданія, пѣсни, повѣрья, остатки прежнихъ обычаевъ. Не имѣя ни малѣйшаго права думать, чтобы онъ все не былъ знакомъ именно съ этими, упоминаемыми имъ источниками, ни даже упрекать его въ томъ, что онъ мало ими воспользовался, ибо они дѣйствительно доселѣ еще несобраны и неизданы, а на вѣтъ, какъ уже сказано, и суда вѣтъ, — мы не можемъ однако не пожелать, чтобы въ дальнѣйшей своей дѣятельности по части исторіи рязанскаго края, г. Иловайскій проникся какъ можно болѣе изученіемъ этой бытовой стороны, важность и значеніе которой онъ такъ ясно и хорошо понимаетъ. Мы увѣрены, что тогда исторія рязанскаго княжества прямо уже обратится въ исторію рязанскаго края, и безъ сомнѣнія, уже не окончатся 1534 годомъ, т. е. смертію послѣдняго князя Ивана, а пойдетъ до времени междоусобствія, можетъ-быть и далѣе. Въ сущности, главный и даже единственный урокъ труда г. Иловайскаго заключается въ томъ, что трудъ этотъ есть только исторія рязанскаго княжества, тогда какъ вездѣ у автора проглядываетъ стремленіе писать исторію Рязани, какъ одного изъ элементовъ, изъ которыхъ сложилась русская земля, и всюду чувствуется живая вѣра его въ самость, особенный цвѣтъ и особенную жизнь этого элемента.

Пока разумѣется надобно удовлетвориться тѣмъ, что авторъ намъ даетъ самъ, тѣмъ болѣе, что и въ этой первой его попыткѣ выражаются стремленія, которымъ мы живо и глубоко сочувствуемъ, встрѣчаются мысли, которыя, безъ малѣйшей мести, мо-

гутъ быть названы блистательными; очерки, которые объщаютъ въ будущемъ полныя картины.

Теперь переходимъ къ обзору самого сочиненія.

Глава первая заключаетъ въ себѣ обозрѣніе временъ до перваго обособленія рязанскаго княжества при Ярославѣ Святославичѣ. Рѣчная область Оки въ первый разъ является въ исторіи съ обитателями финскаго или чудскаго племени. Авторъ не безъ основаній изъявляетъ желаніе, чтобы путемъ чисто историческихъ, или даже филологическихъ изслѣдованій, уяснилось для насъ поскорѣе значеніе этого загадочнаго племени финновъ, которыхъ жилища при началѣ русской исторіи, по мнѣнію автора, простирались гораздо далѣе къ юговостоку, нежели обыкновенно полагаютъ. Г. Иловайскій, согласно съ Френомъ и другими, считаетъ и болгаръ и козаръ, за вѣтви какого-то стародавнаго племени аровъ и вообще финновъ, а племя мордву за остатки аровъ; но не идетъ ли онъ можетъ-быть слишкомъ далеко, отыскивая въ названіяхъ мѣсть уже не рязанскихъ, а совершенно южныхъ, какъ на примѣръ Кіевъ, слѣдовъ языка арскаго.

Движеніемъ радимичей и вятичей авторъ весьма справедливо не прекращаетъ исторіи славянской колонизаціи, но окскаго и вообще по волжскаго края. «Пусть этотъ край на время ускользаетъ отъ вниманія русскихъ князей, говорятъ онъ, но связь главныхъ центровъ русской жизни съ нимъ не прекращается, благодаря дѣятельному содѣйствію новгородцевъ.» Авторъ допускаетъ два колонизирующихъ движенія: новгородское въ отношеніи къ сѣверовостоку и по Волгѣ, и движеніе изъ югозападной Руси, по Окѣ (Олеги, Святославъ, Владиміръ) съ подчиненіемъ вятичей кіевскимъ князьямъ; верховья Оки входятъ въ составъ русскихъ владѣній, и по дѣленію ярославоу, отходятъ, какъ и вся долина Оки, къ черниговскому удѣлу и любечскимъ сѣздамъ совершенно укрѣпляются за родомъ Святослава Ярославича. Подобная обширность владѣній одного рода, замѣчаетъ г. Иловайскій, нисколько не смущала остальныхъ князей. «Вся эта лѣсная глушь имѣла въ ихъ глазахъ очень мало цѣны.» Святославичи долго не могутъ помириться съ угромою природою своихъ удѣловъ и обнаруживаютъ стремленія къ заѣтному придвигивовью. Гориславичъ, какъ зоветъ г. Иловайскій, по слову о полку Игоревѣ, Олега Святославича, только вслѣдствіе смоленской неудачи оборотился на юговостокъ и пошелъ къ Рязани. Мѣсто Рязань, какъ извѣстно, впервые упоминается по этому поводу въ лѣтописи, и авторъ останавливается здѣсь на происхожденіи: какъ Рязани, такъ и другихъ славянскихъ городовъ. Правъ

ли онъ или нѣтъ, давая въ этомъ случаѣ такое исключительное значеніе строительной дѣятельности князей, мы незнаемъ, но во всякомъ случаѣ онъ удивительно живо и отчетливо изображаетъ рубленіе городовъ, такъ что мы многимъ изъ историковъ цѣлой Россіи пожелали бы мы такой живой и поэтически правдивой изобрѣтательности.

«Строительная дѣятельность, говоритъ онъ, особенно усиливается со временемъ Владиміра святого и Ярослава I. Стукъ топора и смѣшанные человѣческіе голоса съ тѣхъ поръ постоянно нарушаютъ спокойствіе дремучихъ лѣсовъ на сѣверовостокъ Россіи. Нѣсколько десятковъ домиковъ съ землянымъ валомъ вокругъ показываются нацѣ рѣкою, въ тѣни зеленыхъ рощъ, и путникъ, плывущій въ лодкѣ, замѣчаетъ въ окрестностяхъ движеніе, а иногда различаетъ остроковечную кровлю съ крестомъ, и слышитъ звонъ била, призывающаго на молитву, въ мѣстахъ, гдѣ не задолго передъ тѣмъ печально каркали вороны, бѣлки прыгали по деревьямъ, торопливо пробѣгали лисицы и другіе звѣри, да взрѣдка хрустѣли вѣтви подъ тяжелою лапою медвѣдя, или изъ чащи показывалась непривлекательная фигура дикаря, съ головы до ногъ закутаннаго въ звѣринныя шкуры.»

Авторъ не рѣшаетъ, да и не могъ при недостаткѣ историческихъ данныхъ разрѣшить положительно вопроса о времени основанія Рязани, но спрашивая какимъ именно княземъ она основана, онъ приноситъ жертву своей гипотезѣ объ исключительно-княжеской строительной дѣятельности. Да какими князьями основаны, не говоримъ уже Новгородъ и Кіевъ, а Любечъ, Смоленскъ, Ростовъ, Суздаль, даже хотъ Кострома, даже Тверь, хотя и должно допустить вѣстѣ съ г. Бѣляевымъ, что эта послѣдняя не была изстарин центромъ племени кривичей, а замѣнила только старый центръ. Какъ основана самая Москва? Вѣдь первое извѣстіе о ней говоритъ только, что въ ней былъ Юрій Долгорукій, точно такъ же, какъ первое извѣстіе о Рязани говоритъ только, что къ ней пошелъ Гориславичъ.

Авторъ кончаетъ первую главу смертію Ярослава Святославича и настоящимъ обособленіемъ княжества рязанскаго. «Съ Ярославомъ, говоритъ онъ, оканчивается тѣсная связь между княжествами чернигово-сѣверскимъ и мурома-рязанскимъ. Еще вниманіе Ярослава обращено на югъ; онъ дѣлаетъ усиліе, чтобы утвердиться въ припадѣнствѣ, но сыновья его уже не возобновляютъ никакихъ притязаній на старшинство въ родѣ Святославичей и не думаютъ покидать своихъ сѣверовосточныхъ волостей для того, чтобы отыски-

вать вострѣнныя земли на югѣ. Съ того времени среднее теченіе Оки все болѣе и болѣе выдѣляется изъ общей системы утѣловъ и начинаетъ жить своею собственною живнью, подобно княжеству полоцкому и галицкому.»

Сравненіе обособленія Рязани съ обособленіемъ полоцкаго и въ особенности галицкаго княжества чрезвычайно вѣрно. Обособленіе Рязани, какъ особеннаго замкнутаго міра, въ который кромѣ началъ, общихъ развитію всей Руси, развивались еще начала свои, мѣстныя, племенные, точно также, какъ и въ галицкой землѣ, гдѣ развилось напрямѣрь въ видѣ мѣстнаго явленія боярство, имѣло характеръ совершенно особенный, даже и въ послѣдующія времена, такъ что его нельзя сравнить ни съ невольнымъ и трагическимъ обособленіемъ Новгорода-великаго, ни съ таковымъ же Твери. Новгородъ и Тверь выстаивали общее, т. е. старыи нарядъ; Рязань выстаивала и выстаивала долѣе ихъ свою замкнутость, особенность. Г. Иловайскій кажется понимаетъ это, какъ видно изъ всего послѣдующаго его изложенія, нигдѣ не высказываетъ этой мысли съ достаточною явностію.

Глава вторая объемлетъ пространство отъ 1129 до 1237 года. Хотя она посвящена преимущественно описанію многочисленныхъ, и не всегда интересныхъ войнъ, но и здѣсь удволены весьма вѣрно черты борьбы Рязани съ Суздалью за самостоятельность, т. е. первый актъ, какъ онъ называетъ (и замѣтимъ, весьма справедливо, желая представить драму какъ драму), этой борьбы — борьбы Ростислава Ярославича съ Юріемъ Долгорукимъ и потомъ послѣдующіе моменты. Между-тѣмъ въ это время славянская колонизація шла своимъ путемъ. «Посреди лѣсовъ и стеной, замѣчаетъ г. Иловайскій, — на крутыхъ берегахъ рѣкъ, являлись укрѣпленные пункты или такъ-называемые города, число которыхъ растетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ. Въ географическомъ отношеніи для юго-восточной Руси XII столѣтія особенно важны походы Святослава Ольговича Сѣверскаго въ 1146 и 1147 годахъ. Темная зелень лѣсовъ, скрывавшая до того времени отъ вниманія исторіи землю вятичей и западную часть рязанскаго княжества, проясняется: мы открываемъ здѣсь присутствіе довольно густого населенія и многочисленные города, а именно: Брянскъ, Карачевъ, Козельскъ, Мценскъ, Тулу, Дѣдславль, Колтескъ, Пронскъ, Елецъ, Осетръ, Лобынскъ, Тѣшиловъ и Неринскъ.»

Авторъ замѣчаетъ при этомъ, что «построеніе новыхъ городовъ конечно было дѣломъ князей, хотя дѣтописи рѣдко указываютъ на нѣ

на эту сторону ихъ дѣятельности.» А кому же намъ вѣрять какъ не лѣтописцамъ ?

Второй актъ борьбы съ Суздалью г. Иловайскій кончаетъ совершеннымъ подчиненіемъ Рязани Всеволоду Юрьевичу. Въ этомъ актѣ онъ уже начинаетъ выставлять особенныя рязанскія стороны характеровъ князей и упрямый Глѣбъ Рязанскій, несмотря на сухость лѣтописныхъ извѣстій, получаетъ у него нѣкоторую опредѣленность; какъ борьба его, такъ и причины его неудачъ объяснены по возможности полно. «Глѣбъ — говоритъ г. Иловайскій — съ успѣхомъ могъ вмѣшиваться въ дѣла сосѣдняго (суздальскаго) княжества и даже быть для него грознымъ, но только до тѣхъ поръ, пока оно страдало отъ внутреннихъ безпорядковъ и усобицъ. Лишь только Михаилу и потомъ Всеволоду удавалось соединить владимирцевъ, суздальцевъ, ростовцевъ и переяславцевъ, борьба съ ними опять становилась не подъ силу рязанскому князю. Притомъ же, не отказывая Глѣбу въ дѣятельномъ, мужественномъ характерѣ, мы имѣемъ полное право обвинить его въ недостаткѣ благоразумія и провидительности. Онъ не сумѣлъ оцѣнить ни Ростиславичей, ни Юрьевичей, и не рассчитавъ средствъ, довелъ борьбу до крайности». Вотъ что значитъ не быть увлеченнымъ никакой теоріей въ исторической фатализмъ. По историческому фатализму вышло бы дѣло такъ, что Глѣбъ палъ, потому что долженъ былъ пасть, какъ вообще долженъ былъ всегда падать старый нарядъ передъ новымъ суздальскимъ нарядомъ !

За симъ оканчивая съ Глѣбомъ, г. Иловайскій замѣчаетъ: «полкѣніе рязанскихъ ярославичей по характеру своему конечно стояло ближе къ князьямъ южной Россіи, нежели къ своимъ сѣвернымъ сосѣдямъ: подобно первымъ, они предпочитали рѣшать споры судомъ божіимъ и не придерживались осторожной расчетливой политики послѣднихъ.»

Мы не станемъ слѣдить за всѣми актами борьбы Рязани съ Суздалью, но займѣмъ только провидительность и притомъ осторожную провидительность историка въ темномъ дѣлѣ епископа Порфірія черниговскаго, осыпаннаго ударами лѣтописи, который явно виноватъ только тѣмъ, что не совѣтовалъ рязанскимъ князьямъ принимать тяжкія условія, предложенныя имъ Всеволодомъ Юрьевичемъ и не можемъ не порадоваться отсутствію фаталистическихъ теорій, высказавшемуся какъ въ этомъ разказѣ, такъ и въ послѣдующемъ о дѣлѣ несчастныхъ Глѣбовичей.

Глава III посвящена внутреннему состоянію рязанскаго княжества и начинается истинно-прекраснымъ обозрѣніемъ природы ря-

занскаго края и обзорнiемъ путей славянскои колонизаціи. Главное и самое естественное направленіе, которому подчинилось движеніе рязанскои колонизаціи, пошло вверхъ по Окѣ; она служила проводникомъ славянскои гражданственности въ мещерскую глушь и была жизненною артеріею для цѣлаго края. Притомъ — прибавляетъ г. Иловайскій — борьба между рязанскимъ и сосѣднимъ суздальскимъ княжествомъ началась уже съ конца XI столѣтія, слѣдовательно являлась насущная потребность оградить себя крѣпостями съ этой стороны. Правый берегъ Оки на всемъ протяженіи рязанскои области господствуетъ надъ лѣвымъ; мѣстами онъ довольно высокъ, обрывистъ и въ прежнія времена представлялъ много удобныхъ пунктовъ для укрѣпленія. Дѣйствительно, въ концѣ XII и въ началѣ XIII в., мы находимъ здѣсь цѣлый рядъ крѣпостей. Самыми очевидными слѣдами ихъ существованія служатъ остатки земляныхъ валовъ, кое-гдѣ уцѣлѣвшіе по крайнамъ крутого берега; другіе напоминаютъ о себѣ названіями селъ и деревень, каковы Городецъ, Городище, Городецкая и проч. Кромѣ главнаго направленія по Окѣ, г. Иловайскій слѣдитъ еще побочное по рѣкѣ Пронѣ и разсматриваетъ ядро рязанскаго княжества — подобіе треугольника, котораго вершина опиралась на городъ Рязань, а бока расходились по Окѣ и Пронѣ. За сѣмъ авторъ переходитъ къ муромскому удѣлу, опредѣляетъ значеніе сосѣдства мордвы и половцевъ, которое должно было непремѣнно задерживать внутреннее развитіе рязанскаго княжества и должно было положить своего рода печать на формы быта. Къ сожалѣнію по скудости источниковъ, а можетъ-быть еще по недостаточному проникновенію въ народный бытъ, прекрасная мысль о необходимости такой печати осталась у автора только логическою посылкою, логически-вѣрною, но еще безсодержательною. Отчасти впрочемъ, но и то въ видѣ намека, г. Иловайскій стремится уяснить значеніе извѣстныхъ словъ лѣтописи о характерѣ рязанцевъ («мужи буи — людища Оки людища») анализомъ свойствъ славянскихъ и неславянскихъ племенъ, входившихъ въ составъ народонаселенія края. Все это схемы, но и подобныя схемы суть уже заслуги. Можно надѣяться, что болѣе глубокое ознакомленіе автора съ народнымъ бытомъ наполнитъ современемъ эти схемы живыми чертами. Изъ этихъ логически-вѣрныхъ посылокъ онъ выводитъ характеристику князей рязанскихъ и народа. При всей своей жестокости, — замѣчаетъ онъ, — впрочемъ характеръ рязанцевъ не былъ лишонъ другихъ, болѣе привлекательныхъ качествъ: таковы неукротимая отвага или склонность къ молодечеству и постоянная преданность своимъ князьямъ. Мы по-

ставили бы здѣсь скорое постоянное стремленіе къ обособленію и къ князьямъ, какъ представителямъ этого обособленія. Авторъ не упускаетъ изъ виду и характера друживниковъ. Болгарское сословіе оказывало довольно сильное вліяніе на событія рязанскаго княжества. Это вліяніе — говоритъ онъ — особенно проглядываетъ въ усобицахъ, и во многихъ случаяхъ бросаетъ довольно невыгодный свѣтъ на самое сословіе. Онъ отмѣчаетъ неоднократное убійство тысяцкихъ, какъ явленіе, намекающее на что-либо болѣе общее, нежели просто личная вражда.

Глава IV^а отъ 1237 до 1350 г. Въ эпоху татарскаго нашествія, на долю рязанскаго края выпала первая страдательная роль, и страдательную ролью опредѣляется вся послѣдующая судьба его. Земля рязанская въ особенности сильно пострадала отъ татарскаго нашествія и память объ этомъ страданіи запечатлѣлась въ рязанскомъ сказаніи о нашествіи Батыя, которое по мнѣнію автора принадлежитъ сочинителю сказанія о принесеніи корсунской иконы. Г. Иловайскій превосходно воспользовался въ своемъ изложеніи татарскаго нашествія и лѣтописцами и сказаніемъ, насколько позволяла ему сжатость диссертациі.

Въ особенности хорошо изображено авторомъ состояніе края послѣ татарскаго погрома.

«Если — говоритъ онъ — и обратиться къ внутреннему состоянію рязанскаго княжества въ первый вѣкъ монгольскаго владычества, мы не можемъ представить утѣшительной картины. Княжество, насколько позволяютъ судить источники, плохо оправдалось отъ татарскаго погрома. Главною причиною того было невыгодное географическое положеніе. Надъ рязанскою землею, болѣе нежели надъ какою-либо другою частью Россіи, тяготѣло варварское иго. Какая могла быть безопасность въ странѣ, неизмѣющейся естественныхъ границъ и совершенно открытой съ юговостока, въ сосѣдствѣ съ варярами, которые не пропускали ни одного удобнаго случая пограбить русскіе города и селенія, а при отсутствіи безопасности, могло ли населеніе, въ особенности сельское, много заботиться объ улучшеніи своего хозяйства? Завидѣвъ густое облако пыли или отдаленное зарево пожара, народъ спѣшилъ собирать свои семейства и стада; захватывалъ то что можно было унести съ собою, и если успѣвалъ, спасался въ сосѣдствіе лѣса; бѣлныя хижины оставались на жертву огня, а необранная жатва исчезала подъ копытами татарскихъ коней. Жители поэтому искали болѣе безопасныхъ мѣстъ для поселенія и цѣлыми толпами шли далѣе на сѣверъ, особенно въ московскія владѣнія, сравнительно наслаждавшіяся гораздо болѣе

шимъ спокойствіемъ. Хотя митрополичьи грамоты упоминають о городахъ по Хопру и Воронѣ, но источники нигдѣ не называютъ ихъ по имени и трудно себѣ представить что это были за города и какъ велико было населеніе той страны, когда мѣста, гораздо ближайшія къ центру рязанскаго княжества, напримѣръ берега верхняго Дона, въ концѣ XIV вѣка все еще представляли развалины и запустѣніе; въ самой срединѣ княжества до второй половины XIV вѣка не встрѣчаемъ новыхъ городовъ. Варварскій элементъ въ составѣ населенія до XIII вѣка еще болѣе усилился новыми толпами половцевъ и татаръ. При такихъ обстоятельствахъ разумѣется нельзя ожидать, чтобы смягчилась та суровость нравовъ, о которой мы говорили. Лѣтописи изображаютъ намъ рязанцевъ XIV вѣка людьми свирѣпыми, гордыми и въ тоже время коварными и робкими. Несмотря на явное пристрастіе, въ этомъ изображеніи есть значительная доля правды; только въ трусости рязанцевъ упрекать вѣтъ основанія, и пораженія, которыя они терпѣли иногда отъ москвитянъ, скорѣе можно объяснить излишнею отвагою и плохимъ состояніемъ военнаго искусства, нежели робостью.»

Изъ этихъ причинъ выводитъ авторъ и всю политику рязанскихъ князей, которая состояла, какъ можно вывести изъ его изложенія: 1) въ покорности ханамъ, немѣшавшей имъ однако расправляться оружіемъ съ толпами кочевниковъ, самовольно приходившихъ грабить ихъ волости; 2) въ охраненіи своей самостоятельности отъ Москвы усиливавшемъ покорность ханамъ. Мѣшали же самостоятельности Рязани: 1) усиленіе Москвы и 2) распаденіе самаго края на два удѣла (рязанскій и пронскій), равно желавшіе обособленія, чѣмъ московскіе князья разумѣется пользовались.

«Трудно представить, — заканчиваетъ г. Иловайскій, — характеристику самой отличности рязанскихъ князей во второй половинѣ XIII вѣка и въ первой XIV; они появляются въ исторіи всегда мимоходомъ, большею частью по поводу своей кончины, а нѣкоторые извѣстны только по имени, такъ что не оставляютъ послѣ себя никакого опредѣленнаго образа. Только два лица нѣсколько выдѣляются изъ ряда двѣнадцати или тринадцати князей: съ одной стороны останавливаетъ наше вниманіе Романъ Ольговичъ, окруженный ореоломъ христіанскаго мученика; а съ другой, какъ противоположное явленіе, мрачная тѣнь Коротопола. Конечно убіеніе родственниковъ свидѣтельствуетъ о жестокомъ характерѣ князей и грубѣлыхъ рязанскихъ нравахъ; надобно вспомнить однако, что подобныя примѣры встрѣчались въ тѣ времена не въ одной Рязани

и не производилъ повидимому особенно сильнаго впечатлѣнія на народъ.»

Глава V отъ 1350—1402 г. содержитъ въ себѣ княженіе Олега Ивановича и составляетъ самую блистательную сторону книги г. Иловайскаго: Княженіе Олега Ивановича является у него по справедливости кульминаціоннымъ пунктомъ исторіи рязанскаго края, а самъ Олегъ полнымъ и цѣльнымъ, если еще не художественно-представляемымъ, то вѣрно характеризованнымъ и со всѣхъ сторонъ объясненнымъ типомъ. Можно сказать, что нашъ молодой ученый окончательно снялъ съ великаго мужа Рязани всѣ нелѣпыя обвиненія въ измѣнѣ, и притомъ не во имя теоріи, а во имя народнаго чувства. Онъ воспользовался здѣсь всѣми, и лѣтописями и грамотами и путешествіями для характеристики своего героя и его времени. Приводимъ общіе выводы его объ Олгѣ: Приводя отрывокъ изъ путешествія митрополита Пимена въ Царь-градъ 1389 г. г. Иловайскій говоритъ:

«Въ этомъ описаніи, хотя объ Олгѣ Рязанскомъ говорится мимоходомъ, но его патриархальный образъ очень рельефно возвышается надъ всѣмъ окружающимъ. Онъ распоряжается какъ полномочный хозяинъ въ предѣлахъ своего княжества, окруженный дѣтьми и многочисленною дружиною; радушно угощаетъ почтенныхъ странниковъ; заботится объ ихъ удобствахъ и безопасности на всемъ пути.»

«Любя пиры и военную славу (авторъ приводитъ въ примѣчаніи отрывокъ изъ народной пѣсни о пирахъ Олега), Олегъ не былъ изъ числа тѣхъ безпечныхъ князей, которые большую часть правительственныхъ заботъ предоставляли намѣстникамъ и слугамъ и давали имъ въ обиду мирныхъ жителей. Объ этой дѣятельности какъ внутренняго устроителя и усерднаго защитника, краснорѣчивѣе всего говорить любовь и глубокое уваженіе, которыя рязанское населеніе сохранило къ памяти своего князя до самаго отдаленнаго потомства. Въ этомъ отношеніи онъ принадлежитъ къ тѣмъ историческимъ личностямъ, которыя отражаютъ въ себѣ характерическія черты извѣстной эпохи и извѣстнаго народа, закрывая своею тѣнью и предшественниковъ и преемниковъ. Дѣйствительно, лицо Олега вполне типично; въ немъ ярко обозначались главныя стороны рязанскаго характера, эта смѣсь упрямства и безпокойной энергіи съ эгоистическою натурою, качества, которыя у Олега смягчались многими талантами, гибкостью ума и стремленіями, нелюбовными нѣкоторой величавости.

«Весь періодъ самостоятельнаго княжества для рязанцевъ сосре-

доточился въ одномъ Олегѣ; болѣе они не помнятъ ни одного князя. Съ этимъ именемъ связана большая часть остатковъ старины, разбросанные по долинѣ средней Оки и большая часть народныхъ преданій.

Не знаемъ, насколько это вѣрно, но отъ многихъ рязанцевъ слышали мы, что князь Олегъ — Гавриилъ чтился и даже чтился какъ мѣстный святой и что существуютъ еще иконныя его изображенія.

Мы остановились такъ долго на трудѣ г. Иловайскаго, сравнительно съ другими трудами мало извѣстномъ, какъ на первой систематической попыткѣ прослѣдить исторію одного изъ областныхъ элементовъ, — попыткѣ, далеко неполной, даже не совѣтъ послѣдовательной, но во всякомъ случаѣ замѣчательной какъ одна изъ симптомовъ новаго движенія нашей исторической науки.

А. ГРИГОРЬЕВЪ

ЖРЕЦЫ НАУКИ ДЛЯ НАУКИ

(по поводу статьи: «Наука и гениальные люди» въ «Учитель», декабрь, 1862. № 24)

Е cantu agnoscitur avis.

Непріятно видѣть, когда спорятъ люди, которые не могутъ понять другъ друга; еще непріятнѣе когда послѣднее слово, видимый перевѣсъ при помощи всевозможныхъ аргументовъ и риторическихкихъ пріемовъ остается на сторонѣ того, кто въ сущности не правъ.

Такое впечатлѣніе произвела на насъ статья подъ заглавіемъ: «Наука и гениальные люди», напечатанная въ «Учитель», № 24 декабря 1862 года. Неизвѣстный авторъ изливаетъ всю массу своего негодованія, худо скрытаго подъ не совсѣмъ тонкою ироніей на нашихъ кандидатовъ, посланныхъ за границу на казенный счетъ, за то, что въ отчетахъ своихъ (напечатанныхъ въ «Жур. мин. нар. просв.») они осмѣлялись высказать свое мнѣніе о германскихъ профессорахъ и ихъ чтеніяхъ. Положимъ даже (мы собственно этого не предполагаемъ), что они увлеклись, что приговоры ихъ были рѣзки, порицанія не совсѣмъ основательны, но во всякомъ случаѣ они указали на существенный недостатокъ германскихъ университетовъ, несоставляющій тайны ни для кого, что въ Германіи существуетъ наука не для жизни, потому что этой послѣдней не оказывается, а для самой себя. Странно было бы, еслибъ русскіе люди этого не замѣтили. Извѣстно, что Германія есть огромное *forschungsland*, гдѣ люди, отрѣшившіеся отъ міра сего, взобравшись на высоту, подобно Сократу Аристофана, сидятъ въ своихъ корзинкахъ и изслѣдуютъ все что только возможно изслѣдовать въ своихъ занятіяхъ человѣку, опредѣленному не жизни, а личнымъ произволомъ и требованіями науки. Такое неестественное положеніе конечно не остается безъ послѣдствій, и нигдѣ не являлось и не является столько нелѣ-

ныхъ взглядовъ, оставившихъ по себѣ цѣлыя школы (какъ наиримѣръ крейцера), уродливыхъ системъ, крайнихъ мнѣній, какъ въ Германіи, гдѣ литературнаго и ученаго сора несравненно больше, чѣмъ въ другихъ образованныхъ странахъ. Это сознаютъ и сами нѣмцы; для примѣра сошлюсь на то что говоритъ Менцель въ началѣ своей исторіи нѣмецкой литературы. Нечего говорить о другой, свѣтлой сторонѣ германской учености: заслуги ея такъ огромны, всѣми признаны, что цѣпа похвалъ Германіи, будетъ излишна.

Но авторъ указанной статьи въ «Учителѣ» не только не хочетъ признать значительной доли правды въ мнѣніяхъ кандидатовъ, но его возмущаетъ даже мысль, какимъ образомъ они осмѣлились подвергать германскихъ ученыхъ своему сулу и произносить надъ ними притворь.

Неужели одинъ тонъ ихъ выраженія, напоминающій приемы журнальной критики, и можетъ-быть не совсѣмъ приличный въ отчетѣ, возбудилъ въ немъ такое негодованіе и злобу? Да, злобу, — прочтите-ка.

Завѣса, долго скрывавшая отъ нашихъ глазъ нагую истину, сорвана съ нихъ рукою гениальныхъ молодыхъ ученыхъ нашихъ, посланныхъ за границу съ тѣмъ, чтобы совершенствоваться, но вполне способныхъ усовершенствоваться гнилой западъ. Размашистая кисть ихъ стерла въ нашей душѣ малѣйшій слѣдъ уваженія къ трудамъ Момзеновъ, Савиньи и проч. Отвратительными лохмотьями, старымъ полуистлѣвшимся тряпьемъ явилась предъ глазами нашими наука, которой мы до сихъ поръ намѣрены были посвятить свою жизнь. Смѣшно и грубо въ бюрюльки стали казаться намъ лекціи Марквардтовъ, Савиньи и Момзеновъ. Свѣтло стало у насъ на душѣ: мы освободились отъ предешаго, сбросили съ себя иго преданій и убѣжденій вчерашняго дня. Мы обновились прикосновеніемъ къ гению молодыхъ людей, гг. Модестова и Новоселова, Мы никого и ничего не уважаемъ! ура! Не надо учиться: наука дрянъ, тряпье, глупая бодтовня, хилый бредъ... Что Момзенъ? Что Савиньи? Что Марквардтъ? Знать не хотимъ ихъ! Гг. Модестовъ и Новоселовъ сказали намъ, что они несутъ вздоръ... Ну, а гг. Модестовъ и Новоселовъ авторитеты повыше Момзеновъ, Савиньи и Марквардтовъ. Кто у насъ знаетъ какого-нибудь Момзена или Гаупта? Почти никто. Ну, а гг. Модестова и Новоселова очень многіе знаютъ за гениевъ, съ которыми и спорить смѣшно, которые все знаютъ и какого-нибудь Момзена или Гаупта могутъ въ карманъ запрятать и т. д.

Когда мы были въ недоумѣніи, стараясь понять причину этой злобы, намъ пришло въ голову забавное предположеніе и мы никакъ не можемъ воздержаться отъ вскушевія сообщить его читате-

дѣль, недоумѣніе или лучшае подозрѣніе, что вѣроятно авторъ-нѣмецъ и раздраженный мыслию, что русскіе кандидаты осмѣлились высказать о нѣмецкихъ профессорахъ мнѣніе, да еще не совѣтъ благопріятное, вступался за своихъ собратьевъ. Всякій, кто прочтетъ эту статью согласится съ нами, что она переводъ съ нѣмецкаго, и намъ нечего для русской публики входить въ подробныя доказательства.

Мы думаемъ остановиться на взглядахъ автора. Гг. кандидаты высказываютъ мысль, что университетскія лекціи и учено-спеціальныя изслѣдованія — двѣ вещи различныя и не должны быть смѣшиваемы. Автору эта мысль кажется величайшею неаппетитностью. И онъ, какъ нѣмецъ, правъ: съ точки зрѣнія нѣмецкихъ университетовъ это неаппетитность. Съ нѣмецкой точки гг. кандидаты были не правы, что вздумали судить лекціи нѣмецкихъ профессоровъ, на основаніи потребности и условій русской образованности. Каждый долженъ судить по своимъ законамъ. Бекъ, который по цѣлымъ часамъ толкуетъ о томъ, какое нужно поставить удареніе въ томъ или другомъ словѣ въ германскомъ университетѣ на своемъ мѣстѣ, и это доказывается его многочисленными слушателями и тѣми успѣхами, которые сдѣлала въ Германіи филологія. Онъ посвящаетъ свою жизнь спеціальному изслѣдованію одного предмета, онъ дѣлаетъ въ немъ новыя открытія, онъ безкорыстно приноситъ въ жертву всего себя наукѣ и безъ сомнѣнія достоинъ величайшаго уваженія. Но если это уваженіе не обратилось въ безсмысленное поклоненіе къ каждому слову, выходящему изъ его устъ, если русскіе слушатели при этомъ не забыли ни своей задачи, ни своего назначенія — это не приноситъ еще имъ безчестія. Правда они не такъ взглянули на вопросъ: прежде, чѣмъ хладнокровно размыслить о предметѣ, они дали волю своимъ чувствамъ и высказались не безъ горечи, естественнаго послѣдствія обманутаго ожиданія. Напрасно авторъ видитъ у нихъ желаніе «отдѣлать нѣмцевъ» (ст. 1104, столбецъ 1, стр. 34) они очень хорошо умѣютъ цѣнить заслуги Момзена, Маркварта и Савиньи. Это ясно изъ ихъ собственныхъ словъ. Чтобы сказать, что лекціи профессора Гюбнера не выходятъ за предѣлы изслѣдованія названныхъ ученыхъ, вовсе не нужно, какъ думаетъ авторъ, соединить въ себѣ всей ихъ учености, — достаточно быть коротко знакомымъ съ ихъ сочиненіями. Но что были бы всѣ эти Беки, Гаупты (мы просимъ автора простить намъ это множественное число и спѣшимъ его увѣрить, что здѣсь нѣтъ желанія оскорбить почтенныхъ ученыхъ, а просто риторическая фигура), объясняющіе въ теченіи цѣлаго года нѣсколько страницъ одного

автора, гдѣ все ихъ вниманіе посвящено тому, чтобы иначе чѣмъ другіе прочесть то или другое слово, поставить удареніе, измѣнить форму; которые всю массу своей громадной учености употребляютъ только для того, чтобы доказать свою собственную конъектуру, добытую только вчера, — что были бы они на кафедрѣ русскихъ университетовъ. Неужели стоитъ посвящать цѣлый годъ времени, чтобы познакомиться съ такими эмендаціями ученаго, которыя могутъ-быть черезъ нѣсколько лѣтъ будутъ уничтожены другими. Намъ возразить, что специалистъ долженъ вполне овладѣть своимъ предметомъ, познакомиться со всѣми изслѣдованіями. Очень хорошо, но развѣ это возможно? Развѣ нѣмецкій ученый, доработавшійся до того, что можетъ эмендировать Гомера, въ состояніи дѣлать тоже самое съ Платономъ, Фукидидомъ. Полный специалистъ всей греческой литературы — вещь невысказанная. Даже въ одной специальности есть тысяча болѣе специальныхъ отдѣловъ; поглотить всѣ невозможно, можно только выбирать. Какъ же сдѣлать этотъ выборъ, чѣмъ руководствоваться въ планѣ занятій? На это только одинъ разумный отвѣтъ: своимъ назначеніемъ, потребностями общества, которому ученый посвящаетъ свою дѣятельность. Кажется авторъ статьи несогласенъ съ этимъ отвѣтомъ; онъ ему не приходилъ и въ голову; у него вездѣ проглядываютъ требованія одной науки. Изъ этого-то я и заключилъ, что онъ не русскій, а нѣмецкій ученый. Постараюсь объяснить, что я разумѣю подъ требованіями, которыя налагаютъ состояніе русской образованности на ученаго по классической филологіи. Я прошу всѣхъ кому близокъ этотъ предметъ исправить моя заблужденія, но во всякомъ случаѣ компетентными судьями въ этомъ вопросѣ я признаю русскихъ, а не нѣмецкихъ ученыхъ.

Наука въ здоровомъ обществѣ, живущемъ дѣйствительною, т.-е. политическою жизнью, никогда не можетъ и не должна существовать внѣ практическихъ интересовъ. Слово *практический* я понимаю въ самомъ обширномъ смыслѣ. Въ этомъ смыслѣ я считаю исторію наукою самою практическою, такъ какъ она представляетъ законы, по которымъ развивалось человѣческое общество, путь, которымъ оно достигло современнаго состоянія, всѣ вопросы и задачи, волнующіе его въ настоящую минуту въ ихъ необходимомъ развитіи. Въ изученіе исторіи древность, особенно классическая, входитъ какъ ея необходимый и важный элементъ и съ этой только точки она можетъ получить живой интересъ. Эта истина сознается лучшими учеными Германіи; они стремятся оживить преподаваніе древнихъ языковъ даже въ гимназіяхъ введеніемъ греческихъ и римскихъ

древностей. Изученіе древнихъ авторовъ становится при этомъ не цѣлюю, а средствомъ познакомиться съ древнею жизнью. У насъ въ Россіи ни та, ни другая сторона классической философіи, т.-е. ни языки, ни древняя исторія не процвѣтала; для новыхъ дѣателей предстоитъ задача обновить ихъ въ школахъ, ввести въ литературу. На какую же изъ этихъ двухъ сторонъ филологическаго знанія обратить преимущественное вниманіе, что избрать предметомъ своей специальности, такъ какъ специальность въ обоихъ отдѣлахъ невозможна? Прелпчестъ ли средства цѣли, или наоборотъ? Я предоставляю отвѣтъ самимъ читателямъ и обращаюсь къ возраженію, которое мнѣ могутъ слѣдовать. Скажутъ, что изученіе древней жизни самостоятельное невозможно безъ древнихъ языковъ. Мы этого не отвергаемъ. Знаніе языка должно быть усвоено настолько, чтобы всѣ лучшіе писатели были доступны въ подлинникѣ, что не невозможно при настоящей разработкѣ древнихъ авторовъ, которой мы обязаны нѣмецкимъ ученымъ. Но поглотить всѣ издавія одного автора, слѣдить за всѣми исправленіями текста, даже такой знаменитости, какъ Бекъ, въ буквахъ, метрахъ, удареніяхъ, за всѣми изслѣдованіями о какой-нибудь частицѣ, которая часто сводится къ тому, что ученый и самъ не знаетъ ея настоящаго значенія, хорошо и похвально со стороны безкорыстныхъ тружениковъ науки, но не принесетъ ни малѣйшей пользы обществу, которое требуетъ знакомства съ жизнью, а не съ буквою, и это всего менѣе желательно для русскихъ ученыхъ. Всѣ недостатки нашего образованія происходятъ отъ безучастія общества. Первая задача университета пробудить въ обществѣ интересъ къ наукѣ, а для этого надо дать жизненные ея стороны, раскрыть характеръ и значеніе древняго міра, показать какое мѣсто наука о древности занимаетъ въ кругу другихъ наукъ и какое имѣетъ право на его вниманіе. Нельзя же отъ общества требовать безсмысленнаго поклоненія передъ словомъ *наука* или интереса къ предмету, который ему незнакомъ. А до сихъ поръ мы слышали болѣе упрековъ обществу, чѣмъ видѣли желанія со стороны университетовъ помочь этому горю. Правда, мы можемъ назвать нѣсколько именъ и по древней филологіи, поларившихъ общество серьезными статьями и съ удовольствіемъ прибавимъ, что всѣ эти имена русскіе. Этого нельзя сказать о нѣмецкихъ ученыхъ нашихъ университетовъ, которыхъ полное равнодушіе къ русской литературѣ нисколько не выкупаются ихъ профессорскою дѣятельностью. Мы помнимъ одного нѣмецкаго филолога (это было не очень давно), который составилъ разъ навсегда записки по исторіи греческой литературы, От. Мюллера, давалъ ихъ гомеопатическими

пріемами, а комментарий писателя ограничивала парафразою, и если слушателю приходилось спрашивать его о пособіи по греческой литературѣ, онъ озадачивалъ его Бернгарди. Его совѣсть при этомъ была совершенно спокойна. Мы знаемъ и теперь одного молодого ученаго нѣмца при русскомъ университетѣ, который печатаетъ всѣмъ ученые статьи въ *Jahrbücher der classischen Philologie*, а для русской публики не написалъ ни одной строчки. Впрочемъ мы не хотимъ ставить ему этого въ укоръ, а то пожалуй онъ напомнитъ намъ о рускомъ представляющемъ свои труды парижской академіи. Но довольно фактовъ; и безъ нихъ всѣмъ извѣстно, что нѣмецкіе профессора (я говорю о филологахъ) не оказали большой пользы въ процвѣтаніи у насъ науки. И вотъ теперь, когда русскіе посланы за границу, когда у нихъ есть настолько здравого чутья, чтобы видѣть неприемлимость нѣкоторыхъ отраслей филологіи къ національнымъ условіямъ, и когда они съ полною откровенностью высказали свое мнѣніе, мы слышимъ злобный голосъ, не русскій, иначе бы мы замѣтили сочувствіе, братское желаніе вразумить заблуждающихся, а голосъ жреца науки для науки, поклонника авторитетовъ, оскорбившагося тѣмъ, что о нихъ сибѣтъ говорить какъ о простыхъ смертныхъ, и пугающаго тѣмъ, что вошедшіе въ говоръ геллертеры закроютъ русскимъ университетскія дѣсны. Но бы лучшаго мнѣнія о нѣмецкой націи и не думаемъ, чтобы она вся состояла только изъ геллертеровъ и филистеровъ. Мы русскіе нѣмемъ болѣе причинъ закрыть нѣмецкімъ профессорамъ дѣсны нашихъ университетовъ и однако не дѣлаемъ этого. Напрасно авторъ называетъ гр. кандидатовъ бѣлоручками, какъ будто они боятся чернаго труда, т.-е. критическаго изслѣдованія текстовъ; онъ не замѣтилъ, или не хотѣлъ замѣтить причинъ, которыя ихъ оттолкнули отъ этой работы. Въ Германіи, гдѣ существуютъ цѣлыя филологическія школы, гдѣ трудъ раздѣленъ, гдѣ самостоятельныя работы все болѣе и болѣе очищаютъ тексты, рѣшаютъ тысячу чювыхъ, мелкихъ, но неизбѣжныхъ вопросовъ по древностямъ, хронологіи, искусству, гдѣ каждый труженникъ находитъ себѣ задачу, сочувствіе, поощреніе — всѣ эти спеціальныя занятія имѣютъ смыслъ. Съ какой стати русскому ученому готоваться къ нимъ? Не для того ли, чтобы подобно упомянутому ученому писать статьи въ *Jahrbücher für classische Philologie*, т.-е. какъ выразился одинъ уважаемый профессоръ по поводу подобнаго случая, носить дрова въ дѣсь? Критика текста для русскаго ученаго роскошь, которую онъ можетъ себѣ позволить тогда только, когда хорошо изучитъ писателей въ навлучшихъ существующихъ текстахъ, въ связи съ исторіей, ис-

куствами, древностями государственной и частной жизни. Онъ долженъ заботиться о наиболѣе обширномъ и возможно глубокомъ энциклопедическомъ изученіи классической древности. И эта задача не малая, и даже очень не малая, если принять въ соображеніе, что даютъ ученикамъ наши гимназии и университеты. Во время профессорской дѣятельности онъ можетъ избрать себѣ тѣснѣйшую спеціальность. Не бѣда, если онъ не познакомится съ критическими приемами, которые требуютъ уже огромной всесторонней учености и безъ сомнѣнія не по зубамъ и многимъ германскимъ студентамъ, изъ устъ самого Бека, — онъ узнаетъ ихъ изъ его же изданій. И тутъ ему предстоитъ немало наслажденія читать разный вздоръ, которыми наполнять комментаріи германскіе ученые считают не только своимъ правомъ, но даже обязанностию. Какихъ, какихъ замѣчаній, не только не идущихъ къ дѣлу, но и вовсе бездѣльных не встрѣтивъ въ этихъ огромныхъ темахъ, гдѣ на строчку или менѣе текста приходится по страницѣ всякой всячины. Да не разсердится авторъ и за это замѣчаніе: его высказывали и лучшіе германскіе ученые, какъ напримеръ Диндорфъ въ предисловіи къ изданію Бурманна. Напрасно также авторъ критику текста старается смѣшивать съ критическимъ изслѣдованіемъ науки и представлять гг. кандидатовъ невѣждами, непонимающими ея необходимости. Конечно отъ извѣстнаго чтенія мѣста зависятъ иногда характеръ самаго факта, и на оборотъ ученые, излагающіе мифологію или древности, исправляютъ мѣста на основаніи соображенія о фактѣ въ его связи съ дѣломъ, но то и другое почти всегда относится къ неважнымъ мелочамъ. По большей же части критика текста и критика историческая расходятся на двѣ различныя спеціальности; это знаетъ всякій филологъ, конечно знаетъ и авторъ. Если ужъ такъ необходимы для Россіи самостоятельные исправители текстовъ, то нужно поставить въ обязанность всѣмъ русскимъ филологамъ заниматься палеографіей, безъ чего не можетъ быть полной самостоятельности въ работѣ этого рола, и когда они достигнутъ нѣкотораго совершенства, отправить ихъ въ ватиканскую или парижскую библиотеки для изслѣдованія рунонисей. Можетъ-быть подъ конецъ многотрудной жизни имъ удастся возстановить нѣсколько аористовъ, снасти шарливое количество опативовъ, вывести на свѣтъ божій десятокъ *ав* или *ус*. Тогда имъ незачѣмъ возвращаться на родину: у насъ вѣдь нѣтъ древнихъ манускриптовъ; русское правительство можетъ содержать ихъ за границей до конца жизни. Тогда они дѣйствительно принесутъ немалую пользу, не Россіи, а наукѣ. Но что переть наукой, переть общечеловѣческой наукой кака-

нибудь Россія? Стоитъ ли объ ней и толковать! Зато въ Европѣ будутъ говорить о русскихъ ученыхъ, ссылаются на ихъ труды. Не заманчиво ли это, не стоитъ ли посвятить такой цѣли всю жизнь, огромныя средства, все-все!

Мы съ своей стороны можемъ только удивляться величію души, готовой на такое самопожертвованіе, скромно сознаваясь въ нашемъ безсиліи и въ низкомъ образѣ мыслей, который не позволяетъ намъ раздѣлять этого взгляда. Мы предпочитаемъ успѣхи образованности на нашей родинѣ всѣмъ успѣхамъ науки на западѣ и даже чести подписать свое имя подъ статью, напечатанною въ *Jahrbücher für classische Philologie*. Мы предоставляемъ эту честь нѣмецкимъ ученымъ при русскихъ университетахъ и требуемъ, чтобы русскимъ было дано право смотрѣть на западную науку съ точки зрѣнія русской образованности, и заимствовать отсюда то, что при настоящемъ ея состояніи благотворно и примѣнимо. Такой взглядъ выражаютъ наши юноши, посланные за границу, и не смотря на ихъ промахи, заносчивость, увлеченіе, они принесутъ намъ болѣе пользы, чѣмъ наши нѣмецкіе педагогъ. Странно было бы ставить имъ въ укоръ ихъ промахи: они только что оставили университетскую скамью; этотъ укоръ самъ собою падаетъ на профессоровъ. Они представили ихъ какъ лучшихъ своихъ учениковъ, значитъ были увѣрены, что они поглотили ту мудрость, которую они считаютъ необходимымъ предлагать своимъ слушателямъ. У нихъ довольно времени впереди поработать, поразмыслить о разныхъ вопросахъ, приобрести научныя свѣдѣнія; мы рады тому, что они не готовы безусловно принимать все, на что ихъ натолкнетъ случай, будутъ ли то лекціи Бека или Гепперта, критика ли текста или реставрація надписей. Они сумѣютъ опредѣлить свой взглядъ и кругъ своихъ занятій и при этомъ будутъ руководствоваться требованіями не отвлеченной науки, а своей обязанности. Тутъ мало одного теоретическаго пониманія потребностей русскаго образованія, тутъ нужна горячая любовь къ родинѣ, непосредственное чувство ея нуждъ и недостатковъ. Это чувство нельзя замѣнить никакимъ нѣмецкимъ педагогизмомъ. Этого-то чувства мы и не нашли у автора разбираемой статьи, а нашли тайную злобу, которая хочетъ воспользоваться понятными ошибками молодыхъ людей, чтобы втоптать ихъ въ грязь и при случаѣ высказать мысль, что не худо бы де ихъ и назадъ попросить.

Тяжеловѣсная иронія и латинская фраза слишкомъ неулажливій и дырявый матеріалъ, чтобы скрыть эту грязную мысль отъ читающей публики. Впрочемъ, смотря съ чисто-эстетической точки

зрѣнія , мы должны сознаться , что намъ такъ повѣрилось это катоновское заключеніе рѣчи , что мы сами возымѣли желаніе попытаться произвестн что-нибудь въ этомъ родѣ и съ нѣкоторымъ выпотѣніемъ лба придумали слѣдующую фразу. *Nobis quidem non solum juvenes isti revocandi videntur sed omnes quoque rossici præceptores de scholis proturbandi , germanici que professores in earum locum adhibendi , qui non nisi latina seu , si velint , vernacula scholas agant. Dixi.*

НОВАЯ ШКОЛА

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Ясная Поляна, школа, журналъ педагогическій, издаваемый гр. Л. Н. Толстымъ. 1862. Январь—сентябрь. Девять номеровъ.

Вмѣсто всякихъ вступленій и оговорокъ, которыхъ, замѣтнѣе кстати, набралось бы великое множество по поводу такого новаго, чрезвычайно важнаго и во многихъ отношеніяхъ страннаго явленія, какъ журналъ «Ясная Поляна», приступимъ прямо къ дѣлу. Мы думаемъ, что мы въ состояніи представить здѣсь нѣкоторыя соображенія и выводы, которые помогутъ читателямъ глубже понять смыслъ и значеніе ясно-полянской педагогики. А въ такихъ поясненіяхъ она, намъ кажется, имѣетъ нѣкоторую нужду, какъ явленіе слишкомъ сложное, можно бы сказать слишкомъ живое, слишкомъ полное, и потому далеко не вполне высказывающееся и еще не уложившееся въ ясныя и отчетливыя формы мысли.

Чтобы понять всѣ особенности этой новой школы, нужно искать той главной идеи, которая ее одушевляетъ, той точки зрѣнія, съ которой она смотритъ на дѣло. Намъ кажется, что «Ясная Поляна» съ каждой книжкой все яснѣе и яснѣе высказываетъ свою главную идею, свое руководящее начало. Мы предложили бы назвать его *началомъ живой души* и формулировать слѣдующимъ образомъ: *при воспитаніи должно постоянно имѣть въ виду живую душу воспитываемаго.*

Мы говоримъ: *живую душу* въ противоположность душѣ, понимаемой мертво или механически; въ смыслѣ «Ясной Поляны» мы называемъ живую—душу самостоятельно, самобытно развивающуюся, своеобразно отличающуюся отъ другихъ душъ, заключающую въ себѣ извѣстныя зачатки, извѣстныя дары и возможности, или,

говоря тѣмъ выразительнымъ языкомъ, который сѣло употребляетъ г. Толстой, — *душу, созданную и одаренную Богомъ.*

Изъ этого начала прямо и просто объясняются различныя особенности ясно-полянскаго воспитанія и обученія, объясняется то что имъ признается и сохраняется въ практикѣ и то что имъ отвергается. Положительная сторона «Ясной Поляны» состоитъ въ неомыслимомъ, поэтическомъ чутьѣ всѣхъ явленій милой души, т.-е. въ настоящемъ случаѣ, всѣхъ явленій души русскихъ дѣтей извѣстной мѣстности. Тѣ мѣста, въ которыхъ авторъ со всею тонкостью анализа и со всею поэзіею сочувствія изображаетъ намъ явленія душевной жизни дѣтей, безъ сомнѣнія самыя дорогія и самыя лучшія въ его журналѣ. На эти явленія онъ смотритъ съ величайшимъ уваженіемъ, какъ на дѣйствительныя и глубокія тайны, какъ на процессы, не только правильные и законные, но сверхъ того прекрасные, святые. Духъ дѣтской невинности, свѣжести и чистоты, котораго обыкновенно вовсе не слышно въ педагогическихкихъ журналахъ, въ «Ясной Полянѣ» схваченъ весьма глубоко.

Отсюда понятно будетъ, противъ него вооружается эта школа. Она отвергаетъ всякое насиліе надъ дѣтскою душою, всякое нарушение ея самобытнаго, свободнаго развитія, всякое принужденіе и уминчаніе надъ дѣтьми со стороны воспитателей. Главный грѣхъ принудительной педагогики въ глазахъ основателя школы тотъ, что она слишкомъ тупа сравнительно съ живою душою дѣтей. Она ломаетъ въ дѣтяхъ хорошее, потому что не понимаетъ его, или же думаетъ руководить развитіемъ, тогда какъ постоянно отстаетъ отъ него и далеко не угадываетъ его направленія и глубины. Замѣчанія автора въ этомъ отношеніи болѣею частью весьма справедливы. Съ безпощаднымъ остроуміемъ и пронзительностью казнить онъ педагогическіе приемы, которые насилуютъ природу или поддѣлываются подъ нее, но никакъ не хотятъ предоставить ее себѣ самой.

Вотъ двѣ стороны, положительная и отрицательная, въ которыхъ много хорошаго и новаго сдѣлала «Ясная Поляна». Не мало впрочемъ она сдѣлала и ошибокъ; въ ней встрѣчаются чрезвычайныя странности, объясняемыя только увлеченіемъ, съ которыми она предана своему дѣлу. Въ самомъ дѣлѣ она постоянно впадаетъ въ двѣ главныя ошибки и эти ошибки состоятъ въ томъ, что она доводитъ до крайности свое положеніе и отрицаніе.

Во первыхъ свое уваженіе къ живой дѣтской душѣ она доводитъ до пристрастія, до восторженнаго поклоненія; этому поклоненію она готова принести все въ жертву и дѣйствительно приноситъ весьма дорогія вещи, напримеръ Пушкина, наши университеты и

т. и. Вкусъ и творчество яснополянскихъ воспитанниковъ по ея мнѣнію стоять выше Пушкина, а университеты производятъ только людей оторванныхъ отъ народа и никуда не годныхъ.

Восторжъ свое отвращеніе отъ регламентированной, насмлющей педагогикки «Ясная Поляна» доводитъ до ненависти и до боязни. Она видитъ въ ней что-то гибельное и невозвратно-уродующее и такимъ образомъ преувеличиваетъ ея значеніе, приписываетъ ей больше силы, чѣмъ сколько въ ней есть на самомъ дѣлѣ.

И та и другая ошибка намъ кажется представляетъ отступленіе отъ главныхъ основаній, которыхъ держится «Ясная Поляна»; пока она строго и вѣрно держится этихъ основаній, до тѣхъ поръ по нашему мнѣнію она совершенно справедлива. Но здѣсь она очевидно теряетъ въ нихъ вѣру, теряетъ вѣру въ живую душу. Въ самомъ дѣлѣ — живая душа ребенка, притомъ ребенка народнаго, т. е. правильно возросшаго на почвѣ народной жизни, конечно прекрасна; но развѣ отсюда слѣдуетъ, что Пушкинъ не былъ живою душою? Развѣ можно укорить его въ какой-нибудь слѣблнности, въ сочиненности? Кого другого, но только не его. Тоже самое можно сказать и объ университетахъ. Среди скудости нашей духовной жизни можно ли не замѣчать и отрицать тѣ ея проблески, которые такъ несомнѣнно заявлены нашими университетами? И тамъ были живыя души и болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь успѣвали раскрывать свою жизнь. Съ университетами тѣсно связана наша литература, нашъ литературный языкъ. Отвергать живыя струи, которыя здѣсь пробиваются, возможно менѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было другой области.

Точно такъ же непослѣдовательна та чрезвычайная боязнь, съ которою «Ясная Поляна» смотритъ на искусственную педагогику. Для живой души многое можетъ быть вредно, но смертельныхъ ядовъ не существуетъ. Педагогика, какая бы она ни была, никогда не въ силахъ покорить себѣ до конца живую душу. Тысячами путей жизнь успѣваетъ освобождаться отъ оковъ, на нее налагаемыхъ, и остается своеобразною и самобытною. И потому отъ любви къ живой душѣ не должно впадать въ отчаяніе и страхъ за живую душу. Черезчуръ большія опасенія въ особенности несправедливы у насъ, когда мы постоянно окружены самыми удивительными примѣрами живучести челоѳической души. У насъ офицеры часто дѣлаются философами и поэтами, графы — педагогами, семинаристы — реформаторами государства, рыбаки — академиками и т. п.

Мы высказали такимъ образомъ тѣ общія положенія, которыя считаемъ справедливыми относительно «Ясной Поляны». Ихъ мы будемъ держаться и постараемся развить ихъ и недтвердить подро-

ными указаніями. Для начала мы возьмемъ критическую сторону новой школы, то-есть укажемъ что она отвергаетъ на основаніи своихъ началъ. Такъ какъ она вооружается противъ ходячей, всѣмъ извѣстной педагогикки, то читателю легко будетъ видѣть, до какой степени новы и свѣжи начала ясновольянской школы.

На какихъ основаніяхъ устроены наши обыкновенныя училища, напримѣръ хотя бы гимназія? Съ перваго взгляда видно, что начало живой души здѣсь не играло никакой роли и скорѣе напротивъ все устройство основано на его отрицаніи и на вѣрѣ въ другія начала, которыя можно назвать *механическими*, такъ какъ механизмъ противоположенъ жизни. Большинство современныхъ училищъ можно безъ всякаго преувеличенія сравнить съ машиною, въ которой заранѣе все опредѣлено и рассчитано. Опредѣлены предметы ученія, методы преподаванія, время для каждаго предмета, часы для повторенія уроковъ, для молитвы, для отдыха, и такъ далѣе до мельчайшей подробности. Все предусмотрено, все назначено для вѣрнѣйшаго достиженія извѣстной цѣли. Въ эту машину, заводимую посредствомъ жалованья и другихъ подобныхъ средствъ, въ опредѣленные сроки вводится непревосходящее извѣстной мѣры количество матерьялу опредѣленнаго свойства, то-есть вводятся ученики, выполняющіе извѣстныя условія и неподвергшіеся браку. За тѣмъ машина пускается въ ходъ. По истеченіи извѣстнаго времени, положимъ семи лѣтъ, изъ другого конца машины, изъ ея высшаго класса тѣже ученики должны по предположенію выйти уже получивши извѣстныя, заранѣе опредѣленныя и преднамѣренныя свойства. Развѣ все это не похоже на тотъ процессъ, когда съ одного конца машины вкладывается левъ или хлопчатая бумага, а съ другого конца выходитъ уже готовая ткань?

Очевидно здѣсь предполагаютъ механически обрабатывать душу человѣческую, то-есть живыя души разсматриваются какъ однородный сырой матерьялъ; отъ педагогическихъ приѣмовъ, какъ отъ извѣстныхъ дѣйствій машины, ожидаютъ совершенно опредѣленныя слѣдствія и вліянія, и потому заранѣе поставляются цѣлью извѣстныя качества предмета, которыхъ можно достигнуть, подвергая его въ извѣстномъ порядкѣ извѣстнымъ дѣйствіямъ.

Намъ возразятъ, что собственно говоря дѣло идетъ вовсе не такъ, что въ дѣйствительности преподаватели и воспитатели всегда стараются примѣниться къ свойствамъ воспитываемыхъ и ведутъ дѣло не машинально, а участвуя въ немъ собственною живою душою и обращая вниманіе на живую душу дѣтей. Но мы не говоримъ здѣсь о дѣйствительности, которая всегда и всюду противорѣчитъ узкимъ теоріямъ и потому успѣваетъ выбиваться изъ всѣхъ зара-

нѣе выбранныхъ формъ и рамокъ, какъ бы они тѣсны ни были; мы говоримъ исключительно о тѣхъ принципахъ, которые, обыкновенно кладутся въ основу устройства учебныхъ заведеній. Если на дѣлѣ эти принципы невыполнимы, то однакоже никакихъ другихъ не полагается и не имѣется. Хуже того — ни въ какихъ другихъ принципахъ не чувствуется надобности.

Въ известный день недѣли, въ известный часъ ученикъ долженъ заниматься известнымъ предметомъ положенное количество времени. Предположите, что по одной изъ множества возможныхъ причинъ, ученикъ нерасположенъ и даже вовсе неспособенъ къ такому занятію. Повидимому бѣды никакой нѣтъ; но въ училищной машинѣ этотъ беспорядокъ считается рѣшительно нетерпимымъ. Если учитель вздумаетъ строго придерживаться идеи машины, въ которой онъ служить колесомъ, ученику придется плохо.

Возьмемъ случай болѣе важный. Ученикъ неспособенъ къ известному предмету; тѣмъ не менѣе его учить этому предмету или лучше сказать его мучать этимъ предметомъ, хотя бы безъ всякой для него пользы. А почему? Потому что предметъ положить въ прогамъ.

Наоборотъ, положимъ ученикъ готовъ съ величайшею охотою заниматься другимъ предметомъ, которому въ этотъ день, въ этотъ годъ, въ этомъ училищѣ не учить; тѣмъ не менѣе, его не только не стануть учить этому предмету, но пожалуй еще стануть преслѣдовать его любимыя занятія.

Возьмемъ еще проще. Ученикъ прилежно учится всѣмъ предметамъ и усиливаетъ быстрѣе другихъ; это ни мало не ускоряетъ его хода въ училищной машинѣ. Напротивъ у него отнимають время, заставляя его подчиняться бесполезному для него училищному порядку. Наоборотъ, ученикъ учится медленно и трудно; его все-таки стараются тянуть впередъ наравнѣ съ другими.

Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы обращать вниманіе на своеобразныя настроенія воспитываемыхъ и способствовать ихъ самостоятельному развитію сообразно ихъ особенностямъ, ихъ всѣхъ подводятъ подъ какой-то фантастическій общій уровень и перегоняють всѣхъ черезъ одна и тѣже сита, зубцы и плющилки, надѣясь выработать изъ нихъ требуемой доброты товаръ.

Чтобы убѣдиться до какой степени это справедливо, стоитъ только вспомнить, въ какихъ случаяхъ училищная машина допускаетъ разнообразіе въ обработкѣ своего матерьяла. Собственно говоря допускается только три случая:

- 1) Воспитываемый можетъ вторично подвергнуться той выдѣлѣ

кѣ, которой онъ уже подвергался одинъ разъ безуспѣшно, т.-е. онъ можетъ быть еще оставленъ на годъ или на два въ томъ же классѣ.

2) Болѣзнъ и смерть составляютъ уважительныя причины, по которымъ выдѣлка воспитываемаго или приостанавливается на время, или совершенно прекращается.

3) Наконецъ воспитанникъ можетъ быть исключенъ по неуспѣшности или дурному поведенію, т.-е. можетъ быть выкинутъ изъ машины какъ матерьялъ, оказавшійся негоднымъ.

Вотъ тѣ единственные случаи, когда воспитанникъ законнымъ образомъ бываетъ устраненъ отъ общей обработки его наравнѣ съ другими. Все другое считается противозаконнымъ. Неуспѣваетъ ученикъ — наказывается. Не ходитъ въ классъ — наказывается. Въ классѣ одного предмета занимается другимъ — наказывается. Одинъ словомъ онъ признается виноватымъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда уклоняется отъ ровнаго и общаго хода машины. Многія изъ этихъ вещей терпятъ, и даже въ силу необходимости терпятъ изъ большихъ размѣрахъ, но несмотря на что считаются исключенными и никакъ не признаются за правила, хотя бы для самихъ учениковъ они были иногда въ высшей степени полезны.

Отсутствіе живыхъ началъ и коренное господство началъ механическихъ обнаруживается очень ясно въ тѣхъ слѣдствіяхъ, которыя изъ него вытекаютъ. Всѣмъ извѣстно или по собственному опыту, или по рассказамъ другихъ, какое невыносимо тяжелое впечатлѣніе производитъ училищная машина на живую душу, попадающую въ ея зубцы и колеса. Всѣ движенія воспитанника связаны, всѣ дѣйствія распределены; насиліе и принужденіе, полъ которыми онъ живетъ, чувствуется ивъ на каждомъ шагѣ. Эта тяжесть училищной жизни ни для кого не тайна и наввно признается самими воспитателями; одно изъ наиболѣе употребляемыхъ наказаній состоитъ въ томъ, что дѣтей оставляютъ въ училищѣ далѣе положеннаго срока, слѣдовательно вообще признаютъ, что быть въ училищѣ — сущее наказаніе. Слѣдствія этого училищнаго гнета точно также не безызвѣстны; они представляютъ цѣлый рядъ правильно развивающихся явленій; придавленные силы живой души противодействуютъ давленію и получаютъ извращенныя, иногда и уродливыя формы. На казенныхъ воспитанникахъ, то-есть на такихъ, которые почти безвыходно заключены въ училищѣ, всегда лежатъ извѣстнаго рода отпечатокъ, хорошо знакомый воспитателямъ.

Наконецъ общій итогъ результатовъ, къ которымъ приходитъ школа, рѣзко указываетъ на ея механичность. Положимъ, что ученикъ, выходящій изъ верхняго конца машины, выработавъ волюнъ сообразно съ идеею школы. Спрашивается много ли ихъ? Большею

частью число ихъ поразительно несоразмѣрно съ количествомъ обрабатываемыхъ матерьяловъ. Въ школу поступаетъ двѣсти мальчиковъ, а оканчиваетъ курсъ иногда только двадцать.

Гдѣ же причина этому? Причина та, что школа безпрестанно выбрасываетъ изъ себя матерьялъ, оказывающійся негоднымъ; она не примѣняется къ дѣтамъ, а напротивъ прикидываетъ ихъ на свои мѣрки и бракуетъ тѣхъ, которые подъ нихъ не подходятъ.

Между-тѣмъ, если такимъ образомъ большинство дѣтей не годится для полного прохожденія школы, то не ясно ли, что и наоборотъ школа *негодится* для дѣтей?

Со всемъ этимъ можно бы было однако же помириться, какъ мирились на дѣлѣ до сихъ поръ все мы и какъ будутъ мириться безъ сомнѣнія еще многія поколѣнія. Все это не болѣе, какъ *сильный механизмъ*, имѣющій свои основанія и терпимый, потому что подъ его формами внутри можетъ еще сохраниться жизнь. Несмотря на строгое распредѣленіе времени, мѣста, предмета, несмотря на весь наружный механической порядокъ, жизнь беретъ свое: между воспитателями и воспитанниками могутъ возникнуть живыя отношенія, т.-е. учитель будетъ вызывать и падать своеобразное, самостоятельное развитіе ученика, а ученикъ будетъ не пассивно покоряться вліяніямъ школы, а самодѣтельно пользоваться ея средствами для своего развитія. Такимъ образомъ вмѣсто машинной выдѣлки одного посредствомъ другого, можетъ возникнуть взаимное расположеніе и мирное вспомоцествованіе. Въ этомъ случаѣ все зависитъ отъ людей, а не отъ формъ, въ которыя они поставлены. Хотя начальники школы имѣютъ право и обязанность постоянно исполнять заранѣе опредѣленные правила, но все спасеніе школы состоитъ въ томъ, что въ ней дѣйствуютъ люди, а не машины и слѣдовательно каждое правило можетъ быть обойдено и отмѣнено.

Къ несчастію зло не останавливается только на этомъ, только на одномъ ви́шнемъ механизмѣ. Механизмъ, разъ принятый за начало, развивается все дальше и дальше и стремится поглотить собою все въ школѣ. Мало-по-малу въ нее протекаетъ то что можно назвать *внутреннимъ механизмомъ*. Нетолько ви́шнее устроеніе школы есть чисто механическое, но и внутренняя ея жизнь, самое воспитаніе и обученіе, самое взаимодѣйствіе ученика и учителя все больше и больше сводится на механическіе приемы. Въ настоящее время, тысячи педагоговъ работаютъ въ этомъ направленіи и уже успѣли довести придуманный ими механизмъ до значительной полноты. Именно изобрѣтены хитрыя методы и правила съ явною дѣлюю навѣрняка формовать душу дѣтей, навѣрняка вызывать въ ней тѣ или другіе результаты.

Такимъ образомъ къ числу многихъ кощунствъ и богохульствъ, въ которыхъ впалъ нашъ отважный и безпокойный вѣкъ, онъ присоединилъ и самое страшное изъ всѣхъ, именно — дерзкій замыселъ составить, сочинить, слѣпить живую человѣческую душу. Если хорошенько вникнуть въ этотъ замыселъ, то мы легко убѣдимся, что онъ тысячекратно богохульнѣе и кощунственнѣе тѣхъ подобныхъ ему попытокъ, которыя дѣлались средневѣковыми алхимиками, именно попытокъ приготовить въ химической ретортѣ живого человѣчка, гомункула.

Всему виноваты конечно нѣмцы, полные хозяева въ области педагогикѣ. Кощунственное дѣло, на которое по слабости человѣческой часто соблазняются всякаго рода воспитатели, нѣмцы возвели въ принципъ и обработали научнымъ образомъ. Всего болѣе здѣсь принимала участіе кажется та новая зловредная ересь, которая дѣтъ тридцать назадъ появилась между ихъ философами и теперь распространяется все больше и больше; она называется *новою психологією*, и родоначальникомъ ея былъ нѣкто Бэнэка. Приверженцы этого раскола, *новые психологи* стали хвалиться тѣмъ, что будто бы имѣютъ новые, очень хорошіе способы изслѣдовать человѣческую душу. Употребляя въ дѣло эти способы, они слѣдали видимые успѣхи и подумали, что достигли удивительныхъ познаній въ этомъ дѣлѣ, что они вполне знаютъ матерьялъ, изъ котораго состоитъ душа и знаютъ вѣрно, какое впечатлѣніе производитъ на этотъ матерьялъ каждое вліяніе. А отсюда уже легко было дойти до притязанія дѣйствовать на душу извѣстнымъ образомъ съ цѣлью навѣрное достигнуть извѣстныхъ результатовъ.

Въ этой ереси все содержаніе души считается не болѣе какъ скопленіемъ всѣхъ произведенныхъ на душу вліяній. Не предполагается, чтобы въ ней могла существовать такая твердая точка или твердая ось, которая была бы неподвижна, несмотря ни на какія вліянія и напротивъ сама опредѣляла бы мѣсъ и движеніе всѣхъ вліяній. Понятно, что не признавая этой глубокой и таинственной основы душевной жизни, можно подумать, что душа ребенка находится вполне во власти воспитателя.

Ошибка здѣсь заключается въ узкости тѣхъ понятій, подъ которыя подводятся душевныя явленія. Душа — есть высочайшій и благороднѣйшій изъ всѣхъ предметовъ природы. Она должна служить мѣриломъ всѣхъ остальныхъ явленій, а никакъ не наоборотъ. Поэтому если мы сравниваемъ душу съ гладкою доскою, *tabula rasa*, на которой мы можемъ написать что вздумается, — мы ошибаемся. Если мы сравниваемъ ее съ музыкальнымъ инструментомъ, въ которомъ качество звуковъ и ихъ разнообразіе зависятъ отъ него са-

ного, но на которомъ мы можемъ сыграть все что можно сыграть этими звуками, — мы ошибаемся. Но чѣмъ выше мы будемъ выбирать предметъ для сравненія съ нимъ души, тѣмъ меньше будетъ у насъ ошибки. Если мы сравнимъ душу напримѣръ съ живымъ растеніемъ, то мы тотчасъ увидимъ, какъ нелѣпо и невозможно то что казалось намъ весьма простымъ, когда мы сравнивали ее съ гладкою доскою или съ музыкальнымъ инструментомъ. Можно производить извѣстные вліянія на ростъ и развитіе растенія, но этими вліяніямъ положены границы, и притомъ такія, что самое существенное оказывается независимымъ отъ всякихъ вліяній. Мы считали бы безуцѣлемъ того, кто вздумалъ бы вырастить груши на березѣ и вообще какую-нибудь форму одного растенія перевести на другое. Между тѣмъ относительно души человеческой мы часто дѣлаемъ совершенно подобныя попытки. Мы покушаемся на существенныя измѣненія въ ея строѣ; мы соблазняемся ея удивительною восприимчивостію и забываемъ, что эта восприимчивость не лишаетъ ее однакоже самостоятельности, хотя бы въ такой степени, въ какой самостоятельность свойственна растенію.

Душа по крайней-мѣрѣ не ниже растенія. Слѣдовательно очень странно, когда мы думаемъ, что безъ нашей постоянной помощи и безъ нашего усиленнаго вниманія она не способна возрасти; и еще хуже, когда мы воображаемъ, что проникли тайну ея роста и можемъ вырастить въ ней то, чего она или еще не развила или можетъ быть и никогда не разовьетъ въ себѣ. Какія слѣдствія должны произвести попытки такого рода, можно легко вывести изъ выбраннаго нами сравненія. Въ отношеніи къ растенію каждый ясно видитъ, что если мы вздумаемъ не предоставлять его развитія самому себѣ, а управлять имъ, то мы или ничего не слѣжаемъ, или при излишнемъ усердіи можемъ только навредить ему.

Тоже самое обнаружилось и въ отношеніи къ человеческой душѣ, хотя по большой сложности дѣла обманъ былъ на нѣкоторое время возможенъ. Оказалось, что новлітія новыхъ психологовъ, думавшихъ уловить самую суть душевнаго развитія, очень тупы сравнительно съ живою душою человѣка. И такъ какъ педагогика старалась усиленно дѣйствовать на душу, подобно съ этими понятіями, то обнаружился самый рѣзкій разладъ между ихъ пріемами и жизнью. «Ясная Поляна» во многихъ случаяхъ прекрасно рисуетъ этотъ разладъ, какъ онъ явился и у насъ и въ особенности за границею у нѣмцевъ.

Съ одной стороны ученѣйшіе и хитрѣйшіе пріемы новыхъ педагоговъ оказываются измѣнными, т. е. здоровыя души учениковъ переробтаютъ ихъ и ученики выходятъ умнѣе того обученія, кото-

рое имъ предлагается. Ихъ учить извѣстнымъ образомъ мыслить и говорить, тогда какъ они уже умѣютъ мыслить несравненно глубже и говорить несравненно лучше.

Съ другой стороны въ случаѣ очень большихъ усилій новая педагогика оказывается вредною, т.-е. если она слишкомъ рано и слишкомъ усердно захватываетъ душу въ свою власть, если душа не успѣетъ выбиться изъ-подъ ея принужденія, то ея питомцы развиваются и уродуются въ своемъ развитіи, какъ будто бы послѣ педагогическаго дрессированія вмѣсто души, созданной Богомъ, у нихъ дѣйствительно является душа, сочиненная по рецепту Бенке. «Новая Полава» наглядно изображаетъ какъ совершается такое вредное дѣйствіе школы, и послѣ этихъ мастерскихъ картинъ становится понятнымъ сдѣланное въ Германіи общее замѣчаніе, что школа *отупляетъ дѣтей, verduppelt*.

Весь вопросъ здѣсь очевидно сводится на тѣ понятія, какія мы имѣемъ о душѣ; его можно поставить въ слѣдующей формѣ: составляютъ ли высшія силы души только слѣдствіе ея высшихъ силъ, или наоборотъ низшія силы живутъ только жизнью, замѣтвемою отъ высшихъ? Другими словами: для того, чтобы возбудить въ душѣ высшій процессъ должны ли мы извѣстнымъ образомъ груировать низшіе процессы, или же наоборотъ, высшіе процессы возможны только вслѣдствіе присутствія высшаго процесса, и только отъ этого его пробужденія получаютъ свой смыслъ и значеніе? Напримѣръ: потому ли я понимаю вещи, что я обладаю зрѣніемъ, что и ихъ вижу, или я потому и могу ихъ разсматривать, что обладаю нѣкоторымъ разумѣніемъ? Смотря по рѣшенію этого вопроса мы и будемъ дѣйствовать. Если все дѣло въ зрѣніи, то мы будемъ заботиться, чтобы ему подвергались извѣстныя вещи, въ извѣстномъ порядкѣ и будемъ надѣяться, что отсюда само-собою произойдетъ разумѣніе. Если же главное въ разумѣніи, то мы будемъ стараться сперва пробудить его и будемъ думать, что какъ скоро оно пробуждено, то зрѣніе уже навѣрное станетъ дѣйствовать правильно, со смысломъ.

Итакъ все дѣло въ томъ, на что мы должны надѣяться въ душѣ: на ея высшія, коренныя, центральныя силы, или же на низшія, подчиненныя, периферическія. Безчисленные опыты съ тѣхъ самыхъ поръ, когда люди стали себя помнить, убѣждаютъ насъ въ необыкновенной такъ-сказать центральности, сосредоточенности души. Пока этотъ центръ неподвиженъ, никакія усилія побочныхъ частей не могутъ привести цѣлаго въ движеніе. Поэтому главное правило педагогики должно быть такое: нужно пробуждать высшія способности души для того, чтобы онѣ охватывали и поддерживали

от дѣятельности низшея. Не нужно заботиться напередъ о томъ, чтобы питомцы хорошо видѣли, слышали, помнили и т. п. Нужно постараться дать имъ цѣль, придать смыслъ ихъ созерцаю, слушаню, запомнваню, и тогда вся эта дѣятельность оживится и усилится сама собою.

Между тѣмъ нѣмецкіе педагоги слѣдуютъ обратной методѣ: они восходятъ отъ низшаго къ высшему и дошли въ этомъ искусствѣ до неслѣпости, именно не только *не пользуются* неизбѣжнымъ пробужденіемъ высшихъ способностей у своихъ питомцевъ, но даже *стараются* это пробужденіе и умышленно удерживаютъ дѣтей на низшихъ степеняхъ душевной дѣятельности. Они полагаютъ, что такъ нужно для большей прочности и основательности дѣла! По-нятно однакоже, что такой противоестественный процессъ приводитъ дѣтей въ недоумѣніе и только мучитъ ихъ, заставляя терять время и силы.

Для большей ясности приведемъ здѣсь нѣкоторые образчики этихъ любопытныхъ приемовъ. Вотъ одинъ отрывокъ изъ тѣхъ, которые разбираются въ «Ясной Полянѣ». Онъ взятъ изъ книги г. *Перелесскаго*: *Предметные уроки по методу Песталоцци.*

Учителю желательно, чтобы ученики перечислили свойства стекла; между прочимъ онъ желаетъ внушить имъ, что стекло *прозрачно*. Но онъ не говоритъ имъ этого прямо, а начинаетъ съ другого конца и ведетъ съ ними такую бесѣду:

Преподаватель. Крожъ этого куска (*Учитель, изволите видѣть, принесъ въ классъ кусокъ стекла и держитъ его передъ учениками съ тою цѣлью, чтобы они смотрѣли и щупали этотъ кусокъ. Полезное упражненіе!*), гдѣ вы еще видите стекло въ классѣ?

Ученики. Въ окнахъ (въ дверяхъ — если они со стеклами).

Преподаватель. Посмотрите въ окно и скажите что вы тамъ видите?

Ученики. Садъ.

Преподаватель (затворяетъ ставни). Ну, теперь что вы видите?

Ученики. Теперь ничего не видимъ.

Преподаватель. Отчего же вы ничего не видите?

Ученики. Оттого что застать, мѣшаютъ ставни.

Преподаватель. Какую разницу вы замѣчаете между ставнями и стекломъ?

Ученики. Сквозь стекло можно видѣть, а сквозь ставни нѣтъ.

Послѣ такихъ удивительныхъ приготовленій учитель наконецъ объявляетъ, что это свойство стекла называется *прозрачностью* и торжественно пишетъ это слово на доскѣ.

Намъ кажется, что невольно долженъ призвѣдуться водкій свѣжій человѣкъ, прочитавши подобныя вещи. Развѣ это похоже на человѣческій разговоръ? Развѣ есть тутъ дѣйствительный человѣческій смыслъ?

Если принять этотъ разговоръ буквально, если не предполагать, что у преподавателя при этомъ есть задняя мысль и что сами ученики догадываются объ этой мысли, то можно положительно сказать, что никогда человѣческое мышленіе не ходитъ такими путями, да едва ли ходитъ и какое-нибудь низшее, напримѣръ собачье мышленіе. Въ самомъ дѣлѣ очевидно въ приведенномъ разговорѣ цѣли для мышленія не полагается и *направленія* для него не указывается. Между тѣмъ никогда мышленіе не дѣлаетъ ни шагу, не опредѣляя себѣ цѣли и направленія. Не знаемъ, какъ у собакъ, но у людей это составляетъ существенную принадлежность того что называется мыслью.

Въ разговорѣ совершенно явно предполагается, что ученики не знаютъ чего хочетъ учитель. Каждый вопросъ его есть новый шагъ неизвѣстно куда. Ибо еслибы только ученики догадались къ чему идетъ дѣло, то для чего бы было заставлять ихъ смотрѣть въ окна, затворять ставни и т. п.? Еслибы они догадались чего хочется учителю, они сейчасъ бы рѣшили вопросъ.

Но предположимъ, что ученики нисколько не догадываются, что они настолько тупы, какъ этого *желаетъ* учитель. Ужели можно подумать, что его разговоръ выведетъ ихъ изъ тупости и дастъ движеніе ихъ мысли? Невозможное дѣло. Собственно говоря, еслибы у нихъ не было задней мысли объ умѣ учителя, о трудности ученія и т. п., то они должны бы прійти отъ дѣйствій учителя въ совершенное изумленіе и счесть его помѣшаннымъ. Зачѣмъ онъ принесъ кусокъ стекла, будто мы никогда стекла не видали? Зачѣмъ онъ спрашиваетъ, гдѣ еще стекло, точно мы не умѣемъ узнать стекла? Зачѣмъ заставляеть глядѣть въ окно? Зачѣмъ затворяетъ ставни и т. п. Еслибы, говоримъ, дѣти не знали, что это ученье, а не простое дѣло, то при этомъ необыкновенномъ закрытіи ставень они должны бы были прійти въ ужасъ, раскричаться и расплакаться со страху.

Любопытства ради приведемъ еще одинъ примѣръ. Въ декабрьской книжкѣ «журнала мин. нар. проsv. (1862)» есть слѣдующій образчикъ разговора учителя съ дѣтьми.

Учитель. Знаете что такое вода? Видали воду?

Ученики и. Видали, знаемъ.

Учитель. Чтоже такое вода?

Нѣкоторые говорятъ . вода, другіе : лужа.

Учитель. Вода похожа на камень, на дерево?

Ученики. Нѣтъ.

Учитель. Чѣмъ же вода не камень?

Ученики. Она льется.

Учитель. Какіе еще предметы могутъ, какъ и вода, литься?

Ученики. Вино, масло.

Учитель. Молоко можно лить?

Ученики. Можно.

Учитель. А кашу наприимѣръ, хлѣбъ также можно?

Ученики. Нѣтъ.

Учитель. Отчего же?

Ученики. Каша густая.

Учитель. А молоко.

Ученикъ. Жидко.

Послѣ подобныхъ плодотворныхъ упражненій учитель наконецъ объявляетъ, что есть предметы *тѣрдые* и есть предметы *жидкіе* и что *вода есть жидкость*.

Читатель видитъ, что здѣсь тотъ же духъ, таже метода, какъ въ предыдущемъ отрывкѣ. Точно также не видно къ чему идетъ дѣло и точно также предлагаются мальчикамъ вопросы, которые, еслибы принимались *за правду*, серьезно, должны бы были повергать учениковъ въ неминуемое изумленіе, наприимѣръ: *видали ли они воду? Можно ли лить молоко? Можно ли лить хлѣбъ?* Недостааетъ только одного: какъ тотъ учитель принесъ съ собою кусокъ стекла, такъ и этому нужно бы привести въ классъ стаканъ воды и давать ученикамъ щупать, смотрѣть и пожалуй пить эту воду. А еслибы онъ потрудился еще захватить и хлѣбъ и камень, то ужъ куда бымо бы хорошо и для дѣтей полезно.

Въ приведенномъ разговорѣ бросается въ глаза еще одно обстоятельство. Учитель задаетъ ученикамъ вопросы, представляющіе самую высокую степень отвлеченія, наприимѣръ: *что такое вода? чѣмъ вода не камень?* Слѣдовательно онъ предполагаетъ въ дѣтахъ уже готовую способность къ подобной отвлеченности. И однакоже какъ видно онъ только шутитъ и собственно думаетъ остановиться на очень низкой степени отвлеченія. На вопросъ: *что такое вода?* онъ добивается отвѣта: *вода есть жидкость*; на вопросъ — *чѣмъ вода не камень?* удовлетворяется отвѣтомъ, что вода льется, а камень не льется. Развѣ это отвѣты? Развѣ то, что вода принадлежитъ къ жидкимъ тѣламъ, разрѣшаетъ вопросъ: *что такое вода?* Развѣ между камнемъ и водою только и есть различія, что вода льется, а камень не льется?

Конечно дѣти едвали найдутъ болѣе глубокіе отвѣты; но зачѣмъ

же притворяются, что эти отвѣты вызваны у нихъ созерцаніемъ хлѣба, молока и т. п., тогда какъ они собственно возбуждены уже существующими у нихъ нормами отвлеченія? Кто понимаетъ вопросъ: что такое вода? тотъ очевидно обладаетъ такими формами мысли, такими объемами отвѣта, которыхъ не пополнить собою положеніе: вода есть жидкость. Но учитель считаетъ нужнымъ прикидываться, что дѣти не ищутъ и неспособны искать *понятія* о водѣ, а что будто бы они идутъ небывалымъ и невозможнымъ путемъ *постепеннаго* отвлеченія, будто сравнивая воду, камень, молоко, они будутъ весьма счастливы достигши свѣдѣнія, что вода жидка какъ молоко, а не тверда какъ камень.

Такова и вся эта педагогика; она руководитъ и развиваетъ только повидимому, а въ сущности пользуется готовыми нормами и уже развившимися приѣмами дѣтской мысли; она играетъ уже на натянутыхъ и настроенныхъ струнахъ, тогда какъ воображаетъ, что сама ихъ натягиваетъ и настраиваетъ.

Читатель видитъ, что мы касаемся здѣсь весьма важныхъ вопросовъ, полное развитіе которыхъ повело бы насъ очень далеко. Чтобы еще вѣсколько познакомить читателей съ этимъ *низменнымъ* повиваніемъ души и мысли, до котораго дошли нѣмцы въ «своей премудрости, которое обнаруживается во многихъ другихъ случаяхъ и направленіяхъ и имѣетъ рѣшительное господство въ теоретической педагогикѣ», мы приведемъ здѣсь еще одинъ отрывокъ, случайно намъ поившійся и по нашему мнѣнію весьма многозначительный.

Есть у насъ педагогическій журналъ «Учитель», по наружности русскій, по внутренности — вѣмецкій; онъ издается гг. Паульсовомъ и Весселемъ. Въ прошломъ году въ немъ начата (съ № 10) «Практическая логика», излагаемая по книгѣ: «*Практическая наука мышленія, разработанная Дреслеромъ по Бенеке*». Изъ этой-то логики, какъ изъ логики, принадлежащей прямо школъ «Новыхъ Психологовъ», мы выпишемъ одинъ параграфъ.

СУЖДЕНІЯ НЕВПОЛНѢ ПРАВИЛЬНЫЯ (НЕСОВЕРШЕННЫЯ.)

Въ разсмотрѣнныхъ нами до сихъ поръ сужденіяхъ сказуемыми были такія понятія, которыя или вполне и совершенно принадлежали подлежащимъ, или же вовсе имъ не принадлежали (*такія сужденія очевидно признаются этою логикою правильными; пусть такъ.*)

Но кромѣ этихъ отношеній между подлежащимъ и сказуемымъ бываютъ еще и другія (*бываютъ, т. е. опредѣляются по законамъ мышленія чтоли?*) Часто случается, что сказуемое не принадлежитъ вполне подлежащему, но имѣетъ съ нимъ только нѣчто общее и на этомъ

основаніи приписывается ему, замѣняя собою другое, имѣющее къ подлежащему болѣе близкое отношеніе.

Удивительно! Неужели это бываетъ? На *томъ основаніи*, что одно сказуемое имѣетъ только нѣчто общее съ подлежащимъ, это сказуемое замѣняетъ собою другое сказуемое, имѣющее къ подлежащему болѣе близкое отношеніе. Да кто же такъ глупо мыслить? Въдь по всѣмъ основаніямъ второе сказуемое должно замѣнять собою первое. Въ самомъ дѣлѣ это должно-быть *неправильныя* сужденія! Читатель сейчасъ увидитъ въ чемъ загадка.

Возьмемъ для примѣра слѣдующія фразы: мѣсяцъ свѣтитъ, мѣсяцъ улыбается; день начинается, день просыпается; пѣніе птицъ прекращается, пѣніе птицъ замираетъ: юность богата радостями, юность есть весна жизни; утѣшеніе успокоиваетъ, утѣшеніе есть цѣлебный бальзамъ, и пр.

Читатель догадывается, что эти сужденія не даромъ поставлены попарно; но едвали онъ догадается, что въ каждой парѣ первое считается правильнымъ, а второе неправильнымъ. Между тѣмъ это такъ. Въ самомъ дѣлѣ слушайте дальше.

Но можетъ ли мѣсяцъ улыбаться, есть ли на самомъ дѣлѣ юность весна, утѣшеніе бальзамъ и т. д.?

Намъ кажется недоумѣвающій читатель на подобныя вопросы г. Дреслера, излагающаго логику по Бенке, былъ бы весьма склоненъ отвѣчать слѣдующимъ образомъ: или вы сами совершенно глупы, или меня считаете глупцомъ, какого еще свѣтъ не производилъ. Кто же думаетъ увѣрять васъ или кого бы то ни было, что мѣсяцъ дѣйствительно улыбается, а утѣшеніе есть не что иное какъ бальзамъ? Вы, какъ видно, не понимаете самой простой человѣческой рѣчи. Когда говорятся подобныя вещи, то само собою разумѣется, что дѣло не въ буквальномъ смыслѣ. Только тотъ кто изъза словъ не видитъ мысли, можетъ вообразить здѣсь какую-нибудь неточность.

Съ другой стороны, пишетъ Дреслеръ, улыбка не имѣетъ ли чего общаго съ мѣсяцемъ, весна съ молодостью? Ужели цѣлебный бальзамъ рѣшительно противоположенъ утѣшенію?

Опять какіе-то дикіе вопросы. Развѣ тотъ кто скажетъ: *мѣсяцъ улыбается*, думаетъ сколько-нибудь утверждать, что между мѣсяцемъ и улыбкою есть что-то общее? Развѣ тотъ, кто назоветъ утѣшеніе бальзамомъ, имѣетъ въ мысли отрицать между ними всякое различіе? По той логикѣ, которую мы разбираемъ, это выходитъ такъ.

Веселость — говорить она — которая проявляется въ улыбкѣ, дѣйствительно идетъ мѣсяцу (*т. е. небесному тѣлу, спутнику земли? Ничего мало не идетъ!*); ему нельзя только приписать измѣненій въ лицѣ, которыми необходимо сопровождается улыбка (*удивительно! Ужъ скорѣе же наоборотъ я повѣрю, что у мѣсяца вышли эти измѣненія въ лицѣ, чѣмъ тому, что онъ развеселился.*) Радость, творчество и возрастаніе, которыя замѣтны въ веснѣ, обнаруживаются и въ юности (*неужели ты самая?*); ей нельзя приписать только того признака весны, что она есть трехмѣсячное время года, слѣдующее за зимою (*напротивъ: какъ весна есть время года, такъ и юность есть время жизни.*) Уменьшеніе боли, доставляемое бальзамомъ свойственно также и утѣшенію (*дѣло идетъ совсѣмъ не о боли*); ему (*утѣшенію*) нельзя приписать только дѣйствія на тѣло и вещественности, замѣчаемыхъ въ бальзамѣ (*напротивъ: успокоеніе души хорошо дѣйствуетъ и на тѣло.*)

Всѣ эти до изумительности нелѣпныя разсужденія какъ нельзя лучше показываютъ, что логика, о которой идетъ рѣчь, вовсе не понимаетъ переносныхъ или образныхъ выраженій; не мудрено по этому, что она считаетъ ихъ неправильными, несовершенными. Между тѣмъ каждому неперемудрившему человѣку совершенно понятно, что эти выраженія могутъ быть такъ правильны, точны и вѣрны, могутъ такъ ясно и отчетливо изображать мысль, какъ только можно этого пожелать. Они законны и правильны, потому что для человѣческой души слова всегда служатъ не прямымъ выраженіемъ, а только оболочкою мысли; не мудрено, что нѣмецъ, принявшій эту оболочку за самую суть, за самую душу, перепуталъ дѣло и ничего въ немъ не понимаетъ. Посмотрите къ какимъ заключеніямъ онъ приходитъ!

Очевидно, что въ приведенныхъ нами сужденіяхъ сказуемыми служатъ такія понятія, которыя не вполнѣ идутъ къ подлежащимъ, потому что только часть ихъ признаковъ, а отнюдь не всѣ заключаются въ подлежащихъ (*например веселость заключается въ мѣсяцѣ, а измѣненія лица не заключаются*). Съ эстетической точки зрѣнія подобныя сужденія цѣнятся по большей части гораздо выше всѣхъ другихъ сужденій, потому что они возбуждаютъ болѣе мыслей (*странно! неправильныя сужденія возбуждаютъ болѣе мыслей, чѣмъ правильныя!*) и нерѣдко могутъ приводить въ пріятное расположеніе духа. Но нельзя сказать о нихъ того же, если разсматривать ихъ съ логической точки зрѣнія (*а можно ихъ такъ разсматривать? Можно ихъ разсматривать съ такой будто бы логической точки зрѣнія, какъ ваша?*) Логика стремится вовсе не къ тому, чтобы доставлять людямъ пріятное настроеніе духа, но къ тому чтобы вести ихъ къ истинѣ; а въ этомъ отношеніи разсматриваемыя нами сужденія приносятъ такъ мало пользы, что должны быть поставлены ниже всѣхъ другихъ.

До чего, подумаешь, доводятъ любовь къ истинѣ! О какихъ сужденіяхъ говорить авторъ? Онъ смѣшиваетъ выраженіе съ своею мыслью и очевидно говорить объ образныхъ *выраженіяхъ* какъ объ особаго рода сужденіяхъ. Но развѣ есть здѣсь смыслъ? Развѣ можно сказать: сужденія, выраженные образно, не такъ вѣрны какъ сужденія, выраженные по возможности безъ образовъ? Вѣрны они или не вѣрны — вѣдь это зависитъ отъ самихъ сужденій, а не оттого какъ они выражены. Настоящая же мысль, содержащаяся во всѣхъ приведенныхъ толкованіяхъ, будетъ такая: *образныя выраженія, если принять ихъ не за образныя, а за настоящія, ивѣрны.* Глубокое логическое правило!

Предметъ любопытный. Нужно имѣть очень странное понятіе о мышленіи для того, чтобы видѣть въ образныхъ выраженіяхъ не пособіе для мысли, а напротивъ опасность и вредъ. Кто боится, что мышленіе смѣшаетъ себя съ своею формою, что образное выраженіе можетъ быть принято буквально, тотъ очевидно ставитъ мышленіе очень низко, тотъ не видитъ еще въ мышленіи той существенной его силы, при которой оно далеко отъ подобныхъ опасностей. Какое понятіе имѣеть о мышленіи логика новыхъ психологовъ, мы всего лучше можемъ узнать изъ тѣхъ *положительныхъ* требованій, которыя она дѣлаетъ относительно правильности сужденій. Вотъ эти требованія:

Сказуемая въ сужденіяхъ должны принадлежать къ тому же классу представленій, къ которому принадлежатъ и подлежащая, т. е. для подлежащаго, заимствуемаго изъ чувственнаго міра, и сказуемое нужно заимствовать изъ того же міра; для подлежащаго, взятаго изъ духовнаго міра, и сказуемое нужно брать изъ духовнаго же міра.

Поэтому улыбку строго нельзя приписать мѣсяцу, такъ какъ она составляетъ собою явленіе, протекающее изъ души, а мѣсяць есть предметъ вещественный; точно также не гармонируютъ другъ съ другомъ «бальзамъ» и «утѣшеніе», потомучто бальзамъ есть нѣчто матеріальное, а утѣшеніе нѣчто духовное.

Далѣе въ области предметовъ чувственныхъ видимое, т. е. воспринимаемое чувствомъ зрѣнія должно быть и опредѣляемо сказуемымъ изъ круга предметовъ, воспринимаемыхъ чувствомъ зрѣнія, слышимое — слышимымъ и т. д.; въ области предметовъ духовныхъ подлежащее, заимствуемое изъ круга представленій, должно и опредѣляться сказуемымъ изъ круга представленій, желаніе — сказуемымъ изъ міра желаній и т. д.

Соблюденіе всего этого необходимо, если только имѣть цѣлью истинныя познанія, въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Итакъ вотъ каковы должны быть правильныя сужденія. Существовать, какъ вы видите, различные міры; прежде всего міръ во-

дѣственный и міръ духовный, потому міръ вещественный подраздѣляется на міръ видимый, міръ слышимый и т. д.; міръ духовный состоитъ изъ міра представленій, міра желаній и т. д. Такъ какъ это уже рѣшено и покончено (судя по всему прежде, чѣмъ начивается мышленіе), то правильное мышленіе ни въ какомъ случаѣ не должно перескакивать изъ одного міра въ другой; между этими мірами (любопытво бы знать, сколько ихъ всѣхъ-то?) существуютъ непроницаемыя перегородки, и слѣдовательно — показать видѣть, что есть нѣчто, въ чемъ одинъ изъ нихъ сдвигается съ другимъ, значитъ произвести самую страшную ложь.

Такъ выходитъ по логикѣ г. Дреслера, разработавшаго Бенеке; но не такъ это бываетъ въ дѣйствительности. Въ дѣйствительности мышленіе есть не что иное, какъ то, что г. Дреслеръ считаетъ совершенною ложью; въ дѣйствительности оно соединяетъ всѣ міры въ одинъ міръ, составляетъ связь и центръ всего своего содержанія. Тотъ не мыслить, кто слышимое только слышитъ, видимое только видитъ, представляемое только представляетъ, желаемое только желаетъ и проч. Въ такой формѣ едва ли мы можемъ вообразить себѣ даже душевную жизнь животныхъ. Мыслить же значитъ соединять, связывать, значитъ становится на неподвижную центральную точку и озарять съ этой точки однимъ и тѣмъ же свѣтомъ весь горизонтъ душевной области. По Дреслеру и Бенеке мысль есть какое-то пустое мѣсто, наполняемое разнородными предметами, одними изъ области слуха, другими изъ области зрѣнія, третьими изъ міра желаній и проч. Между-тѣмъ мысль никогда такъ не образуется, никогда не составляется механически: она имѣетъ въ самой себѣ источникъ, изъ котораго развивается. Повторимъ наше прежнее выраженіе: мысль движется не снизу вверхъ, а сверху внизъ, не отъ окружности къ центру, а отъ центра къ окружности.

Это доказывается и образными выраженіями. Положимъ поэтъ говорить: *звѣзды улыбаются*. Думаетъ ли онъ при этомъ смѣшать міръ мертвыхъ предметовъ съ міромъ живыхъ? Думаетъ ли онъ приписать звѣздамъ улыбку, или въ улыбкѣ видѣть объясненіе сіянія звѣздъ? Подобныя предположенія уничтожаются самою своею нелѣпностью. Очевидно дѣло идетъ не объ отношеніи между звѣздами и улыбками, и даже вовсе не о звѣздахъ и улыбкахъ; очевидно мысль поэта содержится и родилась совершенно въ другой сферѣ. Изъ этой сферы она выходитъ и соединяетъ въ одинъ образъ сіяніе звѣздъ и улыбку. Такимъ образомъ мысль не составляется, не слагается, не происходитъ изъ соединенія звѣздъ и

улыбки, а напротив уже существующая, уже готовая, она, зная что она дѣлаетъ, соединяетъ въ одно выраженіе звѣзды и улыбку.

Итакъ существуетъ внутренній процессъ мысли, совершающійся по своимъ самобытнымъ законамъ. Отъ этого процесса, которому свойственна полнѣйшая сосредоточенность, зависитъ то *единство*, безъ котораго невозможно никакое познаніе. Поэтому мысли не складываются изъ частей (онѣ не имѣли бы единства) и не вносятся въ душу извнѣ (онѣ были бы чѣмъ-то ей чуждымъ), а рождаются и развиваются собственными силами души.

На какіе бы различные міры мы ни раздѣляли существующее, міръ мысли очевидно будетъ стоять внѣ этихъ міровъ, будетъ служить имъ средоточіемъ, или какъ обыкновенно говорятъ, будетъ обнимать собою всѣ эти міры.

На этихъ немногихъ замѣчаніяхъ мы пока остановимся. О *изменномъ* пониманіи души и мысли, противъ котораго мы говорили, можно сказать еще многое; оно обнаруживается очень обыкновенно и часто тамъ, гдѣ его трудно было бы ожидать.

Н. СТРАХОВЪ

Слово и Дѣло, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, Ѳ. Н. Устрялова.

(письмо въ редакцію «Времени»)

Мы ничего не имѣемъ противъ нигилистовъ. Помилуйте, было бы очень странно, еслибы при добротѣ нашего сердца и проникательности нашего ума мы что-нибудь противъ нихъ имѣли. Известно всѣмъ и каждому, что нигилисты, а также и нигилистки составляютъ едва ли не лучшую полосу современныхъ людей.

Признаемся, что мы вообще считаемъ людей за весьма плохой народъ: они большею частью своекорыстны, завистливы, мелочны, тщеславны, самолюбивы и проч. и проч. Нигилисты выгодно отличаются отъ общей массы. Они просты, серьезны, ищутъ дѣла и занимаются дѣломъ, презираютъ мелочи; у нихъ нѣтъ той фальшивой наружности, о которой такъ много хлопочутъ другіе; поэтому, приходя въ сопрякосновеніе съ ними, невольно чувствуешь свѣжее впечатлѣніе живой души.

Если же такъ, то не было ли бы съ нашей стороны очень странно и удивительно, еслибы мы не сочувствовали нигилистамъ?

Итакъ мы сочувствуемъ имъ всею душою; но вотъ въ чемъ наша бѣда — нигилизму мы нимало не сочувствуемъ и даже весьма мало признаемъ его существованіе. Такъ какъ дѣло пошло на откровенность, то попробуемъ прямо высказать свои мысли. Мы тѣмъ смѣлѣе можемъ это сдѣлать, что нигилисты люди простые и прямые и не поставятъ намъ въ грѣхъ нашихъ искреннихъ убѣжденій, составившихся безъ всякаго вліянія личныхъ интересовъ.

Дѣло въ томъ, что нигилизмъ по нашему мнѣнію едва ли существуетъ, хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что существуютъ нигилисты. Какъ это ни странно съ перваго взгляда, но это бываетъ. Есть напримѣръ *спиритисты*, люди, вѣрящіе въ движеніе столовъ и въ ихъ способность предвѣщать будущее, а между тѣмъ столовъ,

способныхъ двигаться отъ дѣйствія духовъ и предвѣщать будущее, навѣрное нѣтъ. Подобныхъ примѣровъ можно бы привести множество. Такъ точно и у насъ. Едва ли существуетъ то что называется нигилизмомъ, а между тѣмъ есть много людей и между ними много прекрасныхъ людей, признающихъ нигилизмъ.

Попробуемъ изложить дѣло такъ, какъ мы знаемъ его по нашему крайнему разумѣнью. Намъ кажется, что нигилизмъ (замѣтьте не нигилисты) одолженъ своимъ происхожденіемъ главнымъ образомъ противникамъ нигилистовъ. Эти противники, люди наблюдательные, самолюбивые, тонкіе, тотчасъ замѣтили темную и пеструю толпу, которая или не глядѣла на нихъ, или была готова при первомъ удобномъ случаѣ отъ нихъ отвернуться. Будучи очень щекопливы и провицательны, они тотчасъ остановили на этой толпѣ свое вниманіе и принялись анализировать ее со всѣмъ искусствомъ, которымъ обладали. Толпа (да простятъ намъ это названіе; мы не разумѣемъ подъ нимъ ничего дурного) какъ и всегда была преисполнена безчисленныхъ зачатковъ и хорошаго и дурного; это былъ несложившійся, туманный, чреватый будущимъ хаосъ. Лучшимъ орудіемъ противъ нея были бы повые лучи свѣта, новыя, животрепещущія созданія, новые организмы, которые потянули бы въ себя изъ этого хаоса живые соки и тамъ его разсѣяли бы. Но противники поступили иначе. По своему бесплодію, или по излишней раздражительности и недовѣрію къ себѣ, они пришли къ убѣжденію, что въ этомъ хаосѣ начинается своеобразная, самостоятельная организація. Тогда они принялись за дѣло съ великимъ прилежаніемъ и съ чрезвычайною добросовѣстностью. Послѣ нѣкоторыхъ пробныхъ розысковъ и обследованій лучшій мастеръ, которому только можно было поручить подобное дѣло, И. Тургеневъ, изобразилъ живьемъ, съ кровью и плотью — представителя, образцоваго члена загадочной толпы. Миѣнія и чувства этого представителя были превосходно сгруппированы и доведены до возможной отчетливости и гармоніи. Въ завершеніе всего Тургеневъ открылъ и создалъ самое трудное; онъ угадалъ имя этого человека, онъ назвалъ его *нигилистомъ*.

Имя — звукъ пустой! Но кто не знаетъ, какъ важно въ этомъ случаѣ имя? Вѣдь это тоже, что знамя, развивающееся у всѣхъ на виду, всѣмъ указывающее цѣль, всѣхъ ободряющее и укрѣпляющее сознаніемъ единства. Да, имя много значить! Объ этомъ говорить уже Мефистофель:

Когда недостаетъ понятій,
Тогда-то имена и котаи!

И въ самомъ дѣлѣ изъ всего, что есть въ романѣ Тургенева, слово *нигилизмъ* имѣло самый громаднѣйшій успѣхъ. Оно было принято безпрекословно и противниками и приверженцами того, что имъ обозначается. Но съ особенною радостью кажется схватились за это слово приверженцы, то есть толпа, то есть хаосъ, словомъ, то что до тѣхъ поръ было безвиднымъ и безыменнымъ и что вдругъ получило видъ и имя! Теперь это имя повторяется въ печати ежедневно и ежемѣсячно нескончаемое число разъ.

Не такъ легко и успѣшно было дѣло съ тѣми *понятіями*, которыя придалъ Тургеневъ своему нигилисту Базарову. Вы помните страшную разногласицу, поднятую поповоду этихъ понятій. Одни нашли ихъ вполне согласными съ идеею нигилизма, другіе, во всякъ случаѣ въ чемъ дѣло и подозрѣвая во всемъ коварный и тайный умыселъ, вооружились противъ нихъ насколько могли. Кто устранилъ эти затрудненія? Кто разъяснилъ дѣло и освободилъ его отъ недоразумѣній и противорѣчій? Опять они же, противники нигилизма. Они употребили всѣ усилія, чтобы исправить ошибочное пониманіе Базарова, отдѣлать существенное отъ случайнаго, и вообще выставить черты нигилизма какъ можно яснѣе и выуклѣе.

Итакъ во всей этой исторіи мы видимъ одно: нигилизмъ ничего для себя не сдѣлалъ; все для него сдѣлано его противниками. Они создали ему героя, дали ему имя, заботились объ его истолкованіи.

Мы были бы очень счастливы, если бы читатели согласились, что въ нашихъ заключеніяхъ, какъ они ни похожи на парадоксъ, есть своя доля правды. Говоримъ безъ всякой задней мысли и безъ всякихъ тайныхъ притязаній. Впрочемъ сколько мы ни рассчитываемъ на благосклонность и снисхожденіе читателей, мы не рѣшились бы высказывать нашихъ мыслей въ настоящее грозное и воинственное время, если бы недавно не встрѣтили для нихъ разительнаго доказательства, или по крайней мѣрѣ подтвержденія, способнаго поколебать самыя твердыя убѣжденія въ значительности нигилизма.

На Мариинскомъ театрѣ появилась пьеса, которая тотчасъ возбуждала вниманіе, произвела толки и до сихъ поръ пользуется успѣхомъ. Она называется: «Слово и Дѣло». Шумъ произведенъ оттого, что герой пьесы, нѣкто *Вертлевъ*, напоминаетъ собою тургеневскаго Базарова, что онъ принадлежитъ къ этому типу, будто бы воплощающему въ себѣ наши новѣйшія стремленія. Но въ этомъ еще не все; говорили, что Вертлевъ сверхъ того есть исправлен-

ный Базаровъ, что авторъ въ немъ поправилъ дѣло Тургенева, буд-то бы умышленно искажившаго черты своего героя. (1)

Итакъ вотъ новое, послѣднее воплощеніе нигилизма. Судя по слухамъ можно было подумать, что настоящій нигилистъ наконецъ найденъ. Услужливые люди уже корили Вертяевымъ Тургенева; они говорили, что настоящій нигилизмъ, тотъ, который исповѣдуются этимъ героемъ, есть вещь прекрасная и что успѣхъ пьесы ясно показываетъ сочувствіе общества этому нигилизму, какъ направленію дѣйствительно свѣжему и новому. Однимъ словомъ они очень громко трубили побѣду.

Казалось бы кому бы и не знать въ чемъ дѣло, какъ не людямъ услужливымъ, которые, говорятъ, по глазамъ угадываютъ, чего хочется предмету ихъ ухаживаній? Если они признали Вертяева подлиннымъ нигилистомъ, то должно быть это и на самомъ дѣлѣ нигилистъ, и притомъ не какой-нибудь Базаровъ, наводящій смущеніе и неудовольствіе, а напротивъ нигилистъ, на котораго пріятно взглянуть всякому нигилисту.

Но что же оказывается? Намъ странно, какъ могли услужливые люди дать такое толкованіе пьесѣ г. Устрялова; намъ даже нѣсколько совѣстно за ихъ проникательность. Вѣдь пьеса собственно должна бы носить слѣдующее заглавіе:

ВЕРТЯЕВЪ

или

нигилистъ, раскаявшійся въ своемъ нигилизмѣ.

Въ самомъ дѣлѣ вся комедія построена на самой простой и невинной идейкѣ, именно на томъ, что человѣкъ, отвергающій любовь на словахъ, на дѣлѣ можетъ влюбиться по уши. Отсюда и ея заглавіе: «Слово и Дѣло», которое значитъ: на словахъ человѣкъ одинъ, а на дѣлѣ другой. Отсюда даже и названіе героя: *Вертлеовъ*, названіе вовсе не героическое и показывающее, что его обладатель не стоитъ твердо, а *вертится*, когда отъ слова доходитъ до дѣла.

Стоитъ только разъ убѣдиться въ невинности затей автора, чтобы тотчасъ постигнуть его мысль и не искать для нея никакихъ глубокихъ и далекихъ смысловъ. Пьеса построена не дурно; но въ ней нѣтъ характеровъ и слѣдовательно нельзя искать ни особенной глубины, ни особеннаго склада въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ лицъ.

(1) Въ редакцію было доставлено много критическихъ статей, въ которыхъ новая комедія разсматривалась съ такой точки зрѣнія. Ред.

Чтобы читателямъ ясно было, какъ понимается въ пьесѣ главный герой и все содержаніе комедіи, выпишемъ почти весь послѣдній монологъ Вертяева, составляющій очевидное правочленіе басни.

• Когда вы встрѣтите — говорить онъ — такого человѣка, каковъ я былъ прежде, когда онъ на вашихъ глазахъ будетъ *отвергать все*, ломать всякое чувство, признавать только одинъ разумъ, жить однимъ умомъ, признавать одну видную пользу — *не вѣрьте!* Это только слово. Вы смотрите на *дѣло!* Не вѣрьте ему! онъ *лжетъ!* Онъ лжетъ противъ самого себя, неумышленно, невольно, съ убѣжденіемъ, но... лжетъ! Пусть онъ *говоритъ!* пусть видитъ одну прозу въ жизни, пусть нѣтъ для него *ничего святого*, кромѣ пользы, ничего завѣтнаго, кромѣ опыта. Настанетъ минута и онъ узнаетъ... узнаетъ навѣрно, что есть въ жизни *что-то другое*, въ чемъ мы не властны, что не отразимо, что влечетъ насъ къ себѣ и побѣждаетъ... Онъ узнаетъ и *повѣритъ!*.. Я говорю это по опыту, и дай-богъ, чтобы всякій это испыталъ... тогда не будетъ фальшивыхъ убѣжденій!..

По этому малому отрывку читатель можетъ судить и о смыслѣ комедіи, и о ея выполненіи, о манерѣ, языкѣ и проч. Складу очень мало. Не забудьте, что Вертяевъ здѣсь разомъ высказываетъ и свои старыя, и свои новыя убѣжденія. Куда какъ хорошо слѣплены и тѣ и другія! Особенно какъ подумаешь, что по старымъ-то убѣжденіямъ Вертяеву хотѣлось быть роднымъ братомъ Базарову.

Но примемъ все за чистую монету, не за театральное представленіе, а за дѣйствительную жизнь. Такъ вотъ они каковы новѣйшіе нигилисты! Они — Вертяевы! Они сначала *лгутъ съ убѣжденіемъ*, а потомъ *узнаютъ и повѣрятъ!* Они сперва увлечены *фальшивыми убѣжденіями*, а потомъ когда *настанетъ минута*, раскаяваются въ этихъ убѣжденіяхъ!

Чтожъ? Должно-быть въ самомъ дѣлѣ хорошіе люди! Покаются никогда не поздно; одно только худо — они имѣютъ право на названіе *нигилистовъ* только до раскаянія, а какъ покаются, то необходимо должны отрѣчься отъ этой привилегіи и стать просто людьми какъ и всѣ.

Признаемся, что такимъ образомъ мы снова повергаемся въ великое неолоуміе. Чтоже такое *нигилизмъ*, если ни одному слову *нигилистовъ* вѣрить нельзя, если каждое изъ нихъ въ известную *минуту* можетъ оказаться *ложью* и *фальшивымъ* убѣжденіемъ? Изъ комедіи «Слово и Дѣло» явное заключеніе только одно: *нигилисты* прекрасные люди, но ихъ мнѣнія, ихъ *нигилизмъ* есть нѣчто такое, въ чемъ они рано или поздно должны раскаяться.

Намъ скажутъ можетъ-быть, что мы во всемъ этомъ дѣлѣ ошибаемся, что тотъ кто сочинилъ комедію, тѣ, которые ее смотрѣли

и тѣ, которые объ ней толковали, не имѣютъ никакого понятія объ настоящемъ нигилизмѣ. Мы готовы съ этимъ согласиться, но имѣть съ тѣмъ съ грустью должны будемъ убѣдиться, что нигилизмъ есть вещь темная, неопредѣленная, еще мало проявившаяся, такъ что относительно ея самые усердные люди легко впадаютъ въ грубѣйшія ошибки.

Такъ или иначе — намъ во всякомъ случаѣ искренно жаль. Русская земля, какъ извѣстно, земля неплодная, пустынная. Нѣкоторое время мы обольщались надеждою, что на ней уже расцвѣлъ и распустился нигилизмъ. Какъ бы мы ни относились къ нему лично, все-таки пріятно было думать, что что-то есть, что на что-то можно посмотреть и что-то можно послушать. И вдругъ на томъ мѣстѣ, куда обратилось столько взоровъ, оказывается, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, мракъ и пустота, а по большей мѣрѣ безвидный и безымянный хаосъ.

Можетъ-быть это и не такъ. Мы нимало не думаемъ ручаться за то, что таково именно настоящее положеніе дѣла; но согласитесь, что такъ можно подумать, если судить по нѣкоторымъ фактамъ, по этимъ комедіямъ и критикамъ, и вообще по всему, чѣмъ нигилизмъ заявилъ себя литературно.

Н. КОСИЦА

ЖУРНАЛЬНАЯ ЗАМѢТКА

О НОВЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ОРГАНАХЪ И О НОВЫХЪ ТЕОРИЯХЪ

Мы хотимъ сказать слова два о новопоявившихся и обновившихся періодическихъ изданіяхъ нашихъ, преимущественно о газетахъ. Говорить въ частности, подробно о каждомъ изданіи на этотъ разъ мы не будемъ. Мы только постараемся уловить новую мысль, новое слово новыхъ литературныхъ органовъ нашихъ, а признаки мысли, признаки новаго слова и новаго *направления* существуютъ. Намъ, равно какъ и всю читающую публику (такъ по крайней-мѣрѣ надо предполагать), еще съ осени поразило необыкновенное увеличеніе числа газетъ нашихъ. Издатели новыхъ органовъ настойчиво заявляли о своемъ появленіи къ 1-му января 63 года и увѣряли, что имъ что-то надо и даже необходимо сказать. Всѣ спрашивали, что-же именно они хотятъ сказать, съ какими новыми мыслями и анекдотами они явятся, что будутъ проповѣдывать? Очевидно одни изъ нихъ чувствовали, что необходимо какое-то слово и его надо договорить во чтобы ни стало. Другіе (изъ прежнихъ дѣятелей) настойчиво хотѣли продолжать прерванное обстоятельствомъ. Третьи стремились явиться такъ-сказать какъ плющъ на развалинахъ, какъ новая жизнь на старомъ разоренномъ пепелищѣ, или какъ Марин на развалинахъ Карфагена и кажется быми увѣрены, что пришло таки наконецъ время и ихъ новому слову, что кончилось l'abomination de la désolation; что пора русскому міру услышать мужей трезвыхъ, солидныхъ, положительныхъ, такъ-сказать практически понимающихъ глубину вещей и которымъ по праву давнымъ-давно слѣдовало бы захватить бразды русской литературы, но до сихъ поръ какъ-то не захватывалось. — Господа Краевскій, Скарятинъ, Катковъ и впроч. засвидѣтельствовали о себѣ и о своемъ призваніи въ пышнѣйшихъ объявленіяхъ. Даже господинъ Розенгеймъ съ своей «Занозой» пристегнулъ

себя къ сонму сихъ прозорливыхъ и главное практическихъ мужей. Даже предчувствовался отчасти г. Илья Арсеньевъ въ этой многознаменательной толпѣ новыхъ или лучше сказать самообновившихся столповъ нашей дѣятельности; даже потянуло откуда-то самимъ господиномъ Дудышкинымъ... Но въ послѣднемъ случаѣ насъ можетъ-быть обманываетъ наше литературное обоняніе, въ чемъ и сознаемся заранѣе. Однимъ словомъ ясно было, что это внезапное увеличеніе и самообновленіе нашихъ періодическихъ органовъ хотя конечно есть спекуляція, но все-таки не одна-же спекуляція. Мы почувствовали, что тутъ кому-то, зачѣмъ-то, хочется что-то сказать. И еслибъ даже вся эта газетоманія, все это надувающееся что-то сказать оказалось бы въ послѣдствіи чѣмъ-нибудь въ родѣ опухоли, чѣмъ-нибудь въ родѣ флюса отечественной словесности, то и тогда, рѣшили мы, было-бы не дурно, потому что даже опухоли и флюсы не бесполезны для зараженныхъ организмовъ. Черезъ опухоли и флюсы вытягивается изъ нихъ всякая дрянь... Но главное, повторяемъ еще разъ, предчувствовалось какое-то новое, навлевающееся словечко... И предчувствія насъ не обманули. Оказалось что и дѣйствительно было словечко.

Видали-ль вы, господа, а если видѣли, то не можете-ли себѣ przypomнить и представить стадо куриць, — ну какъ есть, положимъ хоть и съ пѣтукомъ, — внезапно испуганное какимъ-нибудь прохожимъ, какой-нибудь старушонкой, али мальчишкой, али наконецъ какой-нибудь собачонкой, бросившейся догонять какую-нибудь хохлатку для своего удовольствія? Стадо, съ крикомъ, немедленно разсынается и бѣжитъ куда попало въ паническомъ страхѣ. Да курица и постоянно, всю жизнь свою, до самаго супа, живетъ въ паническомъ страхѣ. Но вотъ гроза, чаще всего небывалая, прошла: хохлатки собираются опять въ кучу. Ихъ усиленные крики, тревожное, нервное и уторопленное кудактаніе все еще продолжаютъ и свидѣтельствуютъ объ ихъ душевномъ настроеніи. Но въ этихъ крикахъ уже нѣтъ отчаянія. Малодушные и раздражающіе ихъ вопли перешли уже въ какой-то даже солидный тонъ. Это уже какое-то новое, амбиціонное кудактаніе, въ которомъ чувствуется обида, амбиція, негодование, подавленное самолюбіе; такъ и слышится: «какъ это дескать смѣли насъ цотревожить? да кто это? да какъ это? Кудакъ-такъ-такъ!» Въ этомъ кудактаніи уже проглянуло чувство собственнаго достоинства, звучитъ солидарность съ прежними интересами; кудактается что-то такое какъ-будто о морали; слышится даже что-то какъ-будто о семействѣ, о собственности. Проступаетъ наконецъ доктринерство и въ заключеніи гордое торжество: «мы говорили, мы предсказывали, вотъ плоды! Кудакъ-

такъ-такъ !..» и проч. и проч. Разумѣется наше грубое сравненіе новыхъ органовъ съ хохлатками ни къ кому не можетъ относиться лично. Мы разумѣли только новый тонъ, новыя идеи, новые принципы, новый настрой нашихъ органовъ и все это въ самомъ отвлеченномъ и наименѣйшемъ смыслѣ. Употребили же мы это сравненіе, потому что оно намъ кажется чрезвычайно вѣрно.

Напримѣръ: испуганная курица все преувеличиваетъ. Новымъ органамъ, всѣмъ вмѣстѣ, (потому что у всѣхъ у нихъ видѣется одна общая мысль), тоже все кажется въ преувеличенномъ смыслѣ. Они толкуютъ съ усиленнымъ кудактаніемъ, въ которомъ еще слышится волненіе, что что-то потеряно, что-то проиграно, что общество въ чемъ-то оказалась несостоятельнымъ. Они собираются, въ прежнее стадо и тревожно повторяютъ: «мы говорили, мы предсказывали — вотъ плоды... и т. д.» Они какъ будто увѣрены или себя увѣрили, что была какая-то битва, какая-то катастрофа, «что ужъ республикой теперь не надуешь Андрея Александровича», что что-то упало, что-то погибло... А между тѣмъ, въ сущности, ничего не упало, ничего не погибло, ничего не пропадало, все тянется черезъ пень-колоду постарому и ничего такого особеннаго не произошло подъ чѣмъ бы можно было провести черту и подписать: *Finis*... Господинъ Скарятинъ (Русскій-листокъ № 1) намекаетъ даже на подметную литературу, на зарево пожаровъ и удивительно высокимъ слогомъ все это росписываетъ. Съ господиномъ Скарятинымъ, покрайней мѣрѣ въ направленіи, очевидно сходятся отчасти и прочія новыя и обновленныя изданія. А вѣдь такое смѣшеніе фактовъ понашему невѣрно. Что общаго съ прогрессивнымъ движеніемъ общества вообще и подметными листками неизвѣстной кучки? Смѣшивать то и другое значитъ прямо обвинять все прогрессивное общество, и преднамѣренно умалать до микроскопическихъ размѣровъ все что заявилось нашимъ обществомъ дѣльнаго, серьезнаго, святаго, неоспоримаго во всѣ эти шесть лѣтъ. Говорить, что народъ прямо обвинялъ въ пожарахъ наше юношество, опять невѣрно. И хоть г. Скарятинъ и прибавляетъ, что между юпошами виновниковъ не нашлось, соболѣзнуеть, жалѣеть о томъ, что народъ обвинялъ юношество, но видимо намекаетъ что народъ и не могъ не обвинять. Покрайней-мѣрѣ въ длинной діатрибѣ онъ прямо завершаетъ несостоятельность нашего прогрессивнаго движенія пожарами, и о пожарахъ онъ заговорилъ видимо не просто для эффекта. — А между тѣмъ и о народѣ тутъ не такъ. Совсѣмъ не такъ, прямая клевета. Народъ дѣйствительно обвинялъ, но кто подвинулъ его къ этому обвиненію, кто надоумилъ — а? Хохлатки и тогда уже бѣгали въ паническомъ страхѣ? Закулактали онѣ первыя? Не онѣ-

ли всему и виною, онѣ, которыя теперь перемѣшиваютъ факты и трубятъ побѣду...

Мы конечно не стали бы задѣвать лично господина Скаратава — изобрѣтающаго удивительныя вещи и максимы, но повторимъ, это кудактающее направление слышится и въ другихъ газетахъ, въ новыхъ и обновленныхъ; даже «День» и тотъ, въ первыхъ двухъ номерахъ своихъ, вышелъ съ сильнѣйшей диатрибой противъ нашего общества, обвиняя его въ несостоятельности передъ событіями. Но «День» проводилъ покрайней-мѣрѣ свою всегдашнюю идею; ему нужно было обвинить общество въ неспособности и несостоятельности чтобъ кончить, что все это отъ разрозненности съ почвой. Мы съ нимъ совершенно согласны, что общество наше разрознено съ почвой и рано или поздно замѣтило бы само свою несостоятельность. Но покажѣтъ бы оно замѣтило — оно заявляло себя. Оно чувствовало свое право; оно начало все что можно было начать; сдѣлало все что могло сдѣлать; если чего не сдѣлало, значитъ невозможно было то сдѣлать; если что сдѣлало не хорошо, то обвинять его опять таки невозможно, потомучто ему даже времени не дано было поправить свои ошибки. Отрицать это, значитъ преднамѣренно искажать, или съ намѣреніемъ не видѣть фактовъ. Такъ и дѣлаетъ «День» и намъ очень жаль, что онѣ сходится въ этомъ случаѣ съ всеобщимъ кудактаніемъ. Надо быть прежде всего справедливымъ и указать факты въ этомъ случаѣ очень грѣшно, потомучто такимъ искаженіемъ фактовъ запутывается общественное сознаніе.

Но покрайней-мѣрѣ «День» обвинялъ общество на серьезномъ основаніи. Прочіе же органы обвиняютъ кажется сами не зная почему и съ легкомысліемъ изумительнымъ. Даже трудно представить какъ можно такъ мало вдумываться въ факты, и не впасть того что всѣмъ ясно. Они думаютъ: теперь когда поле опять стало чисто, отчего жѣ и не попробовать запѣть въ новый тонъ? Только тонъ-то этотъ, госнода, слишкомъ старый и избитый. Онѣ сводится на тонъ тѣхъ приживалокъ и старыхъ бабушекъ, которыя молчатъ до первой катастрофы, вяжутъ чулки и переругиваются втихомолку. И потомъ вдругъ, при первомъ удобномъ случаѣ, всѣ онѣ поднимаются и начинаютъ стучать своей благодѣтельной, матушкѣ-помѣщицѣ: «вотъ, мы говорили, мы предсказывали, не хотѣли слушать, чтожъ вышло». А онѣ даже и не предсказывали прежде ничего, только звѣвали, да при этомъ ротъ крестили по обычаю.

Разумѣется всѣ новые органы выходятъ съ девизомъ: «умѣренность и акуратность». Это безспорно очень хорошій девизъ; но злоупотреблять имъ тоже нельзя. А какже тутъ не злоупотребленіе,

Господа, когда вы всё кричите и съ дѣтскимъ легкомысліемъ обвиняете общество, что оно одно во всемъ виновато, что оно лѣново, что въ немъ недостатокъ самодѣтельности, что эту самодѣтельность надобно возбуждать, что дѣтя не плачеть, мать не разумѣеть, что общество по всемъ пунктамъ оказалось несостоятельнымъ и проч. и проч. ?

Да справедливо-ли это ? Вдумывались-ли вы хоть сколько нибудь въ минувшіе факты ? Неужели они только прошли по головамъ вашимъ, нисколько не задѣвъ вашего соображенія ? Мы вѣдь вѣрить не хотимъ, что у васъ нѣ достало вниманія или пониманія. Вѣдь это слишкомъ было ясно и не въ углу происходило. Вѣдь труднѣе было непонять, чѣмъ понять. А если дѣйствительно недостало ни вниманія ни пониманія, такъ ужь не надо-бы и газетъ издавать. Слѣпой слѣпого водить не можетъ. Вникните и разсудите :

Вы обвиняете общество въ несостоятельности, въ лѣности, въ недостаткѣ самодѣтельности и проч. Но повторяемъ вамъ : общество заявляло себя по всемъ пунктамъ, всегда и вездѣ, ктожъ этого не помнить ? -- и именно заявляло себя ровно до тѣхъ поръ, ровно до той самой черты, до которой возможно было ему заявлять себя. Вспомните : общество заявило себя и по вопросу о распространеніи обществъ трезвости, и по вопросу о грамотности, и по вопросу о воспитаніи, и по вопросу о гласности, и по вопросу крестьянскому : оно составляло по этому вопросу съѣзды, комитеты, адреса. И большинство и меньшинство этихъ съѣздовъ заявляло, печатало свои мнѣнія, подавало ихъ по начальству. Потомъ происходили другіе съѣзды и другія собранія... Потомъ, особенно въ городахъ, дѣятельная часть общества заводила воскресныя школы, собирала сотрудниковъ, деньги, подписки. По дѣлу о воспитаніи достаточно указать хоть на дѣятельность графа Льва Толстого и его сотрудниковъ... И не знаемъ насколько именно всё эти заявленія, отдѣльныя мнѣнія, адреса были полезны правительству. Но что они были полезны — это несомнѣнно. Даже бѣдная литература наша и та составляла собранія и записки начальству по вопросу о цензурѣ, и ея соображенія, заявленныя ею и представленныя начальству во многомъ послужили потомъ на пользу высочайше утвержденной комиссіи по дѣламъ книгопечатанія, о чемъ и сама комиссія свидѣтельствуетъ въ своемъ новомъ проектѣ устава о книгопечатаніи. Однимъ словомъ общество сдѣлало все что могло сдѣлать, заявляло все что могло заявить. Если чего желаетъ, жаждетъ общество, такъ это именно возможности и теперь дѣлать и заявлять. Вамъ все это извѣстно. А между тѣмъ вы лезете съ обвиненіями. Вы, положимъ, и теперь не уйметесь и все таки будете обвинять : «Если такъ, скажете вы, кончились всё

эти заявленія и всѣ эти начатки дѣятельности нашего общества, то оно само виновато, потому что само не такъ дѣйствовало. Мало того: оно увлекалось, въ немъ не доставало порядка, разсудительности. Слышались буйные порывы, слышалось легкомысліе... Оно не внимало гласу мужей доктринствующихъ. Юная часть его стремилась къ гибели. Страсти были необузданы. Вездѣ проявлялись неумѣлость, неловкость, поспѣшность, горячка... горячка... однимъ словомъ и т. д. и т. д.»

Господа, это положимъ, все легко теперь говорить; теперь какъ-дѣло уже прошло, можно говорить какъ по писаному. И все таки изъ вашихъ разговоровъ дѣла не выйдетъ, а одна болтовня. Потому что вѣдь вы только болтаете и даже теперь не въ состояніи научить какъ надо бы было слѣвать. Да еслибъ даже вы и учили, то и тогда бы ваша наука никуда не годилась, потому что все бы это было только одна теорія, а намъ ужь довольно теорій, намъ надобно дѣла. А дѣлу иначе никто не научится какъ на практикѣ; и именно рядомъ ошибокъ, понеся можетъ-быть даже «значительную ссадку на бока». Следственно дѣло во всякомъ случаѣ останавливать нельзя было, если вы хотѣли дѣла. Но объяснимся точнѣе:

Вы обвиняете общество, что оно не такъ дѣйствовало, что въ немъ не доставало разсудительности и практическаго пониманія собственныхъ интересовъ, что оно увлекалось легкомысліемъ и т. д. и т. д. Но позвольте господа: гдѣ, когда, въ какихъ сваяхъ, въ какихъ доктринерствахъ видѣли вы, чтобъ общество, столѣтіями отучавшееся, и наконецъ совершенно отучившееся отъ дѣла, сразу, безъ науки, съ перваго шагу своего стало бы дѣйствовать не ошибаясь, не падая, солидно и безошибочно? Бывало ли такое общество когда на всей землѣ? Разверните какую вамъ угодно исторію и сирывтесь, — французскую, англійскую. Вѣдь это только г. Катковъ никогда не падаетъ, такъ ему и Теймсъ въ руки. А мы, люди простые, обыкновенные. Въ самомъ началѣ, лѣтъ шесть тому назадъ, приобрѣтенъ былъ великолѣпный результатъ: все общество проснулось, возстало въ одномъ великомъ движеніи и съ вѣрою и надеждою стало заявлять свои требованія. Дитя заплакало горько и добрая, чуткая мать начала его жадно слушать. Повторяемъ: этотъ результатъ былъ великолѣпный. Имъ надо было воспользоваться. Чтожъ дѣлали тогда вы, господа доктринеры? Вы смотрѣли розиня ротъ и ждали что вамъ тотчасъ сами влетятъ въ ротъ жареные дрозды и куропатки. О вы, погубившіе все дѣло, вы неумѣлые, вы сначала накричавшіе больше всѣхъ и потомъ первые закудактавшіе! Да кто-же вамъ велѣлъ, кто наталкивалъ васъ, ожидать немедленныхъ дроздовъ и куропатокъ? Какой юродивый, какал

старуха увѣрила васъ, что все пойдетъ безошибочно, солидно, безъ увлеченій, безъ легкомыслія? Зачѣмъ вы повѣрили этому? Неужели у васъ не достало сообразить, что никогда, нигдѣ, ни въ какомъ народѣ, отъ начала міра сразу никто не выступалъ безошибочно и тѣмъ болѣе противъ предрасудковъ, укоренившихся въ почвѣ столѣтіями и няѣвшихъ за собой — привычку къ нимъ общества. Надо было именно приготовиться ко всѣмъ ошибкамъ, ко всѣмъ паденіямъ, ко всѣмъ легкомысліямъ и не смущаться и не пугаться пустяковъ, изъ которыхъ вы, въ паническомъ страхѣ, надѣлали драконовъ и чудовищъ, напугали ими общество и такимъ образомъ, шесть лѣтъ, работая, сидились остановить движеніе. Еслибъ вы не были мертво-холодны по натурѣ вашей, еслибъ вы любили общее дѣло и желали его преуспѣянія, то вы бы повѣрили въ навзность и въ искренность заплакавшаго дитяти. Но вы ничему не повѣрили и успѣли остановить и пресѣчь все въ самомъ началѣ. Были конечно неловкости, безтактности было неумѣнье вести дѣло. Оговоримся однакожъ: было много и хорошаго не только заявленнаго, но даже уже сдѣланнаго этими безтактными, плодами которыхъ даже и вы теперь пользуетесь. Но оставимъ это хорошее, обратимся единственно къ безтактному, неумѣлому и легкомысленному. Позвольте господа, отвѣтите мнѣ еще на одинъ вопросъ: можно ли научиться плавать, никогда не сходя въ воду и не прикасаясь воды? А вѣдь вы именно этого требуете. Опять-таки говоримъ: ошибки нужно было предвидѣть и къ нимъ приготовиться терпѣливо и съ достоинствомъ. Надо было сообразить, что вѣдь не карточный домикъ начинался строиться. Надо было сообразить и повѣрить, что отъ ошибокъ дошло бы и до безошибочности, по крайней-мѣрѣ до какихъ-нибудь дѣйствительно выжитыхъ, не теоретическихъ, а практическихъ результатовъ. Надо было сообразить и повѣрить, что общество сознательно не можетъ идти противъ собственныхъ своихъ интересовъ, что *сознательно* оно не стало бы легкомысленничать когда дѣло до собственной шкуры доходило, что общество не стало бы свистать и шалить, а слѣд. *само* и *безо всякой* посторонней помощи съумѣло бы обуздать и горячихъ и легкомысленныхъ, врезившихъ дѣлу своей торопливостью и именно потому бы такъ поступило, что никакое общество не можетъ быть врагомъ собственныхъ своихъ интересовъ. А слѣдственно что надо было вамъ дѣлать? Поддерживать дѣйствія общества, ободрять публику, а не кудахтать въ паническомъ страхѣ. Стараться чтобъ никакимъ образомъ не могла быть пресѣчена начинавшаяся самодѣятельность общества; мало того стараться о твердыхъ гаран-

тіяхъ для продолженія этой самодѣятельности и съ увѣренностью ждать результатовъ. А то что вышло? Дѣйствія общества, вслѣдствіе вашего же паническаго страха и кудактанья, тотчасъ же пресѣкались въ самомъ началѣ и такимъ образомъ сами же вы дали право этимъ окудактаннымъ вами прогрессистамъ и дѣятелямъ вамъ же въ глаза сказать: «Вѣдь вы намъ не дали ничего докончить, слѣдственно и не имѣете права судить о томъ что бы вышло.» Да, это вы, вы и вамъ подобные все накудактали и смутили другихъ, отъ которыхъ зависѣло продолженіе общественной дѣятельности. Честь и слава только этимъ другимъ, что они во многомъ васъ не послушались, твердо вѣрили въ успѣхъ и реформу и многое хорошее успѣли таки совершить и докончить.

И теперь господа, теперъ повашему выходитъ, что надо причучаться къ практическому смыслу теоріей. Помилуйте, да въ теоріяхъ мы давно уже и учителей за поясъ заткнемъ, да еще какъ! Вѣдь вотъ учите же вы напимѣрь, а вѣдь извѣстно, что сами вы ровно ничего еще не сдѣлали. И въ чемъ заключается ваша теорія практической дѣятельности? Въ кудактаніи, въ покиваніи глазами своими и потомъ въ правилѣ: сложить руки, заткнуть по возможности свои пять чувствъ и возложить упованіе. Ну этакъ-то мы давно уже дѣйствовали. Чтожъ «Русскій Вѣстникъ» чтоли практиченъ по вашему, съ своими англійскими началами? Мы потому указываемъ на «Русскій Вѣстникъ», что считаемъ его за пѣтуха и предводителя всего стада вашего, хотя вы и претендуете, что у каждаго у васъ свое особое мнѣніе. Не безпокойтесь, въ кудактанья вы всѣ сходитесь. У «Русскаго Вѣстника» англійскія начала, онъ доктринеръ, его слушаютъ. А между-тѣмъ, повашему скорѣй систему Фурье можно у васъ ввести, чѣмъ идеалы г. Каткова, теймствующаго въ Москвѣ. Чѣмъ виноваты мы, что ему мерещится поклоненіе лордамъ, раздробленіе собственности на личномъ началѣ, вмѣсто нашего дворянства маркизы и лорды à l'anglais, образованіе, принимаемое какъ привилегія аристократіи, увеличеніе платы студентовъ и проч. и проч. Послѣднее, т.-е. вопросъ объ образованіи, есть со стороны «Русскаго Вѣстника» носягновеніе на самое драгоценное право народа русскаго, право дарованное ему Петромъ великимъ и единственное можетъ-быть, что только и есть безукоризненнаго въ реформѣ Петра великаго. Это право на образованіе, установлено имъ на самомъ демократическомъ и плодотворномъ основаніи. Въ этомъ вопросѣ Петръ великій сознательно презрѣлъ права породы, выставилъ впередъ образованнаго и поставилъ его выше боярина. Онъ хотѣлъ чтобы всѣ образовывались; потомки его это поняли и подерживали русское образованіе не иначе какъ на демократическомъ

петровскомъ началѣ. «Русскій Вѣстникъ» этого не хочетъ. Въ Англіи такъ не дѣлается... Но что говорить о «Русскомъ Вѣстникѣ» и о московскихъ теймсахъ. Игра въ карточные домики нашему обществу давно уже наскучила. Мы только указали на «Русскій Вѣстникъ» какъ на практическаго представителя кудактающихъ доктринеровъ... А теперь обратимся къ тому на чемъ остановились.

Положимъ, что наше общество не остановилось бы въ свободномъ заявленіи своихъ нуждъ и въ отысканіи немедленныхъ средствъ для удовлетворенія ихъ; оно тогда можетъ быть и дошло бы до того до чего дошолъ «День» путемъ глубокаго убѣжденія, т. е. до яснаго сознанія своей разрозненности съ почвой и съ народомъ и главное, до необходимости возвращенія на родную почву и соединенія съ народнымъ началомъ. Такъ что «Дню» нечего было бы и тревожиться и писать горькія діатрибы на наше общество, какъ лишеть онъ теперь и еще долго будетъ писать, потомучто на словахъ дѣло никогда не кончается, а напротивъ продолжается въ безконечность. Слѣдственно и «Дню» слѣдовало бы стоять за практическую самодѣтельность общества и вѣрить что она до добра доведетъ. Да и какъ не вѣрить? Чуть только началось у насъ хоть какое-нибудь практическое и свободное столкновеніе интересовъ общества и народа, (столкновеніе необходимо вызванное послѣдними реформами повсемѣстно), какъ тотчасъ же и началось повсемѣстно сближеніе народа и общества и тотчасъ же, повсемѣстно, стала сознательно появляться мысль о необходимости этого соединенія. Это такъ очевидно, что нечего и доказывать этого. Этого только слѣпой теперь не видитъ. И чѣмъ далѣе тѣмъ очевиднѣе будетъ. Мы съ твердымъ убѣжденіемъ начинали нашъ журналъ, провозгласивъ необходимость сближенія общества съ народнымъ началомъ, и досихъ—поръ заявляемъ и разъясняемъ эту мысль по возможности. Сколько насмѣшекъ и язвительныхъ криковъ мы вынесли отъ всѣхъ литературныхъ лагерей нашихъ. Но теперь; несмотря на усиленнымъ насмѣшки, переходящія даже въ ругательства, мы съ удовольствіемъ видимъ, что съ нами въ унисонъ начинаютъ пѣть чрезвычайно много голосовъ въ литературѣ. Въ новыхъ изданіяхъ повторяются наши мысли до буквальной точности выраженій. И однакожъ мы всегда будемъ стоять за правую сторону дѣла и хотъ надо признаться, наше общество заявляло себя, свои нужды и требованія дѣйствительно иногда легкомысленно, выставляя слѣпо западную цивилизацію и свысока смотря на народъ, но мы все-таки жалѣемъ, что кудакующее направленіе успѣло повредить начинающейся саможизненности нашей. Они испугались даже до того, что въ малодушномъ ослѣвленіи своемъ стали смѣшивать подметцію

литературу съ общою дѣятельностью всего общества. Повѣрьте, что само-развивающееся общество само сѣумѣло бы остановить и подметную литературу. Не стало бы оно легкомысленно жертвовать своими собственными интересами и не потерпѣло бы и у себя легкомыслія, а слѣдовательно и подметной литературы, которая была бы буквально невозможна.

Зачѣмъ же вы теперь, господа, когда уже все успѣли испортить, кричите, что общество лѣнливо, не самодѣятельно и не печется о своихъ интересахъ? Вы же да еще обвиняете общество? Что это насмѣшка или нѣтъ? Оговоримся: мы никого изъ васъ не обвиняемъ лично. Но направленіе теперешнихъ изданій вашихъ есть тоже самое доктринерствующее направленіе, которое еще такъ недавно остановило своимъ вліяніемъ такъ много задатковъ и возможностей. И потому, кто бы вы ни были лично, мы обвиняемъ теперь васъ, потому что у васъ тоже самое направленіе. Вотъ что господа мы вамъ скажемъ насчетъ лѣнности, необразованности общества и мы скажемъ нашу мысль безъ дальнихъ разсужденій, для краткости присказкой: Въ новой газетѣ «Очерки» помѣщена была довольно умненькая побасенка: «Продолженіе лѣтописи села Горохина», той самой лѣтописи, которую началъ еще Пушкинъ. (Кстати объ «Очеркахъ»: мы отчасти исключаемъ эту новую газету изъ числа другихъ новыхъ изданій и смотримъ на нее особо. Въ ней встрѣчаются иногда довольно вѣрныя мысли и недурныя статьи, а статьи принадлежащія г. Щапову положительно хороши. Жаль только одного, что въ этой газетѣ есть одинъ капитальный и кажется неисправимый недостатокъ, именно тотъ что она — не газета. Берете вы какой-нибудь номеръ, желаете что-нибудь знать о современномъ, вчерашнемъ, сейчапнемъ, а читаете пятое или шестое продолженіе о русскомъ бытѣ и о судьбѣ русской женщины при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Потомъ идетъ кяхтинская торговля, потомъ еще что-нибудь въ этомъ родѣ, потомъ слѣдуютъ производства въ чины и — дѣло кончено. Номеръ наполненъ. Нѣтъ, газеты такъ неиздаются. Это что-то издающееся по какому-то вдохновенію. А какъ издатели еще съ перваго шагу, съ первыхъ номеровъ не успѣли спохватиться и догадаться что такъ не издаются газеты, то мы къ сожалѣнію и считаемъ этотъ недостатокъ изданія «Очерковъ» и впродъ неисправимымъ). Въ этой «лѣтописи села Горохина» изображено, какъ крестьяне села въ началѣ даже не вѣрили посреднику, что они уже свободны вполне и недовѣрчиво выслушивали убѣжденія посредника къ поляйшей ихъ самодѣятельности. Приходитъ мужикъ съ просьбою о позволеніи поженить парня. Добрый и благородный посредникъ даже выговяетъ его: «ты свободенъ; сво

бодень, пойми ты это наконецъ, посконная твоя голова! К чему же ты лѣзешь съ такими просьбами, вѣнчай самъ какъ хочешь!» Послѣ этого мужики начинаютъ наконецъ вѣрять и радоваться. Вдругъ посредникъ собираетъ сходку. Сошлись охотно. Посредникъ предлагаетъ міру завести школу. Мужики почесываются: «Нѣтъ, батюшко, у насъ испоконъ вѣка школы не бывало, и отцы и дѣды наши грамотѣ не учились, такъ ужъ школу и теперь нечего заводить. Несогласны.» (Замѣтимъ въ скобкахъ что съ 19 февраля, т.-е. съ манифеста о свободѣ, школы по Россіи увеличились вчетверо; это цифра officialная. Слѣдовательно «Горохинская Лѣтопись» выставлетъ фактъ совершенно частный. Но это все-равно: во всякомъ случаѣ свободу рѣшенія мірскаго приговора, если ужъ дана эта свобода, стѣснять невозможно.) Посредникъ убѣждаетъ. Мужички стоятъ на своемъ. Тогда посредникъ начинаетъ кричать. Мужички почесываются, но видя что дѣло доходитъ до употребленія власти — соглашаются. Малое время спустя посредникъ опять собираетъ сходку: Надо положить жалованье старшинамъ. Міръ опять несогласенъ. Посредникъ опять кричитъ и власть употребляетъ. Кончается наконецъ въ Горохинѣ тѣмъ, что мужички всѣмъ міромъ шдуть къ посреднику и просятъ его управлять ими, такъ же какъ ими правили прежде. «Невѣжды, лѣнивыцы! кричитъ посредникъ: — вы свободны! вы вполне свободны! я бьюсь чтобъ образовать васъ, чтобъ возродить въ васъ чувство самостоятельности, а вы...» Но гороховцы падаютъ въ ноги и стоятъ на своемъ. Посредникъ разставляетъ руки и разумѣется рѣшаетъ про себя, что общество наше неприготовлено, что мужикъ лѣнивъ, грубъ и нелѣпъ, что онъ не понимаетъ благородныхъ чувствъ, привыкъ къ палкѣ, не хочетъ стоять за свои интересы, бѣжить самоуправленія, самонадѣтельности, что онъ необразованъ, что даже и дурной помѣщикъ несравненно выше мужика, потому что образованнѣе, что мужиковъ прежде всего надо образовать, чтобъ они понимали настоящую свободу, а для того надо опять взять въ руки, опять надѣть крѣпостной хомутъ и хорошенько, хорошенько, хорошеенько ихъ, даже хоть палкой, чтобъ они знали какъ объ нихъ заботятся и понимали, что хотятъ возбудить ихъ благородныя чувства...»

«Очерки» къ удивленію нашему (къ удивленію потому, что почти всѣ журналы наши рѣшили бы иначе) оправдываютъ горохинцевъ. Если ужъ дана имъ была свобода, то ужъ они свободны были и школъ не заводите. (Бѣдный, но благородный духомъ прогрессистъ посредникъ и недогадался въ своемъ доктринерствѣ, что горохинцы, лѣтъ черезъ пять, смотря на сосѣдей и на всеобщій примѣръ, сами бы завели у себя школу, и недогадавшись объ этомъ, чтобъ завести

только школу, подрывалъ самый основной принципъ, на которомъ все виждалось, который былъ источникомъ всего дальнѣйшаго и сохраненіе котораго было дороже всѣхъ школъ на свѣтѣ). «Очерки» унѣряютъ, что такъ было въ прошломъ столѣтіи и въ нѣмецкихъ государствахъ, когда тамъ тоже начали заводить самодѣтельность и что гороховицы оказали даже при этомъ признаки здраваго смысла. Господа доктринеры! положимъ вы посредники, а мы, т.-е. общество — гороховицы. Вотъ вы вызываете насъ на самодѣтельность. Что намъ дѣлать?

Отвѣтъ по нашему ясенъ и толковать нечего. Вотъ почему всѣ наши вызовы къ самодѣтельности намъ и показались несмысленной.

Мы сейчасъ увидѣлись что «Очерки» рѣшили въ пользу гороховицевъ и выразили наше убѣжденіе, что всѣ наши доктринеры и даже отъявленные краснѣйшіе прогрессисты можетъ быть рѣшили бы иначе, а если бы не рѣшили, то *должны бы были* рѣшить иначе, чтобъ быть вѣрными своимъ принципамъ. Не удивляйтесь нашему удивленію; мы вовсе не преувеличиваемъ. Но это бы еще ничего. А теперь вотъ начинаются даже призывы какого-то жельміа:зла нашему мужику, какого-то отщепенія ему, за то что до-сихъ-поръ всѣ такъ за него стояли и такъ за него распинались. Прогладеваетъ даже ненависть. Это мы особенно замѣтили въ невоинъ органахъ, въ газетѣ «Русскій Листокъ». Это самый куражливый или воинъ по-выхъ органовъ, хотя впрочемъ, въ нравственноиъ смыслѣ, «Русскій Листокъ» изъ таго же стада курица; хоть и слышалася пропѣть въ тухомъ курвца, но все-таки тоже простая, обыкновенная, панжоская курица. О мужикѣ мы прочли въ статьѣ г. Скарятинѣ. Оговоримся: мы не думаемъ чтобъ г. Скарятинъ *уваскалетъ* какъ-нибудь пошлымъ плаунаторскимъ ищевіемъ. Мы тѣлуемъ его чувства иначе. Намъ просто кажется, что ему надобаа друтѣа оскуствія мужику. Бездарность, съ которою иногда доводится до послѣдней нелѣпнѣйшей крайности, прогрессивная мысль, у насъ не удивительна. Мало того: эти бездарные долго долго водорають иногда по улицѣ, грязнать и марають иногда самую святую идею, что повторять за ними общія либеральныя и прогрессивныя фразы иногда даже претить. Такимъ-то образомъ, полагаемъ мы, были оскорблены и эстетическія чувства г. Скарятинѣ. Но все-таки это не даетъ ему права плевать на логику. Логика не рутина и не рутинный прогрессизмъ. Долго толковать о г. Скарятинѣ нечего, ио на поддержку какъ вамъ кажется, напрімѣръ, слѣдующій афоризмъ его:

«Въ главахъ многихъ, достаточно быть крестьяниномъ, чтобы быть правымъ, и помѣщикомъ, чтобы быть виноватымъ, тогда какъ известно, что нашъ крестьянинъ не только не лучше помѣщика, но напротивъ

хуже его *потому что необразованные*, и если справедливо, что помѣщики нерѣдко нарушали права крестьянъ, то еще справедливо и то, что крестьянинъ не упустилъ случая запустить лапу въ чужое, если можетъ слѣдовать это безнаказанно. (• Русскій Листокъ • № 1).

Чтожь это такое? Представлены на судъ помѣщикъ и крестьянинъ. Хорошо. Вопросъ, кто изъ нихъ лучше? Г. Скарятинъ увѣряетъ что помѣщикъ, *потому что онъ образованнѣе*. Ну положимъ, безъ спору, что и это хорошо. Чтожь дальше? Дальше говорится: если справедливо что помѣщикъ нарушалъ *нерѣдко* права крестьянина, то и крестьянинъ не упустилъ случая запустить лапу въ чужое добро.

То-есть: если крестьянинъ запускаетъ лапу въ чужое добро, то не отрицается и то, что помѣщикъ нарушалъ права крестьянина, то-есть бралъ себѣ у крестьянина то, что принадлежало крестьянину, а слѣдовательно тоже запуская лапу въ чужое добро.

Итакъ оба они, и помѣщикъ и крестьянинъ (по господину Скарятину) запускали лапу въ чужое добро. Но помѣщикъ лучше крестьянина, потому что онъ образованнѣе.

Помилюйте господинъ Скарятинъ! Чтоже, какъ же вы послѣ этого понимаете образованность? За модный фракъ или за бритые бороды? По нашему ужъ если человѣкъ образованъ, то онъ получилъ нравственное развитіе, по возможности правильное понятіе о злѣ и добрѣ. Слѣдственно онъ такъ сказать нравственно вооружонъ противъ зла своимъ образованіемъ, а слѣдственно владѣетъ для отраженія зла средствами несравненно сильнѣйшими чѣмъ крестьянинъ (мы уже не говоримъ про то, что помѣщикъ во всякомъ случаѣ матерьяльно обезпеченнѣе крестьянина; что онъ рѣже голодаетъ чѣмъ крестьянинъ, и развѣ только проиграется въ картишки, но ужъ никогда не ведетъ на базаръ послѣднюю кобылѣнку, съ тѣмъ, чтобъ продать ее заплатить оброкъ или подати.)

А если такъ, если иной помѣщикъ нравственно и физически гораздо обезпеченнѣе отъ зла и порока чѣмъ крестьянинъ и если несмотря на все это, онъ попадаетъ въ одномъ и томъ же преступленіи какъ и крестьянинъ, т. е. запускаетъ лапу свою въ чужое добро, то во имя справедливости и логики: кто изъ нихъ нравственнѣе, кто изъ нихъ лучше?

Согласитесь сами, что вину крестьянина облегчаетъ еще сколько-нибудь его невѣжество и необразованность.

Боля ваша г. Скарятинъ: Вы такъ сами поставили вопросъ и подвели на него отвѣтъ, что обвинить непремѣнно должно помѣщика. Непремѣнно должно выйти такъ: онъ хуже крестьянина, по-

тому что будучи образованнѣе и матерьяльно обезпеченнѣе, сдѣлалъ такое же преступленіе какъ и крестьянинъ.

Это по вашему, по вашему же такъ выходитъ г. Скарятинъ! А между прочимъ вы рѣшаете иначе. Это уже скандалъ, а не логика!

Чего же послѣ того лѣзть въ учителя, когда и свою-то собственную мысль прилично изложить не умѣете.

СПИСОКЪ ЭКЗЕМПЛЯРАМЪ

РАЗОСЛАННЫМЪ ПО ГУБЕРНІЯМЪ 1862 ГОДУ

До сихъ поръ олинъ «Современникъ» ежегодно объявлялъ о числѣ своихъ подписчиковъ. Враги его и въ особенности тѣ журналы, у которыхъ число подписчиковъ уменьшалось съ каждымъ годомъ, находили это дурнымъ, неумѣстнымъ, хвастливымъ. На самомъ же дѣлѣ, чтоже тутъ дурного. Еслибъ всѣ наши журналы за нѣсколько лѣтъ заявляли такимъ образомъ свои списки, то можно было бы слѣдять весьма любопытные выводы. Наша читающая публика для насъ такое же темное царство, какъ и другія сферы нашей жизни. Однимъ лучомъ больше не мѣшаетъ. Да и кромѣ этихъ соображеній подобныя отчеты всѣхъ журналовъ были бы необходимы для тѣхъ, кто припечатываетъ и разсылаетъ объявленія при нашихъ журналахъ. Въ прошломъ году «Книжный Вѣстникъ» поднималъ этотъ вопросъ, даже напечаталъ число подписчиковъ каждого журнала. Гдѣ почерпалъ онъ приведенныя имъ цифры, мы не знаемъ, но глядя по тому, что онъ печаталъ о нашемъ журналѣ, свѣдѣнія его должны быть невѣрны.

Мы печатаемъ предлагаемый списокъ, потому что находимъ это излишнимъ.

ГУБЕРНІИ БАЛТІЙСКАГО БАССЕЙНА

С. Петербургская

С. Петербургъ.	1046
Новая Ладога	3
Ямбургъ.	2
Луга.	2
Петергофъ.	4
Царское село	1

Гдовъ.	1
Гатчино.	4
Нарва.	3
Ораниембаумъ.	1
Кронштадтъ	10
Серебрянка станц.	1
Новоселье станц.	1
Красное село	1

 1080

Олонецкая

Петрозаводскъ.	7
Повѣнецъ	1
Каргополь	1
Вытегра.	2
Лодейное поле.	1

 12

Новгородская

Новгородъ.	8
Тихвинъ.	3
Бѣлозерскъ.	1
Кирилловъ	1
Череповецъ.	6
Устюжна.	8
Боровичи	9
Крестцы.	2
Валдай	3
Сомина вѣст.	4
Старая Руса.	3
Волховская станц.	2
Малая Вишера станц.	1
Шимская станц.	1
Ямъ Бронцы.	6
Избойце станц.	1
Подберезье.	1
Спаская Полесье станц.	3
Тосна станц.	3
Валдайская станц.	1
Балагое станц.	1
Медвѣдь село	2

 70

Исковская

Псковъ	18
Норховъ	9
Островъ	4
Опочка	4
Холмъ	2
Великіе-Луки	4
Торопецъ	6
Александровскій посадъ	1
Сольцы пос.	1
Ашево село	2
Горки село	2
Боровичи етанц.	3
Никольское село	1

57

Эстляндская

Ревель	5
Гапсаль	1
Балтійскій портъ	1

7

Ливондская

Рига	6
Дерптъ	1

7

Курляндская

Либавъ	1
------------------	---

1

ЗАПАДНЫЯ ГУБЕРНІИ**Витебская**

Витебскъ	9
Динабургъ	8
Себежъ	1
Невель	2
Полоцкъ	6
Городокъ	1
Лепель	1

28

Вилненская

Вильно	6	
	<hr/>	6

Ковенская

Ковно.	6	
Вилькомиръ.	2	
Ново-Александровскъ . . .	3	
Россиены.	1	
Тельши	1	
Кейданы м.	1	
Таурогенъ м. т.	1	
Юрбургъ м. т.	1	
	<hr/>	16

Гродненская

Гродно	4	
Брестъ-Литовскій.	5	
Бѣльскъ.	2	
Брянскъ.	1	
Яновъ.	1	
	<hr/>	13

ПОЛЬСКІЯ ГУБЕРНІИ**Варшавская**

Варшава.	18	
Влоцлавскъ.	1	
Калушинъ	1	
Петрковъ	1	
Ченстоховъ.	1	
Минскъ у. станислав. уѣзда .	1	
Серебрянка станц.	1	
	<hr/>	24

Люблинская

Бѣла у.	1	
Гарволинъ.	1	
Гуракольвора м.	1	
Радзынъ.	1	
Красникъ	2	
Сѣдльце у.	1	
Яновъ м. замойск. уѣзд. . .	1	
	<hr/>	8

Радомская		
Кельце	2	
Сташовъ	2	
		4
Августовская		
Сувалки	4	
Домжа	2	
		6
Плоцкая		
Плонскъ	2	
Плоцкъ	4	
Пржаснышъ	1	
		7

КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКАГО

Тавастгуская		
Тавастгускъ	1	
		1
Улеоборгская		
Улеоборгъ	1	
		1
Нюландская		
Барго	1	
Свеаборгъ	1	
		2
Выборгская		
Выборгъ	2	
		2
Або—Бюренборгская		
Або	1	
		1

ГУБЕРНИИ ЧЕРНОМОРСКАГО БАСЕЙНА

Смоленская		
Смоленскъ	10	
Сычовка	2	

Бѣлый (у. Бѣльск.)	4
Гжатскъ	4
Вязьма	7
Духовщина	5
Дорогобужъ	6
Ельна	3
Юхновъ	3
Рославль	7
Пречистенская станц.	2
Добрянка станц.	1
Порѣчье	1
Знаменская станц.	1
Моляна село	1
<hr/>	

57

Могилевская

Могилевъ	16
Орша	2
Рогачевъ	1
Гомель	1
Горки	3
Шкловъ	2
Чаусы	1
Чириково станц.	1
Горы-Горки станц.	1
<hr/>	

28

Минская

Новогрудокъ	2
Борисовъ	2
Бобруйскъ	5
Рѣчица	1
Несвижъ	1
<hr/>	

11

Черниговская

Черниговъ	14
Мглинь	3
Суражъ	1
Новозыбковъ	4
Стародубъ	4
Городня	3
Новгородъ-Сѣверскъ	1
Глуховъ	8

Кролевецъ	5
Сосница	2
Ковтопъ	2
Борзна	4
Нѣжинъ	2
Козелець	6
Почары м.	1
Батуринъ м.	1
Елюнка станц.	1
	<hr/>
	62

Кіевская

Кіевъ	48
Васильковъ	1
Бердичевъ	3
Липовець	2
Сквира	1
Тараща	1
Умань	2
Звенигородка	1
Каневъ	3
Зынка м.	1
Смяла м.	4
	<hr/>
	67

Волынская

Житомиръ	8
Ковель	1
Ровно	2
Староконстантиновъ	2
	<hr/>
	13

Полтавская

Полтава	36
Ромны	3
Прилука	10
Переяславль	9
Пирятинъ	7
Лохвица	2
Гадячъ	4
Лубны	7
Миргородъ	5
Зѣньковъ	4
Золотоноша	3

Хороль	6
Кременчугъ	14
Кобеляки	7
Константиноградъ	7
Борисполь м.	2
Бѣлоцерковка м.	2
Градѣжскъ	5
Опошне м.	3
Боняковка д.	2
Ромны	8

 146

Курская

Курскъ	13
Дмитріевъ на Свапѣ	5
Фатежъ	2
Щигры	17
Путивль	4
Рыльскъ	5
Льговъ	1
Тамъ	2
Суджа	5
Обоянъ	3
Старый-Осколь	6
Новый-Осколь	4
Короча	3
Бѣлгородъ	10
Дросково ст.	2

 82

Подольская

Каменець-Подольскъ	4
Летичевъ	1
Литинъ	1
Винница	2
Гайсинъ	2
Ольгополь	2
Балта	2
Баръ	1
Немировъ д.	1
Тульчинъ	1
Кривое озеро д.	2

 19

Бессарабская область

Кишеневъ	15
Хотинъ	2
Оргъевъ	1
Акерманъ	4
Бѣльцы (у. Яскій)	5
Татарь-Бунаръ станц.	1
Гора Голбино ст.	1
Скуляны м.	2
Новоселица	1
Купчино м.	2

 34
Херсонская

Херсонъ	13
Александрія	5
Бобринецъ	3
Ананьевъ	6
Одесса	41
Григоріополь	2
Елизаветградъ	17
Николаевъ	10
Новая Прага пос.	11
Новогеоргіевскъ пос.	5
Новомиргородъ	7
Ольвіополь	1
Вознесенскъ	11
Максимовская д.	1
Воронцовка д.	6
Яновка станица	2
Дубосары	1

 142
Таврическая

Симферополь	14
Яхта	2
Евпаторія	4
Перекопъ	1
Мелитополь	6
Бердянскъ	1
Керчь-Еникале	3
Алешки (у. Диѣвр.)	3

Орѣховъ	2
Севастополь	4
Алушта	3
Судакъ	1
Феодосія	1
Геническъ	2

47

Екатеринославская

Екатеринославль	29
Верхнеднѣпровскъ	9
Новомосковскъ	9
Павлоградъ	7
Александровскъ	7
Бахтумъ	13
Ростовъ на Дону	16
Таганрогъ	12
Каменный Бродъ	3
Луганскій лнт. заводъ	2
Мариуполь	1
Никополь м.	4
Благодатная станц.	1
Михайловская станц.	1
Славянка	3
Перещепино станц.	1
Ивановка станц.	1

109

Харьковская

Харьковъ	67
Сумы	10
Лебединъ	1
Ахтырка	4
Богодуховъ	2
Валки	7
Зміевъ	4
Волчанскъ	12
Изюмъ	8
Купянскъ	10
Старобѣльскъ	7
Бѣлополье	1
Новый Екатеринославль	4

Славянскъ	4	
Чугуевъ	7	
		<hr/> 148

Воронежская

Воронежъ	38	
Задонскъ	6	
Землянскъ	4	
Нижнедѣвицкъ	9	
Острогожскъ	8	
Бирючь	2	
Валуйки	8	
Павловскъ	7	
Бобровъ	12	
Новохоперскъ	5	
Богучаръ	2	
Батурлиновка	1	
Павловскъ	1	
Дробино село	1	
Ново-Павловскъ	1	
Марьино станц.	1	
		<hr/> 106

Земля Войска Донского

Усть-медвѣдица стан.	4	
Алексѣевская ст.	1	
Казанская ст.	1	
Каменская ст.	3	
Константиновская ст.	1	
Кочетовская ст.	1	
Нижне-чирская ст.	3	
Новочеркасскъ	32	
Русская ст.	1	
Шелкозаводская ст.	1	
Назаровская ст.	2	
Ведерниковская ст.	4	
Первая качалинская ст.	1	
Ольховорожская ст.	7	
Пятизбѣнская ст.	1	
Урюпинская ст.	5	
		<hr/> 68

ГУБЕРНИИ БАСЕЙНА КАСПИЙСКАГО МОРЯ

Орловская

Орелъ	23
Болховъ	6
Жарачовъ	1
Мценскъ	2
Трубчевскъ	4
Севскъ	3
Дмитровскъ	1
Кромы	4
Малоархангельскъ	5
Ливны	17
Елецъ	6
Дросково станц.	1
Липовецъ станц.	1
	<hr/>
	74

Тульская

Тула	24
Алексинъ	7
Кашира	1
Венёвъ	4
Бѣлёвъ	3
Одоевъ	3
Богородицкъ	4
Епифанъ	5
Чернь	2
Новосиль	3
Ефремовъ	9
Малое-малахово село	1
	<hr/>
	66

Калужская

Калуга	14
Боровскъ	3
Таруса	4
Малоярославецъ	2
Мельнь	1
Мещовскъ	1
Мосальскъ	2

Жиздра	3	
Козельскъ	3	
Лихвинъ	2	
Перемышль	1	
Сухиничи д.	1	
Подборки д.	1	
		<hr/> 38

Московская

Москва	306	
Клинъ	2	
Дмитровъ	3	
Волоколамскъ	4	
Можайскъ	2	
Руза	2	
Богородскъ	4	
Бронницы	1	
Подольскъ	3	
Серпуховъ	15	
Коломна	3	
Сергiевскiй посадъ	5	
Верея	4	
Балдино с.	1	
		<hr/> 355

Рязанская

Рязань	12	
Егорьевскъ	8	
Зарайскъ	7	
Касимовъ	2	
Спаскъ	2	
Михайловъ	2	
Пронскъ	3	
Скопинъ	4	
Ряжскъ	8	
Сапожокъ	4	
Давковъ	1	
Раненбургъ	5	
Суйская станц.	1	
		<hr/> 59

Тамбовская

Тамбовъ	25
Елатьма	?

Темниковъ	5
Спаскъ	4
Шацкъ	6
Моршанскъ	7
Козловъ	12
Липецкъ	4
Усмань	2
Борисоглѣбскъ	6
Кирсаповъ	6
Коргашино станц.	4

83

Владимірская

Владиміръ	14
Переславль-Залѣскій	2
Александровъ	6
Покровъ	2
Юрьевъ-польскій	3
Суздаль	2
Шуя	6
Ковровъ	2
Вязники	6
Гороховецъ	2
Судогда	4
Муромъ	7
Меленки	1
Вознесенскій посадь	4
Киржачъ	2
Орсково-Зуево станц.	1
Лежнево станц.	1
Павловская станц.	1

66

Пензенская

Пенза	34
Краснослободскъ	2
Наровчатъ	2
Инсаръ	1
Керенскъ	4
Саранскъ	8
Мокшанъ	2
Нижній-Ломовъ	4
Городище	5

Чембарь	3	
Верхній-Ломовъ	1	
		63

Тверская

Тверь	18	
Весьегонскъ	1	
Бѣжецкъ	8	
Вышній-Волоочекъ	6	
Кашинъ	4	
Калязинъ	7	
Корчева	2	
Старица	6	
Торжокъ	5	
Ржевъ	7	
Зубцовъ	5	
Красный-Холмъ	2	
Никольское село	1	
		72

Ярославская

Ярославль	22	
Любимъ	5	
Даниловъ	3	
Романовъ-Борисоглѣбскъ	2	
Рыбинскъ	8	
Молога	5	
Мышкинъ	3	
Ростовъ	5	
Угличъ	5	
		58

Костромская

Кострома	15
Солигаличъ	1
Чухлома	4
Кологривъ	1
Буй	4
Галичъ	4
Нерехта	5
Кивешма	2
Юрьевецъ-Повольскій	1
Лухъ	1
Плѣсъ посадъ	1

Судиславль	1	
Воронье станц.	2	
Парфентьево станц.	1	
		<hr/> 43

Нижегородская

Пижнй -Новгородъ	15	
Балахна	4	
Семеновъ	2	
Ардатовъ	3	
Арзамасъ	11	
Княгининъ	5	
Василь	2	
Сергачъ	2	
Лукояновъ	4	
Починки	1	
Павлова д.	1	
Лыжово д.	1	
Абрамовская станц.	3	
		<hr/> 54

Казанская

Казань	41	
Козмодемьянскъ	3	
Царевококшайскъ	1	
Чебоксары	4	
Ядрянъ	2	
Цивильскъ	3	
Свияжскъ	2	
Тетюши	3	
Лапшевъ	5	
Мамадышъ	1	
Чистополь	7	
Спаскъ	6	
		<hr/> 78

Симбирская

Симбирскъ	27
Курмышъ	2
Ардатовъ	3
Алатырь	2
Буинскъ	1
Сызрань	2
Село Промзино	1

Корсунъ	3
Сенгилей станц.	1
Аностасово станц.	3
Терельгульская станц.	1
	<hr/> 46

Саратовская

Саратовъ	30
Кузнецкъ	6
Хвалыинскъ	8
Вольскъ (Волжскъ).	7
Петровскъ	9
Сердобскъ	6
Балашовъ.	4
Аткорскъ.	8
Царицынъ	4
Дубовка	3
	<hr/> 82

Самарская

Самара.	16
Николаевскъ.	1
Бугульма	1
Бугурусланъ	4
Бузулукъ	1
Ставрополь	2
Кичуй станц.	2
Зимняяки станц.	1
Мелекесь станц.	1
Село Балаково	1
	<hr/> 30

Астраханская

Астрахань	27
Енотаевскъ	2
Черный-яръ	3
	<hr/> 32

ГУБЕРНИИ СЪВЕРОВОСТОЧНЫЯ**Оренбургская**

Уфа	23
Оренбургъ	30

Мензелинскъ	2
Бирскъ	4
Стерлитамакъ	4
Верхнеуральскъ	1
Троицкъ	5
Челябинскъ	4
Златоустовскій заводъ	2
Міаскій заводъ	1
Орекъ	3

 79

Пермская

Пермь	15
Чердынь	2
Оханскъ	1
Оса	1
Екатеринбургъ	18
Красноуфимскъ	1
Кунгуръ	3
Ирбитъ	4
Камышловъ	4
Шадринскъ	7
Богословскій заводъ	6
Далматовъ	1
Бѣлишбаевскъ	3
Невьянскій заводъ	1
Кушвинскій заводъ	11
Нижнетагильскій заводъ	4

 82

Вятская

Вятка	14
Слободской	4
Глазовъ	2
Орловъ	2
Котельничъ	2
Яранскъ	2
Уржумъ	1
Нолинскъ	1
Малмыжъ	6
Сарапулъ	4
Елабуга	7

Воткинскій заводъ	2	
Ижевскій заводъ	3	
		50

Вологодская

Вологда	16	
Грязовецъ	4	
Кауниковъ	2	
Вельскъ	2	
Тотьма	1	
Яренскъ	1	
Устьсысольскъ	2	
Григорьевская станц.	1	
		29

Архангельская

Архангельскъ	8	
Вивега	1	
Мезень	1	
Немь	1	
Холмогоры	1	
Онега	1	
Сумскій посадъ	1	
		14

ГУБЕРНИИ И ОБЛАСТИ СИБИРИ**Тобольская губернія**

Тобольскъ	14	
Туринскъ	2	
Тюмень	2	
Ялотуровскъ	5	
Курганъ	2	
Ишимъ	1	
Омскъ	10	
Петропавловскъ	4	
		40

Томская губернія

Томскъ	6
Канскъ	1
Барнаулъ	7
Змѣиногородскій рудникъ	3

Кійскъ	1	
Маринскъ	1	
		<hr/> 19

Семипалатинская область

Усть-каменогорскъ	1	
Копаль	1	
Вѣрное	1	
		<hr/> 3

Енисейская губернія

Енисейскъ	5	
Красноярскъ	6	
Ачинскъ	1	
Канскъ	2	
Карелино поселеніе	1	
Каргино станц.	1	
		<hr/> 16

Иркутская губернія

Иркутскъ	25	
Молтинская станц.	1	
Нахтуйское поселеніе	1	
		<hr/> 27

Якутская область

Охотскъ	2	
		<hr/> 2

Забайкальская область

Чита	5	
Верхнеудинскъ	2	
Нерчинскъ	2	
Селевгинскъ	2	
Нерчинскій заводъ	3	
Шелапухино поселеніе	2	
Уньирская станц.	1	
		<hr/> 17

Амурская область

Благовѣщенскъ	1	
Хабарово	1	
		<hr/> 2

Приморская область восточной Сибири

Николаевскъ	1	
		<hr/> 1

Сѣверо-Американскія владѣнія

Новоархангельскъ	1	
		_____ 1

Кяхтинское градоначальство

Кяхта	6	
		_____ 6

Область сибирскихъ киргизовъ

Кокчетовское укрѣпленіе.	1	
Каркалинское укрѣпленіе	1	
		_____ 2

Земля уральскаго войска

Уральскъ.	14	
Гурьевъ	4	
		_____ 18

ЗЕМЛИ КАВКАЗСКАГО КРАЯ**Ставропольская губернія**

Ставрополь	34	
Моздокъ	2	
Кизляръ	1	
Георгіевскъ	1	
Екатериноградская станица.	1	
Ладожская станица	1	
Пятигорскъ	3	
Усть-Лабинское укрѣпленіе.	12	
Хасафъ-Юртъ ст.	5	
Петровская ст.	2	
Николаевка ст.	1	
Петровская ст.	2	
Майковъ ст.	1	
Глубокая ст.	1	
		_____ 67

Земля черноморскаго или кубанскаго войска

Екатеринодаръ	6
Ейскъ	1

Полтавская ст.	1	
Тамань.	1	
		<hr/> 10

Область Терская

Дербенть.	2	
Ардонская ст.	1	
		<hr/> 3

Область Кубанская

Лабинская ст.	1	
		<hr/> 1

Тифлисская губернія

Тифлисъ	18	
Телавъ	2	
Елизаветполь	1	
		<hr/> 21

Кутайская губернія

Кутайсъ	3	
Озургеты.	1	
Ахалцыхъ	2	
Поти	1	
Новые Закагалы укр.	1	
Логадихи ст.	1	
Кусары	2	
		<hr/> 11

Эриванская губернія

Эривань.	3	
Александрополь (Гумры).	2	
Нахичевань	1	
		<hr/> 6

Бакинская губернія

Баку	7	
Ленкорань	4	
Шуша.	1	
		<hr/> 12

Всего 4302

СОДЕРЖАНІЕ

ЯНВАРЬ. № 1

Изъ записокъ слѣдователя въ арестантской ротѣ. IV. Косушка волки. — V. Последняя страница. — VI. Самоубійца. Н. Соколовскаго	5
Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. А. Н. Островскаго.	35
Бѣглецы воротились. (Романъ въ трехъ частяхъ). Часть первая. I. Илья тавпуръ дома. — II. Заброшенная деревня и музыканты. — III. Генералъ Рубашкинъ также дома. — IV. Какъ бѣгалось и гдѣ бѣгалось. — V. Юго-восточный степной городъ. А. Славронскаго. (Автора «Бѣглецы въ новороссіи»). 111	111
Увольнительное свидѣтельство. (Изъ записокъ непропавшаго чело-вѣка). А. Милюкова	231
Отъ Петербурга до Екатеринославля. П. Бибикова	235
Изъ стихотворенія «Въ тюрьмѣ». Стих. Ѳ. Берга.	278
Птицы. Стих. Его же	279
Бѣдные жильцы (физиологическій очеркъ). Петра Горскаго	281
Смерть Прокла. Стих. Н. А. Некрасова	302
Ницца и Генуя. (изъ путевыхъ записокъ). Д. В. Григоровича	306

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Преобразование городского общественнаго управленія. А. Поимскаго.	1
Необходимое литературное объясненіе, поповоду разныхъ хлѣбныхъ и нехлѣбныхъ вопросовъ	29
НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА (современныя замѣтки). Прошедшее и будущее. — Особое присутствіе для изысканія способовъ къ большому обезпеченію быта духовенства. — Гармонія ожидаемыхъ преобразованій между собою. — Необходимость вопроса объ экономической будущности Россіи. — Неурожай. — Цѣны на хлѣбъ. — Важнѣйшіи изъ современныхъ вопросовъ. — Распредѣленіе налоговъ. — Самоуправленіе въ Дмитровкѣ. — Извѣстія изъ царства Польскаго	39

ПОЛИТИКА. Прусскія дѣла. — Мѣры, принятыя прусскимъ министерствомъ для достиженія непопулярности. — Открытіе палаты. — Тронная рѣчь. — Адресъ палаты депутатовъ. — Французскія дѣла. — Тронная рѣчь. — Толки о ней. — Послушаніе законодательной палаты. — Рѣчь графа де-Морни. — Французы рабовладѣльцы. — Послѣднія извѣстія. — Безпорядки въ Греціи. — Порядки въ Турціи. — Черногорскіе блокгаузы. — Здоровье Гарибальди. — Папскія реформы .	65
Сѣверно-русскія народоправства во времена уфѣльно-вѣчевого уклада, соч. Николая Костомарова. Спб. 1863. Два тома. Статья первая. А. Григорьева	92
Жрецы науки для науки. (Поповоду статьи: «Наука и гениальные люди» въ «Учителѣ», декабрь, 1862. № 24)	141
Новая школа. Статья первая. Н. Страхова	150
Слово и Дѣло, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, Ѳ. Н. Устрялова. (Письмо въ редакцію «Времени»). Н. Косица.	169
Журнальная замѣтка о новыхъ литературныхъ органахъ и о новыхъ теоріяхъ	175
Списокъ экзаменлярамъ, разосланнымъ по губерніямъ въ 1862 году. 189	189

ПОДПИСКА НА 1863 ГОДЪ

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. ДОСТОВСКИМЪ

Съ нынѣшнимъ годомъ начнется третій годъ изданія нашего журнала. Направленіе наше остается тоже самос. Мы знаемъ, что нѣкоторые изъ недоброжелателей нашихъ стараются затемнить нашу мысль въ глазахъ публики, стараются не понять ее. Недоброжелателей у насъ много, да и не могло быть иначе. Мы нажили ихъ сразу, вдругъ. Мы выступили на дорогу слишкомъ удачно, чтобъ не возбудить иныхъ враждебныхъ толковъ. Это очень понятно. Мы конечно на это не жалуемся: иной журналъ, пная книга иногда по нѣскольку лѣтъ нетолько не возбуждаютъ никакихъ толковъ, но даже не обращаютъ на себя никакого вниманія ни въ литературѣ, ни въ публикѣ. Съ нами случилось иначе и мы этимъ даже довольны. Покрайней-мѣрѣ мы возбудили толки, споры. Это вѣдь болѣе лестно, чѣмъ встрѣтить всеобщее невниманіе.

Конечно мы оставляемъ въ сторонѣ пустые и ничтожные толки рутинныхъ крикуновъ, непонимающихъ дѣла и неспособныхъ понять его. Они съ чужого голоса бросаются на добычу; ихъ натравливаютъ тѣ, у которыхъ они въ услуженіи и которые за нихъ думаютъ. Это — рутина. Въ рутинѣ никогда не было ни одной своей мысли. Съ

ними и толковать не стоит. Но въ нашей литературѣ есть теоретики и есть доктринеры, и они постоянно нападали на насъ. Эти дѣйствуютъ сознательно. И они понимаютъ насъ, и мы ихъ понимаемъ. Съ ними мы спорили и будемъ спорить. Но объяснимся почему они на насъ нападали.

Съ перваго появленія нашего журнала теоретики почувствовали, что мы съ ними во многомъ разнимся. Что хотя мы и согласны съ ними въ томъ, въ чемъ всякій въ настоящее время долженъ быть убѣжденъ окончательно (мы разумѣемъ прогрессъ), но въ развитіи, въ идеалахъ и въ точкахъ отправления и опоры общей мысли мы съ ними не могли согласиться. Они, администраторы и кабинетные изучатели западныхъ воззрѣній, тотчасъ же поняли про себя то что мы говорили о почвѣ и съ яростью напали на насъ, обвиняя насъ въ фразерствѣ, говоря что почва — пустое слово, котораго мы сами не понимаемъ и которое мы изобрѣли для эффекта. А между тѣмъ они насъ совершенно понимали и объ этомъ свидѣтельствовала самая ярость ихъ нападеній. На пустое слово, на рутинную гонку за эффектомъ не нападаютъ съ такимъ ожесточеніемъ. Повторяемъ: было много изданій и съ претензіей на новую мысль и съ погоней за эффектомъ, которыя по нѣскольку лѣтъ издавались, но не удостоивались даже малѣйшаго вниманія теоретиковъ. А на насъ они обрушились со всею яростью.

Они очень хорошо знали, что призывы къ почвѣ, къ соединенію съ народнымъ началомъ не пустые звуки, не пустыя слова, изобрѣтенныя спекуляціей для эффекта. Эти слова были для нихъ напоминаемъ и упрекомъ, что сами они строятъ не на землѣ, а на воздухѣ. Мы съ жаромъ возставали на теоретиковъ, непризнающихъ не только того, что въ народности почти *все* заключается, но даже и самой народности. Они хотятъ единственно началъ общечеловѣческихъ и вѣрятъ, что народности въ дальнѣйшемъ развитіи стираются какъ старыя монеты, что все сливается въ одну форму, въ одинъ общій типъ который

впрочемъ они сами никогда не въ силахъ опредѣлить. Это — западничество въ самомъ крайнемъ своемъ развитіи и безъ малѣйшихъ уступокъ. Въ своей ярости они преслѣдовали не только грязныя и уродливыя стороны національностей, стороны и безъ того необходимо долженствующія современемъ уступить правильному развитію, но даже выставляли въ уродливомъ видѣ и такія особенности народа нашего, которыя именно составляютъ залогомъ его будущаго самостоятельнаго развитія; которыя составляютъ его надежду и самостоятельную, вѣковѣчную силу. Въ своемъ отвращеніи отъ грязи и уродства они, за грязью и уродствомъ, многое проглядѣли и многого не замѣтили. Конечно, желая искренно добра, они были слишкомъ строги. Они съ любовью самоосужденія и обличенія искали одного только «темнаго царства» и не видали свѣтлыхъ и свѣжихъ сторонъ. Не хотя они иногда почти совпадали съ клеветниками народа нашего, съ бѣлоручками, смотрѣвшими на него свысока; они, сами того не зная, осуждали нашъ народъ на безсиліе и не вѣрили въ его самостоятельность. Мы разумѣется отличали ихъ отъ тѣхъ гадливыхъ бѣлоручекъ, о которыхъ сейчасъ упомянули. Мы понимали и умѣли цѣнить и любовь, и великодушныя чувства этихъ искреннихъ друзей народа, мы уважали и будемъ уважать ихъ искреннюю и честную дѣятельность, несмотря на то, что мы не во всемъ согласны съ ними. Но эти чувства не заставятъ насъ скрывать и нашихъ убѣжденій. Молчаніе было бы пристрастіемъ; кому же мы не молчали и прежде. Теоретики не только не понимали народа, углубясь въ свою книжную мудрость, но даже презирали его, разумѣется безъ худого намѣренія и такъ-сказать нечаянно. Мы положительно увѣрены, что самые умные изъ нихъ думаютъ, что при случаѣ стоятъ только десять минутъ поговорить съ народомъ и онъ все пойметъ; тогда какъ народъ можетъ-быть и слушать-то ихъ не станетъ, объ чемъ бы они ни говорили ему. Въ правдивость, въ искренность нашего сочувствія не вѣритъ народъ до сихъ поръ и даже удивляется

зачѣмъ мы не за себя стоимъ, а за его интересы, и какая намъ до него надобность. Вѣдь мы до сихъ поръ для него штичьимъ языкомъ говоримъ. Но теоретики на это упорно не хотятъ смотрѣть, и кто знаетъ, можетъ-быть не только разсужденія, но даже самые факты не могли бы ихъ убѣдить въ томъ, что они одни, на воздухѣ, въ совершенномъ одиночествѣ и безъ всякой опоры на почву; что все это не то, совершенно не то.

Что касается до нашихъ доктринеровъ, то они конечно не отвергають народности, но зато смотрять на нее свысока. Въ томъ-то и дѣло, что весь споръ состоитъ въ томъ какъ нужно понимать народъ и народность. Они понимаютъ еще слишкомъ по старому; они вѣрятъ въ разные общественные слои и осадки. Доктринеры хотятъ учить народъ, согласны писать для него народныя книжки (до сихъ поръ впрочемъ не умѣли написать ни одной) и не понимаютъ главнѣйшей аксіомы, что только тогда народъ станетъ читать ихъ книжки, когда они сами станутъ народомъ, отъ всего сердца и разума, а не по маскарадному, т. е. когда народные интересы станутъ совершенно нашими, а наши его интересами. Но подобное возвращеніе на почву для нихъ и невысказано. Недаромъ же они такъ много говорятъ о своихъ наукахъ, профессорствахъ, достоинствахъ и чуть ли не объ чинахъ своихъ. Самые милостивые изъ нихъ соглашаются развѣ только на то, чтобъ возвысить народъ до себя, обучивъ его всѣмъ наукамъ и тѣмъ образовавъ его. Они не понимаютъ нашего выраженія: «соединеніе съ народнымъ началомъ» и нападаютъ на насъ за него, какъ-будто это какая-то таинственная формула, подъ которой заключается какой-то таинственный смыслъ. «Да и что новаго въ народности?» говорятъ намъ они. «Это тысячу разъ говорилось и прежде, говорилось даже въ недавнія давнопрошедшія времена. Въ чемъ тутъ новая мысль, въ чемъ особенность?»

Повторяемъ: все дѣло въ пониманіи слова «народность». Въ нашихъ словахъ о соединеніи не было никакого таин-

ственного смысла. Надо было понимать буквально, именно буквально, и мы до сихъ поръ убѣждены, что мы ясно выразились. Мы прямо говорили и теперь говоримъ, что нравственно надо соединиться съ народомъ вполне и какъ можно крѣпче; что надо совершенно слиться съ нимъ и нравственно стать съ нимъ какъ одна единица. Вотъ что мы говорили и до сихъ поръ говоримъ. Такого полного соединенія конечно теоретики и доктринеры не могли понимать. Не могли понимать и тѣ, которые уже полтора лѣтъ поневолѣ привыкли себя считать за особое общество. Мы согласны, что совершенно понять это довольно трудно. Изъ книгъ иногда труднѣе понять то, что понимается часто само собой на фактахъ и въ дѣйствительной жизни. Но впрочемъ нечего пускаться въ слишкомъ подробныя объясненія. За нашу идею мы не боимся. Никогда и быть того не могло, чтобъ справедливая мысль не была наконецъ понята. За насъ жизнь и дѣйствительность. И Боже! какія намъ иногда дѣлали возраженія: боялись за науку, за цивилизацію!.. «Куда дѣнется наука? кричать они: — и неужели намъ всѣмъ воротиться назадъ, надѣть зипуны и куда-нибудь приписаться?» На это мы отвѣчаемъ и теперь, что за науку опасаться нечего. Она — вѣчная и высшая сила, всѣмъ присущая и всѣмъ необходимая. Она — воздухъ, которымъ мы дышимъ. Она никогда не исчезнетъ и вездѣ найдетъ себѣ мѣсто. Что же касается до зипуновъ, то можетъ-быть ихъ и не будетъ, когда мы настоящимъ образомъ поймемъ что такое народъ и народность. Можетъ-быть оттого-то именно, что мы искренно, а не въ шутку воротимся къ народу, и начнутъ исчезать у него зипуны. Разумѣется это замѣчаніе мы дѣлаемъ для робкихъ и бѣлоручекъ, имъ въ утѣшеніе. Мы же уважаемъ зипунъ. Это честная одѣжа и гнушаться ею нечего.

Мы признаемся: намъ труднѣе издавать журналъ, чѣмъ кому-нибудь. Мы вносимъ новую мысль о полнѣйшей народной нравственной самостоятельности, мы отстаиваемъ

Русь, нашъ корень, наши начала. Мы должны говорить патетически, увѣрять и доказывать. Мы должны выказать идеаль нашъ и выказать въ полной ясности. Обличителямъ легче нашего. Имъ стоитъ только обличать, нападать и свистать, чтобъ быть всѣми понятыми, часто не давая отчета во имя чего они обличаютъ, нападаютъ и свищутъ. Боже насъ сохрани, чтобъ мы теперь свысока говорили объ обличителяхъ. Честное, великодушное, смѣлое обличеніе мы всегда уважаемъ, а если обличеніе основано на глубокой, живой идеѣ, то конечно оно нелегко достается. Мы сами обличители; ссылаемся на журналъ нашъ за все это время. Мы хотимъ только сказать, что обличителю легче найти сочувствіе. Даже разномыслящіе и несовѣмъ согласные съ обличителемъ готовы примкнуть къ нему ради обличенія. Разумѣется мы вмѣстѣ съ нашими обличителями, и дѣльными и дешовыми, отвергаемъ и гнилость иныхъ наносныхъ осадковъ, и исконной грязи. Мы рвемся къ обновленію ужъ конечно не меньше ихъ. Но мы не хотимъ вмѣстѣ съ грязью и выбросить золота; а жизнь и опытъ убѣдили насъ, что оно есть въ землѣ нашей, свое, самородное, что залегаетъ оно въ естественныхъ, родовыхъ основаніяхъ русскаго характера и обычая, что спасеніе въ почвѣ и народѣ. Этотъ народъ недаромъ отстоялъ свою самостоятельность. Надъ нимъ глумятся иные дешовые критики; говорятъ, что онъ ничего не сдѣлалъ, ни къ чему не пришелъ. Вольно-жъ не видать. Это-то мы и хотимъ указать что онъ сдѣлалъ. Это укажутъ и послѣдствія, разовьеть и наука; мы вѣримъ въ это. Ужъ одно то, что онъ отстоялъ себя втеченіе многихъ вѣковъ, что на его мѣстѣ другой народъ, послѣ такихъ испытаній, которыя тысячуразъ посылало ему провидѣніе, можетъ-быть давно сталъ бы чѣмъ-нибудь вродѣ какихъ-нибудь чукчей. Пусть на немъ много грязи. Но въ его взглядахъ на жизнь, въ иныхъ его родовыхъ обычаяхъ, въ иныхъ уже сложившихся основаніяхъ общества и общины есть столько смысла, столько надежды въ будущемъ, что западные идеалы не могутъ къ намъ

подойти беззавѣтно. Не подойдут и потому, что не нашимъ племенемъ, не нашей исторіей они выжиты, что другія обстоятельства были при созданьи ихъ и что право народности есть сильнѣе всѣхъ правъ, которыя могутъ быть у народовъ и общества. Это аксіома слишкомъ извѣстная. Неужели повторять ее? Неужели повторять и то, что считающіе народъ несостоятельнымъ, готовые только обличать его за его грязь и уродство, считающіе его неспособнымъ къ самостоятельности, уже тѣмъ самымъ про себя презираютъ его? Въ сущности одинъ только нашъ журналъ признаетъ вполнѣ народную самостоятельность нашу, даже и въ томъ видѣ, въ которомъ она теперь находится. Мы идемъ прямо отъ нея, отъ этой народности, какъ отъ самостоятельной точки опоры, прямо, какая она ни есть теперь — невзрачная, дикая, двѣсти лѣтъ прожившая въ угрюмомъ одиночествѣ. Но мы вѣримъ, что въ ней-то и заключаются всѣ способы ея развитія. Мы не ходили въ древнюю Москву за идеалами; мы не говорили, что все надо переломить сперва понѣмцки и только тогда считать нашу народность за способный матерьялъ для будущаго вѣковѣчнаго зданія. Мы прямо шли отъ того, что есть, и только желаемъ этому что есть наибольшей свободы развитія. При свободѣ развитія мы вѣримъ въ русскую будущность; мы вѣримъ въ самостоятельную возможность ея.

И кто знаетъ, пожалуй насъ назовутъ обскурантами, непонимая, что мы можетъ-быть несравненно дальше и глубже идемъ, чѣмъ они, обличители наши, доказывая, что въ иныхъ *естественныхъ* началахъ характера и обычаевъ земли русской несравненно болѣе здравыхъ и жизненныхъ залоговъ къ прогрессу и обновленію, чѣмъ въ мечтаніяхъ самыхъ горячихъ обновителей запада, уже осудившихъ свою цивилизацію и ищущихъ изъ нея исхода. Возьмемъ хоть одинъ изъ многихъ примѣровъ. Тамъ, на западѣ, за крайній и самый недостижимый идеалъ благополучія считается то, что у насъ уже давно есть на дѣ-

лѣ, въ дѣйствительности, но только въ естественномъ, а не въ развитомъ, не въ правильно организованномъ состояніи. У насъ существуетъ напримѣръ такъ, что кромѣ ограниченнаго числа мѣщанъ и бѣдныхъ чиновниковъ никто не долженъ бы родиться бѣднымъ. Всякая душа, чуть выйдетъ изъ чрева матери, уже приписана къ землѣ, уже ей отрѣзанъ клочекъ земли въ общемъ владѣніи и съ голоду она умереть не должна бы. Если же у насъ, несмотря на то, столько бѣдныхъ, такъ вѣдь это единственно потому, что эти народныя начала до сихъ поръ оставались въ естественномъ, въ неразвитомъ состояніи, даже не удостоивались вниманія передовыхъ людей нашихъ. Но съ 19 февраля уже началась новая жизнь. Мы жадно встречаемъ ее.

Мы долго сидѣли въ бездѣйствіи, какъ-будто заколдованные страшной силой. А между тѣмъ въ нашемъ обществѣ начала сильно проявляться жажда жить. Черезъ это самое желаніе жить общество и дойдетъ до настоящаго пути, до сознанія, что безъ соединенія съ народомъ оно одно ничего не сдѣлаетъ. Но только чтобъ безъ скачковъ и безъ опасныхъ salto-mortale совершился этотъ выходъ на настоящую дорогу. Мы первые желаемъ этого. Оттого-то мы и желаемъ благовременнаго соединенія съ народомъ. Но во всякомъ случаѣ, лучше прогрессъ и жизнь, чѣмъ застой и тупой безпробудный сонъ, отъ котораго все коченѣетъ и все парализируется. Въ нашемъ обществѣ уже есть энтузіазмъ, есть святая, драгоценная сила, которая жаждетъ примѣненія и исхода. И потому дай-богъ чтобъ этой силѣ былъ данъ какой-нибудь законный, нормальный исходъ. Разумѣется свобода, данная этому выходу, хотя бы въ свободномъ словѣ, сама себя регулировала бы, сама себя судила бы и законно, нормально направила. Мы искренно ждемъ и желаемъ того.

Намъ кажется, что съ нынѣшняго года наша прогрессивная жизнь, нашъ прогрессизмъ (если можно такъ выразиться) долженъ принять другія формы и даже въ иныхъ

случаяхъ и другія начала. Необходимость народнаго элемента въ жизни становится очевидной и ощутительной. Иначе не будетъ основанія , не будетъ поддержки ни для чего , ни для какихъ благихъ начинаній. Это слишкомъ очевидно и на дѣлѣ въ этомъ согласны и прогресисты и консерваторы.

Мы уважаемъ всякое благородное начинаніе ; въ наше время, когда все запуталось и когда повсемѣстно возникаетъ споръ объ основаніяхъ и принципахъ, мы стараемся смотрѣть какъ можно шире и безпристрастнѣе, невпадая въ безличность, потому что имѣемъ свои собственныя убѣжденія , за которыя горячо стоимъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣмъ сердцемъ сочувствуемъ всему, что искренно и честно.

Но мы ненавидимъ пустыхъ, безмозглыхъ крикуновъ, позорящихъ все , до чего они ни дотронутся , марающихъ иную чистую, честную идею уже однимъ тѣмъ, что они въ ней участвуютъ ; свистуновъ , свистящихъ изъ хлѣба и только для того , чтобъ свистать ; выѣзжающихъ верхомъ на чужой , украденной фразѣ какъ верхомъ на палочкѣ и подхлестывающихъ себя маленькимъ кнутикомъ рутиннаго либерализма. Убѣжденія этихъ господъ имъ ничего не стоятъ. Не страданіемъ достаются имъ убѣжденія. Они ихъ тотчасъ же и продадутъ за что купили. Они всегда со стороны тѣхъ, кто сильнѣе. Тутъ одни слова, слова и слова, а намъ довольно словъ; пора ужъ и синицу въ руки.

Мы не боимся авторитетовъ и презираемъ лакейство въ литературѣ; а этого лакейства у насъ еще много, особенно въ послѣднее время , когда все въ литературѣ поднялось и замутилось. Скажемъ еще одно слово : мы надемся, что публика въ эти два года убѣдилась въ безпристрастїи нашего журнала. Мы особенно этимъ гордимся. Мы хвалимъ хорошее и во враждебныхъ намъ изданіяхъ и никогда изъ кумовства не похвалили худого у друзей нашихъ. Увы! неужели такую простую вещь приходится въ наше время ставить себѣ въ заслугу?..

Мы стоимъ за литературу, мы стоимъ и за искусство. Мы вѣримъ въ ихъ самостоятельную и необходимую силу. Только самый крайній теоретизмъ и съ другой стороны самая пошлая бездарность могутъ отрицать эту силу. Но бездарность, рутина отрицаютъ съ чужого голоса. Изъ съ руки невѣжество. Не за искусство для искусства мы стоимъ. Въ этомъ отношеніи мы достаточно высказались. Да и беллетристическія произведенія, помѣщенные нами, достаточно это доказываютъ.

Мы не станемъ говорить здѣсь о тѣхъ улучшеніяхъ, какія намѣрены сдѣлать въ будущемъ году. Читатели ихъ сами замѣтятъ.

Вотъ наша программа

ПРОГРАМА

I. ОТДѢЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Повѣсти, романы, рассказы, мемуары, стихи и т. д.

II. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ,

какъ о русскихъ книгахъ, такъ и объ иностранныхъ. Сюда же относятся разборы новыхъ пьесъ, поставленныхъ на наши сцены.

III. СТАТЬИ УЧЕБНОГО СОДЕРЖАНІЯ

Вопросы экономическіе, финансовые, философскіе, имѣющіе современный интересъ. Изложеніе самое популярное, доступное и для читателей, не занимающихся специально этими предметами.

IV. ВНУТРЕННІЯ ПОВОСТИ

Распоряженія Царства, событія въ отечествѣ, письма изъ губерній и пр.

V. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Полное ежемѣсячное обозрѣніе политической жизни государствъ. Извѣстія послѣдней почты, политическіе слухи, письма иностранныхъ корреспондентовъ.

VI. С М Ъ С Ъ

а) Небольшіе рассказы, письма изъ-за границы и изъ нашихъ губерній и пр.

б) Фельетонъ.

в) Статьи юмористическаго содержанія.

«Время» будетъ выходить въ 1863 году каждый мѣсяць, книгами въ 30 и болѣе листовъ большого формата.

Редакціею будутъ приняты всѣ мѣры къ правильной и скорой доставкѣ журнала подписчикамъ.

Цѣна изданію для Петербурга и Москвы **14 р. 50 коп.** Съ пересылкою и доставкою на домъ **16 р.** сер.

Подписка принимается для жителей Петербурга и Москвы, въ конторахъ журнала «Время» :

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ книжномъ магазинѣ Базунова, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Энгельгардъ.

ВЪ МОСКВѢ

Въ книжномъ магазинѣ Базунова, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ИНОГОРОДНЫЕ адресуютъ свои требованія просто : **Въ Ре-**

дацію журнала «Время» въ С. Петербургѣ. Почтамту извѣстно помѣщеніе Редакціи.

Редакція отвѣчаетъ за исправность доставки своего журнала только подписавшимся въ вышеозначенныхъ конторахъ или въ самой редакціи.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ **М. Достоевскій**

